Джеймс Клеменс

Звезда ведьмы

Схватка Повелительницы Книги и властителя Мрака продолжается...

Джеймс Клеменс

Век Дракона

Звезда ведьмы

Век
Дракона

JAMES CLEMENS

«Wit'ch Star»

Джеймс Клеменс

Звезда ведьмы

издательство
Москва

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
К48

Серия «Век Дракона» основана в 1996 году

James Clemens
WIT'CH STAR

Перевод с английского Н. Ефременковой

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн С. Шумилина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 20.06.08. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 36,96. Тираж 3000 экз. Заказ № 2850.

Оригинал-макет подготовлен издательством «Пилигрим»
(Санкт-Петербург)

Клеменс, Дж.

К48 Звезда ведьмы : [фантаст. роман] / Джеймс Клеменс; пер. с англ. Н. Ефременковой — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — 701, [3] с. — (Век Дракона).

ISBN 978-5-17-052248-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-9713-9026-8 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

Таинственная Книга, созданная последними магами Света в грозный час, когда королевство Аласия рушилось под натиском сил Тьмы, нашла свою истинную хозяйку.

Повелительница Книги, юная Елена, и ее соратники сумели не только нанести приверженцам Зла мощный удар, но и отыскать и уничтожить загадочные Врата, которые наделяют отворившего их огромной магической властью.

Однако Зло далеко еще не повержено.

Темный Лорд, затаившийся в своей грозной твердыне, собирает силы, готовясь вновь обрушиться на защитников Света. И, как утверждает странный шут, пробравшийся из твердыни Тьмы к Елене, у повелителя Мрака есть в запасе новое страшное оружие, справиться с которым Повелительнице Книги будет очень и очень непросто...

Елена готова действовать.

Но может ли она доверять словам перебежчика?..

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Jim Crajkowski, 2002
© Перевод. Н. Ефременкова, 2008
© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

Посвящается Спенсеру Ори за поддержание магии живой в новом поколении

ПРЕДИСЛОВИЕ

Джир'роб Сордун, доктор наук, магистр, руководитель университетских исследований

Я писал предисловие к первой книге и теперь – к последней.

Ни слова предупреждения не будет сказано здесь: это не принесет пользы. В своих руках вы держите последний из Келвийских Свитков, последний из богохульных трудов безумца с островов Келла. Либо вы готовы сопротивляться тому, что узнаете, либо нет. Либо вы получите малиновую ленту выпускника, либо будете вздернуты на виселице Золотого Древа. Так зачем же я обращаюсь к вам?

Ответ прост: сейчас – момент, когда будет открыта последняя истина. Впереди каждого учащегося ждет либо смерть, либо избавление. Сейчас – время отбросить ложные утверждения и неправильные представления ради верного понимания нашего прошлого... и нашего будущего. До того, как вы присоединитесь к тайному сообществу ученых Державы, последнее откровение должно быть явлено... истина, которую вы должны понять, прежде чем совершите последнее путешествие в сознание безумца.

И что же это за истина?

Автор не лжет.

Хотя это может показаться противоречащим предшествующим предупреждениям, на самом деле противоречия здесь нет. По существу, в большинстве случаев слова автора могут быть истолкованы как ложь – как утверждалось в предшествующих предисловиях и наставлениях. Но в историческом контексте безумец говорит правду. Древние запрещенные тексты подтверждают и доказывают, что истории о ведьме по имени Елена

Моринсталь – правда. Она существовала в реальности как личность, создавшая наш мир. Истории, рассказанные в Свитках, не фантазии, они реальность – наше истинное прошлое.

Но здесь кроется опасность. Повествование о последнем деянии ведьмы, которое вы прочитаете, угрожает нашему обществу. Его откровения могут принести разрушение и безумие всему в Державе. Это причина, по которой Свитки должны быть скрыты от необразованных масс.

Данный курс обучения подготовит вас к тому, чтобы стать стражами Державы. Некоторые истины подобны смертельному яду для непосвященных. Для защиты всего общества эти истины должны быть аннулированы, дискредитированы и не признаны.

Поэтому последние четыре года вы учились не верить тому, что читали и изучали. Начиная с сегодняшнего дня, вы будете балансировать на тонкой грани между реальностью и фантазией.

Ведьма существовала. Она создала на мир. В этом безумец Келла не лгал.

Однако автор остается лжецом на более широком уровне. В последнее деяние ведьмы, физическое деяние, можно поверить – но не в его последствия. Здесь совершенная ложь, опасность для общества, которая кроется в простых словах, произнесенных на Зимнем Эйри. Слова были сказаны – но были ли они правдой?

Я могу сказать, что это абсолютно не имеет значения. Правда или ложь, эти слова остаются проклятьем для Державы. Поэтому сам факт того, что ведьма некогда существовала, должен отрицаться. Это самый безопасный путь из всех.

Следовательно, поскольку вы читаете эту последнюю книгу, вы должны принять две противоположных истины:

автор лжет;

автор не лжет.

Настоящий ученый должен научиться балансировать на грани между этими двумя утверждениями. По обе стороны этой грани лежат только смерть и разрушение.

Передача ответственности за Пятую Книгу

Данная копия передается вам под вашу единоличную ответственность. Ее потеря, изменение либо уничтожение повлечет за собой определенное наказание (утвержденное постановлениями местных муниципальных органов). Любая передача, копирование и даже чтение вслух в присутствии лиц, не входящих в число учеников вашего класса, строго запрещено. Поставив свою подпись ниже и поместив отпечатки своего пальца, вы принимаете всю ответственность на себя и освобождаете университет от ответственности за любой вред, который данный текст причинит вам (либо кому-то из вашего окружения) при прочтении.

_____ _____

Подпись *Дата*

Поместите покрытый чернилами пятый палец своей правой руки здесь:

***** ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ *****

В случае если вы получили данный текст откуда-либо, кроме университетских источников, пожалуйста, закройте эту книгу немедленно и уведомите соответствующие структуры власти о добровольном возврате книги. Нарушение данного положения может привести к вашему немедленному аресту и заключению в тюрьму.

Вы были предупреждены.

ЗВЕЗДА ВЕДЬМЫ

Когда уходит долгая ночь,
приходит последний свет магии.

Странно мечтать о смерти солнечным весенним днем.

Повсюду на островах Келла жизнь пробуждается под теплым солнцем. С тех пор как дни стали дольше, бриз доносит с побережья звенящий детский смех. Холмы зазеленели, и нежные цветы тянутся к свету. Распахнуты ставни, и в ящиках на подоконниках высажены растения. Это время возрождения.

Но я смотрю из окна моего чердака на всю это яркость красок и знаю, что смерть лишь отсрочена. Закончится это пышное цветение, и я уйду. Обещание ведьмы освободить меня от бесконечной череды времен года никогда не ощущалось сильнее. Эта мысль доставляет наслаждение.

На столе я собрал инструменты моего ремесла, и меня не волнует, сколько бы они стоили, вздумай я их продать, расставаясь со своим достоянием, как змея сбрасывает кожу. Тончайший пергамент из Виндхема, лучшие чернила, поставляемые торговцами в Дабау, прекрасные перья снежных цапель, что водятся в городе множества каналов Куэ-куэй за морем.

Все приготовлено и ожидает последней истории, чтобы рассказать ее. Словно алхимик, я буду вызывать смерть из чернил и пергамента.

Но я чего-то жду. Пыль начинает покрывать свернутый пергамент и крошечные пузырьки чернил. Почему? Не из-за сомнений в обещании ведьмы или страха смерти в этот весенний

день. В самом деле, вначале я думал, что просто оттягиваю конец, стараясь отсрочить его, словно жестокие мучения.

Но я ошибался. Причина намного проще.

Я понял это в то утро, когда смотрел на ветвь дерева из своего чердачного окошка, где маленькая какора свила свое устеленное перьями гнездо. Хохолок птицы сверкающе-черный, а грудка ярко-красная, как если бы ей перерезали горло. Она проводит день, охотясь на летающих насекомых или роясь в грязи внизу между снующими работниками. В основном ее гнездо пустует, предоставляя моему пустому взору три отложенных ею яйца.

Несколько дней я смотрел на эту маленькую кладку, пытаясь разгадать загадку, которая крылась в гладких скорлупках, в маленьких коричневых пятнышках на голубом фоне. И что же?

Это открылось мне в то утро. Каждое яйцо – символ бесконечных возможностей жизни. Какой путь лежит перед этими птенцами? Все они могут умереть до того, как вылупятся, задохнувшись в своей собственной скорлупе. Или один может быть пойман подкравшимся котом, когда будет учиться летать, другой умрет от болезни или голода или вернется следующей весной в это же самое гнездо, чтобы создать новую семью, начав жизненный цикл снова. Так много возможностей, так много путей внутри яиц, чей размер не превышает размер моего большого пальца.

Бесконечные возможности жизни... вот что я открыл для себя в то утро.

Что это значит для меня? Что я отброшу свое стремление к смерти и снова приму жизнь?

Нет... Конечно, нет.

Когда я смотрел на эти яйца, я понял, что не открывающиеся возможности делают жизнь достойной прожить ее, а то, что у каждого свой неповторимый путь от рождения до могилы, который делает значимой жизнь каждого существа.

То, о чем я умолял ведьму и что она дала мне одновременно как дар и как проклятие – бесконечную жизнь, на самом деле достойно жалости. Когда все эпохи проходят нескончаемой чередой перед тобой, возможности жизни становятся беско-

нечными. Когда все пути открыты для тебя, ты живешь только в воображении – но никогда реально. Когда так много путей, легко потерять себя.

Хватит. Тем утром, глядя на яйца, я знал, что устал от возможностей, и хотел одного: увидеть мою жизнь снова определенной.

Начало, середина и конец.

Итог жизни – я хотел вернуть его.

И вот я снова соединяю чернила с бумагой, призывая жизнь и слова сквозь алхимию написанного. Каждая буква приближает меня к смерти, приближает меня к тому моменту, когда смысл вернется в мою жизнь.

Знала ли ведьма это уже тогда? Неужели она милосердно оставила мне последний шанс?

Посмотрим.

Меня уже уносит в иные времена, далеко отсюда. Следуйте за мной на звон колокольчиков, где последний актер, опоздавший на празднество, выходит на сцену. Вы его видите? У него голубая кожа и пестрый наряд. Он играет роль шута.

Наблюдайте за ним внимательно...

Книга первая

Быстрина

Глава 1

Сидя на Троне Розового Шипа, Елена изучала представшую перед ней загадку. Маленький чужеземец, одетый в ворох шелка и льна, казался мальчиком с гладким, лишенным морщин лицом, но он явно не был мальчиком. Слишком уж он оставался спокоен под пристальными взглядами собравшихся в Большом Зале. В его глазах светилась ирония, как будто происходящее его забавляло; хотя были в них и горечь, и усталость. А линия его губ с тенью улыбки оставалась жесткой и холодной.

Он казался простаком, но вызывал у Елены болезненное чувство беспокойства.

Чужеземец упал перед ней на одно колено, сдернув свою пижонскую шляпу. Множество колокольчиков – оловянных, серебряных, золотых и медных, которыми была расшита его одежда, – чисто зазвенели.

Рядом с крошкой встала более высокая фигура – принц Тиламон Ройсон, лорд замка Мрил, что на севере. Ставший пиратом принц на этот раз отказался от своей обыкновенной элегантности и был одет в потертые сапоги и изъеденный солью черный плащ. Его щеки раскраснелись, а песочного цвета волосы

были растрепаны. Он высадился в гавани острова, как только поднялось солнце, и немедленно запросил аудиенции у Елены и ее военного советника.

Принц опустился на одно колено, затем указал жестом на чужестранца:

– Могу я представить Арлекина Квэйла? Он пришел издалека и принес вести, которые вам следует услышать.

Елена жестом велела им обоим встать:

– Поднимись, лорд Тайрус. И добро пожаловать.

Она внимательно смотрела на Арлекина, пока он поднимался на ноги, сопровождаемый хором звенящих колокольчиков. Этот человек в самом деле прибыл издалека. Его лицо имело странный цвет: бледное до синевы, как будто он постоянно задыхался. Но самым поразительным были его яркие глаза – сияющее золото, полное лукавства.

– Я извиняюсь за то, что побеспокоил тебя столь рано в это солнечное утро, – лорд Тайрус говорил бесстрастно, расправляя свой потрепанный плащ, как будто впервые заметил его плачевное состояние.

Эррил, вассал и муж Елены, заговорил со своего места позади трона:

– Что за срочность, лорд Тайрус? У нас нет времени на дураков и шутов.

Елене не нужно было смотреть на него, чтобы знать, что стендаец по обыкновению мрачно хмурит брови. Она видела это достаточно часто за последние два месяца, с тех пор как мрачные вести стали приходить в Аласию: поставки продовольствия на остров прекратились из-за монстров и странной погоды; города страдали от пожаров и эпидемий, а за пределами городских стен свободно разгуливали жуткого вида чудовища.

Но худшая беда стряслась еще ближе к дому.

Стихии, чей немногочисленный народ жил в гармонии с энергией Земли, становились жертвами какой-то пугающей болезни. Мираи теряли свое чувство моря и свою связь с драконами; эльфийские корабли не могли преодолевать большие расстояния или взмывать высоко под небеса; а теперь еще и Нилан сообщила, что голос ее лютни слабеет, по мере того как

ее покидает дух дерева. И было ясно, что это далеко не все. Магия стихий уходила, словно кровь, вытекающая из жестокой раны.

Как следствие, все были подавлены стремительно уходившим временем. Если они будут вынуждены выступить против Гульготы, это нужно делать скоро – до того как их силы ослабеют еще больше и дары Земли будут исчерпаны. Но их армии были рассредоточены. Поход на цитадель Темного Лорда, вулканический Блэкхолл, может начаться не раньше следующей весны. Эррил сказал, что они смогут собрать все свои армии не раньше середины зимы. Блэкхолл получит большое преимущество, если нападет на остров, когда северные моря страдают от жестоких штормов.

Но самое раннее, на что они могут рассчитывать, – это весна, когда утихнут зимние шторма.

Впрочем, Елена начинала сомневаться, будут ли они готовы даже тогда. Так много еще оставалось неизвестного! Толчук еще не вернулся из своих земель; вот уже два месяца минуло, как вместе с Фердайлом и горсткой остальных он отправился, чтобы найти у старейшин огров ответ на вопрос, есть ли связь между черным камнем и камнем сердца. Многие эльфийские корабли-разведчики, шпионившие за Блэкхоллом, так и не вернулись. Армия дварфов, возглавляемая Веннаром, послала воронов с сообщением, что их силы все еще собираются возле Пенрина. Командиру дварфов необходимо было больше времени, чтобы собрать своих людей. Но времени было мало у всех.

И теперь эти срочные вести издалека.

Лорд Тайрус повернулся к своему спутнику.

– Арлекин, скажи им все, что тебе известно.

Коротышка кивнул.

– Я принес вести одновременно обнадеживающие и мрачные.

В его руке, словно по волшебству, возникла монета. Неуловимым движением он подбросил ее высоко в воздух. Свет факела сверкнул на золоте.

Взгляд Елены проследил танцующий взлет монеты и ее падение. Затем она вздрогнула: странный малый оказался прямо

возле ее трона, он стоял, наклонившись вперед. Он пересек разделявшее их пространство за мгновение, равное удару сердца, и совершенно бесшумно, несмотря на сотню колокольчиков, нашитых на его костюм.

Даже Эррил был застигнут врасплох. С рычанием он выхватил меч и обнажил его, встав между королевой и шутом:

– Это что еще за трюки?!

Вместо ответа коротышка поймал падающую монету на вытянутую ладонь и, фамильярно подмигнув Елене, отступил на два шага назад, вновь вызвав перезвон колокольчиков.

Лорд Тайрус заговорил, холодно улыбнувшись:

– Не будьте обмануты его шутовством. За последние десять зим Арлекин был лучшим из моих шпионов и лучшим, кто когда-либо служил Пиратской Гильдии в Порт Роул. Нет лучших глаз и ушей, чтобы незаметно разнюхать что-то.

Елена выпрямилась:

– Так может показаться.

Эррил опустил меч, но не стал убирать его в ножны:

– Довольно трюков. Если у него есть новости, давайте послушаем.

– Если просит стальной человек, так тому и быть, – Арлекин поднял золотую монету, выставив ее на всеобщее обозрение, и она сверкнула, отразив огонь факелов. – Сначала хорошие новости. Вы нанесли Черному Сердцу больший урон, чем могли ожидать, когда разрушили его черные статуи. Он утратил свою драгоценную армию дварфов, и теперь у него остались лишь монстры да люди, чтобы защищать его логово на вулкане.

Тайрус вмешался:

– Арлекин провел последние полгода в разведке у Блэкхолла. Он многое разузнал о силах Темного Лорда – у него есть карты, чертежи и планы.

– И как же он все это получил? – проворчал Эррил.

Арлекин нахально ответил, не глядя на него:

– Утащил из-под носа лейтенанта Темного Лорда. Твой братец, не так ли?

Елена бросила взгляд на Эррила и увидела гнев в его глазах.

– Он мне не брат, – ответил холодно ее вассал.

Елена напряженно проговорила:

– Ты был внутри самого Блэкхолла?

И в этот момент маска невозмутимости на лице Арлекина дала трещину. Елена заметила что-то болезненное и темное по ту сторону.

– Верно, – прошептал он. – Я прошел по его чудовищным залам и заполненным тенями покоям – и я молюсь, чтобы это никогда больше не повторилось.

Елена подалась вперед:

– Ты также упоминал о мрачных новостях, мастер Квэйл?

– Мрачные новости, в самом деле, – Арлекин поднял руку и разжал пальцы, сжимавшие монету. Но вместо золота на ладони был кусочек угля. – Если вы хотите одержать победу над Черным Сердцем, это должно быть сделано к Середине Лета.

Елена нахмурилась.

– За один месяц?

– Невозможно, – ухмыльнулся Эррил.

Арлекин встретился с Еленой взглядом своих странных золотых глаз.

– Если вы не остановите Черного Зверя до следующего полнолуния, вы все будете мертвы.

Мерик мчался по «Штормовому Крылу». Его ноги легко бежали по знакомым доскам настила, перемахивали через перила и перепрыгивали через препятствия на палубе, а взгляда он не сводил с неба. Сквозь утренний туман было хорошо видно черную точку, падавшую с неба. Это был один из кораблей-разведчиков, возвращавшийся из земель и морей, окружающих вулканический остров Блэкхолла.

Что-то было не так.

Добравшись до носа своего корабля, Мерик поднял руки и послал свою силу вовне. Поток энергии прошел через его тело и устремился в небо, ринувшись наверх, чтобы влиться в пустой сосуд, в который превратился стальной киль другого корабля. Мерик отдал ему свою силу, но корабль продолжал падение в воды, омывающие Алоа Глен.

Сражаясь с неотвратимым, Мерик ощутил вес другого корабля на своих плечах. Эта тяжесть заставила его опуститься на колено, в то время как «Штормовое Крыло», истощившее собственную магическую энергию, начало спускаться ниже к гавани.

С трудом дыша от напряжения, Мерик отказывался сдаваться. «Небесная Мать, помоги мне!»

Он сейчас видел двумя парами глаз: одни смотрели вверх, другие – вниз. Звено меж двух кораблей, он ощущал слабое биение сердца капитана второго корабля, Фрелиши – его троюродной сестры по матери. Она была едва жива. Она должна была отдать все свои силы, чтобы привести корабль так близко к дому.

Стоя внизу, Мерик прошептал ветру:

– Не сдавайся, сестра.

Он был услышан. Через магическую связь его достигли последние слова капитана: «Мы преданы!»

Последним усилием сердце, которое Мерик чувствовал между своими поднятыми руками, ударило еще один раз и остановилось навсегда.

– Нет! – Мерик упал на второе колено.

Мгновение спустя огромная тень прошла мимо правого борта корабля. Грохот ломающегося дерева и чудовищный всплеск воды совсем рядом показались ему далекими. Мерик опустился на доски настила, склонив голову. Пока тревожный колокольный звон растекался над гаванью и в панике нарастали крики, его губы шептали одно слово:

– Преданы...

Нилан сидела в Большом внутреннем дворе крепости; она увидела, как дети прекратили игру, услышав колокола, звеневшие над пристанью по ту сторону крепостных стен. Ее пальцы замерли над струнами лютни.

Что-то случилось в гавани.

В нескольких шагах от нее маленький Родрико опустил палку, изображавшую меч, и взглянул на мать. Его противник в «сражении» – ребенок Дреренди по имени Шишон – запро-

кинула голову, прислушиваясь к шуму, позабыв про свой собственный «меч».

Нилан поднялась с колен и закинула лютню на плечо, случайно задев тонкий ствол коаконы позади. Листья затрепетали. Хрупкое деревце было таким тщедушным, что с трудом выдерживало собственную тяжелую летнюю листву – как и мальчик, что был ею связан с ним.

– Родрико, уходи отсюда, – сказала Нилан, обращаясь к мальчику.

Родрико был нескладным и неуклюжим. «Слава Матери, уже почти закончился период быстрого роста». Теперь и дерево, и мальчик смогут расти постепенно.

– Шишон, ты тоже, – добавила Нилан. – Давайте взглянем, не готова ли уже ваша овсянка на кухне.

Когда Нилан выпрямилась, ее босые ноги коснулись плодородной земли у подножия дерева, и она почувствовала, как энергия переходит к ней от почвы. Она подготавливала себя к тому, чтобы войти в каменные стены замка. Чувствуя, что ей не хочется уходить, она вбирала в себя силу корней.

Сады Большого внутреннего двора были на пике летнего цветения. Крошечные белые цветы оплетали инкрустированные слоновой костью стены. Кизил стоял усыпанный опавшими лепестками. Покрытые алыми ягодами аккуратно постриженные кусты окаймляли вымощенные белыми камешками дорожки. Но самыми прекрасными были сотни розовых кустов, которые посадили недавно. Они буйно цвели: рдеющий розовый, сумрачный пурпурный, медово-золотой. Даже морской бриз обретал цвет и осязаемость благодаря их сладкому аромату.

Но было нечто более важное, чем красота, что удерживало ее здесь, ибо только этот внутренний двор был ее прошлым, настоящим и ее будущим, собранным в одном месте: лютня, заключавшая в себе сердце ее возлюбленного; дерево, которое выросло из семени, связанного с ней, и мальчик, в котором воплощались все надежды народа нимфаи.

Вздохнув, Нилан взъерошила гриву блестящих на солнце вихров на голове Родрико и протянула мальчику руку. Так много надежды в таком маленьком теле!

Шишон потянулась к другой руке Родрико. Перепонки на руках девочки Дреренди отмечали ее как связующее звено между бороздящими моря Кровавыми Всадниками и живущими в океане мираи. Родрико взял ее за руку. В последние месяцы эти двое детей, одинаково необычные, стали практически неразлучны.

– Давайте посмотрим, готова ли еда, – сказала Нилан, оборачиваясь.

Она пошла прочь, но Родрико не сдвинулся с места.

– Мама, что насчет Песни Деревьев? Ты обещала, что я смогу попробовать.

Нилан открыла было рот, чтобы возразить. Ее волновало, что же случилось в гавани, но тревожные колокола уже затихали.

– Ты обещала, – повторил Родрико.

Нилан нахмурилась, затем посмотрела на дерево. Она обещала. И в самом деле для него пришло время научиться собственной песне, но она все колебалась, не желая отпускать его.

– Я уже большой. И этой ночью луна полная!

Нилан не нашлась, что возразить. По традиции среди нимфаи первое полнолуние лета было временем, когда юные связывали себя с молодыми деревьями, когда дитя и семя становились женщиной и деревом.

– Ты уверен, что ты готов, Родрико?

– Он готов, – ответила Шишон, ее маленькие глаза были удивительно уверенными. Нилан слышала, что этот ребенок одарен магией моря, способностью чувствовать за горизонтом, что грядет. Рэйджор мага, как это называла Дреренди.

– Пожалуйста, мама, – умоляющим голосом сказал Родрико.

Колокола в гавани стихли.

– Ты можешь попробовать. Но сейчас нужно отправиться на кухню, пока повар не разозлился.

Лицо Родрико просияло словно солнце, пробившееся сквозь тучи. Он повернулся к Шишон:

– Пойдем. Мне нужно подготовиться.

Шишон, всегда куда более рассудительная, нахмурилась:

– Тебе следует поторопиться, если нам нужно закончить до того, как закроются кухни.

Нилан кивнула:

– Иди, но не расстраивайся, если у тебя не получится. Может быть, следующим летом...

Родрико кивнул, хотя явно не слышал ее слов. Он подошел к дереву и опустился на колени. Его ноги были такими же тонкими, как ветви молодого деревца. Наступал переломный момент в судьбе всего народа, ибо Родрико был первым нимфаи мужского пола. И дерево, и мальчик были уникальны – результат союза дерева Нилан и Мрачного духа Сецелии. Кто мог знать, что древние песни и легенды говорили правду?

Нилан затаила дыхание.

Родрико прикоснулся к стволу дерева и провел ногтем по коре. Показалась капля древесного сока, и песня молодого дерева поднялась из его сердцевины и вырвалась наружу – для Родрико. Нилан слушала одновременно ушами и сердцем. Мальчик либо сможет стать созвучным дереву, либо будет отвергнут. Она не знала, на что она больше надеялась. Часть ее хотела, чтобы у него не получилось. Она провела с ним так мало времени, меньше, чем одну зиму...

Родрико уколол палец шипом розы, и выступила капля крови. Он прикоснулся своим кровоточащим пальцем к текущему соку дерева.

– Пой, – прошептала Нилан. – Позволь дереву услышать твое сердце.

Он глянул на нее через плечо, в его глазах светился страх. Мальчик чувствовал значительность момента.

«Пой», – велела ему Нилан безмолвно.

И он сделал так, как она хотела. Его губы открылись, и, когда он выдохнул, мелодичные звуки слетели с них. Его голос был столь звонок, что солнце бледнело рядом с ним. Мир вокруг потемнел, как если бы ночь пришла раньше времени, но вокруг дерева сиял свет – все ярче и ярче.

И в ответ послышалась песня дерева – словно цветок потянулся к солнцу. Сначала неуверенно, но затем все сильнее и сильнее, мальчик и дерево пели Древесную Песнь.

И в этот момент Нилан поняла, что у мальчика получилось. Слезы потекли по ее щекам – равно от облегчения и чувства

потери. Теперь не было пути назад. Она ощущала волны стихийной магии, исходящие от мальчика и дерева, переплетающиеся настолько тесно, что уже нельзя было сказать, где заканчивается один и начинается другой.

Две песни стали одной.

Нилан обнаружила, что стоит на коленях, хотя не помнила, чтобы двигалась. Песнь Деревьев заполняла весь мир. Нилан никогда не слышала ничего подобного.

Она взглянула на тонкие ветви: она знала, что сейчас произойдет. Листья начали трепетать, как если бы их тревожил сильный ветер. Каждая ветвь была наполнена Песнью Деревьев и стихийной энергией. А дерево и мальчик пели в единой гармонии, и их голоса становились все громче и все прекраснее. В них отчетливо звучали усиливающиеся напряжение и ожидание.

Другого пути не было: магия, наполнявшая каждую ветвь, не имела иного выхода.

На конце каждой крошечной ветви набухли бутоны, выросшие из магии и крови. От союза мальчика и дерева Песнь Деревьев обретала физическое воплощение в виде лепестков.

Он – они – сделали это.

Родрико с трудом дышал – от радости и от боли.

Постепенно Песнь Деревьев затихала, словно утомившись, уходила обратно к своему источнику. Летнее солнце вернулось во внутренний двор.

Родрико обернулся, его маленькое лицо светилось счастьем и гордостью.

– Я сделал это, мама, – его голос стал глубже, богаче, почти голос мужчины. Но он не был мужчиной. Она слышала отголоски магии в его голосе. Он был нимфаи. Он снова повернулся к дереву:

– Теперь мы едины.

Нилан оставалась безмолвна, пристально глядя на дерево. «Что мы наделали? – подумала она. – Милосердная Мать, что мы наделали?»

На ветвях в самом деле были бутоны – символ нового союза. Первый раз они смогут распуститься этим вечером, как взойдет

первая летняя луна. Но цветы Родрико не были яркими фиолетовыми цветами нимфаи, драгоценностями среди зелени. Вместо этого на конце каждой ветви виднелись бутоны цвета темной свернувшейся крови, и в них мерещилась та же ночная тень, что и в Мрачных духах.

Нилан закрыла лицо руками и зарыдала.

– Мама, – сказал Родрико, стоя рядом с ней, – что с тобой?

Глубоко под землей под Большим внутренним двором Джоах пробирался по узкому туннелю. Ему потребовался целый месяц, чтобы отыскать этот тайных ход. Большая часть тайной системы туннелей под Эдифайсом лежала в руинах, обвалившись во время пробуждения Рагнарка от его каменного сна. Джоах помнил этот день: свое собственное мучительное бегство из плена у Грешюма, его побег вдвоем с братом Морисом, битва в сердце острова. Хотя меньше двух зим прошло с тех пор, сейчас казалось, что минули эпохи. Он был старым человеком, его юность была украдена у него.

Джоах отдыхал, тяжело опираясь на каменный посох – кусок серого окаменевшего дерева с зелеными кристаллами. Конец посоха слабо светился, освещая путь. Лишь маленькая частица темной магии осталась в этой жуткой штуке.

Его пальцы крепче обхватили посох, ощущая слабую пульсацию оставшейся внутри силы. Ему пришлось заключить скверную сделку с Грешюмом за этот кусок окаменелого дерева. Это стоило Джоаху его молодости и превратило его в сморщенную и слабую тень себя прежнего. Стоя глубоко под землей, Джоах чувствовал тяжесть камня, давящую на его плечи. Сердце глухо стучало в ушах. Ему пришлось потратить все утро, чтобы вскарабкаться по длинной потайной лестнице и в конечном итоге оказаться здесь.

«Осталось совсем чуть-чуть», – уговаривал он самого себя.

Это прибавило ему сил, и он продолжил путь, молясь о том, чтобы пещера, которую он искал, оказалась нетронутой. Когда он достиг конца туннеля, ему пришлось убирать в сторону клубок спутанных корней, закрывающих вход. Они рассыпались от его прикосновения.

Он поднял посох и вытянул его вперед.

Там ждала пещера.

Джоах вздохнул с облегчением и вошел внутрь. Над его головой свисали корни растений, напоминавшие болотный мох. Они были желтыми и хрупкими. Даже тоненькое деревце Родрико наверху протянуло свои корни сюда, в эту пещеру-могилу. Здесь было царство смерти.

Джоах нашел некоторое утешение в здешней мрачности. По ту сторону стен замка летние дни были слишком яркими, там было слишком много зелени и все дышало возрождением. Он предпочитал тени.

Измученный, чувствуя боль в ногах, он продвинулся вперед. Пол комнаты устилали обломки камня и истлевшие тела мертвецов. Какие-то крошечные создания разбежались, напуганные мутным светом его посоха. Джоах не обратил на них никакого внимания и поднял посох выше. На стенах остались старые отметины от огня – напоминание о битве между Шорканом и Грешюмом. Они выглядели словно какие-то древние письмена, сделанные углем.

Если бы он только мог понять их...

Джоах вздохнул. Столь много было закрыто для него! Он провел последние несколько месяцев в библиотеках, уйдя с головой в тексты, свитки и манускрипты. Если он надеется вернуть свою молодость, ему нужно понять, при помощи какой магии она была украдена. Но он был всего лишь учеником в том, что касалось Черных Искусств, а отсюда было далеко до истинного понимания. Ему удалось найти лишь одну зацепку: Рагнарк.

До того как соединиться с Кастом, дракон был замурован в камне в сердце острова в течение неисчислимых лет, впитывая стихийную магическую энергию и наполняя ею камни и кристаллы вокруг. Единственная надежда на возвращение молодости крылась в загадке магии снов. Джоах потерял свою молодость в пустыне сновидений – свою молодость и кое-что еще.

Он закрыл глаза, вновь почувствовав ток крови в своей руке, едва слышно отдававшийся в ушах.

– Кесла, – прошептал он в темноту пещеры мертвецов. Она, как и Рагнарк, была существом из сна.

Если все его беды пришли из страны сновидений, то, возможно, и исцеление лежит там же. Эта смутная надежда заставила его спуститься в глубь острова.

У него был план.

Используя свой посох как костыль, Джоах проковылял по костям и осколкам камня. Хотя Рагнарк давно покинул это место, дракон спал в этой пещере так долго, что каждый камень, каждый осколок кристалла был напоен его магией. Джоах намеревался использовать эту стихийную магию в своих целях.

Как и Грешюм, Джоах умел сплетать сны. Но, в отличие от темного мага, Джоах был и ваятелем снов: он обладал способностью создавать из сна нечто материальное. Если Джоах надеялся забрать свою молодость у Грешюма, ему стоило отточить свое искусство. Но для начала ему нужна энергия. Ему нужна энергия снов.

Джоах встал в центре полуразрушенной пещеры и медленно повернулся кругом, осматривая ее. Он чувствовал изобилие энергии здесь. Он повесил посох на сгиб своей покалеченной правой руки и достал кинжал. Зажав рукоять зубами, он сделал надрез на левой ладони. Когда показалась кровь, он выплюнул кинжал и поднял порезанную ладонь. Сжав кулак, он выжал кровь на каменный пол. Капли разбивались о его ноги.

Подготовившись, Джоах позволил своим глазам закрыться, переходя в состояние сна. В пещере становилось светлее, по мере того как камни и стены вбирали в себя мягкое свечение остаточных энергий – эхо драконьих сновидений.

Улыбка появилась на тонких губах Джоаха.

Используя магию в своей крови, он привязывал эти энергии к себе, сплетая их воедино – так, как он умел от рождения. Как только все было сделано, Джоах снова взял посох окровавленной левой рукой. Он поднял оружие и вновь медленно повернулся вокруг своей оси, втягивая магию в посох. Он поворачивался и поворачивался, у него кружилась голова, но он не останавливался до тех пор, пока последняя частица магии не вошла в кусок окаменевшего дерева, слившись с камнем воедино.

Посох стал холодным на ощупь, он подрагивал от переполнявшей его энергии. Кристаллы по всей его длине ярко сияли, разгораясь все ярче, хотя в пещере стало темнее.

Вскоре вокруг Джоаха не осталось ничего, кроме тьмы.

Удовлетворенный, он опустил посох и оперся на него, чувствуя, как подкашиваются ноги. Он пристально смотрел на свою опору. Зеленые кристаллы испускали явственное сияние. Плечи Джоаха расслабились. Он сделал это! Он привязал энергию к посоху.

Все, что осталось, – это привязать посох к себе, чтобы обрести полную власть над его возможностями. Сплетение Снов само по себе не могло дать ему ту привязку, в которой он нуждался. Была необходима более глубокая связь, и он знал способ: было одно старинное заклятье, правда, за него нужно было заплатить немалую цену – как и за все, что дает большое могущество. Но что такое несколько потерянных зим, когда столь многое было украдено у него? К тому же он уже сталкивался с этим заклинанием прежде, когда Елена наложила его на старый посох Грешюма, «перековав» его. Так почему бы и не попробовать еще раз? Почему не наложить его своей собственной рукой на этот новый посох, полный энергий сна?

Чтобы бросить вызов Грешюму, ему было необходимо мощное оружие и умение пользоваться им. И был лишь один способ быстро получить это умение.

Он должен превратить этот посох в оружие крови.

Джоах внутренне подготовился, сконцентрировавшись на красных каплях, стекающих по поверхности посоха. Это не было особенно сложное заклинание – проще, чем вызывание магического огня. Медлить его заставляло другое – цена. Он помнил, как внезапно старше стала Елена.

Но слишком поздно было отступать. Не дожидаясь момента, когда он откажется от этой идеи, Джоах высвободил заклятье в потоке слов и воли.

Эффект наступил незамедлительно. Он почувствовал, как часть его жизненной силы вышла из него и через его кровь ушла в посох.

Задыхаясь, он упал на колени. В глазах помутилось, но он отказывался отдавать себя тьме. Он дышал глубоко, хватая ртом воздух, словно тонущий человек. Наконец зрение прояснилось. Пещера медленно поворачивалась.

Джоах положил посох на колени и уставился на свою руку, сжимающую дерево. Как и его сестру, заклятие состарило его немедленно. Ногти на его руках стали длинными и загибались; кожа сморщилась. Действительно ли стоило приносить в жертву отпущенные ему зимы?

Он поднял свой посох. Серое дерево теперь стало белым как снег. Зеленые кристаллы, пылающие энергией снов, ярко выделялись на его поверхности, как и кровь, вытекающая из сжимающей его иссохшей руки. С каждым ударом его сердца кровь стекала по дереву дальше, связывая дерево и тело, приковывая посох к его владельцу.

Джоах заставил себя подняться на ноги. Когда Елена «перековала» старый посох Грешюма, Джоах стал искусным в обращении с ним. Будет ли это так и на сей раз? Даст ли это ему, как он надеялся, способность управлять магией сна, вплетенной в посох?

Закатав рукав плаща, Джоах стал рассматривать обрубок своей правой руки, которую он потерял из-за кровожадного чудовища Грешюма. Если Джоах сможет исцелить руку, тогда, возможно, есть надежда – не только для него, но для них всех. Великая война наступала, и Джоах не хотел оставаться дома вместе с детьми и немощными.

Он потянулся к посоху. Когда обрубок его запястья коснулся окаменелого дерева, Джоах усилием воли направил свою магию – на этот раз не сплетая, а ваяя.

Из обрубка запястья возник фантом кисти. Призрачные пальцы сомкнулись на посохе. Ноги Джоаха подгибались, но он использовал свою связь с посохом через кровь, чтобы дотянуться до энергий сна. Постепенно эфемерная рука становилась материальной, обретая осязаемость. Пальцы, только что бывшие призрачными, вернулись на место. Джоах мог чувствовать ими дерево, из которого был сделан посох, и острые края кристаллического камня.

Он поднял посох своей изваянной из сна рукой и задержал ее в воздухе. Кровь продолжала питать посох через его призванную магией руку.

Сон действительно стал материальным!

Он чувствовал дрожь силы внутри себя. Темная магия и энергии сна, соединившись, были в его распоряжении! Он вспомнил девушку с глазами цвета сумерек, и его губы шевельнулись в клятве отмщения. Он найдет Грешюма и заставит его заплатить за украденное, заставит их всех заплатить за все, что Джоах потерял среди песков.

Джоах опустил посох, затем перевязал раненую руку, снова взял посох и сжал его, укрепляя связь между плотью и окаменевшим деревом. По мере того как кровь покидала белое дерево, оно вновь становилось серым. Отныне он будет хранить свое новое оружие крови в секрете.

Джоах поднял правую руку и пристально посмотрел на кисть, изваянную из стихийной энергии. Как бы там ни было, не стоит никому ее видеть. Возникнет слишком много вопросов... И, кроме того, это заберет драгоценную энергию. Взмахнув рукой, он распустил сплетенный рисунок, и, словно задутая свеча, кисть перестала существовать, вновь став всего лишь сном.

Опираясь на посох, Джоах направился к выходу из пещеры.

Еще придет время открыть свой секрет. Но сейчас ему следует хранить это знание внутри своего больного сердца, рядом с памятью о девушке с рыжеватыми волосами и самыми нежными на свете губами.

Елена сидела в кресле в своей комнате возле догорающих к утру углей. Остальные сидели или стояли возле камина. Трое слуг принесли кружки с кофе и расставили блюда, полные еще теплых овсяных бисквитов, нарезанных ломтиками яблок, сыра и свинины со специями.

Эррил встал возле ее плеча. Если бы Елена повернула голову, ее щека коснулась бы его руки, сжимавшей спинку ее кресла. Но сейчас было не время полагаться на его силу. Елена села прямо, сложив руки на коленях. Ее лицо выражало беспокойство. Один месяц...

Арлекин Квэйл ждал у огня, вглядываясь в угли, словно хотел увидеть какое-то знамение в их последних отсветах. Он теребил серебряный колокольчик на своем камзоле, ожидая, когда слуги уйдут.

Гам, поднявшийся на совете после сообщения чужеземца, сделал невозможным продолжение. Разразившись гневными выкриками и отказами верить, собрание оставалось глухо к попыткам его урезонить.

Но спустя минуту собрание было отвлечено тревожными колоколами. Весть о том, что эльфийский корабль-разведчик упал в море, дошла до них быстро. Елена объявила, что военному совету необходимо сделать перерыв.

Эррил что-то пробурчал, стоя рядом с ней.

– Где Мерик?

– Он будет здесь, – ответила Елена.

Словно доказывая ее слова, раздался стук в дверь. Один из покинувших до этого комнату слуг открыл дверь, впустив эльфийского принца. Мерик вошел и поклонился, обведя присутствующих быстрым взглядом.

Верховный Килевой Кровавых Всадников сидел в кресле напротив Елены, перекинув свою длинную черную с проседью косу через плечо. Его сын Хант стоял рядом с ним. Он был высок и держался очень прямо, а его татуировка в виде сокола блестела в свете очага.

Другое кресло, ближе к огню, занимал Мастер Эдилл из мираи. Стройный, беловласый старец держал дымящуюся чашку в своих перепончатых руках.

Мерик поприветствовал кивком каждого из правителей; затем его пристальный взгляд на миг остановился на одетом подобно шуту иностранце, стоящем рядом с лордом Тайрусом.

Приподняв одну бровь, он повернулся к Елене.

– Прошу прощения, я опоздал, – сказал он с холодной учтивостью. – Потребовалось время, чтобы уладить некоторые дела в гавани.

Елена кивнула.

– Что произошло? Мы слышали, что разбился корабль.

– Корабль-разведчик, возвращавшийся с севера, капитаном на котором была моя родственница.

Хотя лицо Мерика хранило обыкновенное бесстрастное выражение, Елена заметила муку в его глазах и скорбь в изгибе губ. Еще один член семьи ушел. Сначала его брат погиб в пустыне, затем его мать, которая отдала свою жизнь, чтобы спасти последних беглецов из родного города Мерика. Эльфийский народ был рассеян, и Мерик был единственным, кто должен был нести бремя своего народа здесь, – последний из королевского рода. Слово «король» не раз шептали за его спиной, но он отказывался облачаться в мантию. «Не раньше, чем наш народ воссоединится», – отвечал он всем, кто пытался уговорить его. И теперь еще одна смерть.

Елена вздохнула.

– Мне жаль, Мерик. Эта война заставила кровоточить всю Аласию.

Верховный Килевой проворчал со своего кресла:

– Тогда, может быть, нам следует дать бой Блэкхоллу до того, как мы истечем кровью досуха.

Елена знала, что Дреренди стремились повернуть свой могущественный боевой флот к Блэкхоллу. Но сейчас Елена проигнорировала вызов, прозвучавший в словах Верховного Килевого. Она продолжила разговаривать с Мериком:

– Что произошло с кораблем твоей родственницы?

Мерик нахмурился и уставился на пальцы своих ног.

– Сейчас Сайвин вместе с Рагнарком исследует остатки крушения.

Елена чувствовала, что есть еще что-то, что беспокоит Мерика.

– Что-то не так?

Голубые глаза Мерика сверкнули из-под серебристой челки.

– Я разговаривал с Фрелишей в тот момент, когда корабль падал. Моя родственница погибла, предупредив нас. Предупредив нас о предательстве.

– Предательство? – переспросил Эррил. Елена почувствовала, как рука стендайца сильнее сжалась на спинке ее кресла. – Что она имела в виду?

Мерик покачал головой.

– Она погибла, не сказав больше ничего.

Елена бросила взгляд на Эррила. В его серых глазах бушевала буря, но жесткое выражение лица смягчилось, и он поддержал ее обнадеживающим кивком.

Мастер Эдилл заговорил со своего места возле камина:

– Слова твоей родственницы предполагают, что среди тех, кому мы доверяем, есть тот, кому мы не должны доверять.

Взгляд Елены скользнул по увешанному колокольчиками чужестранцу. Она была не единственной. Чужеземец стоял спиной к ним, глядя на язычки пламени, но лорд Тайрус заметил их подозрительность.

– Я могу поручиться за Арлекина Квэйла своей головой, – сказал Тайрус, выпрямляясь.

Мастер Эдилл, похоже, не слышал слов пирата. Он смотрел в темные глубины своей кружки.

– Два послания с севера в один день. Одно говорит, что необходимо действовать быстро. Другое предупреждает, что нужно быть осторожными и подозревать каждого в нашем окружении. Хотелось бы знать, чему верить. Возможно...

Звон колокольчиков прервал старейшину мираи. Арлекин Квэйл повернулся на каблуках, чтобы видеть лица остальных. Его бледное лицо покраснело; золотые глаза метали молнии.

– Выбор? У вас нет выбора! Вы либо направите все свои силы против Черного Зверя до кануна Середины Лета, либо все будет потеряно.

Глаза мастера Эдилла расширились от ярости, но Верховный Килевой засмеялся низким голосом; это было больше похоже на гром, чем на смех.

– Мне нравится огонь в сердце этого парня!

Лорд Тайрус встал рядом с Арлекином, возвышаясь над более низким Квэйлом.

– Не судите по внешнему виду. Вы раните прекрасного человека, подвергая сомнению слова Арлекина. Когда я впервые прибыл в Порт Роул и пытался попасть в Гильдию, там был только один человек, чьему слову и сердцу я верил.

Тайрус положил руку на плечо Арлекина.

– Он сильно рисковал, чтобы выяснить, как Темный Лорд намерен защищаться от ваших армий. Вы можете сомневаться в нем, чужаке здесь, шуте, одетом в костюм с колокольчиками, но сомневаетесь ли вы во мне?

– Я не хотел никого оскорбить, – сказал мастер Эдилл. – Но в подобные мрачные времена приходить сомневаться даже в словах собственного брата.

– Тогда можно считать, что мы побеждены, еще не успев начать. Ибо если мы не верим тем, кто на нашей стороне, как мы можем надеяться на победу? Даже пираты доверяют своей команде.

– Но что делать со словами о предательстве, сказанными родственницей Мерика? – голос Елены прозвучал громко и отчетливо.

Тайрус глянул на эльфа:

– Не обижайся, принц Мерик, но слово твоей родственницы для меня ничего не значит.

Он снова повернулся к Елене:

– Пока мы не разработаем дальнейшего плана, я отказываюсь смотреть с подозрением на каждого своего друга.

Мерик неожиданно согласился:

– Когда я впервые ступил на эти берега, на меня смотрели с подозрением все и каждый, – тень печальной улыбки коснулась его лица. – Но я научился другому. Я видел, как друг превратился во врага, и видел, как тот же человек вернул себе доброе имя.

– Крал, – Елена кивнула.

Мерик склонил голову.

– Я согласен с лордом Тайрусом. До тех пор пока мы не узнаем больше о предупреждении моей родственницы, нам следует действовать с открытой душой. Если мы потеряем доверие друг к другу, мы потеряем все.

Взгляд Елены встретился с золотыми глазами чужеземца.

– Так скажи нам, мастер Квэйл, что ты узнал?

Все взгляды сосредоточились на невысоком человеке. Он заговорил неторопливо:

– Пока вы сидели здесь и зализывали раны, Черный Зверь трудился как пчелка в своем логове на вулкане. Хотя вы сби-

ля с него спесь, разрушив его Врата Плотины, не обманывайте себя: вы не заставили его отказаться от цели.

– И что это за цель? – спросил Эррил.

– Ах, ты наконец-то начал думать своей головой, старый рыцарь. С тех пор как Темный Лорд подобрался к твоим берегам, вскипятив земную твердь в своем огнедышащем вулкане, ты пытался выпроводить его из этих земель, как захватчика, с которым необходимо разделаться.

– Да ну? – усмехнулся Эррил. –А что бы ты предложил нам сделать? Принять его с распростертыми объятиями? Пригласить на чай?

Арлекин рассмеялся лающим смехом:

– Я бы с удовольствием посетил подобное чаепитие.

Арлекин схватил кружку кофе, изящно изогнув руку. Его голос стал заискивающим:

– Еще сладкого печенья, господин Черное Сердце? Еще сливок?

Он выпрямился, его глаза были полны злого веселья.

– Может быть, твое чаепитие покончило бы с веками кровопролития.

Елена почувствовала, как Эррил окаменел рядом с ней. Она заговорила, не давая ему разразиться гневом:

– Мастер Квэйл, пожалуйста, что ты такое говоришь?

– Что вам никогда не заставить уйти Черное Сердце Гульготы с этих берегов, – Арлекин поставил кружку на каминную полку. – Никогда.

– Наши силы выдворили его с Алоа Глен, – проворчал Верховный Килевой.

Арлекин повернулся лицом к мужчине в два раза выше него:

– Вы выдворили его полководцев, полулюдей, у которых была лишь иллюзия величия, – не Черного Зверя. И при этом вы потеряли половину своих людей.

Елена внутренне похолодела. Странный малый был прав.

– По сравнению с Блэкхоллом этот остров – не более чем пробка в ванне, – он оглядел комнату. – Кто-нибудь из вас был в Блэкхолле?

– Я видел его издалека с границ Каменного Леса, – сказал Эррил.

– И у нас есть карты, схемы и морские карты, – добавил Хант, стоявший рядом с отцом.

– Морские карты? – Арлекин покачал головой и взглянул на лорда Тайруса, словно бы не веря в глупость того, что он услышал. Затем он снова повернулся к остальным. – Я прошел через его залы... как шут, дурак, развлечение для верхних этажей пустотелой горы. Там свыше пяти тысяч комнат и залов, лиги коридоров с чудовищными достопримечательностями на каждом повороте. Так послушайте же что я скажу. То, что ты, Эррил из Стенди, видел... то, что ты нанес на карты, капитан Хант... это ничто.

Арлекин взмахнул своей пижонской шляпой.

– Это всего лишь облако на вершине истинного Блэкхолла. То, что вы видите над волнами, умножьте в три – нет, по меньшей мере в четыре – раза, и получите то, что лежит под морем, – он обвел пристальным взглядом остальных. – Это не остров, который вы собираетесь осадить. Это целая страна внутри, страна извращенных людей, огромных тварей и черной магии. Вот то, с чем вы столкнетесь.

Тишина повисла в комнате.

Затем один серебряный колокольчик зазвенел среди сотен, украшающих одеяние Арлекина.

– Я предлагаю вам ту помощь, которую могу.

Он повернулся к Ханту:

– Лучшие карты, более детальные схемы их укреплений. В столь исполинском месте, как Блэкхолл, легко не заметить такого крошку, как я, да еще и изображающего шута. Но даже я, со всеми моим умениями, мог попасть лишь на самые верхние уровни этого омерзительного места, словно воробей, прыгающий по черепице на крыше, – он оглядел комнату вновь. – Поверьте этим словам, если не верите остальным. Вам никогда не победить Блэкхолл.

Елене показалось, что мир вокруг потемнел.

– Ну и зачем нам в таком случае сломя голову кидаться навстречу року, да еще и чтобы успеть за один месяц, – спросил мастер Эдилл, – если все, что нас ждет, – это поражение?

Арлекин печально вздохнул.

– Потому что иногда утратить жизнь в битве – это не самый худший исход.

– Что же хуже? – спросил Верховный Килевой.

Арлекин посмотрел на владыку Дреренди так, словно тот был ребенком.

– Утратить мир.

Начали раздаваться пораженные голоса, но лорд Тайрус заговорил со своего места рядом с очагом:

– Послушайте, что он скажет.

Арлекин, казалось, не заметил реакции остальных и продолжил:

– Веками Аласия сражалась за то, чтобы скинуть Черного Зверя с этих берегов. Маги древнего Чайрика отдали всю свою кровавую магию, стремясь добиться этого. Армии теряли жизни своих людей на этих берегах, до тех пор пока земля не покраснела от крови. В течение пяти веков восстания жестоко подавлялись его черным кулаком. И для чего все?

– Освободить наши земли, – прорычал Эррил. – Скинуть тяжесть его ига с наших плеч!

– Но кто-нибудь спрашивал: почему?

Эррил открыл рот, чтобы ответить, но на его лице отобразилось замешательство.

– Что значит «почему»? – выпалил он.

Арлекин прислонился к каминной полке:

– Почему Черный Зверь пришел сюда?

Выражение замешательства на лице Эррила стало явственнее.

– Пять сотен зим ушло на то, чтобы узнать, что Черное Сердце не из Гульготы, что на самом деле он огр, предок твоего друга Толчука.

– Что ты имеешь в виду?

– Вы не знаете своего врага; вы никогда не знали. В Блэкхолле вы видите остров и думаете, что вам все понятно, и не предполагаете, что существуют глубины, скрытые под ним. То же самое и с хозяином острова. Вы не знаете ничего. Почему этот огр покинул эти земли так надолго? Почему он появился

среди дварфов? Почему он вернулся как завоеватель с войсками и магией? Почему он удерживал эти земли так долго? Почему он расположил Врата Плотины на местах стихийной магии вокруг Аласии?

Арлекин пристально вглядывался в каждого пылающими золотыми глазами.

– Почему он здесь?

После минуты потрясенной тишины Эррил откашлялся:

– Ну и почему?

Арлекин сорвался со своего места со звоном колокольчиков, перекувыркнулся через голову и, приземлившись на каблуки рядом с стендайцем, направил указательный палец на его нос.

– Наконец-то! Спустя пять столетий кто-то решил спросить!

Эррил отклонился от направленного на него пальца.

Елена спросила со своего места:

– Почему он здесь?

Арлекин опустил руки и пожал плечами.

– Небесная мать, если бы я знал.

Он отступил к очагу, уставившись на угасающие угли.

– Я просто подумал, что кому-то следовало задаться этим вопросом.

Елена нахмурилась.

– Я не понимаю.

– И никто из вас не понимает. Пока это не изменится, у Черного Сердца будет преимущество.

Мастер Эдилл выпрямился в своем кресле:

– Теперь, когда мы отчитаны за свою слепоту, возможно, ты расскажешь нам, что за нужда такая в срочных действиях.

Арлекин глянул через плечо:

– До полнолуния в канун Середины Лета Черное Сердце доведет до конца то, к чему он стремился последние несколько веков. Хотя разрушение Врат Плотины помешало ему, у него остались последние Врата, и он собирается использовать их, чтобы закончить начатое.

Елена вспомнила время, проведенное в ловушке на Плотине, когда она видела четверо Врат, тянущих энергию из самого мира.

– Он стремится иссушить энергию в сердце Земли. Но зачем?

– Зачем, зачем, зачем... – Арлекин повернулся и надел шляпу на голову. – Хороший вопрос. Ты учишься, моя маленькая птичка. В самом деле, зачем? – он пожал плечами и подмигнул ей. – У меня нет идей. Но я знаю ответ на другой вопрос.

– Что же это?

Он помахал пальцем.

– Нет, не что... а где.

Елена сумела скрыть свое замешательство.

– Где?

– Где Темный Лорд собирается действовать. Вот почему я убрал свой зад из тех черных залов как только смог. Я знаю, когда он собирается действовать – в следующее полнолуние, и я знаю где!

Эррил выпрямился.

– Где?

Арлекин переводил взгляд с Эррила на Елену.

– Можете предположить?

Эррил опустил руку на эфес меча:

– Довольно вопросов.

– Сказано истинным воином, – сказал Арлекин со вздохом. – Это именно тот подход к делу, который привел нас сюда. Ты что, не слушал? Вопросов никогда не бывает достаточно.

Елена сидела очень неподвижно в своем кресле. Последние Врата Плотины, эбонитовая статуя Виверны. Она вспомнила, как в последний раз видела это упакованным на корабле. Груз отправлялся... отправлялся...

– О Милосердная Мать! – воскликнула Елена, неожиданно поняв. – Врата Виверны направляются в мой родной город, в Винтерфелл!

Арлекин грустно покачал головой:

– Я боюсь, у меня новости похуже. Черное Сердце не сидит сложа руки, пока вы тут строите планы, рисуете карты и схемы.

– Что ты хочешь сказать? – сказал Эррил, положив руку Елене на плечо, словно желая защитить ее.

– Мне удалось взглянуть на письмо с поля боя, присланное командиром Темного Лорда, Шорканом, – Арлекин говорил, и ему вторил скорбный хор колокольчиков. – Врата Плотины не направляются в Винтерфелл. Они уже там.

Глава 2

Сайвин прижалась теснее к шее морского дракона, который мчался в глубине по широкой дуге, делая вираж на одном покрытом эбонитовыми чешуями крыле. Ее темно-зеленые волосы отбросило назад, и они стали такого же цвета, как и лес бурых водорослей вокруг. Здесь, вблизи от острова Алоа Глен, дно океана покрывало множество коралловых рифов, покачивающихся анемонов и густых зарослей бурых водорослей. Косяки стремительных рыбок и светящихся морских рачков крилей бросались врассыпную перед гигантским драконом. Сайвин прикрыла свои прозрачные внутренние веки, чтобы лучше видеть.

«Справа от тебя, Рагнарк», – послала она мысль своему скакуну.

«Я вижу, моя связанная... Держись крепче...»

Она почувствовала, как изменилось положение чешуек, чтобы она смогла удержаться на спине своего скакуна; затем дракон устремился вправо, почти перевернувшись брюхом вверх, чтобы сделать более крутой поворот. Сайвин захлестнула волна радости от ощущения стремительного движения воды по ее обнаженной коже, от сильных мускулов между ее ногами, от

размытых очертаний океана вокруг. Ощущение отдалось эхом в мыслях дракона и снова вернулось к ней, окрашенное чувствами самого зверя: запахом водорослей, следом крови в воде от недавней акульей охоты, звонким эхом голосов других драконов в глубоких водах, где несли дозор громадные левиафаны.

Сайвин сконцентрировалась на их цели. Впереди большое облако ила замутило чистую воду. Эльфийский корабль, ведомый родственницей Мерика, должно быть, ударился с огромной силой, раз поднял столько песка и мусора. Она тихо побудила Рагнарка обойти кругом это место, прежде чем подойти ближе.

Дракон скользнул по мягкой, уходящей вглубь спирали к месту. Корабль, разбившись, пропахал борозду, протащив свой стальной киль по морскому дну. Все, что осталось от парящего над волнами корабля, – несколько деревянных ящиков, обломки мачт и разбросанные доски. Разбитый корабль бесформенной грудой лежал на дне.

Мерик отправил послание к мираи с просьбой о помощи. Сайвин немедленно покинула левиафана своей матери, где они с Кастом гостили. Она не знала точно, что Мерик хотел бы, чтобы она нашла, но она могла, по крайней мере, попробовать отыскать тело его родственницы и вернуть семье. Это был скорбный долг, но она бы не стала от него уклоняться.

Когда Рагнарк повернул к дальней стороне облака ила, стала видна корма корабля. Течение медленно относило песчаное облако в сторону. Корабль лежал на правом борту. Стальной киль, выкованный молнией, тускло мерцал в сумраке глубоководья. Когда корабли летели по воздуху, их кили пылали словно яркая медь на закате. Но больше такого не будет. Здесь была просто сталь, мертвая и тусклая.

Рагнарк сложил крылья и волнообразным движением скользнул к руинам. Большая серая скальная акула, исследовавшая корабль, устремилась прочь, как только тень дракона прошла мимо нее.

Сайвин не обратила внимания на хищника, ее взгляд был прикован к обломкам. Корпус корабля развалился пополам от

удара. Мачты срезало, но паруса по-прежнему оставались в путанице такелажа, и течение шевелило их, отчего они напоминали призраков. «Что произошло?» – спросила она саму себя.

Но она не была одинока в своих мыслях.

– Странно пахнет, – прошептал Рагнарк. – Плохо. Мы уходим.

– Нет, мой милый гигант. Мы должны искать.

Она почувствовала тень его беспокойства, но и одобрение.

– Я должна взглянуть поближе. Ты можешь перенести меня к сломанной части?

Вместо ответа Рагнарк свернул тело в тугое кольцо и устремился на морское дно, к неровному пролому в корпусе корабля. Ил всколыхнулся под его брюхом и ноги процарапали песчаное дно.

– Ты сейчас уйдешь? – спросил Рагнарк, и в его мыслях слышалась печаль.

– Я должна. Ты же знаешь.

– Я знаю. Мое сердце будет скучать по тебе.

Сайвин проверила пару баллонов с воздухом и гарпуны за спиной. Удовлетворенная, она высвободила ноги из поддерживающих их чешуй. «Не бойся, моя любовь. Ты всегда в моем сердце».

Сквозь нее прошло ощущение теплоты, посланное драконом.

«Скоро увидимся».

Она выплюнула сифон, который давал ей возможность разделять запасы воздуха дракона, и позволила воде поднять себя с места. Как только она оторвалась от дракона, морское дно всколыхнулось тучей ила и песка. Глубокая тень пронеслась под ней, завихряясь и концентрируясь. Сайвин оттолкнулась ногами и замахала руками, чтобы удержаться на месте посреди вращающегося облака, и стала ждать.

Была еще одна причина, по которой Сайвин попросили исследовать останки корабля. У нее был свой собственный эксперт в том, что касалось кораблей и мореплавания.

Из облака позади нее внезапно возник Каст, обнаженный, с яростно ищущими глазами. Она поплыла к нему с улыбкой.

Его черные волосы, не заплетенные в обычную косу, развевались вокруг лица, его татуировка в виде дракона сияла на щеке и шее. Его глаза встретили ее. Хотя она не могла мысленно разговаривать с ним, то же самое теплое ощущение прошло сквозь нее. То, что они разделяли, было более старой магией.

Он подплыл к ней и обвил длинными руками ее талию, заглянув в глубину ее глаз. Проведя с ней столь долгое время, он чувствовал себя в море так же свободно, как и она. Она потянулась к баллону с воздухом, но вместо этого его губы нашли ее. Он поцеловал ее нежным поцелуем.

Поцелуй был слишком коротким. Он по-прежнему не мог задерживать дыхание так долго, как истинные мираи.

Она передала ему баллон с воздухом, и он взял в рот кончик дыхательной трубки. Она смотрела, как он делает два вдоха. Он жестом показал, что с ним все в порядке. Она высвободила второй баллон и сделала то же самое, затем устремилась к разбитому корпусу эльфийского корабля. Они поднялись на несколько пядей и нырнули вниз, к темным внутренностям корабля. Каст держал ее за руку. В холодной воде его ладонь казалась теплым угольком.

Вдвоем они проскользнули в пролом корпуса, напоминавший раскрытые в зевке челюсти. Эльфийский корабль-разведчик не был большим, меньше, чем две длины драконьего корпуса. Его нос вмещал всего три кают-компании и маленькую кухню. Корма заканчивалась складским помещением.

Каст жестом показал, что он мог бы проверить каюты в передней части корабля. Она кивнула. Прежде чем покинуть левиафана, они проанализировали ситуацию. Поскольку тело родственницы Мерика не всплыло, возможно, оно лежит под обломками.

Сайвин потянулась к плечу и высвободила один из двух своих гарпунов. Она передала оружие Касту, помня о скальной акуле, шнырявшей до этого вокруг корабля. Затем она достала свой собственный гарпун и встряхнула пару светящихся шаров размером с кулак на его торце. Они вспыхнули зеленым сиянием, заливая деревянные внутренние шпангоуты корабля болезненным светом.

Каст последовал ее примеру, затем поднял свой гарпун в салюте и скользнул к ней. Он проверит носовую часть корабля; Сайвин достанется корма.

Повернувшись, Сайвин стала рассматривать хаос ящиков и бочек, заполнявших кладовую. Некоторые плавали у нее над головой. Содержимое других было достаточно тяжелым, чтобы они лежали на палубе. Она переместила взгляд дальше в темный трюм. Свет шаров на ее гарпуне не мог проникнуть в дальний конец.

Бросив взгляд через плечо, Сайвин увидела, как ноги Каста исчезли в люке. В одиночестве она вернулась к мрачным внутренностям складского отсека корабля. Подняв гарпун над головой, она отбросила распорку и скользнула в центр нагромождения обломков. Спрятан ли хоть какой-нибудь ключ к разгадке судьбы корабля среди этих ящиков? Она плыла медленно, выискивая что-либо подозрительное.

Своим гарпуном Сайвин оттолкнула плавающий ящик, потревожив большую морскую черепаху. Обитательница океана посмотрела на нее с явным раздражением и поплыла прочь.

Сайвин двинулась глубже в трюм.

Вскоре она обнаружила, что скользит над маленькими, странной формы бочками. Каждая из них была идеальной овальной формы и размером не больше человеческой головы. Они выглядели словно крупные яйца. Но самым странным был их цвет: глубокий эбеновый – такой темный, что яйца, казалось, скорее поглощают свет, чем отражают его. Она подплыла ближе, заинтригованная, и увидела прожилки серебра, разбегавшиеся по черному, словно трещины на скорлупе.

Сайвин наклонилась ближе, и неожиданно поняла, что же она обнаружила. Милосердная Небесная Мать! Почти задохнувшись в панике, она отшатнулась, загребая руками воду. Она оттолкнулась гарпуном от загроможденной палубы, но ударилась спиной о шпангоут, удерживаясь над лежащей внизу мерзостью. Она двинулась узкими кругами. Предметы были разбросаны повсюду. Здесь было больше сотни.

Ее глаза расширились в страхе.

Они все были сделаны из черного камня! Яйца из черного камня!

Она попятилась от кладки, отбрасывая ящики, плававшие под потолком. Она доплыла до разбитой секции корпуса и посмотрела на солнце, сияющее высоко над океаном, яркое размытое пятно на поверхности. Свет наполнил ее силой, как если бы его чистота могла стереть то, что стояло у нее перед глазами.

Что-то коснулось ее плеча.

Она вскрикнула в страхе, выплюнув трубку своего баллона с воздухом и набрав полный рот морской воды. Чьи-то руки схватили ее и повернули кругом. Каст вглядывался в нее с беспокойством. Его лицо было лучше любого солнца.

Он бросил свой гарпун и подобрал ее баллон с воздухом. Она с благодарностью взяла его, выплюнув воду изо рта, и вдохнула воздух. Почти рыдая, она бросилась в его объятия и уткнулась лицом в его грудь.

Он держал ее, пока ее не перестало трясти.

Вдохнув несколько раз, она почувствовала себя достаточно сильной, чтобы высвободиться из его объятий. Она послала ему вопрошающий взгляд. Он покачал головой. Он не смог найти тело капитана. Но он поднял руку – в ней была зажата книга. Судя по всему, это был корабельный журнал. Она кивнула. Если вода не повредила его слишком сильно, может быть, там есть запись о том, что произошло... или где корабль получил столь омерзительный груз.

Кусая губы, она потянула Каста к кормовому трюму. Ему следовало увидеть то, что она нашла. Он подобрал свой гарпун, и вместе они решились вернуться в лабиринт ящиков и бочек. Она быстро нашла кладку яиц из черного камня и указала на нее.

Каст, казалось, пришел в такое же замешательство, как и она поначалу. Он поплыл было вниз, но она не дала ему подплыть слишком близко. Она опустила светящиеся шары на конце гарпуна ниже и почувствовала, как он застыл, узнав то, что ему открылось. Он обернулся посмотреть на нее, и страх стоял в его глазах.

Она попыталась увести его прочь, но он дотянулся до ее пояса и отцепил маленькую сеть, сплетенную из морских водо-

рослей, обычно использовавшуюся для того, чтобы собирать морские клубни и прочую снедь. Он передал ей свой гарпун и журнал, затем раскрыл ее сеть. Она знала, что он собирается делать.

Она схватила его запястье, желая остановить его, но знала, что он прав. Они должны вернуться с одним из этих жутких яиц. Остальные могут захотеть увидеть их, изучить и предположить, могут ли они быть опасны.

Сайвин встретилась глазами с Кастом и взглядом попросила его быть осторожным. Он кивнул, показывая, что понял.

Он скользнул прочь от нее, туда, где одно яйцо лежало отдельно от других. Каст набросил на него сеть, стараясь не касаться его поверхности.

Потом он махнул рукой, чтобы она уходила первой, а он поплывет за ней следом. Прижимая корабельный журнал к груди, она быстро поплыла из разбитого корабля наружу, в светлые воды.

Сайвин обернулась и жестом позвала Каста ближе. Пристроив гарпуны за плечом, она плыла, гребя руками, словно птица в полете. Он кивнул. Они должны доложить в замке о своих находках так быстро, как это возможно.

Каст всплыл вслед за ней. Он передал ей свою ношу. Ей не хотелось брать ее, но выбора не было. Держа книгу и сплетенную ручку сети в одной руке, другой она коснулась мужчины, которого любила. Он взял ее пальцы и поднес ладонь к губам. Жар его поцелуя обжигал.

Он приблизился и с силой притянул ее к себе, и одна его нога скользнула между ее ног. Он словно выдавил из нее страх своими сильными руками. Забыв дышать, она, подняв голову, смотрела в его глаза и видела в них любовь.

Наконец она протянула свободную руку к его щеке и коснулась татуировки в виде дракона. Его тело выгнулось одновременно от боли и удовольствия. «Ты нужен мне», – позвала она мысленно.

Мир вспыхнул вокруг нее. Песок взвился в безумном вихре. Она повернулась. Ее ноги раздвинулись одновременно магией и мускулами. Под ней дракон обрел форму, крылья раскинуты,

рев отдается эхом в сознании и в ушах. Она железной хваткой вцепилась в свою ношу. «В замок, Рагнарк. Скорее».

Драконьи мысли и чувства мешались с ее собственными: «Как ты желаешь, моя связанная».

Ее ноги скользнули по горячим чешуям, которые поднялись плотнее вокруг нее, чтобы зашитить. Она прижалась к шее. «Вперед, мой милый гигант».

Взрывом мускулов и энергии дракон устремился вверх, к солнцу, на поверхности воды. Сайвин держала крепко свою ношу, но где-то в глубине своего сознания она задавала вопрос, не будет ли самым лучшим оставить это все на дне океана.

Дракон и всадник вырвались из моря. Вдалеке она заметила корабли на воде и в воздухе. Еще дальше левиафаны выбросили в воздух струи водяных брызг, пополняя свои чудовищные запасы. Мир ждал ее, и впереди была опасность, с которой придется столкнуться.

Рагнарк лег на крыло и направился к острову и величественному замку Алоа Глен, последнему бастиону свободы в этом темном мире.

Сайвин глянула вниз, на свой упакованный в сеть груз, подумав снова, что за ужас она несет, забрав его из этой водной могилы. Она представила темную кладку в разбитом трюме и содрогнулась.

Какое бы зло ни таилось там, оно должно быть остановлено.

– Винтерфелл... – прошептала Елена.

Эррил пристально смотрел на потрясенную женщину. Как же ему хотелось прижать ее к груди и успокоить, стереть это выражение испуга с ее лица! Она, казалось, ушла в себя, поглощенная воспоминаниями детства, которое закончилось для нее слишком рано. Ее глаза, обычно яркого изумрудного цвета, сейчас выглядели далекими, словно она искала что-то в глубинах памяти. Он попытался вспомнить маленькую девочку, которую он впервые увидел на мощеных улицах Винтерфелла. Ему тоже показалось, что это было давным-давно.

Внезапно он обнаружил, что она вновь смотрит на него. Что она видит? Старика с лицом молодого человека? Что еще мог

он предложить ей? Он отказался от собственного бессмертия ради этой женщины рядом с ним, возложив на ее хрупкие плечи все надежды на будущее Аласии. Ему вдруг ужасно захотелось упасть перед ней на колени и молить о прощении.

Вместо этого он остался стоять на своем посту: рыцарь, вассал, защитник... и немного муж. За прошедшие месяцы они прекратили отрицать те чувства, что жили в их сердцах. Связанные законом эльфов, они были мужем и женой. Но за то, что могли допустить их сердца, приходилось расплачиваться их телам. Он страстно желал ее, но их разделяла пропасть лет. Она была ребенком в теле женщины. Он был стариком, прятавшимся в обличье молодого человека. Из-за этого различия им приходилось довольствоваться нежными прикосновениями, взглядами и короткими поцелуями.

– Эррил, – обратилась к нему Елена, возвращая его к выбору, перед которым их поставил этот язвительный клоун в шутовском костюме, увешанном бубенчиками. – Мы не можем не считаться с тем, что господин Квэйл сказал нам. Это похоже на правду. Мы знаем, что Врата Виверны направлялись в Винтерфелл, когда мы обнаружили их. Я не знаю, как этот подлый огр собирается довести дело до конца, имея в распоряжении всего лишь одни Врата, но это необходимо остановить.

Эррил кивнул:

– Несомненно. Но как?

– Мы уничтожили другие, – сказала Елена. – Мы уничтожим и эти. Врата Виверны – последнее, что удерживает Чи в заключении. Разрушь их – и Чи освободится. Темный Лорд Блэкхолла лишится силы.

Эррил скривился:

– Так сказали духи.

Но он не был уверен. В течение последнего месяца Елена и Эррил много разговаривали с духами Кровавого Дневника: тенью тетушки Филы и духом Чо. Пять веков назад брат Чо, Чи, был пойман в ловушку четырех Врат. Учитывая, что трое Врат было разрушено, никто не мог сказать с уверенностью, почему Чи продолжают удерживать последние Врата. Эррил сомневался, что Врата Виверны были единственным ответом.

– Нельзя возлагать все наши надежды на то, что эти духи правильно излагают суть дела.

Арлекин заговорил у очага:

– Духи, шлюхи или шуты – какая разница? Я прочитал послание Шоркана к его прихвостням. К кануну Середины Лета, утверждал он, битва будет окончена. Последние слова в его послании я могу процитировать: «Итак, к кануну середины лета, ведьма и мир сгорят на погребальном костре, сложенном для них господином», – Арлекин пожал плечами и потеребил заусеницу на пальце. – Я не знаю. Это звучит достаточно мрачно для меня.

Мерик откашлялся:

– Кажется, сказано достаточно ясно.

– Это может быть ловушкой, – сказал Эррил. – чтобы заставить Елену покинуть это место... или заставить нас действовать до того, как мы будем готовы.

Лицо Верховного Килевого искривилось, как будто он попробовал что-то тошнотворное.

– Или это уловка, чтобы вызвать среди нас разногласия.

Какое-то время все молчали, оценивая различные возможности.

– Я не могу не считаться с угрозой Винтерфеллу, – сказала Елена. – Ловушка или нет, мы должны попытаться разрушить последние Врата.

Эррил вздохнул, поняв, что она приняла решение:

– Что с атакой на Блэкхолл? Ждать ли нам, пока не разберемся с Вратами?

Елена посмотрела на свои руки в перчатках:

– Мы не можем. Пока стихийная магия наших союзников уменьшилась еще, мы должны избавить их от опасности вулканической крепости. Возможно, если внимание Темного Лорда сконцентрировано на его собственной защите, мы сможем расстроить его планы в горах.

– Мы? – спросил Эррил.

– Если эти последние Врата содержат ключ к цели Темного Лорда, тогда он, конечно, собрал сильные войска для их защиты – даже сильнее, чем когда его мощь была поделена между

четырьмя Вратами. Если мы преуспеем, понадобится моя сила. Мы возьмем один из эльфийских кораблей; как только Врата будут уничтожены, мы можем вернуться и помочь с осадой Блэкхолла.

– Вы можете использовать мой корабль, – сказал Мерик. – «Штормовое Крыло» – самый быстрый из кораблей, и моя магия самая сильная среди моего народа. Я приведу вас в горы и обратно

– Ты понадобишься, чтобы вести свой народ, – сказала Елена.

Мерик отмахнулся от ее слов:

– Капитан Грозовых Облаков, наших боевых кораблей, может вести их не хуже меня, и он лучший воин и тактик, чем я. Если Врата Виверны так важны, как полагает друг лорда Тайруса, тогда мои умения лучше всего подойдут, чтобы помочь вам.

Дальнейшее обсуждение было прервано громким ударом, сопровождаемым скрежетом царапаемого камня. Все посмотрели наверх, как только их достиг знакомый рык.

– Рагнарк, – сказал господин Эдилл со своего места.

Мерик выпрямился:

– Возможно, они принесли вести о корабле моей родственницы.

Лорд Тайрус сдвинулся со своего места возле очага:

– Я посмотрю, так ли это.

Принц пиратов торопливо вышел в маленькую дверь башни, впустив порыв океанского бриза.

Послышались голоса, и затем Тайрус вернулся, но уже без плаща. Следом вошел Каст, босой и укутанный в одеяние принца, рядом с ним шла Сайвин. Оба пришедших несли что-то в руках и дрожали, их лица были мрачны.

– Тут, у камина, есть горячий кофе, – сказал Эррил.

Каст и Сайвин подошли, приманенные теплом очага. Им обоим быстро дали дымящиеся кружки и ввели в суть дела.

Каст посмотрел на Мерика:

– Я должен сообщить в добавление к этому более зловещие вести.

– Конечно, должен, – сказал Арлекин с наигранной веселостью.

Мерик нахмурился:

– Что-то о корабле моей родственницы?

Каст кивнул:

– Мы не нашли ее тела, но мы нашли это, – он извлек большой том в кожаном переплете из-под плаща. – Судовой журнал капитана.

Мерик принял журнал, положив ладонь сверху:

– Благодарю тебя. Я молюсь, чтобы там содержались какие-то ответы.

– Молись усердно, – Каст кивнул Сайвин. – Журнал – это не все, что мы нашли.

Сайвин подняла большой темный предмет, положила его на стол и осторожно сняла сеть из водорослей.

– Яйцо? – спросил господин Эдилл.

– И что в нем особенного? – спросил Верховный Килевой.

Эррил смотрел, не в силах поверить. Он почувствовал, как что-то сдавило его горло, и не мог произнести ни слова. Он видел похожую реакцию у людей по всей комнате.

– Черный камень! – наконец выдохнул он.

– Мы тоже так подумали, – сказал Каст.

– Почему вы принесли это сюда?

– Мы подумали, что лучше всего, если вы увидите это сами, – его голос становился все мрачнее по мере того, как он смотрел на Эррила. – Там свыше сотни этих проклятых штук в трюме затонувшего корабля.

– Сотни?..

– По меньшей мере, – добавила Сайвин тихо.

Елена указала на яйцо:

– Но что это такое? Зачем они?

Мерик прищурил свои льдисто-голубые глаза:

– Что более важно, почему моя родственница принесла их сюда?

– Возможно, ее заставили, – предположил господин Эдилл.

Группа собралась настороженным кругом возле стола.

– Какую бы опасность это ни представляло, – сказал Каст, – я думаю, нам следует быть готовыми. Представьте, какую угрозу несет это единственное яйцо, и затем подумайте о целой кладке под поверхностью моря.

Эррил заметил, что один из них, обыкновенно быстрый на язык, оставался безмолвным. Арлекин Квэйл смотрел на яйцо из черного камня с блеском в глазах, который невозможно было понять – никаких колких комментариев или язвительного остроумия.

Эррил двинулся к Елене, передвигаясь вокруг стола так, словно он хотел рассмотреть яйцо со всех сторон. Оказавшись за спиной пиратского шпиона, Эррил бесшумно достал меч из ножен и приставил его острие к основанию черепа коротышки:

– Что тебе известно об этом?

Арлекин даже не вздрогнул.

– Что ты делаешь, стендаец? – потребовал ответа лорд Тайрус.

– Стой где стоишь, – предупредил его Эррил. – Этот парень побывал в Блэкхолле и вернулся обратно, как и корабль, ведомый родственницей Мерика. Возможно, ему известно что-то об этой опасности.

Арлекин вздохнул и медленно повернулся. Он посмотрел в лицо Эррила. Острие меча теперь касалось ложбинки на его горле.

– Я не знаю ничего об этих черных камнях.

Глаза Эррила сузились:

– Ты лжешь.

– Мы опять вернулись к тому же?

– Эррил... – проговорила Елена предупреждающе.

– Я живу уже больше пяти столетий, – сказал Эррил. – Я могу сказать, когда человек что-то скрывает.

– Я ничего не скрываю, – Арлекин повернулся обратно к столу, не обращая внимания на меч. – И я сказал правду. Я никогда не видел такого яйца прежде, – он пристально посмотрел через стол на Елену. – Но я видел его светлых близнецов.

– Объяснись, – сказал Эррил.

Арлекин подошел ближе к столу и оперся на него руками.

– Как я говорил прежде, когда я был в Блэкхолле, я видел, как свершались презренные действия – некоторые с теми, кто заслуживал этого, другие – с невинными. Это был лабиринт мучений и резни. Крики и стенания не смолкали. Ты привыкал к этому спустя какое-то время, словно к птичьим песням в лесу. Это было просто повсюду.

Арлекин смотрел на яйцо:

– Однажды я вошел в помещение на самом нижнем уровне, на который я только мог попасть. Это был длинный коридор, тянущийся на всю длину горы. С двух сторон шли ниши. В каждой стояла колонна вулканического базальта, на вершине которой покоилось яйцо идеальной формы, такого же размера, как и это. Но те яйца были не черными, словно полночь, а розовыми, словно рассвет. Каждое было вырезано из камня сердца.

– Камня сердца? – прошептала Елена.

Арлекин кивнул:

– Они были прекрасны. Коридор тянулся далеко, каждое яйцо сияло блеском, который пронизывал тебя до костей и заставлял чувствовать себя целостным и чистым. Это был первый раз, когда я плакал в этом тошнотворном месте, но то были слезы не ужаса и боли, а красоты и радости. В некотором роде это было самое жуткое, что я там видел, – такая красота в источнике тьмы.

– Яйца из камня сердца в Блэкхолле, – Эррил опустил свой меч. – Из черного камня – здесь. Не вижу никакого смысла.

Елена нахмурилась.

– Может быть, смысл есть. Когда мы разрушили Врата, черный камень превратился в камень сердца. Может ли быть более явное свидетельство некоей непонятной связи между этими двумя камнями?

Эррил нахмурился сильнее.

– Связаны они или нет, – вставил слово господин Эдилл, – сотня этих нелепых штуковин, утопленных так близко к нашим берегам, – это причина для беспокойства.

– Я согласна, – сказала Сайвин. – Они, несомненно, отравят воду одним своим присутствием.

Елена кивнула:

– Мы найдем способ извлечь останки и груз корабля оттуда. Тем временем мы изучим корабельный журнал капитана и узнаем, могут ли ученые нашего замка выяснить что-либо об этих яйцах.

Елена медленно вернулась на свое место:

– Время поджимает, и мы не можем тратить его на загадки, которые не в состоянии сейчас разгадать. Мы должны сконцентрировать наши возможности и таланты на войне, что грядет.

Эррил пересек комнату, чтобы встать позади кресла Елены, в то время как она продолжала:

– Я бы хотела, чтобы все четыре полководца различных наших войск встретились в следующие три дня, – она кивнула на присутствующих в комнате. – Верховный Килевой Дреренди, представляющий наш флот на море, и господин Эдилл из мираи, координирующий наши силы под водой. Лорд Тайрус, глава пиратского отряда, будет продолжать управлять нашими разведчиками и шпионами. И, наконец, Мерик, тебе нужно будет предупредить командира Грозовых Облаков, что необходимо встретиться с теми, кого я назвала, чтобы подготовить эльфийские военные корабли.

– Я сделаю это немедленно, – ответил Мерик.

– Мы также должны предупредить Веннара и легионы дварфов, – добавил Эррил. – нужно, чтобы он двинул своих пеших солдат на север от Пенрина, к Каменным лесам.

Елена кивнула:

– Я оставлю эти детали командующим каждой армией. Эррил будет выступать в качестве моего посредника в течение нескольких следующих дней. Через семь дней я хочу увидеть наши войска готовыми выступить против Блэкхолла.

Верховный Килевой стукнул кулаком по подлокотнику своего кресла:

– Будет сделано!

– Что об опасности в горах? – спросил Арлекин.

– Оставь это мне, – Елена не отводила взгляда от яйца.

Арлекин бросил взгляд на лорда Тайруса, затем снова посмотрел на Елену:

– Я хотел бы попросить об одной вещи, если вы не возражаете: чтобы мне было позволено отправиться с вами в горы.

Елена нахмурилась, и заговорил Эррил:

– Зачем?

Арлекин поднял руки, забренчав колокольчиками:

– Я похож на воина? Я вор, карманник, скользящий в тенях. От меня нет толку, когда мечи поднимаются и слышны барабаны войны. Но я могу предложить свои способности там, где они больше всего нужны, и последовать по пути, который я начал, до конца.

Прежде чем Елена смогла ответить, Эррил положил руку на ее плечо:

– Если мы предпримем попытку выполнить эту миссию, Елена должна быть окружена теми, кому она доверяет более всего. И, хотя она может не придавать значения шепоткам предательства, я – нет.

Елена открыла было рот, чтобы возразить, но Эррил остановил ее мрачным взглядом:

– Я твой вассал? – спросил он холодно. – Твой защитник и советник? Или ты лишаешь меня этих званий?

– Конечно, нет, – тихо ответила Елена.

Эррил заметил боль в ее глазах. Возможно, он был слишком резок, но Елена иногда открывала душу слишком легко. Хотя она и выжила в эти последние зимы, она оставалась слишком мягкой, уязвимой. Ему хотелось защитить ее. Он мог быть жестким там, где Елена не могла. Это придавало смысл столетиям, которые он провел в странствиях.

– Я не знаю тебя, господин Квэйл, – сказал Эррил. – Так что, несмотря на уверения лорда Тайруса, я не стану доверять тебе. И пока это так, тебя среди нас не будет. Тебе хорошо заплатят золотом.

Арлекин тронул золотой колокольчик, заставив его зазвенеть:

– У меня хватает золота, – он повернулся на каблуках и отступил к двери, двигаясь быстро.

Лорд Тайрус покачал головой, когда тот вышел:

– Ты, не зная человека, запросто отбросил то, что он предложил тебе.

– Именно так, – сказал Эррил непреклонно.

Елена заговорила:

– Близится полдень. Возможно, лучше нам разойтись и начать воплощать в жизнь то, что мы так долго планировали для войны.

Господин Эдилл встал с помощью Сайвин:

– Я приду на совет. Они сейчас близки к тому, чтобы повыдергать друг другу волосы.

Все остальные главнокомандующие начали продвигаться к дверям, уже строя планы между собой.

У двери Елена смотрела, как каждый выходит. Она прошептала каждому слова доверия, пожимая руки и тепло прощаясь. Эррил наблюдал за ней. Водопад кудрей, отросших почти до плеч, обрамлял изящные черты ее лица, подчеркивая ее эльфийское происхождение. Но в то время как эльфы все были тонкого сложения, Елена обладала изящными формами, словно цветок, выросший на земле, а не облако, носимое ветром. Эррил обнаружил, что забыл, как дышать, пока смотрел на нее.

Вскоре комната опустела. Елена подошла к нему. Эррил приготовился быть отчитанным за свою несдержанность с Арлекином.

Вместо этого Елена прильнула к нему, прижавшись щекой к его груди.

– Елена?..

– Просто обними меня.

Он обвил ее руками. Внезапно стало не так трудно вспомнить девочку из Винтерфелла.

– Мне страшно возвращаться домой.

Он обнял ее крепче:

– Я знаю.

Мерик спускался по длинной спиральной лестнице наполовину машинально, сжимая под мышкой промокший корабельный журнал. Потерянный в мыслях о своей родственнице и ее судьбе, он едва слышал за спиной спор между Хантом и лордом Тайрусом. Дреренди и лорд пиратов не любили друг друга. До того как оказаться вместе здесь, обе стороны были заклятыми

врагами – две акулы южных морей, охотящиеся за ничего не подозревающими торговыми кораблями и друг за другом. Старую вражду трудно изжить.

– Твои корабли, может, и быстрее, – огрызнулся Хант, – но они хрупкие, как хворостинка.

– По крайней мере, на наших кораблях мы свободные люди. Не рабы!

Хант зарычал:

– Это древняя клятва! Узы чести... твоим флибустьерам и каперам никогда этого не понять!

Впереди показался конец лестницы. Мерик поторопился вперед, чтобы спастись от их спора, и столкнулся с Нилан.

Она отступила назад, широко раскрыв глаза, удивленная, что лестница башни заполнена людьми.

Мерик поддержал ее, не дав упасть.

– Принц Мерик! – воскликнула Нилан, вновь обретя равновесие.

– Папа Хант! – раздался детский крик. Из-под плаща женщины нимфаи вырвалась маленькая фигурка, темные волосы взвились, когда она пробежала мимо.

Высокий Кровавый Всадник наклонился, чтобы посадить маленькую девочку на плечо.

– Шишон, что ты здесь делаешь?

Шишон быстро заговорила:

– Мы были в месте, где все в цветах. Но Родрико сделал еще цветов своим пением, – Шишон указала на мальчика рядом с Нилан. Застенчивый юнец прятался в плаще матери; его глаза были большими и круглыми.

– И я съела жука, – гордо закончила Шишон.

– Ты сделала что?

– Он залетел в мой рот, – она сказала это с уверенностью, что это все объясняет.

Верховный Килевой протиснулся мимо своего сына, что-то ворча о лестнице. Мастер Эдилл согласился:

– Почему они строят все эти башни такими высокими?

Два старейшины проследовали вниз к коридору. Хант кивком поблагодарил Нилан и последовал за своим отцом.

Мерик остался с Нилан и лордом Тайрусом, который нес сеть с яйцом из черного камня. Они должны были отнести яйцо и корабельный журнал к ученым в библиотеках.

– Куда ты направляешься? – спросил Мерик Нилан.

– Я должна поговорить с Еленой.

Мерик посмотрел вверх на извилистую лестницу.

– Сейчас не лучшее время. У нее достаточно того, что нужно срочно осмыслить, – он повернулся обратно и наконец заметил страдание на ее лице и боль в глазах. – Что случилось?

Нимфаи посмотрела вверх явно в нерешительности. Что-то потрясло ее до глубины души. Она взглянула на прильнувшего к ней ребенка.

– Это... это Родрико.

Мерик изучающе посмотрел на мальчика:

– Он болен? Что-то не так?

– Я не уверена, – Нилан была близка к тому, чтобы расплакаться. – Этим утром Родрико пел песнь пробуждения бутонов для своего юного дерева, шаг к союзу и связи, – ее голос начал ломаться. – Но к-кое-что случилось.

Мерик подошел ближе и положил руки на ее плечи.

Она задрожала, и ее голос понизился до шепота:

– На его дереве появились бутоны. Родрико был принят, но.. но новые цветы, новые бутоны – они темные. Черные, как любой из Мрачных духов.

Мерик встретился глазами с лордом Тайрусом поверх головы нимфаи. Оба были хорошо знакомы с Мрачными с Холма Ужаса, искаженными духами сестринской общины Нилан.

– Эти бутоны вызывают отвращение, когда смотришь на них. – Слезы бежали по ее щекам. – Какое-то ужасное зло заключено в них.

– Мы не знаем этого наверняка, – попытался утешить ее Мерик, но он знал, что это деревце было последним деревом народа Нилан, и родилось оно от союза духа ее собственного дерева и Мрачного духа. Могло ли прикосновение Мрачного как-то повлиять на дерево?

Нилан явно думала именно так. Она смотрела на Мерика раненными глазами.

– Бутоны расцветут впервые этой ночью, высвободив их уникальную магию. Но я не знаю, какое зло может пробудиться в бутонах, несущих отпечаток Мрачного, – она закрыла лицо одной рукой и притянула мальчика ближе, наполовину укрыв его своим плащом, чтобы он не слышал ее слов. – Я не могу позволить своим надеждам подвергнуть опасности Алоа Глен. Дерево должно быть срублено.

Мерик застыл от этой мысли. Во многих отношениях дерево представляло собой все надежды Аласии. Посаженное на месте изначальной коаконы, которая была однажды дарована острову на века, деревце представляло собой новое начало, будущее.

Стоя на один шаг выше, лорд Тайрус подал голос:

– Но что с Родрико? Что станет с ним?

– Дерево приняло его песню, – Нилан всхлипнула. – Он связан. Если дерево умрет, следующим будет он.

Взгляд Мерика остановился на ребенке, прильнувшем к матери. Он был с Нилан с тех пор, как они нашли мальчика. Вместе они сражались с Мрачными и ставленниками Темного Лорда, чтобы доставить его невредимым на остров. Лицо Мерика напряглось.

– Тогда я не позволю причинить вред его дереву.

Нилан схватила Мерика за руку.

– Ты более чем кто-либо другой должен понимать. Это определенно знак Болезни. Я бы предпочла, чтобы Родрико умер, чем был искажен той болезнью, которая поразила дерево. Ты видел, что случилось с моими сестрами. Я не хочу увидеть, как это случится с моим сыном. Я лучше сама возьму в руки топор и срублю дерево, – она не выдержала и разрыдалась.

Потрясенный, Мерик опустился на колени рядом с мальчиком. Родрико прятал лицо в полах материнского плаща. Мальчик мог не понимать их слов, сказанных шепотом, но он знал о страданиях матери. Мерик взглянул на Нилан и увидел отчаяние в ее глазах. За то время, что они провели на севере вместе, они сблизились, связанные общей историей их народов и их собственными невзгодами и потерями. Во многих отношениях здесь была часть его новой семьи, и, потеряв мать и брата, Мерик не желал терять больше никого.

Тайрус прошептал у них за спиной:

– Возможно, нам следует обдумать это, когда мы успокоимся и мысли станут яснее.

Мерик поднялся, его плащ взметнулся вокруг него.

– Нет, здесь нечего решать. Никакого вреда не будет причинено дереву, если это опасно для Родрико, – он мягко коснулся Нилан. – Я не позволю тебе действовать в спешке, подгоняемой страхом перед единственно возможным исходом. Мишель из Дроу использовала яд, чтобы спасти стихий от превращения в гибельных стражей. Но она уничтожила все нити вариаций их возможного будущего, потому что одна могла привести к искажению. Я не позволю тебе пойти по ее стопам.

Лорд Тайрус хрипло проговорил:

– Мерик прав. Мишель не пожелала бы этого пути больше никому.

Нилан взглянула на пиратского принца, затем повернулась к Мерику:

– И что же нам делать?

Мерик поднял руку и положил ее на голову мальчика.

– Встретить будущее. Близится полночь, и мы увидим, что судьба приготовила для мальчика и его дерева.

За полкоролевства отсюда Грешюм колотил по столу, отстукивая ритм барабанного боя вслед за барабанщиком. «Иди за пятью! Иди за пятью!» – пел он пьяным голосом вместе с другими завсегдатаями гостиницы «Лунное озеро».

Жонглер подхватил пятую горящую головню, подбросив ее высоко в воздух кувыркаться среди прочих. Вспотевший актер крутился на сколоченной из досок сцене, установленной в общем зале гостиницы, борясь за то, чтобы удержать пылающие головни от падения на устеленный соломой пол. Два парня-актера стояли наготове с ведрами воды.

Грешюм мутным взглядом смотрел на выступление. Повсюду в окрестностях Лунного озера праздник Первой Луны шел полным ходом: выступления менестрелей, дрессированных животных и демонстрация удали. Этим вечером празднества должны были достигнуть высшей точки на берегах Лунного

озера, когда первая полная луна этого лета осветит тихие воды крупнейшего в Западных Пределах озера. Легенды утверждали, что духи леса исполнят желания тех, кто искупается в залитых лунным светом водах.

Грешюм мог не придавать значения подобным историям. У него было все, что он хотел: графин эля, полное брюхо и силы наслаждаться всеми страстями жизни. Официантка подошла наполнить его опустевшую кружку. Он схватил ее за пухлый зад.

Она завизжала:

– Мастер Дисмарум! – и, ругаясь, но не забыв подмигнуть, высвободилась.

Он провел несколько последних ночей в ее комнате. Горстки меди было достаточно, чтобы и открыть ее дверь, и раздвинуть ей ноги. Воспоминания об этих долгих ночах в ее объятиях заставили его утратить интерес к жонглированию и пылающим головням.

Грешюм заметил свое отражение в темном зеркале над стойкой бара. Его волосы сияли золотом в свете ламп грязной гостиницы; его глаза сверкали юностью; его спина была прямой, а плечи широкими. Он мог бы поспорить, что и без тех нескольких монет сумел бы попасть в постель официантки. Но ему не доставляло удовольствия ждать, пока ее интерес разгорится желанием – не тогда, когда то же самое могло быть достигнуто намного быстрее при помощи горстки монет.

Терпение – не главная добродетель юности.

Грешюм собирался попробовать все многообразие ощущений и желаний, которые предлагала жизнь. Не запертый больше в гниющей форме, он хотел использовать это новое тело на всю катушку. Так что он поднялся на ноги и взял посох, прислоненный к столу. Ему больше не нужно было использовать его как опору, только для фокусировки своей силы.

Он провел пальцем по кости, прямому бедру выбога, долговязого лесного охотника. Пустотелая кость, запечатанная с обоих концов пробкой их сухой глины, была заполнена кровью новорожденного ребенка лесного жителя. Жизненная сила найденыша, старое заклинание, зарядило его посох.

Повернувшись назад к сцене, Грешюм наклонил свой посох к актерам. Жонглер споткнулся. Факелы отправились в свободный полет друг за другом мимо сцены. Водоносы кинулись тушить их, прежде чем покрытый соломой пол займется пламенем.

Грешюм улыбался, когда позади него комната запылала ярче. Пламя взревело. Крики поднялись среди завсегдатаев и актеров. Он тихонько засмеялся. Это было пустяковое дело – превратить воду в масло.

Ревущее пламя заполнило весь общий зал. Грешюм слышал крики о помощи и по ту сторону двери.

За дверями гостиницы перед ним раскинулся простор Лунного озера, обращенный в медь садящимся солнцем. Клены и сосны обрамляли озеро и тянулись до горизонта. Среди деревьев в последние несколько дней появилось множество ярко раскрашенных палаток, словно летние цветы, как приготовление к церемонии этой ночи. Люди со всей Аласии съехались сюда, предвкушая ночь, когда тысячи желаний купающихся людей будут прошептаны полной луне.

Сам Грешюм прибыл на Лунное озеро две недели назад и оставался на празднествах, исследуя все грани жизни. Он намеревался использовать эту священную ночь в своих целях. Он смотрел на сотни празднующих, гуляющих по улочкам маленькой деревни и торгующихся с жестянщиками и продавцами специй. Так много жизни, чтобы исследовать ее снова.

Он прогулялся в глубь леса за околицей деревни, почти вращая своим костяным посохом. Его ноги двигались уверенно; его легкие втягивали воздух без хрипа и одышки. Даже простая прогулка была радостью.

В таком хорошем расположении духа Грешюм направил свой посох на человека, дразнившего рычащего на цепи сниффера. Хищник с пурпурной шкурой неожиданно освободился от ошейника и откусил три пальца дразнившему.

Грешюм прошел мимо, когда хлыст щелкнул, отгоняя сниффера от кричащего человека.

– Пожелай себе новые пальцы этой ночью, – пробормотал Грешюм.

Затем он пришел в леса. Он ускорил свой шаг, наслаждаясь упругими мускулами и гибкостью суставов. После веков заключения в том старом немощном теле чудеса и радости этого юного тела никогда не приедались. Юность слишком легко растрачивалась молодыми.

Вокруг него освещение в лесу становилось тусклее, а тени сгущались, по мере того как деревья становились гуще и выше.

В сумраке обоняние опередило зрение: зловоние козлиного пота и вспоротых кишок. Грешюм вышел на расчищенное место, чтобы найти своего слугу, Рукха, распластавшегося на земле посреди берлоги чарнела. Туши бесчисленных лесных созданий заполняли все пространство. Коротышка гоблин зарылся мордой в брюхо оленихи, рыча и с удовольствием разрывая внутренности.

– Рукх! – рявкнул Грешюм.

Существо с копытами подпрыгнуло, словно от удара молнии, завизжав по-поросячьи. Его крошечные заостренные уши трепетали.

– Х-хозяин!

Грешюм смотрел на кровь, покрывавшую все вокруг. Большинство туш было наполовину съедено – оказывается, не только он наслаждался всевозможными удовольствиями, которые предлагала эта ночь.

– Я вижу, ты был занят, пока меня не было.

Рукх вновь повалился на землю, съежившись.

– Хорошо здесь... хорошее мясо, –одна рука потянулась к оленихе. Когти вспороли заднюю ногу животного. Рукх предложил Грешюму кровоточащее бедро:

– Х-хозяин, есть?..

Грешюм решил, что он слишком доволен, чтобы разозлиться. По крайней мере, тупой гоблин оставался там, где он оставил его. Он не был уверен, что его заклинание принуждения продержится так долго без обновления.

– Вымойся, – велел Грешюм, указав на ручей поблизости. – Деревенские учуют твой запах за лигу.

– Да, хозяин, – существо вприпрыжку побежало к ручью и целиком запрыгнуло в него.

Грешюм отвернулся от всплесков и стал смотреть в направлении деревни. Этой ночью празднества будут особенно запоминающимися. Но только половина необходимых приготовлений была сделана. Он хотел, чтобы ничто не помешало его планам.

Он воткнул свой посох в мягкий лесной грунт. Тот стоял прямо. Грешюм взмахнул левой рукой над ним, его губы задвигались. Детский крик раздался из посоха.

– Т-с-с-с, – прошептал Грешюм.

Он коснулся посоха обрубком правой руки. Из запечатанного конца пустой кости, словно маслянистый дым, накатила тьма. Он поместил обрубок своего запястья в чернильный туман и запел тихим голосом, сплетая заклинание для этой ночи.

Пока он работал, плач из его посоха обрел голос, но это был не ребенок.

– Я нашел тебя! – голос эхом отозвался в темнеющих лесах.

Грешюм узнал знакомый скрежет.

– Шоркан, – прошипел он, отступая на шаг.

Дым над его посохом сгустился в лицо человека, глаза пылали красным. Даже среди клубов дыма стендайские черты были ясно видны.

Черные губы шевельнулись.

– Так ты думал, что избежал гнева Господина, спрятавшись в этих лесах?

– Я и избежал, – Грешюм сплюнул, читая заклинание, сплетенное позади сотканного из дыма лица. Этого было всего лишь ищущее заклятье, тут нечего бояться. – И я избегу снова. Прежде чем кончится эта ночь, у меня будет сила, чтобы спрятаться даже от самого Черного Сердца.

– Так ты считаешь, – последовала пауза. Затем смех донесся издалека. – Лунное озеро, конечно.

Нахмурившись, Грешюм поднял обрубок руки и изменил заклинание перед собой на противоположное, запуская руку в энергию Шоркана. Краткий миг он смотрел глазами другого мага. Мужчина был далеко отсюда, но не в Блэкхолле. Испытав

облегчение, Грешюм потянулся глубже в заклинание, но внезапно получил удар такой силы, что покачнулся.

– Не лезь туда, где тебе не рады, Грешюм, – заклинание оборвалось, и дымное лицо растворилось.

– Могу сказать то же самое тебе, ублюдок, – пробормотал Грешюм, но он знал, что Шоркан уже ушел. Он быстро установил защиту, чтобы предотвратить новое вторжение.

Грешюм сердито смотрел на посох, как будто тот был виноват. Было рискованно читать столь мощное заклинание, которое так легко отследить. Он бросил взгляд на восток, как если бы он мог заглянуть за горы Зубов.

– Что ты делаешь в Винтерфелле?

Хотя его противник был по ту сторону гор, Грешюм чувствовал струйку беспокойства, просочившуюся в его самоуверенность. Он ощущал пугающую уверенность другого мага, обманчивое отсутствие интереса к тому, что планировал Грешюм.

– И что ты собираешься делать?

Не получив ответа, Грешюм потянулся к посоху, но увидел, что след ищущего заклятья все еще остается. Он колебался. Он ненавидел тратить магию впустую. Грешюм переплел заклятье с энергией, оставшейся после Шоркана. И взмахнул своим обрубленным запястьем.

Дым нахлынул вновь, затем воронкой ушел вниз. Возникло новое лицо, старое и морщинистое, обрамленное разметавшимися в беспорядке белыми волосами. Грешюм потянулся к лицу, легко прикоснувшись к щеке. Древнее, гниющее, умирающее...

В заклинании осталось мало энергии, но Грешюм потянулся глубже, пытаясь ощутить человека за завесой дыма.

– Джоах, – прошептал он. – Каково это, мой мальчик, носить одеяние из слабой плоти и скрипящих костей?

Он предположил, что другой спит, задремав на склоне дня там, на Алоа Глен. Дыхание Джоаха было скрежещущим хрипом, а биение сердца – дрожащим стуком.

Грешюм улыбнулся и отступил. Он не осмеливался зайти дальше; мальчик – или, ему следовало сказать, старик – оставался по-прежнему сильным в магии снов. Он не осмелится рисковать, входя в сны Джоаха.

Освободившись, Грешюм завершил заклинание и опустил взгляд на свое собственное тело, прямое и здоровое. Он сделал глубокий вздох и медленно выдохнул.

Хорошо было быть снова юным .... юным и могущественным!

Джоах вздрогнул и проснулся, весь дрожа. Простыни на его постели были мокрыми от ночного пота и прилипли к его хрупкому телу. Кошмар остался с ним, живой и реальный. Он знал в глубине души, что это был необычный сон. Он чувствовал что-то на краю памяти. В этом не было совершенства Плетения, магии предвестий. Это было скорее похоже на реальное событие.

– Грешюм, – пробормотал он в пустоту комнаты. Пот на его теле быстро остывал, заставляя его дрожать. Он взглянул на окна, где мягкий бриз шевелил занавеси. Солнце уже село.

Со стоном он спустил ноги на пол. Прошедший день и ночь измотали его. Мышцы и суставы протестовали против любого движения. Но он знал, что только компания остальных способна стряхнуть с его сознания паутину кошмара.

Джоах потянулся к своему посоху, но, как только его ладонь коснулась окаменелого дерева, острая боль пронзила руку и дошла до сердца. Он скрючился в агонии, задыхаясь. Потом он посмотрел в сторону посоха. Его серая поверхность стала бледно-белой. Подтеки его собственной крови залили каменное дерево, устремившись из руки, что сжимала его.

Отвлекшись, он забыл надеть перчатку, случайно активировав кровавое оружие прикосновением своей плоти. Он поднял посох. Тот стал легче, послушнее – дар магической связи. Джоах чувствовал в дереве энергию снов, ожидающую использования. Как и посох, это казалось частью его тела.

Джоах направил посох и послал завиток магии. Маленькая роза выросла из наполовину наполненного таза для умывания. Джоах вспомнил, когда в последний раз он вызывал подобное создание к жизни: ночная пустыня, Шишон лежит между ним и Кеслой, и роза, созданная из песка и сна, чтобы успокоить испуганного ребенка.

Опустив посох, Джоах отпустил магию, и цветок ушел обратно в ничто. Даже рябь не тронула воду в тазике.

Лишь сон.

Воспоминание о Кесле поселило темную меланхолию в его душе. Джоах покачал посох на изгибе руки и передвинул ладонь. Сейчас ему не хотелось ничего из снов.

С разрушенной связью посох вернулся из цвета слоновой кости обратно в тусклый серый. Джоах натянул перчатку на руку и взял посох вновь. Он подошел к деревянному гардеробу. Хватит снов и кошмаров, ему хотелось общества настоящих людей.

Однако, пока он одевался, осадок от его кошмара оставался. Джоах снова увидел темного мага Грешюма, стоящего на лесной опушке, окруженного падалью и истерзанными телами. Воткнутый в землю белый посох стоял перед ним, увенчанный облаком чернильной тьмы. Затем его взгляд обратился к Джоаху, ликующий, но полный злобы. Но самым ужасным во сне была внешность мага: золотисто-каштановые волосы, гладкая кожа, сильные руки, прямая осанка и такие яркие глаза. Джоах видел, как его собственная молодость дразнит его, так близко, но невозможно дотронуться.

Вздохнув, он поправил плащ и подошел к двери. Он сжал крепче свои затянутые в перчатку пальцы на окаменелом дереве и ощутил магию внутри; это помогло ему успокоиться. Однажды он найдет Грешюма и заберет обратно свое.

Когда Джоах подошел к двери, кто-то постучал с другой стороны. Нахмурившись, он открыл дверь и обнаружил за ней юного пажа. Парень поклонился.

– Господин Джоах, твоя сестра приглашает тебя присоединиться к ней в Большом внутреннем дворе.

– Зачем?

Этот вопрос, похоже, поставил в тупик юношу, и его глаза расширились.

– О-она не сказала, сир,

– Прекрасно. Мне следовать за тобой?

– Да, сир. Конечно, сир, – паренек едва не отпрыгнул прочь, как испуганный кролик.

Джоах последовал за ним, тяжело ступая. Он знал дорогу во внутренний двор.

Паж остановился на лестнице, ведущей вниз, в центральную часть крепости, и оглянулся. Джоах прочитал нетерпение в его позе... и смутный проблеск страха. Он знал, что мальчик видел. Джоах однажды прошел этими залами сам – юный помощник при старике. Но теперь он играл противоположную роль.

Джоах больше не был мальчиком.

Паж исчез внизу.

Джоах теперь был стариком, ожесточенным и полным черных мыслей.

– Мой день еще настанет, – поклялся он пустому залу.

Глава 3

В тот момент, когда последние лучи солнца растаяли в сумерках, Елена стояла в Большом внутреннем дворе с другими, рассматривая молодое деревце коаконы. Оно выглядело хрупким и маленьким на фоне вздымающихся каменных стен, башен и укреплений замка. Но его бутоны были черными, словно масло, они будто стекали со стеблей, удерживающих их. Елена натянула плащ повыше на плечи.

– Они вытягивают тепло, – прошептала Нилан в трех шагах справа. – Как Мрачные.

Елена слышала истории о духах Холма Ужаса, темных призраках, которые могли выпить жизненную силу из всего, к чему прикасались.

– Тише, – сказала Мерик, стоящий рядом с Нилан. – Это всего лишь вечерний бриз, и ничего более.

Мерик кивнул Елене. Когда эльфийский принц принес известие о странном цветении дерева, Елена от всего сердца согласилась, что дереву нельзя причинять вред, пока не будет разгадана его истинная природа, особенно если жизнь мальчика висит на волоске.

Не все были согласны. «Мы рискуем многим, чтобы защитить одну жизнь», – спорил Эррил. Но Елена отказывалась действовать поспешно, и Эррил склонился перед ее волей. Тем не менее сейчас он стоял рядом с ней с топором в руке. Двое стражников позади него держали ведра смолы и горящие факелы. Эррил не собирался рисковать, полагаясь только на магию, если поднимется какое-то зло.

Елена тоже не хотела излишне рисковать. В сумке за ее плечом лежал Кровавый Дневник. Это была первая ночь полной луны. С ее светом книга сможет открыть путь в Пустоту, позволяя Елене призвать громадную силу духов книги. Елена дрожала: вечер был прохладный. Она намеревалась призвать этот источник магии, только если будет необходимо.

– Луна поднимается, – произнес голос за ее спиной.

Вырванная из своей задумчивости, она обернулась и обнаружила Арлекина Квэйла, стоящего на посыпанной гравием дорожке позади нее. Ни один колокольчик из сотен на его одежде не зазвенел, когда он подошел. Он стоял, глубоко засунув руки в карманы. Его бледная синеватая кожа сияла в свете факелов.

– Что ты здесь делаешь? – раздраженно спросил Эррил.

Арлекин пожал плечами, вытащил трубку из кармана и начал прикуривать.

– Я слышал о ребенке и о дереве. Я пришел предложить поддержку, какую смогу.

– Помощи у нас более чем достаточно, – сказал Эррил, нахмурив брови.

– Тогда, возможно, я просто вышел прогуляться под луной, – его трубка разгорелась. Он слегка затянулся, повернувшись спиной к стендайцу.

Елена бросила хмурый взгляд на Эррила и потянулась коснуться локтя Арлекина. В прошлый раз он ушел слишком быстро, и она не успела выразить ему признательность за риск, на который он пошел, чтобы принести свои мрачные вести. Теперь она могла, по крайней мере, поблагодарить его.

– Спасибо тебе, – сказала она.

Он кивнул, его золотые глаза сияли, их взгляд было невозможно прочесть. Позади него широкие двери внутреннего дво-

ра хлопнули, открываясь, и возникла темная тень. Проблеск страха прошел сквозь нее.

Арлекин бросил взгляд через плечо.

– Твой братец, не так ли?

Квэйл был прав. Она послала пажа за Джоахом. Из них всех ее брат был лучше всего знаком с черными искусствами. Если искажение живет здесь, его руководство может стать полезным.

Ее брат подошел шаркающей походкой, тяжело опираясь на посох.

– По виду он мог бы быть твоим дедушкой, – пробормотал Арлекин, держа трубку во рту.

Джоах не расслышал слова коротышки. Елена заставила свое лицо принять вежливое выражение. Даже спустя столько времени вид брата, ставшего старым и немощным, потрясал ее.

– Спасибо, что пришел, Джоах.

Она представила Арлекина Квэйла.

Ее брат кивнул, рассматривая чужестранца с подозрительностью. Трудно было сказать, кто более скептичен и недоверчив: Эррил или Джоах.

– Что случилось, Ель? – спросил он, повернувшись к ней.

Она быстро объяснила. Джоаха перевел взгляд на дерево, он изучал его, сузив глаза.

– Хорошо, что ты послала за мной, – сказал он. – Какая бы магия ни крылась в этих темных бутонах, лучше всего быть осторожными.

Елена повернулась к дереву.

– У нас есть оружие и магическое, и не магическое.

Джоах посмотрел на топоры и ведра со смолой.

– Хорошо, хорошо, – он провел рукой по рукоятке посоха. Она заметила перчатку из кожи теленка. С момента своего старения Джоах становился все более и более чувствительным к холоду.

Нилан выступила вперед, и рядом с ней Родрико.

– Время подходит. Первая полная луна лета близка к восходу.

Елена глянула мимо стен замка. Половина полного лунного диска сияла серебром над горизонтом. Это ненадолго. Она стянула перчатки, открыв рубиновую розу своей силы. Каждая кисть от запястья была покрыта завитками темно-красного цвета. Елена сцепила пальцы и направила дикую магию из своей крови в руки. Глубоко внутри многоголосье силы зазвенело ярче; она укротила ее и подчинила силу своей власти. Ее правый кулак сиял ярче огня восходящего солнца, левый вобрал лазурные тона луны: ведьмин огонь и холодный огонь.

Коснувшись запястья, она вытащила серебряно-черный кинжал с рукояткой, украшенной розой, – кинжал ведьмы. Она заточила лезвие, чтобы освободить магию внутри себя, открыть канал, чтобы впустить энергию Пустоты в этот мир.

Но прежде она надрезала кончик пальца и, закрыв глаза, помазала веки кровью. Вспышка огня осветила ее зрение знакомым ожогом. Она открыла глаза и взглянула на новый мир. Все осталось прежним, но теперь скрытые узоры магии открылись ее заколдованным глазам. Она заметила серебряное мерцание стихийного огня в Нилан, Мерике и даже в мальчике.

Но ее внимание было приковано к дереву.

То, что прежде было стволом и зеленью, теперь сверкало внутренним огнем. Потоки силы бежали вверх по стволу, разделяясь в его ветвях, расщепляясь в стебельках. Чистая стихийная энергия вздымалась из самой земли, магия корней и плодородной земли.

Она никогда бы не предположила такой силы в маленьком деревце. Каждый цветок был факелом магии, горевшим ярче любой звезды.

Она начала сомневаться с своем решении защитить дерево.

Эррил почувствовал ее колебания.

– С тобой все в порядке? – спросил он.

Она кивнула, сдержав беспокойство. Если она выскажет свои сомнения, Эррил, как она подозревала, потребует немедленно уничтожить дерево. Так что она просто махнула рукой.

Нилан опустилась на колени возле мальчика, что-то шепча ему на ухо. Родрико кивнул головой, его глаза смотрели на дерево, когда он снимал свои сапоги.

Елена изучающе смотрела на него. Сильный, яркий свет стихийного огня сиял в его груди. Но странности продолжились, Елена заметила узы между мальчиком и деревцем. Серебряные нити соединяли безбрежную энергию дерева с мерцанием внутри сердца ребенка. Елена знала, что Нилан была права. Эти двое были явно связаны. Если деревце уничтожить, Родрико непременно увянет вместе с ним.

Освободившись от сапог, Родрико выпрямился.

Взглянув на небо, Нилан откинулась назад, ее лицо было маской беспокойства. Луна продолжила свое восхождение среди звезд. Ночь была совершенно ясная. Морской туман лишь слегка скрывал горизонт.

– Иди, Родрико, – сказала Нилан, протягивая маленькую лютню. – Пробуди свое дерево.

Мальчик пошел по открытой почве, его ноги увязали в мягкой грязи. Под ветвями дерева Родрико поднял руки к одному закрытому бутону. Он не тронул его темные лепестки, только сложил ладони чашечкой вокруг него.

Бутон налился краской. Серебряный лунный свет заливал внутренний двор.

– Пой, – прошептала Нилан. – Луна восходит полной.

Родрико вытянул шею, его мальчишеские черты, казалось, были нарисованы лунным светом и тенью. Хотя его губы не двигались, мелодичный звук слетел с них. Что-то похожее на свист ветра в тяжелых ветвях, шелестящее падение осенних листьев.

Нилан прижала обе руки к шее, напуганная, но гордая.

Елена была уверена, что, какой бы хор она ни слышала сама, это было всего лишь одной нотой по сравнению с тем, что могла слышать женщина нимфаи. Игра магии в дереве была блистательной. Сила в дереве и мальчике стала ярче. Серебряные нити, связывающие этих двоих, стали материальными. Новые волокна изящными дугами отходили от дерева к мальчику.

Его пение стало громче, наполненнее, глубже.

– Это произошло, – сказала Нилан.

Эррил пошевелился позади нее, держа топор наготове. Елена не сомневалась, что Эррил может срубить дерево одним ударом.

Вспышка стихийного огня немедленно привлекла ее внимание к другой стороне. Джоах переместился ближе, чтобы лучше видеть, его мутные глаза сузились. Но посох, который он наклонил вперед, был стержнем чистого пламени, сосудом бесконечной стихийной энергии. Она пристально смотрела на Джоаха, не понимая. Ее брат, стихия, связанный с магией снов, всегда носил знакомое серебряное пламя рядом с сердцем. Однако Елена могла видеть ярко-красные нити, связывающие ее брата с его посохом. Она открыла рот, чтобы выразить свое удивление.

Нилан вмешалась:

– Цветы распускаются!

И внимание Елены переключилось на дерево; в конце концов, она могла спросить Джоаха об этом странном проявлении силы позже.

С растением происходило удивительное превращение. Стихийный огонь пылал между мальчиком и деревом. Родрико был поглощен этим слепящим огнем. Из-за отсутствия реакции остальных Елена предположила, что она была единственной, кто видел поток магии. Даже Нилан опустилась на колени в тени мальчика, напряженная и испуганная.

Родрико продолжил петь, охватывая руками цветок. Между его поднятыми ладонями цветок начал разворачивать лепестки, зацветая в лунном свете.

Это происходило с каждым цветком на дереве, и темные лепестки порождали множество перьев стихийной энергии, вибрируя от песни мальчика. Елена почти могла слышать другой голос, поющий в унисон. Песня деревьев, поняла она в изумлении.

– Цветки светятся, – пробормотал Эррил рядом с ней.

Елена направила свое зрение, чтобы взглянуть за пламя серебряной энергии. Темные цветы в самом деле пылали в ночи.

Черные лепестки открыли огненные сердцевины, красные, словно расплавленный камень.

Крики, вначале тихие, затем громче, послышалась из дерева. Но это были крики не боли, а освобождения и радости.

– Что происходит? – спросил Эррил. Стражники позади него держали смолу и факелы наготове.

Используя свое зачарованное зрение, Елена наблюдала, как вспышки энергии распускались на каждом цветке – сферы лазурного блеска – и уплывали по воздуху, отличные от серебристой стихийной энергии корней и почвы. Это было что-то новое. И отдающиеся эхом крики исходили от этих сияющих шаров.

Нилан ответила на вопрос стендайца:

– Цветки... они выбрасывают частицы жизненной силы. Я могу слышать песню освобожденной жизни.

– Я тоже вижу это, – сказала Елена. – Энергия выбрасывается к полной луне.

Она наблюдала, как поток энергии течет к лику полной луны – река жизненной силы.

– Это от Мрачных, – прошептала Нилан, понизив голос. Ее слова были произнесены не с ужасом, а с благоговейным страхом. – Это все жизни, поглощенные моей сестринской общиной, освобождаются в конце концов. – Ее голос упал. – Неудивительно, что Сецелия сражалась так яростно за своего сына: она должна была знать. Узкий путь к обретению мира со злом, увиденный духами.

Струящийся поток сияющих сфер уходил, извиваясь, к вечерним небесам.

Мерик помог Нилан встать. Они подошли ближе.

Елена присоединилась к ним, наблюдая за разворачивающимся действом; словно молчаливые участники некоей церемонии, они следили, как призраки освобождались. Она смотрела двумя парами глаз. Одни видели дерево, цветущее и пламенеющее. Другие видели деревце, сверкающее энергией, соединенное с Родрико, в то время как над головой река призрачной силы уплывала к небесам.

– Цветы изменились, – сказал Эррил рядом с ней.

По мере того как каждый цветок выбрасывал свою лазурную энергию к луне, цветочные лепестки смягчались в цвете, выцветая из полуночного черного к фиолетовому – истинному цвету цветков коаконы. Только их сердцевины оставались огненно-красными, одновременно напоминание и свидетельство возмездия, свершившегося этой ночью.

Елена наблюдала с облегчением, как серебристая река, вызванная песней мальчика, течет в ночное небо.

И тут вмешался Арлекин, его голос был полон беспокойства:

– Луна – что-то не так с луной!

Сайвин сидела за столом напротив Брата Рина. Монах в белой мантии склонился над яйцом из черного камня, кончик его носа украшали маленькие очки. Он, прищурившись, продолжал смотреть в лупу.

– Еще больше странностей, – пробормотал он. – Подойди посмотри, девочка.

Она передвинулась к нему. Они оба провели день в главной библиотеке замка, исследуя пыльные свитки и погрызенные крысами тома на предмет хоть какого-то упоминания о подобных камнях, но им удалось узнать мало того, чего они еще не знали. Камень поглощал кровь, приводя в движение некую древнюю магию, которая плохо поддавалась пониманию. Это не было стихийной магией, но это не была и магия Чайрика, вроде Плотины.

После долгих поисков они решили сосредоточиться на самом яйце. Корабельный журнал капитана все еще лежал возле очага библиотеки, просыхая. Главный хранитель библиотеки предостерег их от того, чтобы открывать намокшую книгу:

– Чернила размажутся, будьте уверены. Она должна вначале просохнуть от корки до корки, потом можно рискнуть ее прочесть.

Сайвин взглянула на корабельный журнал. Он лежал на полке возле камина, не так близко, чтобы загореться, но достаточно близко, чтобы высохнуть.

– Самое ближайшее – это утро, – предупредил их хранитель, прежде чем уйти. – Возможно, даже позже.

Так что оставалось только само яйцо как источник информации.

Брат Рин потер ладонью свою бритую голову.

– Остается так много того, что мы не знаем об этом веществе, этом черном камне! Но смотри, – сказал он и передал ей свой плоский диск, изготовленный из увеличивающего кристалла. Он указал на яйцо. – Смотри здесь. Ближе.

Она наклонилась, держа кристалл перед глазами.

– Что я должна найти?

Брат Рин провел пальцем вдоль прожилки серебра. Он не трогал сам камень – никто из них не отваживался на это. Они передвигали омерзительную вещь при помощи медных щипцов для камина.

– Обрати внимание на линию серебра здесь.

– И? – Сайвин не понимала. Черный камень был пронизан прожилками серебра, которые разветвлялись по его гладкой поверхности подобно молнии на ночном небе. – Она выглядит как все остальные.

– Хмм... Смотри внимательнее, девочка. С этой стороны, если хочешь.

Она двигалась медленно, осматривая яйцо под различными углами. Затем она издала вздох удивления: эта прожилка не бежала по поверхности камня, как другие. Серебряная нить врезалась несколько глубже.

– Что это?

Он наклонился ближе.

– Видишь, как эта прожилка обегает вокруг яйца? Другие линии пересекают ее путь, пытаясь отвлечь глаз. Но эта главная линия движется зигзагом по окружности яйца – один бесконечный круг.

Она проследила за его пальцем. Он был прав!

– Что это значит?

Он выпрямился, принимая от нее лупу обратно.

– Я бы сказал, что здесь мы видим способ открыть яйцо – как говорится в пословице, трещину в скорлупе.

Сайвин отпрянула.

– Способ открыть это?

Она даже думать боялась, какой ужас мог быть спрятан внутри, какой тошнотворный зародыш. Ей внезапно захотелось, чтобы Каст был здесь. Но он остался с Хантом и Верховным Килевым, чтобы начать планирование грядущей атаки.

Брат Рин бросил взгляд на книгу, сохнущую возле очага.

– Если бы у меня только было больше информации об этой отвратительной штуке.

Она кивнула:

– Например, способ уничтожить ее.

Старый ученый повернулся к яйцу.

– Или определить, какую опасность она несет.

– Единственный способ узнать это – открыть его, а мы не осмеливаемся.

Брат Рин взглянул на нее. Она прочитала в его глаза жгучее любопытство.

– Мы не можем бороться с тем, чего мы не знаем.

Она закусила губу. Оставалась еще сотня этих ужасных штуковин рядом с гаванью Алоа Глен. Прежде чем они решатся поднять останки корабля, им придется узнать, каков риск.

– Но у нас нет и намека, как открыть камень.

Брат Рин громко заявил:

– Камень кормится кровью. Кровь должна быть ключом.

Внимательно глядя на камень, она почувствовала истину в его словах.

– Но ключом к чему?

Грешюм стоял под кленовым деревом возле кромки воды. Перед ним до самого горизонта раскинулось широкое Лунное озеро, темное зеркало, отражающее восходящую полную луну. Сотни участников церемонии уже выстроились по берегам в ожидании момента, когда луна поднимется до своей высшей точки и озарит сиянием центр озера.

Сколько Грешюм себя помнил, ритуал Первой Луны проводился здесь, по традиции, относящейся к давнему прошлому Аласии. Никто не знал наверняка, как или почему начали от-

мечать этот праздник. Объяснений его происхождения было так же много, как и их различных версий. Но было у всех этих историй нечто общее: легенда о том, что в первую луну лета лик Небесной Матери появляется в водах и исполняет желания тех, кто купается в озере и чист сердцем.

«Вот в этом-то и загвоздка, – подумал Грешюм кисло, – быть чистым сердцем».

Во время каждой церемонии множество ее участников заявляли, что их желания исполнились, при этом они били себя в грудь и падали на колени. Но Грешюм подозревал, что все они лгали. Кто мог быть дураком настолько, чтобы заявить, что его желание не исполнилось, тем самым давая повод усомниться в чистоте его сердца? Так что каждый год толпы приходили со своими ноющими суставами, больными супругами, тайной любовью – все, чтобы прыгнуть в холодное озеро с топкими, мшистыми берегами.

– Сплошная глупость, – пробурчал Грешюм, который один знал настоящий секрет озера. И он собирался исполнить свое собственное желание, даже если это обернулось бы смертью каждого человека здесь.

За своей спиной он слышал, как Рукх шевелится в своем укрытии в кусте ползучей ягоды. Тупой гоблин так же терял терпение, как и его хозяин.

Звякающая музыка разносилась над водой, пока флотилия парусов плыла по течению, неся тех немногих, чьи кошельки были полны золота. Мимо него проплыла одна из самых больших лодок, украшенная причудливой резьбой, шелковыми парусами и светильниками в форме луны во всех ее фазах. Кажется, лишь богатым было обеспечено столь близкое общение с таинственной госпожой озера.

Но это была ночь не только для тех, у кого были деньги. Повсюду на берегу факелы и красочные фонари ярко озаряли кромку воды, освещая путь другим участникам церемонии. Несколько детей уже плескались на мелководье, слишком возбужденные, чтобы ждать. Их голоса отдавались эхом, словно звонкие колокольчики, вызванивающие радостно и восторженно. Запахи от сотен походных костров наполняли

свежую ночь ароматами жаркого и благоуханного тушеного мяса.

Грешюм выпрямился, зная, что его долгое ожидание близится к концу. Луна подошла к своей высшей точке.

– Рукх!

Коротышка-гоблин выполз на брюхе из-под куста.

Они прошли несколько шагов к их уединенному участку берега. Грешюм позаботился о том, чтобы никто не нарушал их одиночество, при помощи маленького отталкивающего заклятья, которым окружил этот клочок земли, вдающийся в озеро.

Маленьким кинжалом он выковырял глину, запечатывавшую верхушку его посоха из пустотелой кости. Его губы двигались в тихом заклинании. Он прикоснулся к магии в крови новорожденного, чистой жизненной силе младенца. Она была в его власти.

Толпа вокруг озера притихла. Где-то вдалеке заплакал младенец. Чувствовал ли он кровь своего брата?

Грешюм протянул посох, указывая открытым концом кости на широкое озеро. На поверхности воды продолжало сиять отражение луны, но, когда она достигла высшей точки, вступила в действие магия этой ночи. Отраженный лик луны начал сиять ярче, почти слепя тех, кто смотрел на него. Его сияние распространилось по всему озеру, превратив темные воды в серебро.

В толпе поднялся крик. Как один, все участники церемонии бросались в воду; некоторые голые, некоторые одетые, молодые, старые. Некоторые входили в воду тихо, некоторые с просьбами, обращенными к небесам.

Грешюм просто улыбнулся – и приступил к последней части своего колдовства.

Он опустил кончик посоха к озеру и пролил зачарованную кровь на сияющие воды. Пятно распространилось от его отмели. Никто не заметил богохульства, осквернившего церемонию. Все были слишком заняты собственными сокровенными желаниями.

Тонкая пленка крови разрасталась, простираясь к центру озера.

Никто не знал, что воды Лунного озера пропитаны стихийной магией чистого света, превращающей его в источник силы, который наполнялся только одной ночью, когда луна занимала идеальную позицию по отношению к воде, чтобы впитать ее серебристую магию. Озеро становилось чашей безграничной силы, энергии из самой Пустоты.

Но с восходом этот эффект быстро сходил на нет. Лунная энергия не может сосуществовать с жгучим солнцем. И Грешюм не позволит этой купели энергии растратиться впустую, когда у него столь могущественные враги.

Он коснулся кончиком посоха пятна на воде, произнося заклинание, чтобы втянуть силу озера в пустотелую кость. По мере того как посох наполнялся силой, в тысячи раз превышающей его собственную, пятно продолжало распространяться по озеру. Возможно, потребуется целая ночь, чтоб вобрать всю силу.

Губы Грешюма сложились в жесткую улыбку.

Далеко слева группа шумных купальщиков заметила темное пятно, плывущее к ним. По мере того, как серебряные воды обращались в черные, песни и веселье сменялись воплями и криками.

Грешюм наблюдал, как жизненная сила этих людей, погруженных в стихийную силу воды, вырывается из их подвергающихся мучениям тел. На какой-то миг можно было увидеть, как их жизненная энергия пытается ускользнуть: призраки, сотканные из лазурного света, скользили по темной поверхности, прежде чем быть поглощенными, затянутыми в зачарованные воды.

Пока Грешюм продолжал вытягивать эту энергию, другие купальщики были накрыты волной тьмы. Пятно захватило баржу с лунными светильниками. Крик страдания вырвался у капитана обреченного судна. Его подопечные, уже наслаждавшиеся купанием, остались глухи к его зову. Они были поглощены тьмой. Даже когда корабль начал тонуть, его корпус не дрейфовал по течению ровных вод, а плавно ушел под море темной магии.

Грешюм глухо рассмеялся. Он оценил искренний звук собственной радости. С этой силой никто здесь не сможет нарушить его планы.

Резкий крик принесся с дальнего берега:

– Посмотрите на луну!

Грешюм поднял взгляд в ночные небеса, и его улыбка погасла. Лик луны сиял так же ярко, как и прежде, но теперь темно-красный шрам отмечал его центр и расходился ручейками наружу.

– Луна кровоточит! – закричал кто-то.

Грешюм смотрел, как пятно начинает стекать к озеру.

– Что это за магия? – пробормотал он. Это не было результатом его заклинания. А если нет, тогда чьего же?.. Он вспомнил веселье Шоркана.

– Этот ублюдок...

Он вытащил свой посох из воды, приготовившись либо сражаться, либо бежать.

Повсюду вокруг озера эхом отдавались крики:

– Луна! Луна!

– Что случилось с луной? – спросил Эррил. Он шагнул вплотную к Елене, глядя, как она нахмурилась, смотря в вечернее небо.

Она наклонилась к нему.

– Я не знаю.

Прямо над их головами полная луна кровоточила огненно-красными подтеками. Они, казалось, стекают к ним.

– Искажение, похоже, идет нисходящим потоком к потоку призрачной энергии, исходящей от дерева, – сказала Елена. – Назад к нам.

Мерик стоял рядом с Нилан. Она баюкала свою лютню, прижав ее к груди, лицо, поднятое вверх, выражало ужас. Арлекин и Джоах присоединились к ним, хмурясь на ночное небо.

Единственный, кто не обращал внимание на зрелище вверху, был маленький Родрико. Он продолжал петь своему дереву,

в то время как пылающие цветки продолжали излучать свою тьму и сияние с чистым фиолетовым блеском.

– Это делает мальчик? – спросил Эррил. – Нам остановить его?

Нилан услышала его вопрос.

– Нет. Он должен закончить ритуал.

– Это не может быть вина мальчика, – сказал Мерик. – Что-то еще не так.

– Что? – спросил Эррил.

– Я знаю способ выяснить, – сказала Елена. Она сдернула сумку со своего плеча. – Кровавый Дневник.

Она вытащила том из сумки. Позолоченная роза на его кожаном переплете сияла ярким серебром, не уступая лунному свету. Елена приготовилась открыть книгу.

Эррил протянул руку, положив ладонь на сияющую розу.

– Кровавый Дневник связан с луной, а сейчас луна кровоточит. Возможно, нам следует подумать, прежде чем открывать путь в Пустоту.

Елена посмотрела на него.

– Какое бы зло ни восстало здесь, оно что-то делает с луной. Если здесь есть ответы, Чо может быть единственной, кто разгадает их.

Эррил медленно кивнул.

– Будь осторожна.

С самых событий в Гульготе, когда Чо овладела Еленой, он оставался настороженным в отношении к духам книги, опасаясь, что на самом деле Чо не заботится ни об интересах Елены, ни об интересах Аласии. Дух, способный думать лишь о поисках Чи, своего духа-близнеца, лишен заботы об этой земле или ее людях.

Елена сжала руку Эррила, тихо благодаря его за заботу. На мгновение он почувствовал силу, струящуюся под рубиновой кожей ее ладони – энергию Чо. Затем молодая женщина оборвала контакт, отвернувшись.

Елена подняла свою книгу, сделала глубокий вдох и открыла кожаный переплет. Никто из них не был готов к вспышке

света, которая последовала за этим. Елену отбросило назад, но Эррил поймал ее. Ему удалось взглянуть на страницы книги. Вместо белого пергамента там было окно в другое мироздание. По ту сторону Кровавого Дневника звезды блистали на фоне чернильной темноты. Облака светящегося тумана скользили возле сфер, наполненных энергией бесконечной Пустоты.

Елена поднялась на ноги. Столп света от книги вырос, затем изогнулся дугой и коснулся земли на дорожке внутреннего двора позади них. Там сразу же обрела форму фигура женщины, сотканная из света и энергии. Одетая в сияющий лунный камень, который вихрился энергией не из этого мира, женщина повернула свое лицо к Елене. Жгучие солнца бушевали в ее глазах.

– Что это за осквернение? – выкрикнула Чо.

– Мы не знаем, – ответил Эррил, пытаясь соответствовать ее суровому тону.

– Это то, почему мы позвали тебя, – добавила Елена.

Чо посмотрела вверх на небо, затем вниз на дерево.

– Мост, – сказала она, ее гнев продолжал пылать. – Новый призрачный мост открыт!

Остальные подошли ближе, молчаливые свидетели.

– Призрачный мост? – переспросил Эррил.

Елена высвободилась из его рук.

– Может быть, нам следует поговорить с Филой, – предложила она, имея в виду собственную тетушку. Эррил понял просьбу Елены: дух ее тетушки также был мостом между мирами.

Чо взглянула еще раз на луну, затем, без какого-либо движения, словно перешла в другую форму. Ее плечи расслабились, и ее движения, когда она повернулась к ним, были более естественными. Сияние Пустоты ушло из ее глаз.

– Дитя, – сказала она тепло, – как поживаешь?

– Тетушка Фила... – голос Елены дрогнул

Эррил положил руку на ее плечо, поддерживая:

– Что происходит с луной?

Призрачная фигура взглянула на внутренний двор.

– Чо была права. Освобождение духов из дерева создало временную связь между Пустотой и этим миром. Это то же, что и мой дух, соединение между двумя измерениями, – она повернулась к ним. – Но связь не закреплена тем способом, которым я скрепляю магию Кровавого Дневника. Как только поток душ из коаконы прекратиться, мост исчезнет.

– Но что с луной? – спросила Елена.

Над ними луна превратилась в сплошной кроваво-красный круг, устремив пламенеющие подтеки к ним.

Тетушка Фила нахмурилась и попросила Елену поднять одну руку. Рубиновый цвет ее Розы совпадал с цветом луны.

– С открытием моста энергия истекает из Пустоты сюда.

– Но почему? – спросила Елена. – Я не понимаю.

– Как и я. Как и Чо. Это не должно было произойти. Чо в панике. Это как если бы что-то проделало огромную дыру в ткани ее мира. И теперь он кровоточит в наш.

– Какую опасность это представляет? – спросил Эррил.

Призрак тетушки Филы покачал головой.

– Если энергия покинет нас, это может сжечь нас дотла или исказить ткань нашего существования, – ее взгляд скользнул к дереву. – Мост должен быть разрушен.

– Но все уже почти подошло к концу, – сказал Нилан, выступив вперед. – Уже сияют последние из темных цветков.

Эррил увидел, что она была права. Лишь горстка цветков оставалась темной, сияя своими огненными сердцевинами в небо. Однако судьба мира повисла на волоске...

Он крепче сжал топор.

– Мы можем заблокировать энергию Пустоты? – спросила Елена, явно ища другое решение, без риска для Родрико.

– Без знания, как произошел этот прорыв, – нет.

– Но если мы не знаем, что привело к этому, – возразила Елена, – кто может сказать, что разрушение моста остановит происходящее?

Брови тетушки Филы сошлись вместе. Вопрос Елены явно сбил ее с толку.

– Ты можешь быть права. Сначала нужно найти ответ. Я должна посоветоваться с Чо, – она отвернулась.

Елена взглянула на Эррила. Он взял ее за руку, продолжая сжимать топор. В нескольких шагах от них Мерик успокаивал Нилан. Позади них одинокий мальчик пел своему дереву. На мгновение в песне мальчика Эррил почувствовал перелом судьбы. Только на мгновение – со всеми присутствующими здесь полноводными источниками силы – Эррил почувствовал, что этот самый момент был предопределен эпохи назад, когда был создан Кровавый Дневник.

Куда будущее направилось отсюда?

Наконец, после долгого молчания, тетушка Фила повернулась к ним. Ее глаза вновь пылали ледяными огнями Пустоты: Чо вернулась. Она обратила свои пустые глаза к Елене.

– Я прочитала эфир. Энергия уходит в Пустоту, – она указала на дерево, на поток душ, затем повернулась снова к кровавой луне. – Но что-то вытягивает ее назад.

Елена нахмурилась:

– Вытягивает ее назад?

На лице Чо, словно изваянном из лунного камня, было написано решение трудной задачи. Она всплеснула призрачными руками, пытаясь облечь в слова что-то, что не имело названия.

– Два потока. Один двигается внутрь, другой наружу – оба в одном и том же месте, – снова быстрый взгляд на луну. – Энергия перемешивается, – она сжала руки для выразительности.

– Быстрина?.. – спросил Эррил.

Чо подняла голову, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя.

– Течения... луна... быстрина. Фила понимает. Да... быстрина.

Елена нахмурилась.

– Но почему? Если энергия душ уходит внутрь, что вытягивает энергию Пустоты наружу?

Очертания Чо замерцали, ее черты затуманились. Эррил имел достаточный опыт общения с духами, чтобы понять, когда они злятся.

– Я не знаю! – выкрикнула она. – Но я узнаю!

– Как? – спросила Елена.

Чо вновь запрокинула голову, но на этот раз вопрос не имел смысла... или ответ был слишком простой, чтобы произносить его.

– Я возвращаюсь в Пустоту, – призрак лунного камня вихрем устремился вверх.

– Подожди! – крикнула Елена.

Чо полуобернулась, мерцая между воплощенной формой и чистой энергией.

– Это осквернение представляет собой опасность для всего... меня, моего брата, обоих наших миров. Я должна идти.

Призрак метнулся к дереву в вихре света – комета в форме женщины. Она спиралью вошла в ветви и устремилась к небу.

– Она плывет в реке духов, – сказала Елена, глядя вверх.

Пока Эррил смотрел, сияние Чо протянулось и к дереву, и к луне, вытянувшись в мерцающий шнур. Он, казалось, парил там бесконечно, дрожа и грозя разорваться.

Затем, со звуком, неслышимым ушами, но заставившим вибрировать волоски на руках Эррила, шнур резко оборвался – и Чо ушла.

Тишина повисла, словно тяжелый занавес после спектакля.

Первым заговорил Джоах:

– Коакона иссякла.

Все глаза повернулись к дереву. Эррил осознал, что тишина мгновение назад кончилась. Родрико прекратил петь и рухнул на колени перед деревом. Эррил внимательно рассматривал деревце. Каждый цветок теперь сиял фиолетовым – брызги сверкающих драгоценностей в море темной зелени. Ни один из цветков не остался темным.

– Кончено, – сказала Нилан, дрожа от облегчения. – Все попавшие в ловушку призраки освободились.

– Но луна продолжает кровоточить, – сказал Арлекин.

Эррил глянул в небо. Луна действительно оставалась окрашенной кровью. Прореха в Пустоте не закрылась. Елена была права. Разрушение моста не остановило опасность.

Позади него Елена внезапно резко вздохнула.

Он обернулся к ней. Она смотрела не на луну, как другие, а вниз, на Кровавый Дневник. Книга лежала открытой в ее дрожащей руке.

– Страницы... – пробормотала она.

Эррил посмотрел. Простой белый пергамент сиял в свете факелов.

Пустота исчезла из книги.

Глава 4

В глубинах замка Каст торопился вслед за принцем Тайрусом. Он был срочно вызван с встречи с Килевыми Дреренди. Послание Сайвин уведомляло, что Брат Рин выяснил что-то о яйце из черного камня и им нужна немедленная помощь. Тайрус тоже был на встрече, но он присоединился к Касту, поскольку человек пришел за ними обоими.

– Ксин, ты уверен? – снова спросил Тайрус.

Человек из племени зулов кивнул:

– Я почувствовал тьму, источник болезни. Вспышку, словно свеча черного пламени... Затем оно исчезло. Но оно не было воображаемым. Это было реально.

Каст недовольно посмотрел на шамана. Маленький человек был обнажен выше пояса. Заплетенные в косу волосы лежали на плече, украшенные перьями и кусочками ракушек. Его темная кожа в сумрачных залах отливала эбонитом, заставляя бледный шрам восходящего солнца на его брови словно бы сиять своим собственным светом. Каст знал, что шаман из джунглей может читать в чужих сердцах; эта эмпатия открывала дорогу к другим, даже находившимся далеко.

Тайрус указал на лестничный колодец, открывающийся впереди:

– Мы должны дать знать об этом Елене и Эррилу.

Каст нахмурился:

– Я посмотрю, что обнаружила Сайвин, и присоединюсь к вам во внутреннем дворе. Возможно, тьма связана с деревом.

Тайрус повернулся к лестничному колодцу, жестом предложив Ксину следовать за ним. Каст собрался двинуться в другом направлении, к замковым библиотекам, но позади него раздался крик. Он обернулся вовремя, чтобы увидеть, как упал шаман зулов. Тайрус и Каст поспешили ему на помощь.

– Что случилось? – спросил пиратский принц.

Ксин часто и тяжело дышал, его лицо исказилось от боли.

– Тьма... сильнее... – он поднял руку. – Она идет оттуда.

Он указал не на лестницу, а на коридор, которым собирался воспользоваться Каст.

Тайрус встретил его взгляд:

– Может это быть яйцо?

– Может, – сказал Каст. Страх за Сайвин вспыхнул в его крови. Он передал зула принцу. – Расскажи Елене.

Тайрус кивнул.

Ксин потряс головой, словно пытаясь привести в порядок мысли:

– Это ушло снова... но...

Каст помедлил:

– Но что?

Ксин взглянул на двух мужчин:

– Это... это кажется знакомым... – он потряс головой. – Но я не знаю.

– У меня нет времени, – сказал Каст резко и ушел по коридору. Он не решился ждать дольше. Библиотека находилась в другом крыле замка, внизу башни обсерватории. Если Сайвин была в опасности...

– Будь осторожен! – крикнул ему вдогонку Тайрус.

Он перешел на бег. Пробежал по залу, пролетел несколько поворотов, почти сшиб с ног горничную, несшую охапку сложенного белья. У него не было времени на извинения. Он пере-

прыгнул короткий лестничный пролет, едва не перелетев через ступеньки, как если бы у него уже были драконьи крылья. Показались тяжелые дубовые двери библиотеки.

Он достиг дверей и дернул замок. Тот не поддался. Заперто. Запаниковав от воображаемых ужасов, он забарабанил в дверь кулаком:

– Сайвин!

Ответа не последовало.

Он постучал снова, оглядываясь по сторонам в поисках чего-то, чем можно вышибить дверь.

– Каст? – голос Сайвин раздался из-за запертых дверей библиотеки. Его колени подогнулись от облегчения, когда он услышал, как отодвинулся засов. Затем дверь отворилась.

Сайвин выглянула наружу:

– Что ты так стучишь? – затем она, должно быть, заметила его сбитое дыхание и бледное лицо. – Что-то не так?

Каст вошел в библиотеку, внимательно оглядываясь и тяжело дыша.

– Что-то случилось? – спросил Сайвин у него за спиной, закрывая дверь.

Дальше по проходу, между рядов книжных полок, группа ученых в белых одеждах столпилась вокруг стола возле камина. Должно быть, был созван весь штат библиотеки. Один из мужчин обернулся и махнул рукой – Брат Рин. Каст с облегчением громко выдохнул. Ничего плохого не было заметно.

Сайвин коснулась его плеча:

– Каст, скажи мне, в чем дело?

Он покачал головой:

– Я.... Я думал, что-то случилось.

Сайвин нахмурилась, придвинулась к нему и повела его к другому концу библиотеки:

– Почему ты так подумал?

– Срочное послание... шаман Ксин что-то почувствовал, – он притянул Сайвин ближе к себе и поцеловал ее в макушку. – Я просто рад, что ты в безопасности.

Она взяла его за руку, и они подошли к ученым.

Брат Рин поманил его к столу, раздвинув своих коллег в стороны, чтобы освободить пространство для высокого Кровавого Всадника.

– Ты должен увидеть это. Нечто выдающееся, в самом деле, – он опустил свои очки обратно на кончик носа.

Каст придвинулся ближе, но ему понадобилась половина потрясенного вдоха, чтобы понять, что он видит. Две овальных чаши лежали на столе. Каждая с зубчатыми краями, и каждая сделана из черного камня. Не две чаши, понял он, а две половины одной скорлупы.

– Вы открыли его! – выдохнул он.

– Это было нетрудно, – сказала Сайвин за его плечом, ее рука по-прежнему была на его запястье. – Потребовалось всего лишь немного крови, – она указала на одного из ученых, судя по желтому шарфу через плечо – юного ассистента, который лежал у дальней стены. Его белая мантия спереди превратилась в запятнанные обрывки. Горло было перерезано.

– На самом деле, больше, чем немного крови, прежде чем мы закончили, – сказала Сайвин.

Каст рванулся назад, но рука, невероятно сильная, сжала его запястье. Он начал вырываться сильнее, но другие руки схватили его сзади железной хваткой.

– Что? – ему наконец удалось выдохнуть.

Брат Рин подошел к Сайвин:

– Дракон в нашей власти. Ты хорошо справилась, моя дорогая.

Сайвин убрала свою руку с запястья Каста и повернулась к нему лицом, в то время как другие крепко его держали.

Брат Рин поднял руку. Он держал студенистое существо на своей ладони. Щупальца оплетали запястье и предплечье мужчины. Одно потянулось к Касту, ища вслепую. Рот с присосками на кончике открывался, сморщившись.

Каст побледнел.

– Ты узнаешь эту маленькую тварь? – спросил Брат Рин.

Каст в самом деле слышал истории о подобных монстрах. Их род завладел разумом людей, находившихся на борту корабля в пиратском порту Порт Роул. Елена и ее союзники едва спаслись.

Рин поднял свой трофей:

– Господин улучшил их форму. Новое поколение.

– Мы сохранили последнего для тебя, – сказала Сайвин.

Каст попытался вырваться.

– Но там еще целая сотня яиц на дне моря, – сказал Брат Рин. – Каждый сосуд содержит множество этих существ.

– И мы собираемся доставить их нашему Господину, – сказала Сайвин. – Ты и я.

– Никогда, – он выплюнул это слово.

– У тебя нет выбора, моя любовь, – сказала она дразнящим шепотом и коснулась щеки Каста. – Я нуждаюсь в тебе.

Грешюм смотрел на истекающую кровью луну, реки кроваво-красного стекали с нее вниз.

Под ее болезненным сиянием повсюду вокруг озера поднимались крики. Купальщики с шумом плыли к берегу. Со стороны прибрежных лагерей факелы среди деревьев зажглись ярче, и веселая музыка стихла. Паруса стремительно уходили от центра озера. Воды опустели.

Даже Рукх был обеспокоен видом луны. Он лежал ниц и скулил, копая грязь копытами и когтями.

Грешюм поднял костяной посох, пытаясь распознать опасность для себя самого. По ту сторону озера кровавое заклятье продолжало свой путь через серебряные воды, впитывая пойманный в них лунный свет. В конечном итоге нужно было потребовать эту энергию для себя, но сперва ему нужно было позаботиться о своей защите.

В центре озера отражение луны отметило самое яркое кроваво-красное пятно на серебряной воде.

Затаив дыхание, Грешюм наблюдал поток своей собственной темной магии, вторгавшейся в искаженное отражение. Он не мог сказать с уверенностью, что произойдет, когда они соединяться. Он чувствовал грандиозную силу в этих искаженных водах. Стихийные свойства Лунного озера вбирали даже энергию этого странного феномена.

По мере того как темное заклятье ползло через серебряные воды к кроваво-красному, призрачное мерцание поднималось над озером, лазурный туман. Грешюм нахмурился: «Что это?»

Туман вихрился под дуновением невидимых ветров и окутывал сам себя. Женская фигура обрела форму, стоя в центре лунного отражения, в сердце рубинового пятна. Медленно она повернулась вокруг собственной оси, внимательно осматривая границы озера.

Грешюм был не единственным, кто заметил ее появление.

– Это Госпожа Озера! – выкрикнул кто-то.

Возгласы удивления последовали за этим криком. Глаза повернулись к чуду. Паника, что царила мгновение назад, сменилась благоговением и изумлением. Водворилась тишина, и ожидание повисло над озером.

Была ли это истинная Госпожа Озера?

Грешюм изучающе смотрел на нее, пока поток его собственной магии все приближался к темно-красным водам.

Призрачная женщина повернула лицо к Грешюму, и, хотя расстояние было большим, он почувствовал, как ее пристальный взгляд нашел его. Рука медленно поднялась, указывая, обвиняя.

Грешюм поднял свой посох, описал им круг и создал заклинание щита вокруг себя и Рукха. Хорошо, что он предпринял меры предосторожности: мгновение спустя его порожденное кровью заклятье достигло края рубинового пятна, вызвав слепящую вспышку энергии. Буря яростной силы вырвалась оттуда во всех направлениях. Грешюм съежился вместе с Рукхом в защитной сфере. Он увидел, как деревья были вырваны с корнем. Парусная лодка пролетела у них над головой, кувыркаясь, сопровождаемая стеной вздыбленной воды в два раза выше самого высокого дерева.

Все это вырвалось за границы озера, прочь от островка безопасности Грешюма. Он отдавал все больше и больше магической силы щиту и глазел на представление. Какая мощь! Он молился, чтобы его магия оказалась достаточно сильной, чтобы устоять в этой буре.

Сквозь свой магический щит он услышал звук, не похожий ни на что, – рев ветров, которым не было места в этом мире.

Пока он пытался обнаружить источник звука, полная тьма окружила его и все вокруг. На один удар сердца Грешюм почувствовал исчезновение мира.

Его кровь заледенела от ужаса.

Он был в Пустоте.

Елена почувствовала магическую вспышку за мгновение до того, как она произошла. Она оторвала взгляд от чистых страниц Кровавого Дневника и посмотрела на луну. Кровавые реки неожиданно остановили свое течение, замерзнув на месте. Она знала, что это не к добру, напротив, это что-то хуже... намного хуже.

– Эррил... – предупредила она.

– Что это?

Она открыла рот, но не нашла слов. Она просто указала в небо.

Рубиновое пятно на серебряной луне начало темнеть, затем всплыло на поверхность, словно пузырь, поднявшийся из невероятных глубин.

– Беги, – прошептала она.

– Куда? От чего? – Эррил схватил ее за руку.

Елена вырвалась. Она отдала ему Дневник и схватила свой кинжал ведьмы и сделала глубокий порез на одной ладони, затем на другой. Она не чувствовала боли, только нарастающую панику.

Эррил убрал Дневник под свой плащ и коснулся ее.

– Елена...

Не обращая на него внимания, она подняла обе руки. Она знала, что уже слишком поздно. Не издав ни звука, темный пузырь взорвался. Своими заколдованными глазами она наблюдала в ужасе, как вспышка огненной энергии неслась к ним по призрачному следу энергии, оставленному цветением дерева.

– Беги! – крикнула она.

Прежде чем кто-нибудь смог сделать хоть шаг, взрывная волна бури ударила по внутреннему двору, словно огромная масса воды, опрокинутая сверху.

Елена послала магию обеими руками, но энергия сверху даже не заметила ее попытки и ударила с силой штормовой волны. Мир вокруг исчез. Бесконечная тьма поглотила Елену.

Прежде чем хоть одна мысль смогла сформироваться, крошечная искра разбила темноту, мерцая и переливаясь в тесном беспорядке нитей и ответвлений. Паутина оплела ее, прошла сквозь нее, вокруг нее. Ее разум охватывал мириады нитей, простираясь дальше. Она узнала связь. Она уже сталкивалась с этим раньше, каждый раз, когда касалась своей магии в самых сокровенных ее глубинах.

Это была паутина жизни, бесконечная связь, соединяющая все живое в мире. Голоса наполняли ее голову. Размытые образы нахлынули на нее. Чужие желания, ощущения, мечты проносились сквозь нее. Она боролась за то, чтобы удержать себя целой, сохранить от потери самой себя в этой сияющей путанице жизни.

Она потерпела поражение.

Елена начала падать к центру паутины, блуждающий огонек в вихре. У нее не было якоря. По мере того как она падала, она ощущала некое более великое присутствие, наполнявшее ее разум, что-то, что было жизнью, но не жизнью. Она неожиданно поняла, что не одна здесь. Глубоко в беспорядке паутины жизни мира существовало что-то. Она почувствовала, как внимание этого существа медленно изменяет ее путь. Оно было бесконечным, неизменным, вечным. Это был паук в этой паутине, ткач.

Она начала бороться, чтобы сбежать. Она знала, что не вынесет взгляда этого существа.

Неожиданно руки схватили ее, таща ее наверх и прочь. Слова оформились в ее сознании: «Ты не должна идти туда!»

Нахлынуло облегчение. Это была Чо, она вернулась.

Затем она вспыхнула с яркостью тысяч солнц.

Боль пронзила ее.

«Ты никогда не должна идти туда!»

Тайрус добрался до дверей, ведущих во внутренний двор, в тот момент, когда ударил гром. Взрыв бросил его на колени. Весь замок встряхнуло. Толстая дверь из железного дерева перед ним содрогнулась и треснула.

– Милосердная Мать! – выдохнул он.

Молния ударила прямо за порогом? Тряся головой, чтобы прогнать отдающийся эхом гул, он схватился за дверной засов и вскрикнул от боли и удивления. Его рука мгновенно примерзла к металлу, такому холодному, что он обжигал. Тайрус рванулся назад и оставил добрый кусок кожи на ручке.

Ксин был в шаге позади него:

– Что-то не так.

– Думаю, я уже столкнулся с этим! – огрызнулся Тайрус. Он обернул обожженную руку плащом и снова схватился за засов, но дверь не пошевелилась. Зарычав, он вышиб ее, неожиданно проломившись сквозь слой льда.

Сады Большого внутреннего двора по ту сторону выглядели нетронутыми. Там не было признаков удара молнии или какой-то бури в небе. Пока Тайрус поворачивался, оглядываясь, край его плаща задел розу. Бледно-розовый цветок рассыпался осколками хрустальных лепестков.

Тайрус потрясенно уставился на них.

Ксин дотронулся до ветви цветущего кизила. Ветка отломилась со звоном и упала, разбившись вдребезги о покрытую гравием дорожку.

– Все замерзло, – сказал Тайрус. При полной луне сады сияли неестественным светом. Все вокруг было покрыто льдом и мертво.

Какое-то движение привлекло его внимание. Маленькая фигурка выползла из-под дерева в центре сада, под которым пряталась, – Родрико. Мальчик коснулся пурпурного цветка деревца коаконы почти успокаивающим движением. Его лепестки оставались мягкими, незамерзшими. Дерево наполняло теплое сияние, блеск, исходивший от сотен открытых цветков. Кроме мальчика, дерево было единственным живым существом здесь.

– Где остальные? – спросил Ксин.

Тайрус покачал головой. У него не было ответа.

Сады были пусты.

Каст первым отреагировал на грохот, потрясший замок. Воспользовавшись тем, что его пленители застыли в замешательстве, Каст резко рванулся и сумел освободиться от рук, сжимавших его. Брат Рин, продолжавший держать в пригоршне студенистые щупальца, покачнулся. С рычанием Каст схватил край библиотечного стола и швырнул его вверх, задействовав всю силу своей боли и ярости. Тяжелый дубовый стол взлетел высоко, удар пришелся по собравшейся братии и камину. Угли рассыпались, и два куска скорлупы черного камня с клацаньем свалились на пол.

Пальцы сомкнулись на его рукаве. Он обернулся. Это была Сайвин.

– Каст!.. – в этот момент голос прозвучал похоже на нее.

– Сайвин?

Она испуганно смотрела на него.

Он сильно ударил ее кулаком по лицу, сломав ей нос, потом схватил ее за руку и перекинул через плечо.

– Схватить его! – крикнул Брат Рин.

Каст увернулся со сноровкой, выработанной за десятилетия, проведенные на качающейся палубе. Маленькая Сайвин не была для него бременем; он устремился к дверям библиотеки. Их было слишком много, чтобы сражаться, особенно учитывая силу, данную им демонически отродьем. Ему нужно собрать остальных защитников, затем вернуться и вымести порчу из этих залов.

У дверей Касту в голову пришла неожиданная мысль, и он толкнул плечом ближайший ряд поставленных друг на друга полок. Высокая деревянная полка покачнулась. Скрученные пергаментные свитки делали ее тяжелой.

Преследователи почти догнали его.

Взревев от ярости, Каст снова ударил плечом. Сайвин застонала, но к этому времени полка упала с треском, ударив следующий ряд, толкая соседку. Ряд за рядом падали. Поднялась пыль, и книги и свитки разлетелись.

Каст устремился к двери, но сделал не больше четырех шагов. Он опустил Сайвин на пол, затем схватил факел и лампу со стола.

Вернувшись к двери, Каст бросил светильник в первого из преследователей, попав ему в грудь. Стекло разбилось, и масло забрызгало белую мантию мужчины. Каст грубо впихнул его обратно в библиотеку, ткнув факелом в грудь:

– Прости, брат мой.

Масляная мантия занялась пламенем вмиг. Каст толкнул кричащего мужчину на упавшие кипы пыльных томов и изъеденного червями дерева. Старое сухое дерево было словно специально приготовлено для пламени. Огонь разгорался с ревом. Каст отпрыгнул назад, бросив свой факел в глубь груды упавших книг, затем бросился к двери и наружу.

Он захлопнул толстую дверь и запер ее при помощи воткнутого в косяк кинжала, затем привязал замок своим поясом. Делая это, он слышал вопли изнутри. Дверь тряслась: кто-то молотил по ней кулаками. Другого выхода из библиотеки не было, за исключением спиральной лестницы в обсерваторию и смертельного падения, которое ожидало всякого, кто попытается бежать в этом направлении.

Каст отвернулся от воплей. Ему придется отправиться за помощью, чтобы увериться, что этот рассадник мерзости выжжен полностью. Заторопившись, Каст вернулся туда, где он оставил Сайвин.

Факел он использовал, чтобы устроить пожар, а без него коридор был темным, тени густыми – и пол пустым.

Он всматривался в темный коридор.

– Сайвин...

Грешюм пытался пронзить взглядом темную Пустоту вокруг себя. Где он? На мгновение он заметил вспышку света, словно трещину далеко в черноте, вспышку лазурной молнии. Затем она исчезла.

Он поддерживал магией защитное заклинание, вытягивая остатки темной энергии из своего костяного посоха. Отчаяние поселилось в глубине его души. Позади него Рукх продолжал

скулить. Неужели это существо чувствовало их общую судьбу?

Грешюм опустил посох, смирившись с неизбежным. По крайней мере он вновь вкусил вино молодости, пусть всего лишь глоток.

Затем, словно лопнувший пузырь, Пустота исчезла, и мир вокруг вернулся. Внезапное появление света и материи бросило Грешюма на колени. Рукх зарыл свое похожее на звериную морду лицо в грязь, хныча. Грешюм ткнул его локтем:

– Тихо, собака!

Но в его приказе не было злобы. Зрелище, открывшееся перед ним, заставило его потерять дар речи.

Они оба по-прежнему стояли на том же самом клочке земли, но Лунное озеро теперь было сухим. Земли вокруг были разрушены водой. Лишенный листвы поваленный лес лежал вокруг насколько хватало глаз. Ясная луна висела над этим краем опустошения, слепая и равнодушная к руинам.

Повсюду вокруг ночь оставалась тихой, безмолвной. Ни песен птиц, ни голосов, ни криков. Грешюм пытался услышать голоса хоть кого-то из выживших. Ничего.

Он осмотрелся; тусклое мерцание привлекло его взгляд, и он повернулся к центру озера. Вода оставалась в более глубоких впадинах на песчаном дне; он подумал поначалу, что увидел всего лишь отражение лунного света в какой-то луже. Но сияние стало ярче, словно луч солнца, проникающий меж темных облаков, – лунное копье, протянувшееся с неба на землю.

– Что это? – пробормотал он, щурясь.

Он чувствовал ток магии, пульсирующий в сердце сверкающего луча. Он поднял свой пустой посох. Если он сможет вобрать эту энергию...

Он сделал шаг по направлению к озеру. Прежде чем он смог сделать второй, копье света взорвалось, разлетевшись ураганом сколков. Порыв ветра заставил кусочки вонзиться в песчаную грязь. Лед?

Он коснулся кончиком посоха этого вещества. Энергия лунного света ответила ему – это были замерзшие частицы озера. Он втянул маленькую частичку магии в сердцевину своего

оружия, затем посмотрел на тысячи осколков льда и улыбнулся. Это было не то количество магии, на которое он надеялся, но сейчас и оно сгодится.

Осматривая озеро, он заметил фигуры, поднявшиеся из песка и ила в центре пустого озера. Он осторожно отступил на шаг назад. Тихие звуки, свидетельствовавшие о потрясении и потере ориентации, донеслись до него.

– Где мы? – спросил слабый голос.

– Я не знаю, – в этом было больше силы. А еще он звучал знакомо.

– Невозможно, – прошептал Грешюм, пригибаясь. Он использовал частичку магии в своем посохе, чтобы усилить зрение и заострить слух. Фигуры, покрытые грязью и какой-то гадостью, все вместе двигались к центру озера.

Грешюм подавил возглас досады. Этого не могло быть.

Эррил пробирался по грязи рядом с Еленой. Ил грозил стащить сапоги с его ног.

– Я не знаю, где мы, но, судя по звездам, это должно быть далеко от Алоа Глен.

– Где-то в лесах Западных Пределов, – ответила Нилан.

Эррил бросил взгляд на миниатюрную женщину нимфаи. Мерик и один из стражников замка помогали ей встать.

Арлекин Квэйл оставался сидеть в грязи, выражение его лица было сердитым.

– Западные Пределы... великолепно.

– Вы уверены? – спросил Джоах, когда другой стражник поднял его на ноги. Он оперся на свой посох, состроив гримасу при виде слоя ила высотой по лодыжку.

Нилан оглядела порушенный лес.

– Я слышу песню деревьев за горизонтом, – ее пальцы рассеянно счистили тину с лютни. – Но здесь лес мертв.

– Мы это видим, – сказал Мерик.

– Нет, ты не понимаешь, – голос Нилан надломился. – Он не просто мертв – он безжизнен. Сама Земля здесь пуста, – она отвернулась от остальных. – Вы можете почувствовать это?

Эррил изучал лежащий в руинах пейзаж. Он в самом деле выглядел неестественно тихим.

– Даже мертвые деревья становятся частью корней и плодородной земли, – продолжила Нилан, – отдавая энергию своего разложения и магию обратно Земле. Но эта почва пуста. Что-то разрушило это место, отняв стихийную магию у дерева и Земли.

Никто не проронил ни слова. Темный и безмолвный лес приобрел более зловещий оттенок.

Арлекин наконец нарушил тишину, поднявшись из топкого ила с кислым видом:

– Но как мы оказались здесь и как нам попасть обратно?

– Это была Чо, – ответила Елена. – Я почувствовала ее, когда волна магии ударила по внутреннему двору. Мы должны были поддерживать мост – от одного заклинания до другого.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Эррил.

– Чо увидела две противоположных силы в эту ночь полнолуния, – она указала на небесное тело, теперь спускавшееся к горизонту. – Призрачный мост был возведен, и некая сила тянула энергию вниз... вниз сюда, я бы предположила, – она оглядела темный ландшафт. – Взрыв затянул нас в обратный поток – вверх по призрачному мосту и вниз в это место, словно мусор на поверхности стремительной реки.

– Не всех нас, – голос Мерика понизился в страхе, когда он обернулся к Нилан. – Родрико...

Нилан покачала головой:

– Не бойся. Я смотрела на него, когда нас ударило волной. Ветви его дерева укрыли его. Он закончил свою песню... соединившись с деревом. Как дерево укоренено во внутреннем дворе, так и мальчик.

– И он в безопасности? – спросил Мерик с явным облегчением.

Лицо Нилан напряглось.

– Я должна верить, что это так. Я бы почувствовала, будь это иначе.

Эррил вздохнул:

– Нам бы лучше найти убежище, развести огонь и вылезти из мокрой одежды. Потом мы будем искать путь обратно домой.

Джоах стоял поблизости, дрожа.

– «Огонь» звучит неплохо. Поскольку я отдохнул, я могу попробовать связаться с Ксином через мою черную жемчужину, – он похлопал себя по карманам.

Эррил кивнул. Он знал, что Джоах и шаман зулов были связаны – обмен дарами и именами. Эта связь позволяла им общаться на больших расстояниях. Но так далеко? Этот вопрос мог подождать до утра. Сейчас главным был надежный лагерь.

Они направились к лесу, старательно обходя илистые углубления. Эррил выслал стражников вперед разведать обстановку и помочь выжившим. Он произвел учет имеющегося у них оружия. У него был меч, как и у Мерика. У Джоаха был его посох, но есть ли у него сила, чтобы воспользоваться им?

Эррил нахмурился и побрел к Елене. Она шепотом разговаривала с Арлекином. Коротышка отвечал, размахивая руками и звеня колокольчиками. Что бы он ни говорил, эту вызывало улыбку на губах Елены. За эту улыбку Эррил готов был обнять странного парня.

Но вместо этого он увел Елену в сторону.

– Что такое? – спросила она.

Он взял ее руки в свои, и у него перехватило дыхание. Елена нечасто разлучалась с магией Розы, и поэтому редкостью было держать ее руки без перчаток. Он успел забыть мягкость ее кожи и тепло ее ладоней.

– Эррил?..

Он встретил ее взгляд:

– Мы не знаем, какая опасность поджидает нас здесь. Ты бы лучше обновила свой холодный огонь, пока луна еще на небе.

Елена словно ослабла, ее улыбка угасла.

– Конечно, – она высвободила свою руку из его и отступила в сторону.

Он потянулся к ней, затем опустил руку. Были пути, которыми она шла, но по которым он не мог идти следом.

Елена подняла левую руку к луне. Ее глаза медленно закрылись, когда она направила магию снова в себя. Эррил смотрел только на ее лицо. Лунный свет превратил ее фигуру в серебро и тьму. Спустя мгновение он увидел, как ее губы сжались, а

брови нахмурились. Она опустила руку, затем повернулась к нему, протягиваю руку, по-прежнему бледную и белую.

– Это... это не работает.

Эррил подошел к ней:

– Ты уверена? Ты сделала это правильно?

Она бросила на него сердитый взгляд, затем посмотрела на небо.

– Что могло пойти не так?

Елена прильнула к нему:

– Я не знаю. Может быть, магия луны была слишком жестоко использована этой ночью. Или, может быть, это потому что Чо исчезла. Это ее сила течет во мне.

– Мы разберемся, – уверил ее Эррил. – Если дело в луне, мы узнаем это к восходу. И ты сможешь обновить свой ведьмин огонь с восходом.

Голос Елены понизился:

– А если не выйдет и тогда тоже?

Эррил слышал страх в ее голосе, но и тоненькую ниточку облегчения. Он обнял ее крепче. Как и о мягкости ее кожи, он иногда забывал о тяжелом бремени на ее плечах. Он просто окутал ее своим теплом. Он всегда был ее вассалом, но в такие моменты, как этот, он мог быть и ее мужем тоже.

Они стояли, обнимая друг друга, довольно долго, чтобы остаться позади остальных.

Наконец Елена потянулась к своему плащу, доставая из внутреннего кармана Кровавый Дневник. Она пробежалась своими бледными пальцами по обложке. Позолоченная роза продолжала нести легкое сияние лунного света. Елена сделала дрожащий вдох.

– Если это не луна, тогда мы должны искать Чо. Мы не можем выиграть войну без ее силы.

Эррил только кивнул.

Елена открыла книгу. Она посмотрела на страницы, и тихий вскрик вырвался у нее. Она держала Дневник в вытянутой руке, и Эррил увидел это снова – страницы, открытые в темный мир, наполненный клубами малинового и лазурного газа и звездами, собравшимися слишком близко друг к другу.

Пустота вернулась.

Елена огляделась вокруг с ожиданием. Не было вспышки или вихря света. Они ждали, и губы Елены чуть-чуть искривились. Она легонько встряхнула книгу, как если бы хотела вытряхнуть духов со страниц.

Потом повернулась к Эррилу, продолжая хмуриться:

– Где Чо?

Книга вторая

Возвращение домой

Глава 5

Толчук съежился под дождем, похожий на каменную глыбу в бурю; вода стекала по его грубым чертам. Он взобрался на обнаженную часть гранитного пласта, которая давала ему широкий обзор: долина внизу и вздымающееся нагорье по ту сторону, затянутое тяжелыми облаками и пеленой дождя. Рассвело, но едва ли можно было сказать, что ночь кончилась и начался день: за последние три дня они не видели ни проблеска луны или солнца, лишь синевато-серые небеса и слабое зарево.

– Что за промозглая страна, – проговорил голос позади него.

Ему не пришлось оборачиваться, чтобы узнать Магнама. Саркастический тон дварфа никогда не менялся.

– Сейчас сезон дождей, – сказал Толчук. – С приходом середины лета земля окончательно просохнет, и так будет, пока не начнутся зимние шторма.

– Звучит восхитительно. Если бы у меня были детишки и ворчливая жена, я бы непременно привез их сюда отдохнуть.

– Ты мог бы уйти с Веннаром и другими дварфами.

Магнам хмыкнул и вытащил из кармана курительную трубку, размахивая ею, словно флагом:

– Я не воин. Лагерный повар – вот кто я. Я думал, что поглядеть на твои родные земли будет лучшей идеей, – Магнам вскочил на скользкую скалу и оглядел исхлестанное дождем нагорье. – Да, ну и земли же у вас, огров.

Толчук оглянулся.

– По крайней мере, никакого иван-чая через каждые пять шагов и серных копей, – сказал он, намекая на земли дварфов в Гульготе – иссушенное ветрами и насквозь прогнившее место. Но когда он увидел выражение лица Магнама – как будто его ранили, – он пожалел о своих жестоких словах.

Магнам долго хранил молчание.

Сила духа каждого из них подверглась жестокому испытанию, что приводило к спорам и угрюмому молчанию. Полет сюда занял намного больше времени, чем ожидалось. Эльфийский капитан, Джеррик, совершенно вымотался, сражаясь со штормовой погодой и берущей верх болезнью, высасывающей его стихийную магию. Им приходилось часто сажать корабль-разведчик на землю для отдыха, и каждый раз Джеррику требовалось все больше времени, чтобы восстановить силы – иногда целые дни. Только благодаря тонизирующим напиткам Мамы Фреды они смогли достичь гор к первой луне лета.

Магнам сгорбился под порывами влажного ветра и попытался разжечь свою трубку при помощи уголька от костра. Наконец он сдался и выбросил уголек, громко вздохнув:

– По крайней мере, мы наконец-то здесь, – он протянул руку и похлопал Толчука по забинтованному колену: – Добро пожаловать домой.

Толчук смотрел куда-то вдаль через долину. Там неясно вырисовывался Великий Клык Севера, его верхние склоны были белы от смерзшегося снега, который никогда не тает. Даже грозовые облака не могли скрыть величия пика, который возвышался, словно башня, над своими собратьями. Только его сестра вдалеке на юге, Южный Клык, могла бы поспорить с ним за господство над цепью пиков.

Прищурив янтарные глаза, Толчук пытался пронзить взглядом туманы, чтобы увидеть свои родные земли, но тщетно. За

следующей долиной лежало Сердце земель огров. Его народа. Почему эта мысль пронзила его таким страхом? Одна рука дотронулась до сумки на бедре, прикоснувшись к его сокровищу – обломку камня сердца размером больше козьего черепа, который почитался как средоточие духовной силы кланов огров. Толчук сумел снять проклятье с Сердца его народа, открыв его истинную силу и красоту. Чтобы завершить свою миссию, он должен был вернуть драгоценность старейшинам своего племени, древней Триаде. Так почему же после столь долгого путешествия ему хочется сбежать отсюда?

Магнам, кажется, почувствовал его состояние:

– Возвращаться домой не всегда легко.

Толчук долго молчал, прежде чем ответить:

– Меня беспокоит не возвращение домой.

– Тогда что же?

Толчук покачал головой. Он покинул эти земли как убийца, изгнанник, последнее семя грязного Клятвопреступника. Теперь он вернулся с исцеленным кристаллом, но у него самого на сердце стало тяжелее. Ему придется предстать перед Триадой и открыть им правду о том, что он, потомок Клятвопреступника, узнал: его проклятый предок по-прежнему жив. Клятвопреступник на самом деле – Темный Лорд этих самых земель, тот, кто носит столь мерзкие имена, как Черное Сердце, или Черный Зверь, или среди дварфов – Лишенный Имени. Походило на то, что у каждого народа было свое бранное слово, чтобы называть его предка.

Таково было бремя, которое он нес в сердце, но он не мог уклониться от своего долга. Ему придется вынести этот позор, чтобы узнать больше о своем предке и о связи между камнем сердца и черным камнем.

– Это должно быть сделано, – прошептал он Северному Клыку.

Хруст ветки возвестил о том, что кто-то пришел нарушить их утренние размышления. Фигура промокшего человека выступила из-за тяжелых от дождя ветвей. Его каштановые волосы мокрыми прядями лежали на его лице, наполовину

скрывая его черты. Он пришел голым к выходу гранитной породы, нисколько не смущаясь отсутствием одежды. Он широкими шагами прошел к ним, двигаясь с уверенной грацией и легкостью.

– Солнце встало, – сказал мужчина.

– Фердайл? – спросил Магнам.

Человек кивнул. Хотя у него было лицо Могвида, это был явно его брат, Фердайл. Некогда близнецы, теперь двое делили одно тело. Могвид занимал его в течение ночи, Фердайлу доставался день. Единственным преимуществом столь странной перемены в их судьбах было возвращение их способности к изменению формы.

– Пойду разведаю путь впереди, – сказал Фердайл. Его глаза сузились, когда он изучал нагорье; голова запрокинута, нос по ветру – чутко принюхивается к сырому воздуху.

Вздрогнув всем телом, он припал к земле. Вытянувшись, его руки и ноги развернулись и согнулись так, словно в них не было костей, затем приняли новую форму, сохраняя, однако, свой вес. В это же время голая кожа начала бугриться и уплотняться, затем покрылась темным мехом. Рычание раздалось из волчьей глотки. Шея изогнулась, а опущенное вниз лицо вытянулось в оскаленную морду. Вскоре Фердайл-мужчина перестал существовать, его заменил гигантский древесный волк, житель дремучего леса. Только одно осталось в звере от мужчины: пара янтарных глаз, сияющих мерцающим светом.

Образы прошлого промелькнули в сознании Толчука, когда он встретил взгляд своих собственных глаз – такая же пара кристаллов янтаря, наследие его матери, силура, изменяющей форму подобно Фердайлу и Могвиду. Хотя Толчук не мог менять форму, он мог мысленно разговаривать с другими силура. Слова-изображения, посланные волком, заполняли его разум: «Четкий след, неясный в конце... одинокий волк идет по тропе, нюхая землю».

Толчук понимающе кивнул.

Неясной тенью волк исчез в лесу. Снова Фердайл идет первым, разведывая путь для них.

– Ему в самом деле неплохо бы подумать о разнообразии, – пробурчал Магнам. – Эта волчья форма уже не нова. Вот, например, что ты думаешь о барсуке?

Толчук бросил взгляд на дварфа.

– Большой, просто огромный барсук, – Магнам спрятал в карман свою так и не разожженную трубку. – О да, я бы посмотрел на это.

Толчук нахмурился, выпрямившись:

– Не суди Фердайла. Волк – это форма, которую он хорошо знает, – он посмотрел туда, где исчез изменяющий форму. – Я думаю, это действует на него умиротворяюще.

– Могвид несет не меньшее бремя.

– Осмелюсь не согласиться. Он даже не слышит себя, скулящего ночь за ночью.

Толчук взобрался на гранитный валун. Ему недоставало терпения объяснять, чем ему не нравится несдержанный характер Могвида, даже если бы он и мог это сделать. Вместо этого он указал на лес:

– Нам следует помочь остальным свернуть лагерь.

Они вместе прошли сквозь деревья. Над их головами с сосновых игл стекала вода. Несколько шагов в глубь леса – и стало видно яркое сияние, отмечавшее место их ночного лагеря. Они пошли на свет за выступ скалы, под которым все еще весело потрескивал маленький костер – это место так разительно отличалось от туманного лесного мрака. Магнам присоединился к оставшимся членам их маленького отряда – эльфийскому капитану Джеррику и слепой пожилой целительнице Маме Фреде, которые скатывали спальные мешки и складывали их в сумки.

Большинство их припасов осталось на эльфийском корабле-разведчике, безопасно спрятанном на открытом высокогорном лугу в дне пути отсюда. Это было самое близкое расстояние, на которое они решились подойти при непрекращающихся штормовых ветрах. К тому же Толчук беспокоился, как отреагируют его соплеменники на столь странное средство передвижения, если оно приземлится на их территории. Огры имели обычай

сначала нападать, а уж потом задавать вопросы. Так что в целях безопасности они оставили свой корабль позади и решили пройти последний отрезок пути пешком.

Толчук посмотрел, как они сворачивают лагерь, и покачал головой:

– Я все еще считаю, что лучше всего было бы, если бы вы все остались на корабле.

Он боялся привести даже такой маленький отряд на землю своего народа. Фердайл в облике волка – это одно, но привести дварфа, женщину и эльфа на территорию огров означало рисковать их жизнями.

– Остаться позади? – Мама Фреда выпрямилась, держа в руках маленькую сумку со своими травами и эликсирами. – Судьба всей Аласии может зависеть от того, что мы узнаем здесь. Кроме того, нагорье не безопаснее, чем твои родные земли.

Толчук не мог поспорить с этим. Во время полета сюда им приходилось видеть внизу целые деревни, разрушенные до основания. Они слышали разговоры среди крестьян о странных чудовищах, бродящих в ночи. Когда они подошли к подножью холмов, отряды вооруженных местных жителей посоветовали им держаться подальше от мест, пораженных мором и теперь закрытых. Однажды ночью корабль пролетал высоко над пылающим городом. Далеко растянувшееся войско, озаренное факелами, маршировало к северу от города, словно колонна красных муравьев. Джеррик тайно наблюдал за ними. «Не люди», – вот и все, что он сказал, когда опустил бинокль.

Приземлившись, они решили продолжить путешествие вместе. Их было мало, но с огром в их рядах они могли за себя постоять.

Джеррик забросал землей их лагерный костер и отряхнул руки. Старый эльфийский капитан выглядел бледным, что только подчеркивалось его белыми волосами.

– Мы готовы, – сказал он.

Рыжевато-коричневое существо размером с небольшую кошку спустилось с ветвей деревьев. Вскрикнув, оно стряхнудо

воду с шерсти. Его крошечное голое лицо, обрамленное воротником огненного меха, сморщилось.

– Плохо, мокро... Холод пробирает до костей, – пожаловалось существо, подражая ноющим интонациям и словам Могвида.

– Сюда, Тикаль, – сказала Мама Фреда. Седовласая целительница подставила плечо. Ее любимец вскарабкался на предложенный насест и прижался к ней. Эти двое были связаны ощущениями: Мама Фреда и тамринк разделяли чувства друг друга – союз, который помогал слепой целительнице видеть глазами зверька.

Джеррик пожал плечами, затем проверил сумку Мамы Фреды, держа руку на ее плече. Она прижалась щекой к его пальцам – маленький знак привязанности. Пожилая целительница настаивала на том, чтобы сопровождать капитана в его долгом путешествии. Помочь ему бороться с иссушающей болезнью, как она заявила. Но из того, как они относились друг к другу, было ясно, что их связывают более крепкие узы.

Магнам вразвалочку подошел к своему узлу с вещами, для уверенности похлопав по топорику на бедре:

– Ну, пойдем поглядим на твои земли.

Толчук подхватил самую большую сумку, тяжело нагруженную припасами и снаряжением. В последний раз внимательно осмотрев место ночлега, они отправились в путь.

Толчук вел их. К середине дня они будут в его землях. И к наступлению сумерек он увидит родные пещеры. Он отправился в путь через заболоченный лес, и раскат грома эхом отозвался вдали – голос гор, зовущих его домой.

Магнам тяжелой походкой шел позади него.

– Ты не один, – сказал он мягко.

Толчук промолчал. Он удивился, поняв, как утешили его эти простые слова. Рискованно это было или нет, но он был рад, что их отряд решил идти с ним.

Достигнув оленьей тропы, ведущей в нужном направлении, Толчук отправился по ней. Тропа спускалась по крутому склону, скользкому от грязи и сосновых игл. Они шли медленно,

цепляясь за ветви деревьев и кустарников, чтобы удержаться на ногах.

– Где Фердайл? – пробормотал наконец Джеррик. – Разве он не должен был уже вернуться и дать нам знать, каким путем лучше всего идти?

Толчук нахмурился. Обычно волк рысью прибегал к ним время от времени, предупреждая о препятствиях на пути, давая знать, где лучше переправиться через ручьи или реки, но этим утром Фердайла нигде не было видно. А уже близилась середина дня. Волк никогда не покидал их так надолго.

– Может, напал на след кролика, – предположил Магнам. – Погнался за ним и начисто забыл про нас.

Несмотря на его легкомысленную фразу, Толчук уловил беспокойство в его голосе. Спустившись в долину, они убавили шаг. Быстрый ручей, полноводный от дождей, бежал вниз, к сердцу долины. Толчук указал на вырванное с корнем дерево, упавшее поперек стремительного потока:

– Мы можем перейти здесь. Возможно, Фердайл уже перебрался на другой берег.

За ручьем лес стал гуще и темнее. Подниматься здесь было сложнее. А по другую сторону последнего горного хребта лежали земли огров.

Толчук молился, чтобы Фердайл не рискнул сунуться один в те земли. Волчье мясо считалось деликатесом среди его народа, а теплые волчьи шкуры были ценным товаром. Но сомнительно, чтобы многие огры находились в лесу в столь ужасную погоду; большинство предпочитали сухие пещеры и жаркие костры. Однако где же Фердайл?

Вспышка молнии прорезала полуденный мрак, разветвляясь, словно сеть, над головой. За ней последовал раскат грома, встряхнувший склон и заставивший землю застонать. Он превратился в вой гнева и вызова.

Толчук замер, узнав зов их спутника.

– Фердайл... – проговорила Мама Фреда. Ее тамринк обернул свой хвост вокруг шеи старой женщины, съежившись.

По мере того, как гром стихал, вой нарастал, в нем слышалась кровавая ярость.

Новые звуки присоединились к вою: хриплые крики, похожие на скрежет камней.

Магнам бросил взгляд на Толчука.

Тот ответил на вопрос в глазах дварфа:

– Огры, – и, посмотрев вверх на склон, добавил: – Охотники.

В тысяче лиг оттуда, в душных джунглях нижних склонов Южного Клыка, Джастон услышал крик разъяренного животного. Вой прорвался сквозь кваканье лягушек и жужжание жадных до крови насекомых. Джастон замер на тропе, озираясь вокруг. Зов прозвучал очень далеко, однако показался близким, как его собственное сердце. Он прищурился, ища. С этого горного хребта можно было различить заболоченные земли вдалеке, укрытые знакомыми туманами.

Там лежали Топкие Земли, его дом. Он был жителем болот – охотником, живущим среди трясин и топей. Он носил леггинсы из серой кожи и подходящий к ним плащ из кожи крокана. Как же он мечтал вернуться в свои собственные земли! Но у него было дело здесь.

Когда он обернулся назад к Клыку, странный вой зазвучал выше, отдаваясь эхом вокруг. Даже звуки джунглей, казалось, притихли. И несмотря на ясность зова, по-прежнему оставалось ощущение, что он доносится с очень большого расстояния. Странно. Джастон коснулся пальцами шрамов на левой стороне своего лица – так он всегда неосознанно делал, когда нервничал.

– Большая собачка сорвалась с цепи, – произнес голос у его бедра.

Джастон глянул вниз на маленького мальчика и погладил его по голове:

– Это всего лишь эхо. Трюки Клыка.

– Собачка потерялась?

Джастон улыбнулся:

– Она в порядке.

Судя по всему удовлетворенный, мальчик засунул большой палец в рот. Черноволосый паренек в простой домотканой

одежде выглядел не старше пяти зим, но на самом деле ему было всего лишь две недели – создание из мха, лишайника и болотных трав – голем, которому подарила жизнь болотная ведьма, Касса Дар.

Джастон продолжил путь по оленьей тропе, закинув сумку повыше на плечо. Вой словно бы последовал за ним, цепляясь за него, кусая за пятки. Он остановился снова. Что это за странный звук?

Он повернулся к мальчику:

– Касса, ты слышишь меня?

Мальчик нахмурился, затем почесал ухо, как будто туда заполз жук.

– Касса?..

Мальчик заговорил снова, но другим голосом:

– Я слышу тебя, моя любовь.

Звук ее голоса согрел его. Если бы он закрыл глаза, он мог бы представить, что она стоит рядом. Даже ее запах почудился ему в этом сыром заболоченном лесу – сладкий и пьянящий аромат лунных цветов. Как и цветок, Касса Дар была столь же смертельно опасна, сколь и сладка – стихийная ведьма, наделенная огромным могуществом.

– Что это? – спросила Касса, разговаривая через мальчика. Ведьма некогда училась во внушающей страх Гильдии Убийц, посланная в замок Дракк из своей дварфской родины. Но нападение Темного Лорда соединило ее с землями вокруг крепости, даровав ей и долголетие, и дар отравляющей магии. И, привязанная к своим землям, она не могла присоединиться к Джастону в его путешествии, поэтому им пришлось разлучиться. Она лишь могла послать частицу своей магии, чтобы составить ему компанию, – ее дитя болот.

– Ты слышишь вой? – спросил Джастон.

Мальчик запрокинул голову, прислушиваясь; затем одна рука поднялась, ладонь открыта наружу. Ребенок медленно повернулся кругом.

– Древесный волк, – наконец сказала Касса.

– Здесь? – спросил Джастон, удивленный. Волки не жили в этих землях.

– Нет, – мальчик остановился и взглянул на склон. – Ты правильно поступил, что связался со мной.

– Я не понимаю.

Мальчик взглянул на него, но Джастон чувствовал взгляд Кассы Дар в этих глазах:

– Эхо идет от Северного Клыка.

– Это тысяча лиг отсюда.

Мальчик кивнул:

– И ты узнаешь голос, не так ли?

Джастон не понимал.

– Слушай... не только ушами, но и сердцем.

Джастон нахмурился, но подчинился ведьме, которую любил. Он позволил своим векам закрыться. Его дыхание замедлилось. Вой обволакивал его, заполняя все его чувства.

– Он ищет тебя...

Неожиданно Джастон понял. Это ощущение пришло изнутри – он ощутил это костями.

– Фердайл, – выдохнул он. – Изменяющий форму... – Джастон открыл глаза, теперь полностью осознавая странный зов. Ему приходилось странствовать с волком, даже спасти ему жизнь от щупалец крылатого чудовища.

– Твоя связь с ним в прошлом открыла этот путь. Как и связанная магия этих пиков-близнецов.

– Клыки, – пробормотал он.

Касса Дар объясняла ему, что эти две горы – два источника первозданной стихийной энергии Земли. Поток энергии Южного Клыка поддерживал и защищал ведьму и ее болото. Луну назад она почувствовала внезапное истончение этой силы, в свою очередь ослабившее ее саму, и это не было той болезнью, от которой страдали все стихии. Это недавнее ослабление было более внезапным, более резким. И, в отличие от других стихий, сама жизнь Кассы Дар была связана с этой энергией.

Если она исчезнет, ведьма умрет.

Джастон не мог сидеть сложа руки. Поэтому две недели назад он ушел, чтобы выяснить, кто или что перекрыло поток энергии Клыка. И, если это возможно, он бы постарался обрушить эту магическую плотину.

Джастон взглянул вверх на гору:

– Значит, Фердайл должен быть у Северного Клыка.

Дитя болот кивнуло:

– Елена сказала, что изменяющий форму, огр и несколько других направляются на родину огров.

Вой внезапно зазвучал пронзительнее.

– Судя по этим звукам, у них возникли неприятности, – сказал Джастон. Он крепче сжал руку дитя болот.

– Следуй на вой, – сказала Касса через мальчика. – Найди его источник. Мы не должны терять существующую связь. Только сильные чувства удерживают пики связанными, – мальчик направился к тропе, потянув Джастона за собой. – Возможно, мы сможем открыть дверь в этой точке.

– Открыть дверь? Как?

– Я живу столетия в тени Южного Клыка, – объяснила Касса, – а записи в библиотеках замка Дракк хранят воспоминания и о более давних временах. Веками люди верили, что гора посещается призраками. Существует множество историй и мифов. Бестелесные голоса, призрачные видения, исчезновения. Но маги Аласии знают истину. При сильной связи и при острой необходимости порталы между двумя пиками могут быть открыты.

– А ты знаешь, как сделать это?

– Нет, – голос Кассы Дар стал менее материальным. – Я нахожусь в библиотеке, пытаясь найти ответ, пока мы разговариваем, но мне трудно делать два дела одновременно: ведь нужно поддерживать нашу связь. Так что возьми ребенка так близко к источнику воя, как это возможно. Затем позови меня.

– Подожди! Моя задача здесь – выяснить, что ослабляет поток твоей магии у Южного Пика.

– Изменяющий форму в большей опасности, чем я.

– Но...

Голос мальчика понизился:

– И я не верю, что это случайность – то, что ты услышал вой волка.

Джастон нахмурился:

– Что ты имеешь в виду?

Голос Кассы стал сердитым:

– Судя по тому, что я читала о Клыках, обе стороны равно нуждаются друг в друге. Ты не мог не узнать, что Фердайл в опасности. Но ты и сам сильно нуждаешься в нем. Возможно, оба ваших желания связаны. Фердайл может знать что-то о том, что ты ищешь. Ты должен последовать на зов – не только для того чтобы спасти изменяющего форму, но и чтобы спасти меня.

Джастон стоял в нерешительности.

– Иди скорей, пока связь сохраняется! Найди волка!

– Попробую, – Джастон повернулся и прислушался к отдающемуся эхом вою. Казалось, что он доносится одновременно со всех сторон.

Сосредоточившись, он рассматривал дремучий тропический лес; полуденная жара давила на него, словно мокрое шерстяное одеяло. Солнечный свет проникал сквозь завесу облаков, заставляя леса пылать изумрудной зеленью.

«Найди волка»! Но где начинать искать?

Мальчик продолжал держать его за руку.

– Я хочу погладить собачку! – он потянул Джастона за руку.

Джастон последовал за мальчиком. Создания болотной ведьмы имели зачатки собственной воли, но их желания оставались желаниями Кассы Дар. Разум мальчика изменил ее желание на свой лад.

– Мне нравятся собачки. Собачке страшно. Я должен погладить ее, – мальчик направился по тропе прямо сквозь завесу из вьющихся стеблей.

Джастон позволил себе поверить ушам мальчишки. Созданный магией, возможно, ребенок мог найти источник воя.

Они взобрались по крутому склону, хватаясь за стебли и ветви, чтобы удержаться на ногах. Мальчик продирался через подлесок.

– Сюда, собачка, собачка... – повторял он словно заклинание, задыхаясь от усилий.

Они достигли нового обрыва. В лощине внизу неподвижное озерцо блестело в ярком солнечном свете. Несколько лягушек соскочили с грязных берегов и с плеском спрыгнули в воду, пустив по ней круги.

Мальчик указал рукой:

– Собачка хочет пить!

Джастон прислушался. Вой превратился в рычание и предупреждающий лай, но мальчик вел его правильно. Эхо разносило зов из этой лощины.

– Покажи мне! – попросил Джастон.

Мальчик кивнул с воодушевлением юности:

– Я хочу погладить собачку.

Затем он вприпрыжку побежал прочь, поскользнулся на склоне и съехал по нему вниз в маленькую долину, заставив Джастона броситься по его следу.

Они достигли затянутого ряской озерца спустя какую-то минуту. У его безмятежной поверхности лениво шевелили плавниками несколько рыбок. Лягушки хриплыми криками выражали жалобу на то, что их побеспокоили. Солнце сияло над головой, рассыпая яркие блики по воде.

Отражение Джастона уставилось на него из воды. Ну и что теперь? Голос Фердайла поднимался словно туман над поверхностью озера, и затем стихал снова.

– Касса? – выкрикнул Джастон, запаниковав.

Мальчик был поблизости, искал под кустами потерявшуюся собаку. Неожиданно он выпрямился, словно был марионеткой, которую дернули за ниточки.

– Джастон, – проговорил он с интонацией Кассы Дар. – Кровь, – сказала она, и ее голос звучал измученно.

– Кровь?

Мальчик кивнул головой.

– В соответствии со старым текстом, – тут ее слова зазвучали монотонно, как будто она читала, – те, кто связан, могут открыть путь между Клыками при острой необходимости и желании с помощью крови.

– Что это значит?

– Ты и Фердайл связаны узами. Ты спас жизнь изменяющего форму, создав тем самым духовную связь между вами. Вот почему его зов достиг тебя. Но для открытия пути, чтобы перенестись к нему во плоти, потребуется жизненная субстанция, дающая силу заклинанию. Эта субстанция – твоя кровь.

Джастон неотрывно смотрел на тихое озерцо:

– Но вой прекратился.

– Попробуй в любом случае. Заклинание может сохраняться лишь недолгое время!

Нахмурившись, Джастон достал кинжал из-за пояса:

– Как много крови?

Мальчик оставался безмолвным, но его лицо скривилось.

– Как много? – повторил Джастон, касаясь кончиком лезвия своего предплечья.

Касса покачала головой ребенка:

– Я не знаю. Мера... Это все, что сказано в книге.

Джастон вздохнул. Это могла быть капля; это могло быть ведро. Он решительно вонзил кинжал. Боль пронзила его руку, но кровь потекла вниз, падая на поверхность озера, окрашивая хрустальную поверхность воды.

Рыбы, заинтересованные, подплыли ближе.

Болотное дитя опустилось на колени у кромки воды:

– Здесь должен быть портал. Отражающие поверхности несут в себе силу, – мальчик повернулся к Джастону. – Но поскольку вой больше не слышен, магический канал должен исчезнуть. Мы опоздали.

Джастон вытянул руку дальше, отказываясь сдаваться:

– Возможно, нужно больше крови, – он сжал кулак, снова вызвав поток крови из раны.

– Джастон, не трать впустую...

Где-то по ту сторону лощины неожиданно раздался новый вой. Но это был не волк. Другие голоса ответили первому пронзительному крику. Казалось, они заполнили собой всю лощину.

Мальчик встал:

– Снифферы... Их, должно быть, привлек крик волка.

Джастон сглотнул. «И сейчас они почуют запах крови». Все охотники были знакомы с огромными краснокожими хищниками дремучих лесов: они состояли из мускулов, клыков и голода, шестижаберные акулы лесов. Он прислушался к крикам: стая... по меньшей мере восемь или девять.

Он опустил руку, оставляя свою попытку помочь Фердайлу. Ему сейчас придется сражаться самому. Он вытащил меч своей раненой рукой. Мальчик придвинулся ближе к нему.

Охотничьи крики своры обратились в какофонию. Сниффферы своими криками обыкновенно приводили жертву в ужас – и сейчас это тоже сработало.

– Джастон, используй мой яд, смочи им клинок, – мальчик сделал шаг назад и раздвинул полы своей грубой куртки. – Ударь сюда.

Брови Джастона высоко взлетели:

– Я не могу.

– Мальчик не чувствует боли. Не забывай, он лишь мох и болотная трава.

Джастон по-прежнему не решался.

– Он – моя сущность, – умоляла ведьма. – Отрава и яд. Используй это, чтобы отравить прикосновение твоего клинка.

Крики звучали все ближе к нему. Где-то позади него шелест листьев и хруст стеблей предупредили о тайном вторжении. Джастон приставил острие клинка к груди мальчика

Ребенок потрогал острый край с беззаботным интересом.

– Острое... – пробормотал мальчик своим собственным голосом.

Пока Джастон колебался, глядя в эти доверчивые синие глаза, рычание послышалось за его плечом, поднимаясь до яростного воя. Оба, и мальчик, и мужчина, посмотрели вниз, на озеро у их ног. Новый зов послышался оттуда. Это был не сниффер, это был снова волк.

Гладкая поверхность озера замерцала; затем любопытные рыбы исчезли, и их заменило невозможное видение: древесный волк, припавший к земле – хвост высоко, клыки оскалены в рычании.

Фердайл!

За волком стала ясна видна угроза: группа огров, вооруженных дубинами и длинными костями с крюком на конце. В глазах монстров горела жажда крови, ее сияние пронзало поверхность озера.

– Джастон! – внезапно выкрикнул мальчик голосом Кассы.

Он отвернулся от озера, чтобы увидеть, как огромная тварь подкралась к нему на расстояние прыжка. Ее кожа была цвета сильного кровоподтека. Ноздри раздувались широко в возбуждении от запаха его крови и страха. Черные глаза, холодные и бесчувственные, изучали его. Мясистые губы медленно раздвинулись, обнажая ряды великолепных зубов.

Шорох начал раздаваться отовсюду вокруг, со всех сторон, за ним последовали крики других снифферов, завывающих от голода. Но здесь стоял их вожак, полный молчаливой угрозы – единственный, у кого было право убить.

Без малейшего рывка или звука вожак стаи прыгнул, двигаясь со скоростью, в которую трудно было поверить, учитывая его вес.

Джастон развернул острие меча. У него не было времени смазывать ядом его край. Отступив назад с испуганным ребенком, цепляющимся за него, он поскользнулся на озерной грязи, и рука с мечом дрогнула, заставив его открыться.

Вес хищника ударил его в грудь. Рвущие когти вонзились в плечо. В тот момент, когда Джастон упал в озеро, вожак стаи снифферов издал скорбный крик триумфа и смерти.

Толчук, бежавший во главе остальных, достиг вершины хребта первым,. Если есть хоть какой-то способ спасти Фердайла, надо действовать быстро.

Достигнув вершины, он оглядел нагорье по ту сторону, надеясь увидеть хоть какой-то признак присутствия Фердайла. Волк хранил зловещее молчание. Изменил ли он форму? Быть может, улетел? Толчук сомневался. Фердайл всегда сохранял свою волчью форму, веря, что она – лучшая.

Толчук задержал дыхание, напрягая слух. Хотя он доверял навыкам и скорости изменяющего форму, но видел и охоту

огров. Однажды напав на след, они не давали своей жертве скрыться и умело загоняли ее в ловушку.

И теперь эта тишина...

– Ты его видишь? – крикнул Магнам снизу.

Дварф взбирался вместе с Мамой Фредой и Джерриком настолько быстро, насколько это было возможно на скользкой тропе.

Отчаявшись, Толчук открыл было рот, чтобы ответить, когда зловещий вой огласил нагорье. Фердайл! Звук пришел из-за соседнего холма. Толчук не стал дожидаться друзей. Он побежал вдоль хребта, по лишенному растительности граниту, следуя на зов.

Камень был мокрым от моросящего дождя. Поскользнувшись на гладкой ненадежной скале, Толчук не удержался на ногах. Крик гнева и удивления вырвался у него, когда он потерял равновесие и упал с обрыва. Он пролетел по воздуху и плюхнулся в середину ручья, разлившегося от дождей. Он зашипел и увидел, что мог бы приземлиться и в менее удачном месте.

Группа из шести огров столпилась на одной стороне ручья; Фердайл припал к земле на другой. Он был загнан в угол: со всех сторон его окружали обрывы и неприступные скалы, и не было возможности убежать.

Пока огры изумленно смотрели на Толчука, растерявшись от внезапного вторжения, он выбрался из ручья и отступил на тот берег, где находился Фердайл. Он заговорил на языке огров.

– Оставьте этого волка мне! – зарычал он.

Один из огров неуклюже двинулся вперед. Настоящий гигант, его рука в обхвате была не тоньше древесного ствола, и в руке он держал дубину размером с бревно. Великан обнажил клыки, желтые и щербатые:

– Иди и найди себе другое мясо!

Он ударил дубиной по земле, словно подчеркивая свои слова. Его товарищи по охоте зарычали, выражая согласие.

Толчук не знал этого гиганта-огра, но он узнал рисунок шрамов на его бугрящемся мышцами плече. Клан Куукла – одно из самых диких и жестоких племен. Некогда его собственный клан сражался с этим кланом из-за убийства отца Толчука.

Товарищи огра, все покрытые боевыми шрамами и с твердыми мускулами, сузили круг. Их глаза светились жаждой крови.

– Уходи или умрешь! – предупредил их вожак.

Толчук отступил к Фердайлу и выпрямился в полный рост. Группа огров невольно сжалась при виде его прямого позвоночника. Толчук успел забыть этот особенный вид ненависти и отвращения.

Только неустрашимый гигант сохранял спокойствие, но узнавание промелькнуло в его свиных глазках.

– Тот-кто-ходит-как-человек, – наконец пробормотал он. – Толчук Изгнанный, сын Ленчука из клана Токтала, – огр сплюнул в ручей, как если бы имя показалось ему кислым на вкус.

Толчук вздрогнул. Он не думал, что его узнают так скоро.

Мышцы предводителя огров напряглись. Он принял позу явной ненависти и вызова, и его голос прогромыхал:

– Ты сам себя проклял, показав свое лицо снова. Твоя голова украсит наши пещеры!

Издав рев, он начал продвигаться по ручью, махнув остальным, чтобы они заходили с боков. Они сомкнулись вокруг него со всех сторон.

Безоружный, Толчук потянулся рукой хоть за каким-нибудь средством защиты. Он открыл сумку у себя на бедре и вытащил камень сердца. И высоко поднял его.

Шесть пар глаз широко раскрылись.

– Камень сердца! – воскликнул один из охотников.

– Сердце нашего народа! – крикнул Толчук. Однажды оно защитило его от членов этого самого клана. Он молился Небесной Матери, чтобы так случилось еще раз. – Я возвращаю его Триаде. Не стойте у меня на пути!

Другие огры засомневались, но предводитель продолжил продвигаться вперед.

– Трюк... или украдено, – прогремел он. Но когда гигант начал выбираться из ручья, новый крик разнесся над нагорьем – пронзительный вой другого хищника. Все застыли в замешательстве. Гигант стоял в ручье, и вода обтекала его ужасающую фигуру.

Затем клубок тел появился в фонтане брызг прямо из ручья.

Толчук отпрыгнул назад, ошеломленно наблюдая, как чудовищный зверь вылезает на покрытый грязью дальний берег, прямо посреди огров. Он припал на свои украшенные когтями лапы, рыча и истекая слюной в слепой ярости. Сниффер! Он бросился на ближайшего огра, целясь тому в горло.

Но две другие фигуры возникли на ближайшем берегу ручья – мальчик и мужчина. Они упали почти что на ноги предводителя огров.

Мужчина, истекающий кровью, отполз назад, оттащив за собой мальчика, в тот самый момент, когда дубина должна была размозжить им головы – но она прошла от них на расстоянии волоска. Брызги полетели во все стороны, когда дубина врезалась в воду, сразу потеряв половину своей силы.

Огр заревел:

– Демоны!

Фердайл бросил вперед, чтобы защитить новоприбывших. Мужчина признал волка без страха:

– Добрая встреча, Фердайл!

Они отступили вместе.

Толчук не мог объяснить их внезапное появление... или это узнавание. Что это за магия?

Ребенок обнажил грудь перед мужчиной:

– Быстро.... Пока путь остается открытым. Я чувствую, он скоро закроется.

К ужасу Толчука, мужчина вонзил свой меч в ребенка. Мальчик рассыпался ворохом мокрой травы. Обрезки упали с лезвия, и затем голос прошептал:

– Вернись ко мне...

– Вернусь, моя любовь.

Толчук внезапно узнал мужчину по шрамам, исказившим половину его лица. Джастон... житель болот. Как это могло быть?

Гигант-огр вновь бросился на мужчину и волка. Толчук наконец освободился от потрясения и поспешил им на помощь. Но Джастон, легко, словно танцуя, двигаясь под прикрытием волка, пронзил локоть гиганта.

Огр заревел, замахнувшись на нападающего разбитым концом своей дубины. Житель болот взлетел в воздух и упал возле утеса.

Фердайл прыгнул между ними, пытаясь защитить потерявшего сознание жителя болот. Толчук тоже бросился к ним.

Но их помощь не понадобилась.

Гигант стоял на месте, качаясь, не дольше одного удара сердца, затем навзничь повалился в ручей с оглушительным плеском. Из-за крови на раненом локте его кожа казалась темной и какой-то закопченной. Он больше не шевелился.

– Яд, – объяснил Джастон, который лежал, согнувшись, у подножия утеса.

По ту сторону ручья сниффера наконец одолели, но два огра лежали мертвыми. Оставшиеся охотники отступили к лесам.

– Драгнок! – стонал один из них, пока они спасались бегством.

Толчук, сгорбившись, смотрел на мертвеца. «Драгнок» – он знал это имя и был в отчаянии. Гигант был вождем всего клана Куукла. Подобная смерть не будет оставлена без внимания. Те, кто сбежал, расскажут о ней, и скоро эхо будет разносить над нагорьем дробь барабанов войны.

Фердайл подошел к Джастону, ткнувшись носом в мужчину в сердечном приветствии. Житель болот почесал волка за ухом:

– Я тоже рад снова видеть тебя, Фердайл.

Толчук отвернулся, чтобы взглянуть на нагорье, сжимая кусочек кристалла в своих когтях. Он пришел домой, чтобы вернуть исцеленное Сердце своему народу, предложить им надежду и мир. Вместо этого он открыл дверь войне и кровопролитию.

Похоже на то, что его имя, как и имя Клятвопреступника, будет навеки проклято.

Глава 6

Могвид закричал, вновь придя в сознание. Острые запахи сосен и дождя ударили по его тонкому обонянию, голоса звучали резко и громко; огнем жгли его глаза, словно злые иглы; его тошнило от вкуса крови на языке. Могвид поднял лицо – морду – от брюха наполовину съеденного кролика.

Он отпрыгнул от окровавленных останков, чувствуя отвращение. Последний тусклый свет солнца падал с серого неба; Могвид стряхнул с себя паутину наваждения. Он посмотрел на обед Фердайла, и его губа поднялась в тихом рычании. Братец знал, что он придет в сознание, как только сядет солнце. Фердайл, вероятно, решил сыграть с ним маленькую шутку, оставить, так сказать, послание – чтобы не забывал своего близнеца.

«Отлично, будь ты проклят, братец! Эта судьба – не моих рук дело!»

Он открыл себя своему дару изменения формы, превратив уголек в своем сердце в пламя. Кости, мускулы и кожа изгибались, послушные его воле. Он выбрался из формы волка,

позволив своему телу принять более знакомый облик. Запахи стали менее резкими, огни потускнели. Голоса стали тише.

– Похоже, Могвид вернулся, – сказал Магнам, склонившийся над горой хвороста, приготовленного для костра. – Как вздремнул?

Могвиду потребовалось какое-то время, чтобы изменить свой голос – волчье рычание, прежде чем он смог говорить как следовало:

– Это... это не настоящий сон, – наконец выдавил он. Он ощущал Фердайла где-то глубоко внутри себя, занявшего его место, вернувшегося в эту темную тюрьму. С наступлением сумерек приходил черед его брата быть запертым в клетке без прутьев, способным только наблюдать за тем, что происходит. В другом мире сон был лишен сновидений. Очнуться от дремоты, полностью прийти в сознание было столь же болезненно, как и ошеломляюще, и их жизнь не оставляла им времени для настоящего отдыха.

Могвид оглянулся по сторонам, восстанавливая ориентацию в пространстве. Их группа разбила лагерь в неглубокой пещере. Он нахмурился. Это было жалкое убежище от ветра и дождя.

Мама Фреда передала ему одежду:

– Фердайл оставил этим утром.

Могвид бросил взгляд на свое обнаженное тело и отвернулся в смущении.

– Не волнуйся, я все равно не вижу, – ответила слепая целительница, возвращаясь к своей работе.

Пока Могвид натягивал одежду, дрожа, Магнам наконец разжег костер. Одевшись, Могвид подошел к огню и стал греть руки над язычками пламени. Хотя лето было в самом разгаре, ночи нагорья оставались по-зимнему холодными. Ветра никогда не прекращали дуть, и краткие ливни обрушивались, словно злые удары. По рокоту грома вдалеке Могвид понял, что эта ночь не отличалась от предыдущих.

Его глаза заметили новичка в их отряде. Джастон смотрел на Могвида, сидя по другую сторону костра, с открытым ртом. Его шрамы пылали ярко-красным в свете костра, и не только из-за жара огня. Житель болот опустил взгляд, покачав головой:

– Я... я прошу прощения. Это просто... Я никогда не видел, чтобы изменяющий форму менялся так. Мишель, когда мы были вместе, она никогда... – он взмахнул рукой перед лицом.

Могвид нахмурился. Он путешествовал так долго с теми, кто был знаком с изменением формы, что слова мужчины вызывали у него раздражение, но он держал рот закрытым. Он был обязан жизнью неожиданному появлению жителя болот.

– Мишель... – продолжал болтать Джастон, – я никогда не видел ее преображения.

Могвид вздохнул, устав от его смущения, и решил рассказать мужчине правду:

– Она никогда не меняла облик, потому что, когда ты знал ее, она была заперта в человеческой форме, позабыв о своей природе изменяющей форму, – его голос снизился до горького бормотания: – Затем, когда она умерла и была воскрешена той проклятой змей, это вернуло ей ее дар силура.

Могвид отодвинулся от огня. В тысячный раз он пожелал никогда не сталкиваться с радужно-полосатой гадюкой. Его попытка разрушить проклятие, лежащее на них с братом, привела только к еще худшим узам.

Он проскользнул мимо Мамы Фреды и Джеррика, которые лежали в своих спальных мешках плечом к плечу. Казалось, оба уже наполовину спали.

Могвид вышел из пещеры и присоединился к Толчуку. Большой парень редко говорил, но его молчание и простое товарищеское отношение были бальзамом для разочарованности и боли Могвида. Он не хотел отправляться в это путешествие, предпочитая безопасность Алоа Глен – но Фердайл решил за них обоих. И, поскольку Могвида заставили ввязаться в это рискованное дело, он был рад, что рядом с ним огр.

Он продолжал стоять на страже с Толчуком, наблюдая, не появятся ли грабители.

– Я думал, мы уже достигнем твоих родных пещер к этому моменту, – сказал он.

Толчук пожал плечами.

Могвид мог предположить эту заминку. После нападения на Фердайла их отряд шел по горам осторожно, осмотритель-

но двигаясь тесной группой. Это замедлило их продвижение настолько, что он в конечном итоге задремал внутри черепа Фердайла, проснувшись лишь когда проклятие бросило его обратно в тело, поприветствовавшее его полным ртом сырой крольчатины.

Он был уверен, что Фердайл по-волчьи смеется глубоко внутри его головы. «Смейся сейчас, братец, – подумал он, – но, клянусь, я буду смеяться последним».

Спустя какое-то время появился Магнам с куском тушеного мяса для каждого из них. Мясо дымилось на холодном воздухе. Толчук принял миску без слов, погруженный в свои заботы.

Могвид понюхал мясо и скривился:

– Кролик!

Магнам захихикал:

– Фердайл поймал парочку. Ему нравится делиться.

Могвид вернул свою миску дварфу:

– Я не голоден.

– Ну, мне больше достанется, – Магнам переложил мясо Могвида к себе и вернул миску Могвиду:

– Чайник остывает возле костра.

– И?

Магнам указал в темноту:

– В той стороне ручей. Отлично подойдет для мытья посуды. Приятный и холодный, как раз как ты любишь.

Могвид открыл было рот, затем захлопнул его. Что толку в споре? Ел он это мясо или нет, он знал свои обязанности. Кроме того, рутинная работа давала ему возможность убить одинокие ночные часы, что было приятно. Каждый вечер он возвращался в это тело только для того, чтобы обнаружить остальных в их спальных мешках, оставивших долгую ночь ему. Оставалось слишком много времени думать, слишком много времени проклинать его нынешнее состояние.

– Я иду спать, – сказал дварф, собрав пальцами остатки ужина и швырнув пустую миску Могвиду.

Остальные скоро последовали его примеру.

Только Толчук оставался неподвижен, сгорбившись возле входа, его золотые глаза пылали.

Могвид собрал посуду в мешок, затем взял свою сумку. Он подошел к огру:

– Где ручей?

Толчук указал:

– Вон за той глыбой. Он не глубокий.

Могвид застыл в нерешительности. С луной и звездами, скрытыми в облаках, ночь за пределами пещеры была темной.

– А огры? – спросил он, осторожно оглядываясь.

– Только половина, – пробормотал Толчук, имя в виду самого себя.

Могвид потер локоть.

– Тебе нечего стыдиться, – он неожиданно обнаружил, что утешает своего огромного товарища. – Как и мне, – добавил он шепотом обоим – себе самому и волку внутри него. «Это не моя вина».

– Я присмотрю за тобой, – сказал Толчук.

Могвид кивнул и начал спускаться по грязи и глине вдоль обрыва. Он закинул мешок с грязными мисками и горшками на одно плечо, его собственная маленькая сумка была на другом. Он изменил мускулы в своих руках и спине, сделав их сильнее, чтобы легче было справиться с ношей. Теплый поток магии успокоил его.

Несмотря на его затруднительное положение, это было чудесно – использовать силуранские способности снова. Полные трансформации – такие, как из волка в человека и обратно, – забирают много сил, но маленькие изменения даются без усилий и утомляют тело очень незначительно.

Пока он спускался по невысокому склону, он оценил тело, в котором находился. Оно было настолько же удобно, как разношенный ботинок. После нахождения в этой форме в течение долгого времени оно было словно наезженная колея грязной дороги – легко скользнуть внутрь, легко не отклоняться от курса. Но с возвращением его способностей теперь были доступны маленькие улучшения. Он вырастил покров теплого меха на своих замерзших щеках, заострил зрение, чтобы видеть в темноте. Возможно, проклятие не настолько ужасно, как это показалось...

Обогнув валун, он увидел небольшой ручей. Всего лишь в шаг шириной, он, бурля, бежал по узкому каменистому ложу. Могвид скинул с плеча и с грохотом отшвырнул мешок с грязной посудой, затем аккуратно положил на землю собственную сумку. Выпрямившись, он взглянул через плечо, чтобы убедиться, что валун закрывает его от огра.

Удовлетворенный, он позволил своим векам закрыться и почувствовал другие, скрытые глаза – глаза Фердайла. За многие луны, прошедшие с момента их соединения, Могвид научился узнавать, когда его брат бодрствовал внутри него: об этом ему говорила легкая дрожь, покалывание – едва заметное ощущение чужих глаз на спине или шее. Он не почувствовал ничего подобного сейчас. Могвид улыбнулся. Как обычно, Фердайл быстро уснул. После долгого перехода его брат, должно быть, устал так же, как и остальные, и не был особенно заинтересован в наблюдении за тем, как Могвид отскребает грязные миски.

Оставшись на время один, Могвид развязал кожаные ремешки своей сумки, убедившись, что тщательно завязанный узел – тот же самый, какой он и оставил. Сумка выглядела нетронутой: никто не копался в его личных вещах.

Он улыбнулся. Фердайл, проводящий все свое время в волчьей форме, не обращал внимания на его сумку – как и остальные. Ее содержимое принадлежало только ему – предметы, которые он собирал в своем долгом странствии через эти земли.

Могвид порылся в сумке, отбросив прочь одежду, затем сломанную железную цепочку и воротник из сниффера, которого Толчук убил в этих самых холмах когда-то давно. Маленький мешочек с несколькими прядями рыжих волос Елены. Он отбросил в сторону заплесневелый грецкий орех. И наконец в самом дальнем углу сумки его пальцы нашли камень, завернутый в лен. Он вытащил его.

Сидя на коленях, он установил предмет на плоской скале и снял мятую ткань. Чаша из черного камня вбирала в себя даже то малое количество света, которое проникало через укрывающий Могвида валун. Он снова оглянулся, проверяя, не следят ли за ним.

Он рассматривал свое маленькое сокровище. Когда-то оно принадлежало паучьей ведьме – Вирани. Могвид прикоснулся одним пальцем к краю чаши. Гладкая на ощупь и неестественно холодная, ее поверхность ощущалась, словно пот на коже умирающего.

Он закусил губу. Почти каждую ночь он смотрел на эту чашу, подзадоривая себя сделать следующий шаг. И каждую ночь он вновь заворачивал в ткань это тайное сокровище. После того как он провалил попытку освободить себя от своего близнеца, Могвид знал, что был только один способ разрушить проклятье, привязавшее брата к брату. Это могло потребовать более сильной магии, чем даже Елена могла предложить, и был только один источник этой магии – Темный Лорд Гульготы, предок Толчука.

Давным-давно в древней крепости Шадоубрук Могвид разговаривал с Темным Лордом. Чудовище говорило каменными губами черного стража, голос был пустой и мертвый, словно открытый склеп: «Отныне оставайся с теми, кто помогает ведьме. Может настать час, когда я потребую от тебя большего».

Могвид знал, что из-за проклятья, которое он носил, ему придется предстать перед демоном снова. И он узнал от бледных близнецов из Шадоубрука, что кровь стихии, помещенная в чашу, призовет Черного Зверя.

Он смотрел неотрывно на черный камень. Все прошедшие ночи он боялся сделать то, что должно быть сделано. «Что он попросит у меня?» – задавался вопросом Могвид. Он бросил взгляд на пещеру. Сейчас он далеко от ведьмы, врага Темного Лорда. Но он знал, что его роль здесь, с другими, не была незначительной. Они вошли в земли огров, ища разгадку тайны черного камня – основы, на которой Темный Лорд построил свое могущество и силу которой он использовал. Если бы эта разгадка была найдена, союзники ведьмы получили бы существенное преимущество.

Могвид поежился. Осмелится ли он заигрывать с этой силой здесь? А если снова не осмелится? Значит, он будет навеки об-

речен бродить в темноте, никогда не видя свет дня? Где-то в уголке рта он все еще ощущал вкус сырого кролика. Неужели он всегда будет связан со своим братом?

Желчь жгла его изнутри. Он стиснул пальцы. Проклятье должно быть снято, неважно какой ценой.

Наклонившись к своей сумке, он порылся внутри и нашел кусок скомканной изорванной ткани – повязку, которую житель гор, Крал, носил после того, как был атакован дварфами в замке Мрил. Крал был связан со стихийной магией гранитных корней гор. Могвид сохранил этот окровавленный обрывок на тот случай, если он рискнет вступить в контакт с Темным Лордом. Он не знал, сможет ли засохшая кровь вызвать к жизни магию чаши, но был твердо намерен попробовать. К тому же время бежало быстро. Они находились в сердце земли огров. Так что сейчас или никогда – и «никогда» ему не подходило.

Дрожащими пальцами он опустил красновато-коричневую повязку на дно чаши и, затаив дыхание, начал ждать.

Ничего не происходило. Чаша продолжала поглощать слабый свет. Мятый кусок ткани просто лежал в центе.

Могвид наконец позволил себе выдохнуть.

– Ей нужна свежая кровь, – прошептал он, разочарованный. Он прикинул варианты. Джеррик и Мама Фреда оба обладали стихийными дарами. Но как он может получить их кровь?

Пока он взвешивал шансы, вокруг него неожиданно распространилось зловоние – как если бы кто-то умер и тело разлагалось бы прямо под его ногами. Могвид испугался, что кто-то подкрался к нему незамеченным. Он вспомнил запах огров, который чувствовал через нос Фердайла. Они воняли как потные козлы, а еще от них пахло кровью. Но этот запах был гораздо хуже.

Он оглядел темный лес вокруг ручья, боясь пошевелиться и тем привлечь к себе внимание. Затем он уловил какое-то движение – не в лесу, а в чаше рядом с его коленями.

Ледяной ужас сковал его кровь, когда он увидел, как коричневое пятно на ткани переходит в камень чаши. Спустя не-

сколько ударов сердца белая ткань лежала совершенно чистая на черном камне, вновь безжизненном.

Могвид сглотнул. Зловоние усиливалось. Он почувствовал, как ком встал в его горле. Без сомнения, Толчук почувствует запах гниения и придет узнать, что происходит.

Боясь разоблачения, он потянулся к льняной ткани, намереваясь спрятать чашу снова, но, когда его пальцы почти коснулись черного камня, кусок ткани вспыхнул – не обычным рыже-красным пламенем, а темным огнем, огнем тьмы. Голодные язычки пламени поглощали свет и тепло вокруг. Ткань сгорела, но огонь и не подумал угасать. Языки пламени продолжили свой темный танец на дне чаши, высоко вздымаясь над краем.

Могвид отдернул руку, его пыльцы онемели от холода. «Что я наделал?» – подумал он. Мгновение назад он боялся быть обнаруженным, а сейчас мечтал, чтобы Толчук пришел и спас его. Несомненно, огр заметил что-то странное: запах, внезапный холод...

Голос расползся из языков пламени, словно пауки по шелку:

– Так, значит, маленькая мышка подала голос.

Не поворачивая головы, Могвид бросил взгляд на пещеры, надеясь, что Толчук слышал ледяной голос демона. Он был слишком испуган, чтобы убежать или использовать свой дар изменения формы. Он словно застыл в этой форме снова.

– Никто не услышит наших слов. Никто не учует открытую связь – даже волк, что заперт внутри тебя. Ты один.

Он съежился от этих слов, когда голос ледяным туманом обвился вокруг него. Когда он выдохнул, его дыхание превратилось в облако в холодном воздухе,. Ручей рядом покрылся льдом.

– Мы испытывали твою душу, изменяющий форму. Ты весь излучаешь желание.

Могвид заставил свой язык шевелиться:

– Я... я хочу быть свободен от своего брата.

Черные языки пламени извивались, подобно змеям:

– Ты просишь нашей помощи, но не сделал ничего, чтобы заслужить ее.

– Я буду... я хочу... что-нибудь.

– Увидим. Делай, как мы скажем, когда мы скажем, и мы освободим тебя.

Могвид сжал холодные руки, пытаясь заставить кровь вновь оживить его пальцы. Быть разделенным с братом... снова идти свободно от тени Фердайла.

– Мы выжжем волка из твоего сердца, – прошептал голос, обжигающий морозом. – Твое тело будет только твоим.

– Выжжете волка... – пробормотал Могвид, которому не понравилось, как это прозвучало. – Вы имеете в виду, убьете его?

– Тут скрючилось всего одно тело. У него может быть только один хозяин.

Могвид пришел в замешательство. Как долго он мечтал освободиться от необходимости делить тело с Фердайлом! Он был бы счастлив никогда больше не видеть брата. Но убить его? Мог ли он зайти так далеко?

– Что ты попросишь у меня? – наконец выдавил он.

Воздух стал как будто еще холоднее:

– Ты должен уничтожить Призрачные Врата.

Могвид нахмурился, не поняв поначалу:

– Что за Врата?..

Затем он вспомнил: арка из камня сердца над Клыком. Магический портал, через который Толчук был изгнан во внешний мир и послан исцелить драгоценное Сердце огров.

– Призрачные Врата... Но как я могу их уничтожить?

Голос зазвучал громче, заполняя его сознание:

– Они должны быть уничтожены при помощи крови моего последнего потомка!

Могвид побледнел. Он имел в виду Толчука!

– И не просто какие-то брызги крови, изменяющий форму, – закончил голос. – Не та малость, что ты предложил камню здесь, но кровь, выдавленная из самого сердца моего потомка. До последней капли.

Язычки пламени, танцевавшие в чаше, угасли, когда чары развеялись.

– Убей огра возле Врат, и ты будешь свободен, – донесся до Могвида голос. И последний шепот достиг его ушей, когда темный огонь исчез:

– Но если подведешь нас, эхо будет разносить твои крики вечно.

Затем лес словно стал ярче, теплее, воздух – чище и прозрачнее. Это было словно пробуждение от ночного кошмара. Но Могвид знал, что это был не сон. Он медленно завернул чашу в льняную ткань, в душе желая никогда не касаться этой проклятой вещи.

Но глубоко внутри него зажглось пламя надежды. Быть свободным...

Он убрал чашу в сумку и завязал кожаные ремешки особым узлом. Как только это было сделано, он поднялся. Ноги онемели, мысли были заторможенными от страха. Он обошел валун и стал смотреть на свет их лагерного костра. На фоне его сияния четко вырисовывалась темная фигура.

Толчук.

Могвид подобрался ближе к свету, вскарабкавшись по крошащимся под ногами камням. Янтарные глаза огра наблюдали за ним.

Могвид не мог встретить этот взгляд

На лице Толчука отразилось удивление:

– А где чаши?

Могвид сжался, думая, что огр имеет в виду его чашу из черного камня. Затем он понял, что речь идет о грязной посуде. Могвид указал на склон:

– Я оставил их у ручья. Отдраю позже. Сейчас слишком холодно.

Могвид попытался проскользнуть мимо огра, чтобы поскорее оказаться у теплого костра, но Толчук остановил его:

– Что-нибудь не так, Могвид?

Могвид поднял лицо к огру и встретил его спокойный взгляд, чувствуя, как он прожигает его насквозь.

– Нет, – пробормотал он. – Нет, все в порядке.

Толчук похлопал его по плечу. Вдалеке зарокотал гром.

– Неважная ночь. Оставайся у огня.

Могвид прошел мимо огра, радуясь, что больше не нужно смотреть ему в глаза. Добравшись до лагерного костра, он бросил взгляд на вход в пещеру. Толчук сидел, сгорбившись, глядя в ночь, защищая их, следя за любой опасностью снаружи, но не подозревая о более близкой угрозе.

В голове Могвида вновь пронеслись ледяные слова: «Убей огра возле Врат, и ты будешь свободен». Он придвинулся к огню, повернувшись спиной к Толчуку.

У него нет выбора.

Глава 7

Толчук шел сквозь утреннюю морось. Небеса над головой были однообразного серого цвета. Его спутники двигались следом за ним, промокшие, изнуренные, уже измученные дорогой. Унылая погода, казалось, вытягивала силы и из ног, и из сердца. Они высоко взобрались по опасной горной тропе – только для того, чтобы оказаться в начале длинного обрыва.

Он остановился на вершине. Фердайл скачками двигался позади, охраняя их. Впереди в долине вперемешку росли кривые деревья и кустарники, тут же терновник обвивал скалы. Луговая трава расстилалась впереди, приглашая отдохнуть. На ней были протоптаны тропинки. Толчук успел позабыть, какой зеленой бывает эта долина весной. Повсюду полевые цветы: желтая жимолость, синие ирисы, алые высокогорные маки. Его сердце заполнили воспоминания.

В конце долины путь преграждала отвесная стена – подножие самого Великого Клыка. Черная расщелина зияла поблизости от основания.

– Дом, – это слово прозвучало как неясный вздох.

Фердайл зарычал.

Затем Толчук тоже увидел их. Движение привлекло его взгляд. Казалось, гранитные валуны вдруг обрели конечности

и ускакали прочь, мыча и поднимая тревогу. Даже сквозь дождь Толчук различал мускусный запах перепуганных женщин. Они были менее крупные, чем мужчины; должно быть, они искали здесь клубни и зелень. Теперь они убегали к пещерам, рассеявшись, словно стадо молочных коз.

Толчук начал спускаться, сделав знак остальным держаться ближе к нему. У входа в расщелину движение может быть замечено. Толчук остановился:

– Держитесь вместе и рядом со мной. Не делайте никаких угрожающих движений.

Из пещеры с криками появилась большая группа огров – мужчины, охотники и воины. Они бежали к чужакам, собираясь встретить их кулаками.

Земля тряслась под их ногами. Большинство было вооружено дубинами или булыжниками, которые они держали в когтях.

– Дайте мне поговорить с ними, – прошептал Толчук, хотя в этом не было нужды.

Магнам встал у его плеча:

– Ты единственный, кто говорит на их языке.

Джастон встал по другую сторону от Толчука:

– Но станут ли они слушать тебя?

Толчук услышал страх в их голосах. Остальные сгрудились в его тени, пока ватага огров неслась к ним.

Тамринк Мамы Фреды подвывал на плече целительницы:

– Большие, большие, большие...

Джеррик взял старую целительницу за руку.

Гром от топота огров отразился эхом от каменной стены, зазвучав так, словно подходила целая армия. Толчук выступил вперед. Он засунул руку в сумку у себя на бедре и выхватил кусок камня сердца. Он поднял его высоко, выпрямившись, чтобы стать выше.

– Я Толчук, сын Ленчука из клана Токтала! – выкрикнул он на языке огров, бросая вызов громогласному эху. – Я пришел, потому что таков мой долг перед Триадой!

Его слова, похоже, не произвели особого впечатления на лавину, несущуюся им на встречу. Толчук почувствовал, как его

спутники теснее подобрались к его спине; он стоял, словно скала, приготовившись встретить атаку.

– Не двигайтесь, – сказал он своим друзьям на всеобщем языке.

Волна огров достигла их, разделившись на две части и окружив их группу, держа оружие наготове. Наступившая тишина казалась еще более угрожающей, чем гром мгновение назад.

Толчук обнаружил, что стоит лицом к лицу с огром, больше похожим на ужасающе огромный валун. Щетина вздыбилась на его согнутой спине, и миндалевидные глаза были угрожающе сужены. Толчук знал этого огра – и этот огр знал его.

– Ты убил моего сына, – прорычал огр, и его глаза зажглись яростью.

Это был Хуншва, отец Феншвы, юного головореза, которого Толчук случайно убил в канун церемонии магра. Когда Толчук видел его отца в последний раз, тот был сражен горем и отчаянием.

Сейчас его слова были словами воина. Не горе звучало в его голосе; это был позор – открыто показывать печаль по мертвому. Но гнев слышался в его словах так же четко, как видна молния в небе.

– Да, – признал Толчук. Он не пытался объяснять, что был вынужден защищаться от бесчестного нападения другого огра. Отцу убитого не нужно было слышать такие слова, и эти слова не извиняли свершенного.

– Назови причину, по которой я не должен убить тебя и размолоть твои кости в прах.

Ответ пришел не от Толчука, а с небес над головой. В покрове бесконечных туч образовалась прореха, и рассеянный луч солнечного света пробился сквозь облака, осветив долину, сделав ярче зелень, протянув радугу сквозь туманы к югу.

Но все это побледнело в сравнении с красотой солнечного света, заигравшего на поднятом вверх куске камня сердца. Сердце запылало внутренним огнем. Тепло, сиявшее глубоко внутри, казалось, согрело холодное утро и открыло всем глаза

на величие жизни вокруг. Сердце пылало, а все живое сияло своими собственными внутренним светом и силой.

Изумленные вздохи поднялись над сгрудившимися охотниками и воинами. Оружие было опущено. Некоторые упали на колени.

Толчук сделал шаг вперед, держа камень в солнечных лучах, и протянул его Хуншве. Камень сиял, как и его имя, истинное Сердце своего народа. Даже одержимый местью отец не мог отрицать истину, что была перед ним.

– Вот почему я вернулся, – сказал Толчук. – Чтобы принести доказательство того, что твой сын и другие души нашего народа смогут войти в следующий мир. Я сделал это по велению Триады. Я прошу тебя позволить нам пройти.

Старший огр смотрел на камень. Когтистая рука потянулась к сверкающим граням.

– Феншва... – горе вновь прозвучало в его голосе.

Несколько его приятелей, охотников и воинов, отвели взгляды в сторону. Не стоит смотреть на горе. Но Толчук смотрел на отца Феншвы.

– Он ушел на ту сторону.

Хуншва держал свою руку над камнем, словно грея замерзшие пальцы над огнем:

– Я чувствую его, – слезы потекли по его грубому лицу. – Феншва...

Толчук хранил молчание, позволяя отцу мгновение побыть с сыном. Никто не говорил, никто не двигался.

Наконец штормовые ветра вновь закрыли брешь в облаках, и сияние Сердца потускнело и ушло. С неба вновь заморосило, и туман затянул долину.

Хуншва убрал руку; алый гнев потух в его глазах. Он обернулся с ворчанием. Он не простил Толчука, только признал его право на жизнь. Другие огры последовали его примеру и расступились.

– Это безопасно – идти с ними? – спросил Джастон. Его лицо было белым.

Толчук кивнул:

– Мы приняты. Но будьте осторожны и оставайтесь рядом со мной.

– Как пиявка, – пообещал Магнам. Он и остальные нервничали, но долину они пересекли спокойно.

Как только показался вход в пещеру, Фердайл понюхал воздух. Толчук тоже почувствовал запах. Кухонные очаги, утренняя каша и всепоглощающий запах огров. Запах вернул Толчука к воспоминаниям о доме. Он вспомнил счастливое время, проведенное с отцом и несколькими друзьями, которые пожелали играть со странным огром; метание дротиков в свете костра ночью. Но пришли и более мрачные воспоминания: чувство стыда из-за того, что он полукровка, насмешки, отторжение и – хуже всего – день, когда к нему доставили безжизненное тело отца, залитое кровью из раны от копья. Он никогда не был так одинок, как в тот момент.

Его шаг замедлялся, по мере того как он подходил к темному входу. Огонь очагов сиял изнутри, но после долгого пути сюда Толчук боялся сделать эти последние шаги.

Он почувствовал, как кто-то прикоснулся к его локтю. Магнам прошептал ему слова поддержки, оглядываясь по сторонам:

– Ты не один, – сказал он, повторяя то, что уже говорил раньше.

Толчук взглянул вокруг и понял, что Магнам был прав. На землях Аласии, в мире, который был намного больше, чем одна пещера, он приобрел новую семью. Почерпнув силу у спутников, Толчук положил конец своему изгнанничеству.

Он прошел под гранитной аркой.

Потребовалось время, равное вдоху, чтобы его глаза привыкли к сумраку гигантской пещеры. Небольшие костры отмечали очаги каждой семьи, окруженные множеством камней и украшенные резной костью. Дальше, за этими домашними очагами, проходы и пещеры поменьше вели во владения каждой семьи.

Почти везде возле очагов не было ни души. Толчук не сомневался, что малыши и женщины находятся в семейных владениях, скрываясь от чужаков. Только несколько сгорбленных ста-

риков, старых охотников с заостренными дубинами, охраняли убежища, подозрительно рассматривая пришедших.

Хуншва провел их дальше. Толчук заметил пещеры своей собственной семьи – темные, холодные и пустые. Искру семейной силы он почувствовал только на мгновение, увидев скрытые во мраке скрещенные оленьи рога, венчавшие низкий, окруженный камнями вход в его дом. А потом он увидел маленькие крысиные черепа, подвешенные к ним. Он знал, что это означает: проклятое место.

Даже пещеры по соседству оставались пустыми. Никто не хотел рисковать, когда дело касалось проклятий.

Толчук не мог винить их. Его семья вела свой род от Клятвопреступника. Что же удивительного, что рок настиг проклятый клан?

С безопасного расстояния Хуншва указал на вход в убежище:

– Вы останетесь здесь.

Толчук кивнул. Он подошел и поднял скрещенные оленьи рога, старые крысиные черепа при этом задребезжали. Боковым зрением он заметил, что ближайшие огры попятились. Толчук не обратил на это внимания и поманил остальных.

– Они отдали нам эти пещеры, – сказал он своим друзьям на всеобщем языке. – Мы можем остановиться здесь.

– Мы принесем вам дрова для костра, – проворчал Хуншва, пока остальные огры расходились. Как только они ушли, Хуншва подошел к каменному забору.

Толчук был готов к тому, что отец Феншвы заговорит с ним или бросит ему вызов. Вместо этого Хуншва вытянул когтистую руку и положил ее на верхушку камня. Глаза Толчука широко раскрылись. Дотронуться до проклятого жилища было храбрым поступком.

Хуншва заговорил сердитым шепотом:

– Феншва ушел за грань. Ты освободил его дух. Отец знает такие вещи.

Толчук наклонил голову в признательности.

– И хотя я не могу простить тебя за то, что ты забрал у меня сына и лишил наш семейный очаг радости, я благодарю тебя за то, что ты принес в наш дом мир.

Толчук услышал напряжение в голосе огра. Это были нелегкие слова. Как и те, что последовали за ними.

– Добро пожаловать домой, Толчук, сын Ленчука, – проворчал Хуншва и побрел прочь, ковыляя через пещеру во мраке.

Толчук наблюдал за ним, чувствуя первый проблеск признания. Магнам подошел к нему:

– О чем вы говорили?

Толчук покачал головой.

– О том, чтобы дать призракам покой, – пробормотал он, затем пошел помочь остальным расположиться и вновь оживить холодный и пустой очаг. Хоть и не его настоящая семья вернулась, но все же это была семья. Возможно, это поможет снять проклятье с другой семьи.

По всей пещере огры возвращались к своим жилищам, возвращались к горящим кострам и кипящим котлам. Пара женщин появилась с вязанкой дров, которые они перебросили через забор, опасаясь подойти ближе.

Пока Толчук собирал рассыпавшиеся ветви, он почувствовал укол тревоги – мороз прошел по коже, и волосы дыбом встали на его руках и шее. Затем глубокий звон разнесся эхом по пещере, гулко отражаясь от потолка и заставляя вибрировать самые кости. Каждый очаг словно потускнел от этого звука.

По всей пещере огры оставили свою работу.

Мама Фреда стояла поблизости. Тикаль, отправившийся исследовать разбросанные кости, подбежал к ней и запрыгнул на ее плечо.

– Что это? – спросила целительница, в то время как звон продолжал разноситься по пещере.

– Это зов, – прошептал Толчук.

Звук, казалось, заставил дрожать камень под его ногами. Ощущение было такое, словно кто-то нанес удар по гранитному сердцу горы чудовищным хрустальным молотом.

Мама Фреда пыталась успокоить своего испуганного питомца.

– Зов? Чей? Для чего?

– Триада сзывает всех огров.

Джастон и эльфийский капитан подошли ближе.

– Но зачем? – Джастон оглядел пещеру. – Большинство из вас и так здесь.

– Нет, – сказал Толчук. – Вы не понимаете. Это призыв для всех огров. Каждый клан, каждый огр, молодой или старый, мужчина или женщина.

– Это случается часто? – спросила Мама Фреда.

Толчук покачал головой:

– Только однажды за всю мою жизнь, когда я был ребенком. Это было во время последней войны огров, когда клан сражался с кланом. Триада созвала всех, чтобы установить мир.

– А сейчас?

– Я не знаю, – он подумал о конфликте с ограми из племени Куукла, о смерти их предводителя. Неужели Триада уже узнала?

Постепенно звон затих и прекратился. По всей пещере никто не двигался. Можно было различить только тихое бормочущее эхо.

– Смотри, – сказал Магнам. – Кто-то идет, – он указал на самый дальний уголок центральной пещеры.

Сверкнул голубоватый огонь, очерчивая длинную трещину на задней стене. Он разгорался все ярче по мере того, как кто-то приближался.

Они были не единственными, кто заметил вторжение. Тихое бормотание смолкло; даже испуганные крики женщин стихли.

Освещенная синим пламенем, из трещины возникла фигура, затем другая, потом еще одна: три древних огра, обнаженные, корявые, словно старые деревья. Их глаза мерцали зеленым сиянием в темноте.

– Триада, – выдохнул Толчук.

Он смотрел, как скелетообразные призраки ковыляют по гранитному полу. Огры падали на колени, склоняя головы, пряча глаза. Эти трое были духовными хранителями кланов огров, живыми мертвецами. Они редко покидали свои пещеры, но сейчас они молчаливо шли по центральному проходу домашней пещеры, двигаясь очень решительно.

Толчук остался стоять, не склонившись, когда они подошли. Он прошел дорогой мертвых до самого конца – к Призрачным

Вратам. Он по-прежнему уважал Триаду, но он больше не боялся их. Он исполнил свой долг, освободил Сердце своего народа. Искра огня зажглась в его сердце: они потребовали от него так много, послав его слепым, неподготовленным в мир, узнав который, он смог открыть истину.

Триада остановилась возле ворот дома Толчука и заговорила, хотя не было заметно, чтобы кто-то произносил слова:

– Теперь ты знаешь правду.

Глаза Толчука сузились. Искра в его сердце разгорелась жарче:

– Вам следовало сказать мне.

– Это не наш путь, – слова поднялись над Триадой, словно туман. – Сердце нашего народа вело тебя... но оно принадлежит не только тебе.

– И что теперь? Я освободил камень сердца от Проклятия. Но что с Клятвопреступником?

Старший огр протянул хрупкую руку к Толчуку. Не было сомнений относительно того, о чем он просил.

Толчук достал камень сердца из своей набедренной сумки. Даже в слабом свете костров пещеры драгоценность вспыхнула внутренним сиянием. Он протянул руку с камнем, и когтистые пальцы сомкнулись на нем.

– Наконец, – слова были выдохом облегчения. Старший огр повернулся спиной к Толчуку и показал камень остальным. Триада подобралась ближе. Среди них рубиновое сияние Сердца моментально стало ярче.

– Мы ждали так долго, – эта фраза прозвучала очень устало. – Пусть это будет сделано.

Камень вспыхнул, ослепляя. Три огра казались тенями в ярком свете.

По всей пещере зазвучали возгласы тревоги.

– Что произошло? – выпалил Джастон.

Толчук просто смотрел, сам купаясь в сиянии на самом краю его лучей, вновь зачарованный красотой всего живущего, включая и его самого. Он выпрямился, став сразу выше, и не чувствовал больше стыда.

Затем, вспыхнув, свет потух. Спустилась тьма. Толчук ощутил пустоту в сердце, когда сияние ушло. Тяжелая тишина вновь накрыла пещеру.

В неровном свете огня Триада продолжала стоять тесной группой вокруг Сердца. Глубоко в недрах горы мрачный звон прозвучал снова, одна звучная нота, как-то скорбно на этот раз. Три фигуры с хрустом костей и суставов упали на каменный пол перед входом в дом Толчука. Сердце упало посреди путаницы из рук и ног.

Толчук рванулся вперед, но он знал истину еще прежде чем достиг их тел. Древние огры были мертвы.

Когда он опустился на колени на каменном полу, другие огры бросились вперед. Хуншва смотрел поверх мертвых тел на Толчука, его глаза пылали огнем:

– Ты убил Триаду!

Касса Дар сидела в библиотеке замка Дракк. Она почувствовала опасность, угрожающую Джастону и остальным. Хотя ее магия не распространялась полностью на Северный Клык, были узы крепче стихийной магии между ней и мужчиной с болот, которого она любила.

Страшась за Джастона, она склонилась над книгами, разбросанными по столу. Поскольку не было глаз, шпионивших за ней, она не беспокоилась о своем магическом очаровании и просто работала в своей истинной форме: дварф, морщинистый и сгорбленный прошедшими веками. Она положила один палец на древний текст, который изучала, – том, в котором говорилось о магической связи между двумя Клыками. Новая вспышка страха сжала ее грудь и ускорила дыхание.

Выпрямившись, она поманила одного из своих детей болот.

– Достань карту оттуда сверху!

Маленький мальчик забрался на стол. Через мгновение он спустился с длинным скрученным пергаментом в руках. Касса Дар схватила его и быстро размотала, раскинув перед собой всю Аласию. Она вновь перечитала нужное место в книге и быстро просмотрела свои расчеты и заметки, сделанные на полях.

Затем она села и закрыла глаза.

Оба Клыка были источниками стихийной энергии Земли; с их склонов потоки силы устремлялись в Аласию подобно тающему снегу. Это был один из тех серебристых потоков, которые Темный Лорд искал во время своего вторжения в эти земли. Ущерб, который он причинил тогда, привел к проседанию этого места – равнины обратились в болота, и остров Алоа Глен был наполовину затоплен.

Но это был не тот поток, что стекал в ее земли и поддерживал ее саму – это был поток между двумя пиками. Она водила пальцем по карте, повторяя слова из книги: «Там, где бегущие на север потоки Южного Клыка смешиваются с бегущими на юг потоками северного пика, существует спутанный узел силы, что лежит в центре между двумя горами».

Она рассчитала, где на карте находится эта точка: Зимний Эйри. И увидела маленький городок в его тени, Винтерфелл – родину ведьмы.

Глубже, чем к Джастону, Касса Дар была привязана к самой Земле. Она знала: что бы ни ослабляло ее, это пришло оттуда. Касаясь карты, она почти ощущала болезнь Земли.

– Зимний Эйри... – прошептала она.

Она встала из-за стола. Нужно было дать знать ведьме, что что-то мерзкое пришло в движение. Касса Дар устремилась к гнездовью на верхушке башни, чтобы послать ворону на Алоа Глен. Она молилась, чтобы послание было получено вовремя.

Пока она взбиралась по лестнице, ее страх за Джастона рос. Она прижала кулак к груди:

– Будь осторожен, моя любовь.

Джастон был среди остальных, сгрудившихся за спиной Толчука. Огр по-прежнему стоял на коленях перед телами трех старцев. Осколок камня сердца покоился среди их мертвых тел словно яркое яйцо в отвратительном гнезде.

По другую сторону от тел выстроилась стена огров во главе с тем, кто уже бросал им вызов раньше. Его слова были непонятны Джастону, он мог слышать лишь рычание и рев, сопровождавшие их. Ясны были лишь ярость и обвиняющие интонации

гиганта. Огорошенный этой тирадой, Толчук оставался безответным, преклонив колени возле тел.

Фердайл коснулся ноги Джастона. Житель болот ощутил дрожь огромного древесного волка, готового к бою. Позади Фердайла Джеррик обнимал одной рукой Маму Фреду, а на другой его руке танцевали искры. Рука Магнама сжимала рукоять топора. Все они были готовы защищать себя и своего друга.

Разгневанный огр во главе остальных двинулся к Толчуку, разъяренный настолько, чтобы рискнуть переступить через лежащих на земле мертвецов. Но прежде чем он достиг гнезда из тел, яйцо в его центре начало светиться ярче, словно предупреждая его: держись подальше. Из сияния распространился темный туман.

Все попятились, кроме Толчука. Он просто смотрел на происходящее.

Странный туман заклубился, поднимаясь, растекаясь в трех направлениях, затем вновь спустился к каменному полу. Каждое облако черного тумана сжималось, образовывая фигуру огра, скрюченную и похожую на скелет. Даже Джастон узнал Триаду. Это было, как если бы их тени вернулись к жизни.

Огры пали на колени перед видением. Даже их предводитель упал с тихим вскриком.

С того места, где стояла призрачная Триада, хлынули слова, но было трудно сказать, кто же из теней говорил. Что еще больше удивляло, так это то, что хотя слова были явно на языке огров, Джастон понимал их значение.

– Мы наконец с-с-свободны, – произнесли тени, и их слова отдались эхом, словно пришли издалека. – Веками мы охраняли проход, до тех пор пока Сердце не будет очищено и не откроет путь в призрачные земли за гранью. Теперь мы можем покинуть наши ослабевшие тела. Пришло время выбрать нового предводителя, который будет хранить кланы. Пришло время трем стать одним.

Рука, свитая из тумана, указала на Толчука:

– Встань и заяви свои права на Сердце. Это бремя теперь твое.

Глаза Толчука расширились. Он начал было отказываться, говоря на языке огров.

– Полукровка или нет, но ты огр, – ответили фигуры-тени печально. – Возьми Сердце и не страшись. Мы останемся в камне между двумя мирами, чтобы вести тебя туда, куда сможем.

Толчук по-прежнему упрямился, качая головой.

Слова призраков зазвучали резче:

– Ты отказываешься от своего долга подобно твоему предку?

Толчук вскинул голову.

Голоса смягчились:

– Это правда. Клятвопреступник отказался когда-то хранить свой народ. Пойдешь ли ты по его дороге?

Тишина вновь повисла над пещерой. Затем Толчук поднялся на ноги. Дотянувшись до тел, он поднял драгоценность из путаницы рук и ног. Ее сияние сделалось ярче, словно признавая его.

– Все были созваны этой ночью, – эхом произнесли призраки. – Займи место предводителя. Темные времена ожидают наш народ. Даже нам не дано узреть этот извилистый путь. Позволь Сердцу вести тебя.

Три фигуры растворились в тумане и вошли в камень, словно дым, поднимающийся над трубой. Слова продолжали литься:

– Как и в твое прошлое путешествие, ты знаешь свой первый шаг... Ты знаешь, куда ты должен идти.

Выражение лица Толчука стало напряженным.

Джастон увидел понимание в его янтарных глазах – и страх.

Толчук смотрел на кристальную поверхность камня сердца с того момента, как последний из Триады исчез. Глубоко внутри своей души он чувствовал, как шевельнулось что-то знакомое. Этот самый камень вел его через Аласию, по пути к резной горе в Гульготе. Но в этот раз он не чувствовал принуждения, не знал он и направления. Начиная с этого момента, хотя он и был связан с Сердцем, ему нужно было самому решать, каким путем идти.

Теперь в его руках была судьба народа огров. «Темные времена ожидают...» Толчук не сомневался в последних словах Триады. Клятвопреступник все еще был жив. Зверь не станет оставлять без внимания его народ вечно, особенно пока его наследник строит планы против него.

Толчук положил камень и посмотрел через трупы старцев Триады на тех, кто стоял на коленях по другую сторону: мужчины и женщины, старые и молодые, сильные и слабые. Они не знали ничего ни о мире, что лежал за границами их земель, ни об опасности, что подкралась к самым их дверям.

Толчук выпрямился, не скрывая больше, что он полукровка. То, чего он прежде стыдился, теперь казалось несущественным. После ужасных дел, творимых людьми всех народов, и храбрых поступков, свидетелем которых он был, такая мелочь, как смешанная кровь, казалась ничего не значащей.

Как и сказала Триада, он был огром. Это был его народ. И пришло время ему пробудить их.

Его глаза остановились на Хуншве. Предподитель воинов стоял со склоненной головой.

– Хуншва, – сказал Толчук. – Поднимись.

Огр повиновался, избегая его взгляда.

– Мне нужны три твоих охотника, чтобы отнести наших павших в Пещеру Духов.

Другой огр ворчливо подозвал тех, кто стоял по обе стороны от него; они осторожно начали поднимать тела. Хуншва обратился к Толчуку:

– Что с призванными? Со Всеобщим Сбором?

Толчук нахмурился: воин был прав. Другие племена соберутся у Драконьего Черепа, не подозревая о том, что произошло здесь. Его собственный клан Токтала также должен появиться. Он указал на Хуншву:

– Собери наш народ. Мы должны быть готовы к закату.

Хуншва поднял глаза, и в них сверкали молнии:

– Но Триада, что призвала всех, почила. Кто будет говорить?

Толчук не подумал об этом.

Хуншва указал на Толчука и сам ответил на свой вопрос:

– Старейшины назвали тебя Одним. Ты должен провести Всеобщий Сбор.

Толчук начал было возражать, но не нашел аргументов. Похоже, Триада не намеревалась дать Толчуку шанс увильнуть от своих обязанностей. Этой ночью, перед всеми кланами, Толчуку нужно было заявить о своих правах на мантию духовного вождя.

Он крепче сжал драгоценный камень:

– Если я должен говорить, мне нужно время подготовиться.

Толчук смотрел, как тела старейшин несли к освещенной пламенем трещине в задней стене и вспоминал последние слова Триады: «Ты знаешь свой первый шаг... Ты знаешь, куда ты должен идти». Толчук вздохнул. Давным-давно он нес безвольное тело Феншвы через трещину, за которой лежала Пещера Духов. Там он впервые встретился с Триадой и начал свой путь, который, описав полный круг, привел его вновь сюда.

Прижимая камень к груди, Толчук шагнул через проклятые ворота своего старого дома.

– Куда ты идешь? – спросил Магнам за его спиной.

Толчук указал на голубоватые язычки пламени и ответил, не оборачиваясь и не останавливаясь:

– Я должен пройти тропой мертвых.

Глазами своего питомца Мама Фреда наблюдала, как гигант уходит прочь. Другие огры расступались перед ним, смесь страха и почтительности чувствовалась в их запахе. Тикаль чирикнул, почуяв этот запах – его чувства были острее, чем человеческие. Мама Фреда подождала, пока их большой спутник исчезнет в далекой трещине; затем, направляя Тикаля своими желаниями, она посмотрела на остальных.

Она подозревала, что они поняли лишь часть того, что было сказано, в то время как сама она поняла каждое слово. Гортанный язык этого народа не был незнаком ей: но это знание она держала при себе. Их язык был смесью жестов, поз и рычаний и требовал одновременно острых глаз и ушей. Тикаль имел и то, и другое.

– Фреда, может, ты хочешь отдохнуть? – спросил Джеррик, предлагая отвести ее к каменному сидению возле груды бревен и сухого дерева. Дварф Магнам начал разводить костер. Джастон помогал, срезая щепу с дров, чтобы проще было разжечь пламя.

Мама Фреда погладила руку эльфийского капитана:

– Я в порядке, Джеррик. Иди посмотри, есть ли у нас хлеб и жесткий сыр. Остальные, должно быть, проголодались.

Он не пошевелился. Его голубые глаза светились заботой о ней:

– Фреда?..

– Я в порядке, – сказала она более твердо.

Она увидела беспокойство в его взгляде и вздохнула. Лучше ей было никогда не рассказывать Джеррику о своем слабом сердце. Но боль, которая разбудила ее несколько ночей назад, было невозможно скрыть. Она была вынуждена рассказать о своей тайне. Хотя травы уже не могли избавить ее от боли, они, по крайней мере, продолжали облегчать ей дыхание.

Узнав о ее болезни, Джеррик сильно рассердился на нее из-за того, что она отправилась в это путешествие. Но в душе Мама Фреда знала, что у нее не было выбора. Бессчетные зимы она была одинока – слепая, искалеченная, чужая среди незнакомцев. Лишь сейчас, так поздно в своей жизни, она нашла кого-то, с кем могла разделить свое сердце, как Тикаль разделял ее чувства. Связанные, и один знает все о другом. Она не могла провести остаток дней вдали от него.

Она сжала его руку, успокаивая:

– Иди, помоги остальным.

Он кивнул и отошел. Она смотрела, как он уходит: его белые волосы связаны сзади, его тело стройное и сильное, несмотря на возраст. Улыбка появилась на ее губах, когда она отвернулась. Он относился к ней словно мать-волчица к неловкому щенку. И почему-то после стольких лет, проведенных в заботах целительницы, ей было приятно, что кто-то присматривает за ней.

Она подошла к камням, отмечавшим жилище Толчука. Фердайл охранял вход, но она направилась дальше, к скоплению

огров. Она опиралась на свою трость и казалась такой слабой – никакой угрозы для огров по ту сторону забора.

Крупный огр по имени Хуншва стоял с группой других, все мускулистые и покрытые шрамами. Хуншва следил за тем, как она шла, но она не вызывала у него беспокойства: не только женщина, но еще и человек, и старуха, и незрячая к тому же.

Она слушала их разговор.

– Так, значит, ты отказываешься? – прорычал один из огров Хуншве. Это был огр самого нескладного вида, какого она когда-либо видела, словно шишковатый ствол дерева. Он носил волчью шкуру на одном плече, словно половину плаща.

– Не дави на меня, Крейнок! – рявкнул Хуншва.

– Ты дал слово клану Куукла, – чужак кивнул на освещенную огнем трещину. – Демон-полукровка убил моего брата, – он поднял край волчьей шкуры, чтобы показать ярко-красный шрам на своем плече.

Мама Фреда видела, что рисунок не похож на знаки здешнего клана.

– Я знаю, в чем я поклялся Куукла, – прорычал Хуншва разгневанно.

Крейнок сплюнул на каменный пол:

– Не будь одурачен его магией. Он провел тебя: воспользовался твоей слабостью и показал тебе тень твоего сына.

Хуншва обернулся, чтобы смерить взглядом скрюченного огра:

– Не упоминай больше моего сына.

Крейнок скривил нос, не обращая внимания на угрозу:

– И что насчет Триады? Ты что, в самом деле веришь, что не зло привело к их смерти?

Хуншва понизил голос:

– Их призраки...

Другой огр сплюнул снова:

– Демонские штучки. Товарищи моего брата по охоте говорили, что он вызвал демонов с неба. Что для него немного дыма и шепотки? Всего лишь трюкачество, вот что я скажу.

На словно вырезанном из камня лице Хуншвы отразились сомнения.

Крейнок продолжил давить:

– Он убил твоего сына. Он убил Феншву.

Хуншва развернулся с громогласным рыком, но другой огр уже исчез среди своих братьев, закутанных в волчьи шкуры.

– Не произноси имени моего сына! – прогремел Хуншва. – Я не стану предупреждать тебя снова. Не смей тревожить его дух!

Крейнок заговорил из-за спин своих собратьев:

– Ты обещал принести новому вождю Куукла голову трусанолукровки! И я спрашиваю тебя снова: ты отказываешься?

Хуншва прорычал:

– Я подумаю над своими словами.

Крейнок фыркнул:

– Думай быстро, Хуншва – или война придет в твои пещеры. Горы окрасятся кровью твоего клана. В этом клянусь тебе я! – он повернулся к остальным, но напоследок крикнул: – И клан Куукла не отказывается от своих слов!

Когда чужаки ушли, Хуншва повернулся к трем своим воинам.

– Что ты будешь делать? – спросил один из них.

Хуншва посмотрел на трещину в задней стене и вздохнул:

– Я приму решение к Всеобщему Сбору. Если Триада говорила правду, Толчук должен быть защищен.

– А если это был трюк?

Хуншва брсоил на него сердитый взгляд:

– Тогда я убью Толчука на ступенях Дракона, – он отвернулся и махнул рукой в сторону уходящей группы другого клана: – Наблюдайте за ними.

Мама Фреда опиралась на свою трость, задумавшись над последними словами огра. Это был мудрый приказ. Она смотрела на уходящих членов клана Куукла. За ними в самом деле стоило понаблюдать. За этим крылось что-то большее, чем то, что было на виду. Иначе почему бы возникли сомнения? Духовная энергия проникала в каждое сердце – неважно, огра или нет.

Глубоко в душе Хуншва знал правду. Хотя он не решался нарушить свое прежнее обещание, она чувствовала, что он поверил всему, что произошло здесь. Но, как вождь этого племени,

он не мог оставить без внимания угрозу, исходящую от клана Куукла.

Она смотрела на враждебную группу. Они тоже были свидетелями чуда ухода Триады и выбора нового духовного вождя, но они отрицали истину. Почему? Что-то крылось здесь... что-то, что требовало тщательного изучения.

Она протянула руку к плечу и коснулась Тикаля:

– Иди следом, – прошептала она, направляя свое желание прямо в связанного с ней чувствами друга. – Так, чтобы тебя не увидели.

Тикаль поежился, опасаясь уйти от нее. Его беспокойство проникло в нее через их связь. Она коснулась его золотистой гривы:

– Следуй за ними... но оставайся незаметным и тихим.

– Большая коза, бдительная, бдительная, – его глазки стали огромными.

– Да, будь осторожен, – она коснулась губ Тикаля пальцем. – И тихим.

Тикаль дрожал еще мгновение, его глаза следили за уходящими оградами. Затем его хвост обвился крепче вокруг ее шеи, обнимая. С этим коротким прощанием Тикаль спрыгнул с ее плеча, перемахнул через забор и исчез в тени. Мама Фреда оставалась с ним, глядя его глазами, в то время как он бежал прочь, пригибаясь к земле и прячась в самых темных уголках.

Она вздрогнула, когда что-то коснулась ее.

– Огонь разведен, – сказал Джеррик у ее плеча. – Пойдем, посидишь с нами, погреешься.

На этот раз Мама Фреда не сопротивлялась. Она оперлась на своего возлюбленного, позволяя ему вести ее. Она притворялась изможденной, а слепоту разыгрывать не приходилось. Пока они шли к костру, она не могла видеть, ее зрение бежало в тенях к выходу из пещеры. Она не стала говорить о задании Тикаля. В пещере было много ушей, да и эхо могло сыграть злую шутку. Для начала она должна была увидеть, какое открытие может быть сделано.

Оказавшись достаточно близко, она почувствовала тепло костра и с помощью трости дошла до каменной скамьи. Джер-

рик сел рядом с ней. Никто ничего не сказал об отсутствии тамринка. Это не было необычным для Тикаля – покидать ее плечо и прятаться в темных уголках.

Мама Фреда сидела лицом к огню, делая вид, что греется в его тепле, но глубоко внутри она следовала за группой огров в неверном полумраке, ее глаза были остры, уши чутки, ее нос ощущал мускусный запах тех, кого она преследовала. Вскоре Тикаль подобрался достаточно близко, чтобы услышать их грубые слова.

– Все готово? – спросил Крейнок.

– Ловушки расставлены, – уверил его другой.

– Хорошо, – Крейнок бросил взгляд через плечо. Тикаль исчез за кустом ползучей ягоды. Огр понюхал воздух, глядя на вход в пещеру Токтала:

– К наступлению сумерек весь Клык будет наш.

Глава 8

Толчук ждал, пока последние огры покинут Пещеру Духов. Охотники положили последнее безжизненное тело рядом с двумя другими, прижав холодные ладони к глазам мертвеца. Это традиционно делалось для того, чтобы удержать духов от попытки вернуться в тела, но Толчук знал, что в данном случае в этом не было необходимости. Триада была только рада избавиться от бремени плоти.

Исполнив свой долг, носильщики ушли, оставив Толчука наедине с трупами. Он оглядел помещение. Он был здесь всего дважды: во время церемонии именования и второй раз – когда нес мертвое тело Феншвы.

Толчук медленно повернулся кругом. Священная пещера была овальной по форме, словно чаша – как пузырь из гранита. Дюжина факелов освещала ее, потрескивая и мерцая голубым пламенем. Тени танцевали на стенах, словно призраки ушедших.

Толчук не обратил внимания на это зрелище и повернулся к темному проходу в дальней стене.

– Тропа мертвых, – прошептал он. Она вела к убежищу, в котором Триада жила бессчетные годы. Еще дед деда Толчука

поклонялся этим троим. А теперь они ушли. Факел был передан.

Вздохнув, Толчук пересек пещеру и снял со стены одну из пылавших голубым головней, принимая то, что он должен сделать дальше: проследовать по тропе мертвых до ее конца, откуда началось его путешествие. Еще раз он должен увидеть Врата Духов, хрустальное сердце горы.

Заставив замолчать страх в своем сердце, Толчук прошел под аркой и вошел в мрачный сумрак по ту сторону. Он старался ни о чем не думать и не тревожиться. Он просто шел вперед, постепенно спускаясь на нижние уровни владений огров.

Толчук был не в первый раз здесь, поэтому не испугался, когда потолок снизился, заставив его пригнуться. Воздух стал холоднее, в нем почувствовался запах каменной соли и плесени. Толчук продолжал идти вперед.

Впереди коридор разветвлялся. Куда же идти? Инстинктивно он знал ответ. Потянувшись свободной рукой, он достал кусок камня сердца. Держа его перед собой, он достиг развилки коридора и протянул руку с драгоценностью в обоих направлениях. Камень засиял ярче, указывая путь налево.

Он пошел, поручив камню привести его к Вратам Духов.

Спустя какое-то время, пройдя через лабиринт пересекающихся коридоров, Толчук заметил новое сияние впереди: не от камня сердца, а зеленое, словно светящаяся озерная пена.

Решительно двинувшись дальше, Толчук вскоре достиг источника света. Проход покрывали слепые длинные светящиеся черви: они были на полу, на стенах, на потолке. Они расползались в разные стороны, переползали друг через друга, оставляя светящиеся следы на голом камне.

Толчук поморщился. Он успел позабыть об этих обитателях глубоких пещер. Наступая на них босыми ногами, он продолжил путь. Он помнил слова Магнама, что эти существа всегда появляются там, где есть жилы или залежи камня сердца. Почему они перебрались сюда, было неизвестно.

Держа Сердце высоко, Толчук шел дальше. Вскоре червей стало так много, что в факеле больше не было нужды. Толчук

оставил головню на перекрестке и продолжил путь с одним лишь камнем.

Он шел вперед, его кожа блестела от пота и слизи червей. И когда ему показалось, что он заплутал в этой путанице переходов, коридор неожиданно раздвинулся, открывая вход в гигантский склеп.

Толчук остановился у входа, выпрямившись и глядя вперед. Он держал кристалл Сердца перед собой. Поскольку воздух здесь был более свежим, пламя камня сердца стало ярче, и его блеск вырвался наружу, освещая каждый уголок похожего на склеп зала.

Сияние кристалла отразилось от дальней стены пещеры и осветило то, что было спрятано там: арку из чистого камня сердца. Ее две опоры сияли в свете червей, каждая драгоценная грань была словно огонь.

Толчук сжался перед их величием, но затем двинулся вперед, продолжая высоко держать камень, прикрывая глаза другой рукой.

Купаясь в свете, Толчук почувствовал знакомое ощущение мира и единства со всем живым. Он не знал, сколько простоял так в этом сиянии.

– Толчук...

Он вздрогнул.

– Толчук, послушай нас.

Вернувшись мыслями в мир червей и камня, он понял, что слова пришли из камня сердца в его когтях. Вновь появился темный туман и поднялся высоко, двинувшись к Призрачным Вратам. Облако остановилось над их вершиной, клубясь перед массивной аркой.

– Мы еще не осмеливаемся пересечь грань, – прошептали тени Триады. Толчук услышал нетерпение в их словах. – Есть что-то, что мы сначала должны показать тебе.

Туман вновь разделился на три части. Каждая опустилась к каменному полу и обрела форму согбенного огра.

– Подойди к Призрачным Вратам.

Толчук колебался. Он уже путешествовал через Врата прежде и не хотел делать этого снова.

Ближайшая тень повернулась в его сторону. Зеленоватое сияние глаз нашло его; Толчук узнал сияние червей. Разве Магнам не упоминал об этом? Он вспомнил слова дварфа: «Если ты проведешь достаточно много времени среди червей, их сияние останется в твоих собственных глазах. Некоторые говорят, что это позволит тебе видеть не только этот мир, но и следующий... в будущем».

Глядя в эти глаза сейчас, Толчук не сомневался в правдивости услышанного.

– Подойди, – прошептала фигура. Впервые это прозвучало, как слова одного, а не трех. – Пришло время тебе узнать истину.

Другие призраки отошли к арке, каждый встал у одного из столбов. Как только они достигли опор врат, каждый призрак растворился в камне, исчезнув так, как они исчезли прежде в Сердце.

Толчук остался наедине с последним из Триады.

Низкое жужжание послышалось из арки и распространилось на всю пещеру. Когда оно усилилось, стало возможным различить слова – древние слова на языке, которого Толчук не знал. Звук поднимался вверх по опорам, и затем новый звук выходил наружу, как будто изначальная молитва была лишь эхом чего-то более древнего, чем любой язык. Вся пещера звенела от этого звука. Кости Толчука, казалось, дрожали в унисон.

Одинокий призрак заговорил возле его плеча:

– Это голос Клыка.

Толчук бросил взгляд на говорящего. Туманная фигура стала более материальной, как будто она брала силу из самого звука.

– Земля говорит через гору, – призрак указал на арку.

По мере того как жужжание усиливалось, гранитная стена в рамке арки из камня сердца начала мерцать в согласии с Голосом. То, что прежде казалось стеной чистого гранита, теперь выглядело как отражение в озере, поверхность которого была подернута рябью жужжащего зова.

Даже воздух в пещере стал прозрачнее, как если бы неосязаемый ветер дул из врат. Толчук глубоко вдохнул, наполняя им свои легкие. Он чувствовал, как по всему его существу

растекается энергия. Когда она достигла руки, держащей Сердце огров, камень запылал ярче, вибрируя в унисон с Голосом.

Рука Толчука поднялась словно сама по себе, и он почувствовал знакомое напряжение в груди. Толчук сделал шаг к Призрачным Вратам, не в силах остановиться. По спине пробежал холодок паники. Неужели он вновь обречен пройти через Врата и перенестись куда-то? Он сопротивлялся, пытаясь управлять своим телом.

– Не борись с этим, – прошептал призрак, следуя за ним.

– Что происходит? – выдавил Толчук.

– Клык зовет тебя. Ты не можешь остановить это.

Призрак был прав. Толчука тянуло вперед – не под арку Врат и на ту сторону, как прежде, но к одному из двух столбов. И с каждым шагом камень сиял ярче, превращаясь в ослепительную звезду в его руке.

Не в силах вздохнуть от его яркости, Толчук едва заметил момент, когда остановился. Его рука взметнулась вверх, сразу выпрямив его позвоночник. Он почувствовал, как Сердце с щелчком коснулось арки, и в этот момент он освободился от заклятья и отступил назад.

Толчук потер руку. Сердце угнездилось в словно специально приготовленном для него месте – как ключ в замке. Оно подошло настолько идеально, что было бы трудно отличить его от камня арки, если бы не исходящий из него слепящий свет.

Призрак заговорил:

– Камень в центре Врат – его сердце, точно так же, как наше собственное.

Голос Клыка внезапно изменил высоту.

– Теперь смотри! – предупредил призрак Триады. – Смотри, ибо Врата целые.

Свет Сердца хлынул в арку, воспламенив большой камень, словно огонь, поднесенный к маслу. Сверкающая вспышка вырвалась из столба-колонны, поднялась вверх над аркой, затем нырнула во вторую опору.

Когда она достигла земли, свет потускнел – но не угас!

Толчук выдохнул.

Можно было увидеть, как сверкающая звезда нырнула в землю, сияя сквозь гранит, подобно лунному свету, льющемуся сквозь плотный туман. Сияние прошло под аркой, затем вернулось к первому столбу, завершив полный круг воссоединения с Сердцем.

Толчук изумленно смотрел на сверкающую арку и ее отражение на граните внизу. Единое кольцо напомнило ему о Цитадели горного народа: гранитная арка, отражение которой в Тор Амоне создавало магический круг. Здесь было то же самое.

– Единство, – прошептал призрак Триады, и в его голосе слышалась смесь печали и радости. – Прошло столько времени с того момента, когда Сердце могло воспламенить Врата полностью!

– Я не понимаю.

Призрак указал вверх:

– Арка, которую ты видишь в этой пещере, – лишь половина целого, – он опустил руку к земле: – Ниже лежит другая половина круга, которая остается похороненной в камне, но только с ней Врата можно назвать целыми.

– Кольцо из камня сердца, – пробормотал Толчук. – Не просто арка.

Призрак кивнул:

– Сердце вернулось, и путь теперь открыт.

– Путь куда?

Призрак вновь повернул к Толчуку взгляд, сияющий светом червей:

– К сердцу всех вещей, к сердцу мира, – дух протянул руку к Вратам: – Под ними лежит истинное сердце Земли!

Пульсирующий гранит под аркой внезапно вздрогнул, как если бы большой камень был брошен в его центр. Из каждого столба выплыли облака тумана – остальные призраки вернулись. Они присоединились к своему собрату и все вместе наблюдали за сияющим кольцом камня сердца, а меж тем каменное основание словно бы подернуло рябью волн. Гранит потерял форму, превращаясь во что-то еще.

Толчук боялся того, что он мог увидеть, но не смел отвести глаз.

Постепенно колебания замедлились. Черная поверхность гранита исчезла. На ее месте возникло видение, которое заставило Толчука опуститься на колени.

Он смотрел в бесконечную темноту, пронизанную неровными линиями алого огня. Вспышки пламени, пульсируя, двигались по этим линиям, словно светлячки. Несколько огоньков вспыхнули на кольце камня сердца и начали свой путь по линиям. Но не эти линии заставили Толчука затаить дыхание. В самом центре чернильной тьмы покоился гигантский кристалл чистейшего серебристо-голубого цвета, сверкающий, как самый совершенный бриллиант в ночи.

Толчук не мог отвести взгляда от его красоты. Хотя ему не с чем было сравнить размер кристалла, чтобы судить о его величине, он знал, что смотрит на величайшую гору в миниатюре. Он был все равно что соринка рядом с ее величием.

– Узри сердце этого мира, – произнесли призраки Триады хором. – Дух Земли, обретший форму. Узри Призрачный Камень.

После этих слов сияющий кристалл покачнулся в их сторону. Толчук ощутил присутствие, наполняющее пространство, словно давление в воде на большой глубине. Не мигая, он наблюдал, ощущая единство мира, даже не вообразимое по глубине и границам.

Пока он наблюдал, он осознал, что алые линии были на самом деле прожилками камня сердца. Сеть линий переплеталась и разветвлялась, но все пути вели к кристаллу в ее центре.

«Призрачный Камень... Истинное сердце этого мира...»

– Она идет, – прошептала Триада позади него; их голоса были полны почтения.

Толчук тоже почувствовал растущую тяжесть в воздухе, давление в ушах. Затем появилась фигура, выступив из Призрачных Врат, как если бы она вышла из самого камня. На фоне серебристого сияния четко вырисовывалась темная тень, живой поток черного масла. Это была женщина, высокая и полная достоинства, одетая в туман серебряных прядей, которые клубились вокруг нее подобно облакам, скрывая ее эбонитовые плечи, затеняя ее лицо, развеваясь и покачиваясь так, словно

она двигалась под водой. Все пряди вздымались и струились по направлению к Призрачному Камню, смешиваясь друг с другом.

– Кто?.. Что?.. – заикаясь, пробормотал Толчук.

Услышав его голос, она остановилась, повернувшись к нему. Серебряные волосы на миг открыли ее лицо. Размытые черты внезапно стали совершенно четкими, словно вырезанными из камня.

Толчук выдохнул:

– Елена!

Мама Фреда продолжала греть свои замерзшие кости у огня. Рядом с ней Джеррик шепотом разговаривал с Магнамом и Джастоном, но она слушала не их – через чуткие уши ее любимца тамринка ее внимание было приковано к группе огров из клана Куукла.

У нее кружилась голова, оттого что она сидела так неподвижно перед теплым огнем, в то время как другая ее часть, вооруженная острыми чувствами, неслась быстрыми скачками. Ее обоняние ощущало одновременно и теплый дым лагерного костра, и похожий на козью вонь запах вспотевших огров.

Мама Фреда обхватила руками наконечник своей трости и опустила подбородок на пальцы, а ее сердце стучало в ушах в страхе за ее питомца, в страхе за них всех. По словам Крейнока она поняла, что клан Куукла замышляет предательство и кровопролитие. Ей страстно хотелось рассказать остальным, но сейчас она была слепа и могла не заметить, как кто-то подслушивает. Вокруг себя она слышала шаги огров, их рев, лающие команды. Кто-то был рядом, приглядывая за чужаками. Сейчас ей следовало оставаться безмолвной, пока она не выяснит, что за ловушку готовит клан Куукла.

Она сосредоточилась на Тикале.

В этот момент группа огров пересекла луг и вошла в лесок, приютившийся на более высокой части нагорья. Они были на своей территории и направлялись в домашнюю пещеру, к своим жилищам. Отряд рычал, словно отдаленный гром, и предметом обсуждения по преимуществу являлось количество го-

лов врагов, которое они смогут собрать, когда начнется война. Но, когда лес из черных сосен и горной ольхи сгустился вокруг них, отряд притих.

Через нос Тикаля Мама Фреда чувствовала страх в их мускусном запахе. С каждым шагом этот запах сгущался. Ее пальцы сжали крепче трость.

Крейнок остановился и знаком приказал остальным не двигаться. Никто не зарычал, возражая. Нескладный огр расправил свой плащ из волчьей шкуры нервным движением, затем осторожно отошел от группы.

Мама Фреда безмолвно попросила Тикаля следовать за ним. Тамринк скользнул на тропу и обогнул основную группу. Затем Тикаль ухватился за ветви, высоко подпрыгнул и понесся по вершинам деревьев. Здесь, в густом лесу, кроны деревьев были для него хорошей дорогой. Острые глаза ее любимца не теряли из виду Крейнока, пока огр пробирался глубже в темный лес.

В небе сверкнула молния. Начался дождь, забарабанив по листьям и сосновым иглам. Тикаль скользнул на ветви пониже, чтобы не промокнуть и продолжать следить за огром, который забирался в чащу.

Крейнок замедлил шаг, оглядываясь. Запах его пота и страха разлился в воздухе.

Из затененной части дремучего леса его приветствовал голос, лукавый и обволакивающий, словно стекающая вода:

– Получил ли ты голову того, чье имя Толчук?

Мама Фреда была удивлена, услышав здесь всеобщий язык, а не наречие огров.

– Нет, моя королева, – Крейнок упал на колени, его голос дрожал. – Убийца моего брата по-прежнему жив. Он вновь использовал демонские трюки, и на этот раз ему удалось обмануть сердца остальных.

– Что насчет договора с кланом Токтала? Их обещание?

Крейнок опустил голову:

– Хуншва, их предводитель, сопротивляется. Но клан Куукла готов напасть по твоему слову. Мы уже собираемся вблизи северных лесов.

Последовала долгая пауза. Крейнок дрожал от страха под мокрыми листьями.

– Нет, – неожиданно прошептал голос, – Мы не станем атаковать их в пещерах. Я слышала зов этой ночью, Всеобщий Сбор в месте, называемом Драконий Череп.

Крейнок кивнул:

– Да, моя королева.

– Нужно их туда выманить. И я не потерплю от тебя промашек – после того как меня подвел твой брат.

– Да, моя королева.

– Я должна быть уверена на этот раз, Крейнок. Подойди ближе.

Огр поднялся на ноги, поежившись, и двинулся вперед, дрожа от страха.

Мама Фреда попросила Тикаля следовать за ним. Кто же прятался здесь в лесах?

Оба, и огр, и тамринк, двинулись на полянку в чаще леса, и Мама Фреда увидела среди ветвей впереди что-то, что сияло подобно снегу, как если бы небольшой снежный буран налетел на лесок. Пушистые холмики чего-то белого сковали темные ветви и сугробами лежали поверх похожих на тени кустов. Даже подлесок был покрыт этой снежной белизной.

«Что это за странная штука?»

Крейнок подполз к краю странной полянки, по верхушкам деревьев за ним следовал Тикаль.

Оказавшись ближе, смотря зоркими глазами тамринка, Мама Фреда увидела, что покрытый снегом лес не был необитаем. Тысячи крошечных красных паучков ползали по белым холмам и спускались на тонких нитях.

Не снег, поняла Мама Фреда с нарастающим ужасом, – паутина. Вся поляна была оплетена шелковистой прочной паутиной.

Крейнок съежился перед гигантским паучьим гнездом.

В центре паутины пошевелилось что-то темное. Покрытая шипами нога кроваво-красного цвета появилась из-за плотной занавеси нитей и легко прошла сквозь шелковистую массу. Затем другая... и еще одна...

То, что явилось следом за этими ногами, было настолько ужасно, что Мама Фреда не могла себе и представить: огромный паук, такой же большой, как огр, такого темного красного цвета, что он казался почти черным. Его восемь ног пробирались через паутину. Его лоснящееся, по форме напоминающее луковицу брюшко изгибалось вверх, выбрасывая шелковую нить из желез внизу, по мере того как паук удалялся от центрального гнезда.

Но это было еще не худшее.

Над налитым кровью брюшком возвышался торс женщины. Она была настолько бледной, насколько ее остальная часть была темной. Длинные иссиня-черные волосы лежали на ее обнаженной груди, по которой ползали крошечные красные паучки. Она мягко стряхнула их с рук, но ее внимание было приковано к огру.

Крейнок не мог заставить себя посмотреть ей в лицо:

– Королева Вирани!

Мама Фреда вздрогнула у костра, выронив трость.

– Ты в порядке? – проговорил Джеррик рядом с ней.

Она отмахнулась от его вопроса, скованная страхом. Она слышала рассказы о паучьей ведьме от других: враг из числа гибельных стражей, убитая в лесах у подножья нагорья и похороненная там. Но мертвые гибельные стражи не всегда оставались мертвыми. Как Рокингем прежде, паучья ведьма, судя по всему, была воскрешена и обрела новую форму.

– Ты возьмешь меня к Драконьему Черепу, – прошептала ведьма, и ее голос был вкрадчивым и наполненным ядом. Она указала на ветви деревьев вокруг нее: – Позови своих соплеменников. Мы возьмем с собой мои яйца.

Крейнок поднял глаза. Тикаль – и Мама Фреда – последовали за его взглядом. На ветвях деревьев висело множество тяжелых обвитых шелком мешочков размером со спелую тыкву. Внутри шелковых коконов шевелилось что-то темное, ожидая освобождения.

Огр задрожал от увиденного, ужас сковал его.

– Мои дети попробовали крови этого Толчука, – продолжила Вирани. – В этот раз мы будем пировать на его теле и телах тех, кто помогает ему.

– Да, моя королева, – Крейнок поднялся на ноги. Лицо паучьей королевы поднималось наверх тоже, по мере того как он вставал, ее взгляд стал пронзительным. Ее глаза остановились на увитой шелком листве и встретились с глазами Мамы Фреды.

– За нами шпионят сверху! – прошипела Вирани, указывая в ее направлении.

– Тикаль! Беги! – громко вскрикнула Мама Фреда.

– Что случилось? – спросил Джеррик, хватая ее за плечо.

У Мамы Фреды не было времени отвечать. Она бежала со своим тамринком меж деревьев, стараясь передать ему свою энергию. Затем острая боль вспыхнула в ее груди. Она задыхалась.

Ее маленький друг разделил ее боль. Тикаль пропустил один прыжок, затем запрыгал беспорядочно. Он задел ветку, которая хлестнула по крошечной лапке. Он ударился о землю, и этот удар вышиб воздух из его груди.

Мама Фреда тоже не могла дышать, но она старалась, как могла, дать тамринку силу.

Тикаль поднялся на одну неповрежденную лапку. В страхе и боли он чирикал:

– Тикаль, хороший мальчик, беги, беги.

Огненная агония в груди Мамы Фреды взорвалась в ее ногах и руках. Она едва почувствовала, как Джеррик поймал ее, когда она начала падать. Ее разум и сердце – такие слабые – вернулись к Тикалю. «Беги, мой малыш, беги».

– Беги, беги, – эхом откликнулся он далеко в лесу.

Тамрик мчался с поврежденной лапкой, прижатой к животу, помогая себе руками и прыгая на здоровой ноге, высоко держа хвост.

«Беги и спрячься... уноси ноги, моя маленькая любовь». Боль не давала ей дышать. Она уже не могла хватать воздух ртом.

Тикаль убегал, летя через лес, и вдруг что-то схватило его за ногу, сбросив в грязь.

Пока он пытался освободиться, изгибаясь и дергаясь, Мама Фреда увидела то, что схватило его: петля паутины обвилась вокруг его ноги. Теперь она тащила его назад, притягивая его

мечущееся в панике тело к хозяйке паутины, паучьей королеве. Вирани, подкравшись по его следу, сгорбилась, широко расставив ноги, и на ее губах была зелень чистого яда.

Из-под ее ног хлынула волна красных паучков, устремившись к маленькому Тикалю. Любимец Мамы Фреды боролся, пытаясь кусаться своими острыми зубками сквозь опутавшую его паутину.

«Тикаль!»

Неожиданно он вырвался, повернулся и скакнул прочь, прыжками направляясь к низко висящей ветке. Мама Фреда почувствовала, как вцепились в кору его пальцы.

Но ветка не была пустой.

Маленькие паучки ползали по ней и по пальцам Тикаля, спускаясь по его тоненькой руке. Когда они начали кусать его, боль пронзила Маму Фреду, боль еще хуже, чем боль в ее собственном сердце. Маленький тамринк снова упал прямо посреди россыпи пауков.

Мама Фреда закричала, когда волна пауков накрыла его:

– Тикаль!

– Мама, Мама...

Затем она почувствовала, как его маленькое храброе сердце сжалось и остановилось... как и ее собственное.

Глубоко в пещере ее тело изогнулось. Агония прошла через ее кости и сердце.

– Что с ней? – выкрикнул Магнам.

– Она умирает! – проговорил Джеррик. – Ее сердце!

Мама Фреда почувствовала, как тьма смыкается вокруг нее, тьма более плотная, чем любая слепота. Она боролась за хотя бы еще один вдох – наполнить воздухом легкие, словно налившиеся свинцом от приближающейся смерти. И она выдохнула последнее предупреждение своим друзьям, своему любимому:

– Берегитесь... Вирани!

Затем холодная волна тьмы стерла ее боль. Она отошла с прикосновением ее любимого, чувствуя, как его губы коснулись ее губ в последний раз, и где-то далеко во тьме она услы-

шала тоненький свистящий крик, потерянный и напуганный: «Мама, Мама!»

«Т-с-с, маленький, я иду».

Застыв, Толчук смотрел на темное видение, появившееся из Призрачных Врат.

– Елена? – повторил он.

Женщина посмотрела на него, ее темные глаза сияли подобно отшлифованному обсидиану. Серебряные пряди продолжали виться вокруг ее лица, словно движимые невидимыми течениями. Вспышки энергии пробегали по локонам и парящим прядям, как будто они появились из Призрачных Врат только для того, чтобы оттенить, накрыв сверкающей волной, черную кожу призрака. Когда она вышла из-под арки, черты ее лица стало возможно различить в деталях, как будто она поднялась из глубин темного моря.

Толчук увидел свою ошибку. Эта незнакомка, хоть и похожая на Елену, не была ею. Призрачная женщина была намного старше. На ее лице не было морщин, но тяжесть тысячелетий отметила глаза и губы, и серебро волос не было результатом одной только магии. Здесь стояла женщина, чей возраст исчислялся веками.

– К-кто ты? – выдавил он из себя.

Триада ответила на его вопрос:

– Госпожа Камня. Его хранитель и страж, – и их голоса были полны благоговения.

Видение подняло темную руку, откинув с лица туман серебряных прядей.

– Нет, – сказала она, ее черные губы шевельнулись. – Больше нет, – слова были тихими; кроме того, они странно не сочетались с движениями губ. – Я больше не могу удерживать тьму, что грядет. Мое время прошло, – ее глаза сверкнули на Толчука: – Нужны новые стражи.

Толчук отпрянул, и Триада шевельнулась в смущении, их фигуры затуманились:

– Но Госпожа Камня была вечным стражем Врат...

– Нет, – повторила она снова, покачав головой. – Не вечным... только с древних времен... Я соединила свой дух с Камнем во время, затерявшееся в мифах и легендах...

Смятение превратило Триаду в туманные тени.

– Мы не понимаем...

– Некогда я носила иное имя, – ее слова прозвучали еще тише. – Ваши далекие предки называли меня не «Госпожа Камня», но куда более отталкивающим прозвищем: «Тула нэ ла Ра Хайн»

Толчук нахмурился, услышав ее последние слова, поскольку имя было произнесено на древнем языке огров. Но старейшины поняли – об этом можно было судить по крику, вырвавшемуся у призрачных фигур:

– Не может быть!

Они в ужасе отступили от Врат.

– Что-то не так? – спросил Толчук.

Одна из теней вскинула руки над головой, выкрикнув:

– Тула нэ ла Ра Хайн!

– Проклятая... – застонал другой.

– Та, что проклята! – закончил третий.

В панике группа разделилась, не представляя больше единого целого.

Толчук отступил на шаг:

– Кто?

Первый из Триады ответил:

– Она Тула нэ ла Ра Хайн... Ведьма Призрачного Камня!

Толчук нахмурился в замешательстве. Триада встала у него за спиной, словно защищая.

Темная женщина продолжала приближаться, не обратив внимание на их выкрики. Казалось, ее кожа стала еще темнее, а ее волосы еще больше заискрились. Гнев в ее глазах читался столь же ясно, как и бесконечная печаль.

Слова Триады наконец дошли до сознания Толчука.

– Ведьма Призрачного Камня, – пробормотал он, пристально глядя на нее. Затем озарние едва не сбило его с ног, и он вновь увидел сходство с Еленой. Другая ведьма... Он попятился, задрожав всем телом, затем выпалил имя, под которым он знал ее:

– Ведьма Духа и Камня!

– Сменяются времена, и появляется так много разных имен, – проговорила она холодно. – Странно видеть все победы и поражения своей жизни, сведенные к одной простой фразе, и даже эту фразу не могут вспомнить правильно, – она вздохнула. – Но ты знаешь мое истинное имя, не так ли, огр?

Он понял, увидев в ее лишенных усталости глазах то же, что было и у Елены.

– Сизакофа, – проговорил он громко.

Она кивнула:

– И я знаю тебя. Последний потомок Личука из клана Токтала.

Толчук нахмурился в замешательстве.

– Клятвопреступник, – объяснила она.

Толчук моргнул. Личук! Таково было имя его предка, истинное имя Клятвопреступника. Он едва смог заговорить:

– Я не понимаю. Как ты можешь быть здесь? Почему ты здесь?

Она взмахнула призрачной рукой:

– Если ответить на твой первый вопрос, то на самом деле я не здесь. Мой истинный дух прошел сквозь Призрачные Врата тысячелетия назад. Этот образ – лишь эхо, оставшаяся частица магии, привязанная к энергии Призрачных Врат. Так почему? Эта история предназначена для других ушей, не для твоих. Я оставила свою тень во Вратах, зная, что однажды ведьма, которая сможет занять мое место, будет нуждаться в руководстве.

– Елена, – проговорил Толчук.

Темная фигура кивнула:

– Неисчислимые века я была стражем Призрачного Камня. Занимая это место, я направляла твой народ так хорошо, как могла, но даже я не могу остановить твоего предка.

– Клятвопреступник...

– Личук дал клятву духовного руководства и пришел сюда, к этим самым Вратам, как проситель. Он был силен духом и даже сильнее одарен стихийными дарами.

Толчук вздрогнул от удивления:

– Клятвопреступник был стихией?

– Его даром было огранять природную магию других – брать природный талант и отшлифовывать его.

Ее слова звучали похоже на правду. Толчук вспомнил, что все гибельные стражи за свою долгую жизнь проходили испытания. Они были примерами этой самой огранки – стихии, чьи таланты были искажены для нужд или по прихоти Клятвопреступника.

– Что случилось?

– Даже я не знаю этого. Однажды твой предок открыл Врата Призрачного Камня. Я почувствовала магию и пришла, увидев Личука на коленях, кричащего от боли, с воздетыми руками. Когда я приблизилась, я почувствовала, как что-то рвет ткань мира. После этого Врата захлопнулись и оставались закрытыми следующие шесть веков, – она повернулась к теням Триады. – Что произошло в этой пещере в тот день, я не знаю.

Призракам огров явно было неуютно под ее взглядом.

– Мы знаем не больше тебя, – прошептали они вновь в унисон. – Клятвопреступник дал клятву. Но мы тоже почувствовали неправильность, разрыв в ткани мира, о котором ты говоришь. Мы бросились сюда, но нашли лишь Сердце, лежащее на полу. Как только мы коснулись камня, мы поняли, что он проклят. Отравленное Сердце не могло больше полностью пробудить Призрачные Врата. Они были закрыты для нас. И в камне сердца росло Проклятье, кормясь нашими душами. Одному из нас было видение, что проклятие может быть снято только последним их рода Личука, Клятвопреступника.

– Поэтому мы ждали... – первый из старцев проговорил отдельно от остальных.

– И ждали... – сказал второй.

– И ждали... – эхом повторил третий.

– До тех пор, пока я не пришел, – закончил Толчук, не в силах скрыть горечь.

Повисла тишина. Все ощутили давящую тяжесть веков.

Наконец заговорила тень Сизакофы:

– Похоже, что с твоим бременем не покончено, огр.

Толчук поднял на нее глаза:

– Что ты имеешь в виду?

Она взглянула на Призрачные Врата, ее серебряные волосы затрепетали:

– Земля отравила твой камень сердца тем Проклятьем, чтобы закрыть путь в Призрачный Камень. С того времени я чувствовала искажение, пытавшееся прорваться, ощущала, что поток энергии Земли искривлен. Что-то извне охотится за Сердцем этого мира.

– Мой предок, – прошептал Толчук. – Клятвопреступник.

Тень вздохнула:

– И он становится сильнее. Скоро он сможет прорваться; тень моей силы не ровня ему. И Призрачные Врата будет вновь открыты.

Тень ведьмы посмотрела на Толчука:

– Новые защитники появились, избранные защитить чистоту Сердца мира: вы оба – ты и новая ведьма.

– Елена.

Кивок.

– Прежде чем мой дух прошел сквозь Врата, она явилась мне в видении. Я узрела темные времена впереди. Она стояла перед этими самыми Вратами, и кровь друзей покрывала землю... – тень ведьмы вздохнула. – Мое предупреждение только для нее. Вот причина, почему я здесь, вот что вызвало меня из далекого прошлого в настоящее.

– Ты не станешь говорить нам об этом предостережении? – спросил Толчук, смертельно уставший от магии и тайн.

– Я не могу. Я – эхо желания и цели. У меня нет выбора. Юная ведьма должна оказаться здесь, и Призрачные Врата должны быть защищены до этого времени, – она смерила жестким взглядом Толчука. – Ты должен стать их стражем.

Триада зашептала снова, их глаза засияли прежним светом червей:

– Мы тоже это видели. Вот почему мы созвали Всеобщий Сбор у Драконьего Черепа, – все взгляды сосредоточились на Толчуке. – Ты должен объединить кланы. Врата должны быть защищены!

Откуда-то издалека эхом пришел вой, упав с самой высокой ноты до самой низкой.

– Слушай, – Сизакофа проговорила. – Тьма уже близко к нам.

Толчук запрокинул голову, узнавая голос. Фердайл.

Он начал поворачиваться, но Триада поднялась ввысь, их излучающие свет червей глаза искали его.

– Дух освободился, – прошептали они. – Один из твоих спутников.

У Толчука подогнулись ноги:

– Кто?

– Старая женщина, – скорбно возвестили призраки огров.

«Мама Фреда!» Толчук бросился прочь, намереваясь поспешить к своим друзьям.

– Подожди! – позвала его Сизакофа. – Возьми Сердце! Закрой Врата! Несмотря ни на что, Призрачные Врата должны быть защищены.

Толчук колебался мгновение, затем подбежал к арке. Его когтистые пальцы схватили Сердце, лежащее в замочной скважине.

Рядом с ним призрак ведьмы вновь вошел во Врата, ее серебряные волосы развевались за спиной.

За ее плечами кристалл Призрачного Камня сиял из колодца тьмы.

– Я буду ждать, – пообещал призрак. – Ждать вас всех.

Толчук услышал внезапный холод в ее последних словах, но тут вновь завыл волк. У него не было времени на дурные предчувствия. Он высвободил Сердце, и окно, распахнутое в центр мира, исчезло, вновь став гранитной стеной.

Три призрака растворились, вновь войдя в кусок камня сердца. До Толчука донеслись слова:

– Тьма грядет. Только объединившись, кланы огров выстоят.

Толчук убрал Сердце в свою набедренную сумку. Бросив последний взгляд на арку из камня сердца, он помчался к проходу:

– Больше ничто меня не остановит.

Фердайл завывал в своем горе, Джастон опустился на колени возле тела целительницы. Эльфийский капитан баюкал ее в своих объятиях, слезы стекали по его лицу.

Джастон сочувственно коснулся его плеча. Он не знал слов, способных облегчить эту боль. Если бы это Касса Дар лежала здесь на полу, он был бы безутешен.

Один Магнам сохранил присутствие духа.

– У нас гости, – он кивнул на огров, выстроившихся кольцом вокруг их очага. Они стояли на расстоянии нескольких шагов, явно боясь подойти ближе, но в их глазах ясно читалась подозрительность.

Джастон поднялся на ноги:

– Они знают, что что-то не так. Паника может охватить их прежде, чем Толчук вернется.

– Где наш Господин Скала? – спросил Магнам сердито. – Нам нужен кто-то, способный говорить с местными.

Один из самых крупных огров протиснулся сквозь толпу, чтобы подойти к очагу. Джастон узнал того, с кем Толчук разговаривал прежде – Хуншва, вождь клана.

Монстр подошел к входу, набычившись. Когда он заговорил, его рык был подобен перемалывающимся булыжникам, но говорил он на всеобщем языке, хоть и ломаном:

– Что не так здесь? Этот вой для чего? – он посмотрел на волка.

Фердайл затих, но огромный древесный волк не отошел от ворот, шерсть на его затылке стояла дыбом.

Джастон выступил вперед.

– Одна из старших среди нас умерла, – сказал он. – Удар сразил ее сердце.

Глаза Хуншвы сузились:

– Слишком много смертей сегодня.

Пара огров зарычала вслед за предводителем, но Хуншва знаком велел им замолчать.

Джастон заговорил:

– Мы просим дать нам оплакать нашу умершую.

Огр оглянулся кругом и зарычал на остальных, отдавая приказ отступить. Они медленно повиновались, не без угрожающих взглядов и жестов в сторону проклятого дома. Хуншва повернулся:

– Оплакивайте теперь. Затем мы заберем вашу женщину в Пещеру Духов.

Джастон кивнул и повернулся к остальным, когда огр ушел:

– Я выговорил для нас некоторое время, но я не знаю, как долго.

Магнам приблизился. Тихим голосом дварф заговорил:

– Так что это за Верни, о которой Мама Фреда предупреждала нас?

– Вирани, – Джастон скрестил руки. – Гибельный страж. Отряд Елены убил ее в лесу неподалеку отсюда.

– Возможно, они и сделали это, – Магнам сердито нахмурился. – Но для тех, кого коснулся Безымянный, смерть не имеет значения.

– Или, возможно, Мама Фреда ошиблась из-за своего страха, боли и приближающейся смерти.

Магнам покачал головой:

– Нет, любимец целительницы пропал. И я ясно слышал, как она выкрикнула имя Тикаля. Она что-то видела – его глазами – что-то, что остановило ее сердце, – дварф бросил взгляд на Джастона. – Что ты знаешь об этой Вирани?

– Очень мало. Только то, что она связана с пауками.

Джеррик, баюкая тело Мамы Фреды, процедил сквозь зубы:

– Я буду сам охотиться за демоницей и сожгу ее дотла.

Фердайл приблизился к целительнице, втянул воздух носом, затем обошел вокруг костра. Пока он обходил пламя, он вышел из своей формы волка и снова стал человеком. Мех вновь стал голой кожей, клыки стали зубами, а когти уменьшились до ногтей. Он поднялся и посмотрел на пламя, слегка дрожа после перевоплощения.

– Если Вирани близко, – сказал Фердайл, – мы в смертельной опасности.

– Что ты знаешь о ней? – спросил Магнам.

Фердайл не ответил на его вопрос и втянул носом воздух, высоко подняв лицо:

– Толчук приближается.

Суматоха поднялась в глубине пещеры. Огры зарычали в тревоге, затем расступились. Толчук пробился сквозь толпу и быстро подошел к очагу.

– Что произошло? – огромными глазами он глядел на Маму Фреду. Пока Магнам объяснял, Джастон увидел, как вождь, Хуншва, смотрит на них, словно оценивая. Огр поменьше что-то рычал у его плеча, но Хуншва, рявкнув, отослал его прочь.

– Вирани! – воскликнул Толчук, привлекая внимание Джастона.

Фердайл кивнул:

– Мама Фреда умерла с ее именем на губах – это было предупреждение. Я следил за тем, как ее зверек покинул пещеру вскоре после того, как ты ушел с твоими мертвыми старейшинами.

Все повернулись к изменяющему форму.

Выражение его лица не изменилось:

– Целительница, должно быть, послала его вслед за оградами в волчьих шкурах, – последнюю фразу он почти что прорычал.

Толчук воскликнул:

– Волчьи шкуры!

Фердайл кивнул.

Толчук бросил взгляд на пещеру.

– Это может значить только одно...

– Клан Куукла, – произнес суровый голос позади них.

Вся группа повернулась как один. Хуншва стоял там, наполовину опустив голову.

– Ты убил Драгнока, их вождя, – сказал он. – Они пришли с утренним солнцем и потребовали голову Толчука, или же их клан объявит войну. – Огр опустил глаза. – Я дал слово, что это будет исполнено.

Магнам потянулся к топору:

– Хотел бы я посмотреть на твою попытку!

Толчук поднял руку, чтобы успокоить дварфа:

– А теперь, Хуншва?

Огр поднял глаза.

– Что-то не так с Куукла. После того как моя собственная ярость из-за смерти сына смягчилась, я почувствовал это по их запаху. Они что-то скрывали, это было очевидно, – он повернулся к входу в пещеру. – Принесу я им твою голову или нет,

войне быть. Куукла нужны все шесть кланов. Смерть Драгнока сплотила их. Но... – его глаза сузились.

– Но что? – спросил Толчук.

Хуншва повернулся к Толчуку:

– Что-то еще не так. Крейнок был тем, кто пришел... последний брат Драгнока... сказал, что их новый предводитель требует твою голову.

– Его брат? – спросил Толчук, на его лице отразилось подозрение.

– Что в этом такого важного? – спросил Джастон.

– Крейнок должен был стать вождем после смерти брата, – объяснил Толчук. – Таковы наши традиции.

Хуншва кивнул:

– Но их новый предводитель – кто-то другой. Так почему не он пришел с требованиями их клана? И какой-то странный запах примешивается к запаху клана Куукла.

– И нет носа более чуткого, чем твой, – сказал Толчук, явно принимая этот довод.

Заговорил Джастон:

– Угроза клана Куукла... и предупреждение Мамы Фреды о паучьей ведьме.

– Тьма сгущается вокруг нас, – прошептал Толчук, как если бы повторял чьи-то слова.

– И что же нам делать? – спросил Магнам, все еще сжимая топор.

После затянувшейся паузы Толчук повернулся к ним:

– Наша единственная надежда – объединить кланы этой ночью. Объединенные, огры превратятся в силу, которой мало кто осмелится угрожать, – он повернулся к Хуншве: – Будет ли у меня поддержка клана Токтала?

Хуншва пристально посмотрел на Толчука, затем медленно кивнул:

– Мы будем на твоей стороне.

– Тогда пусть клан подготовится. Мы выступим к Черепу Дракона с заходом солнца.

Хуншва согнулся в полупоклоне и ушел.

– А что нам делать? – спросил Магнам.

Толчук смотрел на них, и в его глазах был странный свет:

– Вы тоже моя семья, мой дом. Это делает вас ограми. И когда я говорил об объединении кланов, я имел в виду всех огров.

Джеррик по-прежнему стоял на коленях возле тела целительницы:

– А Фреда? Что нам делать с ней?

Голос Толчука стал жестче:

– Она отдала свою жизнь, чтобы предупредить нас. Ей нужно воздать почести... и отомстить. В этом я клянусь своей новой семье, – Толчук вытянул коготь в их сторону.

Магнам первый подошел и положил руку на руку Толчука. Фердайл подошел следующим, суровый, с ничего не выражающим лицом, но его глаза запылали сильнее, когда он положил свою руку на руки других.

Джастон почувствовал движение в воздухе – нечто больше, чем их существование. Он двинулся вперед и добавил свою руку.

Джеррик медленно поднялся на ноги. Эльфийский капитан подошел к ним. Он протянул руку и, бросив последний взгляд на любимую, соединил свои ладони с ладонями остальных. Что-то, казалось, вспыхнуло в этот момент, что-то, что не имело ничего общего с эльфийской магией ветра.

Толчук тихо прошептал:

– Едины.

Гром прогремел вдалеке, словно подчеркивая это слово.

– Гроза приближается, – пробормотал Магнам.

Никто не стал с ним спорить.

Глава 9

Касса Дар стояла на вершине башни замка Дракк. Она смотрела поверх Низменных Земель на заходящее солнце. За ограждениями башни дымчатое море болотного тумана тянулось до самого горизонта. Только верхние уровни замка Дракк поднимались над бесконечными болотами, словно одинокий корабль в мертвый штиль.

Вдалеке над заболоченными землями эхо разносило крики диких гусей, и они сливались со сладким запахом мха и тяжелым ароматом разложения.

Касса Дар вдохнула полной грудью, вбирая жизненную силу своих владений, подготавлииваясь к заклинанию.

Темный силуэт смутно виднелся вдали – Южный Клык.

Она нахмурилась, глядя на него. Гора была источником стихийной силы ее земли, но ее же магия вовлекла в опасность мужчину, которого она любила. Ее взгляд метнулся на север. Каждая клетка ее тела напряглась.

– Джастон... – она послала свою любовь к нему, вложив в нее часть своей магии. Она удерживала связь так долго, как могла.

Удовлетворенная, она повернулась к маленькому болотному ребенку, стоявшему позади нее. Он сжимал в руках пухлый мешок из джутовой ткани, прижимая его к груди. Мешок был мокрый, и болотная вода стекала с него на каменный пол башни.

– Брось мешок здесь, – велела она ребенку.

Кусая губы от сосредоточенности, мальчик развязал веревку, и мокрая болотная трава вывалилась на камни. Запахло влажными растениями. Маленькие крабы расползлись из кучи.

Касса Дар не обратила внимания на разбегающихся существ. Уверенная в своей стихийной магии, она по локоть опустила руку во влажную грязь. Пальцы сомкнулись на ее истинной добыче.

Из кучи травы она вытащила детеныша королевской гадюки. Змея, хоть и только вывелась, длиной была в рост дитя болот. Гадюка, окрашенная в красный и черный, обвила ее руку. Челюсти широко раскрылись, с обнаженных клыков капал маслянистый яд. Она зашипела на ведьму. В этом возрасте их яд был особенно силен: иначе не выжить на диких пустошах мертвых болот.

– Тихо, малыш,– прошептала Касса Дар. – Время для этого будет позже.

Другой рукой она взяла гадюку за хвост, развернула ее во всю длину, затем поднесла к ребенку, сравнивая с длиной его тела.

Мальчик коснулся змеи:

– Хорошенькая.

Она убрала от него змею:

– Нет, дитя, она не для тебя.

Вновь вернувшись к грязной болотной траве, она поместила хвост змеи на кучу и вытянула ее вверх. Змея продолжила шипеть, обнажая ядовитые клыки.

– Т-с-с, не трать то, что тебе понадобится позже.

Касса Дар потянулась к магии внутри своего собственного тела. Послав ворону с предупреждением на Алоа Глен, она провела день, решаясь на это одно-единственное заклинание. Сделав глубокий вдох, она высвободила свою силу в траву и мох, основные растения ее пропитанных магией земель. Установив

связь, она сотворила заклинание более сложное, чем обыкновенно.

Трава ожила, начала карабкаться по пойманному в ловушку телу змеи, как стебли ползучих растений цепляются за стволы деревьев. За травой последовал мох, увеличиваясь в размере. Касса Дар сосредоточилась на форме, соединяя свою ядовитую магию с ядом гадюки. Как только болотный мох и трава покрыли всю длину змеи, она убрала руки.

На камне дрожала фигура, приблизительно похожая на мальчика, стоящего рядом. Мальчик смотрел на ее создание широко раскрытыми глазами. Он словно наблюдал зеркальное отражение своего собственного рождения, за исключением одного различия: мальчик состоял только из травы.

Касса Дар поддерживала контакт с ядовитой змеей в сердце ее нового голема. Она связывала и сплетала одно с другим, пока два не стали одним.

Ведьме пришлось дорого заплатить за заклинание. Ее ноги дрожали, а сердце тяжело стучало в ушах. Холодный пот покрывал ее с головы до ног. Дрожащей рукой она закончила заклинание. Грубые линии сгладились и засияли.

На каменном полу стояла девочка со струящимися черными волосами и бледной кожей. В отличие от мальчика Кассы, она была невероятно стройная и гибкая – как змея, что притаилась внутри нее.

– Хорошенькая, – повторил болотный мальчик, вновь потянувшись рукой.

Касса Дар отвела прочь его руку. Необходимо было еще одно последнее заклинание. Она сосредоточилась на девочке.

– Проснись, – прошептала она.

Словно крылышки бабочки, которые она раскрывает в первый раз, веки ребенка затрепетали. Темные глаза смотрели с лица такого же совершенного, как у куклы, вырезанной из слоновой кости.

– Мама? – прошептала она удивленно.

– Да, милая. Время вставать.

Ребенок посмотрел вокруг:

– Пора идти?

Касса Дар улыбнулась. Ее желание передалось ее созданию.

– Да, ты не должна опоздать.

Касса Дар нащупывала связи между ней и девочкой. Она были прозрачными, словно кристалл. И им лучше быть именно такими, раз они так близки.

– Иди, – сказала ведьма, откинувшись назад.

Девочка смотрела на садящееся солнце, затем слегка повернулась к северу.

– Ты знаешь путь.

Ребенок кивнул и шагнул к каменному ограждению. Ее первые шаги были неуверенными, но быстро стали тверже. Она без страха взобралась на ограждение.

Но ей не нужно было бояться.

За ее плечами, сверкая в солнечном свете, широко распахнулись крылья, сплетенные из болотной травы и магии.

– Иди, моя дорогая, – сказала Касса Дар.

Ребенок спрыгнул с башни. Как и первые шаткие шаги, ее первый полет был неровным и неуклюжим. Но после нескольких взмахов крыльев она уже легко парила на воздушных потоках.

Касса Дар подошла к краю башни, наблюдая, и прислонилась к теплым камням. Она смотрела одновременно собственными глазами и глазами своего творения. С каплей яда, заключенной в ее сердце, ребенок нес с собой частицу болот – и, как следствие, частицу самой Кассы Дар.

– Я молюсь, чтобы этого было достаточно, – прошептала она. Она закрыла глаза и усилием воли направила себя в ребенка, затронув ядовитую энергию в сердце голема. Оставаясь соединенной с потоком стихийной энергии Южного Клыка, Касса Дар использовала магию и открыла врата. Глазами летящего болотного ребенка она увидела, как черная дыра образовалась в покрывале болотного тумана.

Она заставила ребенка спуститься к магическому порталу. Девочка пролетела сквозь врата и оказалась с другой стороны.

На какой-то момент она потеряла ориентацию в пространстве.

Касса Дар упала на камни башни, когда дитя болот покатилось кувырком, упав вниз.

– Нет! – выдохнула она, пытаясь восстановить контроль. Связь с ее творением сейчас была намного слабее. Огромное расстояние между ними сделало ребенка не более чем буйком, качающимся на волнах безбрежного темного озера. Ей потребовалось полностью сосредоточиться, чтобы не потерять контакт.

Мальчик на башне подошел к ней, зная, что ей нужно. Она потянулась к нему, и коснулась его руки. Она высосала из него магию, не обратив внимания на кучу болотной травы и мха, которые упали к ее ногам. Это было все, что осталось от мальчика, но его частица силы помогла ей.

Далеко от нее падающая девочка смогла раскрыть крылья и поймать штормовые ветра, терзающие горные склоны. Она высоко взлетела, дав Кассе Дар хороший обзор. Здесь было намного темнее. К западу бушевала чудовищная гроза, и черные облака неслись по небу. Ярко блистала молния, и гром громыхал, пробуждая эхо на гранитных склонах.

Касса Дар направила ребенка ниже, прочь от самых яростных штормовых ветров. Внизу пробегал поток через лес черных сосен и горной ольхи. Она знала этот поток: она видела, как Джастон сражался с огром в ручье.

Вернувшись разумом в болота, она оперлась о камни.

– Я сделала это, – простонала она. Она открыла путь туда, где пал ее последний болотный ребенок. Касса Дар выпрямилась. Теперь она могла поддерживать связь со своим новым созданием, ребенком с частицей ядовитой магии в сердце. Это была хрупкая связь, но пока что она держалась.

Она велела ребенку лететь к склонам Северного Клыка, в сердце бури. Она найдет Джастона и предложит ту помощь, которую может. Связанная любовью, она чувствовала путь, на который должна встать.

Пока ребенок летел, Касса Дар почувствовала что-то новое глубоко в сердце своего создания, некую другую связь. Ядовитая гадюка пошевелилась, отвечая ей. Обученная как убийца, в совершенстве владеющий искусством отравления, и связанная

с ядовитыми испарениями болот, Касса Дар чувствовала любой яд.

Она открыла свои чувства шире – и лед просочился в ее вены, замораживая до костей. Даже жар болот не мог согреть ее.

Касса Дар сжала кулаки. Чувствительная к самому слабому присутствию яда, она знала, что это.

Пауки.

Толчук шагал во главе колонны огров. Извилистая горная тропа поднималась по южному склону Северного Клыка. Пока что опасная буря держалась в стороне, громыхая в отдалении. Хотя солнце только село, уже было темно, как в полночь. Факелы освещали путь – их держали главы каждой семьи клана Токтала.

Взобравшись на скалу, Толчук смотрел на растянувшуюся цепочку факелов внизу. Западное небо озаряли вспышки молнии.

Джеррик встал рядом с ним. Его лицо было таким же белым, как и его волосы, а в его глазах читалась потерянность, но, когда он повернулся к беспокойным небесам, он, казалось, почерпнул силу в приближающейся буре.

Следующим поднялся Магнам, высоко неся свой факел.

– Ну и как далеко нам еще тащиться до этого проклятого места? – проворчал он.

Толчук сделал неясный жест:

– Вход рядом. Примерно половина лиги.

Магнам отошел, качая головой, когда появились Джастон и Могвид. Изменяющий форму подошел и сразу же начал ныть:

– Мы должны спускаться, а не подниматься. А еще лучше было бы остаться в тех пещерах и охранять их. Мало ли какая опасность подберется – эта паучья ведьма или какие-то враги огров, а мы здесь как на ладони. И еще вот что...

Джастон только кивнул. Судя по выражению его лица, он думал о чем-то другом.

Толчук спустился со скалы, присоединившись к Хуншве; вождь клана продолжал подниматься. Воин наблюдал за двумя мужчинами впереди.

– Ту'тара, – сказал с насмешкой Хуншва, кивая в сторону Могвида, используя огрское слово для обозначения изменяющего форму силура. Он продолжил говорить на своем языке:

– Эти крадущие детей не заслуживают доверия.

Толчук нахмурился и сказал по-огрски:

– Могвид своей болтовней может заставить твои уши кровоточить, но ему нет дела до наших детей. В этом я могу поклясться.

Губа Хуншвы изогнулась, обнажив один клык:

– Он все равно пахнет предательством.

Толчук не стал спорить. Для него самого все нагорье пахло предательством. Клан Куукла, паучиха-демоница, сам Клятвопреступник – кто знает, с какими еще опасностями им предстоит встретиться?

Он посмотрел назад:

– Твои охотники готовы?

– Они будут готовы.

Толчук кивнул. Было запрещено приносить оружие к Черепу Дракона. Однако они не осмелились отправиться прямо в пасть к буре неподготовленными. У них был другой план.

Вспышка света сверкнула высоко над ними.

– Охотники, – сказал Хуншва. Когда клан выступил на закате, пара охотников была выслана вперед. Предводитель огров смотрел на сигнал, подаваемый вспышками света:

– Они достигли входа. Все чисто.

Толчук нахмурился:

– А другие кланы?

Хуншва молчал, пока вспышки света не прекратились.

– Другие уже собрались. Сидво, В'нод, Банту и Пакта.

– А Куукла?

Хуншва покачал головой:

– Ни следа.

Толчуку это не понравилось. Клану Куукла следовало прибыть первым. Было шесть различных путей вверх по Северному Клыку, к Черепу, по одному для каждого клана, и путь Куукла был самым коротким. Их домашние пещеры находились практически в тени Черепа Дракона.

– Что они задумали? – пробормотал Толчук.

Хуншва пожал плечами:

– Нам бы лучше присоединиться к Сбору. Буря не будет держаться вдали от нас вечно.

Словно в подтверждение слов огра, разветвленная вспышка молнии осветила небо над их головами и горы. Спустя несколько вдохов впереди показался возвышающийся над головой Череп Дракона. Похожая на морду массивная глыба гранита выглядывала с южного склона горы. Под ней виднелся широкий вход в пещеру. Его отмечали два каменных столба, вырезанные в форме гигантских клыков.

Неисчислимыми веками пещера за входом была местом сбора всех кланов, местом, где конфликты могли быть разрешены. Говорили, что некогда Череп был истинным домом для всех огров, их изначальной общей пещерой. Сейчас он был священным местом. Никто не осмеливался осквернить его кровопролитием.

Когда молния погасла, образ все еще стоял перед глазами Толчука. Гром загремел, и полил хлесткий, холодный дождь, как если бы дракон наверху ревел и ронял слезы. Так же твердо, как тверды кость и скала, Толчук знал, что этой ночью у Черепа прольется кровь.

Хуншва отступил назад:

– Я приготовлю охотников.

Толчук дал ему уйти. Он ускорил шаг, чтобы занять место впереди своих спутников. Если там таится опасность, пусть он будет первым, кто столкнется с ней.

Пока он поднимался в гору, он не мог отделаться от Магнама. Дварф шагал у его плеча.

– Я тут раздумывал, – сказал Магнам, натягивая капюшон, чтобы спрятаться от дождя.

– О чем?

– Когда все это закончится, я собираюсь прикупить себе небольшой участок земли на равнинах. Где-то, где сухо и где самым крутым подъемом будет подъем по ступенькам моего крыльца.

– Что насчет гор и копей? Я думал, дварфы их любят.

Магнам хмыкнул:

– Будь они прокляты! Я сыт по горло дырами и пещерами. С этого момента я хочу открытые равнины, засеянные поля и простор, раскинувшийся так широко, как весь мир.

Толчук покачал головой:

– Ты странный дварф.

– Да и ты не такой уж обычный огр.

Толчук пожал плечами. За свое путешествие в земли Аласии и обратно он лучше всего усвоил один урок: ни о ком не стоит судить по его внешнему виду. У каждого существа и каждой вещи есть разные уровни.

Снова вспыхнул свет между клыками у входа в Череп. Толчук не был знаком с охотничьим языком вспышек, но по яростному ритму, в котором было передано сообщение, стало ясно, что это что-то неотложное.

– Что это со светлячками? – спросил Магнам.

Толчук повернулся к Хуншве, пробиравшемуся к нему. Могвид был у него за спиной. Джастон и Джеррик застыли рядом с обрывом.

– Куукла идут по своей тропе с запада, и среди них нет женщин и детей.

Магнам по-прежнему оставался возле Толчука.

– Что он говорит? – спросил дварф.

Толчук перевел, но Хуншва продолжал наблюдать за вспыхивающими огнями.

– Движение замечено на восточной тропе, – долгая пауза. – Воины из клана Куукла подходят и оттуда.

Выше по склону начали появляться другие вспышки, мигая из тайных проходов выше по горе.

Ворчание поднялось из груди Хуншвы:

– Другие кланы сообщают, что Куукла подходят со всех троп! – он продолжил наблюдать. – Они остановились в четверти пути наверх!

Толчук перевел его слова своим друзьям, собравшимся вокруг.

– Они окружают нас, – сказал Джастон. – Хотят загнать в угол.

Суматоха возникла в их собственной группе, послышались отчаянные жалобы женщин и резкие крики малышей.

– Что происходит? – взвизгнул Могвид.

– Куукла на нижних подходах к нашей тропе, – сказал Толчук, глядя по сторонам. Отсюда не было других путей вниз, кроме клановых троп. Остальную часть горы составляли обрывы и отвесные скалы.

– Они собираются напасть? – спросил Могвид.

– Пока что они остаются на своих местах, – ответил Хуншва, переходя на всеобщий язык. Его глаза сузились: – Что они задумали? Даже безоружные, другие кланы могут удержать Череп, вздумай Куукла напасть.

– Они не собираются захватывать Череп, – сказал Толчук. – Они собираются помешать кому-нибудь уйти отсюда.

– Зачем?

Ответ пришел сверху.

Резкий крик донесся сквозь рокочущий гром, за ним последовал хор воплей, доносящихся из многочисленных укрытий караула. Толчук замер, как и Хуншва. Огра нелегко было заставить кричать от боли.

– Ловушка, – воскликнул Джастон. – Нам придется отступать.

– Мы не можем, – прорычал Хуншва. – У нас нет оружия против тех, кто удерживает нижние тропы. Нас убьют.

– И что нам тогда делать? – спросил Могвид. По телу изменяющего форму прошла дрожь нарастающей паники. Его взгляд метался вокруг, ища путь к бегству.

Толчук указала на верхние склоны:

– Что бы ни напало на Череп, оно должно быть уничтожено. Мы должны защитить Призрачные Врата.

Взгляд Могвида метнулся к нему, и глаза изменяющего форму сузились. Спустя мгновение плоть изменяющего форму успокоилась и затвердела. Он коротко кивнул.

– Вы будете ждать с женщинами и детьми, – сказал Толчук, уходя с Хуншвой и не обращая внимания на протесты Магнама и Джеррика. – Они важны для огров-воинов.

– Мои охотники готовы, – сказал Хуншва.

– Так пойдем за нашей добычей.

Обернувшись, Хуншва пролаял приказ, и отряд лучших воинов поторопился за своим командиром. На их шеях висели пузыри из козьей шкуры, наполненные маслом. Они устремились вперед вслед за Хуншвой и Толчуком. Вторая группа охотников выступила следом, оставив позади старших воинов охранять оставшихся членов клана.

Впереди гора была темной. Вспышки световых сигналов прекратились. Монотонный дождь забарабанил по склонам.

– Берегите факелы! – крикнул Хуншва на бегу. – Мы не должны лишиться огня!

Показался последний подъем, и вот уже вход в Череп Дракона лежит впереди. Воины во главе отряда собрались у гранитных клыков, которые отмечали вход.

– Где наши охотники? – прорычал Хуншва, вглядываясь вперед в поисках огров, которых он выслал вперед ранее.

Гора оставалась темной. Но сейчас тишина стала зловещей. Только угрюмо рокотал гром. Над входом в Череп нависала гранитная плита, достаточно широкая, чтобы вместить всех воинов. Ведущая группа собралась, не доходя до покрытых резьбой клыков.

Нигде не было заметно их караульных.

Хуншва прошел вперед и стал смотреть в темную глотку пещеры. По его знаку ему подали факел. Он протянул его вперед, но дрожащее пламя было слабым и освещало пространство не дальше входа. Хуншва потянулся к воину позади него и схватил у него пару козьих пузырей, связанных вместе кожаной лентой.

Своим факелом он поджег сначала один пузырь, затем другой. Когда они начали тлеть и покраснели, он швырнул их в проход. Они ударились о каменный пол и взорвались, стены объяло пламя. Путь впереди был освещен.

Немного дальше лежало в неуклюжей позе тело, лицом вниз и ногами к ним. Хуншва пошел выяснить, что случилось, затем подал знак остальным идти следом.

Толчук первым успел подойти к нему. Труп принадлежал огру, но потемнел и раздулся, как если бы его обладатель был мертв в течение нескольких дней.

– Один из охотников, – сказал Хуншва. Он смотрел в пылающий коридор. В нескольких шагах далее лежала пара тел поменьше. По их размеру можно было предположить, что они принадлежали детям всего нескольких зим от роду. Они лежали в позах агонии и тоже почернели и распухли. Еще дальше можно было различить другие тела – они лежали, словно громоздкие тени. – Та'ланк, должно быть, зашел внутрь, услышав крики. Он сделал всего несколько шагов.

Один из охотников возле входа подал предупреждающий сигнал и высоко поднял свой факел. По каменному потолку тянулись шелковистые белые нити, их шевелили порывы влажного штормового ветра.

Толчук потянул за одну из них. Она прилипла к его когтям. С отвращением он отшвырнул ее прочь.

– Паучья сеть, – сказал он без удивления.

– Ведьма, о которой ты говорил нам? – спросил Хуншва.

– Она здесь, – Толчук разглядывал пустой кокон из плотно свернутой паутины, казавшийся безвольным и дряблым. Он представил себе, что могло выбраться отсюда, раз оно атаковало караульных и остальных. Толчук бросил взгляд назад, на выход из коридора:

– Куукла должны знать о Вирани. Они ждали, пока наш клан был на тропе, затем отрезали все пути отступления, отправив нас прямо в смертоносную паутину, которую она раскинула.

– Что будем делать?

– То, что намеревались, – Толчук вновь повернулся к проходу. Он знал, что коридор идет по спирали к верхним пещерам и местами от него отходят более узкие боковые проходы, ведущие к шпионским дырам, постам караула и хранилищам. Он указал вперед: – Мы разрушим до основания весь Череп.

– Это будет очищающий огонь, – сурово сказал Хуншва.

Толчук кивнул. Он помнил свое последнее столкновение с Вирани. Он все еще носил неровные шрамы от паучьих укусов. Тогда потребовалось два вида огня – обычное пламя и холодный огонь, чтобы уничтожить созданий паука-демона. Эта ночь будет такой же.

Он смотрел на горящее масло, освещающее тунель, затем перевел взгляд на изуродованные тела детей огров. Этой ночью здесь вновь будут пылать два огня: обычное пламя и фер'енгата, огонь сердца, – мстительная жажда крови объединенного народа огров.

Толчук шагнул вперед, его глаза запылали яростью. Он увидел, как что-то пошевелилось внутри одного из раздутых тел. Когда-то он был свидетелем того, как отравленные тела жертв Вирани дают жизнь новому ужасу, поэтому рявкнул приказ тем, кто шел следом:

– Сожгите тела! Сожгите все!

Хуншва быстро присоединился к нему. Позади них проход запылал ярче; сильный запах горящей плоти распространился по коридору. Хуншва кинул вперед другую связанную пару козьих пузырей, послав пламя дальше.

Появились новые тела. Одно запылало от взорвавшихся пузырей, занявшись с необыкновенной скоростью. Волна крошечных тварей хлынула наружу. Объятые пламенем, они суетливо выползали из горящего тела подобно рою светлячков. Толчук продвигался сквозь них, ведя за собой воинов клана Токтала.

– Так где существа, напавшие на тех других? – просил Хуншва.

У Толчука было предположение. Он видел, что все входы в шпионские дыры и посты караула Черепа полны зловещих коконов Вирани. Освободившись, существа проникали дальше, убивая все на своем пути.

– Где они? – повторил Хуншва, прихлопнув горящего скорпиона рукой. – Где эта Вирани?

– Там, где скрываются все пауки, – ответил Толчук, указывая вверх, к пещере под названием «Череп Дракона». – В сердце своей смертоносной паутины.

Джастон сидел на корточках под выступом скалы вместе со своими спутниками. Это было жалкое укрытие от бури. Дождь хлестал, холодный, жалящий, словно хлыст. Ветер крепчал, угрожая разорвать их. Огры, похоже, не слишком волновались из-за бури. Они взбирались по тропе, словно множество ковыляющих булыжников, вода стекала по их грубым телам.

Оставшиеся члены клана, женщины и дети, держались отдельно от чужаков. Поблизости женщина кормила грудью младенца, глядя на них круглыми глазами, и ее взгляд был обвиняющим. Какое бы проклятие ни пало на их клан, все началось с того, что вернулся Толчук и привел своих спутников.

Джастон отвернулся от ее взгляда. Ниже по тропе отряд охотников-воинов стоял на страже между своими подопечными и кланом Куукла. Но совсем рядом были еще три огромных огра, приглядывающих за Джастоном и остальными на случай, если они покажут, что опасны.

– Что бы Толчук ни делал, – сказал Магнам, – ему не хватает скрытности.

Дварф на шаг выступил из-под укрытия.

Джастон присоединился к нему. Вход в Череп Дракона пылал багровым пламенем, как если бы внутри затаился огнедышащий демон. Разветвляясь оттуда, каждая щель в горе сияла отсветами огня. Джастон мог проследить путь спирального хода внутри горы, похожего на свитое в кольца тело червя – червя с огнем в брюхе.

– Я надеюсь, у них достаточно масла и огня, чтобы добраться до пещеры, – сказал Джастон.

Магнам прищурился:

– Огонь. Звучит неплохо сейчас, – дварф продолжил вглядываться с явным разочарованием на лице.

Джастон продолжил наблюдение:

– Мы мало чем можем помочь Толчуку и другим.

– Иногда маленькая помощь в битве может превратить поражение в победу.

Джастон взглянул на дварфа:

– Я думал, ты просто повар?

– Хорошо, – проворчал Магнам, – Иногда горстка специй на кухне может превратить ужасный обед в отличный.

Джастон вздохнул:

– Мне все равно не нравится оставаться позади.

– Что нам делать, если Толчук не справится? – спросил Могвид, съежившись в глубине укрытия. – Кто-нибудь думал об этом?

– Конечно, – ответил Магнам, не оборачиваясь.

– Ну и что же? – спросил Могвид, надеясь услышать план.

Магнам пожал плечами:

– Умирать.

Могвид нахмурился, отползая подальше в укрытие.

Эльфийский капитан положил руку на плечо изменяющего форму:

– Не страшись. Если понадобится, ты сможешь обернуться в крылатое существо и улететь отсюда.

Могвид смотрел в небо, где сверкали вспышки молний и завывал ветер. По его бледному лицу было ясно, что перспектива полета в штормовую ночь не привлекала изменяющего форму.

– Сам по себе тот факт, что я могу вырастить крылья, не означает, что у меня есть природное умение летать, – сказал он, надувшись. – Потребуется время, чтобы освоить навык безопасного полета в такую яростную бурю.

– Но кое-кому, похоже, это удалось, – сказал Магнам. Он указывал рукой в мрачные небеса.

Джастон посмотрел туда, куда указывал дварф, но все, что он увидел – черная пустота, как если бы мир за пределами света чадящих факелов исчез. Затем вспыхнула молния, на слепящий миг вернув мир обратно. В небесах над головой стало видно крылатое существо, оседлавшее ветер, словно носимая бурей лодка – затем темнота поглотила его снова.

– Что это было? – спросил Джеррик. – Это не похоже ни на одну птицу, которую я когда-либо видел.

Джастон прищурился, ожидая следующей вспышки молнии. Эльфийский капитан был стихией воздуха. Если уж Джеррик не может опознать существо...

Новая вспышка показалась в отдалении, давая немного света. Существо исчезло с неба.

– Может, это какой-то демон, – прошептал Могвид.

Джастон обнажил меч. Другие также достали оружие, за исключением Джеррика, который поднял руку с потрескивающей в ней энергией самой бури. Ограм не позволялось приносить оружие на общий сбор, но это не касалось людей, силура, дварфов и эльфов.

Три огра поблизости зарычали. Обнаженное оружие и магия привлекла их внимание.

Молния вновь вспыхнула в ночи, на этот раз ярче солнца. Небеса оставались пустыми. Что бы ни было замечено раньше, оно явно ускользнуло.

Затем из-за края обрыва рядом с тропой что-то появилось всего в нескольких локтях от них. Вся компания отпрянула, отступая под узкий выступ скалы – в свое временное убежище. Огры предупреждающе зарычали, раздались рявкающие выкрики.

Существо показалось на мокрой от дождя тропе. Это была маленькая девочка, гибкая и худенькая. Ее крылья встрепенулись, затем она сложила их.

– У меня так много пальцев, – сказала она, поднимая руку и покачивая пальцами.

Это вызвало реакцию воина-огра. Он прыгнул к ребенку с поднятым кулаком, явно намереваясь превратить его в мокрое место.

Джастон встал между ними.

– Нет! – крикнул он. Хотя само слово, возможно, не означало ничего, интонация и поднятый меч говорили ясно.

Огр зарычал, его глаза сверкали подозрением. Но он остановился на какое-то время.

Джастон повернулся к девочке:

– Касса?

Девочка посмотрела на него, скривив носик в детском замешательстве. Затем ее глаза оживились умом:

– Джастон! Я нашла тебя!

– Касса!.. Как?..

– У меня нет времени на объяснения. Земля, на которой ты стоишь, истекает ядом. Ты должен уходить, немедленно!

– Я не могу. Мы в ловушке, – он быстро объяснил ситуацию.

Когда он закончил, ребенок повернулся туда, где змеилась и вилась тропа огня, уводя высоко в гору.

– Это идет оттуда! – указала девочка. – Яд стекает с этого пика подобно полчищу пауков.

Джастон схватил ребенка за запястье.

– Ой! – вскрикнула она.

– Прости, девочка, – быстро проговорил Джастон. – Касса, ты сказала «пауки»?

– Это яд, который я чувствую в пике.

– Вирани! – закричал Могвид.

– Так эта паучья ведьма сплела свою сеть здесь, – сказал дварф сурово.

– Что нам делать? – взвизгнул Могвид.

Джеррик ответил из-за спин остальных, его голос горел жаждой мести:

– Мы присоединимся к Толчуку и выжжем тварь из ее гнезда, – маленькие вспышки энергии сорвались с его пальцев, когда он встал между Джастоном и болотным ребенком. – Демоница заплатит за смерть Фреды.

– Мы не можем пойти туда! – закричал Могвид. – Мы погибнем!

Магнам положил топор на плечо.

– Я иду, – он сделал шаг вперед, встав за Джерриком. – По крайней мере, укроемся от проклятого дождя и ветра. Раз уж мне придется умереть, то я бы предпочел, чтобы в этот момент мне было сухо и тепло.

Джастон повернулся, чтобы следовать за ними.

– Любовь моя, – проговорило дитя предупреждающе.

– Я должен. Тебе угрожает не меньшая опасность, чем мне.

Спустя мгновение она кивнула:

– По крайней мере, держи меня при себе. Может потребоваться яд для сражения.

Джастон взял девочку за руку и обернулся:

– Могвид?

Изменяющий форму посмотрел назад на цепочку огров и на бушующую снаружи бурю, затем вверх на гору. Он покачал головой и пошел следом за остальными, нахмурившись:

– Ненавижу пауков.

Глава 10

Жар вокруг сильно увеличился. Языки пламени отбрасывали тень Толчука вперед. По обе стороны от него два огра швыряли тлеющие козьи пузыри, наполненные маслом, дальше по проходу; пламя взрывалось, и воздух был наполнен вонью.

Хуншва присоединился к нему:

– У нас почти кончилось масло.

– Как далеко еще до Черепа? – спросил Толчук.

Вождь клана прищурился. Он был покрыт копотью. Несколько глубоких ожогов отмечали его кожу, красную и покрытую волдырями.

– Не больше четверти лиги.

– Тогда защитим то, что принадлежит нам, – Толчук поманил пару охотников. – Истинная битва ожидает нас впереди.

Хуншва кивнул.

Толчук зашагал дальше, обходя новые огни. С тех пор как они повернули в этот коридор, новых тел им больше не попадалось. Какие бы монстры ни родились из коконов-яиц паучьей королевы, они были уничтожены на нижних уровнях. Но, должно быть, крики жертв до сих пор преследовали остальных огров в

главной пещере. Естественная реакция его народа перед лицом угрозы – собираться вместе. Мало какая опасность может противостоять группе огров.

Но что случилось с остальными? Были ли они убиты, как те внизу, и отравлены ядом? Никто разговаривал, пока они шли вперед. Страх тяжело лежал на сердце у каждого.

Хуншва опустил конец погасшего факела в горящее пламя, и факел ожил. С единственной головней как источником света они продолжили идти по темному коридору. Покуда они потеряли лишь одного из своей странной армии – одного из двенадцати огров. Невезучий парень оказался слишком близко к одному из тел. Оно взорвалось прежде, чем пламя смогло причинить вред потоку похожих на крабов крылатых существ внутри. К тому времени, как подоспела помощь, половина лица охотника, была съедена, и чудовища уже пробрались в его грудь. Им пришлось поджечь его, пока он еще был жив. Пламя быстро заглушило его крики.

С тех пор они продвигались с особенной осторожностью.

Толчук не позволял никому идти впереди себя. Если там были еще ловушки, он хотел столкнуться с ними первым. Он шел на шаг впереди Хуншвы. Головня, которую нес вождь, зашипела и погасла. Послышались бормочущие проклятья.

Вокруг них воцарилась тьма. Толчук заметил слабое сияние впереди. Он зашипел, призывая к тишине. Они стали продвигаться медленнее, короткое расстояние отделяло их от красноватого света, который отмечал конец прохода, – от зловещего рубинового глаза.

Толчук остановился.

– Глаз Дракона, – сказал Хуншва шепотом. Вход в пещеру Черепа лежал за Глазом.

Толчук сделал глубокий вдох, чтобы придать себе сил. Хуншва положил руку ему на плечо и коротко сжал. В этом незначительном жесте Толчук почувствовал поддержку всего клана Токтала.

Толчук сделал знак остальным стоять на месте и продолжил путь вперед. Через несколько шагов он заметил Хуншву, который шел за ним. Он бросил взгляд на своего незваного спутни-

ка. Хуншва не обратил внимания на его суровый взгляд и слегка подтолкнул его локтем вперед. Огр держал погасший факел в руке, словно дубину.

Нахмурившись, Толчук продолжил красться вперед. Они разделились, двигаясь вдоль стен к Глазу.

Когда Толчук подобрался на расстояние нескольких шагов, эхо донесло до него множество тихих скребущих звуков, словно тысяча кремниевых ножей скребли по скале. Звук поднял все волоски на его коже, вплоть до самых маленьких.

Собрав всю решимость, Толчук подошел к Глазу и прошел сквозь вход. Он был готов к любому ужасу, но то, что он увидел, заставило его окаменеть.

Освещенный снизу Драконий Череп был пещерой. Глаз находился в середине стены. Выше был потолок, местами потрескавшийся, и дождевая вода просачивалась сквозь трещины журчащими потоками, словно тысяча водопадов. Гром гремел снаружи, тяжелый, угрожающий.

Под Глазом изогнутый пол лежал настолько же далеко, насколько высоким был потолок. Начиная от прохода стены поднимались рядом широких ступеней, или ярусов. Когда собирались все кланы, ступени служили галереями, на которых сидели огры, участвующие во Всеобщем Сборе.

В отчаянии Толчук увидел, что сидения не были пустыми. Тысячи огров лежали на ярусах, кто по одиночке, кто целыми семьями, некоторые кучами. И, словно гирлянды на Зимнем фестивале, нити паутины висели на неподвижных телах.

Толчук ощутил, что его ноги слабеют, а в глазах темнеет. Все кланы... весь его народ...

– Они живы, – горячо прошептал Хуншва.

Толчуку потребовалось мгновение, чтобы осмыслить его слова. Грудь ближайшего к ним огра медленно поднялась и опустилась, его голова наклонилась, нить слюны повисла на вялых губах.

Толчук вгляделся пристальнее и заметил слабое движение и среди других огров. Не мертвы, понял он с облегчением, – отравлены или погружены в магический сон. Он выпрямился. Покуда они дышат, надежда для его народа остается.

Пока он смотрел, голос, вкрадчивый и хитрый, раздался с самого низкого яруса пещеры:

– Толчук! Добро пожаловать!

Толчук начал оглядываться, но он и так знал, кто заговорил с ним:

– Вирани...

Ниже пол напоминал дымящийся сияющий котел. Широкая трещина протянулась по полу пещеры, и сквозь нее было видно, как плещется расплавленный камень, выплевывая язычки пламени. Свет озарял всю пещеру.

Глотка Дракона.

Дождевая вода с потолка устремлялась по ярусам и стекала в пищевод дракона, поднимая бесконечный поток тумана и клубящегося пара. Даже здесь, у входа, жар мог бы поспорить с жаром пылающего коридора позади.

– Входи. Не стесняйся, мой благородный исполин.

– Не показывайся, – прошептал Хуншва. Прежде чем Толчук успел возразить, Хуншва промчался через Глаз и вниз по нескольким ярусам. Он поднялся на ноги, угрожающе подняв свою импровизированную дубину:

– Покажись, демон!

Долгая тишина, затем ему ответил холодный смех.

Толчук вышел на открытое место:

– Назад, Хуншва!

– О, я вижу, ты привел гостей. Как хозяйке, мне было бы непростительно не оказать им такую же любезность, как и тебе.

Толчук заметил движение ниже: более темная тень двигалась сквозь поток.

– Дети, не будьте такими застенчивыми. Подойдите и поиграйте!

Вновь Толчук услышал звук ножей, царапающих скалу, резкий и неприятный – тот же самый звук, который прекратился, когда он достиг Глаза. Он искал источник, но звук шел не с нижнего яруса.

Он и Хуншва посмотрели вверх.

Казалось, будто выступы на каменном потолке начали двигаться, получив членистые ноги с острыми как лезвие когтями,

которые и производили этот скребущий звук. Каждый был размером с большую собаку. Пока Толчук смотрел, другие просачивались сквозь трещины, втягивая свое тело со склона горы.

– Демонское отродье, – прорычал Хуншва.

Один был прямо у них над головой. Это выглядело как чудовищная смесь краба и скорпиона. Но у него был рот. Удерживаясь на задних ногах, тварь щелкала передними клешнями прямо над ним и обнажала клыки. Зеленая маслянистая жидкость текла из открытой глотки.

Толчук попятился, как и Хуншва.

– Подойдите, мои дети! – манила снизу Вирани.

Внезапно огр зарычал позади них где-то ниже по коридору. Толчук знал, что там было еще больше этих существ, пробравшихся в проход через открытые посты караула и шпионские дыры и атаковавших остальных охотников с флангов и с тыла, заставив их продвинуться вперед, как и после прошлой атаки. Любые пути к отступлению были отрезаны.

Толчук проклинал себя самого за то, что он не думает как паук. Он никогда не мог представить что-то, способное вскарабкаться по гладким склонам Клыка. Сейчас потолок заполонили демонские отродья, в то время как он сам вглядывался в тень среди клубящегося пара и туманов внизу. На этот раз тень не пряталась.

– Иди сюда, Толчук. Принеси мне Сердце, и я позволю твоему спящему народу жить. Одна безделушка спасет так много жизней.

Порыв влажного ветра ворвался сквозь дыры в потолке, заставив покрыться мурашками его горячую кожу. Гром прокотал снова: они находились в самом сердце бури. Ветер разметал пар внизу.

На краю Глотки Дракона было существо из кошмаров: наполовину женщина, наполовину паук. Демоница поднялась на восьми членистых ногах, ее глаза смотрели прямо на Толчука.

Хуншва отступил. Одна из крабообразных тварей упала с потолка. Повинуясь инстинкту истинного охотника, огр взмахнул своей дубиной и ударил тварь. Она отлетела, захныкав, в сторону ярусов и разбилась о камни.

Вирани вскрикнула:

– Нет!

Плюясь ядом, демоница поднялась на своих хитиновых ногах и схватила что-то, лежащее связанным перед ней. Толчук заметил еще массу похожих связанных предметов.

Она повернулась кругом, удерживая свою ношу в одной из клешней. Потребовалось время одного вдоха, чтобы Толчук признал предмет, тесно обернутый паутиной. Затем он заметил руку, торчащую из кокона: ребенок, ребенок огров, пытающийся освободиться от пут.

Вирани держала его над наполненной расплавленным камнем Глоткой Дракона:

– Один из твоих детей за одного из моих!

– Нет! – закричал Толчук.

Их глаза встретились на один удар сердца – затем она уронила младенца. Ребенок упал в трещину. Когда тело ударилось о расплавленный камень, взметнулись языки пламени, вырвавшиеся из глотки. Затем ребенок скрылся из виду.

Не было даже вскрика – лишь один, беззвучный, в сердце Толчука.

Вирани повернулась и схватила еще двоих связанных паутиной детей. Она держала их над клокочущей преисподней расплавленного камня:

– Я буду просить лишь еще один раз, Толчук. Иди ко мне! Принеси мне Сердце!

– Нет, – предостерег его Хуншва. Он отступил под вход Глаза. Позади него крики охотников в проходе превратились в стоны.

– Ступай помоги остальным, – приказал Толчук вождю своего клана. – Спаси столько, сколько можешь, затем уходи.

– Нет!

Толчук открыл сумку у себя на бедре и достал Сердце. Оно ярко вспыхнуло.

– Делай, как я приказываю! – крикнул он.

Хуншва попятился от его рыка. Он колебался одно мгновение, затем как будто решил повиноваться. Рявкнув на последок, он убежал в темноту.

Толчук отвернулся от Вирани. Он смотрел на лежащие вокруг тела, затем на двух детей в ее хватке.

– Я не позволю невинным умереть по моей вине, – пробормотал он и встретил взгляд паучьей королевы. Он понял в это мгновение, что есть битвы, которые выиграть невозможно. Он не мог увидеть весь свой народ принесенным в жертву... даже ради того, чтобы защитить Призрачные Врата. Это было его бремя, проклятье его рода. Как и его праотец, он нарушит свое обещание. Он отдаст Сердце этому злу для того чтобы спасти свое племя.

– Иди ко мне! – велела Вирани снова. И вот с демоническим отродьем, ползающим у него над головой, он спустился к окутанному паром нижнему ярусу и проклятой судьбе, что ожидала его.

Могвид шел позади остальных.... Но не слишком далеко позади. Коридоры были жаркими от тлеющих тел и пылающего мусора. Большинство тел было изуродовано, как если бы что-то разорвало изнутри их грудь и живот.

Поначалу группа продвигалась быстро. После того как здесь прошли огры-охотники, не осталось ничего, что могло бы их задержать. Только несколько скорпионов размером с ладонь, ковыляющих на сломанных ногах или наполовину сожженных, лежащих на камне.

Затем эхо донесло крики. Отряд начал двигаться осторожнее. Могвид хотел повернуть назад, но другие удержали его.

«Глупцы, – думал он. – А я дважды глупец, раз иду с ними». Помимо страха остаться в одиночестве, было еще кое-что, что беспокоило Могвида и удерживало его с остальными: Толчук. Огр был ключом к его свободе от тела, делимого на двоих с братом. Если грубый исполин в опасности, единственная надежда Могвида – помочь спасти его.

Прямо перед Могвидом уверенно шел Джеррик. Капитан, хотя и старый, по-прежнему обладал эльфийской быстротой в движении. Могвиду приходилось почти бежать, чтобы поспевать за ним, но он держался вблизи от стен, внимательно оглядывая боковые ответвления и далеко обходя их. Впереди ша-

гали Магнам и Джастон. Странный крылатый ребенок прыгал рядом с человеком болот, явно не осознавая опасности.

– Дальше не идем, – прошептал Магнам, начиная замедлять шаг.

Крики превратились в стоны и единичные рыки ярости.

– Что напало на них? – спросил Джастон.

Ответ пришел из дыры в ближайшей стене. Существо, все покрытое хитиновой броней, с заостренным кончиком хвоста щелкало клешнями. Оно выползло из своего укрытия и, прежде чем кто-нибудь успел сдвинуться с места, вскарабкалось по стене на своих покрытых шипами ногах, получив преимущество высоты.

– Ну уж нет, подлец ползучий! – Магнам взмахнул топором, двигаясь со скоростью, которую было сложно вообразить в его тучном теле. Он сбил существо с его насеста.

Монстр приземлился на спину, быстро вскочил и начал щелкать клешнями. Дварф взмахнул топором и ударил по ближайшей клешне. С хнычущим воем тварь отпрыгнула назад.

– Не понравилось, а? – зарычал Магнам. Он ударил топором снова, попав по поднятому вверх хвосту. Чудовище повернулось к нему, атаковав с молниеносной скоростью. Клыкастые челюсти широко раскрылись, готовясь укусить.

– Осторожно, – предупредил болотный ребенок голосом Кассы Дар. – Это чистый яд.

– Может, это и яд, а я – противоядие, – Магнам отшвырнул существо к ближайшей стене и прижал его сапогом. Ноги твари скребли по нему, но Магнам вогнал топор точно в центр щели на панцире. Зеленая слизь хлынула из раны, сапоги Магнама задымились: жидкость разъедала кожу.

– Я прикончил его! – крикнул он, опуская топор снова и снова. Вскоре не осталось ничего, кроме мешанины из осколков панциря и дергающихся конечностей. Магнам нахмурился и попятился. Он осмотрел свой изгаженный топор, тщетно поискал что-нибудь, чтобы вытереть слизь, затем сдался. Звуки похожего сражения раздавались дальше по коридору. Магнам махнул остальным:

– Идем!

Могвид оторвался от стены и последовал за ними, с подозрением глядя на каждую тень.

Джастон похлопал дварфа по плечу:

– Чертовски хорошо поработал топором. И ты говоришь, что ты просто повар.

Магнам пожал плечами:

– Какой же повар не знает, как разделать краба?

Джеррик зашипел впереди. Эльфийский капитан успел опередить остальных и теперь стоял, согнувшись.

– Проблема, – сказал он с обычной эльфийской сдержанностью, но энергия мерцала вокруг его руки, которую он протянул к ним.

Остальные присоединились к нему. За поворотом проход превратился в поле боя, почти перекрытый телами огров. Еще дальше горстка огров использовала факелы как пылающие головни или дубины, чтобы удержать массу похожих на крабов существ. Весь коридор был заполонен ими.

– Мы не можем идти туда! – заскулил Могвид.

– Мы не можем идти обратно, – сказал Джастон.

Остальные оглянулись на них. Другая дюжина монстров выползла из соседних коридоров и через наблюдательные отверстия в стене. Пара дралась за остатки твари, убитой Магнамом.

– Их, должно быть, привлекает собственная кровь, – заметил Магнам.

Они были окружены.

Джеррик выпрямился и двинулся к дальней стене. Оттуда хорошо было видно коридор в обоих направлениях. Он поднял руки, каждая указывала в одном из двух направлений.

–Что ты делаешь? – спросил житель болот.

– Очищаю путь, – просто сказал Джеррик. – Пригнитесь.

Его глаза закрылись. Энергия затанцевала вокруг его пальцев, вырываясь из них.

Могвид прижался к полу. Другие тоже пригнулись.

Ребенок рядом с Джастоном указал на эльфа:

– Искрится!

Джастон опустил ее руку.

Вокруг них в воздухе разлился запах озона, и Могвид затрепетал от ощущения силы. Где-то за стенами загремел гром. Могвид одним глазом смотрел на эльфа, другим – на коридоры, где существа выползали из нижнего прохода, привлеченные магией Джеррика, и теперь двигались к ним.

– Чего ты ждешь? – пробормотал Могвид.

Джеррик услышал его.

– Сердца бури, – эльфийский капитан поднял голову. Его белые волосы развевались, вспыхивая в свете огня. Вокруг его тела сиял ореол магии.

Магнам ударом топора отбросил прочь одного из крабов-демонов:

– Ты выглядишь впечатляюще, Кэп, но тут нам эти жучки намерены на задницы забраться.

– Оно идет... – прошептал Джеррик. Его кожа начала светиться, но тут появилось несколько чудовищ из верхнего прохода. Могвид схватил кинжал.

Один краб побежал по стене к эльфу. Могвид кусал губы, не в силах двинуться от нерешительности и страха, пока тварь приближалась, словно мотылек, летящий на пламя. В последний момент Могвид прыгнул, подняв кинжал для защиты.

– Вниз! – крикнул Джеррик.

Могвида отбросило энергией, вспыхнувшей снаружи и ослепившей его. Он ударился о стену и ушиб бедро. Ослепленный, он повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть молнии, прошедшие потоком через обе руки эльфа. Существо, что представляло собой опасность удар сердца назад, теперь лежало на полу и дымилось, его ноги были прижаты к телу.

Могвид привстал, чтобы увидеть, как молния из рук эльфа несется по обоим коридорам, врываясь в наблюдательные отверстия и окна караульных. Это была не дикая энергия, а живое существо, готовое ударить любую из грязных тварей.

Выше по коридору огры увидели это и пригнулись к земле. Смертоносная энергия промчалась над ними и ушла дальше, не затронув их.

Затем, словно вспышка молнии перед грозой, все исчезло. Коридор был черный, закопченный, насколько хватало глаз.

Пламя в проходе казалось тусклым и слабым после живой молнии.

– Ты сделал это, – сказал Магнам, поднимаясь на ноги.

Джеррик все еще стоял у стены, потом он неожиданно начал безвольно оседать на пол. Житель болот поймал его, прежде чем голова капитана ударилась о землю.

– Капитан Джеррик! – крикнул Джастон.

– Иссушен... – прошептал тот, его глаза начали закрываться. – Фреда...

Джастон держал его. Бледная кожа капитана все еще мерцала, его дыхание было неглубоким.

Могвид подполз с другой стороны:

– С ним все будет в порядке?

Житель болот нахмурился:

– Я не знаю. Я не думаю, что он ударил по демонам, используя только энергию центра бури. Я думаю, он использовал и свою собственную энергию тоже.

Могвид поверил ему. Он сомневался, что даже Мерик мог явить такую силу.

Эльфийский капитан глубоко вздохнул и выдохнул в последний раз:

– Любовь моя...

На мгновение Могвиду показалось, что он слышит ответ – те же самые слова, пришедшие издалека. Но, может быть, это было просто эхо. Больше Джеррик не двигался.

– Он отошел, – сказал Джастон.

Магнам приблизился к ним. Он смотрел вниз вдоль коридора, где пять или шесть огров поднимались на ноги, потрясенные.

– Я не вижу Толчука.

Дварф был прав. В группе ниже по коридору один из огров вышел вперед – Хуншва, вождь племени. Он переступал через лежащих на полу мертвецов и, подойдя, посмотрел на безжизненное тело Джеррика. Он прижал кулак ко лбу, на миг склонив голову в почтении:

– Он погиб как воин. Его будут почитать и помнить.

– Нет, если мы не выживем, чтобы рассказать об этом, – сказал Магнам. – Где Толчук?

Хуншва опустил руку:

– Он ушел, чтобы в одиночку встретиться с паучьей ведьмой.

– Что? – выпалил дварф. – И ты отпустил его?

Если огр может выглядеть раздосадовано, то этот выглядел именно так:

– Он приказал мне.

– И ты послушался? – глаза Магнама округлились. – Что произошло?

Хуншва быстро рассказал о Вирани и о том, что они нашли в конце коридора.

– Еще больше тварей, – Магнам вздохнул. Он оглядел остальных и нахмурился: – Топор, меч, кинжал и кулак огра против паучьей королевы и ее полчища. Не тот рецепт, что нужен для победы.

Могвид встал, обхватив себя руками за плечи:

– И что нам тогда делать?

Дварф жестко посмотрел на него:

– Должен быть способ.

– Какой? – спросил Джастон, все еще сидевший возле эльфийского капитана на полу.

Магнам не удостоил его взглядом. Он продолжал смотреть на Могвида:

– Все зависит от этого парня.

Могвид сделал шаг назад:

– От меня?

Толчук выпрямился, оглянувшись на Глаз Дракона. Снаружи грохотал гром. Мгновение назад молния вырвалась из Глаза и запрыгала по пещере, словно разветвленный язык змеи, затем исчезла.

Не в силах понять этого, он повернулся кругом, зажав Сердце в кулаке. Его легкие пылали, и запах серы заполнял все вокруг.

Двумя шагами ниже, по ту сторону преисподней, Вирани по-прежнему смотрела на Глаз, и на ее лице было выражение ужаса. Ее темные волосы, намокшие от клубящегося пара, без-

вольно лежали на плечах, резко контрастируя с бледной кожей. Ниже талии ее тело было телом паука. Блестящее, словно рубиновый доспех, оно было покрыто капельками воды.

Воспользовавшись замешательством ведьмы, Толчук быстро поискал оружие. Повсюду вокруг лежали огры из других кланов; их продолжающие дышать тела оплетали нити паутины. Он не нашел оружия ни у одного из них. Ни один не осмелился принести в священное место дубину или костяной топор.

Он не знал, что делать. Все, что он знал, – это то, что двое детей его племени в опасности, что ведьма держит их над преисподней. Он крепче сжал Сердце. Кусок камня сердца был ключом к Призрачным Вратам; отдай его – и весь мир будет под угрозой. Но сейчас его мир был не больше, чем эти два ребенка.

Вирани застонала.

– Мои малыши! – крикнула она. – Кто-то убил моих малышей.

Ее тело тряслось от гнева. От тряски дети огров начали плакать.

Толчук поторопился сделать последние шаги вниз и оказался лицом к лицу с Вирани, их разделяла только трещина в земле. Жар вблизи от нее был непереносим, он поднимался прямо из расплавленного сердца горы. Постоянный свистящий гул, казалось, вытекал из Глотки вместе с клубящимся паром.

Толчук поднял камень сердца, чтобы привлечь внимание ведьмы. В туманной пещере Сердце сияло своим собственным светом.

– У меня есть то, что ты хочешь, Вирани! То, что твой Хозяин хочет! Не заставляй больше страдать детей! – его глаза и поза выражали мольбу.

Глаза Вирани, все еще тлеющие яростью, сузились. На какое-то мгновение она скрестила свой взгляд с его.

Толчук боялся, что она швырнет этих детей в раскаленную лаву, как уже сделала с другими.

– Пожалуйста... Я знаю, ты тоже мать. Яви милосердие.

Один ее глаз дернулся.

– Мать... – пробормотала она.

– Матери боятся не только за своих собственных детей, но и за всех детей вообще, – настаивал Толчук.

Она наморщила лоб в замешательстве и затем кивнула. Она взглянула на малыша-огра, которого сжимала, словно удивленная, что он здесь.

– Бедные, напуганные крошки... – она начала класть детей обратно.

Но тут из пещеры послышался знакомый царапающий звук когтей по камню. Толчук и Вирани повернулись.

Из Глаза вползло в пещеру одно демонское отродье. Тварь была сильно обожжена, лишилась одной клешни и двух из восьми ног. Существо хныкало. Оно пыталось спуститься к демонице, породившей его, но упало и покатилось – жалкое зрелище.

– Мой маленький! – воскликнула Вирани, в гневе возвышая голос. Она отбросила одного из малышей-огров в сторону и поманила тварь свободным когтем:

– Кто причинил тебе боль, мой сладкий?

Толчук тихо проклял несвоевременное возвращение детеныша.

Когда омерзительный ребенок наконец добрался до матери и забрался под ее раздутое бронированное брюхо, чистая ярость звучала в ее словах:

– Мы заставим их заплатить! За каждого моего ребенка, которому нанесен вред, я заберу множество ваших! И начну я с этого!

Новый шум послышался со стороны Глаза, и группа огров ворвалась в пещеру, держа факелы. К удивлению Толчука, он увидел среди них плотную фигуру Магнама и жилистого жителя болот. А в центре их отряда было странное крылатое существо. Оно пролетело по пещере, держась на расстоянии от кишащего демонами потолка. Толчук прищурился и понял, что это был какой-то странный ребенок. Что это еще за новый демон?

Но Вирани выглядела не менее удивленной, она стояла, подняв голову:

– Это маленькая девочка.

Толчук нахмурился. Остальные преследовали это новое существо? Слова на языке огров достигли ушей Толчука – это был Хуншва:

– Приготовься!

Толчук бросил на него взгляд. Приготовиться к чему?

Вирани следила за полетом ребенка-демона. Затем на ее лице неожиданно появилось потрясенное выражение. Она опустила взгляд:

– Что не так, малыш...

И тут у нее вырвался крик, потому что ее луковицеобразная задняя часть изогнулась, словно ее встряхнули снизу.

«Что происходит?»

Потеряв равновесие, Вирани повалилась головой вперед в расщелину. Ее ноги были широко расставлены, она пыталась восстановить равновесие. Ее членистые конечности цеплялись за край огненной преисподней, едва удерживая ее от падения в расплавленный камень. Она кричала от страха, пытаясь выкарабкаться назад, но что-то продолжало держать ее заднюю часть поднятой вверх, не давая ей отступить.

Повинуясь чистому инстинкту, Толчук прыгнул вперед. Он оказался у самого края Глотки. Высвободив одного малыша из молотящих клешней Вирани, он бросил ребенка в безопасное место.

– Никто не собирается помочь мне? – крикнул кто-то из-за Вирани.

Толчук побежал назад и увидел Могвида под брюхом паука. Он напрягся, двумя руками удерживая ее тушу, в то время как паутина потоком струилась из отверстий на задней части паучьего тела, наполовину покрывая изменяющего форму.

Толчук мгновенно все понял. Искалеченным демоном оказался изменивший форму Могвид! Остальные отвлекали Вирани достаточно долго, чтобы изменяющий форму мог напасть.

– Нечего здесь стоять столбом! – крикнул Могвид, отплевываясь о паутины.

Толчук повернулся и увидел Вирани, которая пыталась боком выбраться из трещины. Надо было помешать ей.

– Ты и твой Хозяин хотите получить Сердце! – крикнул он. – Так получи его, ведьма!

Он вытянулся во весь свой рост и, размахнувшись, со всей силы ударил камнем Вирани по голове. и Толчук почувствовал, как кость раскололась от удара. Кровь брызнула ему на руки.

Ее завывающий крик оборвал удар клинка. Ее тело затряслось; силы покинули ее, и ведьма повалилась в Глотку Дракона.

Толчук наклонился, вытягивая изменяющего форму в безопасное место.

Из Глотки вырвался сноп огня, когда чудовищная туша упала в раскаленную лаву. Жар опалил спину Толчука. Он закрыл Могвида собой.

Затем жар ушел.

Толчук оглянулся по сторонам. Нигде не было ни следа демоницы.

С потолка падали сгустки масляной черноты и ударялись о пол влажными шлепками – демонское отродье возвращалось в ничто со смертью той, что их породила.

Толчук сел там, где упал. Он похлопал Могвида по плечу.

Изменяющий форму выглядел измученным, но странно гордым.

Остальные быстро присоединились к ним. Магнам ступил на край Глотки:

– Хотел бы я посмотреть, как Безымянный оживит эту ведьму теперь.

Странное крылатое существо приземлилось поблизости, и Джастон подошел к ней:

– Толчук, это одна из болотных детей Кассы Дар.

Ребенок посмотрел на спящие кланы:

– Сонный яд, – сказала девочка голосом, который принадлежал существу намного старше, чем она сама. – Его действие кончится.

Хуншва протянул руку, чтобы помочь Толчуку встать:

– Когда они проснутся, у нас будет новый вождь – вождь всех кланов.

Толчук оглянулся кругом, рассматривая спящих огров:

– Что с Крейноком и Куукла?

Хуншва рявкнул приказ одному из своих охотников. Огр рванулся прочь.

– Мы удержим их, пока остальные кланы не проснутся, – его голос стал тверже. – Затем мы заставим их ответить за кровь, что пролилась здесь.

Толчук нахмурился. Новые сражения между кланами... Это было не то, в чем нуждалось племя огров сейчас. Но он не видел другого пути. Чтобы противостоять тьме, что грядет, кланам придется объединиться. Если будет необходимо, Куукла придется поставить на колени.

Один из охотников, стоявших рядов, указал на Толчука.

– Крее'наул! – сказал он яростно, ударив себя кулаком в грудь.

Остальные поддержали:

– Крее'наул! Крее'наул!

Рядом с ним Могвид смотрел, как Хуншва присоединил свой голос к другим.

– Что они говорят? – спросил изменяющий форму, покачиваясь от усталости.

– «Убийца Ведьмы», – перевел Толчук, нахмурившись.

Могвид скривился:

– Убийца Ведьмы? Не дайте Эррилу услышать, как они тебя называют этим именем.

Толчук снова хлопнул его по плечу.

Магнам отошел от края Глотки. Нахмурившись, дварф указал на руку Толчука:

– Это Сердце?

Толчук поднял камень, которым он убил ведьму.

– Конечно. Почему... – затем он тоже увидел это. Он держал камень высоко, и кровь застывала в его жилах.

Камень был черным как смола, и его пронзали прожилки серебра.

– Он превратился в черный камень! – выпалил Могвид.

Грешюм съежился у кромки Лунного озера, глаза и уши нацелены на идущих по топкому дну. Он слышал все. Так, значит, ведьма потеряла свою силу? Его рот раскрылся в усмешке-оскале. Шоркан и Хозяин Блэкхолла могут простить его прежние промашки, если он вручит им ведьму. Однако здесь был

большой риск. В его распоряжении была лишь малая толика магии.

Грешюм сконцентрировался на сгорбленной фигуре, ковыляющей с помощью эльфийского принца и девчонки нимфаи. Джоах... Парень пах магией, как и знакомый посох, на который он опирался.

– Если я смогу заполучить обратно то, что уже было однажды моим... – прошептал он, не вполне уверенный, имеет ли он в виду кусок окаменелого дерева или самого парня. Здесь надо было многое обдумать, но некоторые шаги нужно сделать быстро. Он не может потерять этот шанс.

Грешюм наклонился в сторону Рукха и отдал ему несколько строгих команд. Тупой гоблин пал ниц, затем отступил в бурелом и исчез. Затем Грешюм вновь обратил взгляд на группу, осторожно планируя свой следующий шаг. Полностью сконцентрировавшись на этом, он не заметил, что кто-то следит за ним и подкрадывается очень тихо.

Грешюм пригнулся, все волоски на его руках и шее неожиданно встали дыбом. Он обернулся, когда свет вспыхнул позади него – сверкающий факел в ночи, освещающий его убежище так, что каждый увидел бы его за лиги отсюда.

Вскрикнув, он закрылся рукой от ослепительно яркого света,.

Вспышка превратилась в женскую фигуру, ее лицо сияло ледяным гневом – Госпожа Озера!

Ее голос рокотал и порождал эхо, столь же оглушающее, сколь ее свет был ярок.

– Ты обнаружен! Тебе будет вынесен приговор!

Грешюм съежился, подняв свой иссушенный посох. Он знал, что это было слишком ничтожное оружие против той, с кем он столкнулся. Странные огни горели в этих пустых глазах.

Подтверждение пришло с криком ведьмы издалека:

– Чо!

Книга третья

Стая орлов

Глава 11

Елена ждала, пока Эррил закончит с торговцем лошадьми. Эти двое спорили все утро о необходимых верховых лошадях и фураже.

Она почти оглохла от их перебранки. Елена облокотилась на ограждение загона и смотрела на суету Вудбайна, поселения лесорубов и охотников на краю великого леса Западных Пределов и Зеркальной реки. С этого небольшого холма она могла видеть многолюдные улицы, запруженные телегами и теми, кто спасался, как и они, от магического опустошения вокруг Лунного озера.

Им потребовалось восемь дней, чтобы добраться до этого селения. Идя на восток, они двигались по руслу Зеркальной реки через уничтоженный лес, что раскинулся на две лиги по берегам озера. Идти пешком, перебираясь через упавшие стволы и покореженные ветви, пришлось долго. Ко второму дню они достигли нетронутого леса и обнаружили, что тропа запружена спасающимися от опустошения. По дороге Елена услышала множество рассказов о несчастиях: разрушенных домах, смертельных увечьях, потере членов семей.

– Все из-за меня, – пробормотала она, стоя у плетня. Измученные лица родителей, пустые глаза детей, слезы – все из-за магической войны. Это забиралось все ее силы, оставляя ей печаль и усталость.

Она взглянула на свои руки в перчатках и вспомнила ночь, когда они были перенесены сюда. Она не могла использовать лунную магию. На одну-единственную ночь она стала обычной женщиной с двумя белоснежными руками и легким сердцем. Это было ощущение такой свободы! Но пришел рассвет, и ее способности вернулись. Сначала ведьмин огонь от солнца, затем холодный огонь от луны следующей ночью. И снова она стала Ведьмой Духа и Камня.

Елена вздохнула и заметила, как кто-то поднимается по изрезанной колеями дороге на вершину холма, где находились конюшни. Шедший издавал звон при ходьбе. Она подняла руку в приветствии.

Арлекин Квэйл ответил ей кивком и взобрался на холм. Выражение его лица трудно было назвать веселым.

– Что случилось? – спросила она.

Ее слова вызвали слабую улыбку у маленького человечка.

– Мы видим темную сторону вещей в эти дни, не так ли?

Она посмотрела поверх его плеча на многолюдные улицы:

– Это темные дни.

– Возможно, это развеселит тебя, – он протянул ей руку, полную золотых монет.

Глаза Елены расширились. Неожиданно перенесенные магией с внутреннего двора замка, они оказались здесь без средств к существованию: немного серебра и чуть больше меди. Там, на пустошах, они не осмелились открыть свои истинные имена, опасаясь, как бы это не сыграло против них. По дороге сюда они слышали много рассказов, историй о своих собственных подвигах на Алоа Глен и за его пределами. Но часто истории представляли их негодяями и злодеями. Так далеко в дикой местности истории с отдаленных берегов передавались из уст в уста и сильно изменялись. Так что они хранили молчание, особенно учитывая недавнее опустошение, постигшее эти места. Раздражение людей было сильно, подозрительность еще силь-

нее, и невольные путешественники были вынуждены выпрашивать еду с жалкими монетками в руках.

Елена смотрела на полную горсть монет:

– Откуда?.. Как?..

Арлекин пожал плечами:

– Я так понимаю, что множество торговцев наживаются на бедняках здесь, и неплохо кому-то несколько облегчить их кошельки.

– Ты украл это?

Он снова пожал плечами:

– Я предпочитаю считать это тайной благотворительностью.

Он кивнул Эррилу и торговцу лошадьми и подошел к ним:

– Давайте-ка посмотрим, не можем ли мы окончить эту битву, прежде чем кто-то получил ранения.

Елена заметила, что Эррил в самом деле уже побагровел. Его голос был полон ярости:

– Да эта кобыла не стоит и половину цены, которую ты просишь!

Стендаец был прав. Лошади с провисшей спиной на вид было не меньше тридцати зим.

– Тут сейчас полно других, кому нужны лошади, – спокойно сказал торговец, кивая на запруженные улицы Вудбайна.

Эррил открыл было рот, чтобы возразить, но Елена жестом попросила его отойти в сторону. Арлекин показал ему свой щедрый подарок. На лице стендайца отобразилось то же потрясение, что и на лице Елены до этого, затем он расслабился, почувствовав облегчение. Он повернулся к торговцу, рябому малому в кожаной одежде и с хлыстом на бедре:

– Дай-ка взглянуть на твоих лучших коней.

Мужчина моргнул, удивленный.

– Но я думал, ты сказал... – он взглянул на кобылу.

– Твоих лучших, – повторил Эррил.

Торговец подозрительно нахмурился:

– Не трать мое время, господин. Раз уж тебе не хватает медяков на Милли, у тебя тем более нет золота на моих лучших.

Эррил взял одну из монет с ладони Арлекина:

– Этого золота тебе достаточно?

Торговец увидел монету, и его брови приподнялись. Он выпрямился:

– Тогда ладно, так и быть, господин!

Мужчина вошел в ворота соседнего загона и провел их через ряд конюшен под кроны леса.

Громкий треск расщепляющегося дерева раздавался в одной из двух конюшен, к которым они подошли. Рука Эррила потянулась к мечу. Раздался звук разбрасываемых досок. Пара мужчин появились из маленькой двери.

Торговец обратился к ним:

– Что на этот раз?

Один из мужчин отряхнул свои кожаные леггинсы веревочным лассо:

– Мы просто пытались перевести вороного в другое стойло.

Другой ответил, теребя кончик хлыста:

– Этот демон чуть не проломил мне череп.

Торговец обернулся к спутникам:

– Прошу прощения за беспорядок. Я купил крупного коня у охотников пару дней назад; он выглядел отлично подходящим для тяжелой работы, но чертово животное норовистое настолько же, насколько черна его шкура.

Новый звук удара послышался изнутри.

Торговец покачал головой:

– Мне следовало понять все еще тогда, когда они привели сюда этого беса в путах, – он снял свой собственный хлыст с пояса. – Чертовы охотники сказали, что нашли его на севере, он бегал на свободе. Должно быть, в нем кровь степных жеребцов или что-то такое, – он махнул своим людям, чтобы они следовали с ним в конюшню. – Это займет пару секунд.

Эррил нахмурился из-за задержки, и Елена понимала его беспокойство. Джоах связался с Ксином при помощи своей черной жемчужины, магической связью с человеком из племени зулов. Эльфийский корабль-разведчик будет ждать их на вершине перевала Слез в ближайшие шесть дней. Им не хотелось пропустить эту встречу.

Когда барышник скрылся в конюшне, Елена подошла к Эррилу и Арлекину, стоящим у забора. Сообщение, пришедшее

с Алоа Глен, было и светлым, и мрачным одновременно. Их войска были на пути к Блэкхоллу. Эльфийские боевые корабли и флот Дреренди отбыли два дня назад, их сопровождали под морем левиафаны и драконы мираи. Дальше к северу по суше маршировала армия дварфов из Пенрина, направляясь в Каменный лес, который лежал в тени вулкана. Пока что все шло хорошо.

Но не все новости были обнадеживающими. Елена также услышала о преображении Сайвин существом, вылупившимся из черного каменного яйца. Женщину мираи по-прежнему не нашли, и поэтому Каст оставался на Алоа Глен, защищая остров и разыскивая свою возлюбленную.

Раздумывая над потерей Каста, Елена посмотрела на Эррила. Она понимала боль Кровавого Всадника. Если бы она потеряла Эррила...

Двери конюшни распахнулись от удара. Что-то огромное и черное вырвалось оттуда в загон, фыркая и топая. Оно двигалось быстро и грациозно – буря мускулов и окованных сталью копыт, преследуемая тремя барышниками.

Один накинул лассо на шею зверя, и тот протащил его по грязи. Барышник выпустил лассо и упал. Два других преследовали огромную лошадь, их хлысты щелкали в унисон с криками.

Арлекин смотрел на гигантского зверя огромными глазами:

– Что за гора конского мяса! Не хотел бы я быть хозяином этого чудовища.

Эррил вышел вперед и махнул торговцу лошадьми.

– Сколько за вороного? – крикнул он.

Торговец пробежал мимо, задыхаясь и покраснев:

– Если поймаешь его, он твой за чертов медяк!

– По рукам! – ответил Эррил.

– Ты сумасшедший, парень? – крикнул Арлекин. – Этот зверь убьет большинство из нас!

Эррил не обратил на него внимания и резко свистнул. Огромный вороной жеребец сбился с галопа, резко повернулся и забил копытом по земле. Белые облачка пара вырвались из его ноздрей. Дикие глаза сосредоточились на троице у забора.

Эррил снова свистнул.

В ответ жеребец громко заржал и галопом помчался к ним, разбрасывая грязь. Торговец поспешил убраться с его пути, чтобы не быть растоптанным.

Чертыхнувшись, Арлекин отскочил прочь.

– Назад, девочка! – крикнул он Елене.

Она отмахнулась от него и встала рядом с Эррилом. Жеребец подскакал к ним и остановился, громко выдохнув. Пот покрывал его гладкую черную шерсть, одно подкованное сталью копыто рыло землю. Лошадь фыркнула, затем потянулась носом к Елене.

Елена коснулась затянутой в перчатку рукой жеребца, ободрив огромного зверя своим прикосновением:

– Рада видеть тебя снова, Роршаф.

Жеребец был боевым конем Крала. Елена помнила, как он потерялся зиму назад, когда горец и остальные была атакованы возле Камня Тора в северной части леса.

Она погладила могучего жеребца, который уткнулся в ее руку. Грустное ржание вырвалось из его груди. Она наклонилась ближе, обняв его за шею. На мгновение ее захватили воспоминания: бесконечная тропа, она на серой кобыле Мист и горец впереди на своем боевом коне. Можно было сказать, что какая-то частица Крала вернулась к ним.

Она прошептала в ухо жеребцу:

– Мы тоже скучаем по нему.

Рядом с ней Эррил вручил торговцу тусклую медную монетку:

– Мы его возьмем!

Мерик спорил с торговцем:

– Ты не можешь требовать восемь медяков за этот жалкий мешок сушеных персиков! За восемь полагается по меньшей мере четыре мешка!

Торговец вытащил второй мешок и положил его рядом с первым с таким видом, как будто выдавал ему сумку с алмазами:

– Это лучшее, на что ты можешь рассчитывать, приятель, – он неясным жестом указал на толпы, которые заполняли рынок у реки.

Мерик швырнул ему монеты и поднял свои припасы: сухие персики, клюкву и орехи. С ворчанием он повернулся к Нилан:

– Пойдем.

Они шли через многолюдный рынок. Торговцы всех мастей, от булочников до портных, зазывали из-за прилавков, что вытянулись вдоль верфи. Поблизости торговец посудой звенел своим товаром, привлекая внимание, пока за соседним прилавком мясник сгонял мух с развешенных тушек ошкуренных кроликов.

Не видя и не слыша торговцев, Нилан смотрела на реку. Это было грязное русло, поскольку сам вода из реки ушла, чтобы заполнить пустое озеро во многих лигах отсюда. Пока зимние дожди не восстановят водные пути, движение по реке будет невозможно.

Поэтому им всем приходилось передвигаться по суше. Пока Эррил покупал лошадей, Мерик и Нилан охотились за припасами, но это было непростое задание. Товаров было множество, как и желающих их купить из числа лишенных дома беглецов, и на каждую медную монетку можно было купить все меньше и меньше.

Мерик позвенел горсткой монет, оставшихся у него в кармане. Пока что он раздобыл сухие припасы, ящик сухарей и кое-какую кухонную утварь. И даже пришлось потратить медную монетку на то, чтобы товары были доставлены в их комнаты в гостинице. Если бы Эррил не поручил замковым стражникам помогать беженцам, они могли бы помочь донести припасы. Но тогда, подумал Мерик уныло, им бы пришлось купить больше еды – но на какие деньги? Мерик вздохнул, приготовившись к следующей битве. Где-то на длинном рынке должен быть торговец, который продает сухое и соленое мясо, но пока что они не набрели на его лавку.

Они пробирались сквозь толпу. На лицах людей вокруг были написаны страх и беспокойство. Семьи несли весь свой скарб на спинах. Дети, обычно возбужденные и шумные на рынке, были необычно притихшими и держали родителей за руки.

Нилан вздохнула, выражение ее лица было усталым и печальным, когда она озиралась по сторонам:

– Магический удар причинил вред не только озеру и окружающему его лесу. Одна рана заставила кровоточить, не переставая, всю округу.

– Это место и наш замок страдают оба, – сказал Мерик.

– Да, но мы явно справимся. Можно ли сказать то же самое об этих людях? – Нилан посмотрела на маленькую девочку с измученными глазами, которая прижимала к груди тряпичную куклу. Отец ребенка шел мимо прилавков с такими же глазами, его левая рука была перевязана.

Мерик проводил взглядом отца и дочь, скрывшихся в толпе. Был ли мужчина ранен во время магического удара? Нить вины прошла сквозь его печаль. Хотя их и нельзя было прямо обвинить в случившемся, но насколько они ответственны за начало или конец этой трагедии?

Мерик подтолкнул Нилан вперед:

– Давай закончим с этим и вернемся в гостиницу.

Потратив еще несколько монеток, они сделали последние покупки. Мерик отдал два последних медяка за восковые соты с медом.

Когда они повернули назад в гостиницу, Нилан наклонилась к Мерику.

– Нас преследуют, – прошептала она.

– Что? – он с трудом подавил желание обернуться.

– Остановись у следующего прилавка и посмотри через правое плечо. Парень в зеленом плаще и в шляпе с широкими опущенными полями.

Мерик посмотрел и заметил мужчину, о котором она говорила. Он был высоким, широкоплечим, а его лицо пряталось в тени полей его шляпы. Мерик постарался не смотреть слишком долго, чтобы мужчина не понял, что его заметили. Он взглянул на Нилан:

– Возможно, вор.

Она кивнула:

– Нам лучше быть осторожными.

Они продолжили идти. Парень в зеленом плаще держался на расстоянии позади них, но не оставлял своего преследования.

Вскоре они ушли с речного рынка и вернулись на улицы. Здесь было меньше народа. Преследователь теперь держался дальше.

Мерик нахмурился, подумав о его настойчивости. Он явно не был обыкновенным грабителем: на рынке было много более доступных жертв. Так что же ему нужно? Мерик коснулся своей магии, вбирая энергию ветров, дующих с реки. Он опустил руку на меч у бедра и приготовился действовать со скоростью эльфа, если потребуется.

Нилан бросила взгляд на его меч:

– Возможно, вместо того чтобы ждать нападения, нам лучше поставить ловушку.

Мерик взглянул на нее:

– У тебя хватит сил?

Путь через уничтоженный лес вокруг Лунного озера дорого стоил женщине нимфаи. Но здесь, оказавшись вновь в здоровом лесу, она медленно оживала.

Она кивнула, снимая лютню с плеча.

– Хотя этот город отрезан от Западных Пределов, он все равно что корабль в море. Под землей лес продолжается тянущимися корнями и богатой почвой.

Мерик заметил, что она сразу похорошела, как только коснулась своей магии. Это была едва уловимая перемена: ярче засверкали ее фиалковые глаза, глубже стал оттенок меда в ее волосах, ярче сияние ее кожи.

– Так давай в самом деле устроим западню.

– Следуй за мной, – сказала Нилан и нырнула на узкую боковую улочку. Здесь было всего несколько человек на разбитой дороге. Она ускорила шаг, что-то ища.

– Что ты?..

– Здесь! – прошептала она, потянув его к окну пивной. Внутри несколько завсегдатаев сидели вокруг деревянного стола, сжимая кувшины с хмельным медом так, как будто их жизни зависели от каждой капли.

– Проход между домами, – прошептала Нилан. – По моему слову.

Мерик заметил затененное пространство между пивной и соседней кузницей. Звук молотов и шипящий гул наковален эхом отдавались на улице.

– Он идет сюда, – прошептала Нилан, кивая на отражение в окне. – Быстро.

Она повела его в проход между домами. Они поспешили к куче пустых бочек, нагроможденных возле задней двери пивной. Запах выдохшегося перебродившего хмеля наполнял все пространство.

– Мы будем ждать его здесь, – сказала она, когда Мерик скинул свои сумки и спрятал припасы между бочек. – Будь готов воспользоваться клинком, но позволь мне действовать первой.

Нилан сняла ткань со своей лютни. Она пробежала пальцами по струнам и стала еще более прекрасной, когда магия потекла внутри нее. Сейчас она сияла внутренним теплом и богатством души.

– Он идет, – прошептала она, потянув Мерика назад, как они и договорились, и толкая его дальше в укрытие.

Между нагроможденными бочками Мерик и Нилан наблюдали за преследователем, который вошел в поход между домами. Он посмотрел в обе стороны улицы. Вся его поза говорила о недовольстве. Он медленно вошел в тень между пивной и кузницей.

Мерик почувствовал, как Нилан позади него напряглась.

Нападающий оглянулся на улицу. И махнул рукой. Второй и третий мужчины вошли в проход между домами. Все они были в одинаковых плащах и шляпах.

Мерик вздрогнул. Так был не просто вор! Он оглянулся: проход заканчивался в нескольких шагах позади них кирпичной стеной. Единственным путем к отступлению была задняя дверь пивной. Но даже если она не заперта, она находится в противоположной от бочек стене.

Нилан сжала его руку, безмолвно призывая его быть готовым. Затем ее руки потянулись к лютне.

Мерик крепче сжал меч. Тут были только трое, а у них с Нилан было преимущество внезапности. Но две другие фигуры в плащах вошли в проход.

Сейчас Мерик уже не был уверен, у кого было преимущество. Еще одна фигура появилась, и нападающих стало шестеро.

Нилан осталась стоять где стояла, спокойная и сияющая. Мерик удивился, что остальные не замечали ее; она была словно маяк.

Со своего места Мерик увидел, как первый из преследователей подошел к краю сваленных в кучу бочек. Парень дал знак одному из своих сообщников проверить дверь пивной. Мужчина повиновался.

Мерик напрягся. Удары молота по наковальне, доносившиеся из кузницы по соседству, казались ему эхом стука его собственного сердца. Человек в плаще проверил дверь. Она была в самом деле заперта.

В проходе между домами все глаза повернулись к нагромождению бочек.

Не очень-то большое преимущество внезапности.

Удары молота продолжались, как будто даже став громче. Затем одна яркая нота прорезала шум: прозвенела струна лютни.

Все в проходе замерли.

Нилан тронула остальные струны, заставив прозвучать аккорд.

Первый преследователь указал рукой, но, прежде чем кто-либо смог двинуться, путаница корней поднялась из земли, сплетаясь, словно сеть. Трое мужчин были захвачены. Оставшиеся бросились прочь.

– Бежим!– крикнула Нилан. Но, прежде чем они успели сделать хоть два шага, с захваченными мужчинами произошла странная трансформация.

Мерик схватил Нилан и потащил ее прочь.

Все трое растаяли под своими плащами и выползли из корней, словно змеи из своих клеток, – поток живой плоти. Высвободившись, они превратились в различных лесных существ: лесного кота, гигантского орла и белого волка. Звери бросились прочь на крыльях и лапах.

Но на выходе из прохода между домами волк остановился. Это был главный преследователь. Мерик чувствовал, что это была женщина, в данный момент – волчица. Ее шкура сияла снежно-белым в солнечном свете улицы. Она взглянула на них, и от ярости ее глаза вспыхнули янтарем. Затем она скрылась.

– Изменяющие форму, – выдохнула Нилан.

Джоах сидел в кресле напротив Грешюма. Окно гостиницы было широко раскрыто, и в комнату на втором этаже доносился городской шум: крики торговцев, болтовня обывателей, плач ребенка. Все это были звуки жизни, и перед Джоахом, связанное веревками, сидело такое же воплощение ее.

Темный маг с лицом, не знающим морщин, улыбался ему. Его волосы были насыщенного каштанового оттенка. Его плечи были широкими, а спина прямой. Джоах даже не мог припомнить, когда сам был таким же здоровым. Однако, глядя на лицо, отмеченное его собственной юностью, украденной при помощи заклинания, он знал, что прежде сам должен был быть таким.

Джоах оперся на посох, опустив щеку на окаменевшее дерево. Дневная жара грозила убаюкать его, вогнать в сонливость, но он боролся с этим. Путь сюда заставил ее тело ныть, а сердце – болеть. Но намного хуже было то, что все эти ужасные лиги пришлось пройти рядом с Грешюмом. Всю последнюю зиму Джоах строил планы мести и искал способы вернуть свою украденную юность. Теперь его враг был брошен к его ногам, связанный и бессильный.

И он ничего не мог сделать с ним.

Джоах крепче сжал посох. Он нахмурился, глядя на Кровавый Дневник, лежащий на столе, – источник его оцепенения.

Грешюм заметил это:

– Уничтожь книгу, и мы будем свободны, мой мальчик.

Джоах выпрямился, поморщившись от боли.

– Покуда я так желаю, этого не случится. Но не волнуйся. Придет время нам свести старые счеты, – эти последние слова были обещанием скорее самому себе, нежели темному магу.

Улыбка Грешюма стала ехиднее:

– Тогда проведи твои последние зимы, мечтая о молодости, потому что это все, что тебе остается, – темный маг посмотрел на Дневник.

Магический том связывал Грешюма куда больше, чем веревки, которыми Эррил скрутил его для надежности. Чо в ярости наложила заклятие на темного мага, втянув частицу его души в Пустоту и привязав ее там. Благодаря этой привязке, любая магическая энергия, которую Грешюм мог призвать, немедленно вытекала в Пустоту. Заклятье лишило мага силы.

К несчастью, это ограничило и возможности Джоаха: любая магия – темная или магия снов, направленная на Грешюма, просто утекала в Пустоту.

Никто из них не мог действовать – тупиковая ситуация для воли и силы.

Несколько дней назад, когда схватили Грешюма, Эррил хотел перерезать ему горло, но Елена воспротивилась. Им предстояла великая битва у Блэкхолла, и любое знание о тайнах вулканического пика, о его защите или войсках могло оказаться решающим. К тому же Грешюм имел дело с Черным Сердцем и его военачальником Шорканом и мог знать детали, от которых зависел бы итог их борьбы в предстоящие дни. Так что темному магу было позволено жить, оставаясь пленником.

Грешюм вздохнул:

– Так много всего, чему я мог бы научить тебя, Джоах! Ведь ты имеешь лишь смутное представление о своих истинных возможностях, – эти слова прозвучали одновременно устало и странно искренне.

Джоах сузил глаза, глядя на своего врага:

– Нет ничего, чему ты мог бы научить меня и чему бы я захотел учиться, – но даже ему самому его слова показались пустой бравадой.

Грешюм пожал плечами:

– Твой талант еще слишком сырой, и ты слишком мало знаешь, чтобы понять, от чего ты отказываешься так легко.

Джоах моргнул. Он знал, что ступает на тонкий лед, но ничего не мог поделать:

– Например?

– Ты ваятель снов. Такой, как ты, не рождался уже бесчисленные поколения. Если бы у меня был такой дар... – его слова оборвались. Кончик языка облизнул губы. – Я бы мог противостоять Черному Сердцу в одиночку.

И вновь Джоах почувствовал искренность в его словах. Так это или нет, но Грешюм верил в это.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он.

Глаза Грешюма вновь нашли Джоаха:

– Все, что я скажу тебе, – это то, что грань между сном и реальностью не настолько четкая, как это обычно представляют. Если ты веришь в сон достаточно сильно, ты можешь изваять этот сон при помощи своего духа и сердца так, что он перейдет в реальность.

Джоах сглотнул. Разве шаман Партус не намекал на подобную размытость грани между реальностью и сном?

Грешюм тихо проговорил:

– Я знаю, чего ты хочешь, Джоах.

– Ничего ты не знаешь.

Юные глаза посмотрели на него, и юные губы произнесли одно слово:

– Кесла.

Гнев заполнил то пространство внутри Джоаха, где была пустота. Его голос клокотал от гнева:

– Никогда не произноси ее имя, маг! Желает того Елена или нет, но я воткну в тебя кинжал!

Грешюм пожал плечами:

– Смерть – тоже размытая линия, когда Черное Сердце возвращает кому-то жизнь.

Джоах нахмурился, но он знал, что не сможет убить мага до тех пор, пока не вернет свою молодость и не узнает способ делать сны реальными. Он вспомнил девушку с золотыми волосами и фиалковыми глазами и почувствовал сильную боль в сердце, угрожающую его убить.

Не замечая боли Джоаха, Грешюм продолжил, откинувшись в кресле:

– Мы не такие уж разные, мой мальчик.

Джоах усмехнулся.

– Разве мы оба не желаем страстно вернуть молодость, украденную у нас? Или это не так? – голос Грешюма стал лукавым: – Должны ли мы всегда быть врагами? Разве мы не можем разделить то, чего оба жаждем?

Джоах нахмурился:

– Разделить?

– Я отдам тебе назад половину похищенных у тебя лет и сохраню оставшуюся половину. Каждый станет немного старше, но ни один не будет стариком.

– Зачем мне на это соглашаться?

– Чтобы научиться тому, чему я могу научить тебя.

Джоах забарабанил пальцами по посоху. Энергия сна, запертая в нем, готовая повиноваться его зову, текла в посохе, словно его собственная кровь. За прошедшие зимы он обрел намного больше силы, но далеко не был мастером. В самом ли деле Кеслу можно сделать реальной?

– И какова будет цена за такой урок?

– Сущие пустяки. Моя свобода, моя жизнь.

– Так ты собираешься предать нас снова?

Грешюм закатил глаза:

– Ты сильно преувеличиваешь вашу значительность для меня. По правде говоря, я надеюсь никогда не увидеть большинство из вас.

Джоах выглядел сомневающимся.

– Как ты знаешь, между мной и Шорканом нет любви. Я предал Черное Сердце по собственному желанию. И ты правда думаешь, я хочу иметь с ними какие-то дела?

– Почему? В чем разница между тобой и Шорканом? Почему он столь неизменен в своей верности, а ты столь ненадежен?

– Ах... – Грешюм откинулся назад настолько, насколько позволяли ему веревки. – Прежде чем книга была создана, Шоркан был всегда более... ну, преданным его делам. Для него все в мире четко разграничено: белое и черное, правильное и неправильное. У меня более прагматичный взгляд на жизнь. Для меня в краски мира примешана капелька серого. Так что когда Кровавый Дневник был создан и заклятьем попытались отделить добро от зла, это были трудные времена для меня. Я ви-

дел мир в оттенках серого, и поэтому разделение не было для меня ясным и прозрачным. Я подозреваю, что причиной того, что заклинание оставило меня таким искалеченным, была моя сущность: я бессмертен, но подвержен старению.

– Так ты говоришь, что Шоркан более предан, потому что легче отбросить все хорошее в нем и оставить только зло для Темного Лорда?

Грешюм вздохнул:

– Пока я вижу оттенки серого.

Джоах смотрел на человека перед собой, удивляясь этому откровению.

– Так освободи меня, – продолжил Грешюм, – и я оставлю тебя с твоей маленькой войной. Ты сможешь присоединиться к битве, став моложе и овладев в полной мере магией снов – так, как тебе никогда – не побоюсь этого слова – не снилось!

Джоах сомневался. Он знал, что Грешюму нельзя верить. Но возможно, с некоторыми предосторожностями...

Дверь комнаты с шумом распахнулась, заставив Джоаха вздрогнуть. Он обернулся, и боль в спине пронзила его.

Мерик ворвался в комнату, задыхаясь, за ним следом – Нилан.

– Эррил и Елена еще не вернулись?

Грешюм нахмурился и кивнул на койку:

– Они прячутся под кроватью.

Мерик был в таком состоянии, что едва взглянул на него.

– Они по-прежнему ищут лошадей и фураж, – сказал Джоах. – Что случилось?

Нилан, явно более спокойная, ответила:

– Силура. Нас преследовали на рынке.

– Изменяющие форму? – Джоах поднялся на ноги.– Почему они преследовали вас?

Мерик с трудом подобрал слова.

– Возможно, они обычные бандиты, – он бросил свои покупки на кровать. – Нагруженные, мы могли стать легкой добычей.

Грешюм заговорил:

– Силура мало нуждаются в сушеных персиках и горшках. Они лесные создания, наполовину дикие. Я бы предложил тебе задуматься об этой стычке. Сомневаюсь, что они здесь случайно.

– Я согласна, – сказала Нилан Мерику. – Та волчица не выглядела похожей на простого вора.

Его ответ заглушила суматоха, поднявшаяся во внутреннем дворе гостиницы: крики и стук копыт, звонкое ржание и звон разбитой посуды.

Суматоху прорезал голос:

– Назад!

Мерик поторопился к открытому окну:

– Это Эррил!

– Я заведу вороного! – крикнул стендаец. – Поставь в конюшню остальных!

– Ты заплатишь за разбитые горшки! – крикнул другой мужчина. Джоах узнал голос хозяина гостиницы.

– Это должно покрыть расходы, – сказал Эррил.

Короткая пауза.

– Золото! Разбивай все горшки, какие захочешь, добрый господин!

Джоах и Нилан присоединились к Мерику, смотрящему в окно. Внизу царил хаос. Десять лошадей теснились на узком внутреннем дворе, поднимая пыль и грязь. Большинство были оседланы, и к седлам были прикреплены сумки. Он заметил Арлекина, устремившегося в кухонной двери гостиницы, чтобы не быть затоптанным. Елена сидела на лоснящейся бурой кобыле, а Эррил вел к стойлам чудовищного вороного жеребца.

Мерик спросил позади Нилан:

– Это не лошадь Крала?

– Роршаф, – согласилась Нилан и нахмурилась: – Что это такое?

– Нам надо помочь устроить лошадей, – предложил Мерик. – И рассказать об изменяющих форму.

Нилан кивнула, и они вдвоем направились к двери.

Джоах вернулся к своему долгу надсмотрщика. Глаза темного мага следили за ним.

– Эта часть путешествия обещает стать более интересной, – пробормотал Грешюм. – Изменяющие форму... Странные союзы...

– И?

– Прожив столько веков, я понял одну вещь, – глаза Грешюма смотрели на Джоаха. – Никогда не верь в случайность нападений.

Глава 12

Эррил ехал на Роршафе по изрезанной колеями дороге. С тех пор как они покинули Вудбайн три дня назад, лесная дорога превратилась в эту узкую извилистую тропу, шедшую вдоль Зеркальной реки. За весь день им не встретился ни один путник. Когда село солнце, тропа лежала перед ними совершенно пустая. Казалось, что весь мир сократился до их маленького отряда и бесконечного леса вокруг.

Однако, пуста была тропа или нет, Эррил не терял бдительности. Целые армии могли скрываться в этом темном лесу и быть необнаруженными. С уходом солнечного света повис глубокий зеленый сумрак. В отдалении пели и переговаривались птицы, но в остальном лес оставался тихим. Эта тишина давила на путников. Все говорили шепотом. Даже лошади, казалось, старались ступать потише; стук их копыт заглушали ковер из сосновых игл и мягкая почва.

Когда наступила ночь, Эррил стал искать место для лагеря. Остановиться нужно было возле реки, но на возвышении, чтобы у них было преимущество в случае нападения.

Пока он изучал местность, Елена подъехала к нему на своей бурой кобыле. Он взглянул на нее. На ней был зеленый плащ

для верховой езды поверх коричневых легтинсов и серой рубашки. Лицо было обеспокоенным и усталым, но отчаяния в глазах стало меньше, когда они покинули наполненные печалью улицы Вудбайна. Состояние многих сотен людей, лишенных жилья из-за магического удара, повлияло на нее очень сильно. Но здесь, в лесах, освободившись от постоянного напоминания об этом, она медленно восстанавливала внутреннее равновесие и свои силы.

– У нас есть сообщение с Алоа Глен, – сказала она.

Эррил повернулся в седле и заметил Джоаха, кладущего в карман большую черную жемчужину, которая связывала его с шаманом зулов, Ксином. За Джоахом в одну линию ехали остальные, включая Грешюма. Темный маг был крепко привязан к седлу, а его лошадь – к мерину Мерика. Грешюм поймал взгляд Эррила, улыбнулся и кивнул ему. Этих двоих соединяли события прошлого – нить, протянувшаяся на века.

Эррил вновь посмотрел на Елену:

– Как продвигаются приготовления к осаде Блэкхолла?

Елена заставила свою кобылу идти рядом с крупным жеребцом:

– Ксин передал сообщение от принца Тайруса. Он ведет свой пиратский отряд впереди всего остального флота. Они в двух неделях пути от залива Тлек.

Эррил кивнул. Ледяной залив на севере окружал вулкан Блэкхолла.

– Они хорошо продвигаются.

– Он ожидает, что войска будут готовы нанести удар в следующем месяце.

Эррил поморщился. Его расстраивало то, что он застрял в Западных Пределах в такое время. Веками он мечтал перенести освободительную войну на берега самого Блэкхолла, но, когда это и в самом деле произошло, он оказался в сотнях лиг от центра событий.

Он подавил гнев и вернулся мыслями к их цели:

– А что слышно об угрозе Винтерфеллу? О Вратах Виверны?

Повисла долгая, наполненная болью тишина. Наконец Елена заговорила:

– Нет. Были посланы гонцы из Стенди, но они так и не вернулись.

Рык поднялся из груди Эррила.

Елена продолжила:

– Продолжают поступать слухи о разрушенных до основания деревнях у подножия холмов и ночных нападениях чудовищ.

– Чем скорее мы встретим эльфийский корабль, тем скорее выясним все сами.

Елена вздохнула:

– Корабль уже вылетел. Если не случится ничего непредвиденного, мы и они достигнем перевала Слез в одно и то же время.

Эррил нахмурился. «Если не случится ничего непредвиденного»... Может ли он надеяться на такую удачу?

С другой стороны от него раздался голос. Арлекин Квэйл подъехал на своем маленьком пегом мерине:

– Это огонь там впереди?

Эррил вгляделся. Справа от тропы слабый проблеск костра освещал глубокий мрак, и свет отражался в Зеркальной реке.

– Лагерный костер, – сказал он, нахмурившись, злясь на себя, что отвлекся.

– Возможно, другие путники? – предположила Елена.

Эррил остановил своего жеребца и дал знак остальным сделать то же самое. Он мог различить тени, двигающиеся перед костром. Там, похоже, был не один человек.

– Я пойду вперед. Вы все остаетесь здесь.

Нилан соскользнула со своей лошади:

– Мне следует пойти с тобой. Если в этих лесах есть опасность, лес защитит нас, – женщина нимфаи сияла жизненной силой. Она явно вбирала магическую силу из леса во время их пути.

Эррил кивнул. Нилан здесь была в своей стихии.

Она передала Мерику свою лютню.

– Береги ее, – сказала она. Ее пальцы еще на мгновение задержались на руке эльфийского принца; затем она повернулась к Эррилу:

– Продолжай двигаться по тропе. Я пойду напрямик.

Не ожидая ответа, она устремилась в лес, и он поглотил ее, как если бы ее вообще не было.

Эррил пришпорил Роршафа и начал спускаться по тропе.

– Будь осторожен, – предупредила Елена.

– Как всегда, – уверил он ее. Конь шел ровным шагом. Здесь не было бы проку от попытки подкрасться. Он подозревал, что, кто бы ни разбил лагерь впереди, они уже знали об их присутствии. Через несколько мгновений он проехал поворот, за которым тропа продолжала плавно изгибаться к реке. Там-то и был лагерь незнакомцев.

Эррил придержал коня, и Роршаф фыркнул, почувствовав осторожность своего всадника.

С этого расстояния Эррил мог различить очертания фигур у костра. Он с облегчением увидел, все они были просто людьми. Пятеро – не так много, если только в лесу не прячется еще кто-нибудь.

Эррил следил за лагерем и поглядывал на окружающий лес. Похоже, больше никого не было. Но он не видел и Нилан.

Эррил двинул своего боевого жеребца вперед.

– Эй! Что слышно о дороге? – крикнул он обычное среди путников приветствие.

Одна темная фигура ступила на тропу. Это был высокий широкоплечий мужчина с медной бородой, которая спадала на его голую грудь. На нем были пятнистые леггинсы и черные сапоги.

Хотя у него явно не было оружия, Эррил почувствовал подозрение и угрозу в холодном, жестком взгляде мужчины.

Роршаф громко фыркнул, загарцевав.

Мужчин перевел взгляд с Эррила на жеребца, и его глаза расширились:

– Кровавая Мать! – хрипло прорычал мужчина, отступая на шаг. – Тот демон, что мы продали в Вудбайне!

Эррил успокоил Роршафа. Он вспомнил упоминание торговца лошадьми об охотниках. Так это те люди, что продали жеребца?

– Злобный он малый, – сказал бородач. – Но, я смотрю, вы поладили.

Эррил пожал плечами, держа руку на бедре и касаясь меча:

– Ему просто нужна твердая рука.

– Вот, значит, как? – манера поведения мужчины оставалась грубой, но в его голосе зазвучало уважение. – Он едва не оставил моих людей калеками, когда они попробовали пощекотать хлыстом это чудовище.

Эррил нахмурился:

– Не обязательно бить, чтобы быть твердым.

Пока он говорил, он заметил других у огня; они смотрели на Эррила.

На тропу вышла охотница – стройная женщина, одетая в такую же пятнистую одежду зеленого и черного цветов. Ее волосы, спускавшиеся на плечи, тоже сияли оттенками красного и медного,. Она положила ладонь на руку крупного мужчины:

– Простите за прием, оказанный вам моим братом, – сказала она. – В Пределах настали непростые времена, и здоровая подозрительность будет только мудрой в дикой местности.

Эррил чуть отодвинул руку от меча:

– Мои спутники и я не представляем угрозы. Мы только хотели разузнать о дороге.

– Здесь мы мало чем можем поделиться, поскольку идем в том же направлении, что и вы... прочь от Вудбайна, – она указала на костер. – Но настала ночь, и мы можем предложить вам тепло огня и гостеприимство нашего лагеря.

Лицо ее брата помрачнело при этих словах, его брови сдвинулись, словно грозовые тучи. Но он не сказал ни слова – предложение было сделано.

Эррил взглянул на яркий огонь, затем на темный лес. Он не чувствовал зла в этих двоих перед ним, только осторожность. В этом лесу несколько дополнительных глаз, следящих за опасностью, приветствовались так же, как и огонь.

– Я благодарю вас, – сказал он, поднося кулак к животу – общепринятый жест, означающий, что гостеприимство принято. – Да благословит Мать ваши дома за вашу щедрость.

Едва он договорил, тихий лес неожиданно огласился криком. На миг все застыли на месте. Меч появился в руке Эррила еще прежде, чем крик затих.

Эррил оглядел лес. Кричала Нилан. Он был уверен.

Тут же топот копыт раздался на тропе позади них. Эррил повернулся в седле и заметил Елену во главе остальных, быстро выезжающую из-за поворота. Крик, должно быть, заставил их в панике броситься ему на помощь.

Грубый охотник отступил на шаг.

– Предательство? – он толкнул свою сестру к деревьям.

– Мы не причиним вреда! – крикнул Эррил. Он боялся создать себе нового врага здесь. Что бы ни скрывалось в лесу, лучше всего встретиться с этим вместе.

– Не бойтесь нас! Это в лесу что-то, чего нужно остерегаться!

Женщина вырвалась из хватки брата. Эррил поймал ее взгляд, и его глаза умоляли о понимании, пока копыта грохотали у него за спиной. Она повернулась к крупному мужчине:

– Я верю ему, Гунтер. Если здесь есть какое-то зло, давайте объединим силы.

Мужчина нахмурился, затем кивнул. Он повернулся к лесу:

– Тогда иди к костру, Брианна!

Он крикнул своим людям:

– Возьмите оружие!

Женщина обратилась к Эррилу:

– Подготовь своих людей и присоединяйтесь к нам у огня.

Ее плащ взметнулся, когда она повернулась и последовала за своим братом.

Эррил поднял клинок.

– Ко мне! – позвал он, и его спутники подъехали к нему.

Первой была Елена, грудь ее кобылы вздымалась.

– Нилан...– выдохнула Елена.

– Я знаю, – он соскользнул с седла Роршафа. – Мы убедимся, что здесь безопасно, затем поищем ее.

Сидя верхом на своем пегом мерине, Арлекин кивнул на костер:

– А что об этой компании? Ты им доверяешь?

– У нас нет выбора. Кроме того, пусть лучше эти охотники будут там, где я могу их видеть. – Он направил гигантского боевого жеребца к костру. – Следуйте за мной.

Остальные направили лошадей за ним. Впереди охотники подбросили дров в костер, сделав огонь ярче. Обмелевшая Зеркальная река текла между грязных берегов. Лес вокруг был темным: солнце уже село.

Эррил привязал своего коня рядом с лошадьми охотников. Другие спешились и последовали его примеру.

Мерик легко спрыгнул на землю и подошел к Эррилу:

– Что делать с Грешюмом?

Эррил нахмурился, когда темного мага отвязали и опустили на землю. Хотя руки мужчины были по-прежнему связаны и заклинание Чо никуда не делось, он не осмеливался оставлять темного мага без надзора. Эррил повернулся к Джоаху:

– Присмотри за ним.

Джоах кивнул. Он повесил свой серый посох на руку и другой рукой схватил Грешюма.

– Мы должны найти Нилан, – сказал Мерик с беспокойством.

– Мы найдем ее, – уверила его Елена.

Она хотела снять перчатки, но Эррил остановил ее прикосновением руки:

– Не сейчас... Используй свою магию лишь когда необходимо.

Елена колебалась, затем натянула перчатки. Она коснулась своего запястья и вытащила серебряный кинжал.

Следом за Арлекином, Эррил повел остальных к костру. Гунтер и Брианна присоединились к ним. Другие три охотника, все мужчины, стояли спиной к костру и наблюдали за лесом. У всех были короткие мечи. Гунтер также сжимал ручной топорик в другом кулаке. У Брианны в руке был лук, а на плече висел колчан оперенных стрел.

Гунтер обвел взглядом их отряд, чуть дольше задержавшись взглядом на Елене. Затем он обратил суровый взгляд к Эррилу:

– Ты можешь предположить, что нам угрожает?

Эррил покачал головой:

– Кричал один из наших спутников, женщина. Она была в лесу.

Гунтер прищурился подозрительно, но, прежде чем Эррил смог объяснить, Брианна выдохнула:

– Лес!

Эррил и остальные обернулись. За пределами круга костра светились глаза – по меньшей мере десяток. Некоторые были у земли, другие выше – в ветвях деревьев.

Когда Эррил поднял меч, вспыхнули еще глаза, глубже в окружающем их лесу. С каждым вдохом их становилось все больше, со всех сторон, даже на другой стороне реки.

Елена сдернула перчатки. На этот раз Эррил не возражал.

Еще больше глаз, всех форм и размеров, появилось вдалеке, на расстоянии лиг в непроходимом лесу. Некоторые светились сквозь узкие щели, другие были круглыми, как блюдца. Только одна деталь была неизменной: каждая пара глаз сияла янтарем.

– Изменяющие форму, – прошептал Мерик.

Эррил обвел взглядом безмолвную армию вокруг:

– Что им нужно?

Гунтер заговорил у плеча Эррила:

– Мы имели дело с силура прежде: торговля и все такое. Но я никогда не видел их в таком количестве.

– Я не понимаю, – сказала Брианна. – Они никогда не проявляли враждебности, если их не провоцировать на это.

Эррил переглянулся с Мериком. Снова изменяющие форму – но почему? Что им нужно?

– Может быть, это лошадь, – пробормотал один из охотников.

Эррил взглянул на говорящего:

– Что ты имеешь в виду? Что не так с жеребцом?

Гунтер отмахнулся от слов мужчины рукой с топором:

– В этом нет смысла.

Эррил не захотел оставить без внимания это странное заявление. Сталь появилась в его голосе:

– Объяснись.

Брианна ответила, говоря поспешно:

– Мы выторговали вороного за бочку горького сусла в нескольких лигах отсюда. Нам сказали, что жеребец пришел из

затопленного леса, где упал Камень Тора. Мы думали получить хорошую цену за него в Вудбайне – это город, где занимаются заготовкой дров, и на сильную лошадь всегда найдется спрос.

– Сейчас мы знаем, почему жеребца отдали так дешево, – проворчал Гунтер в бороду.

– И как это связано с силура?

Брианна взглянула на него:

– Это у них мы купили жеребца.

Все посмотрели на темный лес. Сотни глаз, сияя, изучали их. К чему же это приведет?

Оглушенная, с кровоточащей раной на лбу, Нилан пыталась освободиться от пут. Веревками ее привязали к стволу большого дуба. Она слышала песню могучего дерева, но с кляпом во рту она не могла присоединиться к его песне. Без песни она была отрезана от магии вокруг нее.

Она смотрела, как темные фигуры скачут, скользят и крадутся среди деревьев – неясные тени во мраке. Она была захвачена врасплох и сама зашла в ловушку, следя за мерцающими языками пламени костра. Древесная песня леса не предупредила ее. Но, в самом деле, почему бы Великому Лесу беспокоиться из-за изменяющих форму? Силура были обитателями полян глубоко в чащах столько же, сколько существовал сам лес, и заботились о нем, как нимфаи о Локайера.

Слепая и глухая к их присутствию, она была атакована сверху. Что-то большое спрыгнуло с ветвей и свалило ее на землю. Единственный возглас удивления – вот и все, что она успела сделать, прежде чем потерять сознание. Через какое-то время она очнулась, и вокруг была ночь, а у нее во рту был кляп, и сама она была привязана к дереву.

Она прекратила свои попытки освободиться от веревок, глубоко вдохнула и попыталась успокоиться. Поблизости были друзья, и, хотя ее рот был завязан куском ткани, она ощущала магию вокруг. Нилан снова глубоко вдохнула, полуприкрыла глаза и обратилась внутрь себя. Она присоединила свой мягкий голос к напеву древесной песни, сливаясь с ней воедино.

Хотя контакт был слабым, она вызвала то, что могла: маленькие корни дуба у ее спины. Она ощутила богатство почвы, в которой змеились корни. Если бы она смогла просунуть эти корешки в свои путы и освободить руку...

Слева от нее раздался рык, полный угрозы. Напев силы исчез, когда большая белая волчица подкралась из темного леса, сверкая янтарными глазами. Нилан узнала изменяющую форму, что преследовала их по улицам Вудбайна.

Зверь обошел дерево, рыча. Когда он вновь появился в поле зрения Нилан, его плоть начала оплывать, и изменяющий форму стал освобождаться от волчьей шкуры, поднимаясь и вытягиваясь. Женское лицо заменило волчье, но янтарные глаза по-прежнему сверкали беспощадностью дикого леса. Она стояла перед Нилан обнаженная, ничуть не смущаясь, с расправленными плечами. Поток длинных белых волос, прямых и струящихся, закрывал ее спину до середины.

– Только попробуй снова освободиться при помощи своей магии – и обнаружишь свое горло перерезанным прежде, чем сможешь сделать пару шагов.

Нилан не сомневалась в силе этой угрозы. Она ничего не ответила, только посмотрела на женщину-силура.

Глаза изменяющей форму сузились, изучая ее.

– У тебя поблизости есть спутники, – сказала она тихо. – Но, прежде чем мы нападем, я хочу знать, почему ты нарушила твои клятвы лесу, нимфаи.

Нилан подняла бровь в замешательстве.

Рука потянулась к ее лицу. Нилан отпрянула, но пальцы женщины взялись за ее кляп.

– Я освобожу твой язык, но одна нота магии будет твоей последней.

Сознавая, что единственная надежда на свободу – сотрудничество, Нилан кивнул, показывая, что поняла.

Быстрое движение пальцев – и повязка упала. Нилан прокашлялась:

– К-кто ты?

Спина силура выпрямилась.

– Мое имя Торн, первый охотник клана Фрешлинг, третья дочь старейшины. Тебя доставят к моему отцу и Совету Вишну, чтобы тебя судили за твою жестокость по отношению к нашему лесу.

Нилан была сбита с толку:

– Что ты имеешь в виду?

Торн усмехнулась:

– Ничто из того, что происходит в Пределах, не остается незамеченным силура. Мы наблюдали за тобой, нимфаи, с тех пор как ты возродилась к жизни в наших лесах.

Нилан не смогла скрыть свое потрясение. Более зимы назад она использовала магию великого леса, чтобы вернуть свой дух из того места, где он покоился, – черного желудя – и возродить свое тело. Она понятия не имела, что народ силура знал о ней.

– Мы наблюдали за тобой и твоими спутниками прошлой зимой, вы оставляли после себя разрушение.

– Мы ничего не разрушали. Мы хотели восстановить Северную стену и изгнать Мрачных духов, которые тревожили окраины леса.

– Вы свалили Камень Тора! – яростно проговорила Торн. – Место, священное для силура!

Нилан застыла. Она помнила падение каменного пика. Запертая в фургоне, направлявшемся в замок Мрил, она почувствовала пронзительный крик ломающегося леса и последовавшее наводнение, когда упавший пик заставил выйти из берегов реки и ручьи.

– Мрачных надо было остановить, – тихо сказала она.

Глаза Торн вспыхнули гневом:

– Результаты ваших действий были в тысячу раз хуже, чем угрозы Мрачных.

Нилан не ответила.

– Лес дал тебе жизнь, а ты отплатила ему смертью.

– Ты не понимаешь...

– И теперь Лунное озеро, – продолжила изменяющая форму, ходя взад и вперед и не обращая внимания на ее протест. – Сотни из моего народа были убиты – но вы ушли невредимыми.

Вести распространились быстро через силура, из разума в разум. Мы узнали вас. Вновь вы идете через наш лес, оставляя после себя опустошение, – яростный гнев пылал в ее голосе. – Но с этим будет покончено!

Нилан слушала, оцепенев от обвинения. Но какая-то часть ее понимала этот гнев. Это был их дом. Они ничего не знали о великой войне за их лесами. По большей части изолированные от мира, все силура видели огромный урон, нанесенный их родным лесам, и в каждом случае это происходило в присутствии одной и той же личности.

Нилан смотрела в гневные глаза женщины и узнавала истинное лицо тех, кто оказался в ловушке в этой битве магии. Все они видели, что малые победы над Темным Лордом стоят им разрушения их собственных домов и их собственных жизней. Здесь были те, кто нес бремя этой войны; забытые, они никогда не упоминались в песнях и рассказах – они оставались в тени.

Нилан старалась найти слова, чтобы успокоить эту боль, чтобы объяснить вред, причиненный земле и людям. Но все, что ей удалось найти, – это два слова, идущих от сердца:

– Мне жаль.

Торн остановилась. Ее глаза сузились, когда она посмотрела на Нилан. Это был подозрительный взгляд волка.

Нилан встретила ее обвиняющий взгляд:

– Я искренне сожалею обо всех ваших потерях.

Бровь Торн изогнулась. Огонь потускнел в ее глазах.

– Почему?

Нилан медленно покачала головой. У нее не было ответа, почему некоторые народы страдали, в то время как другие могли жить свободно, почему всегда было необходимо платить цену крови.

– Мы несем тяжкое бремя вины, я и мои спутники. Последние зимы мы слишком пристально следили за событиями в мире в целом и оставались слепы к тому, что было рядом. В этом наша вина. Но ведется великая война, которая угрожает не только лесам Западных Пределов – всем лесам. Это битва за само сердце Земли.

На лице Торн промелькнуло сомнение.

Нилан продолжила:

– Мир истекает кровью, не только здесь, по всей земле. Поэтому, хоть я сожалею о потерях твоего народа и израненном лесе, я не могу принести извинения за всю войну. Хотя лес и истекает кровью сейчас, он исцелится и станет сильнее. Но если тьма поглотит его, ничто не выживет.

Торн отвернулась от нее:

– Ты говоришь искренне; я это вижу. Но старейшина силура пожелал, чтобы ты и твои спутники предстали перед Советом Вишну. Его желание должно быть исполнёно.

Нилан вздохнула:

– Я не стану противиться воле твоего отца. И если я смогу объяснить другим, то и они тоже.

Она чувствовала, что настало время встретиться лицом к лицу с теми, кто страдал от этой войны, и узнать об их боли и скорби. После Вудбайна она чувствовала, что Елена согласится.

– Тогда я позволю тебе поговорить с твоими спутниками. Но любая попытка сбежать... – женщина зарычала угрожающе.

Нилан поняла, что установилось шаткое равновесие. Эти земли принадлежали силура. Даже с магией Елены им будет трудно скрыться. Это требование ответить за свои действия здесь, в Западных Пределах, нельзя было оставить без внимания.

Торн распутала веревки, связывающие женщину нимфаи, но не освободила ее запястья. Нилан неловко отделилась от дерева. Торн поймала ее за локоть, чтобы помочь ей подняться на ноги.

Нилан выпрямилась. В окружающем мраке в лесу вспыхивали янтарные глаза. Она чувствовала, как весь лес дрожит от гнева силура. Их боль трудно будет унять.

Она повернулась к Торн, чтобы поблагодарить ее за эту кроху доверия.

Глаза изменяющей форму оставались настороженными, но ярость ушла из них. И что-то еще светилось в ее глазах: печаль и потеря. Торн явно сама потеряла кого-то, кто был близок ей. Нилан подозревала, что именно эта боль подогревала ее гнев несколько мгновений назад.

Нилан повторила свои прежние слова:

– Мне жаль.

Взгляд Торн стал жестче.

– Он должен был быть с вами, – пробормотала она едва слышно.

Ее странные слова заинтриговали Нилан:

– Кто?

Губы Торн приподнялась в оскале:

– Фердайл. Он был в вашем отряде прошлой зимой, когда вы шли на север. Я сама выследила его.

Нилан взглянула на нее. Два брата-силура были изгнаны из леса из-за своего проклятья. Но она почувствовала что-то личное в словах Торн.

– Ты знала Фердайла?

Оскал стал шире:

– Он был мужчиной.

Нилан споткнулась о камень.

Торн продолжила через стиснутые зубы:

– Но он был проклят после нашего первого соединения и вынужден уйти.

Нилан почувствовала, как в женщине силура кипят противоречивые чувства: гнев, боль, скорбь от потери. Она видела болезненную любовь в ее глазах.

– Он жив, – тихо сказала Нилан. – Он сражается с тьмой, как мы здесь.

Торн отвернулась:

– Это ничего не значит.

Но ее голос дрогнул, явно выдавая противоположное. И в следующее мгновение она сказала то, что заставило Нилан окаменеть:

– Я только надеюсь, что Фердайл сможет встретиться со своим сыном.

Елена стояла спиной к огню. Пламя отбрасывало пляшущие тени на деревья, и сотни пар янтарных глаз безмолвно смотрели из-за них.

– Мы должны найти Нилан, – настаивал Мерик. Его серебряные волосы мерцали, движимые невидимыми магическими ветрами.

– Смертельно опасно отходить от костра сейчас, – предупредил Эррил. – Давайте посмотрим, чем все это закончится.

– Чего ждут изменяющие форму? – спросил Арлекин. Он держал в руках два скрещенных кинжала, уверенно сжимая их рукояти, и свет костра играл на лезвиях.

Высокий охотник, Гунтер, ответил:

– Они хотят лишить нас мужества. Заставить в страхе бежать.

– Мы не побежим, – сказала спокойно Елена. Она сжала кулак, заставив свою магию запылать глубоким алым цветом. Ведьмин огонь в ее правой руке, холодный огонь в левой. Она крепко сжимала пальцы вокруг вырезанной в форме розы рукояти своего серебряного кинжала, готовая окропить кровью свои руки и освободить магию, скрытую внутри. Дикий хор голосов пел в ее сердце, когда она коснулась той части себя, которой была Чо, существо непостижимой природы.

– Что ты за демон? – выпалила Брианна, глядя широко раскрытыми глазами на руки Елены.

Елена взглянула в ее лицо:

– Я не меньше женщина, чем ты.

Она подняла руку:

– Как и изменяющие форму, я просто обладаю необычным даром.

– Не слушайте ее, – проговорил холодный голос позади нее. – Она ведьма.

Это был Грешюм. Темный маг сидел у огня, его локти были связаны за спиной.

– Она убьет вас прежде, чем кончится эта ночь.

Джоах ударил Грешюма по голове посохом.

Эррил подошел к нему:

– Посмей повторить свою ложь, и я отрежу тебе язык.

Брианна нахмурилась, глядя на Елену:

– Ведьма?

Елена почувствовала, как вокруг нее растет подозрительность. Один из охотников прикоснулся ко лбу большим пальцем – знак, отгоняющий зло.

– Я использую магию, – сказала Елена. – Но внутри я такая же женщина, как и другие. Я...

– Так ты и правда ведьма! – крикнул Гунтер, его лицо стало таким же красным, как и его борода. – Женщина, которая использует магию! Ты признаешь это!

Напряжение у костра усилилось. Люди переводили взгляды с армии силура в лесу на пришельцев у костра.

Посреди всеобщей напряженности Арлекин неожиданно громко рассмеялся – звонкий звук под звон колокольчиков. Все глаза повернулись к нему.

– Вы все, привычные к лесной жизни мужчины, боитесь этой маленькой худенькой женщины, – фыркнул коротышка. – Так что с того, что Елена обладает чарами? Разве все женщины не отличаются этим?

Он оглядел Брианну сверху вниз.

– Кто-то скажет, что хорошенькая девушка вроде тебя может заставить мужчину окаменеть, лишь улыбнувшись и подмигнув. Вот что я называю настоящей магией! – его колокольчики зазвенели с изумлением.

Гунтер зарычал.

– Ты не помогаешь, Арлекин,– предупредил Мерик.

– Я не буду терпеть ведьму в моем лагере! – прорычал Гунтер. – Я брошу вас изменяющим форму!

Брианна выступила вперед:

– Хватит, брат.

Он снова открыл было рот, но взгляд сестры заставил его промолчать.

– Я не чувствую зла в ней, – настаивала Брианна. – Но только когда с изменяющими форму будет все улажено, я хочу узнать больше о твоей силе.

Елена кивнула благодарно:

– Это долгая история.

Брианна повернулась к лесу, направив свой лук туда:

– Тогда, если мы выживем этой ночью, я бы хотела услышать ее.

– Даю тебе слово.

Один из охотников, который стоял ближе всего к лесу, неожиданно дернулся к костру:

– Кто-то идет!

Елена полностью сосредоточилась на лесе. Легион янтарных глаз оставался на месте, но послышался отдаленный шорох тревожимых листьев и звук шагов. Острия мечей повернулись в сторону шума.

Две темные фигуры появились из глубокого мрака. У одной были янтарные глаза силура. Двое остановились за пределами света костра.

– Кто здесь? – крикнул Гунтер, выходя вперед. – Что вам надо?

Голос ответил:

– Это я... Нилан!

Мерик выдохнул с облегчением.

Гунтер взглянул на их отряд. Эррил кивнул, подтверждая, и встал рядом с охотником. Елена последовала за ним.

Две фигуры из леса продолжили идти вперед. Елена с облегчением увидела, что это и в самом деле их друг. Нилан была бледнее, чем обычно, и дорожка засохшей крови отмечала ее лоб.

Мерик торопливо подошел к ней и обнял.

– Ты в безопасности.

Елена встретила взгляд Нилан поверх плеча эльфийского принца. Ее глаза отрицали слова Мерика.

Огонь осветил вторую фигуру, его свет отражался от ее снежно-белых волос. В ней была какая-то дикость, которая напомнила Елене о Фердайле. Она стояла прямо и бесстрашно перед множеством клинков.

– Торн, – потрясенно прошептала Брианна имя изменяющей форму.

– Ты знаешь ее? – спросила Елена, поднимая бровь.

Женщина-охотник кивнула:

– Она продала нам черного жеребца.

Изменяющая форму повернула свои янтарные глаза к ним.

– Жеребец был приманкой, – сказала она просто, скрещивая руки на груди.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Елена.

Высвободившись из рук Мерика, Нилан ответила:

– Силура поймали Роршафа после разрушения Камня Тора.

Торн кивнула и заговорила холодно:

– Мы обыскали седельные сумки жеребца, чтобы найти хоть какой-то намек, почему женщина нимфаи и ее спутники нанесли такой урон нашим лесам. Мы не нашли ничего полезного, но сохранили лошадь на случай, если она понадобится нам снова.

– Затем силура услышали об опустошении вокруг Лунного озера, – объясняла Нилан. – Они привели Роршафа в Вудбайн, ближайшее поселение к пораженному месту. Они надеялись, что, кто бы ни был виновен в уничтожении озера, он окажется там в конце концов и, возможно, узнает лошадь, связывающую оба случая.

– Но в конечном итоге лошадь не понадобилась, – Торн взглянула на Нилан. – Шпионя в городе, я почувствовала кого-то знакомого.

Нилан посмотрела на остальных:

– Они продолжают считать нас виновными в разрушении и здесь, и на севере.

– Это нелепо, – сказал Эррил.

Елена коснулась его руки:

– Это их земли, Эррил.

Она встретилась взглядом с Торн, узнавая в ее глазах сотни глаз, наблюдающих из леса:

– Что ты хочешь от нас?

– Старейшина нашего клана призывает вас предстать перед нашим Советом и объяснить свои поступки. Этому призыву нельзя не подчиниться.

– У нас нет времени, – возразил Эррил. – Нам назначена встреча.

Нилан подошла ближе к ним:

– Успокойся, житель равнин. Совет Вишну собирается лишь на два дня, и место встречи лежит дальше в направлении гор. Потребуется не больше, чем один день, чтобы все объяснить, и, если силура нам помогут, мы сможем наверстать это время.

– Но мы не сделали ничего плохого, – сказал Эррил.

Нилан подняла одну бровь:

– В самом деле?

Елена обнаружила, что Торн смотрит на нее. Изменяющая форму стояла, гордо выпрямившись, выражение ее лица было не разобрать, но в глазах светилась печаль.

– Мы пойдем с ними, – наконец сказала Елена, кладя конец спорам.

Эррил нахмурился и подошел к ней.

– Мы мало знаем об изменяющих форму. На протяжении веков они мало имели дело с внешним миром.

– Но они такой же народ Аласии, как и любой другой. Их кровь пролилась, чтобы защитить эти земли, хотели они того или нет. Они заслужили право получить объяснение, почему им пришлось платить такую цену и, возможно, придется заплатить снова. Это их земли. Я не стану действовать исключительно в целях собственной выгоды.

Эррил смотрел на нее, и его серые, словно грозовые облака, глаза осуждали ее решение.

Тень улыбки пришла, незваная, на ее губы, когда она прочитала истинное значение изгиба бровей Эррила. Он уже согласился с ней, но страж внутри него боялся за нее. Она протянула руку, чтобы разгладить складки тревоги в уголке его губ нежным прикосновением пальца.

Он накрыл ее руку своей.

– Елена, – прошептал он, выдохнув.

Она смотрела в его глаза.

– Ты говоришь, что не знаешь этого народа. Но мы знаем Фердайла, даже Могвида. В своем сердце они благородны и справедливы.

– Фердайл – может быть, – проворчал он. – Но Могвид из другого теста.

– Я думаю, тебе просто нужно заглянуть поглубже в его сердце. Во многих случаях он более чуткий, чем его брат.

– Раз ты так говоришь... – голос Эррила прозвучал увереннее, он убрал ее руку со своей щеки и поцеловал в ладонь. Тепло его губ заставило ее почувствовать слабость в ногах.

– Да, – сказала она, и неохотно отняла руку, сжимая пальцы, чтобы удержать тепло его прикосновения и удержать это волшебство в своем сердце.

– Так мы идем с изменяющими форму? – спросил Эррил.

Она кивнула:

– Пришло время встретиться с тем, что мы обычно оставляем позади.

Она взглянула на всех, кто собрался здесь, старых спутников и новых. Ее глаза нашли глаза Торн.

– Если мы создаем наше будущее, нельзя пренебрегать нашим прошлым.

Эррил обнял ее за плечи:

– Но сможем ли мы выжить в настоящем?

Она прильнула к нему:

– Вместе – сможем.

Грешюм трясся на своей лошади, он был измучен, а от седла у него все болело. Близился рассвет. Им пришлось ехать всю ночь. С армией силура в качестве защитников им нечего было бояться в темном лесу.

Они въехали в ночной лес, сойдя с главной тропы. Грешюм быстро потерял ориентацию без своего магического чутья, и, судя по тому, как Эррил рассматривал звезды и оглядывал лес вокруг, стендаец чувствовал себя не лучше.

В их отряде тихо перешептывались. Он слышал обрывки знакомой истории о том, как Елена обрела свою силу, – она рассказывала об этом Брианне. Он слушал вполуха, делая вид, что дремлет. Хотя он знал большую часть истории, некоторые детали заполняли пробелы. Одно особенно заинтересовало его:

она упомянула что-то о том, как черный камень превратился в камень сердца.

Он обдумывал это всю оставшуюся ночь. Он никогда не слышал о такой возможности. Грешюм чувствовал, что в этой загадке кроется ключ к обретению силы.

Поначалу отряд двигался в тишине: все слишком устали, чтобы говорить. Только стук копыт сопровождал их. Изменяющие форму в лесу двигались незримо, затерянные во мраке. Но они знали, что их захватчик здесь, по вспышкам янтарных глаз, время от времени мелькавших меж деревьев.

Грешюм смотрел на разгорающийся рассвет. Они решили остановиться отдохнуть с восходом солнца и затем выехать снова в полдень. Изменяющая форму по имени Торн сказала, что они достигнут места сбора силура к сумеркам.

Грешюм почувствовал, как петля крепче затягивается на его шее. Лес был полон изменяющих форму силура, и с каждым тяжелым шагом конских копыт он становился на один шаг ближе к месту, где ждал его Шоркан по ту сторону гор. Его враги были со всех сторон.

Он потянулся к крошечной частице магии, оставшейся в его сердце. Она была не больше мельчайшей капли, недостаточно даже, чтобы ослабить путы и освободиться от веревок. Но это позволило ему почувствовать знакомое биение сердца в лесу, сердца, которое было связано с ним, прежде чем он лишился возможности использовать свою магию. Он послал ему тихое сообщение, напоминая о верности: «Иди следом, Рукх. Иди следом и скрывайся».

Он почувствовал едва различимый ответ.

Грешюм вздохнул. Сейчас это было все, что он мог сделать. Тупой гоблин следовал за их отрядом целую лигу так, что не был пойман. По крайней мере, Рукх подобрал костяной посох, который Грешюм оставил в грязи у Лунного озера. Посох был пустым, в нем не осталось никакой магии, но, как и коротышка-гоблин, это был инструмент, доказавший, что может быть полезным.

Прищурив глаза, Грешюм изучал другой потенциальный инструмент, сейчас бесполезный, но полный возможностей.

Он смотрел на дремлющего Джоаха, покачивающегося в седле.

Вскоре небо стало ярче, как и надежды Грешюма. В его голове постепенно сформировался план. Только две вещи были необходимы: терпение... и кровь.

Глава 13

Елена опустила ноги в холодную́ воду ручья; ее сапоги стояли на замшелом камне рядом. Когда она выпрямилась, спина заболела. Они ехали всю предыдущую ночь и после короткого отдыха – добрую часть дня. Она откинулась назад и стала смотреть на солнце, светящее сквозь ветви. Свежий ветер налетал с ручья, разбавляя воздух, застоявшийся под густой листвой. Елена глубоко вздохнула. Лето было в самом разгаре, но близился вечер; скоро теплое солнце сменится холодной луной.

Звук шагов привлек ее внимание, и она увидела, как к ней ковыляет Джоах с гримасой боли на лице.

Елена подвинулась и похлопала рядом с собой:

– Иди, опусти ноги. Почувствуешь себя замечательно.

Джоах упал рядом с ней словно марионетка с перерезанными веревочками.

– Я не знаю, смогу ли я снять сапоги – мои лодыжки распухли.

Он опустил ноги в сапогах в воду.

Елена погладила затянутые в перчатки пальцы брата – маленький жест родственного чувства. Но он как будто не заме-

тил. Он просто смотрел на воду, в которой отражалось солнце, его плечи поникли – он был измучен.

– Мне приходилось объезжать фруктовые сады целыми днями, – пробормотал он. – И дома я продолжал выполнять поручения.

– Когда все это закончится, мы найдем способ обратить вспять заклинание. Я обещаю, – сказала она.

Но он, казалось, остался глух к ее словам так же, как и к ее прикосновению.

– Я не могу даже смотреть на него, зная, что это моя собственная молодость дразнит меня.

Елена взглянула на руку Джоаха. Под тонкими перчатками для верховой езды пальцы, некогда такие сильные, когда им приходилось собирать яблоки или полоть сорняки в фруктовом саду, теперь были просто костью, обтянутой кожей.

Но пока она слушала брата, она почувствовала, что что-то большее было украдено у Джоаха, чем молодость. Большая часть его духа и души исчезли тоже.

Он опустил руку на посох, лежащий у него на коленях; отвратительная вещь сейчас давала ему больше утешения, чем его собственная плоть и кровь. Она смотрела на кусок окаменелого дерева, инкрустированный желтоватыми кусочками кристалла. Она откладывала этот разговор достаточно долго.

– Джоах, – сказала она, – что ты сделал со своим посохом?

Его глаза сузились, когда он повернулся к ней.

– Что ты имеешь в виду?

Елена вспомнила ночь последнего полнолуния, когда они были перенесены сюда. Во внутреннем дворе она видела, как посох Джоаха пылает стихийной энергией. Но ее больше беспокоили сияющие нити силы, которые связывали ее брата с оружием.

– Я смотрю, ты все время носишь перчатки.

– И что? Это помогает мне удержать что-то в руке. У меня совсем мало сил.

Она знала Джоаха достаточно хорошо, чтобы понять, что он лжет.

– Я видела твою связь с посохом, – сказала она. – Это было похоже на то, как я когда-то связала тебя с посохом из дерева пои на «Бледном Жеребце». Ты создал оружие крови, привязав свой дух к дереву.

Некоторое время он молчал. А когда заговорил, то напряженным шепотом.

– Я потерял все. Моя магия – единственное, что осталось, моя последняя надежда. Я связал себя с этим посохом, чтобы лучше управлять им.

– Джоах... – предупреждение прозвучало в ее голосе. – Эррил говорил мне, как такое оружие, выкованное из крови и духа, становится живой вещью, не знающей разума или милосердия. Оружие крови может изменить своего владельца.

Джоах покачал головой.

– Я не позволю этому случиться. Мне нужен этот посох на время, чтобы снять проклятье, лежащее на мне. После этого я сам сожгу грязную штуку. – Он поднял руку и откинул плащ для верховой езды, обнажив обрубок запястья. – Но, прежде чем это случится, позволь мне показать тебе, что он может сделать.

Свет замерцал на конце его руки; затем из ниоткуда появилась кисть. Елена потрясенно смотрела, как появляются новые пальцы. Рука казалась такой же реальной, как и вторая. Единственным отличием было то, что она была гладкой, лишенной морщин – это была рука молодого человека.

Джоах подобрал камень, затем бросил его в поток. Всплеск вспугнул нескольких лягушек, заставив их спрыгнуть в ручей. Он поднял руку:

– Это сон, изваянный в реальность.

Елене потребовалось время, чтобы прийти в себя и заговорить:

– Джоах, тебе не следовало рисковать, связываясь со столь опасной магией.

– Мне пришлось, – в его словах прозвучала горечь. – Я слишком многое потерял.

– Но перековать себя в оружие крови – это не ответ. Почему ты сделал это? Ты надеешься создать себе новое тело?

Джоах нахмурился:

– Это была бы всего лишь иллюзия. За внешним блеском я бы остался старым и согбенным.

– Тогда зачем? Я говорила уже, я найду способ вернуть тебе молодость. Я уверена...

– Это не только моя молодость, – перебил он. Слезы затуманили его глаза. Его лицо напряглось, когда его всколыхнуло более глубокое чувство. Наконец он проговорил, всхлипнув:

– Это Кесла...

Елена чувствовала, что это были те слова, которые ее брат не решался произнести. Она промолчала.

– Она была такой красивой...

– Я помню.

– Она смеялась так звонко! И тепло ее прикосновения, ведь она всегда ходила под солнцем пустыни. И ее глаза... Это были два фиолетовых бездонных залитых лунным светом оазиса.

– Ты любил ее.

Слеза скатилась по его щеке.

– Но она стала ничем.

Елена нахмурилась от жесткости его слов.

– Ничем, только иллюзией. – Он поднял свою созданную магией руку и взмахнул ею, возвращая ее обратно в сон. Потом он опустил обрубок руки и вновь повернулся к своему посоху. – Не более реальной, чем моя рука.

Елена мгновение молчала, затем твердо проговорила:

– Ты заблуждаешься. Она не была всего лишь сном. Она жила, как живет любая другая женщина.

Джоах покачал головой, отворачиваясь и отказываясь слушать ее.

– Кто может сказать, откуда приходит любой из нас? – продолжила она. – Когда наша плоть рождается вследствие союза мужчины и женщины, как наш дух проникает в наше тело? Или ты думаешь, что мы все всего лишь плоть?

– Конечно, нет.

– Я встречала Кеслу. Она не была лишь песком и сном. У нее было не меньше духа, чем у любого из нас. И если ее дух был

реальным, тогда и она сама была реальна, и неважно, как она была рождена.

Он вздохнул, явно не убежденный.

Елена потянулась к нему и взяла его настоящую руку, удерживая ее между своих ладоней.

– Ты любил ее. Кесла не смогла бы затронуть твой дух, если бы она не была чем-то большим, чем сон, если бы она не была истинным духом жизни.

Он отнял руку:

– Но какое это имеет значение сейчас? Она умерла.

Елена проговорила мягко:

– Пока ты помнишь ее, ее дух будет жить в твоем сердце.

Плечи Джоаха упали.

– Как долго это продлится? С этим стареющим телом... – Он покачал головой.

Она похлопала его по колену:

– Мы найдем вместе способ справиться с этим.

Рядом послышались спорящие голоса. Елена оглянулась через плечо. Эррил с Арлекином шли к ним. Она вытащила ноги из ручья и подобрала сапоги. Стоя, она тронула Джоаха за плечо.

Он пробормотал вполголоса:

– Иди. Я в порядке.

По его голосу она поняла, что он лжет, но время должно исцелить его сердце. Она повернулась к остальным и быстро пошла им навстречу, отрезая их от Джоаха. Она не хотела, чтобы его беспокоили.

– Что случилось? – спросила она.

Лицо Эррила пылало от гнева.

– Арлекин шпионил за Торн и ее людьми, – он смерил взглядом коротышку. – Его поймали.

Арлекин пожал плечами.

– Это нелегко – шпионить за людьми, обладающими всеми чувствами лесных зверей.

– Я предупреждал тебя: не зли их, – Эррил сжал кулак.

Арлекин закатил глаза:

– Я не припоминаю, чтобы присягал тебе на верность, житель равнин. Я и сам нахожусь в опасности. И я имею право защищать себя так, как считаю нужным.

Елена подняла руку:

– Что случилось после того, как ты был пойман?

Арлекин бросил колкий взгляд на Эррила:

– Ничего. Они послали меня обратно с поджатым хвостом.

Эррил нахмурился:

– Торн была в бешенстве. Ее трясло от гнева.

– Да она всегда так выглядит, – пробормотал Арлекин.

– Что она сказала?

Эррил вздохнул:

– Ничего. Просто ушла в лес.

Арлекин пожал плечами, вызвав звон колокольчиков:

– Так ничего плохо не случилось.

– Ты не знаешь этого, – прошипел Эррил. – Силура и так разгневаны. Провоцировать их...

– Я их не провоцировал. Я за ними просто наблюдал.

– Хватит, – заявила Елена. – Что сделано, то сделано. Арлекин, я бы попросила тебя уважать требования моего вассала. Он говорит от моего имени. И, как я припоминаю, ты присягал на верность мне.

Невысокий человек кивнул:

– Да, моя госпожа.

Эррил скрестил руки.

Елена повернулась к нему:

– И, Эррил, после ущерба, причиненного лесу, их дому, я сомневаюсь, чтобы шпионство Арлекина серьезно изменило их отношение в какую-то сторону. И если он узнал что-то ценное...

– Он не узнал, – перебил Эррил.

– Я этого не говорил, – невинно произнес Арлекин.

Елена и Эррил посмотрели на него.

– Ты слышал что-то? – спросила Елена.

– Не много. Они общаются в основном глазами, но Торн была в ее женском обличье. И эта миловидная форма – длинные белые волосы, ее голая спина... Я бы не возражал...

– Ближе к делу! – крикнул Эррил.

Арлекин поднял бровь:

– Что? Мне не позволено оценить искусство изменять форму нашего захватчика?

Эррил вспыхнул от гнева, его раскрасневшееся лицо потемнело.

– Пожалуйста, продолжай, – сказала Елена.

Арлекин расправил фалды своего пестрого жакета.

– Как я говорил, пока меня не перебили, Торн оставалась в своей женственной форме. Я предполагаю, что некоторые сообщения не могут легко передаваться от женщины к оленю. Увенчанному рогами парню нужен способ попроще.

– Что она сказала ему? – спросил Эррил.

– Она велела парнокопытному изменяющему форму бежать вперед и предупредить Совет о нашем появлении и дать знать ее отцу – старейшине, что ни Могвида, ни Фердайла нет с нами.

– Могвид и Фердайл? – Эррил изогнул бровь. – Что им за дело до них?

– И самая странная часть. Она велела посланнику передать ее отцу, что без братьев надежды на сохранение леса нет.

Елена подняла бровь:

– Сохранение леса?

Она обвела взглядом высокие деревья вокруг. Когда они покинули тропу, лес стал гуще, деревья – толще и старше. Самый воздух здесь был тяжелым от аромата плодородной почвы и запаха зелени. Все, казалось, было в порядке. И если бы что-то было не так, Нилан наверняка бы почувствовала это.

– Что Фердайл и Могвид могли бы сделать здесь? – спросил Эррил.

Арлекин пожал плечами:

– Это все, что я узнал, прежде чем меня заметили.

– Непонятно, – сказала Елена.

– Может, нет, но... – Арлекин глянул через плечо, затем понизил голос: – Можно предположить, что у силура есть планы помимо тех, о которых они говорят. Тайны, которые известны только их народу. И если те изменяющие форму братья являются ключом к этому... – Арлекин приподнял бровь.

Елена нахмурилась:

– Я не понимаю, какое они имеют отношение к этому.

Лицо Эррила помрачнело.

– Чтобы скрыть свой секрет, силура могут не отпустить нас.

– Они будут держать нас в заключении?

– Если повезет, – сказал Арлекин. – Есть более надежные способы заставить нас молчать.

Глаза Елены расширились.

Эррил смотрел на темный лес, где ждала мрачная армия:

– Нам бы лучше побыстрее уйти отсюда.

Следом за остальными Мерик ехал рядом с Нилан через темный лес. Наступила ночь, но луна еще не взошла. Путь им освещал единственный факел, который держала Торн, ехавшая на одной из лошадей охотников. Лес вокруг них становился все выше, закрывая небо паутиной ветвей. Звезды были едва видны.

– Я не могу поверить в то, что вижу, – прошептала Нилан, отрывая его от созерцания неба. – Это древний лес. Возможно, такой же старый, как сами Западные Пределы. Некоторые из этих деревьев не найти более нигде в мире. – Она указала на дерево со спиральным стволом, ветви которого росли через равные промежутки. – Словно гигантский оскал. Думают, что они исчезли столетия назад, но здесь растет одно.

– Я видела такие старые леса раньше, – возразила Брианна, ехавшая по другую сторону от Нилан. Она взглянула на пустую тропу. Ее голос был полон страха:

– Их мало в Пределах, но силура охраняют такие места. Охотники знают, что лучше не заходить в эти земли. В прошлом дровосеки пытались рубить ценное дерево, но все, кто пытался, были убиты изменяющими форму. Заходить в эти земли – смерть.

Мерик держал одной рукой поводья, другая лежала на рукояти его узкого меча, но прикосновение к стали не давало чувства уверенности. Силура не отобрали у них оружие. Это тревожило его больше, чем если бы захватчики связали их голыми.

– Этот лес – один из самых больших, что я когда-либо видела, – сказала Брианна тихо. – Должно быть, он тянется на целую лигу во всех направлениях.

– И он тянется еще дальше под землей, – сказала Нилан, удивление все еще звучало в ее голосе. – Древняя песнь деревьев приходит эхом из таких глубин, которые я едва могу слышать. Он соперничает с Локайера и становится гуще с каждым шагом. Должно быть, он тянется к самому центру земли.

Она оставалась безмолвной какое-то время, затем прочувствованно сказала:

– Как бы я хотела, чтобы Родрико был здесь и слышал эту песнь!

Мерик не мог разделить ее восторга. Тени окружали их со всех сторон. В этих тенях вспыхивали янтарные глаза, постоянно напоминая о присутствии армии изменяющих форму вокруг них.

Впереди неожиданно послышались голоса. Мерик переключил свое внимание на них. Факел их проводника замер у подножия высокого поросшего лесом холма. Лошади и всадники собрались вокруг; затем один отделился, направив лошадь назад. Оказалось, что это Арлекин подъехал к ним рысью.

– Мы достигли места сбора Совета, – сказал он, указывая на холм. – По ту сторону. Нам придется идти пешком.

– Идти пешком?

Арлекин кивнул, его золотые глаза горели гневом.

– Они заставили нас оставить все наше снаряжение с лошадьми, в том числе и оружие. Если у кого-нибудь найдут оружие, он будет тут же казнен.

Мерик стиснул рукоять меча крепче.

Арлекин, должно быть, заметил его движение:

– Торн говорит, долина по ту сторону холма – священная земля, и никто не может войти туда вооруженным.

Мерик нахмурился и ослабил хватку. Он соскользнул с седла, призвав свою стихийную энергию. Они могут забрать его клинок, но он не пойдет туда беззащитным. Он помог Нилан спешиться, охотники тоже слезли с лошадей. Каждый снял

меч, топор или лук, и повесил оружие на седло лошади. Мерик также привязал меч к седлу.

Арлекин рядом оставался в седле:

– Еще ты должен снять сапоги и перейти холм босым.

– Что? – переспросил Мерик, потрясенный странным требованием.

– Так сказала Торн... священная земля, – пожал плечами Арлекин. – Это их правила, не мои.

Он скинул сапоги ловким движением, поймал их руками, затем спрыгнул с седла.

– Мы должны уважать их желания, – сказала Нилан, подходя к валуну, чтобы сесть.

Мерик проворчал что-то вполголоса, но повиновался. Продолжая стоять, он наступил носком одного сапога на пятку другого. Вытащив ногу из сапога, он поставил ее на землю, и, когда его нога коснулась почвы, неожиданно почувствовал странную тяжесть – как будто кто-то повесил ему на спину сумку, полную булыжников. Мерик потерял равновесие. Размахивая руками, он едва не упал, прыгнув на свою обутую ногу. Когда он встал на ногу в сапоге, неожиданная тяжесть исчезла с его плеч.

– Мерик? – спросила Нилан, заметив его странный танец.

– Я в порядке. Просто закружилась голова после долгой езды, наверное, – он опустил вторую ногу на землю, и неожиданная тяжесть обрушилась на его плечи вновь. Он выругался, но удержал равновесие.

С выражением озабоченности на лице Нилан поднялась. Но, едва встав, она начала задыхаться и схватилась за грудь.

– Нилан! – он подошел к ней, согнувшись под тяжестью.

Она посмотрела на него больными глазами. Сияние ее кожи ушло. Ее медовые волосы стали просто соломенными, ее кожа теперь была скорее мертвенно-бледной, нежели белоснежной. Казалось, вся ее жизненная сила ушла.

– Я... я не могу больше слышать песню леса, – тихо заплакала она.

Мерик попытался бороться с тяжестью, давящей на плечи, при помощи своей стихийной магии, но обнаружил, что не может дотянуться до источника энергии ветра, хотя и ощущает

его. Он повернулся к остальным. Они смотрели на них с Нилан, нахмурившись.

– Что случилось? – спросил Арлекин.

У Мерика было подозрение. Он поднял босую ногу с земли, стоя на обутой. Он поднял руку, и искрящаяся энергия затанцевала вокруг его пальцев. Он снова почувствовал легкость в ногах. Сила ветра и воздуха была вновь в его распоряжении.

Затем он опустил босую ногу на землю. Как только она коснулась почвы, энергия ушла из его пальцев и тяжесть вернулась на плечи.

– Земля здесь... что-то отрезает нас от стихийной энергии.

Нилан наконец пришла в себя, но ее глаза были широко раскрыты.

– Мерик прав.

– Неудивительно, что они хотят, чтобы мы шли пешком в их священные земли, – сказал Арлекин. – Никакой магии.

– Они намерены оставить нас беззащитными, – сказал Мерик. Он стоял на странной почве. Так это то, что чувствует обычный человек, когда идет по земле? Он сделал несколько шагов, с трудом выдерживая тяжесть.

Нилан присоединилась к нему, протянув руку. Он взял ее, каждый из них искал утешение в другом, кто был в состоянии понять его ощущения.

– Я никогда не чувствовала ничего подобного, – прошептала она. – Я могу ощущать силу корней сердцем, но я не могу направить их в мою кровь.

– Я знаю. Словно моя магия заперта где-то, а я потерял ключи.

Впереди послышался зов.

– Нас призывают, – сказал Арлекин.

Мерик посмотрел на факел в руке Торн. Их проводник начал подниматься по склону. Они снова двинулись.

Вздрогнув, он стряхнул второй сапог. Разувшись, Мерик и Нилан пошли следом, рука в руке.

Достигнув подножия холма, Мерик заметил Джоаха – тот был без посоха, и Елена и Эррил почти тащили его на себе. В шаге позади них Гунтер взбирался на холм с Грешюмом, кото-

рого он тащил в одной из своих мясистых лап. Руки темного мага были связаны за спиной.

Мерик начал долгий подъем, сражаясь с тяжестью. Он никогда не думал, что магия стала частью его тела. Без нее земное притяжение давило на него так, словно увеличилось в десять раз.

Нилан тяжело дышала, словно пытаясь вобрать силу из воздуха.

– Я не могу услышать даже самый слабый шепот древесной песни. Мгновение назад она наполняла мир. Как я могу быть столь глуха к ней сейчас?

– Это все здешняя земля. Она высасывает наши стихийные способности – то же самое Чо сделала с магией Грешюма.

– Никогда не слышала о таком эффекте.

Мерик кивнул на горящий факел:

– Похоже, силура хорошо скрывают свои тайны.

Дальше разговор смолк: они поднимались. Все их силы уходили на то, чтобы поставить одну ногу перед другой. Вскоре они отстали от остальных. Слабый свет факела скрылся, когда Торн поднялась на холм и продолжила путь по другую сторону. Леса вокруг стали темнее. Только почти полная луна висела над ними, освещая путь.

– Еще немного, – пробормотал Мерик. Нилан кивнула. Задыхаясь и вспотев на холодном воздухе, они перешли вслед за последними из отряда через холм. И наконец Мерик увидел, что лежит по другую сторону.

– Милосердная Мать, – выдохнул он. С высоты он мог видеть на лиги вперед. Это был не холм – это был край гигантской чаши. Прямо перед ними раскинулась овальной формы долина, поросшая деревьями такого размера, что гиганты, которых они видели прежде, казались теперь веточками. Их ветви украшали светильники, словно звезды упали с небес и рассыпались по лесной чаще. Более крупные огни усыпали подлесок, сияя снизу.

Нилан схватила Мерика за плечо.

– Этого не может быть! Деревья...

Мерик покачал головой:

– Я не узнаю их.

– Как ты можешь? – пробормотала она, падая на колени, несмотря на то что держалась за его руку. – Это Древние.

Он опустился на колени рядом с ней и посмотрел на ближайшее дерево. Оно поднималось со дна долины и возвышалось над краем чаши. Его кора была белой, словно у березы, но широкие листья были цвета пылающей меди, словно осень пришла раньше времени в эту летнюю долину.

Нилан взглянула на него; слезы стекали по ее щеке.

– Древние пришли прежде, чем даже появилась коакона, прежде чем наши народы пришли в мир. Это от Древних берут начало все остальные деревья, – она всхлипнула. – Мы думали, что они вымерли за бессчетные столетия. За время нимфаи, все, что осталось от этих древних деревьев, – лишь несколько пней, пустых и мертвых, затерянных в лесных чащах. Роща, подобная этой, не может существовать, – она с мольбой смотрела на него. – Нимфаи должны были знать об этом!

Мерик оглядел рощу.

– Возможно, нет, если они выросли из этой земли. Ты сама сказала: здесь ты глуха к любой древесной песне. Может быть, сама Земля прячет эту рощу.

– Но почему? – спросила она, вновь глядя на лес.

Он покачал головой:

– Силура могут знать.

Нилан поднялась на ноги:

– Я должна выяснить. Я должна поговорить с этими древними деревьями.

Мерик помог ей спуститься по склону, они шли по следам остальных. Только сейчас он заметил тени, движущиеся между кострами впереди. Он думал, что целая армия изменяющих форму сопровождала их, но собравшихся здесь было в сотни раз больше. Спускаясь в долину, он осматривался. Животные всех видов наполняли лес: неповоротливые медведи, быстрые олени, передвигающиеся скачками волки, скользящие меж деревьев лесные коты. Крылатые существа взмывали вверх и ныряли вниз: орлы, рухи, огромные золотые соколы. Но эти животные были лишь небольшой частью

собравшихся. Большинство обитателей этой рощи имели смешанные черты.

Маленький мальчик пробежал мимо них. Вместо волос он носил корону из перьев, а позади – длинный пушистый хвост. Он замер, глядя широко открытыми глазами на чужаков, его янтарные глаза сияли.

– Финч! – резко крикнула женщина, вышедшая из-за куста. Она была стройной и высокой, ее кожа была укрыта гладкой шкурой с мехом в черную и белую полоску. – Отойди от чужаков!

Мальчик запрокинул голову, словно птица, затем взглянул на старшую. Его глаза засветились ярче, когда они безмолвно разговаривали.

– Не спорь со мной. Иди к нашему костру! – она указала рукой.

Мальчик устремился в лес, его хвост флагом летел за ним. Женщина посмотрела на пришельцев, сузив глаза, затем повернулась быстрее, чем глаз мог уследить за ней, и прыжками последовала за ребенком.

Мерик потерял ее между деревьями и кустами. Но вокруг него был целый калейдоскоп различных форм и обликов. Большинство смотрело с любопытством, но на иных лицах можно было прочитать враждебность и осторожность.

Мерик ускорил шаг, сокращая расстояние, отделявшее их от отряда, где Брианна смотрела на зрелище вокруг с открытым ртом.

– Я и представить не могла, что их будет так много. Здесь, должно быть, собрались силура со всей округи, может быть, со всех Западных Пределов.

Мерик рассматривал огни, разбросанные по долине. Женщина-охотник была права.

Впереди Елена и Эррил помогали Джоаху идти, Арлекин и Гунтер присматривали за темным магом Грешюмом. Торн велела остановиться:

– Ждите здесь. Я должна предупредить о вашем прибытии.

Она исчезла впереди.

Елена взглянула на Мерика и Нилан:

– Джоах думает, что земля здесь высасывает его стихийную силу, но он так измучен, что не уверен в этом.

– Твой брат прав, – сказала Нилан. – Мы отрезаны от нашей магии.

– Мы вошли в звено, – сказал Грешюм спокойно, но Мерик почувствовал нотку удивления в его голосе.

– Что за звено? – спросила Елена.

Грешюм пожал плечами.

Гунтер встряхнул его:

– Отвечай девушке!

Грешюм бросил взгляд на своего крупного бородатого спутника.

– Гунтер, ты охотник, и я думаю, что у тебя есть что-то вроде компаса, чтобы найти путь в этих бесконечных лесах. Могу я увидеть его?

Мужчина нахмурился, но его сестра кивнула. С ворчанием он полез в карман своей куртки и вытащил мешочек. Он вывалил его содержимое на ладонь: маленькая чаша и кусочек пробки с вставленной в него полоской магнитного камня.

– Магнитный камень чувствителен к энергии мира, – объяснил Грешюм. – Используемый умело, он будет указывать на истинный север.

– И? – озвучил Гунтер мысли всех остальных.

Грешюм кивнул на руку крупного мужчины:

– Иди вперед и попробуй.

Высокий мужчина ухмыльнулся, но его сестра сказала:

– Делай, как он просит, Гунтер.

Охотник опустился на одно колено, поставил чашу, затем отцепил кожаную флягу от своего бедра. Он наполнил чашу и пустил пробку плавать на поверхности воды.

Мерик придвинулся ближе. Пробка и магнитный камень слегка повернулись, словно пытаясь указать на истинный север, но вместо этого они стали крутиться вокруг собственной оси, все быстрее и быстрее. В чаше поднялся вихрь, вода выплескивалась с обеих сторон.

– Звено, – сказал Грешюм. – Здесь энергии Земли находятся в постоянном движении. И, как и магнитный камень, стихия не

сможет найти здесь равновесия. – Он кивнул Мерику и Нилан: – Вы не потеряли свою силу. Вы просто не можете настроиться на энергию Земли.

Мерик смотрел, как вертится магнитный камень.

Впереди внезапно послышалась музыка. Все повернулись, чтобы посмотреть. Под сплетением ветвей назойливо звучали флейты и дудочки под аккомпанемент ударов по натянутой коже и пустому дереву. Вокруг них бормотание и невнятные голоса притихли, и, когда установилась тишина, музыка словно заиграла громче.

Торн шагала к ним, у нее больше не было факела.

– Совет ждет, – возвестила она и дала знак следовать за ней.

Гунтер убрал свой магнит, и все пошли следом за своим проводником. Нилан вложила свою руку в ладонь Мерика. Пока они шли, она оглядывалась по сторонам:

– Звено... и здесь стоят Древние.

– Ты думаешь, это что-то значит?

Ее глаза сузились, и она покачала головой.

Мерик почувствовал, что она чего-то не договаривает, но он знал, что лучше на нее не давить. Ей нужно время, чтобы обрести душевное равновесие. Поэтому он продолжил идти молча.

С каждым шагом музыка звучала все быстрее. Рога присоединили к флейтам глубокий и скорбный звук, в то время как барабаны продолжали отбивать торжественный ритм. Торн зашагала живее.

Эррил помогал Джоаху идти.

– Мне это не нравится. Нас могут заманить в ловушку.

– Ловушка или нет, – сказал Арлекин, – похоже, у нас нет другого выбора, кроме как идти прямо в нее.

Мерик оглянулся. Тысячи янтарных глаз смотрели в их направлении – не на них, но туда, куда они направлялись.

– Лес расступается впереди, – сказала Нилан.

Мерик осмотрелся. Торн вела их под арку из ветвей. По ту сторону входа лунный свет сиял ярче, не скрываемый густой листвой. Купаясь в серебре, их взгляду предстал широкий луг, мягко спускающийся к центру от кромки леса, обрамлявшего его.

Мерик смотрел на открывшуюся поляну.

Перед ними склон, поросший травой, плавно спускался к широкому озеру посередине. Остров в его центре выступал из темных вод, и на этом маленьком кусочке суши рос один из самых больших Древних. Его ствол был в два раза толще, чем у любого из виденных ими прежде гигантов, и его ветви были короной из слоновой кости и золота.

Отряд смотрел на открывшееся зрелище, застыв на месте. Невидимые музыканты при их появлении прекратили играть. Полная тишина воцарилась в долине.

Внизу, у подножия гигантского дерева, воды озера не были спокойны. Они медленно колебались, и создавали непрекращающийся водоворот, как если бы поднимались снизу.

Мерик знал, на что он смотрит.

– Сердце звена, – прошептала Нилан рядом с ним.

Эррила больше интересовало кольцо людей у кромки воды, чем озеро и гигантское дерево. Двадцать мужчин и женщин, одетых в простые белые плащи, стояли, словно стражи, на берегу озера. У каждого в волосах был венок из медных листьев.

– Совет Вишну, – торжественно возвестила Торн и обвела взглядом отряд: – Идем.

В тягостном молчании отряд последовал за ней вниз по склону. Впереди старейшины силура подошли к кромке воды. Эррил одним глазом наблюдал за ними, другим – за окружающим лесом. Хотя он не заметил ни одной пары золотых глаз среди деревьев, он чувствовал, что все внимание сконцентрировано на этой встрече.

Эррил передал Джоаха Арлекину. Освободившись, он сделал знак Елене встать на шаг впереди него. Нужно было убедить Совет, что урон их лесу был нанесен, чтобы защититься от более опасного зла. Но пока в суровых лицах он не видел ни тени симпатии.

Торн подошла к широкоплечему мужчине, который возвышался над всем Советом. Она опустилась на одно колено:

– Отец.

Его лицо чуть смягчилось.

– Встань, дитя. Этой ночью отбросим формальности.

Торн поднялась на ноги и повернулась к остальным:

– Отец, это те, кого ты велел моим охотникам доставить к тебе.

Высокий мужчина смотрел на их отряд.

– Я старейшина, – сказал он. – Я уже знаю, кто вы такие.

Его глаза остановились на Елене с явным подозрением.

– И я слышал о том, что вы заявляете, будто невиновны, ибо более великая война за пределами нашего леса привела к недавнему разрушению.

Эррил выступил вперед:

– То, что мы заявляем – правда.

Мужчина не отвел взгляда от Елены:

– Это будет решено сегодня ночью.

За его спиной воды озера начали двигаться сильнее, словно почувствовав состояние старейшины. Эррил уловил какое-то движение в темных водах, но, как только он попытался рассмотреть получше, все исчезло.

Елена придвинулась к Эррилу. Она стояла прямо под жестким взглядом старейшины.

– Спрашивай, что ты хочешь. Мы ответим честно. Мы не хотим ничего скрывать. Но для начала мы хотим уверить тебя, что разрушение в твоих родных землях не было результатом злого умысла против народа этих земель. В каждом случае была более значительная угроза.

Взгляд старейшины скользнул к Грешюму.

– Это мы слышали.

– Если вы слышали так много, то почему мы здесь? – пробормотал Арлекин позади.

Шепот коротышки не остался незамеченным.

– Вы здесь для того, чтобы доказать сказанное вами, – сказал старейшина. – И ответить на другие вопросы.

Елена снова заговорила:

– Мы сделаем все, что можем, чтобы помочь тебе понять нашу цель.

Старейшина кивнул:

– Хорошо сказано, девочка. Тогда расскажи нам, что случилось с Могвидом и Фердайлом.

Елена бросила взгляд на Эррила, вопрос застал ее врасплох. Эррил ответил за нее:

– Близнецы пришли к нам, запертые в принятых ими формах – один волк, другой человек.

– Это я знаю. Это я изгнал их из наших лесов.

Эррил кивнул:

– Они рассказали нам, как они были изгнаны за то, что больше не могли изменять форму.

Старейшина не стал ни подтверждать, ни отрицать его слова.

– А сейчас? Что стало с братьями?

Эррил поморщился:

– При помощи магии целительного яда змеи их тела соединились, став одним. Фердайл владеет телом в течение дня, Могвид – ночью. Но они вновь могут изменять форму как силура.

Старейшина выглядел пораженным, и другие члены совета начали переговариваться. Наконец старейшина поднял руку, призывая к тишине:

– То, что ты сказал, – правда?

Эррил кивнул, выпрямившись:

– Клянусь честью.

Старейшина закрыл глаза.

– Тогда то, на что мы надеялись, потеряно навсегда.

Предводитель силура вздохнул, его плечи опустились.

– Ваша война причинила больший вред нашим лесам, чем поваленные деревья и иссушенные озера. Она исказила то, в чем была надежда всего нашего народа. – Он повернулся к остальным членам Совета. Их глаза пылали ярким янтарем, когда они мысленно переговаривались, совещаясь.

Торн подошла к Эррилу:

– Мой отец возлагал слишком много надежд на Могвида и Фердайла, – ее слова стали горше: – Мы потратили больше двух зим из-за слов давно умершего пророка.

Эррил повернулся к охотнице:

– Возможно, вы наконец поделитесь тем, что скрываете? У Елены достаточно силы, чтобы спалить твоих охотников и тем самым расчистить себе путь, но она пришла сюда, потому что ее сердце болит за всех, кому безвинно причинен вред в нашей войне. Она пришла, чтобы что-то исправить, объяснить и ничего не скрывать от твоего народа.

Елена подошла к нему. Эррил почувствовал, как она взяла его за руку и сжала пальцы.

Он продолжил, не скрывая свою страсть:

– Фердайл... даже Могвид... они показали себя храбрыми союзниками в нашей войне. Если есть что-то еще, что нам следует знать, что-то, что поможет нам либо помочь им, либо понять, что случилось с ними, тогда ты должна объяснить нам это.

В лице Торн появлялось все больше боли с каждым его словом. Наконец она не смогла молчать.

– Ты думаешь, я не хочу помочь им? – резко спросил она. – Фердайл был моим мужчиной. – Она отвернулась. – Но у моего отца не было выбора. Только после того как они покинули леса, только после того как я обнаружила, что жду ребенка, мой отец рассказал мне об истинной причине изгнания.

– Скажи нам, – убеждал ее Эррил. Елена кивнула. Постепенно рядом собрались остальные, вслушиваясь, но держась на почтительном расстоянии.

Торн встретила взгляд Елены, в ее глазах блестели слезы.

– История начинается в далеком прошлом, когда леса Западных Пределов были юны. Говорили, что наш народ был рожден самой Землей, рожден, чтобы править этим великим лесом. – Она взглянула на озеро и на гигантское дерево. –Самые старые предания говорят, что первый из нашего народа вышел из этого самого озера. Рожденная из воды, наша плоть может течь, словно вода, позволяя нам принимать форму всех лесных созданий. – Охотница обвела взглядом кольцо лесов. – Это священное место. Это первые деревья, что выросли на этой земле.

– Древние, – прошептала Нилан позади.

Торн кивнула:

– Из этих деревьев были рождены все остальные. Все Западные Пределы вышли из этой рощи, как и наш народ. Наши жизни связаны.

– Ты говоришь о том, что вы связаны с этими деревьями, как нимфаи связаны со своими? – спросила Елена.

Торн покачала головой, бросив взгляд на Нилан.

– Нет, наша связь иная. – Торн посмотрела на озеро и на огромное древнее дерево с белой корой. – Скорее, не одно дерево привязано к одной личности, а целый народ привязан к одному дереву. Мы – его дети.

Потрясенная тишина повисла над отрядом.

– Как такое может быть? – спросила Нилан. – Ты дала жизнь ребенку Фердайла.

Торн вздохнула:

– Только наши души привязаны к дереву, не наши тела. Каждый новорожденный силура духовно связан с деревом. Это наш Корень Духа. Без этой связи мы истаиваем... Сначала уходит наша способность изменять форму, затем сами наши жизни.

– Не удивительно, что это тайна, – прошептал Арлекин у плеча Эррила.

Эррил взглянул на коротышку, прочитав многозначительное выражение в его прищуренных глазах. Будет ли им позволено уйти с таким знанием?

Эррил повернулся, нахмурившись. Однажды ступив на путь, не поворачивают назад.

– И это как-то касается истории с Фердайлом и Могвидом? – проворчал он.

Торн кивнула:

– Я приду к этому, но вначале я должна рассказать об угрозе, что появилась пять веков назад.

– Когда Аласия подверглась нападению Темного Лорда, – заметил Эррил.

– Мы мало знаем об этом, – сказала Торн. – Но в это время великое землетрясение встряхнуло наши земли. Оно продолжалось три дня и три ночи. Деревья падали, реки повернули вспять, и землю раскололи трещины.

Эррил кивнул:

– Я помню эти землетрясения. Они случились, когда южные равнины Стенди были затоплены Темным Лордом и превращены в болота Топких Земель.

Торн прищурила один глаз:

– Ты помнишь землетрясения? Как это может быть?

Эррил отмахнулся от ее вопроса:

– Продолжай. Что случилось после землетрясения?

Торн некоторое время смотрела на него с подозрением, затем продолжила:

– Даже здесь, в нашей родной роще, мы потеряли половину древних деревьев...

Нилан застонала:

– Так много Древних потеряно...

– Но истинного вреда мы не знали целое столетие. – Охотница взглянула на центральное дерево. – Корень Духа тоже был поврежден землетрясением. Вожди того времени заметили...

– Торн, – перебил ее суровый голос, заставив замолчать.

Они обернулись и увидели, что Совет вновь смотрит на них. Старейшина стоял впереди с суровым лицом:

– Торн, ты говоришь необдуманно.

– Отец, они имеют право знать.

– Тайны силура...

– ...станут роковым для нас всех, – резко закончила Торн. – Слишком долго мы отворачивались от мира, скрываясь в лесах. Эту слепоту нужно обвинять в разрушении Западных Пределов не меньше, чем этих людей.

Лицо ее отца помрачнело.

– Это не тебе решать.

Торн сжала губы, сложив на груди руки.

Старейшина повернула к Эррилу и Елене:

– Есть способ проверить ваши слова, – сказал он. – Древний ритуал, используемый силура для того, чтобы открыть правду в вашем сердце.

– И что это за ритуал? – спросил Эррил.

Высокий мужчина указал на центральное озеро. По его сигналу совет отступил к кромке воды, выстроившись вдоль берега.

– Корень должен оценить твой дух.

Торн выпалила:

– Отец, это нечестно! Корень Духа не отвечал веками.

Глаза ее отца вспыхнули.

– Снова, дочь, я попрошу тебя придержать язык, или тебя уведут отсюда.

Лицо Торн вспыхнуло, но она повиновалась.

Эррил выступил вперед:

– Скажи нам, что мы должны делать, чтобы доказать свои слова.

Старейшина мгновение смотрел на свою дочь, затем вновь повернулся к Эррилу. За его спиной Совет все так же стоял вокруг озера, но теперь они взялись за руки. Однако в этой цепи оставалась брешь. Пустое место ждало их предводителя, чтобы замкнуть круг.

Старейшина обратился к отряду:

– Корень должен судить одного из вашего отряда. Если вы говорите правду, Дух Корня поднимется и подтвердит это. Но горе вам, если вы говорите неискренне.

Елена выступила из-за спины Эррила:

– Я сделаю это.

– Нет, – Эррил схватил Елену за руку. – Ты не должны рисковать собой.

Она высвободила руку, мягко, но твердо:

– Мы должны уважать их обычай.

– Тогда позволь мне взять это на себя.

Елена отвернулась от Совета и подошла ближе, глядя ему в глаза. Ее голос упал до доверительного шепота:

– Эррил, мне нужно сделать это.

В ее глазах была боль.

Он потянулся к ее щеке, желая уменьшить эту боль. Но опустил руку. Он увидел ее желание в ее сердце. Елена хотела, чтобы ее судили. Скорбь и трагичность прошедшей половины месяца давила на нее, и это был шанс облегчить ее бремя, получить признание, что они сражались за правое дело, что невинные, погибшие в этой войне, отдали свои жизни не впустую.

Он взял ее руку в свою:

– Елена...

– Я буду осторожна. – Она прильнула к нему. – И я не беззащитна. Моя магия не ослабла из-за звена. Рожденные кровью, мои силы остаются при мне.

Он поднял ее затянутую в перчатку руку и приложил к ее груди, там, где сердце.

– Однако помни, где лежит твоя величайшая сила.

Елена передвинула свою руку на его грудь:

– Как я могу забыть?

Эррил очень хотел поцеловать женщину, которую любил. Ему пришлось приложить все силы, чтобы удержаться. По его телу пробежала дрожь, и дыхание стало глубже.

Елена, должно быть, почувствовала бурю в его душе и нашла способ помочь ему. Она потянулась вверх и мягко поцеловала его в губы, едва коснувшись дыханием, прикоснувшись кожей к коже. Она заговорила, не отрывая губ:

– Я не позволю ничему разлучить нас.

Ее прикосновение и слова лишили его сдержанности. Он прижал ее к себе, обратив мягкий поцелуй во что-то более глубокое, прежде невиданный жар страсти. Но сейчас было не время изучать эти глубины. Оба они знали правду и отодвинулись друг от друга одновременно. Только их взгляды оставались соединенными.

Арлекин пробормотал:

– Возможно, им обоим неплохо бы окунуться в холодное озеро.

Эррил бросил сердитый взгляд на коротышку.

– Если вы готовы, – сказал старейшина, – Корень Духа ждет.

Елена кивнула, но Эррил удержал ее руку еще на мгновение:

– Будь осторожна.

Она сжала его пальцы:

– Буду. Не забудь мое обещание.

Она повернулась и присоединилась к старейшине.

Когда они ушли, слова Елены эхом звучали в его сердце: «Я не позволю ничему разлучить нас». Он молился, чтобы она смогла сдержать это обещание.

Отряд пошел следом, но только Елене было позволено пройти за кольцо членов Совета. Она ступила на берег озера и повернулась к старейшине, когда изменяющий форму закрыл брешь в круге.

– Покажите мне, куда я должна идти.

Глава Совета снял шнур со своей шеи. На шнуре висел длинный обломок белого дерева, отполированный до блеска и с острым концом. Он отдал его Елене:

– Символ синхронизации, частица самого Корня Духа.

Елена приняла талисман.

– Ты должна проколоть палец и уронить каплю крови в озеро.

– Кровь? Для чего?

– Корень должен попробовать твою кровь, чтобы судить о твоем сердце.

Старейшина соединил руки с остальными членами Совета, замыкая круг. Как только он сделал это, его рука срослась с рукой его соседа.

Эррил увидел, как изменяющий форму соединялся с изменяющим форму, образовывая кольцо текущей плоти, обхватывающей озеро и таинственное дерево.

Елена смотрела на кусочек дерева:

– Возможно, нам стоит выбрать другого...

– Круг сформирован и не может быть разорван, – возвестил старейшина, его голос стал глубже и звучнее.

Губы Елены сжались в тонкую линию. Она посмотрела на озеро и стянула перчатку. За ее спиной никто не заметил рубиновый оттенок ее кожи.

Эррил подошел ближе, его руки сжались в кулаки.

Голос Торн мрачно произнес рядом с ним:

– Здесь нечего бояться, житель равнин. Со времен землетрясения, случившегося пять веков назад, Корень спокоен. Прошли века с того момента, как Корень поднимался из священного озера.

Эррил молился, чтобы охотница оказалась права.

– Тогда расскажи мне, что случилось здесь, – попросил он. – Что случилось пять столетий назад?

Торн взглянула на отца, когда песнопение послышалось из круга. Она не решалась, затем придвинулась ближе:

– Корень – живое сердце нашего народа, – сказала она, кивнув на дерево. – Он руководил нами и делал предсказания для нашего народа на протяжении неисчислимых веков. Он говорил голосом и мудростью тысячелетий. Но после землетрясения Корень затих. Иногда он двигается, но все контакты со старейшиной, избранным самим Корнем Духа, чтобы вести наш народ, прекратились. Последний раз Корень двигался, когда был избран мой отец, чтобы заменить прежнего старейшину.

– Но что Могвид и Фердайл могли изменить?

Торн вздохнула, затем проговорила:

– Последний раз, когда Корень говорил, в последний день землетрясения, он общался со старейшиной того времени. Корень сказал, что темные времена грядут и братья-близнецы будут рождены средь нас. Этих близнецов можно будет узнать по проклятью, лежащему на них, и они должны быть посланы слепыми в мир. Эти двое либо ознаменуют начало новой жизни для нас, либо же возвестят о нашем конце, и это зависит от того, исцелятся ли они когда-либо.

– И что с этим новым изменением проклятья, лежащего на близнецах?..

Торн покачала головой:

– Оно означает конец для нашего народа.

Между тем пение прекратилось, и старейшина кивнул:

– Луна близка к своей высшей точке. Начнем.

Елена повернулась. Внутри круга из текущей плоти она поместила символ синхронизации силура напротив рубинового пальца своей правой руки.

– Под этой луной, – продолжал голос старейшины торжественно, – да вкусит Корень крови обвиняемой!

Елена пронзила свой палец острым концом белой щепки. Эффект последовал незамедлительно и был ослепляющим. Символ синхронизации ярко вспыхнул пламенем и мгновенно обратился в пепел.

Ошеломленный крик поднялся от объединенного Совета.

Елена показала свои пустые руки, когда пепел упал на ее пальцы.

– Святотатство! – крикнул кто-то из кольца Совета.

Эррил бросился было к Елене, но внезапное движение всколыхнуло поверхность озера.

– Елена! – крикнул он предостерегающе.

Она взглянула на него смущенно.

Позади нее воды неожиданно взорвались. Огромное чудовище появилось на поверхности, извиваясь к небу и окатывая все вокруг водой. Это был чудовищный белый червь, вооруженный движущимися щупальцами.

– Корень! – выдохнула Торн. – Он пробудился!

После этих слов Эррил понял, что первое впечатление было ошибочным. Существо из озера не было червем, это был покрытый белой корой мокрый корень с множеством извивающихся отростков и волокон.

Члены совета как один потрясенно вскрикнули, увидев это чудо.

– Корень Духа посчитал, что ты достойна! – крикнул старейшина. – Он поднялся из глубин впервые за такое долгое время!

Елена была отброшена назад внезапным появлением живого корня. Она съежилась на земле, вся мокрая от обрушившейся на нее воды.

– Что мне делать теперь? – крикнула она членам Совета.

– Ничего! – сказал старейшина. – Корень признал тебя! Твое сердце признано чистым. Суд окончен!

Елена отвернулась от озера.

– Все закончилось? – пробормотал Эррил.

Члены Совета начали отделяться друг от друга, вновь создавая свои руки и отходя один от другого. Когда цепь была разорвана, корень начал вновь погружаться в озеро.

Голос Торн был полон изумления:

– Я никогда не думала, что увижу корень в движении. Это удивительная ночь! Она дала всем нам надежду.

Голос старейшины эхом вторил словам дочери:

– Возможно, еще не все потеряно.

Елена повернулась к предводителю силура. Она все еще дрожала. Ее взгляд нашел Эррила. Она кивнула, давая знать, что все в порядке.

Корень ушел под воду, лишь несколько ответвлений извивались над поверхностью воды. Но внимание Эррила привлек неожиданный водоворот ближе к берегу. Путаница белых корней вырвалась из глубин и схватила Елену. За миг, равный удару сердца, она была поднята высоко в воздух.

– Елена! – крикнул Эррил, прыгая вперед. Старейшина был потрясен этим нападением. Торн также застыла пораженная. Эррил пробежал мимо обоих.

Пойманная в сеть извивающихся корней, Елена тщетно сопротивлялась. Ее крик достиг его ушей:

– Эррил!

Затем со скоростью удара хлыста путаница корней рывком протащила свою жертву к озеру и под воду. Громкий всплеск отметил удар.

Эррил поскользнулся на грязи и съехал на коленях к кромке воды. Волны колыхались у берега, затем быстро успокоились. Залитое лунным светом озеро, затененное ветвями гигантского дерева, было черным, словно смола. В его глубинах ничего нельзя было различить.

Он поднялся, готовый нырнуть, но Торн схватила его за руку:

– Входить в эти воды – смерть. Течение затащит и тебя туда.

Эррил сбросил ее руку, вглядываясь в воду, и в отчаянии прошептал, словно молитву:

– Елена...

Глава 14

Оплетенная корнями, Елена в страхе задержала дыхание. Ее глаза широко распахнулись, ища пути к спасению. Тьма сомкнулась вокруг нее, и холод пробирал до костей. Давление воды росло в ушах, по мере того как ее затягивало глубже.

Отчаявшись освободиться, она потянулась к хору дикой магии в ее душе и направила ее к своей раненой руке. В темноте ярко вспыхнул алый факел – ее ведьмин огонь, вытекающий из проколотого пальца. Единственное прикосновение обратило талисман силура в пепел. Возможно, это поможет ей освободиться сейчас.

Но часть ее противилась такому действию. Она чувствовала, что может прожечь себе путь через это сплетение корней, но если она атакует при помощи своего магического огня, каковы будут последствия? Она вообразила, как все дерево обращается в пепел, как тот кусочек. И если дерево будет уничтожено, что станет с силура? Может ли она поставить под угрозу существование целого народа? Стоит ли ее собственная жизнь такой цены? Она понимала свою роль в предсказаниях и предзнаменованиях. Она знала, что сражение с Темным Лордом

важнее всего. Но здесь и сейчас судьба целого народа повисла на волоске.

Давление продолжило расти в ушах. Крошечные огоньки начали плясать в глазах из-за нехватки воздуха. Если бы она была свободна, она могла бы действовать.

Она разожгла свой магический факел ярче.

«Не заставляй меня делать это...»

Ничто не ответило в холодных водах.

Ее легкие горели от нехватки воздуха.

Она закрыла глаза и обратилась к своему ведьминому огню. Лица промелькнули перед ее внутренним взором: Фердайл, Могвид, даже Торн, гордая охотница, стоящая перед своим отцом. Она напоминала тетушку Ми, изменяющую форму, которая любила ее как дочь. И среди лесов их было еще так много. Так много других историй, так много жизней. Была ли ее собственная жизнь намного важнее?

Елена сжала раскрытые пальцы в кулак, возвращая магию назад. Есть цены, которые она не желала платить. Она прекратила бороться и отдалась во власть холода.

Как только она прекратила паниковать и расслабилась, в ее сознании зазвучали слова, которые произносил знакомый голос:

«Дитя... крови и камня...»

Ей потребовалось мгновение, чтобы вспомнить, когда она слышала эти слова прежде. Ее обоняние наполнило воспоминание о дыме горящего дерева. Ее слух вспомнил крик охотящегося хищника. Это было воспоминание о горящем фруктовом саде, об огне, который отметил начало ее долгого пути. Она и Джоах искали убежище в пустом остове огромного дерева. Она дала гигантскому пню имя: Старец. Ночью, когда они укрылись там, она слышала этот голос. И запомнила слова: «Дитя... крови и камня... просьба... найди моих детей...»

И вот снова. Слова заполняли ее разум:

«Дитя... крови и камня... услышь меня...»

Елене было трудно сосредоточиться. Ее сердце колотилось в ушах. Танец огоньков перед глазами стал беспорядочнее: она была близка к обмороку от нехватки воздуха. Нилан называла

эти доисторические, первозданные деревья Древними. Был ли тот древний пень, Старец, одним из этих деревьев?

Слова зазвучали в ее мозгу:

«Услышь меня... Дыши...»

Елене ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Она перестала задерживать дыхание. Вода хлынула в нее через рот и нос, оглушая, заставляя давиться, заполняя своей холодной тяжестью грудь.

«Дыши...»

И, к своему удивлению, она поняла, что может дышать. Ощущение того, что она задохнется, ушло. Она вдохнула и выдохнула. Это было странное ощущение – вдыхать и выдыхать в холодной воде. Крошечные пятнышки в глазах исчезли.

«Вдыхай живую воду...»

Оплетающие корни выпустили ее, мягкое сияние начало исходить от более мелких корешков – чистый белый свет. Ей не нужны были зачарованные глаза, чтобы узнать в нем стихийную энергию. Сияние исходило от корешков и шло к основному корню. Свет усиливался, и вместе с ним приходило глубокое тепло, прогонявшее холод воды.

Она парила на одном месте. С легкими, полными воды, Елена утратила природную способность держаться на поверхности.

Она заговорила в воде; это было не менее странное ощущение – говорить с водой во рту. Ей самой слова казались невнятными, но она чувствовала, что кто-то их слушает.

– Кто ты?

«Мы Стражи, Древние, Корень мира. Ты была признана достойной».

Бровь Елены изогнулась.

«Ты выбрала то, что значительнее одной личности».

Елена медленно начала понимать. Она решила не сжигать Дерево Духа, защищающее судьбу народа. Это было испытание, и она прошла его. Однако внутри нее продолжал гореть огонек гнева.

И это почувствовали.

«Тебя снова испытают, дитя крови и камня... это мы знаем. В следующий раз будет намного хуже».

Елена поверила этим словам, и дрожь страха прошла через нее.

– Почему я здесь? – спросила она. – Что ты хочешь от меня?

«Наши дети... народ текущей воды и плоти...»

– Силура?

Она почувствовала согласие с ее словами.

«Пришло время им покинуть леса. Чтобы защитить свой дом, сейчас они должны покинуть его».

– Покинуть? Куда они уйдут?

«Туда, куда ты возьмешь их».

Елена была потрясена.

– Куда я возьму их? – она смотрела на сияющую массу корней. – Почему я?

«За горами темный корень, извиваясь, змеится к сердцу мира. Чтобы защитить себя, мир сжимается, сворачиваясь вокруг собственного ядра»

– Я не понимаю.

«Наше время стражей кончилось».

Слова слышались слабее, сияние меркло. Елена почувствовала, что Корень Духа, должно быть, спал веками, накапливая силы для этого последнего разговора. Сейчас он быстро угасал.

«Та, что пришла, прежде чем был предсказан твой приход... предсказан приход этой тьмы... Она знала, что ты придешь...»

Корень запылал ярче. Елена надеялась, что это был знак вновь обретенной жизненной силы, но свет быстро угас. Под ней что-то двигалось, поднимаясь из глубин.

«Она знала, что ты придешь...»

Извивающийся корень дернулся вверх. Что-то в его хватке укололо ее; у нее не было выбора, кроме как взять это. Она смотрела в ужасе на то, что лежало в ее руках... на рукоять, на которой была вырезана роза.

«С этим знаком веди наших детей ... – голос стал едва различимым шепотом. – Забери их туда, где они должны быть...»

– К-куда же? – взмолилась Елена.

«К близнецам... Близнецам... Близнецам...»

С каждым угасающим отзвуком эха сияние меркло, тускнея в воде, пока вокруг Елены не осталась только тьма.

Корень Духа умер – и вместе с ним умерла магия, разлитая в воде.

Через мгновение Елена обнаружила, что не может дышать. Ее легкие, мгновение назад наполненные живой водой, теперь заполняла просто холодная вода озера. Она начала задыхаться; ее тело, словно налитое свинцом, тянуло ко дну. Она запрокинула голову и увидела слабый отблеск лунного света, невероятно далеко. Она боролась с водой, но лик луны становился все меньше, по мере того как она опускалась глубже.

Чернота сомкнулась вокруг нее, глубины, из которых ей было не выбраться.

«Эррил... помоги мне...»

Вскарабкавшись на берег, Эррил смотрел на священный водоем, и его сердце колотилось в ушах. Остальные собрались вокруг – его отряд и члены Совета.

Его прежнее отчаянное желание нырнуть вслед за Еленой уменьшилось, когда озеро начало светиться. Сияние, шедшее из глубины, превратило поверхность озера в серебро.

– Чистая стихийная энергия, – прошептала Нилан.

У старейшины слезы стояли в глазах.

– Корень Духа! Я слышу эхо его голоса.

Торн взяла отца за руку:

– Это чудо.

Эррил знал, что Елена жива – но надолго ли? Сердце сжималось, словно кулак, в его груди, когда он смотрел на то, как угасает сияние озера, готовое померкнуть в любой момент.

И затем озеро стало темным и тихим.

Эррил повернулся к старейшине:

– Ты все еще слышишь голос Корня?

Пораженное лицо мужчины было достаточным ответом. Глава силура упал на колени.

Торн опустилась на землю рядом с ним:

– Отец!

– Что происходит? – спросил Эррил – Что с Еленой?

Старейшина опустил руки в грязь, покрывавшую берег.

– Он ушел, – прошептал он.

Эррил вновь повернулся к озеру:

– Нет!

Ужас сжал его сердце, и он нырнул в глубину. Холод воды пронзил его, но страх обжигал кровь. Он плыл, направляясь вниз, во тьму.

«Елена...»

Он почувствовал, как что-то потянуло его вниз, в глубину, и надежда вспыхнула в его сердце. Было ли это магией Елены? Затем мягкое прикосновение превратилось в хватку, из которой было не вырваться. Это не ее магия, понял он, это течение в озере. Он пойман в водоворот. Сперва он сражался с течением, но спустя какое-то время прекратил сопротивляться. Елена там, где-то внизу. Пусть течение опустит его на дно – если у этого озера вообще есть дно.

Когда темнота вокруг стала непроницаемой, Эррил потерял ориентацию в пространстве. Поднимался он или опускался? Единственное, по чему он мог судить, – нарастающее давление в ушах. На груди он также чувствовал вес воды, как если бы озеро выдавливало воздух из его легких.

Торн была права. Это верная смерть – входить в этот коварный водоворот. Но смерть была малой ценой за шанс спасти Елену или хотя бы обнять ее в последний раз.

«Эррил... помоги мне...»

Сначала он подумал, что его измученный рассудок породил эту мольбу. Но сердце надеялось.

«Елена!»

Он заметил серебряный свет, льющийся издалека снизу, из самой тьмы. Течение уносило его вниз, к источнику слабого света.

Когда он приблизился, то увидел, что сияние исходило из серебряного жезла, зажатого в руках темной фигуры, безвольной и безжизненной, которую поворачивало течение.

Эррил рванулся к Елене. Во мраке он увидел, что ее глаза открыты, но ничего не видят. Он дотянулся до нее и обнял. По крайней мере, он сможет исполнить свое последнее желание, прежде чем погибнет. Он крепче прижал ее к своей груди.

И тут он почувствовал биение ее сердца рядом с его собственным.

Она жива!

Он сражался с водой, ища путь к спасению, но только темнота лежала вокруг. Они были лишь пятнышком света в яростном течении.

«Елена...»

На этот раз ответа не последовало.

Он посмотрел на ее лицо, затем на ее руки. Они сияли рубиновым в свете серебряного предмета. Он разглядел, что это был не жезл, а меч, светящийся своим собственным внутренним светом. Руки Елены бессознательно сомкнулись на магическом клинке.

Его легкие горели, но Эррил высвободил руку и схватил рукоять меча. Если он не может заставить очнуться Елену, возможно, ему удастся пробудить ведьму!

Он посмотрел на бесстрастное лицо Елены еще раз.

«Прости меня!»

Он вытащил меч из ее ладоней, сжимавших ножны. Изящный клинок надрезал ее кожу, и кровь смешалась с водой.

Елена вздрогнула, словно ее ударило молнией.

В его голове взвыл хор голосов дикой страсти и безумия.

Эррил сопротивлялся желанию броситься прочь. Вместо этого он прижал к себе женщину, которую любил, и его руки и ноги обхватили ее. Кровь плыла по воде между ними, смесь льда и огня, и хор дикой магии завывал вокруг них.

Эррил крепко зажмурил глаза.

«Елена, вернись ко мне...»

Мерик стоял вместе с остальными возле берега озера.

Нилан проговорила у его плеча:

– Вода... – она указала рукой. – Она больше не двигается.

Нилан была права. Водоворот исчез. Поверхность озера была идеально ровной.

– Звено исчезло, – сказал Грешюм. – Мир отрезан от этого канала, проложенного к его сердцу.

Словно услышав его, странный вой поднялся над озером подобно туману. Никто не произносил ни слова.

Затем старейшина, стоявший на коленях в своем горе, поднялся. Он встретился взглядом с отрядом, и его полные ярости глаза пронзили их.

– Вы сделали это! Вы и та демоница!

Торн пыталась успокоить его, положив руку на плечо, но он сбросил ее.

Мерик ответил на вызов, не дрогнув:

– Это не наших рук дело.

Торн встала между ними, ее поза была чисто волчьей.

– Что здесь случилось?

Мерик и старейшина опустили глаза.

Отец Торн ответил с пеной у рта:

– Корень Духа мертв! Убит демоницей!

– Она бы не сделала этого, – прошипел Мерик. – Даже для того чтобы спасти собственную жизнь!

Эти слова пронзили его сердце болью, но он знал, что это правда.

Торн, должно быть, почувствовала его искренность, поэтому подняла руки, желая удержать своего отца от поспешных действий:

– Отец, нам следует подумать над этим, прежде чем...

Порыв ветра ворвался в священную долину. Листья посыпались сверху, оставляя голые ветви. Озеро укрыл ковер из опавших листьев.

– Вот ответ, дочь! Дух покинул нас, уничтоженный этими дикарями!

Громкий крик поднялся во всех концах долины. Все древние деревья сбрасывали листья, словно опуская саван к своим ногам.

– Все Древние, – пробормотала Нилан, – умирают.

– Отойди, дочь, – сказал старейшина с явной угрозой. – Прежде чем наш народ погибнет, я увижу, как кровь этих осквернителей окропит нашу землю.

Старейшина сгорбился; затем с ревом он вскочил, его плащ разорвался, когда зверь, скрывавшийся внутри него, вырвался

на свободу. Появился черный мех; с ревом вытянулась клыкастая морда. Руки стали тяжелыми лапами с острыми когтями. Огромный медведь поднялся на сильные ноги и заревел в ярости.

Торн отпрыгнула в сторону:

– Отец! Нет!

Она едва увернулась от тяжелого удара.

Мерик встал перед ней:

– Уходи, девочка. Это не твой бой.

Он пригнулся, готовый ответить на вызов.

С воем медведь прыгнул на Мерика, когти вытянулись, чтобы срезать плоть с костей. Но прежде чем он смог ударить, стена ежевики выросла из земли, разделив противников. Медведь ударил колючую преграду, а Мерик споткнулся.

– Сюда! – крикнула Нилан.

Мерик рискнул оглянуться. Остальные столпились вокруг, в том числе и охотники. Нилан стояла перед ними, спина прямая, руки раскинуты, пальцы растопырены.

– С гибелью звена, – объясняла Нилан, – наша магия вернулась к нам. Разве ты не чувствуешь?

Мерик, отвлеченный схваткой со старейшиной, не заметил, как исчезла тяжесть, давившая ему на плечи. Он потянулся к своей магии, и его серебряные волосы рассыпались по плечам, сияя, словно нимб, от переполнявшей их энергии. Он вновь обрел целостность!

Мерик попятился, чтобы присоединиться к остальным, пока старейшина рвал путаницу кустов ежевики и шиповника, весь в крови от тысяч шипов. Нилан вытянула руки, и колючий кустарник вырос со всех сторон, окружая их отряд подобно крепостной стене. Она продолжала заклинание, взывая к своей магии, делая их защитные стены выше и толще.

По другую сторону стен нападали изменяющие форму, возглавляемые старейшиной. Со всей долины силура стекались к месту сражения, взъяренные зрелищем древних деревьев, мертвых и голых. Шелест ног, лап, копыт по опавшим листьям звучал отовсюду, словно треск смертоносного лесного пожара.

Над их головами изменяющие форму обретали крылья, ныряя к острову в центре моря колючего кустарника. Но Мерик использовал свою магию и сводил их усилия на нет неожиданными порывами ветра и воздушными течениями, с которыми им не по силам было бороться.

Совсем рядом другие пытались прорваться сквозь барьер или под ним, но Нилан каждый раз не пускала их.

Медленно поворачиваясь, спина к спине, словно танцуя некий смертельный танец, Нилан и Мерик сражались за то, чтобы удержать свои крепостные стены.

В центре стычки Джоах, поддерживаемый Арлекином, смотрел на огромное мертвое дерево, лишившееся листьев.

Озеро покрывали медные листья. Никакого движения. Никаких следов Эррила и Елены.

За последние месяцы Джоах познал отчаяние всех видов – потерю молодости, гибель Кеслы, но в этот момент он узнал истинные глубины безнадежности. Это был бездонный колодец, и он падал в него все глубже. Крики и завывания вокруг исчезли, краски выцвели, все потеряло смысл.

Резкий крик заставил его посмотреть влево. Он заметил, как Брианну тащат в дыру, что раскрылась в земле. Ее босая нога оказалась в хватке бронированных клешней.

Ее брат, Гунтер, рванулся ей на помощь без единого слова, решительно и целеустремленно. Он схватил клешни руками, затем напряг плечи и разорвал их. Что-то захныкало в дыре.

Брианна высвободила ногу и отпрыгнула.

– Назад! – крикнула Нилан.

Гунтер отпустил клешни и помчался прочь. У его пяток из земли вырвался спутанный клубок колючего кустарника и закрыл дыру, вырастая все более густым с каждым мигом.

– Их слишком много! – крикнула Нилан. – Они подходят со всех сторон!

Словно в подтверждение ее слов, что-то большое нырнуло за барьер мимо плеча Джоаха, подхватило одного из охотников и перелетело через кустарник. Джоах проследил его полет. Мужчина сопротивлялся, его плечо было зажато в когтях гига-

нтского руха. Его вес был слишком большим, чтобы изменяющий форму мог удерживать его. Охотник был брошен вниз. Он тяжело упал на землю за барьером.

– Даймонт! – крикнул Гунтер.

Но уже было слишком поздно: охотник упал среди множества зверей – волков, снифферов, котов.

– Мы не продержимся долго, – крикнул Мерик.

Джоах покачал головой. Какая разница? Ради чего им держаться?

Знакомый рев раздался сзади. Джоах обернулся и увидел медведя, поднявшегося на задние лапы. Позади старейшины склоны долины были полны силура всех форм и размеров, это были звери всех видов. Хотя Джоах не мог слышать мысленное общение изменяющих форму, он мог прочитать черные мысли их предводителя: тот собирался убить их всех.

– Они идут сюда! – крикнул Мерик.

С ревом, полным жажды крови, старейшина повел свой народ на последний штурм. Но прежде чем они смогли прорваться через усеянный шипами барьер, удар грома потряс долину. Внезапный грохот заставил каждого застыть на месте. В центре усыпанного листьями озера ствол великого Древа Духа расщепился от кроны до корней, разделившись на две половины, но не упав. Густой туман поднялся из сердцевины разбитого дерева.

Стало холодно, словно настоящая зима пришла в летнюю долину.

– Иней, – прошептала Нилан, уронив руки.

По ту сторону колючего кустарника изменяющие форму снова начали двигаться. Рычание и шипение возобновились, но теперь не так уверенно.

Только Торн, по-прежнему в своей женской форме, подошла ближе к озеру и дереву.

– Что это значит? – спросила она.

Она задала свой вопрос негромко, но внезапная тишина сделала ее слова хорошо различимыми. Она обвела взглядом обе стороны на поле битвы, не понимая, кого обвинять, кто мог дать ответы.

Но ответ пришел из-за ее спины. Листья на поверхности озера закружились в водовороте; затем на поверхность вырвалась ледяная глыба, поднявшись высоко в воздух на столбе замерзшей воды.

Торн отпрыгнула, когда вода озера начала расплескиваться, но волны не коснулись грязного берега. В середине движения вода обратилась в лед. Все озеро замерзло, холод шел от ледяного столба, распространялся дальше, высушивая грязь и покрывая трещинами берега, укрывая туманом и инеем центр долины. Там, где ледяной туман касался защитных стен из колючего кустарника, листья сворачивались и опадали.

Все глаза устремились к ледяной глыбе и колонне. Сквозь кристальную поверхность можно было различить что-то темное.

– Елена... – прошептал Джоах.

Словно услышав его, глыба льда внезапно взорвалась градом острых осколков. Когда все стихло, Джоах увидел Елену и Эррила. Елена лежала, съежившись, ее левая рука покоилась на поверхности ледяной колонны – рука холодного огня, теперь бледная и пустая.

Она вытянула вторую руку к тем, кто стоял перед ней. Ведьмин огонь танцевал на ее рубиновых пальцах.

Эррил, шатаясь, поднялся позади нее.

Джоах встал:

– Елена!

Ее голова кружилась, а легкие болели. Елена пыталась понять то, что предстало перед ней. Залитая лунным светом долина была полна изменяющих форму. Рядом кольцо колючего кустарника окружало ее друзей. Она слышала возглас Джоаха, но его голос прозвучал странно далеко.

В ее ушах продолжало звенеть от давления на глубине. Ее дыхание было прерывистым. Более того, магия, потраченная на то, чтобы вытащить их на поверхность озера, оставила в ней ощущение пустоты.

Мгновение назад, близкая к смерти, она была вырвана из забытья хором дикой магии, поднявшимся в ее крови. Когда она

обнаружила, что Эррил сжимает ее в объятиях, она действовала инстинктивно, больше ради спасения Эррила, нежели ради себя. Воззвав к своему холодному огню, она направила свою магию в воду под собой, создав для них обоих опору в виде колонны из льда. Когда они оказались на поверхности, частица ее яростной магии освободила их из ледяного кокона.

Теперь, освобожденная, Елена обрела контроль над своим ведьминым огнем, погасила танцующие языки пламени и заставила стихнуть хор дикой магии.

– Ты в порядке? – спросила она Эррила. Ее голос был слабым и хриплым.

Он опустился на колени.

– Я да... теперь, когда ты в безопасности.

Сталь в его голосе придала ей сил.

Торн подошла ближе.

– Что случилось? – крикнула охотница.

Елена осторожно встала на своей колонне, стараясь не поскользнуться на гладкой поверхности. Стоя на коленях, Эррил помог ей удержаться: ее ноги дрожали от холода. Льдинки висели на ее одежде и волосах. Сильная дрожь грозила скинуть ее с колонны.

– Елена, – повторила Торн, – что случилось?

Медведь подошел к охотнице. Глаза Елены расширились при виде огромного зверя. Вздрогнув, медвежьи черты переплавились в нечто, что было смешением зверя и человека: отец Торн, старейшина силура.

Рев вырвался из его горла, затем он медленно сложился в слова:

– Вы убили нас всех!

Елена затруднялась понять смысл этих слов. Она искала способ спуститься с колонны. Лед уже таял, собираясь в ручейки.

– Будь осторожна, – пробормотал Эррил позади нее. Его зубы стучали. – Силура думают, что ты уничтожила Древо Духа.

Елена прекратила поиски способа спуститься и смотрела на двоих стоящих внизу. Она старалась заставить онемевший язык говорить:

– Уничтожить Корень? Я бы никогда...

– Ложь! – крикнул старейшина. Эхом раздался рев – его поддержали остальные.

Торн вышла вперед, словно отгораживаясь и от отца, и от его обвинения:

– Тогда скажи нам, что случилось.

Елена взглянула на пострадавшее дерево, чей ствол был расколот надвое. Она обвела взглядом все деревья с голыми ветвями, обрамлявшие долину. Все они были мертвы.

– «Наше время стражей кончилось»... – пробормотала она, повторяя слова Корня.

– Что это было? – спросила Торн.

Елена глубоко вдохнула.

– Корень говорил со мной, – сказала она, дрожа, но пытаясь заставить свой голос звучать твердо. – Он сказал: чтобы защитить эти леса, вы должны покинуть их.

– Никогда! – воскликнул старейшина.

Торн выставила ладонь перед отцом, прося о спокойствии:

– Куда нам нужно идти?

– Искать Близнецов.

Торн задохнулась:

– Фердайла и Могвида?

Елена кивнула. Тепло понемногу возвращалось в ее тело.

– Я уверена, это то, что имел в виду Древний. Я видела образ двух братьев.

– Это ложь! – прошипел старейшина.

– Отец, – возразила Торн, – Ты сам сказал, что Корень говорил с Еленой. Стал бы он делать это, если бы она намеревалась причинить ему вред? Корень читает в сердцах людей.

Ее слова, казалось, заставили задрожать ее отца. На мгновение звериные черты угрожали одержать верх над человеческими.

– Корень был обессилен... Возможно, он не знал, что демон может носить столь невинное обличье.

– Ты видел сияние, отец. Корень не сиял так ярко давным-давно. Он выбрал ее, чтобы она передала его послание.

– Покинуть наши леса и искать проклятых близнецов?

Торн покачала головой:

– Корень всегда направлял нас. Должны ли мы оставить без внимания его последнее послание?

– Откуда нам знать, что чужеземка говорит правду?

Теперь настал через Торн выглядеть неуверенно. Она повернулась к Елене, ее глаза умоляли о каком-то знаке, каком-то доказательстве.

Елена не знала, что делать. Эррил придвинулся ближе:

– Возможно, тебе стоит показать им это.

Он указал на серебряный меч, наполовину вытащив его из ножен. Глаза Елены расширились, когда она узнала талисман, данный Корнем.

– Ты сжимала его, когда я нашел тебя.

Она кивнула и взяла оружие в левую руку, вытаскивая из ножен. Она вспомнила просьбу Корня: «С этим знаком веди наших детей».

Елена боролась с дрожью во всем теле. Она прочистила саднящее горло и сказала громко, чтобы все услышали:

– Я выбрана увести вас из ваших лесов! Это то бремя, что я должна нести по воле Корня! Как доказательство, мне было дано это!

Она подняла меч, чтобы все его видели. Его края были столь острыми, что трудно было провести пальцем по ним, не порезавшись. С прикосновением лунного света клинок вспыхнул своим собственным внутренним сиянием, ярко запылав в ночи. По всей долине послышались пораженные вздохи.

– Этого не может быть! – воскликнул старейшина. Он упал на колени, в то время как остальные изменяющие форму подходили ближе в смущении.

– Отец, что не так?

Старейшина слепо потянулся к дочери.

– Это то, что принадлежит только Корню и его избранному. Тайное обещание, которое дает старейшина каждого поколения.

– Что за обещание?

Его голос превратился в шепот, но Елена расслышала его:

– Следовать за предсказанной в далеком прошлом, той, кто понесет Меч Розы вновь.

Торн посмотрела на Елену и сияющий клинок:

– Меч Розы?

Елена знала, что она держит поднятым в воздух; она узнала меч в тот момент, когда он оказался в ее руках. На Алоа Глен Елена прочитала каждый текст, где был хотя бы намек или какая-то история, связанная с ее предшественницей, Сизакофой, и она узнала оружие, порожденное древней ведьмой. Оно было описано бессчетное количество раз и названо множеством имен: Клинок Демона, Крадущий Души, Меч Ведьмы. Но какое бы имя оно ни носило, полоску сияющего серебра с розой, вырезанной на рукояти, ни с чем нельзя было спутать.

Она подняла меч, выкованный из стихийного серебра, того самого металла, который направлял энергию Земли. Даже сейчас она ощущала силу, вибрирующую по всей длине клинка.

– Корень ушел, – сказала она. – Он вернулся в сердце мира, чтобы предложить ему свою силу в битве против великой угрозы.

– И что нам делать? – спросил Торн. – Это наш духовный центр. С его гибелью и мы умрем.

Елена оглядела собравшиеся полчище:

– Но сейчас-то вы живы! Судьба вашего народа еще не решена. Я поведу вас за границы леса, к Близнецам. У братьев есть ключ к вашему будущему.

Гневное рычание поднялось от толпы внизу. Но старейшина поднял руку, призывая к вниманию. Он посмотрел на свой народ:

– Так было предсказано. Так тому и быть!

Судя по поднявшемуся шуму, остальные были не согласны, но старейшина быстро встал. Он смотрел на толпу, пока они не затихли. Никто не бросал вызова открыто, но ощущались сомнения – словно подводное течение.

– Мы одержим победу, – просто сказал старейшина. – Корень направлял нас с того момента, как мы поднялись из вод, давших нам жизнь. Мы должны верить ему и сейчас.

Тихое бормотание расползалось по толпе. Елена чувствовала, что ее долг здесь пока выполнен. Старейшина в конечном счете принял их сторону. Главное было сделано, и силы покинули ее тело. Меч дрожал в ее руках, когда она опустила его.

Но Эррил был рядом. Он поймал меч за рукоять, и она почувствовала себя под его защитой. Ее защитник...

Он вложил меч в пустые ножны.

Она посмотрела на колонну. Правой рукой она вызвала язычки ведьминого огня и медленно растопила спуск в ледяной башне. Он был крутым, но Эррил обхватил ее руками, и они соскользнули по растопленному льду. У подножия колонны Эррил поднял ее. Она прижалась щекой к его груди. Несмотря на воду и лед, он был таким теплым!

Старейшина подошел к ним, звериные черты покинули его, а глаза светились сочувствием:

– Мне жаль...

Эррил отмахнулся от него и отправился искать брешь в колючем кустарнике. Пробравшись, он начал отдавать приказы окружавшим его. Елена едва различала его голос, прислушиваясь вместо этого к биению его сердца.

– ...лошади и палатки. И разведите большой костер...

Рука Елены скользнула за его рубашку, и ее ладонь легла на его горячую кожу. Она закрыла глаза и утонула в его тепле.

Сейчас этого огня ей было достаточно.

Перед рассветом Грешюм увидел, как Эррил выходит из палатки Елены и подходит к костру. Судя по выражению лица мужчины, девушка оправилась от воздействия своей собственной магии. Целитель силура дал ей отвара трав – смесь перечной мяты и пивного листа, если судить по запаху. После этого Грешюм услышал, как изменяющий форму говорит охотнице Брианне, что Елена полностью оправится через день или два.

Однако в течение всей долгой ночи Эррил возвращался к костру, чтобы взять новых углей – согреть ее одеяла. Когда стендаец наклонялся к огню, Грешюм видел украшенную розой рукоять меча, который тот носил. Он сиял ярко, словно звезда, даже в слабом свете костра.

Тень Осоки... Так Сизакофа называла этот меч сама, что привело к слухам о том, что этот меч такой острый, что может разделить человека и его тень.

Глаза Грешюма сузились, когда он смотрел на меч в ножнах. Он не мог поверить в удачу: древнее оружие находилось в пределах досягаемости! Такой подарок судьбы нельзя упустить, даже если это и означает отсрочку в его планах.

Пока Эррил собирал горячие угли, Грешюм прикрыл глаза. Он искал знакомое биение сердца своего слуги. Рукх хорошо спрятался за пределами долины силура. Грешюм послал безмолвное сообщение коротышке-гоблину.

До этого Грешюм подслушал краткий разговор между Эррилом и старейшиной. Он знал, куда отряд направляется дальше: к Северному Клыку, куда ушли Могвид и Фердайл.

Он передал свои приказы Рукху так четко, как мог, используя последние крупицы своей магии. Тварь должна отправиться немедленно и достичь этих земель одновременно с ними.

«Береги мой посох», – велел он. Он знал, что Рукх продолжает нести посох из пустой кости. Он чувствовал страх гоблина перед этим предметом, но знал, что тварь послушается. Удовлетворенный, Грешюм вновь переключил свое внимание на Эррила, который вернулся к палатке Елены, держа горячие угли в руке, безразличный к страшному оружию у своего бедра.

Чей-то голос вторгся в размышления Грешюма.

– Что ты там замышляешь? – хрипло спросил Джоах за его спиной.

Грешюм бросил на него взгляд поверх плеча.

– Значит, ты тоже не можешь уснуть, – сказал он, не отвечая на вопрос вопрос парня.

Джоах со вздохом сел на валун:

– Этот меч; я видел, ты рассматривал его. Ты думаешь использовать его магию против нас.

Грешюм покачал головой, широко улыбаясь:

– Я бы не прикоснулся к этому оружию за всю магию Земли.

На лице Джоаха отразилась подозрительность:

– Почему это?

– Ты знаешь почему. – Грешюм кивнул на посох из окаменелого дерева в руках парня. Когда пальцы Джоаха сжались на

нем, защищая, Грешюм улыбнулся. «Мальчик уже проиграл посоху... он просто еще не осознает этого».

– Почему? – повторил свой вопрос Джоах.

Он мог позволить себе быть честным – правда послужит ему лучше, чем ложь. Грешюм бросил взгляд на палатку:

– Этим мечом некогда владела Сизакофа, предшественница твоей сестры.

– Я знаю, – сказал Джоах кисло. – Елена сказал мне.

– Конечно, сказала. Однажды прикоснувшись к нему, как она могла не узнать этого?

– Что ты имеешь в виду?

Грешюм рассмеялся наивности мальчика:

– Джоах, мой юный ученик, неужели ты ничему не научился? Или ты не знаешь свой собственный посох?

– Что между ними общего?

Грешюм закатил глаза:

– Мой мальчик, ты не единственный, кто когда-либо создавал оружие крови.

Глаза Джоаха расширились от потрясения.

Грешюм кивнул:

– Сизакофа наполнила этот клинок своей собственной сущностью. Конечно, одна ведьма узнает прикосновение другой.

– Меч Розы?..

– Оружие крови, – закончил Грешюм. – Созданное Сизакофой. Оружие, одно из самых могущественных и темных, что когда-либо были выкованы. – Грешюм вздохнул, откидываясь назад. – Оно уничтожит твою сестру.

Эррил вошел в палатку. Внутри было тепло, и холод ночного воздуха быстро покинул его тело. Подкравшись осторожно к груде одеял и мехов, он увидел, что глаза Елены открыты и смотрят на него.

– Тебе надо поспать, – прошептал он, помещая миску с теплыми углями в ноги ее импровизированной кровати.

– Не могу спать... – хрипло прошептала она.

Он вздохнул и сел рядом с ней. Потрогал ее лоб: кожа по-прежнему была холодной. Он взглянул на вход.

Она, должно быть, прочитала его мысли.

– Углей достаточно.

Рука выскользнула из-под одеял и нашла его. Она смотрела ему в глаза. Он знал, чего она хочет.

– Только эту ночь... – сказала она хрипло. – Обними меня.

Эррил сжал ее пальцы, ища предлог, чтобы отказаться. Сделать нужно было так много! Но, глядя в ее измученное лицо, он отмахнулся от остальных забот. Этой ночью он последует зову своего сердца.

В слабом свете единственной лампы он снял с пояса меч и бросил на пол. Она ловила каждое его движение, когда он снимал свою куртку и стягивал леггинсы. Оставшись лишь в коротких штанах в обтяжку, он опустился на колени и откинул меха и одеяла. Затем он избавился от оставшейся одежды и скользнул под покрывала.

Эррил потянулся глубже, ища ее под одеялами. Он притянул ее к себе, обхватив руками, делясь своим теплом.

Она положила голову на его голую грудь. Он опустил свою щеку на ее волосы и вдыхал ее запах. Ее тихонько трясло, и он чувствовал движения ее гладкой кожи. Дрожь, не имевшая ничего общего с холодом, прошедшим сквозь него.

Она пробормотала что-то неразборчиво.

– Я тоже люблю тебя, – ответил он.

Шесть дней спустя Елена стояла на носу «Феи Ветра», эльфийского корабля-разведчика. При помощи силура они проделали путь к перевалу Слез без осложнений. Корабль ждал их, пришвартованный у вершин горных сосен.

Елена все время смотрела со склона перевала на леса Западных Пределов. Совсем рядом с перевалом армия силура разбила лагерь, готовясь к следующему этапу пути.

Наклонившись вперед, Елена посмотрела на север. Где-то за горизонтом лежало место, куда они отправлялись: Северный Клык. Она должна была следовать указаниям Корня Духа и привести силура к близнецам. Если им сопутствовала удача, возможно, другой отряд успешно завершил свои дела среди огров.

Звук шагов раздался позади нее. Она обернулась и увидела Эррила с лицом, потемневшим от беспокойства.

– Джоах связался с Тайрусом. Его пиратский отряд в заливе Тлек, что окружает Блэкхолл.

– А основной флот?

– В трех днях позади них.

– Это то, что мы планировали, разве нет?

– Да, но у Тайруса есть опасения насчет армий дварфов. – Эррил тревожно нахмурился. – В последние три дня не было ответов на послания, переданные с воронами, посланными к Веннару. Тайрус направляется к северным берегам, чтобы выяснить причину неожиданного молчания.

– Когда мы будем знать больше?

– Самое раннее – через два дня.

Елена кивнула, подсчитывая:

– Мы будем уже почти у Северного Клыка к тому времени.

Она закусила губу, затем задала вопрос, который ее больше всего волновал:

– Что с Сайвин?

Эррил нахмурился:

– Ни слова. Каст остается на Алоа Глен, но там нет ни следа ее присутствия.

Елена сжала его запястье, признательная за то, что он рядом с ней. Он ответил на ее движение, прижав к себе. Паруса корабля затрепетали, когда она прильнула к нему, желая, чтобы этот момент длился вечно. После ночи в палатке долг и приличия удерживали их в основном порознь. Однако, после того, как они разделили постель, какой-то барьер между ними рухнул. Поцелуи, которыми они обменивались, длились дольше; его руки искали ее с большей страстью. И когда она смотрела в его глаза, голод в них больше не был скрыт – лишь обуздан на время.

Вскоре внизу раздался голос рога, ему ответили с корабля. Эррил вздохнул:

– Это, должно быть, Торн. Силура готовы выступить.

Елена кивнула:

– Тогда нам следует отправляться в путь. Мы все готовы?

– Да, – ответил Эррил, прижимая ее к себе напоследок. – Даже лошади.

Несмотря на мрачные вести, Елена не могла удержаться от улыбки, когда вспомнила, как нелегко было завести Роршафа на борт корабля. Боевой жеребец не был привычен к такому способу путешествий, но Елена не собиралась оставлять его здесь.

Эррил не упустил случая поддразнить ее:

– Роршаф никогда не простит тебе этого, не важно, сколько яблок ты ему скормишь.

Он быстро поцеловал ее, затем поспешил на корму, где совещались Мерик и капитан корабля. На бедре Эррила висел древний меч, серебряная роза на рукояти сверкала в утреннем солнечном свете.

Тень Осоки.

Джоах передал ему слова Грешюма, рассказав, что меч был оружием крови. Ради проверки Елена порезала одну руку и взяла меч. Она действительно почувствовала, как темная сила устремляется в нее.

Эррил хотел, чтобы меч выбросили в ближайшее глубокое ущелье, но Елена отказалась. Силура почитали меч, и это был талисман, оставленный Сизакофой для нее одной. Тогда Эррил настоял на том, что будет носить клинок сам: без возможности навредить, но достаточно близко, если потребуется его использовать.

Второй сигнал рога прозвучал снизу.

– Эй! – крикнул Мерик. – Мы отправляемся!

Корабль начал подниматься. Паруса наполнились ветром, который был не вполне естественного происхождения. И затем корабль отправился в полет.

Сильный ветер от взмахов множества крыльев поднялся с земли. Вскоре воздух был заполнен орлами всех цветов оперения: снежно-белых, коричневых, ржаво-красных, черных, серых и серебряных. Крылья распахивались широко и парили на воздушных течениях и теплых потоках, поднимавшихся с земли. Все растущая стая окружила эльфийский корабль и последовала за ним к горам.

Елена смотрела на стаю орлов в небе.

– Так это начинается, – проговорил голос позади нее.

Она обернулась и обнаружила Арлекина, курящего трубку.

Он указал горящей трубкой на небо:

– Давайте просто надеяться, что это не последний их полет.

Книга четвертая

Темные моря

[illegible]

Глава 15

Плывя через отмели, окружающие Алоа Глен, Каст держался за всадника мираи перед ним. Их скакун, нефритовый морской дракон, несся, извиваясь, к пристаням, ловко обходя руины полузатопленного города. Каст видел вокруг себя рукотворные рифы, некогда бывшие башнями и домами. Косяки маленьких рыбок проносились сквозь окна и дверные проемы. Спустя столетия море считало эти территории своими. Дракон проплыл над перевернутой статуей, на которой росли анемоны и ползали крабы.

«Кладбище», – угрюмо подумал Каст, пребывая в мрачном настроении. С тех пор, как исчезла Сайвин, океан потерял для него все очарование и загадочность. Он превратился просто в холодный суровый пейзаж. Он даже не мог превратиться в Рагнарка и передвигаться самостоятельно. Только прикосновение Сайвин могло воспламенить магию и освободить дракона внутри него.

Так что он был рад наконец оказаться над поверхностью моря и увидеть солнечный свет дня, клонящегося к вечеру. Он выплюнул дыхательную трубку и вдохнул полные легкие чистого воздуха, дрожа от легкого ветра.

Дракон, изящная самка, волной поднялся под ним.

– Эй, Хелия, – прошептал всадник перед ним, с нежностью гладя шею своего скакуна. Юный мираи был почти мальчиком, и он только недавно был связан со своим драконом. Большинство мираи, оставшихся здесь, были юными или старыми. Они жили в единственном левиафане, оставшемся в глубоководье, с матерью Сайвин, Линорой. Она и мастер Эдилл задержались, пока судьба ее дочери не будет выяснена. Все остальные отбыли несколько дней назад с боевыми кораблями Дреренди и эльфов.

Каст сжал предплечье юного всадника:

– Спасибо тебе за помощь, Тайлин. И Хелии спасибо за ее таланты.

Его слова заставили плечи мальчика гордо распрямиться:

– Мой дракон лучших кровей. Ты даже знал ее предка.

Каст нахмурился, не понимая, что имеет в виду юный всадник.

– Я?

– Нефритовый, – настаивал мальчик.

Его слова не прояснили ничего для Каста, но мальчик, должно быть, понял его смущение.

– Хелия нефритовая. Цвет дракона передается от отца, другого нефритового дракона.

Словно поняв, что разговор ведется о ней, Хелия оглянулась через плечо. Брови Каста поднялись. Нефритовый. Пока морской дракон и мужчина смотрели друг на друга, Каст неожиданно понял. Похожие черты отца и дочери стали очевидными, когда он как следует присмотрелся. Проведя столько времени среди мираи, Каст научился распознавать незначительные различия между величественными животными.

– Нефритовый самец... – пробормотал он.

Мальчик кивнул:

– Лучших кровей.

Каст протянул руку и провел пальцем по гребню на носу дракона, который тут же втянул ноздрями воздух. На мгновение Каст вновь почувствовал близость с Сайвин: она любила храброго отца этого дракона всем сердцем. Конх, скакун, связанный с матерью Сайвин.

Слезы затуманили его глаза.

Тайлин взглянул поверх плеча Каста:

– Остальные подходят.

Каст обернулся. Из воды поднялись шесть других драконов. Их всадники держали сети с тяжелыми яйцами из черного камня. Это ошеломляющее зрелище высушило слезы Каста.

– Последние, – прокомментировал мальчик.

Каст тихо зарычал. Спустя семь дней эльфийский корабль-разведчик был освобожден от своего смертоносного груза. Более сотни яиц уже лежали в глубоком лишенном окон каменном подвале, единственную дверь которого охраняла дюжина вооруженных стражников. Как только эти последние яйца присоединятся к мерзкой кладке, вход будет замурован, чтобы никогда вновь не открыться. Это был самый безопасный выход. Груз не мог быть оставлен без надзора на морском дне, а все попытки уничтожить яйца огнем или молотом провалились.

Между тем было необходимо обезопасить кладку и чудовищ с щупальцами, что таились внутри яиц. Это был мрачный долг после столь многих смертей: экипажа корабля, зараженных ученых, даже бесценной библиотеки. Сейчас Каст задыхался от гнева, тлеющей ярости. Он редко спал. Он редко заходил на кухни, и, когда ел, он не чувствовал вкуса еды. Он искал что-то, чем занять себя. Пока флот готовился к нападению на Блэкхолл, у Каста было множество дел, чтобы заполнить свои дни и ночи. Теперь, когда войска ушли, Каст занимал себя укреплением Алоа Глен, что подразумевало и решение проблемы с кладкой яиц из черного камня.

Ранее этим утром Каст совершил последнюю поездку к кораблю, чтобы увериться, что с этим делом полностью покончено. Даже песок вокруг затонувшего корабля был просеян: нужно было убедиться, что ни одно яйцо не затерялось.

Когда Каст вернулся на остров, его охватило черное отчаяние. В прошлом он встречался с демонами и монстрами, видел своих друзей убитыми, но то, что пугало его больше всего, почти парализуя, – пустая кровать, что ждала его. В тысячный раз он вспоминал холодные глаза Сайвин, когда она смеялась над его усилиями освободиться в библиотеке, то, как ее пальцы тя-

нулись к нему... не с любовью, а с чем-то холодным, как ил на морском дне.

– Нас ждут, – сказал Тайлин, возвращая Каста к настоящему.

Драконы и их всадники повернули к гавани. Одна из фигур стояла на берегу, подняв руку в приветствии: Хант, сын Верховного Килевого. Рядом с ним выстроился отряд Кровавых Всадников.

Когда драконы подплыли к гавани, Хант наклонился, протянул Касту руку и вытащил его на берег.

– Что случилось? – спросил он, заметив приподнятую бровь мужчины и напряженную позу.

– Тебе бы лучше одеться, – сказал Хант и кивнул на одежду, которую Каст оставил на краю причала.

Каст вытерся своей рубашкой, затем надел влажную одежду – высохнет, пока он идет к замку. Он надел сапоги и застегнул пояс с мечом, затем вновь повернулся к Кровавому Всаднику.

Хант разглядывал морских драконов:

– Это была последняя перевозка?

Каст кивнул:

– Восемнадцатая.

Глаза Ханта по-прежнему смотрели на море и драконов:

– Как скоро они могут быть доставлены в хранилище?

Каст нахмурился, глядя на заходящее солнце:

– К сумеркам – самое позднее.

Хант махнул в сторону Кровавых Всадников:

– Я привел людей, чтобы помочь сделать это скорее.

– Что за срочность?

Хант не ответил, только слегка прищурил глаза. Он отказывался произносить это вслух.

Сжав кулак, Каст удержался от следующего вопроса. Вместо этого он незаметно кивнул Ханту, давая знать, что понял, и повернулся к Тайлину и его скакуну Хелии, покачивающимся на волнах:

– Нужно доставить эти последние яйца в подземелье как можно быстрее. У нас есть еще люди, чтобы помочь. Предупреди остальных.

– Будет сделано! – Тайлин ударил кулаком по плечу в салюте. – Эй, Хелия!

Всадник и дракон развернулись.

Каст повернулся к Ханту, который давал указания своим людям, говоря кратко и тихо. Когда они закончили, командир отряда кивнул, отступая назад.

– Мы будем следить за ними, словно соколы, – сказал он.

– За чем они будут следить? – спросил Ханта Каст. – И что за срочность с этими последними яйцами?

– Подойди, – Хант направился к пирсу. – Здесь кое-что, что я должен показать тебе.

Каст последовал за ним.

– Что это? – спросил он раздраженно, устав от половинчатых ответов.

Хант подождал, пока они отойдут достаточно далеко от остальных.

– Два яйца пропали.

Каст остановился, едва не споткнувшись:

– Что?

Он был потрясен.

Хант жестом велел ему молчать и идти дальше.

– Они исчезли во время полуночной стражи прошлой ночью. Я опросил стражников. Никто не признался в том, что покидал свой пост или спал, но к утру яиц стало на два меньше.

Каст покачал головой:

– Как это может быть? Дюжина мечников не могла настолько халатно отнестись к своему долгу, чтобы пропустить вора.

Хант взглянул на Каста с непроницаемым лицом:

– Прошлой ночью вся стража состояла из мираи.

Брови Каста изогнулись. Обычно стража состояла полностью из эльфов, или Дреренди, или мираи. Но Каст понимал невысказанное подозрение Ханта. Сайвин была мираи. Было ли это связано с тем, что кража произошла в то время, когда на страже стояли мираи? Это казалось невозможным, но теперь Каст понимал, зачем отряд Кровавых Всадников был прислан в гавань. «Мы будем следить за ними, словно соколы».

Хант наклонился ближе к нему, его голос еще понизился:

– Этим утром я сам проверял количество яиц в подземелье. И пока я делал это, я обнаружил кое-что еще.

– Что?

– Тебе надо взглянуть самому.

Они дошли до конца пирса, и обычные толпы рыбаков и торговцев сомкнулись вокруг них, заглушая их разговор о предателях и изменах.

Каст шел по улицам, погруженный в свои мысли. Часть его, глубоко в сердце, надеялась, что Сайвин сыграла свою роль в полуночной краже: в последние полмесяца он не нашел и следа женщины, которую любил. Каст боялся, что она уже направилась в Блэкхолл, и он никогда ее больше не увидит. Но если она украла яйца... если она еще здесь...

Семя надежды пустило корни в его душе.

Они добрались до замка и прошли мимо ворот и стражей. Хант миновал передний двор и спустился к подземельям, где стояли два стражника с копьями и мечами у пояса. Оба – Кровавые Всадники; Хант не хотел рисковать.

За стражниками ступени вели вниз, в темный коридор, который далеко тянулся под замком. Их шаги эхом отдавались от стен, пока они не достигли окованной железом двери. Хант постучал костяшками пальцев по дубовой раме. Открылась маленькая панель, и выглянуло покрытое шрамами лицо – немой хранитель подземелья, Гост. Обезображенный мужчина проворчал что-то, узнав их, послышалось бряцанье ключей, и дверь открылась со скрипом ржавых петель.

– Спасибо, Гост, – сказал Хант.

Хранитель подземелья кивнул. Его глаза были красными; неровная борода покрывала его подбородок. Каст знал его историю. Парень прошел через пытки в этих самых подземельях, когда их занимали войска Темного Лорда, и в конце концов ему отрезали язык. Страх вновь светился в глазах мужчины: Гост отнюдь не был счастлив, что его убежище стало хранилищем для яиц из черного камня.

Каст не мог обвинять его. Даже находясь в этой комнате, он чувствовал присутствие кладки: волоски на его коже вставали дыбом, а воздух казался более тяжелым и каким-то маслянис-

тым. Видя измотанное состояние мужчины, Каст сомневался, что тот мог легко уснуть здесь.

Склонившись, Гост повел их через комнату, которая служила ему жилищем. Он открыл ключом дальнюю дверь, вход в основное подземелье.

Войдя, Каст жестом велел закрыть дверь за ними.

– Гост заметил что-нибудь прошлой ночью, когда произошла кража?

Хант покачал головой.

– Хранитель не пропускает никого через эту комнату с момента смены стражи перед полночью.

– Тогда как вор пробрался сюда?

– Я не могу сказать, если только Гост не состоит в тайном сговоре.

– Я не верю, что он может быть на стороне Черного Сердца после страданий, через которые он прошел здесь.

– Тогда, возможно, он был обманут... или очарован.

Каст покачал головой. Они проходили мимо рядов камер. Впереди, в конце коридора, пылали факелы. Там стояли мужчины, дюжина, все Кровавые Всадники, собственные люди Ханта.

Хант обратился к капитану стражи:

– Все в порядке, Врент?

Мужчина кивнул, выпрямившись и отведя плечи назад.

– Мы никого не впускали и не выпускали, как было приказано.

Каст узнал в мужчине двоюродного брата Ханта. Его коса воина спускалась до талии – знак многих успешных битв. Еще у него был шрам, пересекавший татуировку в виде морского сокола – бледный рубец, словно горло сокола было перерезано.

Хант достал связку ключей из кармана и подошел к двери. Каст последовал за ним вместе с Врентом. Дверь камеры из огнеупорного дуба, окованного железом, с маленьким забранным решеткой окошком была закрыта на два замка. Чтобы открыть ее, потребовался один из ключей Ханта и один из ключей Врента.

Когда они открыли дверь, Каст снова удивился, как кто-то мог украсть два яйца. Даже с помощью стражи-мираи прошлой

ночью, как вор смог пройти мимо Госта? Как открыл замки? Эта кража выглядела немыслимой.

Каст мог найти лишь одно объяснение. С того момента, как Сайвин была заражена, он проследил все случаи нападения злобных существ с щупальцами, начиная с Тока и его опыта на корабле капитана Джарплина кончая Еленой и ее «исцелением» братом Флинтом. Одно было ясно: как только твари заражали кого-то, создавалась некая зловещая связь между зараженными, демоническая цепь между существами, которая позволяла общаться. Если это было так, то с отравлением братства ученых Сайвин передались их знания Алоа Глен и замка, включая лабиринт секретных коридоров и туннелей. Могла ли она использовать это знание, чтобы проскользнуть мимо стражников и украсть яйца? И какое еще зло она могла успеть совершить? От этой мысли ему стало холодно.

Скрип дверных петель отвлек его: Врент открыл тяжелую дверь. Появилось чувство покалывания, словно пауки забегали по коже. Остальные в холле, все закаленные в битвах мужчины, сделали шаг назад.

Хант снял факел со стены:

– Стой на страже, пока дверь не заперта. Не дай никому приблизиться.

Врент поднял руку в салюте:

– Будет сделано.

Хант пошел вперед с факелом, и Врент закрыл дверь за ними. Каст изучал темное помещение. Он выбрал эту камеру, потому что она была достаточно большой, чтобы вместить всю кладку из сотни яиц, и была вырезана из камня самого острова, сплошная скала. Факел Ханта отбрасывал тени на стены.

Яйца лежали повсюду плотными рядами, словно гнездилище какой-то мерзкой стаи птиц. Самая большая группа яиц, сложенная пирамидой, находилась в центре комнаты и достигала потолка. Поверхность черного камня поглощала свет факела, не отражая его. Даже слабое тепло комнаты, казалось, вытягивалось кладкой, оставляя воздух холодным. Дыхание выходило белыми облачками при каждом выдохе.

– И исчезнувших яиц нет нигде в комнате?

– Я пересчитывал дважды, – сказал Хант. – И при втором пересчитывании я нашел это.

Высокий Кровавый Всадник опустился на колено возле кучи яиц. Он опустил факел и осветил основание груды. Что-то лежало там.

– Я не хотел трогать это, пока ты сам не посмотришь.

Каст нагнулся. Это был клочок одежды. Он протянул руку и потрогал материал. Дыхание перехватило. Кожа акулы. Пальцы подняли материал, поднося его к факелу.

– Это принадлежит Сайвин.

– Ты уверен?

Каст смог только кивнуть.

Хант выпрямился, вставая.

– Прости, Каст. Я знаю, как это, должно быть, взволновало тебя. Я бы тоже был в ярости.

Каст отвернулся – чтобы скрыть не гнев, а радость. Его пальцы сомкнулись на кусочке акульей кожи. Она все еще здесь!

Хант говорил еще какие-то слова утешения, но Каст их не слышал. Он поднял кусочек кожаной одежды к носу и вдохнул слабый запах морской соли и едва уловимый – кожи Сайвин. «Моя любовь...»

– ... все мираи на страже, – медленно проникали в его сознание слова Ханта. – Я соберу их снова.

Каст опустил обрывок одежды и кивнул. Хант направился назад к двери. Приблизившись, они услышали скрип двигающегося засова. Хант оглянулся на Каста, и в этот момент по ту сторону двери раздался звон стали. Послышались крики.

Оба мужчины рванулись вперед. Хант схватился за дверную ручку, но дверь была заперта.

– Врент!

Каст кинулся к маленькому забранному решеткой окну. В слабом свете факела он увидел, как были быстро убиты пятеро Кровавых Всадников, убиты своим собственными братьями. Кривые кинжалы перерезали глотки, кровь хлынула рекой. Тела были пронзены пиками и мечами. За какие-то мгновения пол был устелен мертвыми телами, внутренности виднелись

сквозь глубокие раны, кровь собиралась в широкие темные озера на камнях.

Лицо Врента неожиданно появилось в окошке, загораживая обзор. Теперь воин злобно смотрел на них, на его губах выступила пена.

– Врент! Что ты делаешь? – Хант пытался дотянуться до него через прутья решетки, но он не мог даже просунуть кулак между ними.

Каст отодвинул его одной рукой, другой вытащив меч.

– Он заражен. Предатели не мираи, а наши собственные люди.

Врент продолжал зловеще смотреть.

– Тогда почему Врент предупредил меня о пропавших яйцах?

Каст посмотрел на обрывок акульей кожи.

– Чтобы ты нашел это и привел меня сюда. Это ловушка.

Словно в подтверждение сказанного, позади них прозвучал громкий треск, как если бы молот расколол камень. Оба мужчины обернулись к центральной груде яиц.

«...треск.... треск... треск...»

– Они вылупляются, – сказал Каст.

Груда яиц перед ними зашевелилась. Верхнее яйцо скатилось на пол. Ударившись рядом с ними, оно разбилось и раскрылось, из него повалил зеленый пар, хорошо заметный в холодном воздухе. Шары студенистой слизи размером с кулак выкатились оттуда во всех направлениях, ударяясь о пол и стены мокрыми шлепками.

Один ударил Ханта по ноге, прилипнув к ней. Он скинул его концом факела и отпрыгнул:

– Милосердная Мать!

На полу шар слизи выпустил щупальца и начал прыгать, словно омерзительная жаба.

– Назад! – предупредил Каст.

Повсюду – на полу, на потолке, на стенах – другие комки слизи ползли при помощи извивающихся придатков и шевелящихся щупалец.

Хант поднял свой факел, готовый защищаться огнем. Но, вместо того чтобы отпугивать тварей, жар головни, казалось,

привлекал их. Их влажные щупальца потянулись к теплу, и, извиваясь, они продвигались вперед, оставляя следы слизи.

– Нам нужно выбираться отсюда, – сказал Хант, когда новые яйца начали раскалываться по всей камере.

– Отсюда нет выхода, – спокойно сказал Каст, держа меч наготове.

Судя по голосу, Хант был близок к панике:

– Почему стражники просто не убили нас? Почему они заманили нас сюда?

Послышался новый голос, полный веселья:

– Потому что нам нужен дракон, брат Хант.

Каст резко развернулся. За решеткой окошка злобное лицо Врента исчезло, сменившись другим. Сердце Каста чуть не вырвалось из груди при виде этих синих, как море, глаз и бледного лица, обрамленного темно-зелеными волосами. Несмотря на опасность, Каст почувствовал волну облегчения:

– Сайвин...

Близился вечер, и принц Тайрус опустил свой бинокль и свесился с вороньего гнезда «Безнадежного Безрассудства». Ему пришлось ухватиться за край гнезда, чтобы не упасть на палубу.

– Сигнальные огни к северу! – крикнул он своему первому помощнику. – Разверни корабль к следующей бухте в скалах!

Он выпрямился, зная, что приказ будет исполнен. Потом он выпрыгнул из гнезда и легко прошел по качающемуся рею центральной мачты. Его лицо горело после дней, проведенных на просоленном ветру. Берег лежал в четверти лиги от них. Здесь, на дальнем севере, берег представлял собой монолитный обрыв, увенчанный исхлестанными штормами соснами. Деревья изгибались, как в агонии, под непрекращающимися ветрами, налетавшими с залива Тлек.

Когда паруса захлопали на ветру и корабль приблизился к прибрежным скалам, Тайрус навел свой бинокль на костер на обрыве. Он искал тех, кто разжег сигнальный огонь, молясь о том, чтобы увидеть сидящих на корточках дварфов, но не было заметно никакого движения. За костром он заметил небольшое

поселение. Деревушка лежала в руинах: дымовые трубы обрушены, крыши провалились, стены обуглены от давнего огня. Но, несмотря на то что селение выглядело брошенным, жаркий огонь дымил в темнеющие небеса. Это был явно сигнал для моряков, но кто подал его и почему? Тайрус искал ответ, глядя в бинокль, и не находил его.

Тайрус решил отправить береговой отряд в разведку. Последние четыре дня он и его экипаж прочесывали береговую линию, ища хоть какой-то след Веннара и его отряда дварфов. Каждое утро он посылал воронов, и каждый вечер они возвращались на корабль с теми же самыми посланиями, привязанными к их лапам – непрочитанными и нетронутыми.

– Мать Небесная, где же вы? – пробормотал он, глядя в бинокль.

Основной боевой флот был в двух днях пути от этих вод. Если понадобится, объединенный флот сможет напасть на остров и сам, но планировалось, что армия дварфов подойдет с севера через Каменный лес. Затем, когда флот нападет с юга, дварфы смогут пройти по дуге из вулканического камня, соединяющей северное побережье острова с материком. Теперь этот план находился под угрозой срыва.

С растущим разочарованием Тайрус сложил бинокль, распахнул люк в вороньем гнезде и спустился вниз по веревочной лестнице.

Его первый помощник, Блит, встретил его у подножия мачты. Бритоголовый пират был высоким и жилистым, не мужчина, а кнут, и язык его был столь же острым, как и меч. За его плечом виднелась абордажная сабля, а у бедра висел длинный кривой нож боло.

– Это армия дварфов?

– Не могу сказать... но нам придется проверить. Это первый признак жизни за много дней.

Блит кивнул:

– Однако нам придется присмотреть за своими задницами. Что-то мне здесь не нравится.

Тайрус доверял предчувствиям своего первого помощника:

– Что?

Блит указал на костер. Он исчез из виду, когда корабль вошел в хорошо защищенную от ветра бухту.

– Кто-то приложил столько сил, чтобы разжечь этот костерчик, так где же они?

Крик раздался с носа корабля:

– Пирс впереди!

Тайрус и Блит поспешили вперед и присоединились к моряку, наблюдавшему за появлением отмелей и рифов. Он указывал на основание отвесных стен бухты и на ряд причалов – или на то, что осталось от них. Сваи возвышались из воды, словно сломанные зубы. Обломки досок прибило к некоторым из них. Похоже, что это место обратилось в руины по меньшей мере зиму назад.

– Давненько тут никто не рыбачил, – пробормотал Блит.

– Брось якорь здесь, – велел Тайрус. – Мы пойдем на берег на одном из баркасов. Возьмем еще троих. Тогда дюжина останется присматривать за кораблем.

– Есть, – Блит повернулся, чтобы выполнить приказ, уже выкрикивая команды.

Тайрус смотрел на лежащую перед ним землю, пока корабль проходил через рифы и замедлял ход. В тени высоких стен бухты исчезал последний свет солнца. Вечер уже заявил права на маленький заливчик. Тайрус смотрел на каменные стены. Тяжелый туман собирался клочками, обещая мглистую и сырую ночь. Было бы лучше быстро управиться на берегу; он не хотел, чтобы «Безнадежное Безрассудство» было поймано в ловушку среди ледяных непроглядных туманов этих северных земель.

Тайрус натянул плащ на плечи: холод вытягивал тепло из тела. Было трудно поверить, что лишь несколько дней назад прошла середина лета. Здесь, на дальнем севере, зима никогда по-настоящему не уходила. Во время их плавания в заливе Тлек им даже довелось увидеть покачивающиеся на подводных течениях айсберги, плывущие к югу от Северных Пустошей, где в весеннюю оттепель раскалывались ледники.

Это делало путешествие летом в этих морях особенно опасным, и промозглый туман лишь увеличивал опасность.

Послышался скрип веревки на колесе по правому борту: на воду спустили баркас. Он коснулся волн с приглушенным всплеском. Через ограждение были переброшены веревочные лестницы.

Блит появился рядом:

– Все готово, капитан.

– Кто идет на берег с нами?

– Стикс, Хурл и Флетч.

Тайрус кивнул, глядя, как собираются эти трое, хлопая друг друга по плечу и проверяя оружие. Стикс был самым высоким из пиратов, с мощными ногами и руками могучими, словно у огра. Ему не слишком подходило такое элегантное оружие, как меч – он предпочитал пару окованных железом палиц. Утыканные шипами, они висели на его поясе.

Рядом с ним стоял Хурл, затачивая лезвия ручной секиры. Голубоглазый, с соломенными волосами, он родился в этих северных землях. На его глазах его семья была убита псами-солдатами из Гульготы, и он остался сиротой на холодных и опасных улицах Пенрина. В его сердце не было любви к обитателям Блэкхолла.

И, конечно, рядом с Хурлом стоял Флетч. Эти двое были неразлучны: один темный, другой светлый, связанные узами крепче, чем любые братские узы. Черноволосый житель степи стоял, опустившись на одно колено, натягивая тетиву на своем луке. Он редко говорил, но не было лучшего лучника, чем этот темноглазый парень.

Блит сделал хороший выбор, собрав отряд из людей, чьи навыки прекрасно друг друга дополняют. Если возникнут проблемы, Тайрус не сомневался, что они с ними справятся.

Удовлетворенный, он подошел к береговой команде вместе с Блитом.

– Погружаемся!

Отряд спустился по веревочным лестницам на баркас. Хурл и Флетч сели на весла, в то время как Стикс, согнувшись, прошел на корму и взялся за руль. Сидя на носу, Тайрус и Блит вглядывались в волны впереди на случай мели или рифов.

Тайрус заговорил, когда они стали входить в бухту:

– Тебе не было нужды идти, капитан. Мы могли разведать эти земли и сами.

Тайрус не ответил. Его первый помощник был прав.

– И даже если бы это был долг капитана, – продолжил Блит уже тише, – клянусь сосками милосердной Матери, это не долг принца.

Тайрус поморщился. Блит был рядом с ним с того момента, как он впервые появился в Порт Роул, полный ярости, скорби и озлобленности. Палуба корабля корсаров лучше всего подходила ему: ему хотелось излить свой гнев в море. Но сейчас мир снова напомнил ему о его долге. Мантия правителя замка Мрил перешла к нему от отца. Но глубоко в душе он задавался вопросом, есть ли у него силы быть сыном короля, сыном своего отца.

– Ты не можешь вечно прятаться среди нас, пиратов, – пробормотал Блит вполголоса.

Тайрус вздохнул:

– Возможно.

Его первый помощник и друг пожал плечами:

– Только пока, капитан... только пока.

Когда они прошли между отмелями к остаткам причала, уже наступила ночь. Они привязали лодку к сваям и оказались у подножия разрушенной каменной лестницы. Крутые ступени были вырезаны прямо в камне обрыва и вели наверх к деревне.

Тайрус мрачно смотрел на подъем. Мгла становилась все непроглядней, по мере того как вечерний туман наползал с моря, сгущаясь у берега. Вершину обрыва было уже не видно, но свет сигнального огня пробивался сквозь туман.

– Давайте покончим с этим делом как можно быстрее, – пробормотал Тайрус.

Никто не стал спорить.

Подъем оказался опаснее, чем ожидалось. Из-за сырости туманов водоросли и мох покрывали каждую ступеньку, делая ее скользкой, словно лед.

– Этими ступеньками сто лет не пользовались, – сказал Блит.

Тайрус согласился. Любые здравомыслящие жители деревни держали бы ступеньки чистыми при помощи соли и веществ, уничтожающих мох. Состояние ступенек не слишком вдохновляло.

– Кто же тогда развел костер? – спросил Хурл.

– Это то, что я намереваюсь выяснить, – ответил Тайрус. – Костер не мог развести себя сам.

Наконец они достигли вершины и увидели широкую мощеную дорогу, тянувшуюся к деревне, темную и тихую. Туман лежал на ней, словно плотное одеяло. Они вошли в маленькое поселение осторожно, держа оружие наготове. Ничто не двигалось, кроме мерцающего света пламени за деревней.

Подав друг другу несколько условных сигналов-жестов руками, они разделились. Тайрус, Блит и Стикс шли по одной стороне улицы. Хурл и Флетч пробирались по другой. Они двигались осторожно, держа оружие наготове и чутко вслушиваясь в малейшие звуки.

Каждое здание, мимо которого они проходили, несло на себе следы разрушения: разбитые окна, закопченные витрины магазинов, обрушившиеся верхние этажи. Селение было явно разрушено кем-то и приведено в запустение, но среди всего этого разрушения не хватало одной детали.

– Это теперь кладбище, – пробормотал Блит, – но где же мертвецы?

Нигде не было видно тел, ни одного, не было даже костей тех, кто умер здесь.

Тайрус нахмурился:

– Может быть, выжившие похоронили мертвых, прежде чем уйти.

Блит приподнял бровь, не веря:

– Я скорее поверю в пожирателей мертвечины. По меньшей мере одна зима прошла с тех пор, что бы ни случилось в этой деревне. Леса кругом полны голодных волков.

– Тогда бы ты увидел кучи обглоданных костей.

– Может быть, если обыскать здания, ты найдешь что-то такое, – пожал плечами Блит и сменил тему: – Прошлое в прошлом. Какая разница сейчас?

Тайрус, однако, не мог отмахнуться от этого. Что случилось здесь? Кто развел костер и зачем?

Они прошли по сельской площади, теперь лежащей в руинах. За ней был обрыв и костер, язычки пламени лизали туманную ночь, спустившуюся на разбитые крыши последних зданий. Было так тихо, что они слышали треск поленьев. Отряд собрался теснее, и они скользнули за край города.

Здесь, на краю обрыва, был разбит небольшой сквер, окруженный стеной из камня. Запущенные кусты роз и остролиста росли вдоль выложенных камнем дорожек. Здесь была даже крошечная деревянная беседка, не тронутая разрушением. У входа в сквер возвышалась статуя. Она стояла непотревоженная, если не считать пятен птичьего помета и мха, выросшего на камне.

Хурл остановился возле статуи, повернув голову в ее сторону. Он наклонился и осторожно убрал часть мха. Гранитная статуя пострадала от ветра и дождей, но мрачный сердитый взгляд по-прежнему был заметен. Фигура стояла, скрестив руки, – явно страж на своем посту.

– Каменный Волхв, – пробормотал Хурл с ноткой тревоги в голосе.

– Что это? – спросил Тайрус.

Хурл покачал головой и пробормотал что-то вполголоса, затем осмотрел сквер. Были и другие статуи, возвышавшиеся среди запустения – некоторые большие, некоторые маленькие.

Все глаза обратились к центру сквера, где, рассеивая темноту и туман, пылало пламя высотой в два человеческих роста. Это было воодушевляющее зрелище после мрака разоренного селения. Отряд потянулся к свету и теплу огня, словно стая мотыльков.

Однако Тайрус по-прежнему не позволял себе ослабить бдительность. Он окинул взглядом сквер, беседку, окраину города. Никакого движения. Никакой угрозы.

Впереди дрова пылали огнем, потрескивая, словно какой-то старик в кресле разминал онемевшие суставы. Только этот звук заполнял тишину.

Тайрус подал сигнал своим людям заходить с двух сторон. Блит оставался с ним, в то время как остальные рассыпались по парку, подходя к огню с разных сторон.

Оглядываясь, Тайрус жалел, что с ним нет его древнего фамильного меча, выкованного из мрильской стали, со снежной пантерой, украшавшей рукоять. Но он оставил его Кралу, который забрал меч в могилу – символ клятвы крови между замком Мрил и потерянными людьми горца. Сейчас в руках принца был меч из оружейной Алоа Глен, изящный старинный клинок, но он выглядел грубым по сравнению со своим предшественником. Пальцы Тайруса стиснули рукоять. Истинный мечник хорош с любым оружием, сказал он сам себе.

Он услышал, как его зовут, и посмотрел туда, где Хурл и Флетч стояли перед другой статуей. Флетч махнул своим луком, подзывая остальных.

Тайрус подошел.

Это была статуя из черного гранита, восхитительное изображение оленя, опустившего голову, чтобы отщипнуть листик с розового куста.

Флетч потянулся к камню, но Хурл отбросил его руку. Он повернулся к Тайрусу:

– Нам придется уйти.

Тайрус нахмурился:

– Почему?

Хурл взмахнул рукой:

– Посмотри вокруг!

В его глазах светился нарастающий ужас. Он быстро подошел к статуе, изображавшей двух детей, прячущихся за кустом. На первый взгляд, они играли в прятки, но при ближайшем рассмотрении можно было заметить ужас на их лицах, который говорил совсем о другом. Дети прильнули друг к другу в испуге.

Тайрус изогнул бровь, глядя на соседние статуи: мужчина, застывший на бегу, три плачущих девушки, старик на коленях.

– Я не понимаю, – сказал он.

– Это жители деревни! – крикнул Хурл. – Превращенные в камень!

– Это смешно, – проворчал Блит.

Хурл продолжил:

– Статуя у входа – это Каменный Волхв. Он отметил сквер как принадлежащий ему.

– Почему? Кто этот Волхв? – спросил Тайрус.

– Мы должны уходить – немедленно! – Хурл пошел прочь.

Блит остановил его:

– Капитан задал тебе вопрос, парень, – в его голосе звучала явная угроза.

Хурл по-прежнему выглядел готовым унести отсюда ноги, но Флетч положил руку на его плечо. Это прикосновение немного успокоило мужчину, но он все еще дрожал.

Тайрус подошел ближе:

– Расскажи нам об этом Волхве. Я никогда о нем не слышал.

– Ты прожил свою жизнь на другой стороне Зубов или в Порт Роул, а не в тени Блэкхолла, как мой народ. – Глаза Хурла метались, ловя каждую мелькнувшую тень. – У нас, северян, есть поговорка: безмолвный язык говорит громко.

– Не время для безмолвных языков, – сказал Тайрус. – Расскажи нам, что ты знаешь о Каменном Волхве. Это друг или враг?

Хурл нахмурился:

– И то, и другое – ни то, ни другое. Я знаю лишь куски истории. Из тех, что рассказывают у костра. – Он обвел рукой сквер вокруг. – Но это и статуя у входа – это прямо как из тех историй.

– Может, ты лучше расскажешь нам эти истории?

Последняя дрожь прошла по телу Хурла. Он коснулся руки друга, черпая в этом прикосновении силу и собираясь с мыслями; когда он заговорил, его голос звучал тверже:

– Истории о Каменном Волхве относятся к тем далеким временам, когда Каменный Лес был зелен, а Блэкхолл не отбрасывал тень на наши берега.

– Что, было и такое время? – угрюмо пробормотал Блит.

– Было, – ответил Хурл. – В далеком прошлом леса на дальнем севере почитались всеми. В них в изобилии водились олени, кролики и лисы, и леса оставались зелеными даже тогда,

когда весь остальной мир покрывал снег и лед, а жарким летом там было прохладно. Но, несмотря на все эти чудеса, было кое-что, связанное с этими темными лесами: ходили слухи о странном смехе, что слышался порой по ночам, и о блуждающих огоньках, что могли свести с тропы ничего не подозревающего путника. Иногда даже можно было увидеть крошечный народец ростом не больше руки – фэй-ни, так их называли.

Блит покачал головой:

– Бабьи сказки.

Хурл не обратил на него внимания:

– Из-за этих историй никто не осмеливался строить жилище в темном лесу. За исключением одного.

– Волхва, – предположил Тайрус.

Хурл кивнул, продолжив смотреть на сквер.

– В чаще леса великий целитель построил свое жилище – место, куда даже лесные звери могли прийти, чтобы получить исцеляющее прикосновение его руки. Он глубоко почитал деревья леса, поэтому устроил себе дом внутри холма – убежище из пещер в камне. Его дом согревало множество очагов, и их яркий свет лился из окон, что были прорублены прямо в холме. Сколько помнят люди, его дом всегда находился там.

Стикс заговорил. Для такого крупного мужчины у него был очень тихий голос:

– И крошечный народец не беспокоило то, что он живет в их лесу?

– О, отнюдь. Можно сказать, что фэй-ни были детьми Волхва.

– Что? – выпалил Блит.

Хурл не обратил внимания на удивление первого помощника:

– Говорят, будучи одиноким, он вырезал крошечных мужчин и женщин из дерева своей родины. И своим исцеляющим прикосновением и глубокой любовью к лесу он подарил фигуркам жизнь

– Маленький лесной народец, – усмехнулся Блит. – Почему мы тратим время, выслушивая сумасбродные истории?

Тайрус нахмурил и знаком велел Хурлу продолжать:

– Что стало с этим Волхвом?

Хурл потер щетину на подбородке:

– Блэкхолл. Вот что с ним стало. Когда вулкан стал извергаться на северные берега, его пепел и жар иссушили леса, обратив дерево в камень. Волхва никогда больше не видели.

– И это конец истории? – Блит поднял руки вверх.

Хурл покачал головой:

– Нет. Столетие спустя это началось снова. Люди начали рассказывать истории о ком-то, живущем в каменном лесу. Фигура из камня, как и лес, но она крадется по своему мертвому дому с жаждой мести в холодном сердце.

– Каменный Волхв, – сказал Тайрус.

Хурл кивнул:

– Появилась некая секта, о которой говорят, что она взывает к Каменному Волхву с просьбой защитить их дом или селение.

– И ты думаешь, он был призван сюда?

Хурл оглянулся на разрушенное селение, укрытое туманом. Его голос упал до шепота:

– Возможно, да. Возможно, Волхв может обращать плоть в камень одним взглядом. – Мужчина снова посмотрел на пару прильнувших друг к другу детей. – Но истории различаются. Во многих появление Волхва такое же проклятье, как и благо, и он уничтожает не только зло, но и добро. Многие из историй кончаются такими словами: «Помни и никогда не забывай: сердце Каменного Волхва тоже обратилось в камень».

Тайрус нахмурился и повернулся к пламени, горящему в центре сквера.

– Ладно, Каменный Волхв или нет, но кто-то был здесь недавно, и я не хочу уходить, пока не выясню кто. – Тайрус махнул рукой в сторону костра. – Давайте-ка посмотрим, можем ли мы узнать, кто развел этот огонь, и уйдем отсюда.

– Есть, капитан.

Блит и остальные прошли через сквер и вновь подошли к костру со всех сторон. Пять пар глаз изучали пустынные окрестности, и люди снова повернулись спиной к огню. Тени легли во всех направлениях.

Блит нахмурился:

– И что теперь?

– Думаю, мы действовали слишком осторожно. Может быть, нужно что-то более решительное.– Тайрус прочистил горло, затем глубоко вдохнул: – Эй! – закричал он в туманную ночь. – Мы не причиним вреда! Нам нужно лишь узнать что-нибудь о наших пропавших спутниках! Если тот, кто разжег костер, поблизости, мы смиренно просим его показаться!

Его просьба эхом отразилась от обрыва и осталась без ответа.

Стикс проговорил, стоя у костра:

– Возможно, они сбежали, когда увидели, что мы идем сюда. После того что случилось с деревней, у них есть причины бояться чужаков.

Тайрус вздохнул. Если Стикс прав, все надежды узнать что-нибудь о судьбе Веннара и его армии кончались здесь. Но кто-то же разжег этот великолепный костер, и он сделал это, чтобы привлечь проходящих мимо: это был не маленький лагерный костерок, а сигнальный огонь, разгоняющий ночную тьму. Так зачем же прятаться теперь?

Тайрус встал, широко расставив ног, и оглядел сквер. Возможно, кто-то из выживших членов секты Волхва развел костер просто в знак почтения, а затем ушел? Возможно, их ночные поиски были просто зря потраченным временем? Или здесь происходит что-то большее? Он оглянулся на Хурла:

– Этот Волхв, когда...

Приглушенный взрыв прозвучал позади них, затем за обрывом появилась вспышка. Все глаза повернулись к морю, где широкая полоса света протянулась по небу с ревом, затем исчезла.

– Корабль! – воскликнул Тайрус.

Они подбежали к краю обрыва. И их глазам предстало ужасное зрелище. «Безнадежное Безрассудство» стояло там же, где бросило якорь, но теперь его поглощало пламя, превращая корабль в огонь более яркий, чем тот, что был позади них.

– Ч-что произошло? – тихо спросил Блит.

Ответ пришел вскоре из воды, окружающей корабль. Освещенные пламенем темные фигуры двигались по воде, плывя к берегу при помощи перепончатых лап и змеиных хвостов.

Стикс указал одной из своих палиц на обрыв внизу:

– Там!

К ним взбиралось множество кожистых фигур. Чудовища карабкались по скользкой скале, цепляясь когтистыми руками и ногами. Будучи замеченными, лишенные волос твари обнажили острые зубы. Шипение, словно пар из кипящего чайника, поднялось над водой и обрывом.

– Морские гоблины! – хрипло прошептал Блит.

Тайрус наконец понял, что случилось с прибрежным селением – судьбу жителей, отсутствие тел. Он рискнул оглянуться и не был удивлен, увидев черные фигуры, выходящие из руин: сотни гоблинов. Он слышал стук их жестких шипов на конце хвостов – ядовитое оружие самок. Огонь здесь не имел ничего общего с Каменным Волхвом или исчезнувшими дварфами. Это была просто грубая уловка, чтобы привлечь добычу на эти берега.

Деревня, обрывы, бухта... это была кормушка для дракил – живущей в море расы гоблинов, и Тайрус слепо завел своих людей в нее.

Стая дракил приближалась.

– Мы в ловушке, – сказал Блит.

Каст и Хант, забившись в угол подземелья, искали способ спастись и какое-нибудь оружие, помимо меча Каста и факела Ханта. В запертой комнате эхом отдавались хлопки и треск открывающихся яиц. Вся кладка вылуплялась. Пустые скорлупки падали на каменный пол, а зеленый газ из разломленных яиц заполнял камеру, распространяя вонь кишащего червями мяса, от чего оба мужчины были близки к обмороку.

Перед глазами Каста все плыло; в ушах звенело.

Он старался сохранять бдительность, отбрасывая тварей с щупальцами, которые подбирались слишком близко. Мгновение назад одной удалось ускользнуть от меча и коснуться его руки. Каста обожгло ядом, и он отбросил тварь назад; затем его рука онемела, и ему пришлось сражаться с чудовищами левой рукой.

Сейчас он понял судьбу своей возлюбленной. Сайвин и брата Рина, должно быть, застали врасплох ядовитые газы и

смертельные прикосновения щупалец твари, они были парализованы и отравлены, прежде чем смогли защитить себя, и позволили тварям заползти в их черепа и завладеть их разумом.

Хант тыкал горящим факелом в тварей, огнем сгоняя их с потолка и стен. Он захромал, одна нога была столь же бесполезна, как правая рука Каста. Но склизкие твари продолжали свое неустанное наступление, сотнями вылупляясь из яиц.

Повсюду в комнате чудовища ползли по полу, взбирались по стенам и висели на потолке. С каждым судорожным вдохом их число увеличивалось, пока у Каста не запестрило в глазах.

«Так много...» Он ощущал свою обреченность, но мысль еще более тревожная повергала его в отчаяние. В этой комнате склизких тварей было столько, что хватило бы, чтобы поразить половину обитателей замка. Так почему же столько чудовищ было использовано против его меча и огня Ханта? Только для того, чтобы получить дракона? Или здесь скрывалось что-то большее?

Каст посмотрел на свой меч. Он знал только один способ одержать победу: не дать врагу получить то, что тот хотел столь явно. Если ему придется отдать собственную жизнь, чтобы спасти Рагнарка, пусть будет так.

Он сжал рукоять меча крепче.

– Я... не могу держаться... дольше, – чуть слышно пробормотал Хант. Высокий Кровавый Всадник стоял, опираясь на неповрежденную ногу и шатаясь.

Каст подставил ему плечо, продолжая держать меч наготове.

Сайвин заговорила из-за двери.

– Дыши глубже, моя любовь, – дразнила она. – Вскоре ты снова будешь в моих объятиях.

Каст избегал смотреть на дверь камеры. Это было невыносимо – видеть лицо женщины, которую он любил, глядящей так нежно на его уничтожение. Но он проговорил со всей страстью:

– Сайвин, если ты слышишь меня, сражайся с демоном! Я знаю твое сердце! Ничто не сможет отнять его силу!

За дверью левый глаз Сайвин дернулся. Ее лицо напряглось.

Был ли он услышан?

– Сайвин, прошу, пытайся!

Его сердце болело за нее. Он послал ей остатки своих сил, и упал на колено.

Бесполезно. Словно океан после шторма, лицо Сайвин расслабилось, и шипящий смех, холодный и безрадостный, слетел с губ, которые ему так хотелось поцеловать.

– Такая любовь, – горько проговорил демон. – Но никто не может противиться приказу Господина.

Рядом с ним Хант со стоном упал на пол.

Каст попытался поднять его, но онемевшая рука не слушалась. Факел Кровавого Всадника отлетел так далеко, что до него было не дотянуться. Прежде чем Каст смог помочь, масса студенистых чудовищ упала с потолка на тело Ханта. Хант старался подняться, но парализующий яд множества тварей лишил его способности двигаться.

Оставшись без факела, Каст обнаружил, что его атакуют со всех сторон. Он не мог прийти на помощь своему спутнику. Его меч мелькал, словно молния, кромсая и рубя.

Хант лежал неподвижно. Даже его грудь не поднималась и не опускалась, но Каст видел по его глазам, что он в сознании. В сознании в мертвом теле. Страх в глазах мужчины был ярче любого факела.

Одно из ядовитых чудовищ взобрался по щеке Ханта, вытягивая щупальца. Кончик щупальца дотронулся до края его ноздри, утончившись и скользнув внутрь. Существо просочилось вперед, его тело перешло в более водянистое состояние. Не встретив препятствий, оно прошло внутрь вслед за щупальцем.

Сейчас Каст понял, что усовершенствования этого нового поколения давали более простой доступ в череп жертвы. Больше не нужно было просверливать отверстие. Несмотря на то, что сам был в опасности, Каст бросился другу на помощь. В глазах Ханта светилась паника и ужас... и что-то глубже – тихая мольба оборвать его жизнь сейчас, пока он еще принадлежит сам себе. Каст прыгнул к нему с мечом, не зная точно, что он собирается делать. Но, пока он медлил с мечом в руке над своим другом, оставшаяся часть существа просочилась в череп Ханта.

Слишком поздно. У него не было другого выбора.

Каст опустил клинок – но, прежде чем меч ударил, что-то приземлилось сзади на его шею, обжигая тысячью огней. Каст упал на Ханта, онемение распространилось с его шеи вниз. Меч выпал из его онемевших пальцев.

Он понял, что может двигать только губами и глазами. Он задыхался, пытаясь дышать, но словно какой-то огромный камень давил ему на грудь.

Затем дверь камеры распахнулась. Он увидел, как к нему подходят босые ноги, ловко обходя тварей с щупальцами. Он узнал эти лодыжки и крошечные перепонки между изящными пальцами.

Сайвин заговорила хрипло:

– Собери сималтра. Нам нужно как можно больше, если мы хотим захватить и замок, и левиафана.

– И вторую партию яиц? – Это был Врент, капитан стражи.

– Они будут здесь к наступлению ночи. Так что мы должны получить остров, отрезав все средства связи, и идущего полным ходом левиафана к рассвету. Новые яйца должны быть распространены среди боевого флота, прежде чем он достигнет Блэкхолла.

Услышанное не умещалось в голове Каста. Демоны намеревались отправиться с Алоа Глен под масками верных друзей и распространить заразу среди всего флота. Увенчается их план успехом или нет, но это нападение ослабит флот и посеет недоверие в тот самый момент, когда больше всего нужно объединить силы.

Он старался придумать способ предупредить остальных. Но как? Его терзания, должно быть, отобразились на его лице. Сайвин опустилась на колени рядом с ним. Она держала одну из сималтра в руке.

– Не волнуйся, любовь моя.

Она наклонилась к нему. Каст выдохнул одну последнюю мольбу:

– Сайвин...

– Слишком поздно умолять, любовь моя.

Несмотря на ее слова, Каст заметил легкую дрожь в ее левом глазу. Он молился Небесной Матери, чтобы был услышан. Он знал, что это возможно для одержимого – освободиться на краткие мгновения. Эльфийский капитан с осквернённого корабля смог предупредить Мерика и разбить свой корабль. Даже Сайвин сделала это тогда, в библиотеке. Сейчас ему было нужно, чтобы она сделала это еще один раз – всего лишь на мгновение.

Он встретил взгляд Сайвин, когда она протянула к нему руку с чудовищем. Он смотрел в ее глаза, пытаясь найти в них ответ, какой-то намек, как спастись. Должна была быть причина, по которой врагу понадобился Рагнарк. Он был уверен, что дело было не только в силе дракона. Учитывая все приложенные усилия, здесь должна была быть иная цель.

И он поймал отблеск того ответа, который искал. В глазах демона явно светились два чувства: страх и облегчение.

Он начал понимать. Они боялись дракона! Что-то, связанное с Рагнарком, ставило под угрозу их план.

Каст справился с тяжестью, давившей на грудь, и сделал глубокий вдох. Он собрал всю любовь и силу, что осталась в его душе, и произнес слова, которые, он надеялся, Сайвин могла понять:

– Ты нужна мне!

Вновь ее левый глаз дернулся. Рука, державшая шевелящую щупальцами сималтра остановилась, едва заметно дрожа.

– Ты нужна мне, Сайвин... – взмолился он снова.

– Каст? – голос был слабым, шепот на ветру, но для него он был подобен грому.

– Сейчас, любовь моя... Ты нужна мне сейчас!

Ее другая рука поднялась, неуверенно двигаясь к нему. Затем эта рука тоже остановилась. Сайвин сидела на коленях, застыв в безмолвной битве, с двумя вытянутыми руками – на одной ладони чудовище, что отравит его разум, на другой – спасение.

Каст пытался двигаться, но его тело не могло сопротивляться яду. Все, что он смог сделать – поднять шею, оторвав от каменного пола щеку, предлагая ей свою драконью татуировку. Это

забрало остатки его силы. Ему не хватало дыхания, чтобы говорить, лишь его глаза умоляли исполнить желание его сердца.

Но вновь любовь проиграла железной хватке демонической магии.

Что-то умерло в глазах Сайвин. Рука, держащая чудовище, вновь двинулась вперед. Хищная улыбка искривила ее губы. Каст попытался отклониться, но его тело было словно тяжелый якорь, не дававший ему сдвинуться с места. Сималтра коснулась его. Едкая слизь твари обожгла его лицо. Он закрыл глаза, понимая, что проиграл.

«Сайвин, я люблю тебя. Сейчас и навеки».

Он ждал, когда же отравляющий зеленый газ отправит его в забытье, заберет его прочь от его ужаса и потери. Но прежде чем он смог сбежать из реальности, пламя, в тысячу раз более обжигающее, чем прикосновение сималтра, опалило другую его щеку. Он почувствовал пальцы на своей шее, огонь распространялся от них, отмечая границы его драконьей татуировки.

Шепот долетел до него сквозь боль, и стал бальзамом, обратившим агонию в экстаз:

– Ты нужен мне...

Глава 16

Тайрус и остальные отступили к костру. Густой туман наползал с моря, укрывая прибрежные утесы и сжимая мир до границ небольшого сквера. Даже деревня оказалась проглочена туманами.

Но истинная угроза не могла скрыться так легко. Нескончаемое шипение, полное голода и жажды крови приходило эхом со всех сторон. Сквозь туман тут и там мелькали темные фигуры.

– Если этот супчик станет еще гуще, – пробормотал Блит, – мы собственное оружие-то в руках не разглядим.

– Сохраняйте бдительность, – предупредил Тайрус. Он поднял меч. – Пелена тумана может быть таким же благом для нас, как и для гоблинов.

– Как это? – прошептал Хурл. – Ты думаешь, мы сможем ускользнуть?

– Дракил – морские твари. Если мы сумеем пройти через деревню и отступить в лес за ней, чудовища не смогут нас преследовать.

Стикс потер свои палицы друг о друга, как люди потирают руки, чтобы согреть их.

– Если мы не сможем пройти через деревню, то нам придется прорваться сквозь нее.

Позади Стикса Флетч опустился на одно колено, натягивая тетиву и направляя стрелу на дракил, что подобрались к самым границам сквера.

– Почему они не нападают на нас? – тихо спросил житель степей.

Некоторое время никто не отвечал, затем заговорил Хурл:

– Этот сквер. Они чувствуют, что что-то здесь не так. Их чутье острее нашего.

– Мать Небесная, – выпалил Блит, – не надо больше этого лепета про проклятого Каменного Волхва.

Лицо Хурла помрачнело, но Тайрус заметил, как глаза мужчины метнулись к статуям двух испуганных детей.

– Ну, что-то их удерживает, – предположил Флетч.

С этим Блит не стал спорить. Чудовища действительно не спешили нападать. Но их шипение не смолкало и усиливалось.

Однако их нежелание нападать заставило Тайруса задуматься: если дракил так не хотелось заходить в парк, почему они разожгли ложный сигнальный огонь здесь? Костер, разожженный где-то в другом месте, точно так же легко привлек бы корабль, проходящий мимо.

В огне позади него поленья с треском упали. Тайрус подумал: а не было ли его изначальное подозрение, что это гоблины разожгли костер, неверным? Но если не дракил, то кто это сделал и почему?

Пока он думал об этом, морской бриз стих. Туман стал гуще – как раз то, чего ждал Тайрус.

– Готовьтесь, парни, – прошептал он, крепче сжимая меч. – По моей команде бежим к северной стене, перемахиваем через нее и бежим через деревню. Мы должны прятаться в тумане как можно дольше. Только покажись, и их на нас набросится столько, сколько блох на заднице шелудивого пса.

Все кивнули.

Тайрус нашел взглядом их лучника:

– Время тебе доказать свое искусство, мастер Флетч. – Он указал на юг: – Можешь подстрелить одного из дракил вон там?

Флетч повернулся:

– Есть, капитан. Будет мертв, прежде чем упадет на землю.

– Нет, – сказал Тайрус. – Прострели ногу или руку. Нам нужно, чтобы гадкая тварь кричала, как раненая птичка.

Флетч кивнул и прицелился.

– По моей команде, – повторил Тайрус.

Поняв, что один из них ранен, дракил хлынут на юг, решив, что их жертвы собираются прорваться на свободу там. Пока гоблины отвлекутся, Тайрус и его люди намеревались бежать в противоположном направлении.

– Готовься, – прошептал он. Темные фигуры двигались вдоль южной стены. – Сейчас!

Флетч отпустил стрелу с искусством степных кланов. Она просвистела в туманном воздухе, затем вошла в мягкую плоть. Крик боли прорезался сквозь постоянное шипение.

– Бежим! – прошептал Тайрус.

Указывая путь, он легко промчался по дорожке, мощенной камнем, огибая кусты и статуи. Другие следовали за ним так же бесшумно и быстро. Впереди из тумана показалась стена высотой до пояса.

Тайрус достиг стены и побежал вдоль нее, пригнувшись, чтобы быть менее заметным. В северо-восточном углу парка он жестом велел остальным прыгать через невысокую стену. Он подождал, пока Хурл, Флетч и Блит переберутся через стену. Стикс, согнувшись и держа палицы наготове, махнул ему, чтобы он шел следующим.

На той стороне сквера вопли раненого гоблина оборвались с булькающим звуком. Дракил не были милосердны по отношению к своим раненым. Повисла тишина.

Время стремительно уходило.

Тайрус повернулся к стене, прислушиваясь к суматохе неразличимой из-за тумана: драка, одиночный рык, быстрый вскрик. Тайрус чертыхнулся вполголоса.

Над стеной появилось лицо Блита.

– Гоблин, – объяснил он.

В его глазах отчетливо светилось беспокойство.

С обоих сторон поднялись крики и шипение. Когти скребли по камню все ближе. Дракил возвращались.

Тайрус перемахнул через низкую стену, за ним быстро последовал Стикс. Гоблин лежал у их ног. Его череп был рассечен надвое. Хурл стоял на коленях неподалеку, вытирая топор о траву.

Пригнувшись, Тайрус указал на ближайшую улицу деревни. Вновь он бежал первым прямо по грязи и траве. Он нырнул в узкую улицу и бросился бежать вдоль поросших сорной травой развалин. Улица разветвлялась, ее пересекали другие. Тайрус не останавливался ни на одной из развилок, не задумываясь ни на секунду. Он доверял своему чутью. Однако в густом тумане одна пустынная улица была похожа на другую.

Позади них орда дракил разразилась криками и яростными воплями: их мертвый собрат, должно быть, был обнаружен. Разъяренное шипение эхом отдавалось на улицах и мешало выбирать правильно направление. Временами казалось, что они скорее бегут на крики, а не прочь от них.

«Разве я уже не пробегал мимо этого сожженного остова здания?» Тайрус остановился, бесшумно ловя ртом воздух, и оглянулся вокруг. Три улицы вели отсюда.

Блит появился позади него.

– Капитан? – прошептал он.

Тайрус покачал головой, пожимая плечами и тем самым показывая свою неуверенность.

Где-то поблизости черепичная крыша обрушилась на обгорелые останки здания, но вновь эхо сыграло с ними шутку, и они не поняли, откуда донесся звук. Тайрус пытался ориентироваться по соседним крышам. Ничего кроме тумана.

Блит указал мечом в сторону одной из улиц, жестом подсказывая, что нужно идти туда. Но Хурл подошел и кивнул в другую сторону.

Прозвенела тетива, и гоблин вывалился на камни улицы из окна на верхнем этаже, оперенная стрела торчала в его глазу. Флетч выпрямился, доставая другую стрелу из колчана.

Стикс взмахнул палицей, указывая на улицы вокруг, напоминая, что любой путь лучше, чем стоять столбом.

Тайрус не мог поспорить с логикой гиганта и последовал его совету.

Они побежали, держась ближе к стенам. Улицы проносились мимо. То ли деревню полностью укутал чудовищный туман, то ли они и в самом деле несколько раз повернули не туда. Они бы уже должны были вырваться из деревни и оказаться в лесу.

Наконец крики гоблинов затихли. Но это только лишило их присутствия духа. Они вновь замедлили шаг, вглядываясь в каждую тень.

Наконец здания расступились с обеих сторон. Пройдя еще несколько шагов, они убедились, что покинули селение.

Блит с облегчением вздохнул. Тайрус устремился вперед, полный надежды. Обрадованный тем, что они спаслись из окутанной туманом ловушки, он врезался прямо в темную фигуру, внезапно появившуюся из тумана. Он не сумел удержать равновесие и упал к ногам незнакомца.

Вскочив, Тайрус увидел, что это было не живое существо, а еще одна статуя. Он смотрел в знакомое лицо: обветшалый каменный лик сурового старца, стоящего со скрещенными руками – та же статуя, что защищала вход в сквер у обрыва. Его сердце словно провалилось куда-то в желудок.

– Мы вернулись назад, – выпалил он, поворачиваясь к остальным.

Хурл отступил на шаг:

– Нет!

Тайрус подумал, что северянин просто издал возглас отчаяния, но Флетч выдохнул в ужасе:

– Здесь нет костра.

Глаза Тайруса расширились. Даже туман не мог бы скрыть огромного пламени, тем более на таком близком расстоянии. Он обернулся, и увидел, что руки статуи тянутся к нему.

Холодные каменные пальцы сжали его шею.

Его люди пришли ему на помощь с мечом и топором – суровые пираты, верные своему капитану. Но пальцы продолжали сжиматься, и он был поднят над землей за шею, словно коте-

нок. В глазах у него потемнело. Меч выпал из его руки, но он пытался бороться, дергаясь и царапая пальцы, что поймали его. Тщетно.

Он начал задыхаться. В его ушах громко отдавался каждый удар сердца, а пальцы продолжали сжиматься. Окружающий мир растворился в темноте. Его ноги и руки стали тяжелыми, словно налились свинцом.

Но в следующее мгновение оказалось, что сравнение было неверным.

– Милосердная Мать... – голос Хурла прозвенел в его ушах, заглушив удары сердца. – Он превращает капитана в камень!

Сайвин пришла в себя, услышав рев дракона. Она заморгала, когда мир света и звука вернулся к ней. Темная пещера злобы, в которую она была поймана, больше не удерживала ее. Она была свободна!

Рагнарк взревел под ней: она сидела на его шее. Он вонзил свои серебряные когти в пол камеры и расправил крылья, расшвыривая яйца. Твари с щупальцами отшатывались от удара его когтей. Сайвин чувствовала жжение в стопах, разделяя ощущения дракона, когда он раздавливал мерзких тварей.

Она громко всхлипнула, одновременно от радости быть свободной и от боли в сердце, которая разрывала ее. Она помнила все злодеяния, которые совершила, и невинную кровь на своих руках. Одержимая сималтра, она помнила все, но была не в силах контролировать свое тело, пока злобные щупальца рылись в ее самых глубоко скрываемых тайнах и воспоминаниях. Ее воля исчезла, замененная чем-то столь же темным, как дно самого глубокого из морей.

Дракон поднялся под ней. Она в последний момент пригнулась, чтобы избежать удара о низкий потолок. Рагнарк ярился, взбешенный и разгневанный, как никогда прежде. Он атаковал в слепой ярости, рыча. Она чувствовала его гнев и его горе, и поняла, что было причиной его гнева. Связанная с его душой, она видела, что это по ней горевал гигантский дракон.

– Рагнарк, – прошептала она. – Я здесь. Успокойся.

Дракон замер с одним поднятым когтем: «Связанная?»

– Да, любовь моя. Это я.

Он опустил коготь. «Мне снилось, что ты потеряна, поглощена щупальцами».

– Это был не сон, – прошептала она, еще не совсем понимая, что произошло. Почему она вновь свободна? Она помнила, как ощутила желание Каста, мольбу в его глазах, любовь в его сердце. Она напрягла все силы, чтобы дотянуться до этого сердца.

Затем последовала вспышка магии... и она оказалась свободна. Ее воля вновь была ее собственной. «Каст, любовь моя».

Поток тепла окутал ее, придя из двух сердец – дракона и человека.

Новые слезы заполнили ее глаза, но она вытерла их и огляделась. Дверь камеры была распахнута, но одержимые сималтра мужчины исчезли. Пока она сама была одержима, ей были недоступны сокровенные замыслы монстров Темного Лорда, но она знала, что они боятся Рагнарка. Они надеялись завладеть Кастом и таким образом удержать дракона на поводке. Но когда Рагнарк высвободился, они отступили, унося свои темные щупальца с Алоа Глен. Эта маленькая битва была выиграна, но оставалась другая война – намного больше.

Когда Сайвин осмотрелась, она поняла, что еще кое-кто пропал.

Ханта не было.

Она вспомнила, как сималтра завладела сыном Верховного Килевого, и впала в отчаяние. Похоже, ее одну освободила драконья магия.

Существа с щупальцами отступили после нападения дракона, отползая по стенам, полу и потолку. Рагнарк вытянул шею и взревел, предупреждая их: держитесь подальше.

Но эффект оказался более сильным.

От его рева твари съежились и ссохлись, словно под иссушающим ветром. Многие из чудовищ упали замертво со стен и потолка, словно комки свернувшейся крови.

Сайвин смотрела в изумлении. В прошлом рев дракона мог лишить темной магии скальтум, крылатых демонов Черного

Сердца. Должно быть, произошло нечто подобное. Черная магия тварей не могла выдержать удара стихийной энергии драконьего рева.

Когда иссушенные чудовища упали, она послала безмолвное ободрение своему скакуну.

Своим ревом Рагнарк расчистил комнату, буквально сжигая заполнявшие ее полчища. Он прошел прямо по расколотой скорлупе яиц, чтобы вырвать зло с корнем и ревом полностью уничтожить его. Сайвин чувствовала его удовлетворение, когда он прошел оставшуюся часть помещения, втягивая носом воздух и ударяя лапами.

– С ними покончено? – спросила она, доверяя острому обонянию дракона.

Прежде чем он смог ответить, возле двери поднялась суматоха. Стражники ворвались в комнату, вооруженные копьями. Хранитель подземелья, Гост, был среди них. Должно быть, он позвал подмогу, когда услышал рев Рагнарка.

Сайвин подняла руку.

– Стойте, – предупредила она. – Входить сюда может быть все еще небезопасно.

Один из стражников вышел вперед. Она узнала Пайрана, внука мастера Эдилла и командира сил мираи, остававшихся здесь.

– Сайвин?

– Не бойся, – она отвечала подозрительности в его глазах. – Магия Рагнарка уничтожила демона, который завладел мной.

Взгляд Пайрана оставался настороженным. Никто не опустил копье.

Она понимала их опасения. Как можно было ей доверять?

Пайран заговорил:

– Мы столкнулись с отрядом Кровавых Всадников по пути сюда. Они атаковали нас, затем ушли через потайную дверь.

Дреренди выступил вперед, его голос дрожал от ужаса:

– Один из них был Врент, капитан нашей стражи. Другой был сам сын Верховного Килевого.

Сайвин застонала. Если Темный Лорд получил знания Ханта о силах Дреренди, опасность для флота, направляющегося к

Блэкколлу, увеличилась во много раз. Сбежавший отряд необходимо остановить, пока не стало слишком поздно.

– Я освободила магию дракона, – сказала Сайвин. – Если вы не верите моему слову, возможно, вы поверите слову Каста.

Сайвин соскользнула с шеи дракона на каменный пол. Она старалась касаться одной рукой дракона, пока не будет готова. Копья и мечи следовали за каждым ее движением.

Она не обратила на них внимания и повернулась к Рагнарку:

– Я должна отпустить тебя, мой гигант.

«Связанная... ты не должна уходить».

Она слышала глубокое горе в его голосе.

– Я должна. Должна доказать, что я свободна от щупалец.

«Но, связанная... ты не свободна».

Она нахмурилась и безмолвно послала ему мысли: «Я принадлежу сама себе». – «Нет, – мысли дракона были уверенными. – Я по-прежнему ощущаю щупальца в этой пещере».

– Где? – спросила она громко.

Рагнарк дотянулся носом и вдохнул запах ее волос: «Здесь... внутри тебя. Оно по-прежнему живо. Прячется там, где я не могу достать его, затаилось и ждет».

Сайвин чувствовала, что дракон говорит правду. Она не была свободна. Хотя магия Рагнарка заставила сималтра выпустить ее из своей хватки, освободив временно из тюрьмы, она не смогла уничтожить чудовище. Оно по-прежнему было живо внутри ее черепа, ожидая, когда сможет захватить ее снова.

Ее пальцы сжали край чешуи. Она чувствовала, как ее ноги слабеют. Без дракона зло внутри нее вновь одержит верх. Ужас наполнял ее при мысли, что освободив Каста, она потеряет себя.

– Сайвин? – позвал ее Пайран от двери, явно желая знать причину задержки.

Она повернулась к мираи.

– Я... я ошиблась, – прошептала она, ее грудь сжимало отчаяние. – Я не свободна.

Пайран нахмурился, услышав ее слова.

– Пусть четверо из твоих людей окружат меня, нацелив на меня копья. Я не должна сбежать.

– Я не понимаю.

Сайвин покачала головой:

– Когда я освобожу дракона и позову назад Каста, я вновь стану одержима.

Его лицо побледнело.

– Тогда не отпускай дракона.

Сайвин обвела свободной рукой камеру:

– И заключить нас троих здесь? Рагнарк слишком большой, чтобы пройти через эту дверь.

– Должен быть другой способ.

Сайвин прижалась лбом к дракону:

– Мы должны верить, что Каст найдет его.

«Останься со мной, – просил Рагнарк. – Я проложу путь наружу из этой пещеры. Мое сердце сильное, мои когти сильнее».

Сайвин улыбнулась сквозь слезы: «Никто не сомневается в твоем сердце, мой гигант, но это не способ обрести истинную свободу».

Рагнарк не отвечал долгое время, затем она почувствовала его понимание и его страх. Он был словно эхо ее собственного ужаса. Она боялась вновь попасть в ловушку, вновь остаться одной в темной тюрьме.

«Не одной, – прошептал Рагнарк в ее сердце. – Ты никогда не будешь одна».

Она опять почувствовала поток тепла, идущий из двух сердец. Она притянула эту любовь и это тепло ближе к себе, словно натягивая на себя одеяло. И не давая страху одержать над ней верх, она отступила назад, убрав руку с дракона.

Мир вокруг взорвался вихрем черных чешуй. Внутренние барьеры исчезли – и она как будто упала в колодец, и холодные щупальца протянулись, чтобы схватить ее.

Она изо всей силы потянула на себя сплетенное из любви одеяло, закрывая им свое сердце.

«Спаси меня...» – прошептала она в пустоту.

Вокруг Тайруса мир затвердел, словно сам воздух стал гуще, сначала обратившись в молассу, затем в цемент, затем в камень.

Он не чувствовал своего тела – оно обратилось в гранит. Он больше не мог двигаться. Он не мог моргать, но видел, как каменная статуя опускает его вниз, вонзая его ноги в мягкую почву, как человек может вбивать в землю колья забора.

Даже время, казалось, остановилось. Он видел, как его люди пытаются атаковать Каменного Волхва, которым это существо, несомненно, было. Их голоса звучали странно высоко; их усилия казались неистовыми, но какими-то размытыми. Время уносилось в будущее, оставляя Тайруса позади. Беспомощный, Тайрус наблюдал, как его люди, один за другим, подвергаются воздействию той же самой магии. Вокруг него появились новые статуи: вот Блит, застывший с поднятым мечом, вот Стикс, пригнувшись, поднял скрещенные палицы в попытке защититься; Флетч замер с луком и наполовину спущенной тетивой.

Остался только один. Размытое пятно, бывшее Хурлом, сражалось с демоном из страшных историй его детства. Каменный Волхв выдержал удары топора мужчины, никак не отреагировав, его лицо сохраняло прежнее суровое выражение.

Тайрус видел, как каменная рука двинулась со скоростью летящего времени и схватила Хурла за запястье. Последний из его людей будет поглощен чарами Волхва.

Он не хотел, чтобы это произошло; и боролся со свинцовым воздухом. Он чувствовал, что заклятие будет снято, если только он сможет пошевелить хотя бы пальцем. Он вложил всю свою волю и всю силу своего желания в одну руку.

«Двигайся, черт тебя побери... двигайся!»

На его глазах тело и одежда Хурла превратились в серый необработанный гранит.

Тайрус продолжал бороться. У него не было выбора.

Хурл застыл на земле – гранитная статуя ужаса и ярости. Каменный Волхв оглядел свою коллекцию статуй. Его губы задвигались, и он произнес слова, полные отвращения. Он, должно быть, говорил очень медленно, поскольку его слова были четкими и ясными.

– Пираты... грязная тина в море... вы охотитесь за падалью, что оставил позади себя Темный Лорд. Я проклинаю ваши чер-

ные сердца и оставляю вас здесь – наблюдать, как мир походит мимо.

Тайрус стал бороться отчаяннее.

«Мы не твои враги! – беззвучно обратился он к Волхву. – Мы сражаемся с тем же, с чем и ты!»

Он не был услышан. Каменная фигура отвернулась; медленно двигаясь, камень полз через окутанное туманом поле.

«Подожди!» – закричал Тайрус мысленно. Он старался заставить свое каменное тело двигаться. Рука, палец... что-нибудь. Он напряжения в глазах у него потемнело.

«Милосердная Мать, освободи меня!»

Смех ответил ему, очень слабый и очень далекий. Но это не был голос Небесной Матери. Это был низкий, рокочущий звук, он поднимался из каменистой земли под ним. Затем последовали слова, еще более слабые, чем смех:

«Вспомни о своих корнях, дурак».

Оскорбление, но в нем звучал оттенок покоя и дружбы.

«Кто?..»

Снова смех; на этот раз он прозвучал более угрюмо:

«Мы камень, ты и я. Один Скала, другой Гранит. Ты забыл своего побратима?»

Тайрус почувствовал, как его сердце дрогнуло в груди, узнавая. «Крал!» Его разум чуть не помутился от смятения. «Как?..» – «Я нашел тебя через старые узы верности, связь кровью и клятвой на мрильской стали. То, что сделано из камня, никогда по-настоящему не умирает, лишь дремлет. Я услышал, как ты зовешь сквозь камень, крича об освобождении от твоей собственной крови, – зарокотал низкий смех. – Какая глупость...»

Тайрус почувствовал, как в нем закипает гнев: «Я пойман в ловушку, заперт в статуе». – «В самом деле? – вздох прозвучал так, словно каменная плита повернулась глубоко под землей. – Ты слишком долго жил среди пиратов и бандитов. Ты забыл, кем ты рожден? Ты лорд Тиламон Ройсон, наследник и правитель замка Мрил, лорд Северной Стены. Гранит течет в твоих венах».

Тайрус внутренне нахмурился: «У Северной Стены – возможно, но не здесь».

– «Где бы ты ни находился, ты остаешься принцем. – Крал сказал это как очевидность, с которой не поспоришь. – Гранит есть гранит».

Тайрус прислушался к своему сердцу. Могло ли это быть правдой?

Голос Крала начал стихать, вновь уходя к каменным корням мира: «Камень никогда не сможет удержать тебя в плену. Мы камень, ты и я. Какая еще магия тебе нужна?»

Его голос смолк.

«Крал?»

Ответа не последовало. Но на краткий миг Тайрус почувствовал что-то еще – прикосновение пророчества, нечто, что тоже принадлежало ему по праву рождения. Хотя время горца и закончилось, он мог быть призван для последней великой миссии, когда придет время. Поэтому Тайрус не стал взывать к нему. Он отпустил великана в его каменный сон.

«Храни мой фамильный меч, человек гор. Носи его с честью».

Тайрус вновь сосредоточился на настоящем, с удивлением обнаружив Каменного Волхва всего в нескольких шагах от него, медленно продвигающегося вперед.

Тайрус сконцентрировался. Он оставил всякую надежду пошевелить рукой или пальцем. Вместо этого он пробудил энергию внутри себя, в своем собственном сердце. Он вспомнил замок Мрил, любимый дом. У Северной Стены ему нужно было только приложить ладони к граниту и позволить энергии жизни в камне обратить его в камень, позволить себе перетечь в камень и пройти сквозь великую стену, словно сквозь воду.

«Гранит есть гранит» – слова горца эхом прозвучали в его сердце.

Тайрус сосредоточился, вспомнив, кто он такой, какая кровь течет в его жилах. Он коснулся магии в своем сердце, вложив в нее свое желание и волю.

Постепенно он почувствовал, как воздух вокруг него становится мягче. Камень переплавлялся в цемент. Его поднятая рука опустилась под тяжестью собственного веса.

Тайрус старался сохранять спокойствие, позволяя миру вокруг него оттаивать. Его руки и ноги сгибались, освобождаясь от застывшего положения. Его губы разделились; его грудь приподнялась. Он сделал осторожный шаг, подняв ногу с земли. Словно он пробирался через молассы, но он двигался! Время вернулось к своему нормальному течению, к наезженной колее. Стремительно несущиеся облака замедлили свой бег, мягко поплыли по небу.

Тайрус поднял руки. Они по-прежнему оставались темно-серым необработанным гранитом. Заклятие все еще лежало на нем, но он больше не был неподвижной статуей. Он поднял голову и заметил Каменного Волхва. Когда время вернулось к своему нормальному течению, Волхв стал казаться всего лишь статуей в туманном лесу. Но на самом деле он двигался, уверенно и решительно поднимаясь на холм.

Тайрус вложил каменный меч в ножны и начал преследовать свою жертву. Он не мог бросить членов своей команды в таком состоянии. Он заставит этого монстра вернуться и освободить его друзей. Тайрус поднимался на холм, но лишь чуть-чуть быстрее, чем Волхв. Гранит в самом деле был гранитом, и хотя он двигался, он по-прежнему был тяжелым. С каждым шагом его ноги тонули в покрытой листьям грязи лесной земли. Так бывает, когда идешь по глубокому снегу, но Тайрус все равно продвигался вперед.

Он был еще далеко от Волхва, когда тот заметил преследователя. Суровое лицо повернулось к нему.

Тайрус почувствовал некоторое удовлетворение от удивленного выражения, которое растеклось, словно лава, по каменному лику мужчины.

– Как? – спросил Волхв.

Тайрус продолжал подниматься по склону:

– Ты не один, в чьей крови течет камень.

– Демон! Прихвостень Черного Сердца... – обличающие слова слетали с холодных губ, пока Волхв смотрел на него. Пальцы сложились в каменные кулаки.

– Я не демон, – Тайрус почти поднялся на вершину. – Это не я обратил невинных людей в статуи и оставил их умирать.

Лицо нахмурилось.

– Невинных? Я видел ваш корабль. Пираты. Акулы морей. – Рык поднялся из каменного горла, и проблеск безумия появился в его глазах. – Вы не лучше, чем те чудовища, что наводнили деревню.

– Ты несправедливо судишь о нас. Мы не собирались причинять кому-то вред. Мы сошли на берег только для того, чтобы найти наших потерянных друзей.

Он усмехнулся.

– Это не ваша земля. Вы и ваши потерянные друзья не принадлежат этому месту. Я защищаю эту землю так, как считаю нужным. – С решительностью камня, скатывающегося с холма, он отвернулся.

Тайрус поднял руку, чтобы остановить его, но она была отброшена прочь со звуком крошащегося камня, а Волхв продолжил подниматься на возвышенность.

– Ты должен снять заклятье с моих друзей! – крикнул Тайрус, следуя за Волхвом. – Я буду преследовать тебя до самого Блэкхолла, если потребуется!

Упоминание логова Темного Лорда возымело желаемый эффект. Волхв повернулся со скоростью, которую трудно было предположить в его каменных ногах.

– Никогда не упоминай это мерзкое место, ставшее проклятьем северных земель.

– Ты заявляешь, что защищаешь эти земли. Так почему же ты препятствуешь тем самым людям, кто идет войной на жуткий остров?

Замешательство смешалось с подозрительностью на лице Волхва.

Тайрус продолжал:

– Это ты тот, кто исполняет здесь волю Черного Сердца, не я!

Гнев поднялся в его собеседнике.

– Ложь! – прошипел он.

Тайрус вытянул руки:

– Камень не лжет. Если ты рожден Землей как ее воплощение, тогда ты узнаешь правду, начертанную в камне!

Волхв смотрел в его раскрытые ладони, затем медленно поместил свои руки поверх рук Тайруса.

Тайрус смотрел в глаза другого, гранит встретился с гранитом. Он молился, чтобы безумие каменного существа прояснилось и можно былоткрыть ему истину. Он без сомнений проговорил:

– Через десять дней четыре армии соберутся у Блэкхолла, принеся туда магию самой Земли. Мы готовы положить собственные жизни, чтобы прорваться в логово и выкурить червя из его черной норы.

С каждым словом глаза Волхва расширялись. Черный блеск на миг померк в них.

– Ты говоришь правду.

Тайрус вздохнул с облегчением.

Каменный Волхв убрал руки и закрыл лицо.

– Неужели эта боль никогда не закончится?

Тайрус подошел ближе.

– Еще не поздно исправить свою ошибку. Освободи моих людей от заклятия.

Волхв спотыкающимися шагами начал спускаться к дальнему подножию холма.

– Я не могу.

Его слова были хриплым стоном.

Тайрус последовал за ним:

– Почему?

Каменная фигура оглянулась через плечо:

– Это заклинание нельзя снять. Однажды наложенное, оно не может быть снято. Вот почему я постоянно возвращаюсь в деревню.

Тайрус нахмурился; затем понял.

– Каменные жители деревни... костер...

– Трагическая ошибка... – каменные плечи поникли от горя. – Две зимы назад деревня была атакована псами-солдатами и монстрами. Я был призван, когда близился конец битвы. В сквере я использовал свою магию. Я был так ослеплен гневом из-за убийств и грабежей, что не заметил, как моя магия расползается по земле вокруг меня. Жители, не успевшие убежать, были обращены в камень ...

Волхв покачал головой:

– Я уничтожил статуи нападавших, сжег мертвых, и развел огонь, чтобы отметить деревню как мою собственность и оставить свет и тепло тем, кого я по ошибке заточил в камень. Это все, что я мог сделать. Дракил появились прошлой зимой. Пока гоблины не заходили в сквер, я позволял им бродить по руинам. Они примитивные твари, и их голод защищал сквер не хуже меня самого. Я не хотел, чтобы кто-то потревожил место упокоения бедных жителей деревни.

Тайрус услышал боль в его голосе. Вина давила на его сердце тяжелее, чем гранит.

– Так, значит, нет способа снять заклятье?

Поза его собеседника выражала горе, а его молчание было красноречивее слов.

Тайрус сжал каменные пальцы. Что ему теперь делать? Ни корабля, ни команды...

Небеса на востоке начали светлеть. Большая часть ночи прошла, пока он стоял на месте, попав в водоворот времени. Теперь же утренний бриз срывал покров тумана. Сияли звезды.

Тайрус смотрел на низину у его ног, погруженный в свои мысли. В низине звездный свет освещал лесную просеку. Оттуда, где стоял Тайрус, было видно, что лес внизу и на следующем холме срублен, остались только пни, тянувшиеся насколько хватало глаз.

Целый лес пней. «Кому могло понадобиться столько дерева?»

Здесь, на вершине, порывами налетал ветер, разгоняя туман. Когда стало светлее, Тайрус понял, что ошибся. Он смотрел вниз в ужасе.

Позади него послышался голос.

– По крайней мере, здесь мне удалось сделать что-то хорошее, – пробормотал Каменный Волхв. – Как бы то ни было, этот ужасающий легион Темного Лорда никому уже не причинит вреда.

Тайрус вновь застыл, не в силах двигаться – статуя, как тысячи других статуй внизу.

Он наконец нашел армию дварфов.

Глава 17

Каст стоял на коленях возле мертвого мальчика в северной башне. Блестящие глаза смотрели в потолок, и холодные губы были искривлены болью. На полу собиралась лужица крови, медленно вытекавшей из перерезанного горла мальчика. Убийство было недавним.

Каст закрыл глаза ребенка. Он подумал, что на сердце у него уже не может стать тяжелее этой ночью.

– Мне жаль, Тайлин, – сказал он, вспомнив восторженного паренька, его радость и юношескую гордость своим драконом, Хелией. Так много жизни... и сейчас она покинула его навеки.

Каст видел других мираи, убитых и брошенных в зале и у ступеней башни. «Засада...» Отряд мираи возвращался с последними яйцами с разбитого корабля. Они не знали, что им следует опасаться Ханта или капитана стражи Кровавых Всадников...

И не было сомнений в том, кто напал на этот отряд и убил всех. Это явно была работа Дреренди – и ни одного черного яйца не осталось.

Каст чертыхнулся вполголоса. Эти убийства были его виной. Он слишком долго медлил в подземелье внизу, глядя, как Сайвин связывают по рукам и ногам. Она боролась, с пеной у рта

выкрикивала грязные ругательства, смеялась как безумная. Занятый собственной болью, Каст был не в состоянии действовать быстро. Он и не подумал послать немедленное предупреждение и подмогу мираи, возвращавшимся из моря с последними яйцами.

Он смотрел на результаты своей близорукости. В эти дни кровь была расплатой за малейший неправильный шаг. Каст выпрямился и сжал кулаки. Больше этого не будет. Пришло время перенести войну туда, где она должна быть.

Торопливые шаги послышались позади него. Он обернулся и увидел Пайрана, бегущего к нему в окружении других мираи.

– Мы напали на их след, – сказал Пайран. – Они направляются к Гавани.

– Все?

– Мы почти уверены. Мы разговаривали с людьми на улицах. – Голос

воина мираи понизился: – Но в гаванях еще тела. Один из кораблей Дреренди захвачен.

Каст чертыхнулся, ударив кулаком по рукояти меча.

– Я хочу, чтобы эльфийские корабли немедленно поднялись в воздух и преследовали их.

– Я уже разговаривал с эльфийским военачальником. Он отрядил команду преследователей.

Каст кивнул. Но в глубине души он знал, что шанс найти Ханта и остальных очень невелик. Сын Верховного Килевого знал лабиринт островов Архипелага лучше, чем кто бы то ни было. Они могли затеряться в тумане и, прежде чем зайдет луна, пересесть на другой корабль, захватив его силой, если придется. К завтрашнему дню они могут оказаться вне пределов досягаемости.

Но Каст не позволил себе предаваться унынию. Пришло время расширить игровое поле. От Сайвин он узнал, что замышляли одержимые: собрать как можно больше яиц и заразить с их помощью боевой флот.

Такое знание было силой. Чем тратить впустую энергию на бесполезное преследование, лучше расставить ловушку для одержимых и встретить их там, куда они направляются.

Каст повернулся к Пайрану:

– Передай еще одно послание эльфийскому командиру. Мне нужно, чтобы корабль был готов к рассвету.

– Преследовать их?

– Нет, я передаю остров и его защиту тебе. Сообщение об измене и грозящей опасности должно достичь флота. Ксин не смог связаться с Тайрусом этой ночью, и наша связь с ним прервалась. Я не могу рисковать, доверяя столь важное сообщение полету ворона. Я намерен сам отправиться на корабле к флоту и подготовить защиту от одержимых.

При этих словах лицо Пайрина помрачнело.

– Но Алоа Глен...

– Я полностью уверен в твоей способности оборонять эти стены, лейтенант.

– Но...

Каст хлопнул его по плечу, уже почти не видя Пайрана, стоящего перед ним. Мысленно он устремился за стены и укрепления замка. Сердцем он чувствовал, что здесь все закончилось с той последней битвой в подземелье. Истинная битва будет далеко от них, на севере, у Блэкхолла.

– Они напали здесь, потому что боялись Рагнарка, – пробормотал он, вспоминая ненависть в безумных глазах Сайвин. – Но я покажу им, что такое настоящий страх.

Пайран сделал шаг назад:

– Я предупрежу командира немедленно.

Каст медленно разжал кулак. Он окинул взглядом разрушение вокруг, и его глаза остановились на бледном лице мальчика. Кровь собралась маленьким озерцом вокруг Тайлина. Он вспомнил смех юноши, его открытую улыбку и простую, исполненную гордости любовь к своему нефритовому дракону. Где-то далеко эхо разнесло над темными морями скорбный рев одинокого дракона. В нем звучала такая же боль и печаль, как и та, что была в его собственном сердце.

Он отвернулся – его зрение затуманилось. Он вытер глаза. Только одно он мог сделать в ответ на кровопролитие здесь: добиться, чтобы это больше не повторилось.

Он зашагал прочь из зала.

Ждать, когда настанет рассвет, было невыносимо.

Тайрус стоял среди каменных дварфов. Звезды на востоке побледнели – начинался новый день. Это был странный переход между ночью и утром, на всем лежал серебристый сумрак, и казалось, что армия дварфов ждала только солнечного света, который пробудит их от их искусственного сна.

Тайрус медленно пошел мимо рядов дварфов. Он ощущал гранитные глаза воинов, следящих за ним. Он вспомнил свое собственное ощущение – как будто вокруг мир затвердел, удерживая тебя в ловушке. Он оглядывал ряд за рядом, шеренгу за шеренгой: вот пехотинец, десятник, лейтенант и капитан.

Где-то в этой огромной армии, в низине или на холме, стоял и Веннар, их командир. Тайрус искал его, чтобы предложить то утешение, что мог, – пообещать, что война против давнего поработителя народа дварфов не закончилась на этом поле камня и гранита.

– Я не знал, – проговорил тихий голос позади него.

Тайрус закрыл глаза. Он пока не мог простить это.

– Когда я в последний раз слышал о дварфах, – сказал Каменный Волхв, – они были прихвостнями Темного Лорда, его руками и ногами на наших землях. Я думал только о защите.

Тайрус повернулся, чтобы посмотреть на его обветшалый лик.

– Ты когда-то был целителем, если истории не лгут, – принц обвел рукой кладбище живого камня вокруг. – Видишь, к чему привел твой слепой гнев? Он забрал жизнь и исказил ее ужасающим образом. И что же, твои поступки справедливее, чем поступки Черного Сердца?

– Я не знал.

Тайрус не мог стерпеть этого извинения.

– Невежество – самый смертоносный из ядов. В твоих руках оказалась сила, и она возлагает на тебя ответственность. Она дана тебе не для того, чтобы ты причинял вред миру. Вместе с могуществом приходит и ответственность.

Фигура, казалось, согнулась под тяжестью этих слов.

– Я не просил этой силы, – Волхв выпрямился, вытянув каменные руки. – Я ничего не чувствую. Ни ветра на лице, ни дождя. Ни прикосновения руки к щеке, ни мягкости кожи ребенка. Все, чего я касаюсь, обращается в камень.

Тайрус увидел бездонный колодец боли в глазах собеседника – и грань безумия.

– Освободи меня... – взмолился мужчина.

Пока Тайрус смотрел на Волхва, к нему приходило понимание. Это не гнев на Темного Лорда питал его ярость, а обычное одиночество. Волхв провел всю свою жизнь в северных лесах – отшельник, поселившийся в холме. Но хотя он и вел уединенную жизнь, он никогда не был полностью одинок; мир продолжал соприкасаться с ним мириадами способов.

А с этой трансформацией все изменилось.

Волхв был пойман в камень так же, как любой другой здесь. Отделенный от мира, он потерял связь с ним. Он забыл, что значит жить и дышать. Тайрус вспомнил предостережение Хурла: «Помни и никогда не забывай: сердце Каменного Волхва тоже обратилось в камень». Эти слова оказались более пророческими, чем можно было себе представить.

Тайрус не мог простить, но он мог пожалеть. Он смотрел на статую с руками, поднятыми в мольбе.

– Мы найдем способ освободить их, – сказал он и поднял гранитную руку. – Дварфов, моих людей и жителей деревни.

– Это невозможно, – сказал Волхв; его плечи опустились – он был побежден.

Пока Тайрус смотрел на армию, небо светлело. Холмы на севере начинали проступать из темноты. Голые, похожие на скелеты деревья покрывали их склоны. Это был край Каменного леса, некогда бывший домом печальной фигуры, что стояла рядом с ним.

– Расскажи мне о приходе Блэкхолла, – сказал Тайрус.

Волхв закрыл лицо руками.

– Это было слишком ужасно. Я не хочу ворошить эти воспоминания снова.

– Ты должен, – сказал Тайрус более жестко. Он подошел к мужчине и убрал одну руку с его лица. – Если и есть надежда как-то обратить вспять твою магию, я должен знать, как к тебе пришла твоя сила.

Волхв покачал головой:

– Это было слишком мрачное время, чтобы оглядываться на него.

Тайрус убрал другую его руку.

– Тогда оглянись на это! – крикнул он, и указал на каменную армию. – Тысячи оказались заключены в камень твоей рукой, пойманы в камень, как и ты. Ты можешь слышать, как они просят освободить их? Можешь ты увидеть их молящие глаза?

– Нет... нет... – Волхв упал на колени. Его трясло. – Я не знал.

– Теперь ты знаешь! И ты можешь дать им нечто большее, чем костер ночью и хнычущие слова сожаления. Если для этого тебе придется вспомнить прошлое, ты должен заплатить эту цену.

Волхв продолжил дрожать. Его тяжелые колени продавливали почву. Тайрус надеялся, что давил на него не слишком сильно и что Волхв не впадет вновь в безумие.

Затем с его губ медленно слетели слова.

– Я собирал травы на лесной поляне, анис и дыхание сокола. – Он поднял руки к своему носу. – Я все еще могу чувствовать их запах на своих пальцах.

Тайрус подошел на шаг ближе, боясь коснуться мужчины, который погрузился в воспоминания, и тем самым отвлечь его.

– И тут оглушительный рев, словно тысяча бурь разом, разорвал тишину. Земля задрожала, высоко поднимаясь и падая вниз вновь, как если бы она обратилась в штормовое море. Я упал и скватился за землю, молясь Матери вверху и Земле внизу. Наверное, мои молитвы были услышаны, потому что землетрясение прекратилось. Я поднялся и пошел к своему дому в холме. Добравшись туда, я обнаружил, что все окна разбиты, а огромная дубовая дверь расколота надвое. Я вошел внутрь, чтобы посмотреть, что осталось от моего дома и пожитков... Затем...

Дрожь Волхва стала сильнее; стон вырвался из его горла, словно хаос, царивший в душе каменного человека, выходил из него в виде звука, не в силах удерживаться больше внутри.

– Все кончено, – сказал Тайрус. – Здесь ты в безопасности.

Фигура, казалось, не услышала его, но спустя мгновение сквозь завывания стали различимы слова:

– Ветер... горячий, иссушающий, мерзкий ветер пришел, завывая, с моря. Он сорвал все листья с деревьев. Молодые деревца были вырваны с корнем. Старые деревья были расколоты и упали на землю. Я убежал и сжался в подвале, но не спасся от обжигающих ветров. Я не мог дышать. – Волхв схватился руками за горло, он задыхался и дрожал всем телом.

– Успокойся, – убеждал его Тайрус. – Тот ветер ушел, он в прошлом.

Волхв покачал головой.

– Он никогда не уйдет. Я все еще слышу его завывания. Это крик проклятого. – Его голос зазвучал громче, он говорил словно в лихорадке

Тайрус протянул руку к измученному человеку, но Волхв прекратил трястись. Его глаза широко раскрылись, однако Тайрус знал, что он не видит мир вокруг себя.

– День превратился в ночь, когда стих ветер. Я выбежал из дома, но мир исчез. Кругом курился дым, и отравляющая энергия покрывала небеса и земли. Пепел падал словно дождь. И далеко на востоке небеса сияли злобным красным светом – лик, воплощавший в себе все злое, что есть в мире. Я не мог вынести этот взгляд и снова спрятался в доме. Но там не было спасения.

Он опять задрожал.

– Воздух был отравлен. Землю трясло. Злобные крики доносились до меня. Я закрыл голову руками, но они все равно нашли меня, – что-то новое появилось в его голосе с этими последними словами; это звучало похоже на радость.

– Кто нашел тебя?

– Мои маленькие... фэй-ни.

Тайрус вспомнил историю Хурла о крошечных деревянных статуэтках, оживленных целителем. Так это была правда? Или безумие?

Волхв продолжил:

– Я думал, что они уничтожены, но они нашли меня, съежившегося в погребе. Я вышел приветствовать их, но они были испуганы. Они убежали... все, кроме первого фэй-ни, что я создал, – Рааля; это на северном языке означает «король», – последние слова он произнес с горечью. – Он заставил меня посмотреть на себя.

– Посмотреть на себя?

– Он заставил меня повернуться и увидеть тело, обращенное в пепел, у моих ног.

Тайрус нахмурился, не понимая.

– Рааль смахнул пепел и открыл моим глазам каменную фигуру, лежащую на полу погреба. Он заставил меня посмотреть на нее. – Пока Волхв говорил, он поднял руку и осторожно ощупал подбородок, скулы и нос. – Я с трудом узнал свое лицо.

Глаза Тайруса расширились.

– Не было сомнений: на полу лежал мой труп. Я был мертв и даже не знал об этом. Мой дух, должно быть, затерялся в вулканической мгле, не в силах найти путь к Небесной Матери. Но Рааль, будь он проклят, заставил меня взглянуть на свою собственную смерть.

– Что случилось после этого?

– Рааль позвал остальных фэй-ни. Они окружили мое тело и мой дух, и отдали назад то, что я дал им, – он вновь застонал. – Я не просил об этом.

– Что они отдали тебе?

– Жизнь! – крикнул Каменный Волхв. – Жизнь, что я вдохнул в них, они вернули мне стократно.

Тайрус обдумал его слова. Он слышал о стихиях, что способны оживлять неживые предметы, иногда на несколько дней. Но, если верить этому безумцу, он наделил свои создания, этих фэй-ни, самостоятельной жизнью.

– Меня силой вернули назад в мое тело. При помощи той же магии, что смогла оживить дерево, был оживлен и камень. Я поднялся с пола подвала, живой, но заключенный в панцирь затвердевшего пепла.

– А твоя способность обращать других в камень?

Волхв покачал головой:

– Я не знаю. Нельзя было применять эту магию, когда даже сам воздух был искажен. Должно быть, фэй-ни попали под воздействие черной магии в грязном пепле или в омерзительной энергии, пронизывающей покрывало светящегося тумана. Когда я поднялся, я обнаружил, что все, к чему я прикасаюсь, обращается в камень. Спустя некоторое время я понял, что могу изгнать это проклятие из моего тела, – Волхв вновь закрыл лицо, – но цена слишком высока.

– Что за цена?

Волхв опустил руки и взглянул на Тайруса.

– Ты не слушал? – в его словах звучало безумие. – Фэй-ни отдали мне назад то, что я дал им, – жизнь! Очнувшись, я нашел в подвале лишь кусочки дерева, которым нож придал форму. Мои дети погибли! – Волхв сжал кулак. – За исключением Рааля. Он по-прежнему жив. Он бросил меня в лесу и сказал, что, когда Блэкхолл вновь уйдет в небытие, я смогу отдохнуть.

– И что стало с этим Раалем?

Волхв указал на пустынные холмы на севере.

– Он в Каменном лесу, проклятье на его глаза. Восстанавливает своих собратьев.

– Фэй-ни?

– Заклятие подействовало не только на меня,– сказал Волхв. – Искажение магии затронуло и Рааля тоже. Теперь он может обрабатывать окаменевшее дерево и давать ему жизнь, увеличивая число своих соплеменников – он стал истинным королем, как я и назвал его. Но его дети не милосердны и не невинны. Я видел их. Хотя их плоть и бледна, как дерево, из которого они созданы, в них есть что-то темное. Я даже не могу смотреть...

Тайрус перебил его:

– Ты сказал, что их плоть бледна?

Волхв отвернулся от холмов и посмотрел на него:

– Ты по-прежнему не слушаешь. Это было искажение магии. Я могу обращать живое в камень. Рааль может дать камню жизнь.

Тайрус чувствовал искривление и переплетение жутких сил в этих лесах. Он оглядел холмы, поросшие скелетоподобными

деревьями. Первые лучи солнца отражались от обращенных в кристаллическое вещество ветвей окаменевшего леса. Глубже в чаще между деревьями ползли туманы, извиваясь, словно бесплотные духи.

«Не здесь ли лежит ответ? Может ли Рааль обратить вспять магию Волхва? И, если может, сделает ли он это?»

Он повернулся к Волхву:

– Я хочу встретиться с этим Раалем.

Каменная фигура взглянула на него так, словно он сошел с ума.

– Фэй-ни не терпят чужаков. Я же сказал, в их сердцах появилось что-то темное. Я не видел Рааля больше двух столетий.

– Тогда сейчас самое время для воссоединения семьи, – сказал Тайрус. – Давай-ка навестим твою родню.

– Нет, – сказал Каменный Волхв. – Они убьют тебя.

Тайрус похлопал по граниту своей груди.

– Посмотрел бы я на попытку это сделать. – Он повернулся к Каменному лесу. – Отведи меня к этому королю фэй-ни.

Приятно было вновь почувствовать движение настила палубы под ногами, даже если корабль летит в лигах над настоящим морем. Каст закрыл глаза, позволив ветру играть его волосами и плащом и бить его в грудь. Среди Дреренди говорили, что у ветра есть зубы. Этим утром Каст чувствовал его укусы.

Он положил одну руку на изогнутые ограждения палубы; «Вороново крыло» летело на север. Им повезло с погодой: сильный юго-восточный ветер дул с Проклятых Отмелей. Каст ощущал энергию в воздухе – смесь молнии и морской соли. Эльфийский капитан, Лисла, использовала и свою собственную магию, чтобы наполнить паруса и держаться нужного курса. Они хотели достичь флота за три дня, и потребуются все способности капитана, чтобы уложиться в этот срок.

Они вылетели на рассвете: экипаж эльфийских воинов, отряд Кровавых Всадников и мастер Эдилл из мираи. С ними отправился также и один заключенный, связанный и запертый в маленькой каюте: Сайвин. Каст не мог оставить ее. Начина-

лась война, и Рагнарк имел большое значение для этой войны, а она была единственной, кто мог выпустить дракона, запертого внутри него.

Но была и другая причина, по которой он взял с собой Сайвин в это путешествие: надежда. Где-то внутри этого зла была заперта та, кого он любил. Он сжал ограждение, оставляя на нем отпечатки пальцев. Он найдет способ освободить ее или умрет, попытавшись сделать это.

Позади него открылся люк: сильный ветер широко распахнул его, и невысокий шаман из племени зулов выбрался на палубу. Живя среди пиратов, Ксин научился ходить по палубе корабля во время шторма. Он поторопился к Касту, не беспокоясь о надежности веревок, привязанных для страховки от ветра. Голова шамана зулов была побрита, и лишь одна косичка развевалась сзади, будто флаг.

– Я связался с лордом Тайрусом! – сказал он, задыхаясь, наконец оказавшись перед Кастом. Бледный шрам, тянувшийся от глаза через его лоб, казалось, пылал от радости. – Он жив!

– И что у него за новости? Как далеко флот?

Ксин поднял руку.

– Это был едва уловимый контакт. Его послание было приглушенным, как если бы он говорил с закрытым ртом. Все, что я смог разобрать – что-то о дварфах. Но он жив!

– Он вместе с флотом?

Зул нахмурился:

– Нет, я думаю, он один.

– Один?

Ксин пожал плечами:

– Я отдохну и попробую снова позже.

Каст кивнул, чувствуя облегчение.

– Мне нужно, чтобы ты передал сообщение Джоаху.

Ксин потрогал подвеску из зуба акулы у себя на шее. Он использовал этот амулет, чтобы поддерживать связь с группой Елены.

– Я говорил с Джоахом, до того как мы вылетели. Он знает, что мы в пути на север.

– И что с их группой?

– Они предполагают достичь земель огров через день или два. Путешествие замедлено из-за слабеющей стихийной энергии. Даже моя связь с ними слабеет.

Каст вздохнул. Трудно было координировать действия многочисленных армий, имея в распоряжении лишь посланников-воронов и одного шамана со способностью говорить на расстоянии. А сейчас даже его навыки ухудшились. Как же ему хотелось, чтобы Ксин мог связываться не только с Джоахом и Тайрусом!

Ксин заговорил, ощутив его разочарование:

– Это ограниченный способ, – объяснил он, поднимая руки. – Две руки, правая и левая, – два способа для мужчины поприветствовать другого. Это предел моей магии.

Каст похлопал шамана по плечу:

– Я знаю, Ксин. И если бы желания были медными монетами, мы все были бы богаты.

– Я сделаю все, что смогу, чтобы связаться с Тайрусом. Но есть кое-что еще...

Каст услышал нерешительность в голосе собеседника.

– Что?

Тот отвел глаза:

– Та, кому принадлежит твое сердце... Она в опасности.

– Я знаю. Тварь с щупальцами...

– Нет, еще кое-что. Моя способность говорить с тем, кто далеко, связана с моим сокровенным даром – читать в сердцах других, не только их мысли. Разум менее достоин доверия, чем сердце.

– И что ты почувствовал?

– Существа, что угнездились в черепе твоей любимой, свернувшись кольцом и удерживая в путах ее волю, – опасность. Но то, что волнует меня, – это ее сердце. Она теряет надежду. Она знает, что может освободиться, только позволив тебе исчезнуть. Из-за этого она в отчаянии.

– Я найду способ снять это проклятье! – яростно проговорил Каст.

Ксин положил ладонь на его грудь.

– Твое сердце – открытая книга. Я знаю твою решительность, как и Сайвин. Больше всего она боится, что ты сделаешь что-

то необдуманное, причинишь вред себе, чтобы она могла быть свободна.

Каст перегнулся через ограждение и посмотрел вниз. Он вспомнил свое обещание, данное мгновение назад: найти способ освободить ее или умереть. Он не смог опровергнуть слова Ксина.

– Она чувствует то же самое, – сказал Ксин, явно прочитав, что он скрыл в своем сердце. – Она бы скорее умерла, чем позволила тебе причинить себе вред. Зараженная, она не видит никакой надежды. Вот где лежит истинная опасность для нее.

Разочарованный и бессильный, Каст почувствовал, как подступают слезы.

– Хоть ее и удерживают глубоко в трюме, она остается таким же маяком, как и я. Безумие существа – словно масло, вылитое в огонь; оно пылает, как костер в ночи. Но ее сердце остается оплотом добра и любви. Оно пылает так же ярко, как ярко безумие, окружающее его. Но сейчас... – его голос прервался.

Каст сказал правду – он знал это. Он так чувствовал:

– Оно слабеет.

– Она позволяет себе быть поглощенной, словно трут, что сгорает в костре.

Каст прерывисто вдохнул и задал вопрос, который больше всего пугал его:

– Есть ли способ остановить это?

Ксин не ответил. Каст повернулся к нему. Шаман встретил его взгляд. В его глазах был ответ.

– Я должен пойти к ней, – сказал Каст.

– У вас одно сердце на двоих. В этом сила.

Со случая в подземелье он избегал любого контакта с Сайвин, боясь лишиться мужества тогда, когда ему более всего нужно было быть сильным.

– На горизонте шторм, не похожий ни на один другой, – продолжил Ксин. – Если ты намерен встретиться с ним, тебе понадобится вся сила твоего сердца.

Каст вновь взглянул на беспокойные моря и тучи. Он глубоко вдохнул, вбирая силу из соленого ветра, подготавливая себя к встрече с Сайвин.

Ксин тронул его за руку.

– Я пойду в свою каюту. Если я узнаю что-нибудь новое, я предупрежу тебя сразу же.

– Спасибо, – пробормотал Каст, когда шаман ушел. Оставшись один, Каст нашел внутри себя дракона. С каждой трансформацией грань между ними истончалась. Он мог чувствовать размышления Рагнарка. – Ей нужны мы оба, – прошептал он дракону. – Потребуется и мое, и твое сердце, чтобы помочь ей.

Рев эхом донесся до него, пройдя через самую его сущность. Их воля была едина.

Каст прошел по настилу к лестнице в середине палубы. Он спустился вниз и направился к кормовому люку. Над его головой перекликались эльфы-моряки. Грот-парус гневно хлопал на ветру, отвечая на их действия. Ветра протестующе завывали. Корабль взбрыкнул, словно попав на гребень волны, затем набрал скорость. Капитан маневрировал в небесах с искусством прекрасного морехода, постоянно ища лучший курс, просчитывая его и подстраиваясь под него.

Открыв кормовой люк, Каст предоставил корабль в распоряжение капитана. Он спустился по ступенькам в коридор. Воздух здесь казался спертым после свободных ветров снаружи и чуждым. Дерево, из которого построили эльфийский корабль, было из других земель, не из Аласии. У смолы был слишком едкий, неприятный запах. И повсюду воздух, казалось, отзывался на какой-то вой за пределами слышимости, вибрировал, заставляя дрожать самые маленькие волоски. Насколько этот корабль был похож на любое морское судно, настолько же он от них отличался.

Каст спустился на другую палубу. Ниже шли жилища экипажа и грузовые отсеки. Но одна каюта была превращена в темницу.

В конце коридора по обе стороны от двери стояли Кровавые Всадники – Гарнек и Нарн. Они выпрямились, завидев Каста. Он подошел к ним, ощущая гудение окованного сталью киля под ногами.

Гарнек вышел вперед.

– Тебе нужна помощь, господин?

– Я пришел увидеть Сайвин.

– Да, господин, – он повернулся к Нарну и кивнул. Дверь быстро открыли и отодвинули в сторону недавно установленную дополнительную перегородку.

Каст прошел между стражниками, и Нарн последовал было за ним, держа руку на мече.

– Нет, – сказал Каст. – Я хочу навестить ее один.

– Господин, ты сам установил, что никто не должен навещать заключенную один. Должна присутствовать стража.

Каст остановился в дверном проеме и оглянулся через плечо.

Глаза Нарна расширились, когда он увидел выражение на его лице.

– Конечно, господин, – пробормотал он, отступая назад. – Мы будем снаружи.

Каст вошел, затем подождал, пока дверь закроется и будет заперта на засов. На крюке на балке висел единственный масляный фонарь. Тусклый свет низкого пламени больше отбрасывал тень, чем давал освещения.

Собравшись с духом и глубоко вздохнув, Каст подошел к стоявшей в комнате единственной кровати. Соломенный тюфяк покрывал жесткое дерево, а на нем лежала девушка, которую он любил. Ее руки и ноги были привязаны к опорам кровати.

Каст не стал делать пламя в фонаре ярче. Этот мутный свет уже открыл ему то, что угрожало лишить его воли.

Сайвин была привязана обнаженной, так было проще заботиться о ее чистоте. На нее было наброшено одеяло, но из-за ее метаний оно упало и лежало, скомканное, на полу возле кровати.

Он наклонился и поднял его. Ее глаза следили за каждым его движением – так акула наблюдает за жертвой, прежде чем напасть. Ее волосы разметались по подушке, словно ворох морских водорослей.

Он встряхнул шерстяное одеяло и накрыл ее им.

Наградой за доброту ему послужил резкий смех.

– Присоединяйся ко мне, любимый, – проскрежетала она. Ее губы были окровавлены, а подбородок покрывала пена. – Здесь

есть место еще для одного. Освободи эти веревки, и я доставлю тебе такое удовольствие, какого ты никогда не испытывал с этой девчонкой.

Каст пытался не слушать эти слова.

– Сайвин, – проговорил он, обращаясь не к этому существу на кровати, а к женщине мираи, что была похоронена глубоко внутри. Он протянул руку, чтобы коснуться ее щеки, но тварь набросилась на него, укусив за пальцы, словно голодная собака.

Он отдернул руку и сел на край постели.

– Сайвин, я знаю, ты слышишь меня. Ты не должна терять надежду – ни на свою свободу, ни на нашу любовь. – Но в его словах не было силы. Как он может придать ей уверенности, если сам не уверен?

Смех раздался с кровати, безрадостный и холодный.

Каст закрыл глаза, его плечи дрожали от горя. Неправильно было приходить сюда. Слишком тяжело. Но глубоко внутри него заревел дракон. Простая, бесхитростная любовь зверя к своей связанной прошла сквозь него. Его окутало ее сияние, и он понял что-то, чего никогда не понимал прежде.

Любовь не может быть тяжелой. Это простая вещь, чистая и восхитительная. Неважно, сколько ловушек, трудностей и сложностей, любовь – это простое тепло, два сердца, разжигающие друг друга, поддерживающих вместе огонь.

Каст отбросил прочь все мысли о тварях с щупальцами, великих войнах и черной магии. Он слушал рев Рагнарка и глубоко внутри себя слышал эхо этого зова любви, песнь двух сердец. Он почувствовал себя сильнее и, не раздумывая больше, встал.

Подойдя к фонарю, он сделал пламя ярче. Он не будет больше прятаться в тенях. Он повернулся назад к лежанке.

Сайвин по-прежнему следила за ним с презрением на лице, но сейчас он узнавал свет в ее глазах, ее полную нижнюю губу, мягкие оттенки ее кожи. Это было не только ее тело; он видел ее дух, сердце, что украло его собственное. И не могло быть ничего настолько темного, чтобы заставить померкнуть этот свет.

Он вновь опустился на кровать.

Где-то далеко раздавались смех, бормотание и проклятья.

Но они не были услышаны. Это была всего лишь грязь на алмазе; он мог легко счистить ее.

– Сайвин, – прошептал он. – Я люблю тебя.

Каст ослабил веревку, что связывала ее правое запястье, и положил ее руку себе на щеку. Он не отреагировал на ее попытки освободиться; его пальцы были сталью на ее запястье. Каст провел ее рукой по своей щеке. Ногти вонзились в его кожу, но они были тупыми и стертыми. Он не чувствовал ничего.

– Сайвин, – пробормотал он.

Постепенно пальцы на его щеке расслабились. Ее холодная ладонь стала теплее, вобрав тепло его кожи. Он почувствовал, как его любовь вернулась к нему издалека, отразившись от другого сердца.

– Мы не потеряны друг для друга, даже сейчас. – Его слова были выдохом, не громче. – Никто не может забрать у нас самое важное. – Он прижал ее ладонь сильнее. – Это единственное, что имеет значение. Наши чувства чисты, и ничто не может исказить их.

Он почувствовал тепло на своей коже. Слабые слова долетели до него с кровати:

– ...люблю тебя...

Каст сжал ее пальцы и поднес их к своим губам. Он поцеловал ее ладонь долгим поцелуем со страстью, что могла растопить все, кроме его любви. Время превратилось в вечность. Это мгновение останется в их душах навсегда и даст им силу пройти через все трудности.

«Сайвин...»

Наконец суматоха за дверью вернула его назад. Раздались крики, за ними последовал возглас маленькой девочки.

Каст выпрямился. Рука с когтями метнулась к его глазам, но реакция не подвела его. Он опустил руку Сайвин и вновь привязал ее запястье к опоре кровати.

Он рискнул прикоснуться к ее щеке, но за дверью продолжились крики маленькой девочки, к которым присоединился яростный гнев мальчика. Нахмурившись, Каст подошел к двери и стукнул в нее кулаком:

– Откройте.

Лязгнул засов, и дверь со скрипом отворилась.

За ней двое Дреренди стояли напротив пары эльфийских моряков. Каждый из прибывших держал на руках ребенка.

Каст потрясенно смотрел на пару детей.

Девочка тоже заметила его:

– Дядя Каст!

– Шишон? – Каст шагнул к ней. – Что ты здесь делаешь? – Он поручил ребенка заботам Мадер Гиль, ее няни, на острове.

– Мы проникли на борт, – сказала Шишон, – Я спряталась в бочке с яблоками. Он спрятался в ящике. – Она указала на другого ребенка, и Каст узнал Родрико, мальчика Нилан. Его глаза были широко раскрыты, а нижняя губа дрожала, словно он вот-вот расплачется.

Один из эльфийских моряков сказал:

– Капитан Лисла почувствовала их в хранилище. Она послала нас проверить все укромные местечки.

Каст жестом велел морякам отпустить детей. Он опустился на колени перед Шишон и притянул мальчика к себе.

– Зачем вы проникли на корабль?

Шишон смотрела поверх его плеча. Ее глаза прищурились, и она указала рукой:

– Тетя Сайвин... она болеет?

Каст оглянулся. Дверь каюты была по-прежнему открыта. Нахмурившись, он жестом велел Нарну закрыть и запереть дверь, затем повернулся к маленькой девочке:

– Она в порядке, маленькая. Ей нужно отдохнуть.

Шишон глубокомысленно кивнула:

– У нее червяки в голове.

Каст был ошеломлен ее словами. Он знал, что Шишон унаследовала дар своего дедушки – рэйджор мага, способность видеть за горизонтом, но в случаях, подобным этому, у него кровь холодела в жилах: внутреннее видение, смешанное с детской наивностью. Он ущипнул ее за подбородок, привлекая ее внимание:

– Шишон, зачем ты здесь?

Ее голос понизился, когда она прошептала секрет:

– Я нужна Ханту.

Каст вздохнул. В замке он пытался объяснить ей, что Хант просто отлучился. Ему следовало знать, что подобная ложь не обманет кого-то с такими способностями, как у нее, особенно учитывая, что она с Хантом связана древней магией.

– Мы пытаемся найти его, – сказал Каст. – Но тебе не следовало уходить от Мадер Гиль. Она будет беспокоиться о тебе.

– Мне пришлось. Я нужна Ханту.

– А что насчет Родрико? – спросил Каст.

– Ему тоже пришлось пойти. Он не хотел, но я поклялась, что я вырежу ему пони на раковине, если он не будет плакать.

– И я не плакал! – выпалил Родрико.

– Ну, ты собирался.

Каст покачал головой. Оба ребенка выглядели измученными, ноги не держали их, а глаза покраснели. Он взял их на руки и повернулся к стражникам и морякам:

– Я возьму их в свою каюту. Пошлите воронов на Алоа Глен передать вести о детях. Насколько я знаю Мадер Гиль, она перевернет весь замок, камня на камне от него не оставит, пока будет искать девочку.

Один из эльфов выступил вперед:

– Капитан Лисла сказала, что она готова повернуть назад на остров по твоему слову.

Каст кивнул. Он ненавидел возвращаться назад и терять время, но у него не было выбора.

– Поверните так быстро, как позволят ветра.

– Нет! – сказала Шишон. – Мы не хотим возвращаться.

– Тихо, дитя. Родрико не может надолго покинуть свое дерево. Он нимфаи. Он должен вернуться назад.

– Нет, он не должен! Я показала ему как, – она посмотрела на мальчика: – Покажи дяде Касту.

Родрико покачал головой:

– Я не хочу.

Каст поднял Родрико выше:

– О чем говорит Шишон?

– Покажи ему! – потребовал Шишон.

Каст прижался лбом ко лбу мальчика:

– Это будет наш секрет. Твой и мой. Как у братьев Кровавых Всадников.

Глаза Родрико расширились. Он помедлил, затем потянулся к своей куртке и вытащил оттуда ветвь, на которой цвел тяжелый цветок. Цветок был помят, но это явно был один из цветков коаконы.

– Шишон говорит, что мне нужно уколоть палец и капнуть кровью на обломок стебля. Так цветок не завянет, а я буду чувствовать себя хорошо.

– Ты уже пытался?

Родрико кивнул:

– Я использовал шип розы.

– Он визжал, как щенок, которому наступили на хвост, – добавила Шишон.

– Неправда!

Каст нахмурился, глядя на девочку.

– Шишон, откуда у тебя взялась эта идея?

Она поежилась, закусив губу и избегая его взгляда.

– Шишон... – он продолжал выдерживать суровый тон.

Она наклонилась ближе, прижав свою щеку к его щеке:

– Папа рассказал мне во сне. Он показал мне.

Каст знал, что она имеет в виду своего дедушку, Пинорра, шамана Дреренди. Он погиб во время Войны Островов. Мог ли ребенок говорить правду? Будет ли Родрико в безопасности, пока питает ветку своей кровью?

– Папа говорит, что Родрико другой. Он из сосущих кровь.

Каст вздрогнул. Шишон ничего не знала о наследии Родрико, не знала, что он происходит от Мрачных духов. Каст повернулся к мальчику. Полдня пути от острова и дерева – Родрико должен чувствовать недомогание, увядать и слабеть. Но, несмотря на усталость, Родрико был розовощеким и полным возбужденной энергии. Непохоже, чтобы он страдал.

– Что мне передать капитану? – спросил эльф.

Каст оценил ситуацию. Осмелится ли он довериться сну Шишон? Это был волосок, на котором висела жизнь мальчика. Но так много зависело и от скорой встречи с флотом!

– Господин?

Каст выпрямился и сделал шаг прочь с детьми на руках.

– Продолжайте держаться северного курса пока что.

Шишон захлопала в ладоши, затем обняла его за шею:

– Мы будем искать Ханта!

– Да, будем. – Каст направился в свою каюту на другом конце коридора.

Когда они дошли до двери, Шишон прошептала ему на ухо:

– Когда я вырасту, я выйду за него замуж.

Он опустил ее на пол:

– Хант староват для тебя.

Шишон захихикала:

– Не Хант, глупый.

Она указала маленьким пальчиком на Родрико, затем прижала тот же палец к губам, показывая, что это секрет.

Каст взъерошил ее волосы. Он надеялся, что это детское увлечение пройдет. И он по-прежнему сомневался в своем решении продолжить путешествие. Он отправляет детей в королевство опасности большей, чем можно себе представить в самых мрачных мыслях.

Он открыл дверь и пропустил Шишон вперед, продолжая держать мальчика на руках. Родрико уже начал дремать.

Шишон забралась на кровать, Каст положил рядом с ней мальчика. Родрико заполз на подушку и утонул в ее объятиях.

– Отдыхайте, – велел Каст. – И чтоб ни один из вас даже шагу не делал с этой кровати.

Он повернулся, чтобы уйти, но девочка коснулась его руки:

– Дядя Каст, папа велел мне передать тебе кое-что.

Его рука покрылась мурашками.

– Твой папа... из другого сна?

– Нет, тот же сон про Родрико, – ответила Шишон, зевая.

Каст с трудом удержался, чтобы не встряхнуть девочку.

– Что он сказал? – его голос был напряженным.

Шишон свернулась усталым комочком:

– Папа говорит, тебе придется убить дракона.

– Убить Рагнарка? – его слова были столько же вопросом, сколько реакцией на потрясение.

Но Шишон все равно ответила, подавив очередной зевок:

– Потому что дракон поглотит мир.

Глава 18

Солнечный свет не согревал в холодном, неприветливом лесу. Тайрус шел по земле такой же жесткой и неподатливой, как и сами деревья, и серый пепел поднимался в воздух с каждым шагом. Он ворчал вполголоса, пока Волхв шагал впереди него по грязной саже, двигаясь не быстрее, чем человек может ползти.

– Сколько еще? – спросил Тайрус.

Волхв неясным жестом указал вперед:

– Еще лига.

– Ты уверен, что Рааль будет там?

– С Раалем никогда нельзя быть уверенным. Он стал таким же диким, как и его создания.

Тайрус рассматривал деревья справа и слева. Хотя на них не было листьев, лес оставался сумрачным из-за дымки, затянувшей солнце. Однако признаки жизни проглядывали тут и там: искривленные низкорослые кустарники, на которых было больше шипов, чем листьев, неряшливая трава, несколько сучковатых молодых деревьев. И вместе с зеленью появлялись все виды лесной жизни: жуки, слизняки, змеи, мыши-полевки и тощие кролики. Он даже заметил одного оленя.

Но очевидным было отсутствие любых признаков фэй-ни, крошечных жителей мертвого леса. Идя по дороге вчера и сегодня утром, он искал какие-то следы присутствия этих существ: отпечатки на пепле, отдаленные голоса, движение. Но, кроме него и Волхва, не было никого.

Только ночью он уловил какое-то движение в глубине леса, но это могли быть и обычные лесные создания. Тайрус чувствовал, что движение ночью в лесу было обычным.

Только еще одно существо он заметил в лесу. Оно было большим и с шумом пробиралось вдоль вершины холма в отдалении. Оно было не похоже ни на что, что Тайрус когда-либо видел: серого цвета – или, возможно, покрыто пеплом, как он сам, – и двигалось на всех четырех. Голова была как у быка, но над большим ртом висели щупальца. Оно шло, собирая щупальцами зелень с земли и отправляя ее в рот.

Тайрус дал ему пройти. Даже гранит может быть расколот, если по нему пройдется такое огромное существо.

Но, не считая этого зверя, лес казался лишенным жизни. В нем царила мертвая тишина – ни птичьих песен, ни даже стрекота насекомых.

Тайрус был рад, что у него есть компания на этом пути, пусть даже и молчаливый Волхв. Каменный лес был не тем местом, где приятно гулять в одиночестве. Это было место безумия, где пустынные холмы и долины лишали присутствия духа и одиночество давило тяжким грузом.

Наконец Волхв нарушил давившую, словно каменная плита, тишину.

– Мы рядом с моим старым домом. – Его лицо повернулось, словно растение, ищущее солнечный свет. – Я бы взглянул на него, прежде чем мы войдем в более дремучий лес.

– Это разумно? – спросил Тайрус. Он боялся, что его спутник потонет в давних воспоминаниях и горе при виде бывшего жилища. – Возможно, нам следует идти прямо к Раалю.

– Нет, – пробубнил Волхв, поворачиваясь на запад. – Я хочу увидеть мой дом снова.

У Тайруса не было иного выбора, кроме как следовать за ним. Волхв двинулся по длинному склону и затем через участок

леса, где деревья росли ближе друг к другу. Пока Тайрус шел за ним, он заметил странные отверстия на древесных стволах, мимо которых они проходили. Сначала ему показалось, что отверстия естественного происхождения, но их становилось все больше, и стало ясно, что из деревьев вырезаны пирамиды и кубы,.

Он остановился, чтобы осмотреть одно из таких отверстий. Оно было примерно две ладони в высоту и одну в ширину и вырезано довольно грубо.

Волхв заметил его заинтересованность.

– Сырье, из которого родились фэй-ни. – Он проговорил это, поднимаясь по холму. – Я вырезал кусок дерева и сидел рядом с ним, пока он не начинал говорить со мной.

Тайрус подошел ближе.

– Говорить с тобой?

– Каждый кусочек в конце концов открывал мне свою форму – мужчина или женщина, ребенок, животное, – он пожал плечами. – Затем я обрабатывал дерево, чтобы освободить то, что крылось внутри.

– А потом ты давал ему жизнь, – проговорил Тайрус.

Голос Волхва упал до шепота:

– Моя мать... Она была болезненной, но всегда улыбалась своему единственному ребенку. Она передала мне наш фамильный дар.

Наследие стихий, передаваемое из поколения в поколение, подумал Тайрус. И теперь оно перешло к фэй-ни.

– Но Рааль... – в голосе Волхва зазвучала горечь. – Он похитил дар моей матери и извратил его.

Тайрус вздохнул. Он только надеялся, что маленькая тварь все еще владеет этим даром – тогда он мог бы освободить армию дварфов и своих спутников там, в деревне. Очень хрупкая надежда привела принца в этот тусклый лес.

Волхв добрался до вершины холма и посмотрел вниз. Тайрус присоединился к нему.

Внизу лежала небольшая долина, обращенная в камень – отблеск времени, когда был создан Блэкхолл. Небольшой участок леса был расчищен. Каменный забор отмечал границы неког-

да бывшего здесь сада. Сохранились даже останки каменных строений, крыши которых давно обвалились. Это, видимо, был загон или небольшой хлев. Дальний склон долины был расчищен от деревьев, там не было ничего, кроме пепла и камня. Открытые дыры зияли в склоне, на некоторых еще блестели остатки стекла, словно сверкающие зубы некоего подземного чудовища, – окна в доме Волхва. Большая дыра, окруженная осколками разбитого камня, вероятно, была входом.

У подножия холма с ленивым журчанием бежал ручеек, его вода была болезненного зеленого цвета. Это место пахло пеплом и серой.

– Дом... – простонал Волхв, и в его голосе звучало разбитое сердце. Однако он продолжил спускаться вниз по склону, решив встретиться с застарелой болью.

Тайрус последовал за ним. У него не было выбора: он открыл эту рану там, среди каменных статуй дварфов, и теперь должен был увидеть, чем это закончится. Они перешли ручеек, не обратив внимания на остатки узкого моста. Они оба были сделаны из камня, и зараженная вода не могла отравить их.

Перейдя, Волхв направился к входу.

– Я не был здесь с тех пор, как в ужасе покинул свой подвал.

– Пять веков?

Волхв кивнул и склонился перед входом:

– Я хочу зайти внутрь один.

Тайрус собрался было возразить. Что бы Волхв ни обнаружил там, это непременно повергнет его в мрачное уныние, из которого он может и не выбраться. Но не было смысла спорить. Камень, что покатился с горы, остановить непросто.

Волхв перебрался через завал камней и исчез внутри. Тайрус заметил, что каменные плиты тоже были окаменелым деревом – то, что осталось от двери, некогда прочный дуб, а сейчас расколотый камень.

Тайрус попятился от входа с чувством отвращения. Слабый ветер завывал в вытянутых ветвях деревьев вокруг – они казались костяными пальцами, царапающими мглистые, наполненные копотью небеса. Это была земля Темного Лорда – словно беглый взгляд в мир, который он создал.

Отчаяние сомкнулось, словно корка льда, на гранитном сердце принца.

Он отвернулся от неба. Что-то яркое слева привлекло его внимание. Он так выделялся на фоне пепельно-серого ландшафта – маленький нарядный цветок, проросший меж двух каменных плит у входа. Он выглядел нездоровым: немного зеленоватый, слабые завитки желтых лепестков не больше ногтя. Но он пробился между камнями и сделал мир ярче своей короткой жизнью.

Тайрус улыбнулся. Он никогда не видел ничего более красивого. Это зрелище разожгло отчаянную решимость в его сердце.

Даже здесь жизнь противостояла искажению, принесенному Темным Лордом. Тайрус взглянул на жуткий лес и небо с обновленной надеждой.

Позади него раздался крик, эхом пришедший из подземного дома – крик, полный боли, ужаса и гнева.

Тайрус обернулся, вытаскивая меч – кусок полированного гранита.

– Волхв!

Крик затих где-то далеко в лесу.

– Волхв! – проревел вновь Тайрус. – Ответь мне! – Он задержал дыхание, но ответа не было. Тишина давила на уши, сжимала горло. Даже ветер стих, словно потрясенный этим криком.

Тайрус повернулся к темному входу в подземное жилище. Подождав мгновение, он сделал шаг к двери. Он не знал, что лежит по ту сторону, но знал, что должен пойти посмотреть. Волхв был единственным, кто знал, где в Каменном лесу прячется Рааль. Если есть надежда спасти остальных, Тайрусу придется спуститься в темноту внизу.

Крепче сжав меч, принц пробрался между осколков камня и нырнул в дверь. Зал по ту сторону был темен, а коридоры, что вели из него, – еще темнее. У него не было факела. Но Волхв нашел путь вниз без света. Была надежда, что разбитые окна дают немного освещения.

Держа меч перед собой, он двинулся вниз по коридору, которым, как он видел, пошел Волхв. Темнота тотчас же сомкну-

лась вокруг него. Он осторожно делал шаг, поворачивался, держа меч в руках, ища преграды. Постепенно он пробирался все дальше. Его глаза напряженно и быстро оглядывали окружающее пространство. Его уши ловили малейший звук, который мог привести его к тому, кого он искал.

Коридор заканчивался развилкой. Тайрус остановился. Слева путь казался немного светлее. Должно быть, туда свет проникал через окно. Но каким путем пошел Волхв – к свету или от него? Тайрус нахмурился. У него были некоторые догадки о том, куда мог направиться его спутник. Волхв вернулся, чтобы встретиться со своим прошлым, вернулся в то место, где он был вновь рожден в этом каменно-холодном мире, – в подвал этого заброшенного дома.

Тайрус чувствовал, что лучше идти вправо; в этом направлении пол, казалось, немного понижался. Глубоко вдохнув, он направился прямо в темноту. Вскоре он был вознагражден, увидев ступени. Он стоял наверху лестницы. Раздался слабый стук кусочка камня, прыгающего вниз по ступеням. Кто-то прошел здесь недавно, потревожив то, что лежало нетронутым веками.

Так, значит, Волхв отважился спуститься по темной лестнице? Возможно, крик был следствием падения? Возможно, Волхв ударился своей каменной головой и потерял сознание?

Нет, крик был полон гнева и ужаса. Тайрус сделал шаг вниз по ступеням. Затем другой. Спуск был узким и крутым, края ступеней крошились под его ногами – опасный спуск даже при свете. В темноте он был просто предательским. Глаза Тайруса искали хоть какой-то свет.

Снова посыпались камешки, потревоженные его собственными ногами. Узкая лестница шла спиралью. Сделав еще один поворот, он начал различать свою руку, держащую меч, – более темную тень, прорезавшую мрак. Свет! Свет проникает снизу!

Он ускорил шаг. С каждой ступенью становились различимы новые детали: каменные стены, стертые ступени, поворот лестницы. Свет стал ярче, превратившись в красноватое сияние. Огонь.

Кто мог разжечь пламя внизу? Он достиг конца лестницы и остановился. Короткий коридор тянулся к открытой двери. Оттуда мерцал свет, явно костер или факел.

Учитывая сыпавшиеся камешки и его собственные отдающиеся эхом шаги, уже не было смысла таиться.

– Волхв! – выкрикнул Тайрус. – Ты в порядке?

Повисла долгая пустая тишина, затем – тихий смех.

– Волхв?

Смех продолжался, полный безумия и злобы. Он эхом отразился на лестнице.

Но как только Тайрус сделал шаг, он понял, что ошибся. Смех позади него не был эхом. По ступеням запрыгали, упав сверху, камешки. Лестница позади него уже не была пустой.

Голос, достаточно громкий, чтобы разбить стекло, позвал его из подвала:

– Входи, принц пиратов, присоединись к нам там, где все началось.

Не было сомнений в том, кто говорит. Это был не Волхв, а его создание – Рааль.

Тайрус двинулся вперед. Ему придется встретить это существо; он не может позволить себе колебаться. И, судя по звукам за спиной, вряд ли ему будет позволено уйти.

Пройдя сквозь дверь, он вошел в подвал. Комната была недлинной, но широкой; единственный факел освещал старые, рассохшиеся полки и мешки, сваленные в углу. Пепел и пыль покрывали все.

В центре подвала спиной к Тайрусу стоял Каменный Волхв. Он замер на месте, вновь став статуей.

Смех доносился из-за фигуры.

– Добро пожаловать, принц гранита!

Тайрус отошел от стены, обогнув застывшего Волхва, чтобы увидеть Рааля.

Но, обойдя Волхва кругом, он увидел, что пространство перед ним пусто. Тайрус нахмурился. Рааль тоже обошел статую, постоянно оставаясь скрытым за ней?

Тайрус заподозрил ловушку и остановился, держа меч наготове.

– Кто говорит? – спросил он. – Покажись.

– Ты знаешь, кто я! – весело ответил голос. Каменный Волхв повернул голову и посмотрел на Тайруса. Смех слетал с его каменных губ. – Я Рааль, владыка и король фэй-ни!

Каст перегнулся через палубное ограждение «Воронова Крыла» и смотрел на странное море, проплывающее под килем корабля. Будучи Кровавым Всадником, он плавал во многих опасных водах: лабиринт Архипелага, Проклятые Отмели с их непрекращающимися ветрами, внушающие страх каналы Кри-кри, окутанные туманом берега Джунглей Брешена. Но он никогда не видел ничего подобного этим северным водам, что окружали Блэкхолл.

Это был океан льда и пламени.

По всему заливу Тлек горы льда оседлали волны, будто синегорбые морские чудовища. Остальное море клубилось паром, кипело, словно чайник, подвешенный над пламенем. Пар и туман скрывали бурю, что тревожила поверхность моря. Течения в заливе были запутанными, словно веревка со множеством узлов. Дно залива было ловушкой вулканических рифов и выступающих атоллов, которые, казалось, появлялись и исчезали по собственному капризу.

Ничто не было постоянным в этом море. Ни ветра, ни погода.

Мастер Эдилл стоял рядом с Кастом. Сребровolосый старейшина мираи смиренно покачал головой:

– Эти воды станут непростым полем для ведения войны.

Каст не пытался изображать поддельную веселость. Его лицо осталось мрачным.

– Нам следует достичь флота к рассвету, – сказал старейшина.

– Если капитан сможет управиться с этими капризными ветрами.

– Эта девочка сильная. Она справится.

Каст кивнул. За последние два дня он начал уважать гибкого капитана «Воронова Крыла». Лисла держала корабль в порядке и казалось, не знала устали, несмотря на недуг, что влиял на

ее силы. Эльфийский корабль несся над океаном, словно древесный лист в бурю. У нее было трое искусных заклинателей ветра – стихий, способных управлять ветрами и днем, и ночью. Они менялись, давая одному отдохнуть четверть дня. Пара, что оставалась на службе, непрерывно помогала своему капитану.

Каст оглянулся на Лислу, стоявшую у штурвала корабля. Ее медные волосы раздувал ветер. Ее кожа была такой же бледной, как облака, что неслись в вышине. И хотя голубые глаза были столь же остры, как и два дня назад, когда они только вылетели, он не был уверен, что за это время ей удалось хоть раз поспать.

Он восхищался ею. В норме путешествие занимало от пяти до шести дней; она же смогла сократить время в два раза. С такими людьми, как она, Каст почти готов был предсказать победу в грядущей войне.

– Я говорил с Ксином, – продолжил Эдилл. – Он по-прежнему не может добиться четкой связи с лордом Тайрусом. Принц жив, но мы не знаем деталей.

Каст услышал беспокойство в голосе старейшины мираи. Заметил он это и по тому, как его спутник потер перепонку между своими большим и указательным пальцами.

– Что тебя беспокоит? Возможно, это просто из-за иссякающей стихийной энергии.

– Нет, Ксин разговаривал с Джоахом этим утром. Он сказал, что Джоаха было слышно четко и ясно, хотя расстояние даже больше, чем до лорда Тайруса.

Бровь Каста изогнулась.

– Так ты думаешь, принц в беде?

– И что об армии дварфов? Где они? Лорд Тайрус искал их вдоль побережья, а сейчас он таинственным образом оказался недосягаем для связи. Мне это не нравится. Темный Лорд уже напал на Алоа Глен, использовав эту тошнотворную кладку чистого зла, и сейчас он угрожает заразить этими яйцами флот. Кто может сказать, какое зло он использовал против наших наземных армий? – Эдилл указал рукой на неспокойное море льда и пламени и продолжил: – Не условия битвы беспокоят меня, а состояние наших войск. Полнолуние наступит через пять дней, а мы далеки от готовности к полноценной атаке.

– Война никогда не начинается в удобное время, – сказал Каст. – Ты просто должен взять меч и либо защищаться, либо умереть.

Старейшина покачал головой и проворчал:

– Сказано истинным Кровавым Всадником.

Каст вздохнул:

– Мы выиграем эту войну.

– Почему ты так думаешь?

Он повернулся к туманному морю и горизонту на севере.

– Потому что мы должны. Без победы не будет и будущего.

Повисла долгая тишина; затем мастер Эдилл тихо проговорил:

– И не будет надежды для Сайвин?

Каст сжал ограждение, наклонив голову.

– Я люблю мою племянницу, – проговорил старейшина. – Но война, что грядет, имеет большее значение, чем одна личность. Потребуется принести тяжелые жертвы. Помни, что ты возродившийся Родич Драконов.

Каст нахмурился, но его рука поднялась, коснувшись татуировки в виде черного дракона на щеке и шее. Он вспомнил изображение прародителя обоих их народов, Дреренди и мираи. Фигура древнего была изображена восседающей на белом драконе и с такой же татуировкой. Прошлое сделало полный круг, который замкнулся в настоящем, как свернувшийся дракон на его щеке, чей кончик хвоста касался носа.

– Родичу Драконов приходилось принимать нелегкие решения в былое время, и я подозреваю, что ты встретишься с необходимостью принимать решения еще сложнее.

Каст промолчал. Одна проблема уже давила своей тяжестью на его сердце, то, что он не обсуждал ни с кем. Слова Шишон эхом звучали в его сердце: «Папа говорит, тебе придется убить дракона».

– Тебе придется поставить благо мира выше желаний твоего собственного сердца, – закончил мастер Эдилл. – Сможешь ты сделать это?

Каст сжал кулак на ограждении палубы:

– Похоже, что я должен.

Эдилл кивнул:

– Ты истинный возрожденный Родич Драконов.

Он похлопал его по плечу, затем направился в безопасность нижних палуб.

Каст остался на верхней палубе в одиночестве, его мысли затерялись в порывах ветра. Он вспомнил изображение своего предка, сидящего на огромном белом морском драконе. Что бы сделал Родич Драконов, случись ему оказаться перед таким же выбором? Мог бы он убить своего скакуна? Был ли он столь жесток? Может ли кто-нибудь быть столь жесток?

За время их союза стены между драконом и человеком истончились. Каст знал сердце дракона так же хорошо, как и свое собственное. В сердце Рагнарка была дикость, но была там и бездна преданности и любви к Сайвин, и эта бездна была неизмеримой, как и его собственная. В этой любви мужчина и дракон были связаны теснее, чем могут быть связаны всадник и дракон. Он не знал, как убить Рагнарка, да и если бы знал, разве смог бы он сделать это?

Слова-предупреждение эхом звучали в его голове: «Дракон поглотит мир». Дар Шишон в рэйджор мага не подвергался сомнению, но она была всего лишь ребенком. Могла ли она неправильно понять значение своих вещих снов? Осмелится ли он вложить столь важные решения в ее руки?

И, кроме того, еще была Сайвин. Только магия Рагнарка могла разрушить власть чудовища со щупальцами, что угнездилось в ее голове. Если он убьет дракона, не убьет ли он и всякую надежду на ее свободу?

Каст стоял под хлопающими парусами «Воронова Крыла», которое слегка накренилось на левый борт, поддавшись быстрым ветрам. Он мчался навстречу судьбе, которую не могло предсказать даже пророчество. Но, пока он стоял здесь, он верил своему сердцу. Он не мог не заметить уверенность в глазах Шишон. Он почувствовал, что это правда, едва это было произнесено. Он по-прежнему смотрел на север, позволяя холодному ветру сметать слезы с его щеки.

Рагнарк должен умереть.

Дрожь прошла по его телу, дрожь ужаса и отчаяния. Поначалу он подумал, что это из-за его решения, но ощущение нарастающей вокруг угрозы казалось сжимающейся хваткой демона. Снизу донесся крик, эхом пройдя сквозь палубу.

– Сайвин!

Другие отчаянные голоса послышались на палубе. Летящий корабль дернулся, как будто потерял управление.

Каст обернулся и увидел Шишон. Она держала в руках кусочек полуобработанной слоновой кости. Он машинально взял его. Это была грубо вырезанная лодка с парусами и выступающим килем, но было в ней что-то зловещее. По бокам были вырезаны грубые лица, искаженные злобой или ужасом.

– Костяная лодка, – сказала Шишон.

Крик Сайвин затих, и бросающий в дрожь ужас прошел. Корабль выровнялся. Усилием воли Каст взял себя в руки.

– Работа по кости, – кивнул он, соглашаясь с ребенком. – Слоновая кость.

Он вернул лодку ребенку. Но Шишон, казалось, потеряла интерес к своей работе.

– Не это! – сказала она, указывая вниз на море: – Вон там.

Каст взглянул туда, куда она указывала. На фоне темно-синего моря корабль внизу казался белым, словно кто-то посыпал море сахарной пудрой. Но он двигался со скоростью, которой не могли помешать ни ветра, ни течения. Казалось, сам океан отвергает странное судно и старается изгнать его из своих вод, гоня на север.

Нахмурившись, Каст снял бинокль, висевший у него на бедре, чтобы рассмотреть корабль получше. Ему потребовалась доля секунды, чтобы найти лодку. И как только он сделал это, каждый волосок на его руках и шее поднялся дыбом, а кожа покрылась мурашками. Он знал, что смотрит на источник ужаса, который парализовал его только что. Не ветра наполняли те паруса, а страх. Судно, должно быть, прошло достаточно близко к ним, чтобы они почувствовали его присутствие.

Он смотрел на чудовищный корабль. Его нос венчал скелет, чьи костяные руки были простерты к небесам в мольбе или

боли. Его борта были не из дерева, а из костей и черепов. Даже его паруса выглядели сделанными скорее из кожи, нежели из ткани. И это впечатление усиливалось кровью, которая, казалось, струилась по такелажу, словно по венам трупа.

– Костяная лодка, – пробормотал Каст.

Шишон указала рукой:

– Каст там, внизу! Давай посмотрим, что он будет делать!

В пыльном подвале Тайрус всмотрелся в Каменного Волхва.

– Рааль?

Фигура полностью повернулась к нему лицом. Каменные глаза сузились, и губы растянулись в усмешку злобного веселья.

– Добро пожаловать в сердце моего королевства, – он слегка поклонился, явно насмехаясь. – Один лорд камня пожаловал к другому.

– Я не понимаю.

Статуя выпрямилась, проведя по себе ладонью, словно разглаживая смятую одежду.

– Мы разделяем эту каменную темницу. Волхв и король. Человек и фэй-ни.

Потрясение медленно проходило.

– Вы – одна личность!

– Две души, одно тело.

Тайруса подумал о Фердайле и Могвиде. Близнецы были связаны похожим образом.

– Магия...

– Она не просто исказилась. Она переплелась. Чары, что вернули дух Волхва в его каменные останки, вплели в них и меня, подобно тому как дрожжи смешивают с мукой, когда пекут хлеб.

– Тогда почему ты ждал до этого момента, не открывая свое присутствие?

– Это был не мой выбор. – Знакомая горечь прозвучала в его словах. – Волхв выпускает меня изнутри лишь тогда, когда тонет в своем колодце тьмы настолько глубоко, что я могу выскользнуть наружу.

– А могу я поговорить с Волхвом? Он может услышать меня?

– Нет – до тех пор, пока я не позволю этого! Я контролирую тело, – засмеялся Рааль. – А я этого не позволю, – он зажал уши каменными ладонями. – Пусть спящий спит!

Тайрус наблюдал за ним нахмурившись. Отношения, столь похожие на связь Могвида и Фердайла, но явно другие – и что-то казалось ему неправильным. Этот новый голос продолжал звучать похоже на голос Волхва. Было ли это ограничение возможностей каменного горла или что-то более зловещее? И Рааль называл его по имени мгновение назад, знал, что он принц и пират. Его душа не могла знать этого, если бы не делила с Волхвом слух и разум.

Едва уловимые детали бросились в глаза Тайрусу: то, как Рааль скашивал глаза влево, прежде чем начать говорить; то, как пальцы одной из рук сжимались и разжимались, пока он говорил. Эти черты Волхва сохранились и в Раале. Были ли эти двое на самом деле разными существами? Были ли они двумя душами в одном теле, или же одна душа разделилась пополам?

– Пойдем. Прошла вечность с тех пор, как я встречался с моими детьми. Давай-ка посмотрим, как они поживали в мое отсутствие. – Рааль направился тяжелой каменной походкой к двери. Он остановился, только чтобы снять факел со стены.

Тайрусу ничего не оставалось, кроме как последовать за ним. Рааль направлялся к спиральной лестнице. Он вытянул факел вперед и позвал:

– Дети фэй-ни, придите к своему королю! Придите поприветствовать гостя нашего скромного замка!

За границами света факела этому призыву ответил смех. Камушек скатился по ступеням, затем еще один.

– Они идут, – прошептал Рааль, его губы растянулись в улыбке. – Мои дети...

Тайрус слышал эхо боли Магнуса в этом возбуждении, но его собственное внимание было приковано к лестнице. Первый из фэй-ни робко вошел в свет огня.

Тайрус вытаращил глаза.

Первое существо было не выше двух ладоней, безволосое и с серой кожей. Оно шло на двух ногах, как человек, но его колени изгибались назад, словно птичьи. На голове были два глаза, черные и влажные. Рот под ними представлял собой лишенную губ щель.

Другие спустились вслед за ним: некоторые длинные и тонкие, со слишком большими для их тел головами, другие приседали со льстивым выражением на лицах, некоторые шли прямо, другие – на всех четырех. Там были даже двое, соединенные одной рукой. Но, несмотря на различные формы, все они обладали одинаковыми большими черными глазами, полными мрачного озорства.

Рааль опустился на колени, чтобы поприветствовать своих отпрысков. Они пришли к нему, словно крысы, обследующие труп, взобрались на его каменные руки, уселись на его плечи и голову. Рааль рассмеялся, и его дети подхватили этот смех – резкий звук, вылетавший из сотен крошечных глоток.

Тайрус попятился, боясь, что они к нему прикоснутся.

Рааль выпрямился, стоя посреди моря серой плоти.

– Их отец дома.

Тайрус нахмурился, глядя, как все больше фэй-ни пробираются в это мрачное жилище.

– Ты сделал их всех?

– Собственными руками, моей магией.

Эта работа должна была занять столетия. Один из фэй-ни подобрался близко к Тайрусу. Существо двигалось так, словно было лишено костей. У него был лишь один глаз, и оно вытянуло шею, чтобы понюхать Тайруса, любопытное, но осторожное. Оно забралось на ногу Тайруса. Затем, двигаясь быстрее, чем мог уследить глаз, оно вскарабкалось по его ноге до пояса.

Тайрус почувствовал, как когти вонзились в его гранитную плоть. Существо продолжило обнюхивать его, явно озадаченное. Тайрус схватил его и снял с себя. Существо зашипело, кусая его за пальцы, глубоко вгрызаясь в гранит. Было больно. Похоже, что его гранитная плоть не была неуязвимой для фэйни. Рожденный из ядовитого окаменевшего дерева, камень мог ранить камень.

Он бросил существо обратно к его собратьям, где оно затерялось в двигающихся телах и конечностях. Тайрус прижал раненый палец к груди. Капля крови упала на пол. Другой фэй-ни навострил нос, затем слизнул ее.

«Кровопийцы».

Тайрус сделал еще шаг назад. Здесь не было двух одинаковых существ. Казалось, бред сумасшедшего дал им форму и материальность.

Тайрус пал духом перед невыполнимостью задачи, что стояла перед ним. Как можно было убедить Волхва или Рааля помочь ему? Надежда на исцеление армии дварфов таяла, но он знал, что не может сдаться, не попробовав. Возможно, если бы он лучше понимал здешнюю магию...

– Рааль! – позвал он.

Каменная фигура повернулась к нему.

– Я бы хотел увидеть, как ты создаешь твоих фэй-ни.

Рааль взмахнул рукой, сбросив одно из своих творений. Тот упал на других, завизжав. Рааль не обратил на него внимания.

– У меня достаточно детей, о которых нужно заботиться.

– Неужели еще один будет для тебя бременем? Или ты не можешь оживить еще одного?

Глаза Рааля сузились:

– Ты сомневаешься во мне...

В его словах чувствовалась угроза.

Тайрус задержал дыхание, чувствуя, что ситуация может начать развиться в любом из направлений. Сотни пар глаз повернулись к нему – так стая ворон смотрит на червяка. По слову короля его могли разорвать на части, и его тело стало бы кровавым пиром для этой мерзкой братии. Но что-то еще было в Раале, скрытое за угрозой: одиночество и страх.

Он понял. Сколько времени прошло с тех пор, как кто-либо разговаривал с Волхвом или Раалем? Свора у его ног явно была лишена разума – создания безумия, давшего им жизнь. Они были не слишком хорошей компанией.

– Подойди, – наконец сказал Рааль. – Я покажу тебе, что я могу сделать. – Он поднялся на ноги среди фэй-ни. Они убежали вперед и взобрались по лестнице.

Тайрус пошел следом, стараясь не наступить на отставших фэй-ни, которые двигались более медленно, волоча ноги или ползком. Его палец все еще болел от укуса. Взбираясь по лестнице, он держал меч между собой и этими последними фэй-ни. Маленькое существо, похожее на шестиногого паука, карабкалось перед ним. Он прошел мимо этого неуклюжего существа и последовал за Раалем, несущим факел.

Они добрались до верхних ступенек и направились в комнату с большим холодным очагом. Разбитое окно впускало тусклый солнечный свет. Рааль вставил свой факел в отверстие на стене и поманил Тайруса внутрь.

Фэй-ни ринулись вперед по знаку их повелителя и забрались на стулья, столы и скамьи. Глиняная посуда упала с полки с громким звоном, заставив Тайруса вздрогнуть. Другие фэй-ни залезли в очаг, оставив крошечные отпечатки ног на золе.

Рааль нахмурился, но обратился к Тайрусу:

– Они так взволнованны, когда у них гости.

– Я вижу.

Орда фэй-ни вспугнула древесную крысу. Та побежала по каменному полу, но была окружена фэй-ни. Они разорвали ее прежде, чем она успела пересечь половину комнаты. Ее визг был коротким и прекратился, когда в нее вонзилось множество когтей и зубов.

Рааль подошел в скамье у дальней стены. Металлические инструменты были разбросаны по столешнице и висели на крючках на стенах. Тайрус узнал резцы, шила и ножи для работы по дереву. Куски окаменевшего дерева в различных стадиях обработки лежали на скамье.

Рааль потянулся к одному из них.

– Я работал над ним, прежде чем Волхв в последний раз забрал у меня контроль над телом. – Он поднял кусок камня, вырезанного в форме собаки. Ее зубы были слегка оскалены.

Взяв остро заточенное шило, Рааль начал работать над куском материала. Он вонзал шило и скоблил, менял инструменты, поворачивал свою работу то так, то этак. Тайрус смотрел, как он работает, боясь нарушить его сосредоточенность.

Солнце успело сесть, и наступили сумерки, пока одна статуя работала над другой.

Тайрус в это время разрабатывал свой план. Если Рааль в самом деле может обращать камень в плоть, он должен убедить его снять заклятье с дварфов. Но какую плату он может предложить этому безумцу?

У него не было четкого ответа, когда Рааль закончил.

– Вот так, – сказал он. – Трудно расслышать голос дерева, когда оно обращено в камень.

Тайрус вспомнил, что похожие слова говорил Волхв, о том, как дерево говорит с ним, рассказывая, чем оно хочет быть. Тайрус смотрел на фигуру, напоминающую волка. Если само дерево сказало вырезать это, тогда дерево должно быть безумно. У собаки на голове были рога; ее задние ноги напоминали птичьи и были увенчаны когтями.

– Ты можешь вдохнуть жизнь в это? – спросил он, неожиданно потеряв уверенность в том, что он хочет, чтобы Рааль сделал это.

– Да, – Рааль рассматривал свое творение. – Потребуется всего лишь немного сосредоточенности.

Тайрус отошел назад, чтобы лучше видеть. Он видел, что большинство других фэй-ни тоже смотрят на новую статуэтку.

– И немного крови, – пробормотал Рааль. Он схватил одного из фэй-ни поблизости и вонзил в него шило, которое только что использовал для работы.

Существо закричало, словно раненая птица, но Рааль поднял его и брызнул его кровью на свою новую статуэтку. Там, где падали капли крови, камень обращался в серую плоть. Трансформация распространялась по поверхности статуэтки, словно тающий лед. За несколько мгновений похожее на волка существо обрело живую плоть.

Рааль отбросил в сторону раненого фэй-ни. Тот отполз прочь, зализывая рану. Волк на скамье стоял неподвижно, все еще статуэтка, только покрытая серой плотью.

Наклонившись, Рааль подул на него, начиная со спины и продвигаясь вперед. Там, где его дыхание касалось волка, плоть словно подергивалась рябью, оживая. Ноги согнулись, миниатюрная грудь поднялась, голова запрокинулась. Затем, когда

Рааль выпрямился над своим произведением, дикие черные глаза открылись и взглянули на мир.

– Добро пожаловать, маленький. Добро пожаловать в этот темный мир. – Рааль засмеялся, и его смех подхватили фэй-ни.

Тайрус изумленно смотрел, как существо пробует свои лапы, мотает головой, пытаясь достать кого-нибудь своими крошечными рогами. Он спрыгнуло со стола, чтобы присоединиться к остальным. Некоторые собрались вокруг нового, обнюхивая и трогая его.

Рааль повернулся:

– Вот так мои дети рождаются. Кровью и дыханием.

Тайрус молчал. «Кровь, чтобы обратить камень в плоть.... Дыхание для жизни». Это и есть ответ? Может ли кровь фэй-ни разрушить чары, лежащие на обращенных в камень? И поскольку у них уже есть жизнь, понадобится ли им дыхание Рааля?

Он смотрел на скачущих существ. Сколько же крови потребуется для этого?

Был только один способ узнать это.

Он подошел к скамье. Раненый фэй-ни оставил дорожку крови на столешнице. Она была черной и отсвечивала болезненным зеленым, как ручей, что бежал возле дома. Тайрус наклонился, положив свою гранитную ладонь в тошнотворную лужицу крови.

Его руку охватила дрожь. Ноги ослабли, и с губ слетел выдох. Он пошатнулся, поднимая руку к лицу. Его гранитная ладонь теперь была бледной плотью. Пока он смотрел на нее, трансформация распространялась по руке, сопровождаясь теплотой и покалываем. Тепло согревало камень. Одежда и кожа расцвели яркостью и жизнью.

Рааль потрясенно смотрел на него.

Тайрус вдохнул, пока чары действовали на него, распространяясь по его торсу и вниз на ноги. Он наблюдал, как его другая рука оживает, начиная с плеча, и дальше через его ладонь жизнь перешла в его меч. Спустя мгновение сталь ярко сверкнула в свете пламени.

Он выпрямился и пошевелил руками и ногами, чувствуя легкость в теле.

– Чары Волхва... ты разрушил их! – воскликнул Рааль. В его голосе звучало чистое безумие, смесь ужаса и восторга – невероятный звук. Повернувшись на скамье, он размазал часть крови по своей собственной каменной плоти. И вытянул палец по направлению к Тайрусу: палец оставался серым камнем.

– Почему это не действует на меня? – крикнул он, и его интонации были точно такими же, как у Волхва. – Почему это ключ к твоей темнице, но не к моей?

Тайрус попятился, не в силах выслушивать его тираду.

Фэй-ни, почувствовав состояние своего повелителя, заволновались. Они, словно эхо своего создателя, тоже начали кричать. Некоторые смотрели на Тайруса. В их черных глазках светилась подозрительность... и что-то более страшное. Жажда крови. Тайрус больше не был каменным. Они могли чувствовать запах его плоти. Он помнил судьбу древесной крысы. Если они нападут на него, как долго он сможет сопротивляться?

Волк, крадучись, отошел от основной своры, подняв нос, принюхиваясь. Серые губы поднялись, обнажая серые зубы.

– Почему я не могу освободиться? – взвыл Рааль.

Тайрус знал, что он обречен, если только не сможет заручиться поддержкой короля фэй-ни.

– Магия, которая создала тебя, должно быть, боле сложная. Как ты сам говоришь, энергии перепутались, когда возник Блэкхолл. Должно быть, кровь фэй-ни недостаточно сильное средство, чтобы разрушить такие чары.

Рааль вскрикнул в отчаянии. Фэй-ни волной покачнулись в сторону Тайруса, чувствуя источник страданий своего повелителя.

Тайрус держал меч перед собой. Волк прыгнул, но он отбросил его прочь.

– Должен быть способ! – крикнул он. – Способ освободить тебя!

Завывания прекратились с этими его словами, и среди фэй-ни также стихли вопли. В комнате повисла тяжелая тишина. Орда фэй-ни отступила назад.

Каменная фигура была статуей, согнутой тяжестью столетий одиночества и безумия.

– Как?

Тайрус медленно заговорил:

– Если и есть способ, мне нужно, чтобы слушали оба – Рааль и Волхв. Вы оба потребовались, чтобы создать эту каменную темницу. И потребуются оба, чтобы освободить вас.

Фигура оставалась неподвижной еще мгновение, затем кивнула:

– Мы слушаем.

Тайрус сглотнул. У него не было четкого ответа; он лишь хотел отсрочить неизбежное, дав надежду. Теперь ему придется думать быстро. Ему потребовалось призвать все свое здравомыслие. Он не мог рисковать получить ни бред Рааля, ни глубокую депрессию Волхва. Они были двумя крайностями. Ему нужна была золотая середина между холодным камнем Волхва и яростным пламенем Рааля.

И пока он думал об этом, в его голове прояснились связи. Конечно! План начал обретать форму.

Он посмотрел на фигуру перед ним с обновленной решимостью.

– Волхв может обращать плоть в камень. Рааль может вдохнуть жизнь в камень. Противоположная магия!

Вновь последовал медленный кивок.

– Что, если вы оба используете свою магию одновременно?

При его словах бровь Рааля поднялась.

– Разве же одно просто не сведет на нет другое?

Это прозвучало похоже на Волхва, если судить по свинцовотяжелой безнадежности.

– Нет, если вы используете это для самих себя!

– Невозможно! – Это яростное возражение явно принадлежало Раалю. – Что это даст?

Тайрус решил не сдаваться. Они не были двумя душами в одном теле, они были одним разделенным надвое разумом, и их магия была разделена надвое. Если только он сможет соединить эти части вместе – хотя бы на мгновение...

– Что случится плохого, если вы попробуете? – ответил он вопросом на вопрос.

Повисла давящая тишина. Затем губы пошевелились.

– Что мы должны сделать? – мрачно спросил Волхв.

– Это бесполезная затея. – Это были следующие слова, что слетели с тех же самых губ, резкие и беспокойные. Фэй-ни нервозно пошевелились, ссорясь и крича друг на друга, такие же разделенные, как и их повелитель.

Тайрус объяснил:

– Я хочу, чтобы Волхв навел чары камня на себя, в то время как Рааль пожелает, чтобы камень вашей нынешней формы вновь обратился в плоть. – Он выдержал паузу, чтобы подчеркнуть наиболее важную часть. – Это должно быть сделано одновременно.... По моему сигналу!

Статуя посмотрела на него, сомнение и подозрительность явно читались на ее лице.

– Мы сделаем это.

Тайрус поднял руку. Несмотря на его собственные сомнения, он постарался вложить уверенность в свои слова:

– Я буду считать до пяти, после чего опущу руку, и это будет знаком. Вы оба должны действовать вместе.

Ответа не последовало, лишь суженные глаза.

– Пять... четыре... – он молился, чтобы объединенными усилиями, когда две половины одного разума попытаются использовать противоположную магию, удалось сделать прорыв в этой тупиковой ситуации. – ...три... два... – Но каков будет результат? Он боялся, что шанс сделать все еще хуже ничуть не меньше, чем шанс улучшить ситуацию. Но у него не было выбора. – ...один...

Он указал рукой на статую.

Какое-то время ничего не менялось. Каменная фигура стояла совершенно неподвижно, словно мертвая.

Затем дрожь прошла по ее пальцам на ногах и на руках – судороги, которые сотрясли тело так, словно в него ударила молния. Голова запрокинулась. Рот растянулся в немом крике.

Фэй-ни хлынули прочь, отступив к стене. Они не могли уйти, но не хотели оставаться.

Тайрус подозревал, что похожая борьба происходит и внутри каменной фигуры перед ним, вся поза которой воплощала чистую агонию.

Выдох вырвался из горла:

– Беги... Тайрус, беги...

Он понял, что впервые услышал настоящий голос человека, когда-то жившего здесь, – целителя. Резко повернувшись, он ринулся через дверь и слепо побежал по темным коридорам.

Крики раздались за его спиной; затем земля затряслась. Резкий запах серы донесся сзади. Но он продолжал бежать...

Наконец впереди Тайрус увидел выход, прямоугольник сумрака в мире теней. Он помчался к нему и вынырнул на открытый воздух. Он не останавливался. Некий инстинкт, поднявший дыбом каждый волосок на его теле, заставил его нестись по склону. Он достиг болезненного ручья и перепрыгнул через него, оттолкнувшись изо всех сил.

На бегу он оглянулся и увидел ужасающее зрелище: серая волна окаменения распространялась от склона, превращая траву в камень, кустарник в гранит. Она двигалась во всех направлениях.

Ударившись о противоположный берег ручья, Тайрус покатился. Закричав в панике, он заставил себя подняться и бежать дальше, уверенный, что магия может настичь его в любой момент.

Но этого не случилось.

Он обернулся и увидел, что распространение превращающей в камень магии дошло до середины ручья, затем прекратилось.

Пытаясь отдышаться, он смотрел, не мигая. Магическая энергия ушла. По ту сторону застывшего зеленого ручья пейзаж был словно изваян из камня. Он не ожидал, что все обернется так.

Он сложил руки чашей у рта и закричал:

– Волхв! Рааль!

Ответа не последовало. Закусив губу, он взвесил свои шансы. Ничто теперь не мешало ему уйти. Чары были сняты с его тела; он вновь обрел свою плоть и кровь. Но что с остальными? Что с армией дварфов?

Он сорвал несколько грязных камышинок на берегу и бросил их через ручей. Они упали на каменную почву, но остались зелеными. Какие бы чары ни пришли здесь в действие, все было кончено.

По камням Тайрус перешел ручей и осторожно потрогал твердую почву. Ничего не произошло. Удовлетворенный, он снова подобрался к разбитой двери. И опять позвал, но ему по-прежнему не ответили. Он вслушивался, пытаясь услышать какой-нибудь скрип или звук шагов внутри. Остались ли там фэй-ни?

Ни единый звук не донесся из дома. Ему не хотелось делать то, что придется, но он призвал всю свою решимость. Солнце почти село, и лучше было узнать, что внутри, пока еще осталось хоть немного дневного света. Он вновь вошел в дом.

Напрягая все чувства, он пошел к комнате с очагом. Остановившись снаружи, он увидел, что факел погас. Единственным источником света было разбитое окно.

Он проскользнул внутрь, ступая на цыпочках. Тайрус дрожал, измученный ужасом последнего дня.

То, что он нашел в комнате, заставило его застыть. Фэй-ни по-прежнему были там, но теперь все они опять были камнем, застыв, словно жуткая живая картина.

Но каменной скульптуры не было. На ее месте, свернувшись на полу, лежал такой же мужчина из плоти и крови, как и он сам. Он был светловолос, как северянин, и на его лице была тень бороды. Молодой мужчина.

Тайрус торопливо подошел. К его удивлению, он обнаружил, что мужчина дышит. Он опустился на колени и коснулся его плеча:

– Волхв?

Глаза мужчины были открыты, хотя не похоже было, что он видит. Его губы задвигались, и спустя несколько мгновений прозвучали слова:

– Я... Я убил их.

Тайрус оглянулся на каменные фигуры.

– Может, это к лучшему.

– Нет, не этих монстров. Прежде... – Глаза закрылись, скрыв невысказанную боль. – Я умирал, задыхаясь, в пепле и дыму. Я был в панике... призывал моих детей ко мне... – последовало долгое молчанье, затем шепот: – Они пришли, потому что они были напуганы, как любое испуганное дитя ищет утешения у

своего отца. Слепой к их любви и вере, я вырвал из них самую жизнь в своем страхе.... в моей битве за жизнь. Последним был бедный Рааль. Он видел, как я поглотил других, чтобы остаться живым, и все равно не ушел. Он пришел в мои руки без единого протеста. Он прижал свою щеку к моей. И я украл его жизнь...

Тайрус теперь понял, что разделило разум мужчины надвое: вина.

– И для чего? – закончил мужчина. – Чтобы быть замурованным в прахе и ходить по миру. Обернуть все, чего я касался, в камень – холодный, как мое сердце. Это было слишком.

Его плечи вздрогнули, но он не заплакал.

– Не обвиняй себя. Это было чудовищное время. Рождение Блэкхолла могло лишить мужества любого мужчину.

Рука протянулась и сжала его пальцы. Ни слова благодарности не прозвучало, но все было понятно и так. Они не двигались какое-то время.

Затем светловолосый мужчина вновь заговорил слабым голосом:

– Пришло время мне пойти той дорогой, которой я должен был пойти давным-давно. И когда я умру, умрут и мои чары, – его губы пошевелились. – Но сначала... – Тайрус почувствовал, как тело мужчины дернулось: жизнь покидала его. – ...подарок.

Он посмотрел на бледное лицо, неподвижное и спокойное, но уже не лицо статуи. В своей смерти Волхв нашел путь к жизни.

Тайрус встал. Печально покачав головой, он покинул эту могилу и вышел навстречу последним лучам солнечного света этого дня.

Стоя в дверном проеме, он наблюдал, как каменный пейзаж вновь обращается в траву, грязь и искривленные кустарники. Чары Волхва в самом деле разрушались. И пока он смотрел на это дающее надежду зрелище, он молился, чтобы так произошло повсюду. Обретут ли свободу со смертью Волхва его друзья и окаменевшая армия дварфов?

Был только один способ узнать.

Тайрус переступил через остатки дубовой двери. И заметил маленький нарядный цветок, растущий посреди мусора. Как и трава, он из камня вновь превратился в зеленые листья и желтые лепестки. Тайрус наклонился и сорвал его.

И едва он сделал это, стебель почернел, затем то же случилось с листьями, затем – с лепестками. Спустя мгновение в его руках была гранитная копия цветка. Его глаза широко раскрылись в ужасе.

Потрясенный, он бросил цветок, и тот вдребезги разбился у его ног.

Только тогда Тайрус вспомнил последние слова Волхва: «Но сначала... подарок».

Сайвин мчалась сквозь туманную ночь верхом на Рагнарке. Она закрыла глаза, чтобы почувствовать на вкус свободу открытого неба. До этого ее вытащили с нижней палубы, плюющуюся проклятьями, все еще одержимую мерзостью, угнездившейся в ее черепе. Но, как и прежде, Каст смог позвать ее, чтобы освободить дракона.

Сидя верхом на своем скакуне, соединенная с ним связывающей магией, она вновь была собой. И мастер Эдилл рассказал ей о зловещем судне, которое они преследовали, – костяном корабле.

На нем одержимые во главе с Хантом направлялись навстречу флоту, намереваясь посеять зло среди кораблей. Их нужно было остановить.

Она и Рагнарк должны были отправиться на разведку и спланировать атаку, пока «Вороново Крыло» летело высоко в облаках, ожидая ее сигнала, чтобы снизиться и напасть. И Кровавые Всадники, и эльфийские воины были готовы атаковать.

Рагнарк лег на крыло и скользнул к морю.

Сайвин открыла глаза. Она заметила внизу бледный корабль, мчащийся по волнам. Она могла поклясться, что слышала в шуме ветра отдаленные крики. За собой корабль оставлял след страха, осязаемое зло. Приглушенное магией дракона, оно слегка померкло. И, тем не менее, слабая дрожь прошла по ее коже.

«Плохой корабль», – прорычал Рагнарк, чувствуя ее состояние.

Сайвин не спорила. Мерзкое судно, его экипаж, его груз – все это необходимо было уничтожить прежде чем судно достигнет флота. Но на борту корабля были ее друзья, столь же невиновные в происходящем, как и она сама. Она вспомнила Ханта, его широкую, простую улыбку, его любовь к Шишон и заботу о ней.

Ее пронзило чувство вины. Почему ей позволено жить, в то время как другие приговорены обрести могилу в море?

Дракон промчался над кораблем и повернул назад. Никто не поднял тревоги. Черная чешуя Рагнарка сливалась с темной ночью. Сайвин рассматривала пустую палубу. Не было даже впередсмотрящего. Было что-то зловещее в корабле, идущем под всеми парусами без единого моряка на палубе – особенно в этих опасных морях.

Вокруг корабля течения несли ледяные горы, и море кипело и выбрасывало клубы пара. Плыть в таких водах вслепую означало призывать верную смерть. Но корабль продолжал нестись вперед, оставляя позади себя эхо криков.

С этого расстояния было ясно видно, что кожистые паруса в самом деле были из человеческой кожи, а сшиты они были сухожилиями. Корабельная оснастка казалась сырой от крови. Скелет на носу протянул руки к небесам в мольбе. Рот черепа застыл в безмолвном крике.

Сайвин почувствовала ком в горле, когда увидела все это. Безумием казалось взойти на этот корабль, но им придется. Это логово зла должно быть уничтожено.

– Поверни назад на «Вороново Крыло», – прошептала она, передавая свое желание дракону не только словами, но и мысленно. – Мы нападем, когда луна полностью взойдет.

Рагнарк сложил крылья, чтобы взмыть по спирали к ждущему их кораблю. В этот момент внимание Сайвин привлекло движение внизу. На жутком корабле, открылся люк, и кто-то вышел на палубу, запрокинув голову, ища что-то в облаках.

«Спрячься», – велела она своему скакуну.

Рагнарк исчез внутри облака пара. Теперь они не могли видеть корабль. Весь мир исчез в полосе теплого тумана. Вода с запахом серы каплями оседала на коже.

Сайвин дрожала, несмотря на тепло, и молилась, чтобы их не заметили. Когда человек на палубе поднял лицо, она узнала Ханта.

Поймав восходящий воздушный поток, Рагнарк покинул полосу тумана и поднялся высоко над ним. Звезды и луна засияли ярче. Капли влаги на крыльях дракона сверкали, словно драгоценные камни. В последний раз вздрогнув, Сайвин освободилась от ужаса призрачного корабля внизу и повернула лицо к открытому небу.

В половине лиги она заметила «Вороново Крыло», его стальной киль отливал красноватым в ночи. Она направила Рагнарка на корабль. Они не будут откладывать свое нападение. Заметил их Хант или нет, но он явно был насторожен.

Рагнарк подлетел к эльфийскому кораблю, и Сайвин, подозвав капитана корабля, указала на море внизу:

– Сейчас! Как мы и планировали, но надо действовать сейчас!

Капитан Лисла жестом показала, что поняла. Другие эльфы стояли позади нее вместе с тесной группой Кровавых Всадников. Все были вооружены.

Капитан отдал приказы своей команде быстро и четко. Паруса на фок-мачте были зарифлены. Лисла стояла посредине палубы, ее тело светилось энергией. Она выбросила руки к небу, затем развела их в стороны и опустила вниз.

«Вороново Крыло», продолжение ее тела и духа, встряхнулось, затем круто нырнуло вниз, к покрытому туманом океану. Его киль светился ярче, по мере того как корабль опускался.

Рагнарк сложил крылья и последовал за кораблем, камнем падая с небес. Сайвин прижалась к горячей шее дракона, ее ноги плотно обхватили чешую. Ветер трепал ее, угрожая сорвать со скакуна. Несмотря на опасность, ее пронзило чувство восторга. В душе дракон взревел от такого же удовольствия. Ощущения стали размытыми, и трудно было сказать, где кончается дракон и начинается всадник.

Рагнарк миновал снижающийся корабль, и они с Сайвин прорвались сквозь облака, океан распростерся перед ними. Лед мерцал голубым на черной поверхности моря. Клубы пара поднимались, словно башни какого-то затерянного города. И посреди пустынного океана скакал на волнах одинокий корабль. «Вперед! – мысленно крикнул Сайвин. – Не дадим им ускользнуть!» – «Никогда, моя связанная... никогда!»

За мысленным посланием дракона она почувствовала другую душу. Она прикоснулась к этой душе и почувствовала гордость и свирепость, которых хватило бы на тысячу драконов. Сайвин улыбнулась ветрам. Что бы ни случилось этой ночью, но сейчас они все вместе.

Сайвин почувствовала, как «Вороново Крыло» мчится за ее спиной. Она не замедлила скорость и не оглянулась. Сейчас или никогда.

Рагнарк нырнул к бледному кораблю. Сайвин не могла сказать, наполняли ли вопли его паруса по-прежнему. Ветра завывали вокруг нее. Паруса корабля затрепетали при приближении дракона. Его костяная палуба увеличивалась в размерах.

Она не была пуста.

Как она и боялась, Хант был на корабле. Но слишком поздно было отступать.

– Нападаем! – крикнула она в ветер.

Рагнарк был словно стрела, нацеленная в центр палубы. Сайвин пригнулась ниже. Чешуя дракона обжигала, словно огонь. В последний момент его крылья раскрылись, обнимая ветер. Когтистые лапы вытянулись, приземляясь.

Мужчина на палубе бежал от стремительной атаки, чтобы не быть сбитым с ног.

Рагнарк заревел, ударившись о палубу, сметая все на своем пути. Когти вонзились в костяной настил. Сайвин бросило вперед, но дракон не позволил ей упасть. Она съежилась на его спине, когда одно из его крыльев ударило по фок-мачте, повалив ее в море.

Пока одержимый спасался от дракона, Сайвин обернулась и увидела «Вороново Крыло» над кораблем. С его носа и кормы были сброшены веревки, а через палубное ограждение были перекинуты веревочные лестницы.

По веревкам стремительно начали спускаться эльфы. Казалось, они собирались разбиться насмерть, но в последний момент их движение замедлилось, и они спрыгнули, приземлившись по-кошачьи на палубу и держа мечи наготове.

За ними с тем же проворством по лестницам последовали Кровавые Всадники. Они спрыгнули на палубу с боевыми криками, вооруженные топорами и мечами.

И две силы столкнулись. Одержимые дрались, словно дикие звери. Сами некогда Дреренди, они были искусными воинами; теперь, направляемые тварями внутри них, они использовали зубы и ногти с той же ловкостью, что и мечи.

Повсюду раздавались крики. Паруса трещали и хлопали, словно в бурю.

У кормы цепочка лучников упала на колени и послала пылающие стрелы к небу, целясь в «Вороново Крыло». Вспыхнуло пламя, но небольшой огонь погасили при помощи ведер воды, прежде чем он смог распространиться.

Сражение вокруг дракона становилось все ожесточеннее. Сайвин оказалась в самом центре этой бури. Крылья дракона защищали ее, пока Рагнарк атаковал врагов, которые подходили слишком близко. Их переломанные тела были разбросаны вокруг.

По всей палубе кости омыла кровь.

Сайвин была единственной, кто заметил изменение. Окровавленные кости палубы подернулись рябью. Появилась кожистая плоть, словно вскормленная кровью. Выдохнув, Сайвин поняла, что бой на палубе питал грязную тварь, из костей превращая ее в живое существо.

Она закричала:

– Осторожно! Корабль оживает!

Звуки битвы заглушили ее предупреждение. Она увидела, как эльф наступил на измененный участок палубы. Под его ногой открылась глотка с острыми зубами. Захваченный врасплох, эльф упал прямо в поджидающие его челюсти, взмахнув руками. Когда он соскользнул вниз, зубы сомкнулись, прокусив его грудь с хрустом костей. Он даже не успел вскрикнуть. Мало кто заметил его участь.

«Других нужно предупредить!» – мысленно крикнула она дракону. По всей палубе кость начинала превращаться в плоть.

«Приготовься!» – ответил Рагнарк.

Грудь дракона приподнялась под ней; затем он вытянул шею и заревел во всю мощь. Этот рев перекрыл звуки битвы.

Сайвин не тратила время понапрасну. Использовав мгновение ошарашенной тишины, она закричала так, чтобы ее услышали:

– Остерегайтесь корабля! Он оживает под вами!

Некоторые из сражающихся уставились на палубу. Другие отступали от расползающейся плоти.

Затем бой возобновился. Теперь нападающим пришлось труднее. Одержимые сражались с обновленной силой: им помогал сам корабль. Разверстые рты появлялись повсюду, они выбрасывали мясистые языки, чтобы схватить и втащить в себя обреченных атакующих.

Сверху прозвучал голос рога, призывая к отступлению.

Мужчины бросились к веревкам и лестницам. Одержимые пытались последовать за ним, но были сброшены, либо же веревки перерезали над ними. «Вороново Крыло» уходило.

Рагнарк распростер крылья и прыгнул в воздух, чтобы последовать за кораблем. Но корабль-кровопийца не хотел отпускать их. Мачта превратилась в когтистую лапу, и Рагнарк был сдернут с небес, схвачен за свою заднюю ногу. Сайвин не удержалась и покачнулась в сторону. Ее левая нога подвернулась, колено изогнулось под диким углом. Вскрикнув, она повисла на одной лодыжке, зацепившись за чешую дракона.

Рагнарк повернул шею и укусил когтистую лапу, что держала его. Кость переломилась. Потоки черной крови побежали по мачте, но хватка не ослабела, стягивая их на палубу.

Затем на корабле внизу вспыхнуло пламя, взметнувшись высоко в небо.

Сайвин была поставлена в тупик, пока не увидела пару бочек, которые пролетели мимо нее. Они ударились о палубу и взорвались, ярко вспыхнув. Она подняла голову и взглянула на «Вороново Крыло» над ними. Другие бочки появились из люков.

Вновь подвергшаяся атаке, когтистая лапа ослабела достаточно, чтобы Рагнарк мог вырваться. Но дракон потерял равновесие и был слишком близко к палубе. Он упал прежде, чем смог взмахнуть крыльями, чтобы выровняться. Рагнарк тяжело ударился о палубу, но в последний момент сумел перекатиться и спасти Сайвин – не раздавить ее собственным весом.

«Связанная!»

– Я в порядке, – выдохнула она, пытаясь снова сесть. Тут ее плечо пронзила стрела. Неожиданность была сильнее, чем боль. Она упала на шею дракона.

Рагнарк, разделявший ее чувства, заревел в ярости.

Сайвин обернулась и увидела, как Хант отбросил прочь свой лук и запрыгнул на спину дракона, подняв меч над головой.

Она пыталась поднять руку, чтобы защититься, но боль от стрелы затуманила ее зрение. Меч опускался на нее.

Затем Ханта сорвало с драконьей спины и подбросило вверх. Его меч отлетел, когда Рагнарк встряхнул Кровавого Всадника, сжимая его своими челюстями.

«Нет! – крикнула мысленно Сайвин, почувствовав намерение своего скакуна убить Кровавого Всадника. – На «Вороново Крыло»!

Мускулы напряглись под ней, и они поднялись в воздух. Она увидела, как новые бочки ударились о корабль, взорвавшись пламенем. Костяное судно запылало от носа до кормы, сгорая до костного мозга.

Рагнарк помчался прочь, когда корабль начал тонуть. Последним, что Сайвин увидела, была живая мачта, царапающая небеса. Она закрыла глаза, теряя сознание.

Когда она вновь открыла их, она была на борту «Воронова Крыла». Люди и эльфы толпились вокруг.

Она попыталась встать, но знакомый голос предупредил ее:

– Лежи спокойно, моя дорогая.

Это был мастер Эдилл.

– Мы вытащили стрелу, но целитель ушел, чтобы принести еще драконьей крови.

Она слабо кивнула. Кровь дракона могла исцелить любую рану – за исключением зла внутри нее. Она лежала, расплас-

тавшись на теплой спине дракона. «Рагнарк...» – «Я здесь, моя связанная... Я в порядке».

Она вздохнула. Она видела Ханта, распростертого на палубе, его руки и ноги держали четверо Кровавых Всадников. Верхняя часть его торса была исполосована, и дуги ран от укусов отмечали его плоть. Эльфийский целитель пытался заняться его ранами, но он метался и боролся, завывал и кусался, словно дикая собака.

«Я принес его на корабль, – объяснил Рагнарк, чувствуя ее смятение. – Как ты хотела».

Она вспомнила свой последний приказ, когда дракон напал на Ханта. Она лишь имела в виду, чтобы дракон бросил Кровавого Всадника и спасался, но Рагнарк, должно быть, читал в ее сердце и знал, как она привязана к этому человеку.

С высоты драконьей спины она видела, как Хант борется и воет. Вскоре она будет делать то же самое. Без магии дракона демон вновь одержит над ней верх, превратив ее в неистового зверя. Слезы подступили при этой мысли – и ее зрение затуманивалось, поэтому она слишком поздно заметила опасность, грозящую другому. Она вскочила, несмотря на боль в плече:

– Шишон! Нет!

Маленькая девочка прорвалась через столпившихся воинов и упала позади распятого Ханта. Она потянулась к связанному с ней Кровавому Всаднику:

– Ты мне нужен.

Ее пальцы коснулись татуировки Ханта, и его тело изогнулась от этой магической связи. Реакция была столь сильной и внезапной, что стражи, держащие мужчину, были отброшены прочь.

Сайвин хотела прийти ей на помощь, но дракон держал ее за лодыжки, отказываясь отпускать.

Хант схватил маленькую девочку.

– Нет! – застонала Сайвин.

Но вместо того, чтобы причинить ей вред, Хант обнял Шишон, защищая. У высокого мужчины вырвалось сдавленное рыдание, и он поцеловал ее в макушку.

Пики и мечи окружили их. Мастер Эдилл прорвался вперед.

– Мастер Хант?

– Это я, – выдохнул он. – Прикосновение Шишон разрушило хватку твари.

Шишон кивнула, ее маленькие руки обняли его крепче.

– Но у него все равно червяки в голове.

Мастер Эдилл перводил взгляд с Ханта на Сайвин.

– Как связь Сайвин с ее драконом. Пока Шишон поддерживает магическую связь и остается в контакте...

– Он будет свободен, – пробормотала Сайвин сама себе. Ей было радостно видеть их вместе: это поддерживало ее надежду, что когда-нибудь то же самое будет и у нее с Кастом.

Целитель появился с маленьким сосудом с драконьей кровью.

– Надо взглянуть на твои раны, – сказал он.

Сайвин кивнула, но она знала, что нет способа исцелить самую глубокую ее рану. Она смотрела на Ханта и Шишон, пока целитель обрабатывал ее плечо. На мгновение она забыла о своем отчаянии.

«Однажды, любовь моя... Однажды я буду обнимать тебя снова».

На нижних палубах «Сердца Дракона» Каст склонился над столом, заваленным морскими картами и схемами. Верховный Килевой и его дородный советник, Билатус, стояли по другую сторону стола. Три дня прошли с тех пор, как они потопили костяной корабль, и вот уже два дня они ведут флот к Блэкхоллу.

Шаман Билатус выпрямился со стоном.

– Возможно, нам следует разработать стратегию получше, пока у нас глаза на лоб еще не вылезли от усталости.

Он провел рукой по своей лысеющей голове и пожал плечами в синем одеянии.

Верховный Килевой устал не меньше шамана, но он лишь пристальнее стал вглядываться в свитки и планы. Каст понимал его настойчивость: мужчина видел, что стало с его сыном. У Каста и Верховного Килевого была одна боль на двоих: видеть страдания любимого существа и быть не в силах помочь.

– Нападения на нас становятся все серьезнее, – проворчал Верховный Килевой. – Мираи пришлось отражать новую атаку кракена этим утром.

– Я слышал, – ответил Каст. – И эльфы вынуждены были сражаться с патрулями скалтум прошлой ночью.

Верховный Килевой ударил кулаком по столу:

– Нужно напасть сейчас! К чему это проклятое ожидание?

– Ты знаешь к чему, – ответил Каст. – Тайрус ведет дварфов через Каменный лес. Они пока не достигли позиций, с которых будут атаковать северный подход к горе.

– Пусть присоединяются к битве, когда смогут! Что мешает нам атаковать с юга?

Каст вздохнул. Этой был старый спор, и этот план уже не раз обсуждался. Было лишь два пути в Блэкхолл. Через два дня на рассвете дварфы нападут через мост с севера, в то время как Дреренди и мираи атакуют с юга, а эльфийские корабли обеспечат поддержку с воздуха тем и другим.

Более тонкие детали все еще оставались не оговоренными до конца и обсуждались среди различных флотов. Днем и ночью вороны летали между кораблями. Всадники-посланники верхом на своих драконах носились по океанским глубинам с приказами или предложениями. Нужно было создать окончательный план. Сейчас было не время для необдуманных действий.

Пока Верховный Килевой ворчал, Каст бросил взгляд на Билатуса. Шаман положил руку на плечо старика:

– Тебе надо отдохнуть.

Верховный Килевой стряхнул его руку:

– Отвяжись!

Каст с хрустом потянулся.

– Ладно, мне нужен свежий воздух, – сказал он. – Вернемся к этому на восходе луны.

– Я, наверное, буду на камбузе, – нехотя сказал Верховный Килевой.

– Я присоединюсь к тебе там, – сказал Каст. – Но сначала я хочу прогуляться по палубе.

Остальные кивнули. Затем они вместе покинули комнату и разошлись в разных направлениях.

Каст поднялся на палубу и вдохнул ночной воздух. Он пах солью и серой. Налетев с другой стороны, холодный ветер мгновенно пропитался паром. Это и в самом деле было странное море.

Он подошел к ограждению правого борта. Темное море вокруг было полно парусов. Вверху над мачтами парили эльфийские корабли – огромные черные грозовые облака, мерцающие красноватыми сполохами. Можно было расслышать мягкое звучание лютни, а где-то еще моряк пел ночи о потерянной любви.

Каст перегнулся через ограждение. Скоро все закончится. Он покачал головой. Все эти планы ни к чему. Настоящая война будет в другом месте, далеко отсюда.

Неизвестно, какое зло Темный Лорд приготовил напоследок, но в любом случае оно откроется не среди этого странного моря. Их усилия здесь – не больше чем уловка, чтобы отвлечь противника от истинной атаки.

Каст не осмеливался взглянуть на восток, где находились далекие горы и маленький городок Винтерфелл. Это не его битва.

Вместо этого он сосредоточился на севере, где горизонт пылал яростным красным, где разрасталась мрачная тень, выжидая.

Тень по имени Блэкхолл.

Книга пятая

Зимний Эйри

Глава 19

Толчук сидел перед семейным очагом. Рассвет только наступал; остальные еще спали на полу, закутавшись в одеяла.

Он смотрел на язычки пламени, радуясь этим мгновениям тишины перед началом дня. Пещеру наполнял покой. Ни криков, ни вызовов, ни требований – это было его время.

Но все изменится, как только поднимется солнце. Он стал новым духовным вождем племен и отвечал за судьбу кланов. Это была такая же тяжелая ноша, как камень в его сумке на бедре. При этих мыслях его пальцы легли на мешочек из шкуры козы.

Сердце оставалось измененным: кровь гибельного стража Вирани превратила его в черный камень. Толчук боялся, что если он принесет его к Призрачным Вратам в сердце горы, это искажение распространится на арку из камня сердца. Поэтому он не осмеливался открыть Врата и попросить совета у Сизакофы. Проходили дни, а последние слова Сизакофы продолжали звучать в его сердце: «Духовные Врата необходимо защитить... Ты должен стать их хранителем».

Но что он мог сделать? Он объединил кланы, уничтожил угрозу Куукла. Но в племенах по-прежнему не было покоя. Огры не славились ни уживчивостью, ни легким нравом. Каждый день среди собранных вместе огров случались стычки.

Необходимо было дать им цель, и все ждали этого от него. Но что он мог сделать? Куда они могли пойти?

Топот бегущих ног привлек его внимание к Могвиду. Изменяющий форму бежал через пещеру к очагу. Он осваивался с ночной жизнью, с каждым вечером все больше набираясь храбрости и уходя все дальше от тепла очага.

По его бледному лицу было видно, что что-то напугало или возбудило его.

– Корабль! – выпалил он, задыхаясь.

Толчук нахмурился и встал.

Могвид махнул рукой в сторону ярко освещенного входа в пещеру:

– Это эльфийский корабль! Пришел с юга!

Его крики разбудили остальных. Одеяла были отброшены. Магнам поднялся на ноги.

– Это корабль Джеррика? – спросил дварф, протирая один глаз. – Тот, что мы спрятали?

– Нет, этот больше! Кто-то пришел! Может, они хотят спасти нас!

Джастон сел, баюкая маленького болотного ребенка на руках. Ее крылья расправились, когда она проснулась.

– Должно быть, с Алоа Глен. Может быть, они получили послание, отправленное с вороном Кассой Дар.

Толчук надеялся, что это так. Через болотное дитя Касса Дар знала обо всем, что случилось здесь, и она послала ворона с этими сведениями на Алоа Глен. Но пока что они не получили ответа.

Магнам нахмурился.

– Сомневаюсь, что корабль мог прибыть сюда с острова так быстро. Прошло всего несколько дней.

– Но это же эльфийский корабль! – Могвид едва не танцевал. – Выходите посмотреть! Огры, что расположились лагерем снаружи, все перепуганы.

Толчук схватил плащ и сделал знак Могвиду идти вперед. Им лучше поторопиться. Летающий корабль может всю долину повергнуть в панику.

Могвид бросился к выходу, остальные за ним. Но когда он достиг выхода, его ноги подкосились, и он с воем свалился на каменный пол.

Толчук протянул когтистую лапу, чтобы помочь ему, но мужчина уже поднялся сам. Он выпрямился и взлохматил волосы, затем повернул озадаченное лицо к Толчуку:

– Что происходит?

Толчук вздохнул и кивнул Магнаму:

– Расскажи Фердайлу о корабле.

Он прошел мимо ошарашенного изменяющего форму и посмотрел на солнце, поднимающееся на востоке. Восход. Близнецы вновь поменялись местами.

За входом в пещеру долина пылала сотнями костров. Луговая трава была вытоптана множеством огров, собравшихся там, – словно камнепад обрушился со склонов Северного Клыка. Тревога уже распространилась по всей долине. Огры стояли и указывали на небо на юге. Женщины нервно скулили.

Толчук обвел взглядом долину. Ночь все еще сохраняла свои права на западе, но самые высокие утесы Клыка уже купались в солнечном свете. Осматривая небеса, он заметил корабль, идущий с юга. Все еще в темноте, его стальной киль пылал красноватым магическим огнем, а светильники на оснастке заливали светом колышущиеся паруса. Затем корабль обогнул утес и вошел в полосу света. Солнце вспыхнуло на мерцающей ткани парусов и мягко осветило темное дерево корпуса.

Крики огров стали громче.

Среди толпы появился Хуншва и устремился к собравшимся у пещеры клана Токтала.

– Какой демон нападет на нас на этот раз? – спросил он по-огрски. Военный вождь кланов держал в руке дубину и постукивал по другой руке. Он был готов драться.

– Я думаю, это друзья, – ответил Толчук на всеобщем наречии. – Союзники.

Хуншва с сомнением взглянул на корабль, летящий к долине.

– Найди главу каждого клана, – сказал Толчук. – Нужно, чтобы все знали, что корабль нельзя атаковать.

Хуншва кивнул с ворчанием:

– Будет сделано.

Затем он кинулся вниз по склону, призывая главу каждого клана на сбор.

Джастон выступил вперед с болотным ребенком, цепляющимся за его колено. Девочка сосала большой палец и смотрела широко открытыми глазами в небо.

– Хорошенький, – пробормотала она, не вынимая пальца изо рта.

– Я пошлю болотное дитя на корабль, – сказал Джастон. – Касса Дар может дать им знать, где мы и что внизу.

Толчук кивнул, но прищурил один глаз, глядя на корабль. Когда эльфийское судно подлетело ближе, стало видно, что за ним следует огромная стая птиц, повторяя его путь, как если бы они поднялись из леса в долинах, лежащих ниже. С каждым мгновением их появлялось все больше и больше, они заполняли небеса.

– Что это за птицы? – спросил стоявший рядом Магнам, выражая вслух тревогу Толчука.

На этот вопрос ответил Фердайл, протиснувшись между ними и наткнувшись на Джастона. Он задрал голову, на его лице застыло выражение недоверия.

– Силура! – выдохнул он.

Толчук отозвал его в сторонку:

– Что ты говоришь?

Фердайл обвел рукой небо:

– Орлы и ястребы... это мой народ!

Толчук нахмурился, глядя на темную стаю, вырастающую позади большого корабля. «Армия изменяющих форму?» Либо это вторжение из Западных Пределов, либо силы, могущественнее, чем легионы огров, принесли сюда течения судьбы. Толчук жалел, что не рискнул открыть Призрачные Врата и поговорить с Сизакофой.

– Пошли дитя болот, – приказал он Джастону. – Давайте узнаем, кто пришел к нам с этой армией.

– Смотрите! – выкрикнул Магнам.

Все глаза повернулись к кораблю. На носу корабля внезапно появился огонь. Он пылал высоко в небе, вздымаясь над мачтами.

Огры хлынули прочь от тени корабля, впав в панику при виде этого зрелища. Было слышно, как Хуншва призывает их сохранять спокойствие.

В небе пламя приняло форму огромной розы, огненные лепестки были обращены к рассвету. Долину огласило еще больше криков.

Стоящие у входа в пещеру онемели с раскрытыми ртами. Все они узнали символ, пылающий в небесах.

– Это Елена! – наконец проговорил Толчук потрясенно.

– Откуда ей здесь взяться? – спросил Магнам.

Толчук посмотрел на корабль, на пламенную розу, на армию. Его сердце пронзил холодный страх. Он чувствовал, что многие пути пересеклись здесь сегодня, пути, предсказанные в пророчествах столь же древних, как сами эти горы. Но не было магии, способной предсказать путь, лежащий впереди. Они стояли на поворотной точке судьбы, вокруг была темнота, и единственный огонь вел их отсюда.

Толчук смотрел вверх на пылающую розу ведьминого огня и молился, чтобы Елена оказалась достаточно сильной, чтобы нести подобное бремя.

Эррил опустил бинокль. Елена стояла рядом с ним, ее правая рука была поднята к небесам. Он смотрел, как она быстро укротила свою магию и натянула перчатку из кожи теленка на свою рубиновую кисть, немного побледневшую после этого магического представления.

Он подошел к ней.

– Я заметил Толчука и Могвида у входа в пещеру, – сказал он.

– Так они по-прежнему здесь... хорошо, – ее глаза все еще светились песней дикой магии.

– Я также видел с ними Джастона.

Ее бровь изогнулась:

– Жителя болот? Ты уверен? – замешательство заставило померкнуть сияние магии в ее лице, и Эррил был рад этому. Черты ее лица вновь обрели теплоту.

– Трудно с кем-то спутать это покрытое шрамами лицо, – уверил он ее, беря за руку. Остальные стояли у палубных ограждений по обе стороны, но его не волновало, кто на них смотрит; он больше не скрывал своей любви к Елене. – Я видел, что Джастон опустился на колени возле какого-то странного ребенка. Сейчас он летит на крыльях к нам.

– Крылатый ребенок? – она смотрела в небеса, пока не заметила маленькую фигурку в полете. – Это может быть одно из созданий Кассы Дар?

Эррил пожал плечами.

– Похоже, нам есть что рассказать друг другу.

Они стояли рядом и смотрели на долину внизу, освещенную утренними кострами и покрытую множеством напоминающих скалы фигур огров.

– Будет приятно увидеть Толчука и остальных снова, – пробормотала Елена.

Эррил услышал нотку сожаления в ее голосе. Он поцеловал ее в макушку. Последние дни здесь, на «Фее Ветра», были полными мира и покоя: ни опасностей, ни чудовищ, ни темной магии – только солнце, ветер и небо. Но на земле внизу они ясно видели знаки войны: сожженные жилища, остовы домов на месте городов, своры странных чудовищ в лесах.

Эррил неожиданно начал понимать эльфов немного лучше. Наверху, в открытых небесах, мир казался проще и ярче.

– Мы должны всегда летать, – прошептал он ей на ухо.

Она обвила его руками:

– Не дразни меня.

Как же он хотел, чтобы все было так просто! Но он знал, что никакие слова не собьют Елену с выбранного пути. Поэтому он позволил ей помечтать о побеге.

– Крылатый ребенок приближается, – заметил он.

И почувствовал, как она вздохнула.

– Пришло время вернуться в мир, – прошептала она, уткнувшись ему в грудь.

Эррил поднял ее лицо и вытер ее слезы, прежде чем кто-нибудь смог заметить их:

– Мы встретимся с ним вместе.

. . .

К середине дня Елена смертельно устала, пытаясь призвать к порядку военный совет. Напряжение между изменяющими форму и ограми оставалось сильным. И те, и другие долго жили, отгородившись от внешнего мира, и не доверяли ему. Как она могла выковать из них единую армию, если сомневалась, что у нее хватит сил даже на это собрание? Встреча отряда Елены и отряда Толчука чуть раньше была радостной и печальной одновременно.

Джеррик, Мама Фреда, и маленький Тикаль... все мертвы.

Глаза Елены опухли от непролитых слез. После того как она услышала историю перерождения Вирани и предательства, свершившегося здесь, чувство безнадежности охватило ее душу, и она видела пораженное лицо Эррила. Некогда он любил Вирани, а теперь она возродилась в этом мерзком облике в горах и забрала жизни его друзей. Неужели зло в этом мире никогда не умрет?

Елена протянула руку Эррилу. Он сжал ее пальцы. Все собрались. Пришло время начинать.

Она поднялась и обвела взглядом комнату, где факелы, горящие синим светом, отбрасывали тени на стены. Толчук назвал это место Пещерой Духов, священной пещерой племен огров. С одной стороны костра в центре собрались пять вождей кланов огров со своими военачальниками. Напротив них сидел старейшина силура со своими изменяющими форму. Среди них был и ее собственный отряд.

Все смотрели на нее.

Елена заговорила уверенно:

– Через три ночи, в полнолуние, миру грозит конец, – она оглядела множество разных лиц. – Всему миру. Не только лесам Западных Пределов, не только горам Клыка, не островам у по-

бережья и не равнинам, что лежат дальше. Всему миру грозит конец.

Она дала собравшимся время осмыслить ее слова.

– Ты уверена, что это правда? – спросил Хуншва, военный вождь объединенных кланов.

Елена бросила взгляд на Арлекина Квэйла, затем вновь посмотрела на Хуншву.

– Мы получили вести из доверенных источников. А по пути сюда мы видели горящие села в предгорьях. Мы видели, как войска собираются на плато у вашего пика.

Толчук заговорил со своего каменного сидения:

– Даже Триада говорила о грядущей опасности.

Хуншва кивнул. Среди остальных огров послышалось рычание.

– Что нам делать? – спросил старейшина силура. Он был одет в белые одежды – единственный знак отличия. Он не стал надевать на эту встречу корону из листьев.

Елена жестом попросила Эррила встать.

Одетый в черные парадные одежды, он выглядел впечатляюще. Его черные волосы были завязаны сзади в строгую косу, а щеки все еще пылали от ножа, которым он сбрил щетину с лица.

По ее телу прошла дрожь, когда она посмотрела на него. На пути сюда им пришлось разделять пусть не тела, но по крайней мере постель. Под одеялами, скрытые от глаз окружающих и лишенные необходимости соблюдать приличия, они в тишине делили тепло прикосновений друг друга, изучая границы, которые ни один не был готов пересечь.

Эррил обратился к собравшимся вождям, вернув ее в настоящее.

– Великое зло принесено на это нагорье – статуя из отвратительного черного камня, изображающая Виверну. Это сердце той тьмы, что угрожает нашему миру. В следующие два дня мы пошлем разведчиков по воздуху и по земле. Мы должны узнать, где спрятана статуя, чтобы, когда солнце взойдет через два дня, мы привели к ней наши армии и уничтожили ее.

– Это остановит зло? – спросил Хуншва.

Елена вздохнула, когда Эррил взглянул на нее. Она помнила демоницу Вирани.

– Зло всегда выживает, – просто ответила она.

Среди собравшихся поднялось тревожное бормотание.

– Но сейчас наши усилия защитят мир, – закончила она. – Это все, что мы можем делать в жизни, – сражаться со злом там, где оно обнаружится.

– Где оно обнаружится? – переспросил старейшина силура. – Подножия холмов бескрайни. Поиск одной-единственной статуи займет сотни дней, не два.

– Мы знаем в общих чертах место, куда направляется статуя, – сказала Елена. – В Винтерфелл... место, где я выросла.

Потрясенная тишина встретила это откровение.

Но следующие слова удивили даже саму Елену.

– Я знаю точнее, где может находиться зло, – эти слова произнес странный ребенок, стоявший возле Джастона – один из големов болотной ведьмы, крылатая девочка совершенной красоты. Но говоривший голос казался древним и пришел из куда более отдаленного места, чем границы этой пещеры, – это была Касса Дар. – Когда я изучала тексты, чтобы послать Джастона с одного Клыка на другой, я натолкнулась на трактат, где говорилось о месте слияния стихийных энергий с обоих Клыков. Если Плотина и будет расположена где-то, то, по моим расчетам, это там.

– И где это? – спросила Елена.

– Если мои расчеты верны, это место под названием Зимний Эйри.

Елена выдохнула. Эррил рядом с ней напрягся. Это место имело долгую и кровавую историю. Там ее дядя Бол устроил свое жилище и встретил свою смерть. Во времена Эррила там находилась школа магов Чайрика, прежде чем ее разграбили и уничтожили войска Гульготы. И в пещерах под Эйри Елена и Эррил обнаружили статую из живого кристалла, изображающую мальчика, Денала, пронзенного в сердце мечом самого Эррила. Так много трагедий всплывало при одной только мысли... Могло ли это быть правдой? Мог ли полный круг замкнуться там, где начались все их странствия?

– Зимний Эйри...

– Это будет место, с которого мы начнем искать, – прошептал Эррил.

Ледяной страх пронзил Елену. Эйри был связан с ужасными воспоминаниями: темные коридоры, шипение гоблинов, бой с мульготра на открытом пространстве... Там она познала свою силу.

– И если статуя там, – мрачно проговорил один из вождей кланов, – кто поведет армии? – Огр подозрительно смотрел на старейшину силура и изменяющих форму.

Елена попыталась ответить на вопрос:

– Каждая армия будет иметь своего предводителя. Хуншва у огров. Старейшина у силура.

Это встретило одобрительное бормотание, но Эррил положил руку на ее плечо.

– Нет! – сказал он решительно.

Гневные лица повернулись к нему. Елена приподняла бровь.

– Эррил?.. – она надеялась, что удастся все уладить без раздоров, но увидела суровое выражение его глаз и не сказала ни слова.

– Армия, разделенная надвое, едва ли одержит победу, – заявил Эррил. –Битва требует полного объединения сторон. Я участвовал во многих войнах против сил Темного Лорда. Алансия в первый раз проиграла из-за того, что наши земли раздроблены, а наши народы слишком заботятся о своих собственных землях. Я не допущу этого здесь, где решается судьба всего мира. Мы будем одной армией! И мы решим это прямо сейчас!

Глаза Елены расширились. Она давно не видела в нем подобного огня – словно он пробудился от долгого сна. Не в силах выполнять свою роль ее телохранителя, связанный своим бессмертием и вынужденный нести стяг ее оруженосца, в последнее время он становился все более мрачным и угнетенным. Но здесь он явно вновь обрел твердую почву под ногами, вновь обрел ту живость, как тогда, когда она впервые встретила его.

– Мы выберем вождя здесь! Сейчас!

Последовала напряженная пауза, и огр, стоявший у задней стены, расхрабрившийся, потому что его было не видно, спросил:

– Кто же это будет? Ты? Человек?

После этих слов разразились гневные выкрики. Эррил стоял, словно скала в штормовом море. Он ждал, пока буря успокоится.

– Нет, – сказал он. – Мое место возле Елены.

Она хотела возразить; он мог бы быть превосходным командиром. Но он отступил назад и бросил на нее взгляд. На его губах притаилась улыбка, и в первый раз она видела в его глазах не просто ответственность, но удовлетворение. Это было то место, где он хотел быть, а не то, где ему приходилось быть.

– Тогда кто? – воззвал все тот же голос у дальней стены.

Эррил пожал плечами:

– Вам решать.

Поднялись новые споры.

– Эррил, – прошептала Елена едва слышно, – разумно ли это? Нам не нужна война уже в этой пещере.

– Терпение, моя любовь. Они сделают верный выбор.

– Почему?

– Потому что они знают, что я прав. Они выберут, но, как и всем вождям, им нужно побушевать немного.

– Ты уверен?

Он сжал ее руку.

– Это много раз проверено на тебе.

Она взглянула на него, не зная, должна ли она быть потрясена или позабавлена.

Прежде чем она смогла это решить, сквозь яростные споры прорвался голос.

– Выбор ясен! – вперед вышел Хуншва. Он взмахнул своей мускулистой рукой и указал на Толчука:

– Я говорю: Толчук!

За его восклицанием последовала тишина, но на лицах появилось сомнение, даже среди огров. Толчук выглядел самым потрясенным из всех.

– Он уже наш духовный лидер, – сказал Хуншва главам своих кланов. – Но он также показал храбрость в битве с Вирани. Он спас наши семьи!

Среди огров прошел шепоток согласия.

Хуншва повернулся к силура.

– В его жилах течет кровь и вашего народа. Если армии огров и изменяющих форму объединятся, лучшего вождя не найти!

Елена открыла было рот, чтобы выразить согласие, но Эррил сжал ее руку:

– Не сейчас, – прошептал он.

Старейшина силура посовещался со своими людьми, затем повернулся к Хуншве:

– Мы не знаем этого огра. Мы не можем довериться...

– Довериться? – вперед вышел Фердайл, по-прежнему в теле Могвида. Он стоял рядом с Торн, дочерью старейшины. Из-за всей этой спешки и напряженности из-за сбора двух армий у них было мало времени, чтобы провести его вместе, и по их несколько разгневанным лицам было ясно, что между ними оставалось много недоговоренного. – Если вопрос в том, достоин ли он доверия, – продолжил Фердайл, подходя к Толчуку, – тогда уж усомнись и во мне. Я знаю этого парня. Во всех землях ты не найдешь никого более стойкого в преданности. Преданности не только кланам огров или своим друзьям из числа силура, а всем, кто чист сердцем и кого беспокоит судьба всех народов.

Старейшина силура остался бесстрастным.

Заговорила Торн:

– Отец, Корень послал нас к близнецам. Возможно, нам стоит прислушаться к Фердайлу.

Старейшина тяжело вздохнул:

– Да будет так.

Только один остался ни в чем не убежденным. Толчук поднялся:

– Я не военный вождь.

Эррил отошел от Елены и положил руку на его плечо.

– Это то, что делает тебя лучшим вождем. Ты будешь принимать советы от обеих сторон без предубеждений. Это самое важное – окружить себя мудрыми советниками и прислушиваться к их словам.

Толчук посмотрел на стендайца так, словно тот был безумен, но не произнес ни слова. Даже он понимал, что необходим вождь, который объединит две армии.

Магнам закатил глаза.

– Сначала духовный лидер, теперь глава объединенных армий. Что дальше – трон Безымянного? – его слова сопровождала широкая ухмылка.

Елена смотрела на Эррила, который хлопнул Толчука по плечу в последний раз и повернулся к ней.

– Ты знал, что они выберут Толчука, – сказала она, когда он подошел к ней.

Он пожал плечами:

– Я всегда знал, что он достоин доверия.

Позади Эррила Толчука окружили остальные вожди. Елена чувствовала себя виноватой перед своим другом.

– С ним все будет в порядке?

– Он справится. Как и мы все.

Джастон подошел к ним вместе с дитя болот:

– Я думаю, Толчук будет занят некоторое время.

– Несомненно, – согласился Эррил.

Джастон подошел ближе.

– Тогда лучше будет, если я скажу тебе это. Толчук хотел подождать окончания совета и поговорить с вами наедине, но мы не можем больше ждать.

– Поговорить с нами о чем? – спросила Елена.

Джастон отвел их с Эррилом на несколько шагов в сторону и тихо сказал:

– О Сизакофе.

Эррил вздрогнул от неожиданности:

– Что?

Его рука упала на рукоять меча с вырезанной на нем розой, меча самой Сизакофы.

Смысл следующих слов Джастона был неясен, но они заставили Елену задрожать:

– Ведьма ждет тебя внизу.

Джоах нежился на полуденном летнем солнышке, морщась из-за запаха лагеря огров в долине внизу. Тепло приятно согревало его ноющие кости. После дней холода во время путешествия на борту «Феи Ветра» он уже не думал, что его тело когда-нибудь согреется.

Он сидел недалеко от пещеры и слышал разговор за своей спиной.

– Совет должен разойтись, – сказал Грешюм. Темный маг сидел в нескольких шагах от него, тоже греясь на солнце. Его кожа стала бронзовой от ветра и солнца за время полета на эльфийском корабле. Его волосы сияли медью. Он весь словно светился украденной молодостью. Позади него стояли двое изменяющих форму с копьями и луками, приглядывая за ним. Грешюм не обращал на них внимания.

– Почему ты не пошел?

Джоах слышал шелковую гладкость в его голосе, лукавую и полную искусственности, но все равно ответил:

– Это был военный совет. Посмотри на это тело. Ты думаешь, я поведу их в атаку в предгорьях?

Грешюм пожал плечами:

– Ваятель снов с твоими способностями не бесполезен. Ты практиковался в магии, которой я учил тебя?

Вздохнув, Джоах коснулся посоха из серого окаменевшего дерева. Несмотря на опасения, он попробовал заклинания, предложенные ему темным магом. Они и в самом деле увеличили его возможности ваятеля снов. Одно из заклинаний усилило его связь с посохом, сплетя кровь и камень более тесно.

– Покажи мне, – сказал Грешюм. – Покажи мне, чему ты научился.

Джоах бросил взгляд на пару изменяющих форму, но их внимание не было приковано к их подопечному. После того как его магия была ограничена чарами Чо, Грешюм не представлял собой большой опасности.

Радуясь возможности продемонстрировать свои навыки, Джоах снял перчатку и взял посох. Когда плоть коснулась каменного дерева, он почувствовал знакомое покалывание в сердце. Он увидел, как алые нити хлынули в дерево – его кровь питала посох. Несколько мгновений – и серое дерево стало белым. Возбуждение дрожью пробежало по его телу, в кончиках пальцев появилось ощущение силы. Он почти видел поверхность магии снов, запертой в посохе. Он указал концом посоха в землю, и его губы задвигались в тихом заклинании. С конца

посоха на утоптанную грязь у его ног упали капли крови, его собственной крови, бегущей сквозь камень, – один из магических трюков, которым Грешюм научил его.

Следуя за каплями крови, Джоах отправил свой дух в туманные земли между реальностью и сном. В грязи расцвела роза, явившись из мечты в реальность. Но она не была создана из песка. Ее листья были по-летнему зелеными, лепестки алыми, как кровь в его сердце, а шипы столь же материальны, как и посох, что он держал в руке.

Темный маг сжал губы:

– Неплохо. Ты учишься.

– Она совершенна, – проговорил Джоах, дрожа от ощущения тока крови между его плотью и посохом, и от того, что ему внезапно снова стало холодно. Солнце, казалось, утратило тепло.

Грешюм наклонился ближе, рассматривая розу, затем откинулся назад.

– Но в ней нет жизни. Она может быть и нарисованной.

Джоах нахмурился:

– И?

– Мы оба знаем, почему ты практикуешься так усердно, Джоах, почему ты сидишь со мной, выбирая частицы тайной магии из моих знаний. – Грешюм взмахнул рукой над изваянной розой, словно не желая ее больше видеть. – Если ты хочешь вернуть Кеслу, таким способом тебе это не удастся.

Джоах сглотнул, едва дыша.

– Тогда как? Как я могу создать жизнь из ничего?

Грешюм покачал головой:

– Ты берешь и берешь у меня, мой повзрослевший мальчик, но ты ничего не даешь. – Его голос понизился до шипящего шепота. – Ты всего в одном шаге от того, чтобы преодолеть последнюю границу между истинной жизнью и подобием ее.

Джоах не был дураком. Он знал, что темный маг передавал ему эти крохи магии в надежде заработать в конце концов свободу. Но было лишь одно заклинание, которое он хотел знать, последнее: как вдохнуть жизнь в свои создания. Однако каждый раз, когда он заговаривал об этом с Грешюмом, он наталкивался на ту же стену упрямства и сопротивления.

– Позволь мне показать тебе, – сказал темный маг с раздраженным вздохом. Он потянулся пальцем к розе.

Джоах предупреждающе вскрикнул, поднимая посох, чтобы не дать магу приблизиться.

Грешюм замер, его рука остановилась в воздухе.

– Не бойся. Ты знаешь, у меня нет магии. Я даже не могу похитить магию у тебя или твоего посоха. Эти проклятые чары и книга делают меня беспомощным.

Джоах опустил посох.

– Тогда покажи мне, что хотел, и покончим с этим.

Грешюм коснулся одного лепестка, затем выпрямился, потирая палец.

Джоах нахмурился. Казалось, с розой не произошло никаких изменений.

– И?

Темный маг указал рукой на растение:

– Приглядись.

Джоах наклонился, вытянул шею. Его позвоночник тут же выразил протест в виде боли.

– Я не... – и тут он увидел: уголки листьев изогнулись и стали коричневыми – начало увядания, которого не было мгновение назад. Но у Грешюма не было магии, чтобы исказить его изваянную розу.

– Теперь она живет, – сказал Грешюм, словно читая его мысли. – Она увядает со временем, как все живое. В жизни нет совершенства. Вместе с жизнью приходит и несовершенство.

– Невозможно...

Грешюм опустился на колени и, прежде чем Джоах успел вскрикнуть, вырвал розу из грязи и бросил ее Джоаху.

Это заметили стражи – изменяющие форму. На мага были тут же направлены копья, и его заставили сесть на место.

– Смотри! – зло проговорил Грешюм. – Ты не веришь своим собственным глазам?

Джоах знаком приказал стражам держаться позади, затем натянул перчатку, разрывая кровную связь со своим оружием. Окаменевшее дерево вновь стало серым. Он поднял грязную

розу со своих колен; ее аромат коснулся его. Он стряхнул частицы земли со стебля. Корни! У розы были корни!

Его руки начали дрожать. Он не ваял корни. Зачем подобному созданию понадобились корни, если он сам был источником его роста? Он остолбенело смотрел на Грешюма:

– Как?

Темный маг сложил руки.

– Ты берешь и берешь.

Джоах осторожно держал розу. У Грешюма не было магии – как он мог сделать это? Джоах баюкал цветок, словно это была сама Кесла. Жизнь... Он вдохнул в нее жизнь... Он смотрел на темного мага и не мог скрыть страдания и надежды на своем лице.

– Я могу научить тебя, – сказал Грешюм. – И я могу подарить тебе половину твоей молодости. Я сохраню половину. Поровну и честно.

– Меня не волнуют мои украденные зимы, – выдохнул Джоах. – Только заклинание.

Грешюм поднял голову.

– Мой мальчик, если ты хочешь вернуть Кеслу, тебе понадобится и то, и другое.

Джоах нахмурился.

– Жизнь забирает жизнь, Джоах. Она не рождается из ничего.

– Что ты имеешь в виду?

Грешюм кивнул на розу.

– Этот цветок стоил мне тридцать четыре дня моей жизни. И, если ты захочешь вернуть Кеслу, потребуются не дни... Это заберет порядочный кусок твоей собственной жизни, – Грешюм окинул взглядом Джоаха сверху донизу. – Жизни, которую ты не можешь позволить себе отдать в своем нынешнем состоянии.

Джоах обнаружил, что не может дышать, как будто воздуха внезапно стало слишком мало.

– И сколько будет мне стоить такое знание?

– Нисколько, мой мальчик. Все, о чем я прошу, – моя свобода, и я уйду. Я даже не попрошу тебя уничтожить драгоценную книгу твоей сестры.

Джоах не смог скрыть удивления.

– Это сложная сделка, Джоах. Я понимаю, что ты не можешь или не хочешь предать свою сестру. Пусть будет так. Все, чего я хочу, – это свобода.

– Как я могу доверять тебе?

Грешюм пожал плечами.

– Связанный этой книгой, я лишен магии, по крайней мере, пока я не ушел достаточно далеко от нее... по меньшей мере, пять лиг, я думаю. Так что, если ты меня отпустишь, а я не выполню свою часть сделки, ничто не помешает тебе схватить меня снова. Я не могу быть честнее.

– Но война?.. Твои знания?..

Темный маг закатил глаза:

– Ты знаешь эти нагорья лучше, чем я. Я уже рассказал тебе все, что я знаю.

Джоах искал подвох.

– Ради твоей свободы ты откроешь мне секрет жизни и вернешь половину моих лет?

Грешюм кивнул.

Джоах не мог решиться заключить этот договор. Он стоял, по-прежнему держа в руках розу.

– Мне нужно подумать.

– Не раздумывай слишком долго, мой мальчик. Как только начнется финальная часть войны, я думаю, стальной стендаец решит, что я скорее опасен, чем полезен. Если ты будешь ждать слишком долго, то можешь обнаружить, что и твоя молодость, и мои тайны найдут свой конец под его острым мечом.

Джоах знал, что он прав. Если заключать сделку с Грешюмом, то на следующий день.

Он положил розу в карман плаща.

– Я дам тебе ответ к наступлению ночи.

Грешюм смотрел, как мальчик уходит. Он видел, с какой осторожностью мальчик обращался с розой. Все надежды Джоаха, связанные с его любовью, были заключены в этом цветке.

«Ты уже дал мне свой ответ, Джоах».

Он облокотился на стену обрыва. Полуденное солнце согревало его лицо; Грешюм закрыл глаза. Он искал мысленно Рукха, но если тот вместе с его костяным посохом и был где-то здесь, то все же слишком далеко, чтобы почувствовать

«Тебе бы лучше быть поблизости, мой верный друг. Если мой план увенчается успехом, мне понадобится посох».

Он вздохнул. Он выполнит свою часть сделки с Джоахом – отдаст ему назад половину его молодости и научит его привносить жизнь в свое искусство. Однако он не уйдет. Свобода свободой, но ему понадобится еще один предмет.

Тень Осоки.

Во всем мире нет более могущественного артефакта. Даже сам Темный Лорд не сможет противостоять магии этого меча. Сизакофа мудро избрала ограничивающее энергию звено Западных Пределов, чтобы спрятать его. Иначе Черное Сердце учуял бы меч с другого края света и начал охотиться за ним.

Но теперь он был досягаем! И Грешюм не уйдет без меча.

Маг грелся на солнце, уверенный, что это последний день его плена. Он вновь вспомнил Джоаха, кладущего в карман свою драгоценную розу.

«Ты снова мой, мальчик, и в этот раз ты танцуя пойдешь навстречу своей судьбе. Хотел ты или нет, я научил тебя самой могущественной черной магии из всех: искаженной силе любви».

Эррил стоял перед Толчуком, не в силах поверить в то, что он видит. «Невозможно», – думал он. Огр держал Сердце своего народа – тут не могло быть ошибок. Форма, размер... Однако оно изменилось, стало черным, пронзенным прожилками серебра.

– Это черный камень! – выдохнула Елена.

Толчук стоял спиной к проходу, согнувшись над камнем. Почти все члены военного совета покинули Пещеру Духов. Даже Хуншва и старейшина силура ушли, чтобы обсудить предстоящую разведку в нагорьях вокруг Зимнего Эйри. Джастон ушел с ними, предложив использовать крылатого ребенка, чтобы помочь при наблюдении. Единственными, кто остался, были чле-

ны их объединенного отряда: Нилан, Мерик, Арлекин Квэйл, Фердайл, Торн и дварф Магнам. Они собрались вокруг огра.

Толчук продолжал говорить тихо:

– Кровь Вирани изменила камень. Я не рискнул открыть Призрачные Врата. Яд в камне может распространиться.

Толчук уже рассказал о кольце из камня сердца в центре Северного Клыка и о духе, что связан с ним – Сизакофе.

– Лишь горстка людей знает об изменении Сердца, – закончил Толчук.

Елена вышла вперед и внимательно осмотрела камень, не прикасаясь к нему.

– Если он изменился однажды, должен быть способ изменить его еще раз.

Нилан поддержала ее:

– Его изменила кровь гибельного стража. Может быть, здесь и кроется подсказка.

Мерик кивнул:

– Отравленная кровь стихии изменила камень...

Нилан выпрямилась:

– Тогда, может быть, чистая кровь стихии сможет очистить его!

Глаза Эррила сузились. Может ли ответ быть столь простым?

– Я попробую, – сказал Мерик.

– Я не уверена, что стоит делать это, – предупредила Елена. – Гибельные стражи созданы черным камнем. Его прикосновение может повредить тебе. Вспомни Врата Плотины из черного камня, которые могли вытянуть душу из твоего тела.

– Но этот камень намного меньше, – сказал Мерик, приходя в возбуждение. – Кроме того, мне не придется его трогать. Я лишь брызну на него кровью.

– Стоит попробовать, – тихо добавила Нилан.

Эррил повернулся к Елене:

– Что ты думаешь?

Елена вздохнула:

– Это главная загадка. Черный камень и камень сердца. Если мы сможем найти ответ, это может помочь нам в грядущей войне. И по-прежнему остаются еще одни Врата Плотины, которые

нужно уничтожить, чтобы освободить Чи, – она повернулась к Мерику: – Возможно, стоит рискнуть.

Эльфийский принц кивнул и снял кинжал с пояса.

Толчук осторожно положил камень сердца на пол пещеры и отступил назад. Кусая губы, Мерик встал перед Сердцем. Он поднял глаза на Елену, она кивнула. Затем он посмотрел на Нилан. Нимфаи стояла, прижав сжатые в кулаки руки к груди.

Мерик взял лезвие кинжала и сжал руку. Единственным признаком того, что он почувствовал боль, было то, что его глаза слегка сузились. Кровь потекла из сжатого кулака. Он поднял руку над Сердцем и омыл черный камень своей кровью.

Капли ударились о кристалл и просто исчезли, впитавшись в камень.

Мерик нахмурился и сильнее сжал кулак.

– Может быть, нужно больше крови, – пробормотал он сквозь сжатые зубы.

Все ждали. Кровь лилась на камень, пока капли на начали падать на каменный пол. Но черный камень оставался черным, как и прежде. Лишь серебряные прожилки камня, казалось, стали сиять ярче, как если бы эта мерзость подпитывалась кровью Мерика.

– Хватит! – сказала Елена. – Это явно не действует.

Мерик не стал спорить; истинность ее слов была очевидной. Нилан подошла к нему с полоской льняной ткани, оторванной от собственной рубашки, и помогла забинтовать руку.

Арлекин Квэйл покачал головой:

– Еще кровавые идеи?

Магнам заворчал. Дварф стоял со скрещенными на груди руками все это время. Он переводил взгляд с Толчука на камень.

– Может быть, мы неправильно подходим к делу. Мы мыслим недостаточно широко.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Мерик; в его голосе слышалась горечь из-за того, что он потерпел поражение.

Магнам опустил руки и начал расхаживать по комнате.

– Я не уверен. Но я думаю, что ты был на верном пути. Черный камень – это камень сердца, отравленный кровью гибельного стража. Но что такое гибельный страж?

– Искаженная стихия, – резко ответил Эррил. – Что ты хочешь сказать?

– Дай я скажу это. Черный камень относится к камню сердца так же, как гибельный страж – к стихии. – Магнам продолжал расхаживать по комнате. – Так что такое стихия?

– Существо, одаренное частицей магии Земли, – ответила Нилан, выпрямившись рядом с Мериком.

– И что такое камень сердца? – продолжал Магнам. – Старый Безумный Мимбли говорил, что это кровь самой Земли.

– Я не понимаю, к чему ты клонишь, – сказал Эррил.

Ответил Мерик:

– Стихии владеют даром магии Земли. Камень сердца – это кровь Земли. Изменение стихии – это не изменение его крови; это изменение магии Земли в нем!

– И?

– Это не моя кровь нужна, чтобы очистить камень! Это кровь Земли!

– То есть камень сердца! – крикнула Елена. Ее глаза были широко открыты. – Ты говоришь, что камень сердца может исцелить черный камень?

Дварф пожал плечами:

– Если верить Безумному Мимбли, камень сердца способен побеждать тьму. Мы, дварфы, думали, что он бредит, но, может быть, на самом деле он говорил простейшую истину. – Магнам повернулся к Толчуку. – И мы видели, как Лорд Валун подтвердил эту самую истину – когда он освободил вас от Врат Плотины Мантикоры при помощи осколка скалы у наших ног.

– И Врата Плотины обратились в камень сердца! – сказала Елена.

– Но если это магия Сердца освободила вас тогда, – сказал Толчук, – почему здесь не так?

Магнам покачал головой:

– Это то, о чем мы все думаем. Но теперь я задаюсь другим вопросом. В Гульготе Сердце было пусто, в нем не было душ твоего народа. Разве ты сам не объявил, что камень мертв, что он лишь простой кристалл? В Сердце нет никакой дополни-

тельной магии. Это просто камень сердца, кровь самой Земли... но очевидно, что этой магии достаточно.

Последовала потрясенная тишина. Если Магнам был прав, ответ лежал перед ними.

– Может ли это быть правдой? – спросила Елена едва слышно.

– Я помню кое-что еще, – пробормотал Толчук, поднимая Сердце с пола. – В подземельях Шадоубрука гибельный страж Торврен страшился Сердца. Он бежал от него. Я думал, его пугает магия в камне, но, может быть, он боялся самого камня.

В тишине, что последовала за его словами, заговорил Эррил:

– Все мы знаем, как это выяснить.

Остальные ответили взгляды от Сердца и посмотрели на него.

– Мы проверим это, – сказал Эррил. – Мы увидим, сможет ли камень сердца очистить Сердце.

Толчук взглянул на проход:

– Если расчет не оправдается, то мы рискуем потерять Врата.

– Я говорю, мы должны попробовать, – твердо сказал Эррил. – Если окажется, что это так, то у нас будут действенные средства, чтобы помешать планам Черного Сердца.

Елена подошла к Толчуку. Она коснулась его локтя:

– Я согласна. И я думаю, ты чувствуешь истину в словах Магнама.

После момента колебания Толчук кивнул, затем повернулся, чтобы указывать путь.

– Я отведу вас к Вратам, но я молюсь, чтобы мы были правы.

Елена встретила взгляд Эррила. В ее глазах он прочитал беспокойство. Это был явный риск.

Мерик и Нилан шли следом за Толчуком, дальше – остальные. Эррил шел рядом с Еленой. Когда она приблизились к проходу, ее рука нашла его руку. Пальцы Елены дрожали.

– Ты в порядке? – спросил Эррил.

– Может ли это быть тот ответ, который мы все так ждем? – пробормотала она. – Если камень сердца может очистить черный камень, может ли он так же исцелить гибельных стражей –

Вирани, и Крала, и многих других? Если бы мы только знали...

Он сжал ее пальцы:

– Нет сомнений, что рок смотрит тебе в спину и задается вопросом, почему ты избираешь те или иные пути. У каждого есть лишь одна дорога, по которой нужно идти, и она лежит прямо перед ним.

Арлекин, шедший в нескольких шагах впереди, оглянулся. Он, должно быть, слышал их слова.

– Так это наш единственный путь? Отлично. Я слышал, как Толчук назвал этот коридор.

– Как? – спросила Елена.

Арлекин кивнул на коридор впереди:

– Тропа мертвых.

– Ох...– Елена едва не споткнулась.

Эррил прижал ее к себе теснее.

– Это просто название, не предзнаменование.

Однако, как и она, он знал, что лежит в конце этого прохода. Они могут либо исказить Врата, либо открыть – но кто знает, что будет хуже?

И Елена, и Эррил слышали прежде историю Толчука. Они знали, что ждет их по ту сторону кольца из камня сердца, в центре мира. Но никому из них не хотелось произносить это имя вслух.

Сизакофа.

Глава 20

Сидя в своей темной клетке, Могвид смотрел глазами Фердайла. Весь долгий день он смотрел и слушал...

И теперь она направлялись к Призрачным Вратам!

Теперь он смотрел на путь, которым они шли. Он много дней пытался убедить Толчука показать ему арку из камня сердца, но огр отказывался, боясь, что осколок черного камня окажется рядом с Вратами. И теперь наконец-то они идут туда, но он заперт в голове Фердайла, неспособный действовать.

Он проклял удачу, отвернувшуюся от него.

Совсем рядом был ключ от его темницы! Он вспомнил слова Темного Лорда, эхом доносившиеся из чаши черного камня: «Ты должен уничтожить Призрачные Врата... Они должны быть уничтожены кровью моего последнего потомка!». Могвид посмотрел на Мерика и Нилан. Толчук шагал широкими шагами освещая путь факелом, поднятым над головой.

Кровь Толчука могла освободить Могвида. Все, что нужно было сделать, – это убить огра возле Врат, тогда Темный Лорд снимет с него проклятье. Конечно, была и другая цена, которую нужно будет заплатить за свободу.

«Мы выжжем волка из твоего сердца...»

Такова была последняя цена – жизнь Фердайла. По словам Темного Лорда, лишь один мог выжить после снятия проклятья. Одно тело – одна душа.

Но готов ли он сделать и этот шаг тоже? Вопрос давил его своей тяжестью все последние дни. Неожиданно он почувствовал, что не так уж и тяготится своим нынешним заключением. Запертый в черепе Фердайла, он был лишен выбора. Сейчас он был просто шпионом и мог продумать свои действия позже, когда в его душе не будет таких противоречий.

Удовлетворенный таким решением, Могвид переключил внимание на мир вокруг Федайла – хотя большую часть времени его брат проводил, бросая взгляды в сторону своей спутницы со снежно-белыми косами.

Торн, дочь старейшины силура, двигалась по проходу с непринужденной грацией. Могвид ощущал волчье желание своего брата, то, как слегка расширялись его ноздри, когда он вдыхал ее запах, и то, как билось его сердце и пульсировала кровь.

Торн, сама волк в душе, почувствовала внимание Фердайла. Она замедлила шаг, чтобы он мог догнать ее. В глазах Торн пылало невысказанное. Затем слова наполнили его голову, достигнув обоих разумов: «Я должна поговорить с тобой... Я должна сказать тебе кое-что...»

Могвид потерялся в ее чувствах: страх, гнев, стыд, сердечная боль, желание, отвечавшее желанию самого Фердайла.

– О чем? – спросил Фердайл вслух; его слова прозвучали отрывисто. Гнев брата ослепил Могвида не меньше, чем чувства Торн.

Могвид улыбнулся, глядя на двух бывших влюбленных, неспособных высказать то, что у них на сердце. Он наслаждался их страданиями. Фердайл продолжал терзаться все время их изгнания из Западных Пределов по решению отца Торн. Тогда Фердайл умолял ее пойти с ним, но она отказалась, отвернувшись от него.

Торн уловила гнев Фердайла, и он явно разжег ее собственный. В темноте ее глаза запылали ярче. Она продолжила гово-

рить мысленно: «Что-то, что я должна была сказать прежде. Ты должен знать».

Фердайл не ответил. Гнев не давал ему говорить, а сердечная боль удерживала от того, чтобы поделиться своими сокровенными мыслями.

Торн продолжила: «Была причина, по которой я не ушла с тобой из леса». Она неожиданно отвела глаза и заговорила вслух:

– Я хотела... Я действительно хотела... но ты не оставил мне выбора.

– Я? – восклицание Фердайла привлекло внимание Мерика. Эльф оглянулся. Фердайл понизил голос:

– Я умолял тебя на коленях. Я бы сделал все что угодно, лишь бы ты была со мной. Как я мог не оставить тебе выбора?

Ярость вспыхнула в глазах Торн... и гордость.

– Ты оставил меня с ребенком.

Могвид вздрогнул от удивления; трудно сказать, была ли это его реакция или Фердайла, они оба споткнулись и схватились за стену. Фердайл выпрямился. Он взглянул Торн в глаза. «Ребенок?» – мысленно переспросил он.

Она кивнула, не отводя взгляда. Возник образ: необузданный малыш бежит сквозь деревья, его голова покрыта короной из перьев, а пушистый хвост флагом развевается за ним. Торн заговорила вслух:

– Я назвала его Финч, зяблик. Он остался в лесу с другими детьми и немощными.

– У меня есть сын...

Фердайл был потрясен не меньше, чем Могвид.

«Сын... от союза в ту ночь, когда они были прокляты!»

Но удивление Фердайла прошло, сменившись вспышкой гнева:

– Почему ты не сказала мне?

– Я не знала... до тех пор, пока мой отец не вынес вам приговор, – она отвернулась от боли на лице Фердайла. – Затем стало слишком поздно. Вам пришлось покинуть лес. Я знала, что, если бы я рассказала тебе о ребенке, ты бы отказался уходить. Я не могла уйти с тобой... с растущим животом и ребенком, о

котором вскоре пришлось бы заботиться, – она вновь посмотрела на Фердайла. В ее глазах светилось чувство стыда.

Фердайл наконец осознал ее боль.

– И ты была напугана, – пробормотал он. – Боялась за себя и своего ребенка.

– И за тебя, – добавила она шепотом. – Я знала, что ты не мог остаться, иначе ты бы превратился в волка, в дикого зверя, не помнящего о том, кто ты. Но как же это было больно – видеть, как ты уходишь, не зная о своем ребенке в моем чреве... а я не могу и слова тебе сказать.

Фердайл подошел к ней. Могвид чувствовал, как их сердца ищут друг друга. Образы порхали между ними – слишком быстро для разума, но не для сердца: в этот момент они разделяли жизнь друг друга, радости и горести. Это был величайший дар силура: общаться столь близко через мысли, воспоминания, чувства.

Могвид парил поверх этих посланий. Он не мог проникнуть так глубоко в душу своего брата. Но он продолжал ощущать их мысли – едва видный отблеск яркого пламени.

Хотя Могвид и прежде завидовал брату, но никогда это чувство не было настолько сильным, как сейчас. Он ушел от них, но не для того, чтобы дать им побыть наедине, а гонимый стыдом и безымянной болью, разъедавшей его. Он отвернулся от огня их страсти в поисках холодной тьмы забвения.

И как только стены его темницы сомкнулись вокруг него, Могвид разжег огонь внутри себя. Он знал, что есть только один верный способ спастись из этой тюрьмы. Неважно, что цена была кровавой...

«Я должен освободиться».

Елена чувствовала, что коридор заканчивается.

Каждый шаг уводил их глубже под землю, на ее уши и грудь давило, дышать становилось все труднее. Она словно опять тонула в бездонном озере, где покоился Корень мира.

Эррил иногда говорил что-нибудь, но его слова звучали приглушенно. Она словно была внутри какого-то пузыря, отрезавшего ее от внешнего мира. Она чувствовала себя отделенной

от всего и вся. Даже яркий огонь факела, который нес Толчук, стал более тусклым.

Остальные, казалось, не ощущали ничего подобного. Они продолжали разговаривать, как будто ничего не происходило.

Вскоре стены прохода начали мерцать тысячами святящихся червей.

– Мы близко, – сказал Толчук, оглянувшись.

Но Елена уже знала это. Давление усилилось до такой степени, что его было невозможно терпеть. Ее глаза болели, сердце колотилось в груди, но она продолжала идти.

– Ты в порядке? – спросил Эррил. Казалось, его голос прозвучал откуда-то издалека.

Елена кивнула:

– Это из-за магии здесь. Воздух тяжелый от нее.

– Ты выглядишь бледной.

– Я в порядке. – И она была в порядке. Она не ощущала никакого зла, просто давление чего-то большего, чем она сама. Но часть ее все равно страшилась огромности этого.

Эррил сжал ее пальцы, но даже это она едва чувствовала. Ничто не могло устоять перед магией здесь... даже любовь.

Толчук шагал дальше, и наконец коридор кончился – дальше была огромная пещера. Остальные вошли в нее следом за ним. Эррил и Елена – последними.

Все взгляды устремились к дальней стене. В гулкой пещере невероятно высоко возносилась ярко сверкающая арка.

– Призрачные Врата, – сказал Толчук то, что и так было понятно.

– С таким количеством камня сердца, – пробормотал Арлекин Квэйл, – мы могли бы просто откупиться от Темного Лорда.

Елена смотрела, ощущая благоговейный трепет. Если верить Толчуку, то, что они видели, – лишь часть целого. Арка была лишь половиной кольца из камня сердца.

Магнам подошел к Арлекину:

– Если бы у Темного Лорда было столько камня сердца, я боюсь подумать, какое зло он мог бы явить миру. Можешь представить арку такого размера, превращенную в черный камень?

Да рядом с ней все четверо Врат Плотины показались бы стеклянными побрякушками шлюхи!

После слов дварфа на всех лицах появилось тревожное выражение, особенно у Толчука.

Огр смотрел на Призрачные Врата. Одна когтистая рука прикрывала сумку на его бедре, словно пытаясь спрятать ее от арки из камня сердца.

– Возможно, стоит еще подумать.

– Нет, – Елена подошла в Толчуку. – Я чувствую здесь магию: кусочек черного камня не представляет угрозы для этой мощи. Потребовалось бы что-то размером с Врата Плотины, чтобы бросить вызов здешней магии.

Она увидела, как сомнение промелькнуло в глазах Толчука. Она коснулась его руки, надеясь, что он поверит ей.

Он медленно кивнул. Тревожно нахмурившись, он сделал шаг к одной из опор арки, коснулся завязок сумки и потянул их, развязывая. Он смотрел на арку и потому был последним, кто увидел то, что он высвободил.

Чернильные потоки тьмы вырвались из открытой сумки, поднявшись высоко над плечом Толчука.

Елена выдохнула. Эррил схватил ее за плечо, оттаскивая назад.

– Мать Небесная! – воскликнул Магнам.

Видя их реакцию, Толчук обернулся. Он увидел черное облако, парившее под аркой.

– Триада! – воскликнул он. – Я думал, они ушли, когда камень стал черным!

Очевидно, это было не так.

Пока Елена смотрела, зазубренные прожилки серебра разбили клубящуюся тьму, словно молния. Но это не было обычным грозовым облаком – скорее туманом из черного камня. И смех, такой же черный, как и туман, из которого он раздавался, хлынул из колышущейся тьмы.

– Назад! – крикнул Эррил Толчуку и знаком велел остальным отступать к проходу.

Толчук стоял, сгорбившись, под облаком.

– Но Триада...

– Они изменились, как и Сердце! – крикнула Нилан, которую Мерик тащил назад вместе с остальными. – Как мои сестры, Мрачные духи!

Только Толчук не двигался.

– Но Врата! Я не могу бросить их!

Слова, полные мрачного веселья, донеслись из облака:

– Мы бы тебя и не отпустили.

Туман разделился на три обрывка тьмы. Два переместились к опорам арки, третий взмыл к вершине. Разделенные, они обрели смутные очертания огров.

– Нет! – крикнул Толчук, выпрямляясь. – Я не позволю вам причинить вред Вратам!

– Не мы намереваемся причинить им вред! – Слова, казалось, пришли сразу от трех теней. Иззубренные трещины молний вырвались из двух призраков у опор арки. Серебряные стрелы полетели к Толчуку и ударили в его руки.

Не в силах двигаться, он был поднят в воздух, и его потащило вперед. Толчук закричал и попытался бороться, но его руки были вывернуты под таким углом, что едва не выворачивались из суставов. За какой-то миг он оказался подвешенным в воздухе между двумя опорами под вершиной арки.

Эррил бросился вперед, выхватывая меч. Меч ведьмы сверкал, словно лед, его выкованный из стихийной стали клинок зазвенел, покидая ножны

Елена стянула перчатки и взяла кинжал, висевший у ее пояса. Несколькими точными движениями она надрезала каждую ладонь и призвала свою магию. На обеих ее ладонях вспыхнуло пламя: ведьмин огонь и холодный огонь.

Она почувствовала, что Мерик и Нилан встали по обе стороны от нее. Остальные присоединились к ним. Никто из них не желал оставлять Толчука призракам.

Третья фигура швырнула в них серебряные стрелы с вершины арки, предупреждая их держаться подальше. Иззубренные копья ударяли с силой настоящей стали. Эррил увернулся от стрелы, откатившись в сторону. Там, где он только что стоял, от каменного пола отлетели кусочки камня.

А на их группу были нацелены уже новые копья.

Они рассыпались по пещере. Удары эхом раздавались по пещере.

– Назад в проход! – крикнул Эррил, прячась за обломок скалы. – Я помогу Толчуку!

Елена заставила себя подняться с пола:

– Делайте, как он говорит.

Мерик встретил ее взгляд, в его глазах был вызов и гнев. Похожее выражение было и на других лицах. Даже Магнам, лишенный магии, покачал головой. Дварф получил удар в плечо, кровь стекала по его руке, но он все равно не хотел уходить.

– Поможем Толчуку! – убеждала Нилан. – Мы предложим ту помощь, что сможем!

Снова ударила молния. Елена выставила щит из холодного огня, останавливая эту энергию. Однако удар был такой сильный, что отбросил ее назад. Она попыталась сделать шаг, но новые удары посыпались на нее один за другим, заставляя отступать.

Боковым зрением она заметила Фердайла и Торн, перекинувшихся в двух волков – один темный, другой снежно-белый. Они зигзагами мчались по пещере мимо нее, и молнии преследовали их.

Отвлекшись на мгновение, Елена продолжила путь вперед. Она заметила Эррила за скалой, пойманного в ловушку в середине пещеры. Удары приходились по его укрытию, отбивая кусочки скалы и делая его убежище все меньше.

В дальнем конце пещеры неуловимый Мерик двигался со сверхъестественной скоростью – способность его народа; Нилан пряталась за скалой вместе с Магнамом и перевязывала его рану. И нигде не было видно Арлекина Квэйла. Мастер-шпион сбежал.

Елена сосредоточилась на том, что ждало впереди. Это была тупиковая ситуация: ни одна сторона не обладала достаточной силой, чтобы одержать победу. Елена боялась использовать всю мощь своей силы против призраков, парящих перед аркой из камня сердца. Хоть ее магия и не могла причинить вреда чистому духу, она могла ненароком нанести ущерб Призрачным Вратам. Если кольцо из камня сердца ра-

зобьется, будет разрушена надежда получить что-то из знаний Сизакофы. Это было слишком важно, чтобы решиться на прямую атаку.

Вокруг нее пещера оглашалась эхом ударов молний, из-за которого было трудно думать. Елена удерживала щит и медленно продвигалась вперед, пытаясь добраться до Эррила.

А что дальше? Как ты поразишь нематериального врага?

Торн неожиданно была подброшена в воздух. Она ударилась о камень и, вскочив, бросилась бежать на трех лапах, оставляя кровавые следы; ее белоснежный бок стал черным. Фердайл носился вокруг нее, отводя удары в сторону.

Тупиковая ситуация начала изменяться – и не в их пользу.

Елена продвигалась вперед, и тут взрыв встряхнул пещеру, на миг ослепив ее. Все три призрака ударили в скалу, за которой прятался Эррил. Каменная пыль поднялась в воздух. Когда она рассеялась, Елена увидела неподвижного Эррила, распростертого под нагромождением камней.

Она бросилась вперед. Гнев и страх сплавили магию в щит вокруг нее.

– Эррил!

Его ноги были погребены под камнями. Кровь сочилась из раны на голове и из уха, но ей ответил стон. Он был жив! Одна рука слепо схватилась за камень. Она видела, как он пытается нащупать Меч Розы, – он все еще пытался сражаться.

Его усилия разожгли огонь в ее крови. Она схватила Тень Осоки.

– Нет... – слабо пробормотал Эррил.

Но как только ее окровавленная рука сжала рукоять меча, ее тело пронзила судорога. Она успела вскочить на ноги, прежде чем поняла: магия подпитывала клинок и зажигала его чистым пламенем.

Молнии ударили в Елену с трех сторон. Но ее клинок сам собой встретил каждую из стрел, отражая их или вбирая их энергию и присоединяя к собственной. На этот раз Елена не была отброшена прочь. Она танцевала на полу пещеры, отражая многочисленные удары и делая ложные выпады, одна против трех.

Атаки на остальных прекратились. Теперь призракам требовалось все их внимание, чтобы удерживать ее одну.

И Елена продолжала танцевать. Ее ноги двигались с неведомым ей искусством, ее рука летала словно молния, вызванная неведомой магией. Какая-то часть ее сознания вспомнила: некогда она сражалась со своей тетушкой Мишель клинком, напоенным ее собственной волшебной кровью. Она вспомнила надежность стали, сплавленной с ее плотью. Но тот опыт мерк в сравнении с тем, что она ощущала сейчас.

Тень Осоки была выкована из стихийной стали и напоена кровью Сизакофы, предшественницы Елены. Елена соединила с собой не только сталь, но и искусство древней ведьмы.

Молния мелькала вокруг нее в слепящем танце. Отбитые ее мечом, стрелы ударяли в стены и потолок. С потолка сыпался камень. Остальные отступили к стенам. Даже они понимали, что бой сейчас ведется между ней и тремя духами.

На губах Елены появилась улыбка.

Из-за ее спины, совсем рядом, послышались слова:

– Елена... – это был Эррил, едва стоявший на ногах. – Меч.... Оружие крови... – его голос стал сильнее: – Это только сталь. Ты должна управлять ею.

Она отмахнулась от его предупреждений. Ее мастерство было совершенным. Едва заметным движением запястья она отбила стрелу, отправив ее обратно к пустившему ее. Смертоносная сила расщепила гранитную стену под аркой, взорвав камень.

Разве это не доказательство ее мастерства?

Губы растянулись в улыбке, обнажив зубы. Магия пела в ее крови, сталь – в ее ушах. Она отбила еще одну стрелу, снова отправив ее в стену. С каждым вдохом ее искусство росло.

Крик боли донесся спереди – галька, брошенная в штормовое море.

– Елена! – это опять был Эррил. – Посмотри, что ты делаешь! – крикнул он.

Елена отбросила его слова прочь. Она знала, что она делает.

– Загляни в свою душу! Не забывай женщину внутри себя!

Когда его слова проникли в ее сознание, она вспомнила момент из далекого прошлого. Это было недалеко отсюда. Она

стояла над горным перевалом на девственно-чистом снегу. Она соединила рубиновую ладонь с бледной, соединила ведьму и женщину. В тот момент она признала свою силу, признала тяжесть ответственности. Но она признала и то, что отказывалась терять: свою душу, свою доброту, свою способность любить.

– Эррил...

– Верь своему сердцу... не холодной стали...

Завеса упала с ее глаз. Молния ударила у ног Елены, отбросив ее назад, заставив споткнуться. Она вскрикнула, когда вновь четко увидела мир. Совершенный сплав магии и стали разбился вдребезги вокруг нее.

На другой стороне пещеры Толчук висел между двумя опорами арки. Но по обе стороны от него гладкая стена была глубоко исколота там, где ударялись отбитые Еленой молнии. Она чуть не убила огра, своего друга.

Новые молнии посыпались на нее. Она защищалась мечом, но теперь не отдавала себя клинку полностью. Она искала равновесие где-то между двумя состояниями – и ее навыки ухудшились. Удары вновь встряхивали ее, угрожая вырвать меч из рук. Уверенность в победе таяла. Елена чувствовала, что только полностью отдав себя мечу, она получит навыки боя достаточные, чтобы отбить Врата, но если она сделает так, она рискует потерять себя и тех, кто ей дорог. Сталь не волнует любовь – только победа.

И тут ее внимание привлекло движение возле Врат. Ее манила маленькая рука, появившаяся из груды камней под ногами Толчука. Затем тот, кто прятался там, поднялся – это был Арлекин Квэйл!

Шпион держал в зубах кинжал и двигался при помощи рук. Елена нахмурилась, затем поняла. Ее глаза расширились.

«Конечно...»

Она рискнула оглянуться:

– Мне нужно, чтобы каждый, кто еще может двигаться, был готов действовать по моей команде!

Елена отвернулась и отбила к потолку еще одну стрелу.

Она услышала подтверждение: остальные слышали ее слова и готовы действовать.

Елена встретилась взглядом с Арлекином Квэйлом. Она молилась, чтобы его план имел смысл.

– Сейчас! К Вратам!

Елена прорвалась сквозь множество ударов молнии. По обе стороны от нее к Вратам спешили остальные: Мерик со сверхъестественной скоростью, Фердайл, Магнам, даже Торн на трех ногах.

Молнии летели во всех направлениях и наконец последняя полетела к Призрачным Вратам, но они не нашли своей цели.

Под Толчуком коротышка, одетый в пестрое тряпье и колокольчики, двигался невероятно тихо. С грацией, наполняющей каждое движение костей и мускулов, он схватил лодыжку Толчука одной рукой, подтянулся и кинжалом разрезал сумку, висевшую на бедре огра.

Затем Арлекин спрыгнул на землю, съежившись и выставив обе руки. Сердце из черного камня вывалилось из сумки и упало в его подставленные ладони.

Со своим трофеем в руках он выбежал из-под Толчука и устремился к одной из опор арки из камня сердца. Только тут один из духов заметил того, кто был под самыми их призрачными носами. В Арлекина полетела молния.

Арлекин нырнул вниз со звоном колокольчиков, перекувыркнулся дважды и оказался у арки. Не останавливаясь, он начал взбираться по гранитной стене, словно паук. Еще одна молния ударила в него, но он успел увернуться. Держа Сердце перед собой, он тенью двигался к дыре, которая точь-в-точь соответствовала форме и размерам Сердца.

Призраки закричали.

Арлекин отскочил в сторону.

Арка вспыхнула таким сиянием, что все были отброшены назад. Призраки были сожжены ею, превращены в завывающий прах.

Толчук, которого ничто больше не удерживало, упал на каменный пол. Он приземлился на землю в полусогнутом положении и повернул лицо к Вратам.

Елена отступила к Эррилу. Он коснулся ее; по его лицу стекала кровь. Она выронила меч и взяла его за руку. Давление,

которое она ощущала в пещере, выросло до таких пределов, что угрожало утопить ее в себе. Дрожа от боли, она прижалась к нему.

– Ты в порядке?

Он поморщился:

– Уже лучше.

Взволнованная, Елена повернулась к арке. Стена, обрамленная сияющим камнем сердца, начала мерцать. Гранит, казалось, растворился. Врата открылись. Поток рубинового света пронзил каменный пол и очертил полный круг, отмечая границы пылающего кольца из камня сердца.

Когда сияние достигло осколка почерневшего камня в сердце арки, рубиновое пламя прошло сквозь тьму и одержало победу, вытеснив тьму. Освободившись от ее власти, все кольцо вспыхнуло светом, который пронзил плоть и кость.

На миг Елена почувствовала что-то знакомое: похожее чувство у нее возникало по отношению к мечу крови – связь ее духа с энергией. Но на этот раз ее сущность не была ограничена лезвием меча – она словно растекалась во всех направлениях на огромное расстояние, дальше, чем ее разум мог охватить. И в этот миг она осознала, с чем же она связана кровью.

«Мир... все земли, все народы...»

Она вдруг разом ощутила все живое. В прошлом ей случалось испытывать что-то похожее на подобную связь – но никогда это не было так сильно, как в это мгновение. Красота и равновесие мира становились все очевиднее в своей гармонии, которая была одновременно сложной и простой. Это был хор голосов без музыки, совершенная хрустальная форма серебряной жизненной силы.

Ее магия пела в экстазе.

Затем, словно разомкнутые кандалы, это было отнято у нее. Она вновь увидела пещеру. Давление пропало. Рыдание стиснуло ее горло.

– Елена?.. – пальцы сжали ее руку.

Она сжала их в ответ, не в состоянии заговорить.

У дальней стены кольцо из камня сердца открылось. По ту сторону лежал колодец тьмы, пронзенной ветвящимися и пере-

секающимися прожилками малинового огня. Яркие вспышки появлялись и исчезали, слишком быстро, чтобы глаз мог уследить за ними – словно падающие звезды на ночном небе. Но это зрелище меркло рядом с истинным чудом в сердце колодца тьмы.

В центре, медленно поворачивался кристалл цвета ясного утреннего неба. Камень, казалось, движется по направлению к Вратам, увеличиваясь и заполняя собой кольцо из камня сердца.

«Призрачный Камень...»

Свет заливал отряд, сжавшийся перед его величием. Елена вновь ощутила связь со всем живым в мире. Она ощущала красоту своей собственной жизненной силы и всех в этой пещере как сияние серебристой энергии. В Мерике и Нилан она распознала пламя их стихийного огня, искорку более яркой магии.

В это мгновение Елена поняла, что заставило ее вздрогнуть. Они были одинаковы: жизненная сила всего на земле и серебряная энергия стихийного огня. Она изумленно смотрела на камень. Истина открылась ей. Кристалл был сплавом жизненной силы и стихийного серебра. Обоих! И вслед за этим пониманием пришло другое. Она уже видела такой кристалл прежде.

Она была не единственной, кто уловил связь.

– Денал, – прошептал Эррил в благоговении и печали.

Елена знала, что он прав. Мальчик был создан из такого же кристалла: жизненная сила и стихийное серебро, сплавленные в сверкающую хрустальную форму. Было что-то важное, касающееся этой связи. Елена почти понимала что.

Затем из сердца камня появилась тень. Она увеличивалась в размерах, опутанная серебряными нитями. Толчук отступил назад, к Эррилу и Елене:

– Ведьма Призрачного Камня.

Подготавливая себя, Елена в последний раз сжала руку Эррила. Затем она встала и сделала шаг вперед.

Из Врат появилась темная фигура, словно вырезанная из эбонита – как пловец, всплывающий со дна серебряного моря. Серебряные нити разошлись, движимые незримыми течениями. Фигура свободно летела, выступая из Врат и паря у выхода.

Это была женщина, укрытая лишь облаком серебряных нитей. Елена поняла, что это были ее волосы, двигающиеся вокруг лица, поверх плеч и всего тела; они парили в воздухе на всем ее пути из сердца Призрачного Камня.

Энергия кристалла зажгла яркие магические вспышки на этих нитях и ее темной коже, высветив фигуру, как бы окончательно вырезав женщину из тьмы внутри колодца Врат.

Но Елена едва замечала все это. Ее глаза смотрели в лицо женщины, улыбавшееся ей. Это было ее собственное лицо! Может быть, немного старше. Лишь глаза явно принадлежали кому-то другому, горя мудростью древнего знания и магии.

– Сизакофа, – приветствовала она ее.

Женщина кивнула:

– Елена... наконец-то, – звучание ее голоса не совсем совпадало с движениями губ.

Елена была слишком потрясена, чтобы говорить, но женщина улыбалась так тепло, что ее замерзший язык оттаял.

– У меня... у меня так много вопросов...

– Как и у всех нас за время нашей жизни, – ответила Сизакофа. – но я боюсь, что могу предложить только то, что оставила мне моя предшественница. Я лишь тень той, которую звали Сизакофа, тень, привязанная к камню, чтобы передать последнее послание. То, что я узнала за то время, пока была хранителем, я уже рассказала наследнику Личука.

Елена кивнула. Толчук уже поведал им историю о предательстве своего предка, которое произошло в этой самой пещере, за что он получил имя Клятвопреступник.

– Что еще мне нужно знать? – спросила Елена. – Какое послание ты должна передать?

– Я пришла сказать тебе, что вы сражаетесь не с тем врагом, – проговорила тень ведьмы. – Все это время.

– Но Темный Лорд ищет способ отравить самое сердце Земли. Ты сказала так сама, – выпалила Елена.

Сизакофа кивнула:

– Это так.

– Тогда как Темный Лорд может не быть нашим врагом?

Море мерцающих нитей колыхнулось.

– Ты не слушаешь. Он может быть врагом, но он не тот враг. Пусть остальные, кого ты собрала вокруг себя, встретятся с Личуком и его тьмой. Ты же должна подготовить себя к истинной опасности для мира.

– И что это?

Фигура помчалась сквозь воздух, прошла сквозь Врата и остановилась, паря, перед Еленой. Одна темная рука поднялась и коснулась ее щеки, ощущение одновременно жара и холода обожгло ее.

– Не что, а кто, – прошептала Сизакофа.

– Кто? – эхом повторила Елена.

Ведьма наклонилась к самому ее уху. Елена не почувствовала дыхания, но услышала ответ:

– Ты.

Елена отпрянула пораженная:

– Я?

Призрак снова приблизился к ней:

– Приходят темные времена, предсказанные века назад пророками многих земель. Все нити пророчества тянутся к одной душе – не к Личуку, а к тебе, Елена Моринсталь, наследница ведьм и эльфийской крови. Ты держишь нити судьбы мира.

– Что я должна делать?

– Ты предстанешь перед выбором, поворотным моментом пророчества. Твой выбор либо обречет все на гибель, либо спасет все. В этом и кроется истинная опасность.

– Как? – Елена выпрямилась, в ней разгоралось пламя гнева. – Я, конечно же, выберу спасение мира, даже ценой собственной жизни.

Ведьма мрачно улыбнулась:

– Вот в чем опасность, о которой я говорила, вот почему я заперла часть своего духа в камне на все эти века. Я пришла сказать тебе, что твой выбор – в любом случае – обречет все.

Елена смотрела на нее измученным взглядом, затем тихо проговорила:

– Тогда что же мне делать?

Сизакофа покачала головой, отчего ее серебряные волосы пришли в движение.

– Я не могу ответить. Все судьбы смешались в темном водовороте, что грядет. Никто не может увидеть, что лежит по ту сторону.

– Но...

Темная фигура приблизилась:

– Загляни в свое сердце. Посмотри на друзей, которых ты любишь. Найди свой собственный путь из тьмы – путь, который не увидит никто, кроме тебя.

– Как?

Ведьма вновь протянула вырезанную из эбонита руку и коснулась пальцем груди Елены – прикосновение льда и огня.

– Ответ уже здесь. Ты должна найти его... или ты обречешь мир на верную гибель.

Эррил лежал в оцепенении. Каждое движение отзывалось в сломанных ногах яростной болью. Однако, когда он увидел Елену, отпрянувшую от ведьмы с отчаянием на лице, он попытался освободиться от упавших на него камней.

Елена упала на колени на каменном полу, словно тяжесть слов призрака сломала ее.

– Елена! – крикнул он, но она осталась глуха к нему. Он протянул к ней руку, но она была где-то слишком далеко.

«Что же ведьма сказала ей?»

Пока они разговаривали, он видел, как их губы шевелятся, но ни он, ни другие не слышали ни слова. Какая-то магия приглушала их речь.

Затем тишина была нарушена. Ведьма говорила с Еленой, но теперь все могли слышать их.

– То, что я сказала тебе, ты должна сохранить в своем сердце. Никто из присутствующих здесь не слышал наши слова.

Елена подняла на нее глаза – ее лицо было маской страха.

– Как я могу молчать об этом?

Сизакофа опустилась на колени и протянула руку, чтобы вытереть слезы Елены, выступившие на глазах.

– Потому что ты должна. Ты знаешь это сердцем. Ты можешь ослабить их решимость, когда им больше всего нужно быть

сильными. Это послание – лишь для тебя. Это то, с чем ты должна встретиться.

– Но как я?... – Елена оглянулась на остальных. Ее взгляд остановился на Эрриле. – Как?.. – прошептала она, роняя слезы.

Ведьма проследила за взглядом Елены. И Эррил обнаружил, что смотрит в ее темные, лишенные возраста глаза. Они, казалось, спрашивали у него что-то – но что?

Пока он пытался понять, Сизакофа заговорила с Еленой:

– Я не знаю ответы на все вопросы мира. Лишь то, что грядет.

Елена закрыла лицо руками, плача. Сизакофа продолжила смотреть на Эррила, безмолвно требуя от него чего-то.

Эррил, пойманный в каменную ловушку и измученный, сделал единственное, что мог.

– Елена, – позвал он тихо.

На этот раз она услышала его и опустила руки.

– Я люблю тебя, – сказал он, встретив ее взгляд. – Какое бы горе тебе ни пришлось нести в своем сердце, я всегда буду рядом с тобой.

– Эррил, – всхлипнула она так, словно у нее было разбито сердце. – Ты не знаешь...

– Я знаю, – прервал он ее. – Я люблю тебя... и остальное не имеет значения.

– Но...

– Я люблю тебя, и ты любишь меня. Разве это не так?

Она кивнула, рыдая. Эррилу никогда не хотелось обнять ее больше, чем сейчас. Но он не мог. Он мог лишь произнести эти слова, утешить ее теплом своего сердца.

– Я всегда буду любить тебя, – сказал он. – Связанный своим словом, я твой вассал. Связанный эльфийской кровью, я твой муж. Но на самом деле меня связывает с тобой мое сердце и моя душа. Ты моя жизнь, и ничто не изменит этого. Ни сейчас, ни когда-либо.

Елена сделала глубокий вдох, дрожа.

– Эррил... – в ее голосе по-прежнему звучала боль, но в нем не было уже смертельного отчаяния.

Ведьма поднялась:

– Мой долг выполнен. Я должна освободиться.

Глаза Елены расширились.

– Как?

Сизакофа указала на меч, лежащий на полу.

– Тень Осоки.... Клинок, созданный пронзать магию, крушить сильнейшие чары. Ты должна взять его и разрушить мою связь с сердцем мира.

Елена смотрела на меч так, словно это была ядовитая змея.

– Сделай это, и получишь последний дар.

Елена вопросительно взглянула на ведьму, но не получила ответа. Ведьма просто указала ей на меч.

Елена подобрала меч и опустила к своим ногам. Она подошла к Сизакофе со спины, там, где поток серебряных нитей уходил к сердцу мира. И подняла меч.

Эррил услышал шепот ведьмы:

– Наконец-то... – пробормотала она, прикрывая глаза.

Елена опустила меч. Когда он разрезал путаницу серебристых прядей, яркий свет вспыхнул в пещере, на мгновение ослепив всех.

Затем мир вернулся.

Елена стояла в нескольких шагах в стороне, все еще держа меч обеими руками. Ведьма исчезла. Врата позади Елены оставались открыты. Призрачный Камень продолжал сиять в сердце мира, но теперь он отступал, уменьшаясь в размерах, пока не скрылся в темном колодце. Вскоре на этом месте был лишь обычный гранит.

Толчук закричал.

Только после этого Эррил понял, что арка из камня сердца исчезла! Призрачные Врата полностью исчезли!

Елена смотрела на пустую стену, измученная.

– Как и Корень Духа в Западных Пределах, – пробормотала она. – Земля бережет силы. Только тень ведьмы удерживала Врата открытыми. Сизакофа ушла, и вот Земля готовит себя к последней битве.

– Но Врата, – проговорил Толчук. – Это сердце наших кланов.

– Нет, – ответила Елена. – Пока жива Земля, у твоих кланов есть сердце. Оно – для всех земель, для всех народов. Никто не может заявить, что оно – только его собственность.

Она повернулась. Ее глаза остановились на Эрриле, и она недоуменно нахмурилась.

Он не мог понять выражения ее лица, пока Мерик не тронул его за плечо.

– Я думаю, ты можешь подняться на ноги, – сказал эльфийский принц.

Эррил оглянулся. Груда камней исчезла. Он пошевелил ногами, проверяя их. Не было ни боли, ни сломанных костей. Даже одежда была не порвана. Он посмотрел на других. Никто не был ранен.

– Наши раны исцелились! – сказал он, потрясенный.

– Последний дар, – проговорила Елена с явным облегчением. Она подошла и, бросив меч, прижалась к нему:

– Эррил!

Он обнял ее:

– Тише.

Она вздрагивала в его объятиях.

– Я люблю тебя, – прошептал он, но часть его молилась, чтобы этого было достаточно. Внутри него рос страх.

«Что же ведьма сказала ей?»

Глава 21

Касса Дар вытянулась на кровати в комнате в самой высокой башне замка Дракк. Ее глаза смотрели на балочные перекрытия потолка, но видели то, что было далеко от болот ее дома.

Она летела над поросшим лесом нагорьем, глядя глазами своего болотного ребенка. Связь была слабой: ведь расстояние было огромно, а ее силы уменьшились вместе с потоками стихийной энергии. Только сила яда в крылатой девочке поддерживала связь. Детеныш королевской гадюки, притаившийся в сердце ее магического создания из мха и травы, сохранял силу и был полон яда.

И все же трудно было преодолеть такое расстояние. Это забирало все ее силы. Дети в замке приносили ей блюда сушеных фруктов и вареной рыбы, но она едва могла взять в рот кусочек. Она лежала на кровати, слишком истощенная, чтобы покинуть комнату.

Но она знала, как важна ее миссия.

Сразу после полудня она поднялась в воздух вместе с шестью разведчиками силура. Изменяющие форму были выбраны разведать дорогу, по которой их войска двинутся на следующий

день. Согласно плану, они должны были выйти после восхода солнца и достичь плато ниже Клыка к наступлению ночи. Оттуда они направятся к Зимнему Эйри и достигнут его к следующему рассвету.

Для этого их армиям было необходимо двигаться быстро. Путь должен быть ясен, а цель – еще яснее. Они должны будут пасть с вершин на врага, подобно потоку растаявшего снега.

Но где же враг? С чем они столкнутся?

Узнать это и было ее миссией.

За полмира от своего замка Касса Дар летела над кронами деревьев. Солнце близилось к закату. Она поймала теплый восходящий поток, по дуге поднимаясь выше. Она почти достигла цели и не могла позволить себе быть замеченной.

Мир внизу был морем зелени. Горные леса тянулись до горизонта на севере и на юге, украшая пики Зубов. Но на востоке эту красоту омрачали огромные пространства запустения – словно зеленое море омывало бесплодный унылый остров.

Над зеленым лесом к небу поднимались столбы дыма, отмечая руины деревень и ферм. Касса Дар совсем недавно пролетела над таким местом: жилище, несколько дней назад разрушенное до основания. Угли все еще продолжали тлеть под пеленой дыма, освещая жуткие останки дома. Все живое было зверски убито, и то, что осталось от тел, валялось повсюду. С воздуха Касса заметила корову, бесформенной грудой лежащую в луже крови; животное было разорвано пополам, и внутренности вывалились наружу. Восемь голов было надето на колы, возвышавшиеся над руинами, – женщины и дети, вся семья, даже их собака.

С тех пор Касса Дар избегала подобных мест, сосредоточившись на темном лесу впереди. Но вот снова дым поднимается высоко в воздух над островом смерти в зеленом море. Это не был обычный тлеющий костер; что бы ни вызвало этот дым, оно должно гореть яростно и сильно. Она должна узнать, что лежит впереди.

Набрав нужную высоту, Касса Дар полетела к черной отметине в летнем небе. С земли она должна была казаться не более чем пятнышком, которое невозможно заметить. Часть ее отка-

зывалась подлетать ближе, но она продолжала лететь вперед, сохраняя высоту, направляясь по дуге к острову мертвых деревьев.

Когда она оказалась в половине лиги от цели, ей открылась широкая долина, раскинувшаяся между верхними плато и нижними предгорьями. Судя по ровным рядам деревьев впереди, это был огромный фруктовый сад, поделенный между семейными фермами или принадлежащий небольшому городу.

– Милосердная Мать... – прошептала Касса Дар в своей комнате. Хотя она никогда не видела это место, но узнала долину. Елена описала ее в деталях, начиная с маленькой мельницы у ручья и заканчивая широким прудом на окраине города. Это был родной город девочки, Винтерфелл.

Касса задержалась на краю долины.

Как и жилища, над которыми она пролетала прежде, город был сожжен дотла. Кирпичные здания были опалены. Некоторые стены продолжали стоять; другие обрушились. Касса Дар направилась к столбу темного дыма, поднимавшемуся над северным концом долины.

Фруктовый сад внизу выглядел не лучше города. Все деревья лишились не только листьев, но даже ветвей. Все, что осталось, – мертвые стволы, голые и ободранные: долина, поросшая кольями, ждущими тела, которые будут на них нанизаны. Это было зрелище, лишавшее присутствия духа; Касса Дар могла лишь гадать, что испытает Елена. Это же был ее дом.

– Бедное дитя...

Она отвела взгляд от разорения внизу и посмотрела на столб дыма на севере долины, над местом под названием Зимний Эйри. Разрушение в долине распространялось вверх в том направлении – тропа печали и боли.

Она не решилась подобраться слишком близко. Хотя городок и сады выглядели пустыми и лишенными жизни, те, кто зажег этот огонь, должны остерегаться чужих глаз. Однако ее послали на поиски последних Врат Плотины. Пока есть хоть что-то подозрительное, она не может вернуться с одними лишь дурным предчувствиями. Ей нужно доказательство, чтобы направить армии к цели.

Столб дыма впереди увеличивался, заполняя мир своей чернотой. На всем пути Касса чувствовала, что нагорье пропахло золой и дымом, но здесь ветер пах отвратительно, воняя горелой плотью, паленой кровью и чем-то извращенным, неестественным.

Когда Касса Дар поднялась выше, она увидела источник дыма. В земле зияла огромная круглая дыра в две лиги диаметром. Насколько хватало глаз, чудовищная дыра спускалась гигантскими ступенями, огромные ярусы уходили под землю один за другим.

С какой бы целью ни была вырыта эта яма, работа шла полным ходом. Из дыма неожиданно показались костры, высоко взметнувшиеся в небо. Эхо взрывов, приглушенное и казавшееся невообразимо далеким, доносилось от столба дыма.

«Как же глубока эта дыра?»

Касса Дар облетела эту жутковатую котловину по краю. Внешние кольца дыры были так же пустынны, как и долина с садами, но ветер доносил крики, завывания и звон стали. Она чувствовала чье-то присутствие глубоко внизу: клубы дыма и темные фигуры, которые неуклюже двигались сквозь завесу дыма, освещенные пламенем костров.

Дыра явно не была пустой.

Касса Дар напоследок осмелилась подобраться немного ближе. Она должна доложить о том, что увидела здесь, и предоставить решать военному совету.

Когда она приблизилась, пытаясь отыскать сердце дымящейся ямы, она почувствовала чье-то присутствие. Вздымаясь к небу, столб дыма обрел форму: он раскрыл черные крылья, и из тьмы вытянулась вперед шея. Пылающие глаза раскрылись над сотканным из дыма клювом. Существо искало ее с мрачной злобой.

Касса Дар знала, что лучше выждать. Она улетела прочь, чувствуя, что если ее заметят, то для нее это будет конец. Она вернулась в пустынную долину с садами и опустилась вниз, к голым стволам, взмахами крыльев замедляя движение.

Стволы деревьев мелькали вокруг.

Она повернула направо и налево, затем спустилась к ручью. Она летела прямо над грязной водой, так, чтобы берега укрывали ее от дымного существа. В любой момент она ждала, что черные когти монстра схватят ее. Даже будучи на расстоянии в тысячи лиг от зла, она знала, что не может считать себя в безопасности. Если ее поймают, и ребенок, и его создатель будут уничтожены.

Движимая страхом и направляемая врожденным искусством своего создания, она летела вниз по ручью, двигаясь со всей возможной скоростью и молитвой на губах.

Затем ручей влился в мельничный пруд, и берега раздвинулись. Оказавшись как на ладони, Касса Дар поднялась чуть выше и оглянулась. Она удивилась, увидев, как далеко она улетела. Дымная фигура казалась лишь грязным пятном на горизонте.

Глядя на нее с расстояния, она увидела, что распростертые черные крылья вновь втянулись в облако. Клюв растворился в дыме. Последним, что исчезло, были полные ярости глаза. Они искали ее еще мгновение, затем растаяли.

Касса Дар вздохнула с облегчением. Она едва не пробудила зверя в сердце чудовищной черной дыры!

Радуясь, что ей удалось избежать его внимания, она заставила болотное дитя покинуть долину и лететь прочь. Солнце уже скрывалось за горами на западе. Она последовала за ним, готовая вернуться к своим друзьям и Джастону.

Касса Дар еще раз оглянулась. Черное пятно вырисовывалось на фоне темнеющего неба. Она нашла то, что искала. Не было сомнений, что за чудовище поднялось из дыма: черные крылья, острый клюв, свирепые глаза. Это была тень Виверны, последних Врат Плотины. Можно было с уверенностью сказать, что она находится в центре дыры.

С тяжелым сердцем Касса Дар летела над запустением. Через два дня она вернется – она и все остальные.

У них нет выбора.

Дрожь страха прошла через болотного ребенка, и далеко в башне своего замка Касса Дар вознесла тихую молитву:

– Небесная Мать, будь милосердна ко всем нам.

– Ты принял решение, мальчик?

Опираясь на посох, Джоах, нахмурившись, смотрел на Грешюма. Он сжимал свои затянутые в кожаные перчатки пальцы, подавляя желание стереть ударом это довольное выражение с лица темного мага. У Грешюма были знания, которые ему нужны.

Темный маг сидел на куче заплесневелой соломы в своей темнице – в маленькой пещере в конце заканчивающегося тупиком коридора, отходящего от основной пещеры огров. Его руки были связаны за спиной, и ноги тоже были связаны. Двое стражей, огров, вооруженных дубинами, охраняли единственный выход.

– Солнце только что село, – настаивал Грешюм. – Каково твое решение?

Джоах ссутулился, его старые колени болели. Он стоял только благодаря поддержке своего каменного посоха.

– Давай проясним ситуацию: если я освобождаю тебя, ты учишь меня тому, как вдыхать истинную жизнь в мои создания и возвращаешь мне зимы моей молодости, которые ты у меня украл.

– Половину зим. Половину, – поправил Грешюм. – Таковы были условия.

– И как только ты освобождаешься, ты уходишь отсюда.

– Ты думаешь, я хочу остаться? И снова быть пойманным?

Джоах сузил глаза. Мог ли он верить темному магу? Конечно, нет, но он не мог упустить этот шанс. Весь долгий день он смотрел на изваянную из сна розу, вдыхал аромат ее лепестков, касался зеленых листьев. На закате он посадил цветок на лугу возле пещер, где была свежая плодородная земля, подходящая корням растения. Он охранял цветок, пока солнце не скрылось за горизонтом. Роза в самом деле жила. Ради такой магии он мог рискнуть всем.

Пока он стоял, сгорбившись, он представил девушку с глазами цвета сумерек и кожей горячей, как пески пустыни. Он бы рискнул чем угодно, чтобы коснуться ее снова, увидеть ее улыбку в лунном свете.

Глаза Грешюма блестели в отсветах факелов. Едва заметная улыбка появилась на его губах, но в ней был и привкус печали.

Джоах понизил голос:

– Для начала расскажи мне, как ты вдохнул жизнь в цветок без всякой магии. Сделай это, и я перережу твои путы.

– А после этого?

– Я проведу тебя мимо стражи. Как только мы окажемся снаружи, ты вернешь мне мои годы, затем уйдешь из этих гор.

Грешюм кивнул:

– Мне понадобится лошадь.

Джоах задумался на мгновение, потом кивнул:

– Согласен.

Грешюм опустился на колени:

– Тогда начнем наш последний танец. Чтобы понять, что я сделал с розой, ты для начала должен понять жизненную силу, поток энергии, который отделяет живое от мертвого.

Темный маг посмотрел на Джоаха:

– Жизненная сила – это та же энергия, только она уникальна благодаря особенностям индивидуальной души. Душа насыщает эту энергию, делает ее особенной. Ваяет ее, если тебе угодно, делая чем-то уникальным.

– Какое это имеет отношение к розе?

– Я доберусь и до этого, мой мальчик. Хоть у тебя и лицо старика, терпение у тебя – как у нахального юнца.

– Продолжай, – попросил Джоах, раздраженный тем, что темный маг его ласково пожурил.

Грешюм вздохнул:

– Как ты знаешь, я похитил значительную часть твоей жизненной силы. Это состарило тебя, а меня сделало моложе.

Гнев охватил Джоаха, но он прикусил язык, продолжая слушать мага.

– Я отсек часть твоей жизненной силы, и это было непросто сделать... потому что жизненная сила, принадлежащая конкретной душе, остается неизменной. С этим ничего не поделаешь. Жизненная сила, которая поддерживает во мне молодость, по-прежнему остается твоей.

– Все еще моя? – Джоах задрожал от ужаса при этой мысли.

– И она хочет вернуться к тебе, подобно тому, как ручей стекает с гор. Ты более естественный сосуд для нее, но я удержи-

ваю ее в себе силой воли, и ничем более. Для того чтобы она вернулась к тебе, мне потребуется лишь прикоснуться рукой и освободить ее от своей воли.

– Так просто? – Джоах не мог скрыть потрясения.

– Действительно.

– А роза?

– Ты создал ее сам. Она такая же часть тебя, как твоя рука или нога. Чтобы вдохнуть в нее жизнь, мне потребовалось всего лишь коснуться ее лепестков и пожелать, чтобы энергия, которую я удерживаю в себе, потекла в нее – энергия, измененная под тебя, и значит, и под твою розу. Как только пустой сосуд был заполнен, я остановил поток энергии и разорвал контакт. Но теперь роза жива.

Джоах сел, потрясенный.

– Так, значит, все, что я создаю из сна, я могу оживить, направив свою энергию в это, просто пожелав, чтобы оно жило?

Темный маг кивнул:

– Иногда сильнейшая магия – самая простая.

Джоах закрыл глаза. По его телу пробежала дрожь. Если это правда, то он может оживить Кеслу! Но мог ли он верить слову Грешюма? Ему сначала нужно было убедиться самому. Он положил посох на колени.

– Что ты делаешь? – спросил Грешюм.

– Проверяю, правду ли ты говоришь.

Джоах закатал рукав плаща и открыл обрубок своей руки. Он потерял руку по вине гоблина-прихвостня этого мага. Джоах положил обрубок на каменный посох, призывая магию, сокрытую внутри, призывая изваянный образ кисти, что крылся внутри посоха. Рука и пальцы материализовались – нестарые, такие же гладкие, как когда он был молодым. И хотя он мог шевелить пальцами, мог даже брать что-то тяжелое, эта кисть была холодной и нечувствительной, как если бы он носил перчатку изо льда поверх новой руки. Хотя Джоах мог придать ей иллюзию жизни, она все равно была мертвой.

Джоах посмотрел на Грешюма:

– Все, что мне нужно, чтобы оживить что-то, что я изваял, – это пожелать?

Темный маг кивнул, глядя на его творение с открытым ртом. Джоах заметил, как взгляд Грешюма метнулся к его собственному обезображенному шрамами запястью – темный маг тоже потерял руку века назад.

– Если бы у меня были твои способности... – пробормотал он.

– Что бы ты сделал? – спросил Джоах.

Грешюм рассматривал его руку:

– Ты должен дать части твоей жизненной силы перетечь в новое создание. Чтобы сделать это, тебе нужно просто пожелать. Измененная под тебя, энергия заполнит пустоту.

Джоах смотрел на сотканную из сна руку. Будет ли она живой? Может ли это быть так просто? Он закрыл глаза и вообразил себя целостным, здоровым. Он представил реку, текущую сквозь его кровь, распространяющуюся из его сердца во всех направлениях: вниз – в ноги, в стороны – в руки, дальше – в пальцы на руках и ногах. Он ждал, чтобы что-то произошло – но ничего не происходило.

– Не работает! – выпалил он.

– В самом деле? – спросил Грешюм.

Джоах вытянул вперед изваянную руку. Только сейчас он заметил на ней линии, голубоватые венки, тонкую, словно бумага, кожу. Она состарилась. Он сравнил ее с левой рукой. Они были одинаковы.

– Я не понимаю. – Он сжал созданные пальцы и ощутил боль в суставах.

– Ты оживил сон – по-настоящему оживил. Рука должна соответствовать возрасту твоей энергии. Ты стар, и она состарилась тоже.

Джоах прикоснулся новой рукой к посоху. Он ощутил грубую поверхность и острые грани зеленых кристаллов на ней. Рука была настоящей! Закрыв глаза, он вернулся к единственной надежде своего сердца.

Кесла...

Грешюм, должно быть, прочитал его мысли.

– Это была хорошая работа. Но оживление чего-то столь сложного, как целая личность, заберет значительную часть твоей собственной энергии – энергии, которой у тебя нет.

Джоах открыл глаза:

– Но ты вернешь мне половину того, что ты украл, когда я освобожу тебя.

Темный маг кивнул:

– Таковы условия сделки. – На его губах появилась едва заметная улыбка.

Джоах знал, что Грешюм чего-то не договаривает, что он еще выкинет какой-то трюк, но с последствиями придется разбираться, когда они появятся. Он не может продвинуться дальше без помощи темного мага.

Повесив посох на одну руку, Джоах вытащил из-под плаща кинжал.

– Тебе бы лучше сдержать свое слово, Грешюм, или я использую этот же кинжал, чтобы перерезать тебе глотку.

Он наклонился и перерезал веревки. Грешюм потер запястья и вытянул руки:

– Что со стражей?

Джоах сделал ему знак отойти в сторону и указал посохом на то место, где Грешюм только что сидел. Он высвободил одно из двух заклятий, которые приготовил, прежде чем прийти сюда. На это уйдет кровь и большое количество его магических запасов, но юность стоила того, чтобы заплатить такую цену.

Магия сна затрепетала на конце его посоха. На камне появилась фигура, изваянная из энергии и призванная в этот мир. Это была точная копия темного мага, связанного веревками.

Джоах получил определенное удовлетворение при взгляде на потрясенное лицо Грешюма.

– Ты более талантлив, чем я думал, – пробормотал Грешюм. – Поразительно.

Копия лежала на камне, бездыханная, с синим лицом. В этом создании не было жизни, и никогда не будет.

– Они поверят, что ты мертв, – сказал Джоах. – Ты сможешь уйти, и никто не станет преследовать тебя.

Грешюм нахмурился:

– Нет, если они увидят меня разгуливающим на свободе.

Глаза Джоаха сузились.

– Они не увидят.

Он взмахнул своим посохом над сердцем темного мага.

Грешюм попятился, уворачиваясь от возможного удара, но Джоах использовал свое второе заклинание. Заклубилась магия сна. Джоах старался, чтобы его магия не касалась мага, иначе чары Кровавого Дневника высосали бы ее. Вместо этого он создал доспех вокруг Грешюма и призвал магию иллюзий, чтобы изменить его облик. Теперь темный маг выглядел как эльфийский мореплаватель, медноволосый и бледнолицый. Эта магия была не слишком сильной, и, если бы чья-то рука случайно задела доспех, она могла пройти насквозь, разоблачив подделку. Но пока было достаточно и этого.

Грешюм проговорил голосом мореплавателя:

– Неплохо сделано.

– Предупреждаю, я могу убрать чары в любой момент и призвать стражу, если ты обманешь.

Грешюм кивнул, то же сделал и его иллюзорный облик.

– Так давай закончим с этим.

Джоах подошел к выходу их пещеры и крикнул в проход:

– Стража! Быстро сюда! Что-то не так с пленником!

Послышался шум, затем один из огров-стражников неуклюже двинулся к ним.

Джоах указал посохом в угол темницы, где лежало, скрючившись, изваянное из сна тело.

– Мертвый, – сказал Джоах не всеобщем языке, говоря просто, чтобы огр его понял. – Мужчина мертвый.

Огр наклонился. Его ноздри расширились.

– Мертвый, – сказал он густым голосом.

Джоах кивнул:

– Пошлите кого-нибудь на летающий корабль. Дайте им знать.

Ему ответило рычание. Огр был только счастлив уйти: смерть пугала этих огромных созданий. В последний раз взглянув широко открытыми глазами на тело, страж бросился обратно в проход.

Джоах сделал Грешюму знак следовать за ним. Стражники уже видели его входящим вместе с эльфом, но это была лишь иллюзия, на краткое время изваянная им, чтобы одурачить

их, – пустая скорлупка, в которой сейчас находился темный маг.

Едва покинув темницу, огр зарычал что-то на родном языке менее крупному сородичу. Проворчав, юный огр вприпрыжку побежал к выходу из пещеры.

Джоах проковылял мимо стражей и вывел Грешюма на открытое место. Звездный свет серебром сиял над высокогорными лугами, а горы темными великанами склонялись над ними. Совсем рядом поля были усеяны походными кострами расположившейся лагерем армии огров, а в соседнем лесу пылали костры войск силура. Хотя уже поднялась луна, в обоих лагерях царила суета, все были заняты приготовлениями. Проскользнуть незамеченными было совсем нетрудно.

Джоах кивнул вперед:

– Я отведу тебя к загонам. Затем я рассчитываю получить свои зимы обратно. И если будет какой-то подвох или мне будет угрожать какая-то опасность, чары рассеются. Тебя все увидят.

– Довольно честно, – прошептал Грешюм.

Джоах держался на шаг позади темного мага, готовый к любому обману, но Грешюм просто шагал к грубо сколоченному загону, где стояло несколько лошадей. У отдельного столба стоял привязанный Роршаф, бывший жеребец горца. Боевой конь встряхнул гривой и заржал при их появлении. Его ноздри затрепетали, и он забил одним подкованным сталью копытом по грязи, явно недовольный тем, что учуял.

– Я возьму кого-нибудь другого, не это черное чудовище, – сказал Грешюм. – Я бы не хотел спастись только для того, чтобы сломать шею на первой же тропе.

Джоах подошел к воротам загона:

– Для начала ты заплатишь за свою свободу.

Темный маг вздохнул:

– Да будет так, – он повернулся к Джоаху: – Просто прикосновение – как к розе прежде.

Джоах протянул свою новую руку.

Грешюм положил ладонь поверх руки Джоаха:

– Приготовься... Это может встряхнуть тебя.

Джоах напрягся, но ощущение не было тем, к чему он мог себя подготовить – даже если бы захотел. Теплый поток удовольствия хлынул в его ладонь и вверх по руке. Он расходился пульсирующими волнами по его телу в одном ритме с бьющимся сердцем. Наполнив его ноги, это чувство поднялось по его торсу и дальше перетекло в голову. На какой-то момент ему показалось, что он потеряет сознание; затем его зрение, помутневшее на миг, снова прояснилось. Грешюм отдернул руку. Джоах смотрел на темного мага, глядя сквозь иллюзию эльфа на мужчину, скрытого внутри. Грешюм состарился, из молодого человека превратившись в мужчину средних лет. Его каштановые волосы поредели на висках, и казались более тусклыми, нежели медные локоны, что украшали его прежде. Но все же Грешюм был далек от возраста старика.

– Как ты себя чувствуешь, мальчик? – угрюмо спросил Грешюм. Он немного нетвердо держался на ногах. То, что чудесным образом наполнило Джоаха, явно истощило темного мага.

Джоах поднял руки, восхищаясь их силой. Он выпрямил согбенную по-старчески спину и коснулся своего лица. Оно было гладким, кожа стала упругой. Смех слетел с его губ – вновь чистый, не хриплый. Он вдохнул полной грудью:

– Я вновь молод.

– Моложе, – сказал Грешюм. – Ты выглядишь как мужчина тридцати зим.

Джоаха это не волновало. По сравнению с тем, что он чувствовал мгновение назад, он ощущал себя юным, словно новорожденный младенец. Он вновь не смог удержаться от радостного смеха.

– Я могу уйти теперь? – спросил Грешюм.

Джоах подумал о том, чтобы предать его и вновь бросить в темницу; но Грешюм сдержал свое слово, поэтому и он сдержит.

– Иди, ступай отсюда. Никто не заметит тебя.

Грешюм открыл ворота загона и взял одну из лошадей, мерина чалой масти. Он был не оседлан, но Грешюм снял уздечку и поводья с крюка, на котором они висели, и быстро накинул на коня.

– Что насчет твоего нового облика? Другие ничего не заподозрят?

– Поэтому я и создал мертвого голема в твоем облике и оставил его там. Это освободит тебя от погони и объяснит, почему ко мне вернулась моя молодость.

Грешюм забрался на забор, чтобы сесть на спину лошади. Затем он направил ее к выходу из загона.

– Понятно. Ты скажешь, что украденная жизнь сама собой вернулась к тебе после моей смерти. Как удобно!

Джоах пожал плечами:

– Не возвращайся.

– Можешь не бояться этого. Я думаю, я и так злоупотребил вашим гостеприимством.

Грешюм оглянулся на Джоаха:

– Да, еще кое-что: наслаждайся своей молодостью, пока можешь.

– Что ты имеешь в виду? – Джоах почувствовал, как сквозь его радость пробирается страх.

– Если ты захочешь вернуть Кеслу, это заберет все, что я отдал тебе.

Джоах сжал кулак:

– Что?..

Грешюм поднял руку:

– Я человек слова. Я дал тебе то, что обещал. Ты можешь вернуть ее; после этого ты вернешься в тот возраст, который был у тебя только что – старик с согбенной спиной и седой бородой. Но Кесла будет жить.

Джоах расслабил руку. Хоть это ему и не нравилось, он знал, что темный маг прав. И поскольку он хочет вернуть Кеслу из ее песчаной могилы, что еще имеет значение? Отдать эти годы за ее жизнь – невысокая цена.

Грешюм вздохнул:

– Мне действительно ужасно не нравится видеть тебя столь несчастным. В благодарность за твою помощь я подарю тебе последнюю частицу знания просто так. Есть способ, при помощи которого ты можешь получить и Кеслу, и свою молодость.

– Как? – Джоах подошел ближе.

– Думай, мальчик. Почему я преследовал твою сестру столь упорно?

Джоах нахмурился.

– Книга! Кровавый Дневник! Он дает Елене бессмертие, это бездонный источник жизненной силы. Ты просто должен уничтожить книгу и вобрать в себя эту энергию. У тебя будет больше, чем нужно, чтобы дать Кесле жизнь и сохранить силу молодости. – Грешюм повернулся и пришпорил коня. – Ты вырос, мой мальчик! Не останавливайся на полпути к тому, о чем мечтаешь!

Джоах смотрел, как он уезжает. Он не знал, благодарить ему мага или проклинать его. Поэтому он просто повернулся и пошел обратно в лагерь. Ему нужно было о многом поразмыслить. Но, как только он начал размышлять, он оценил длину своих шагов, уверенность походки и силу во всем теле.

Ему в самом деле о многом надо было поразмыслить.

С опушки молодого леса Могвид наблюдал, как брат Елены широкими шагами уходит от загона с лошадьми. Чему же он только что стал свидетелем? Он прятался, пригнувшись, пока эльф на лошади не скрылся в горном лесу на западе. После этого он встал и посмотрел на пещеры огров.

Что это была за магия? Эльф коснулся Джоаха, и тот стал моложе на его глазах, его спина выпрямилась, следы прожитых лет сошли с его лица, словно листья опали с деревьев. Даже его волосы потемнели, из серебристо-серых став красновато-коричневыми, как у его сестры.

Могвид нахмурился. Возможно, это какая-то иллюзия. Брат Елены был искусен в магии снов, хотя трудно было заподозрить в нем подобное мастерство. Даже походка Джоаха, когда он уходил от загона, была уверенной и твердой. Могла ли простая иллюзия ускорить шаг старца?

Он покачал головой; это не его забота. Он пришел сюда на восходе луны, но по-прежнему не собрался с силами, чтобы сделать то, что должен. Он не осмеливался ждать дольше. Могвид скользнул назад в глубокие тени под деревьями.

Его сумка по-прежнему лежала в центре поляны, там, где он и оставил ее. Чаша из черного камня стояла на небольшом возвышении. Могвид дрожал от холода ночного воздуха. Он не смог разрушить Призрачные Врата, но это не смогли сделать и демонические призраки Триады.

Могвид закрыл глаза. После битвы он был измучен и провалился в сон внутри черепа Фердайла, очнувшись только на закате. Он обнаружил, что лежит рядом с Торн, обнимая ее обнаженное тело. Она спала, и он ускользнул. Похоже было, что Торн и его брат не только помирились, разобравшись со своим общим прошлым, но и вернулись к прежней страсти. Он сполз с мехов в отвращении. Он помнил глубину их союза – разума с разумом – в проходе и был рад, что проспал тот момент, когда их тела повторили этот союз, словно в зеркале.

Обняв себя руками за плечи, Могвид смотрел на чашу из черного камня. Если он хочет освободиться от Фердайла, ему придется набраться смелости и встретиться с тьмой, которую таит в себе черная каменная чаша. Он опустился на колени. Затем он вынул из кармана грязную повязку. Нилан перевязывала ею порез на руке – рану, полученную во время битвы у Призрачных Врат. После чудесного исцеления ей больше не нужна была повязка. Могвид наблюдал глазами Фердайла, как Нилан снимает ее. Пробудившись, он подобрал брошенную тряпку. Стихийная кровь Нилан сможет пробудить магию чаши.

Однако он колебался. Он закрыл глаза. Покалывающего ощущения чьего-то взгляда в затылок не было. Отлично. Фердайл все еще спит, явно удовлетворенный после спаривания со своей самкой-волчицей.

«Спи, пока можешь, братец. Теперь мой черед для свиданий в темноте».

Могвид бросил повязку в чашу, присев на пятки. Пока он ждал, он чувствовал, как ночной холод заползает под его плащ. Могвид дрожал. Затем воздух медленно изменился и начал напоминать холод заледенелого склепа. Вонь гниющих внутренностей и изъязвленных ран заполнила пространство, и поднялся темный туман, послышались стоны проклятых.

Могвид сделал шаг назад. Все внутри сжалось, а в горле встал ком.

Голос, мрачный, как каменная чаша, и холодный, как самая глубокая из могил, поднялся над туманами:

– Ты позвал снова, маленькая мышка, – ты, который подвел нас.

– Я... я... – Могвид боролся со своим неподвижным языком. – Я ничего не смог сделать.

Над чашей поднялись щупальца, сотканные из темного тумана. Могвид отпрянул, но руки из тумана выползли дальше и обхватили его в кольцо. Он дрожал в центре, зная, что даже легчайшее прикосновение черного тумана вытянет жизнь из его костей.

– Я покажу тебе, какова плата за промахи

Могвид сжался еще сильнее. Что-то двигалось в тумане – существа более темные, чем самый черный из туманов. Он зажмурился, иначе вид этих крадущихся теней наверняка свел бы его с ума. Однако он не мог спастись от их бессвязных криков. Эти звуки пожрали стену здравого рассудка.

– Подождите, – крикнул Могвид. – У меня есть сведения, чтобы заплатить за мои промахи!

Сквозь крики чудовищ в тумане послышался древний голос:

– Тогда говори, или потеряешь все!

Могвид открыл один глаз. Туман отступил, но его по-прежнему окружала жутковатая мгла, и он находился в самом ее сердце.

– Я... знаю, когда ведьма нападет... я знаю их силы...

Его предложение об измене встретил ледяной смех.

– Маленькая мышка, не думаешь же ты, что мы не знаем всего, что творится в этих горах? Мы ждем ее даже сейчас – мы приготовили ловушку, от которой никому не спастись.

Вновь послышался смех, и бессвязные крики в тумане раздались снова. Могвид знал, что лишь один выдох отделяет его от того, чтобы быть задутым, как свеча.

– Личук! – выкрикнул он в отчаянии, назвав Темного Лорда его настоящим именем.

Смех, что затихающим эхом доносился из чаши, резко оборвался. Голос обрушился на него, кажется, сразу со всех сторон:

– Никогда не произноси это имя!

Туман соткался в бич и хлестнул Могвида по щеке. Боль вспыхнула на его лице, как если бы его кожу отделили от кости и рану полили кислотой. Закричав, Могвид упал на землю. Он схватился за лицо, однако там не было повреждений. Не было никаких ран, но боль оставалась сильной, затихая очень медленно.

Могвид старался заговорить:

– О-они знают все о тебе, не только твое истинное имя.

– Не имеет значения.

Но впервые Могвид услышал сомнения в голосе демона. Могвид поднялся с грязной земли. Сам он жил в мире страха, нерешительности и сомнений. Это была его территория; он знал эту землю лучше, чем любой другой, знал, как могут налетать такие сомнения и тревоги.

– Они знают все о черном камне и камне сердца, – солгал Могвид. – Ведьма из Врат открыла им. Они знают, что ты делал возле Врат накануне принесения своей клятвы.

Его слова были встречены тишиной. Могвид выпрямился. Он знал могущество открытых тайн, даже если это всего лишь подозрения. С самого детства Могвид закрывал свое сердце от других крепко-накрепко, держа свои сокровенные мысли при себе. Он знал, каково это, когда тайны узнают все – неважно, король ты, демон или простой человек.

Он начал поворачивать ситуацию в свою пользу:

– За то, что я принес тебе столь важные сведения, я просто прошу маленькую уступку, – он склонил голову. – Прости мне мои прошлые промахи и позволь служить тебе. Я буду твоими глазами и ушами здесь. Я знаю силу и слабость своих спутников.... А они знают твои, – добавил он, умело торгуясь. – Позволь мне показать, что они из себя представляют. Все, что я прошу, – это мою свободу от этой тесной тюрьмы из плоти.

Тишина затянулась, но Могвид знал, что он тут не один. Наконец голос вернулся, сплетенный из инея и льда:

– Тогда докажи свои слова. Расскажи мне о самом уязвимом месте ведьмы.

Могвид быстро подумал. Ему нужен был удобный ответ. И хотя он бы предпочел торговать ложью, он знал, что должен сейчас рассказать и частицу правды.

– Сильнее всего она уязвима там, где уязвимы все женщины, – сказал он спустя мгновение. – Чтобы причинить ей самый большой вред, не пытайся воевать с ней напрямую. Есть место, где она может быть сломлена легчайшим прикосновением, – он задержал дыхание, делая паузу.

– Какое? – с раздражением спросил голос.

– Мы заключаем договор? – нажал Могвид. – Мои секреты в обмен на мою свободу?

– Для начала проверим тебя, мышка. Отвечай на мой вопрос; затем мы произведем обмен. Так что же это за слабое место ведьмы?

Могвид колебался еще мгновение; не для внешнего эффекта на этот раз, а беспокоясь о той черте, которую он собирался пересечь.

– Говори или умрешь прямо сейчас! В чем ее слабость?

Могвид склонил голову:

– Эррил... Мужчина с равнин Стенди. Он – все, что стоит между ней и ее поражением. Уничтожь его, и ты ранишь ведьму так, что никто ее не исцелит. – Могвид почувствовал, как что-то темное поселилось в его сердце, и не Темный Лорд был этому причиной, а он сам. Он знал, что только что пересек черту, из-за которой ему уже никогда не вернуться.

– Брат моего военачальника... – прошипел голос из тумана.

Могвид нахмурился, вспомнив, что демонический маг Шоркан некогда был братом стендайца.

– Вот знания, что я могу дать тебе, – продолжил он. – Доказательство, что глаза и уши, находящиеся так близко к ведьме, могут быть полезны.

Туман вокруг него расступился и вернулся в колодец чаши из черного камня. Голос снова заговорил:

– Ты дал нам кое-что, над чем стоит подумать. За это тебе будет позволено жить еще один день. Но за твою свободу от плоти потребуется заплатить более высокую цену.

Могвид мысленно чертыхнулся.

– Что? – спросил он вслух. – Все, что угодно.

– Ты должен стать не только нашими глазами и ушами... Но и нашими руками.

Могвид приподнял бровь.

– Это как?

Вместо ответа что-то черное вошло в мир из тьмы над чашей черного камня. Могвид в ужасе смотрел на это. В чаше лежала черная сфера, яйцо из самой мерзкой кладки на свете. Размером оно было с два кулака. По гладкой поверхности сферы ветвились серебряные прожилки. Черный камень.

Могвид знал, что лежит в чаше. Он слышал рассказы о том, как яйца из черного камня проникли на Алоа Глен, о тошнотворной кладке, которая была спрятана в подземельях замка, о заражении Сайвин и Ханта. Это был младший брат тех яиц.

– Что ты хочешь, чтобы я сделал с этим? – спросил он ночь.

Из чаши полились слова, на этот раз приглушенные яйцом:

– Возьми это семя и посей его там, где мы велим тебе.

Могвид заподозрил, что, судя по маленького размеру, это яйцо содержит только одно чудовище со щупальцами. Или, возможно, оно содержит что-то еще более мерзкое. Он дрожал от одного взгляда на него. Для кого оно предназначено? Когда он в последний раз связывался с демоном через чашу, ценой за свободу Могвида была жизнь Толчука. Значит, снова?

– Где ты хочешь, чтобы я это посеял?

Ответ пришел из чаши.

Могвид выдохнул, попятившись. Ответ заставил его похолодеть до мозга костей. Сейчас он желал, чтобы это был Толчук.

– Почему? – спросил он. – Это не имеет смысла.

– Тебе нужно не задаваться вопросом «почему», маленькая мышка, а поторопиться и делать то, что велят. Только затем ты обретешь свободу.

Могвид колебался – но выбора у него не было. Он кивнул:

– Будет сделано.

– Подведешь нас во второй раз – и твоим мукам не будет конца.

Могвид провел пальцем по ожогу на щеке. Он знал, что это не пустые угрозы. Он едва остался в живых в эту ночь. Но он

получил второй шанс разбить оковы, которые привязывали его к брату. Он не провалится на этот раз. Он не посмеет.

Пока он стоял, сжавшись, с его плеч исчезла огромная тяжесть, и тепло заполнило пустоту. Могвид посмотрел в чашу. Темный Лорд ушел. Дверь между их мирами вновь захлопнулась.

Вздохнув с облегчением, Могвид сполз на землю перед черным яйцом. То, что потребовали у него, было непросто выполнить, но придется это сделать. Если он хочет освободиться от своего брата, ему придется противостоять своим страхам.

Он осторожно поднял чашу и яйцо и положил их в свою сумку, спрятав среди вещей. Глубоко вдохнув, чтобы успокоиться, он встал и покинул рощу.

Выйдя из-за деревьев, он услышал голоса, доносящиеся из пещеры огров. Могвид быстрым шагом направился туда, предвкушая тепло пещер и яркий свет огня в очагах. Подойдя к зияющему входу, он увидел Елену и Эррила вместе с большей частью остальных их спутников, собравшихся внутри.

Мерик заметил Могвида и махнул ему рукой, чтобы тот подошел. Нахмурившись, Могвид послушался. Они все собрались вокруг Джоаха. Слышались изумленные фразы.

– Ты выглядишь на пять десятилетий моложе, – бормотал Арлекин, обходя Джоаха по кругу.

Джоах улыбнулся:

– А чувствую я себя еще моложе.

Могвид сделал вид, что удивлен. Он сам был свидетелем этого изменения. Но сейчас он предпочел казаться потрясенным.

Эррил стоял с хмурым видом.

– И смерть Грешюма стала для тебя благом?

Джоах пожал плечами:

– Я могу только предполагать, что так оно и есть, – он указал на похоронные носилки, на которых лежало безжизненное тело темного мага, охраняемое двумя ограми. – Я уверен, что они связаны, – моя молодость и его смерть.

Могвид подошел к трупу, потрясенно открыв рот. Лицо темного мага было синим, остекленевшие глаза смотрели незряче. «Нет, не может быть...» Он повернулся к остальным:

– Когда он умер?

Елена ответила:

– Его нашел Джоах, недавно. На его теле нет никаких ран, – ее взгляд метнулся к Джоаху. – Похоже, у него просто остановилось сердце.

– Как будто у него было сердце, – проворчал Магнам, стоявший рядом с ней.

Но Могвид заметил взгляд, которым обменялись Елена и Эррил. Они подозревали какую-то грязную игру, затеянную братом Елены, – убийство ради молодости.

– Вам бы лучше разрезать тело на куски, – сказал Арлекин. – Захоронить части в разных местах, а могилы никак не отмечать. Судя по рассказам, мертвецы, служившие при жизни Темному Лорду, не всегда остаются мертвыми.

Эррил кивнул:

– На рассвете это будет сделано.

Джоах стоял среди остальных: здоровый, с прямой спиной, с гладким лицом. На секунду он встретился взглядом с Могвидом, затем отвел глаза. Но за этот краткий миг Могвид увидел в глазах Джоаха нечто страшное, невысказанное.

Могвид вспомнил обмен, произошедший у загона с лошадьми. Эльфийский мореплаватель коснулся руки Джоаха, превратив согбенного старика в того молодого человека, что стоял перед ним сейчас. Затем мореплаватель уехал, не к эльфийскому кораблю, а в лес.

Могвид внимательно посмотрел на Джоаха. Похоже, здесь крылось нечто большее, чем то, о чем было сказано. Прежде чем он смог подумать над этим, ему на плечо легла тяжелая рука, заставив его вздрогнуть. Он обернулся и увидел позади Толчука.

– Странная ночь, – проговорил огр.

Могвид кивнул головой, не осмеливаясь заговорить. Толчук и наполовину не знал, насколько эта ночь была странной на самом деле. Сумка тяжело давила на его плечо, а его долг еще тяжелее давил на сердце.

«Что мне теперь делать? Почему Темный Лорд не знал о смерти своего прихвостня?»

Толчук сжал его плечо, затем отошел.

– Огонь разожжен в очаге. Меха должны быть теплыми. Иди и отдохни.

Искушение было сильным, но все мысли об отдыхе исчезали, стоило взглянуть на похоронные носилки. Как ему теперь выполнить свое задание? Яйцо предназначалось не для огра – для Грешюма. Почему Темный Лорд стремился заполучить того, кто и так ему принадлежал – это невозможно было понять. Может быть, при помощи яйца маг мог сбежать? Он покачал головой. Однажды, не по своей вине, Могвид подвел Черного Зверя. Теперь он пришел слишком поздно. «Что мне делать теперь?»

Он не осмеливался связаться с Темным Лордом еще раз этой ночью. Это будет верная смерть.

Смех Джоаха привлек его внимание. Парень был полон радости, его голос звучал молодо и бодро. Могвид смотрел на него, мастера сна и иллюзий.

Он вновь вспомнил эльфа, коснувшегося Джоаха, изменившего его, затем уехавшего. Куда уехал эльф? И зачем? Непонятно.

Могвид посмотрел на холодный труп, затем в ночь за выходом из пещеры. Его мысли текли в странном направлении. «Мастер иллюзий...» Он вновь услышал смех Джоаха. Его глаза сузились. «Что ты сделал, Джоах?»

Маг посмотрел на Могвида. Но прежде чем что-либо было сказано, возле входа в пещеру поднялась суматоха. В пещеру ворвались огры, вооруженные дубинами, – часовые. Они рычали на своем родном языке.

Толчук протиснулся меж остальных и заговорил со стражами.

– Они заметили крылатого ребенка, – доложил он.

– Касса! – воскликнул Джастон. – Она в порядке?

Остальные разведчики из силура вернулись на закате. Только болотное дитя продолжило поиски в предгорьях. Когда Могвид сполз с мехов и покинул пещеру, Джастон мерил шагами каменный пол, словно хотел протоптать там борозду.

Толчук кивнул:

– Не бойся. Она идет.

Все последовали за тремя стражами на открытый луг. Могвид смотрел в ночные небеса. Казалось, невозможно заметить что-либо во мраке; даже луна села. Но за время, проведенное с Толчуком, Могвид узнал, что огры могут видеть в темноте.

Один из стражей указал своей дубиной. Спустя некоторое время Могвид заметил что-то небольшое, трепещущее в звездном свете. Он увидел, как фигура увеличивается, спускаясь к ним.

Джастон подошел к Могвиду.

– Это она! – радостно воскликнул житель болот. Могвид увидел отблеск непролитых слез в глазах мужчины; он нахмурился и скрестил руки.

Ребенок пролетел над лугом, затем спустился вниз к собравшимся. Судя по неровному полету и тому, как упорно она била крыльями, девочка была явно обессилена. Она приземлилась на траву, и ее лицо в ореоле темных волос казалось мертвенно-бледным.

Джастон поторопился к ней:

– Касса!

Ребенок поднял руку, не подпуская его ближе. Голос, которым он заговорил, был слабым, едва различимым:

– Я... я нашла последние Врата Плотины!

Глава 22

Елена проснулась в своей каюте на борту «Феи Ветра», удивленная стуком в дверь и еще больше удивленная тем, что она заснула. Свет струился сквозь узкое окно. Она потерла глаза. Сейчас уже, должно быть, за полдень. Почему Эррил позволил ей спать так долго?

Конечно, она знала ответ. После чудесного изменения Джоаха и возвращения болотного ребенка Кассы Дар остаток ночи был потрачен на обсуждения и разработку окончательных планов. Ей не пришлось спать в эту ночь. Только после того как армии выступили на рассвете, Эррилу удалось отправить ее в каюту для короткого отдыха.

Стук в дверь раздался снова.

– Госпожа Елена?

Она скинула одеяло. Она была в той же одежде, что и ночью.

– Да? – отозвалась она.

– Господин Эррил просит тебя присоединиться к нему на камбузе.

Елена поднялась на ноги и надела сапоги.

– Я буду там немедленно.

Она подошла к тазу для умывания с позолоченным зеркалом и уложила волосы при помощи серебряной заколки. Елена встретилась глазами со своими отражением в зеркале, ища в нем признаки силы, которая ей потребуется в ближайшие дни. Но все, что она увидела, – это девушка с синяками под глазами и с морщинками тревоги.

Слова Сизакофы, доносившиеся из центра мира, все еще звучали в ее памяти: «Елена Моринсталь, наследница ведьм и эльфийской крови... В твоих руках будут нити судьбы мира».

Елена вздрогнула. Как это может быть? Как может она держать судьбу мира в своих руках? Она подняла две рубиновые ладони. Слишком мало магии для того, что от нее требовали.

Она вздохнула. С тех пор, как она собирала яблоки в саду своей семьи, она проделала долгий путь, и круг завершился там, где этот путь начался. Елена узнала многое о себе, узнала разных мужчин и женщин. У нее появились хорошие друзья, и многих она потеряла. Должен быть какой-то смысл у этого пути, но какой? Это не могла быть только сила и магическое искусство. Сизакофа сказала, что лучшее, что она может сделать – это заглянуть в свое сердце и оглянуться на тех, кто окружает ее. Елена чувствовала, что ответ прячется где-то на пути сюда – ответ, который необходимо найти как можно скорее.

Она смотрела в глаза отражения и видела там только незнакомку.

– Кто ты теперь? – прошептала она.

Незнакомка осталась безмолвной и несчастной.

Вновь раздался стук в дверь.

Елена закрыла глаза, выходя из задумчивости. Эррил был прав: ей нужно было поспать.

Собравшись с мыслями, она подошла к двери и открыла ее. Юный эльф поклонился ей в пояс. Она махнула рукой, и он быстро повел ее по пересечениям коридоров и вверх по короткой лестнице на камбуз, который превратили в комнату военных советов.

Войдя, Елена обнаружила там командующих армий и многих их своих спутников. Все они встали из-за стола при ее появлении. Старейшина силура был одет в просторное белое одеяние, которое легко было сбросить, когда он превращался в золотого орла, чтобы вести за собой свой народ. Рядом с ним стояли Толчук и Джоах. Елена улыбнулась брату, все еще не в состоянии привыкнуть к его новому облику.

По другую сторону стола стоял Джастон, держащий ребенка Кассы Дар на руках. Маленькая девочка сосала палец и была

все еще явно без сил. Мерик и Нилан стояли плечом к плечу, а за ними опирались на стену Магнам и Арлекин Квэйл; тут же были Фердайл и Торн.

Эррил жестом пригласил Елену занять пустое место за столом.

– Мы подумали, что сейчас самое подходящее время, чтобы спланировать все окончательно, – сказал он. – Солнце скоро сядет, и мы хотим быть на местах к наступлению ночи, чтобы завтра напасть на долину.

– Как далеко мы продвинулись? – спросила Елена, усаживаясь.

– Разведчики, отправленные вперед, добрались до сожженной просеки, – ответил старейшина. – Они докладываются мне даже сейчас.

– Остальные армии?

– «Вороново Крыло» придерживается скорости войск огров, – сказал Толчук. – Мы предполагаем расположиться лагерем на окраине долины к наступлению полуночи.

Эррил указал на карту на столе:

– Мы рассчитали это исходя из сообщения Кассы Дар. Мы расположим огров на западной кромке долины, – он указал пальцем. – На рассвете войска Хуншвы окружат ту яму. С их поддержкой армия силура произведет первоначальную атаку с воздуха, погрузившись в яму настолько глубоко, насколько это возможно, и, опустившись на землю, они превратятся в зверей, чтобы удержаться там. В свою очередь оградам потребуется поддержать их либо продвинуться дальше.

– Затем силура вновь поднимутся воздух, – сказал старейшина. – И сражение перейдет еще на уровень глубже.

Эррил кивнул:

– У нас две армии, которые будут попеременно опережать друг друга, шаг за шагом спускаясь глубже в яму.

Елена смотрела на овал, в спешке нарисованный углем на карте. Она молча изучала карту. Это был ее дом. Хоть все было нарисовано грубо, она узнала холмы и долины, ручьи и озера. Все они были в ее сердце.

– Что ты думаешь, Елена? – спросил Эррил.

Она молча кивнула. Глаза ее мужа пылали жаром, достойным истинного рыцаря накануне битвы. Его щеки покрывал румянец. Он был в своей стихии.

Но военные хитрости не были ее призванием.

– Что насчет нас? – спросила она, проглотив комок в горле.

Эррил ущипнул себя за бровь и сказал:

– Как только атака начнется, мы полетим на борту «Воронова Крыла», снизившись как можно ближе к центру ямы. Оказавшись там, мы пошлем ребенка Кассы Дар, чтобы осмотреться. Если все будет чисто, мы на веревке спустимся внутрь. Это определенно то место, где должны быть последние Врата Плотины.

– Кто еще присоединится к нам во время последней атаки?

Эррил выпрямился:

– Кроме меня, там будут те, кто обладает самой сильной магией, чтобы поддержать тебя, – Джоах, Мерик и Нилан.

Джоах взял свой посох. Елена увидела гордость на лице брата. Он так долго был немощным, а теперь вновь стал сильным и здоровым, способным защитить свою сестру. Но под этим пламенем она увидела что-то темное, жесткость, которой в нем прежде не было. Прошлой ночью они с Эррилом обсуждали возможность того, что Джоах убил Грешюма, чтобы вернуть свою молодость. Эррил согласился, что ее подозрения небезосновательны, но он-то как раз скорее вздохнул с облегчением, а не встревожился: приложил Джоах к этому руку или нет, но Грешюм умер. Теперь, видя эту тьму в глазах Джоаха, Елена не была уверена, что они избавились от зла, таившегося в душе темного мага.

Она перевела взгляд на Мерика и Нилан. Эти двое стали ее первыми союзниками. И если Джоах стал мрачнее, эти двое словно светились изнутри. Она видела, как они постоянно касаются друг друга. Похоже было на то, что долгий путь скорее смягчил, чем сделал тверже их сердца. Елену это радовало. Она кивнула им, благодаря за то, что они сделали в прошлом и за эту последнюю жертву.

Эррил заговорил, вновь привлекая ее внимание к себе:

– Но нам потребуется не только магия, чтобы добраться до Врат Виверны. Так что еще некоторые присоединятся к нам во время атаки.

– Двое изменяющих форму, – проговорил старейшина силура из-за другого конца стола. Моя дочь Торн и тот, кто обручен с ней, – Фердайл.

Брови Елены поднялись, когда Фердайл поклонился ей. Хотя у него было лицо Могвида, в его манере поведения явно оставалось что-то волчье, что-то от дикого леса.

– Давным-давно я покинул эти леса вместе с тобой, – сухо сказал Фердайл. – Я видел, как ты выросла из девочки в женщину, из ведьмы превратилась в королеву. И хотя я не клялся тебе в верности, я знаю твою душу. Я не покину тебя сейчас. Я не могу. Твой запах – в моей крови. Ты – моя стая, – он прижал кулак к груди, словно принося клятву.

– Благодарю тебя, – пробормотала Елена, сражаясь с подступающими слезами.

– У нас будет и сила оружия, – добавил Эррил. – Толчук и дварф Магнам.

Толчук кивнул:

– Как и Фердайл, я не могу быть где-то еще.

Его глаза тепло смотрели на нее. И хотя он не мог говорить с ней мысленно, как изменяющий форму, она услышала любовь и решительность в его словах.

Магнам скрестил на груди руки, стоя рядом с огром, в его глазах было веселье.

– Если лорд Скала идет, то и я должен идти.

– И мне нашлось местечко в этой красочной компании, – сказал Арлекин Квэйл, пожав плечами. – Похоже, что спасение всех ваших жизней у Призрачных Врат смягчило стальное упрямство жителя равнин.

Эррил вздохнул:

– Он доказал, что его скорость и ум могут быть полезны.

Елена обвела взглядом комнату. Сизакофа сказала, что она должна посмотреть на своих друзей в самые темные минуты, которые наступят. По крайней мере, они будут недалеко.

Она собиралась с духом, черпая поддержку у окружавших ее друзей.

– План, кажется, озвучен. Что с нападением на Блэкхолл?

Заговорил Джоах:

– Я связался с Ксином на «Сердце Дракона». Они нападут тем же самым утром.

– Все готовы, – заметила Елена.

– Мы сделали все, что могли, – сказал Эррил.

Елена вновь взглянула на карту. К этому времени завтра утром половину мира охватит война. Завтра она поведет своих друзей и союзников навстречу року.

– Если ты одобряешь план, – сказал Эррил, – мы можем послать кого-нибудь распространить весть, чтобы начать приготовления.

Не отрывая глаз от грубо выполненной карты, она кивнула:

– Пусть будет так.

Все разошлись; только Эррил остался на камбузе с Еленой. Он налил ей кружку дымящегося чая и вложил в ее холодные пальцы.

– Что случилось? – спросил он мягко.

Елена взяла его за руку.

– Посмотри на меня, – сказал он, садясь рядом с ней.

Она наконец сделала это.

В его глазах алый огонь прирожденного командира погас, уступив место обычной мрачности. Он говорил искренне:

– Завтра многие погибнут. Такова война. Но сейчас мы живы.

– Но...

– Т-с-с-с, – он поднял ее руку и поцеловал ладонь. – Сейчас мы живы.

Тепло его губ было бальзамом для боли в ее сердце. Она закрыла глаза и позволила этому теплу распространиться по телу. Слишком быстро он оборвал поцелуй, но по-прежнему держал в руках ее ладонь, хранящую тепло его губ.

– Я видел твое лицо, когда ты смотрела на карту, – сказал он тихо, своими словами бередя рану. – Ты узнала место, где выкопана яма.

Подкатили слезы. Она сражалась с ними с того момента, как впервые увидела жуткую карту. Свободной рукой она коснулась отмеченной углем ямы:

– Дядюшка Бол...

Эррил сжал ее руку:

– Там когда-то стояла его хижина. А перед этим там была школа магов моего времени.

Елена наконец смогла заговорить:

– Касса Дар упоминала пересечение энергий?

Эррил кивнул:

– Узел силы, более мощный, чем любая из точек пульса Земли. Темный Лорд намеревается поместить Врата Виверны на этой живой артерии Земли, чтобы изменить мир раз и навсегда.

– И дядюшка Бол построил свою хижину там...

– Возможно, он знал – неважно, сознательно или нет...

Елена ущипнула себя за бровь, вспоминая те давние времена:

– Дядя Бол говорил что-то о пещерах под его хижиной. Он сказал, что думает, будто маги построили там школу, потому что ощущали поток силы.

– И Денал. Он бежал в эти самые пещеры. Его душа обратилась в кристалл, и он ждал нас, оставаясь там благодаря этой энергии.

Елена вздохнула:

– Так, значит, мы закончим там, где все началось.

Эррил взял ее за вторую руку:

– Более того: там, где мы начали идти по этому пути вместе. Закончим мы его тоже вместе.

Она благодарно улыбнулась, вспомнив слова Сизакофы. Призрак древней ведьмы был прав. Слова, произнесенные перед Вратами, не следовало знать больше никому... даже Эррилу. Елена позволила ему сохранить иллюзию того, что они направятся на эту последнюю битву рука об руку. Было ясно, что ему нужно верить в это так же, как и ей, и она не могла отобрать у него эту веру. Но в самом конце она останется одна, и судьба мира будет в ее руках. Она позволила Эррилу сжимать эти руки сейчас – руки ведьмы, руки женщины.

«Держи их, пока можешь, – подумала она, не говоря ни слова. – В конце концов тебе придется их выпустить».

Солнце село. Мерик и Нилан стояли на носовой палубе «Феи Ветра». Мерик закрыл глаза и с удовольствием почувствовал

ветер и магию, пронизывающую корабль. Он хотел коснуться стального киля внизу; энергия пылала перед его мысленным взором. Но это был не его корабль. Капитан, троюродный брат Мерика со стороны отца, вполне мог справиться с управлением судном и придерживаться скорости армий внизу. Его помощь не требовалась.

Поэтому он направил свои чувства к ветрам. Он проникал в них, отводя в сторону случайные порывы, и бриз развевал его волосы. Он почувствовал далекий гром за горизонтом.

Буря двигалась с моря, нагромождая друг на друга облака и пласты теплого и холодного воздуха. Влага, все еще хранившая запах моря, наполняла небо. Мерик ощутил вибрацию ветвящейся молнии, и то, как где-то, пока еще далеко, летят по волнам ветра, готовые растерзать эти горы.

Перед рассветом в небесах шла такая же война, как и на Земле. Следовало предупредить Эррила и остальных, но это могло и подождать немного. Он открыл глаза. Небеса здесь все еще были ясными. Только несколько легких облаков в вышине, розовые полосы на фоне темного пурпура неба, напоминали о сиянии дня. Солнце село позади них. На востоке небо уже потемнело. Засияли звезды.

Нилан пошевелилась рядом:

– Мы недалеко от сожженных деревьев.

Мерик глубоко вдохнул. Воздух пах древесным дымом, но не больше, чем мгновение назад. Внизу огры маршировали между здоровых деревьев и по покрытым луговой травой полянам. Они двигались с удивительной для таких больших существ скоростью – так валуны катятся с вершины горы к подножию.

Он перевел взгляд дальше, к темному горизонту, но не увидел ничего, кроме живой зелени.

– Я не вижу сгоревший фруктовый сад.

Плечи Нилан опустились.

– Я чувствую его.

Ее рука поднялась ко лбу, затем остановилась на груди.

– Это хуже, чем любая болезнь. Вокруг меня звучит песнь деревьев, яркая, как весна в горах. но впереди, стоит прислушать-

ся, я слышу жуткий диссонанс – не тишину моего пораженного болезнью дома, а отчаянный крик, полный мучений.

Ее руки поднялись, чтобы закрыть уши. Мерик оперся бедром на палубное ограждение и притянул ее к себе.

– Позволь этому уйти, – прошептал он ей. – Плач, что ты слышишь, будет последней печальной песнью. Я обещаю тебе. Мы победим.

Она прильнула к нему:

– Я молюсь, чтобы это было так... но...

Ему не нужна была магия, чтобы услышать ее непроизнесенные мысли.

– Родрико в безопасности, – уверил он ее. – Каст заботится о Шишон и Родрико на борту «Сердца Дракона», им не причинят вреда.

Нилан покачала головой:

– С наступлением рассвета безопасных мест не будет.

Он мягко поцеловал ее медовые волосы. Она пахла лепестками роз и цветами апельсина.

– Твой сын будет под защитой.

Она пробормотала что-то неразборчивое, но он понял и поправился:

– Наш сын.

На восходе солнца они принесли друг другу клятвы, свидетелями которых были только открытые небеса и леса внизу. Кто знает, будет ли у них такая возможность позже? Казалось, что это глупо – молчать о том, что на сердце. Они впервые встретились в этих же самых лесах – древние враги, разделенные кровью. Но в конце этого долгого пути, полного тягот и потерь, прошлое не казалось столь же важным, как настоящее. Его рука нашла ее руку. Пальцы сплелись, соединяя их сердца.

– Тьма приближается, – прошептала Нилан.

Мерик снова посмотрел на горизонт. На краю мира зеленый лес обрывался в черноту. Столб дыма поднимался к небу – чернильный оттенок глубже, чем мрак наступающей ночи. Мерик не мог слышать древесную песнь, но страдания осквернённой земли криком раздавались в его ушах.

Ему захотелось призвать ветра, забрать корабль из власти своего брата и направить его прочь. Это верная смерть – отправиться в те земли, истерзанные земли, где их ждет неминуемое поражение. Но вместо этого он просто крепче прижал Нилан к себе.

Буря вдали за горизонтом грохотала в его ушах, колотилась в груди и отдавалась эхом в костях. Он был молнией, трепещущей в ожидании могущественных сил, что собирались здесь.

Нилан, должно быть, тоже почувствовала это. Она подняла голову и посмотрела на восток, как и он. Полоса зеленых холмов заканчивалась почерневшим лесом. Он тянулся так далеко, как мог охватить глаз.

– Это конец света.

Эррил пытался не пустить Елену наверх, но по стали в ее глазах он понял, что это бесполезно. Однако сейчас, увидев в лунном свете пораженное выражение на ее лице, он пожалел, что не приковал ее на нижней палубе.

Она стояла у палубного ограждения, глядя на запустение там, где некогда был ее дом. Фруктовый сад покрывали обожженные колья, устремленные к небу. Воздух пропах дымом и пеплом.

Наступила ночь, и усеянные руинами холмы запылали красноватым светом горящих углей. Они все еще тлели под золой; это сияние напомнило Эррилу пожары в торфяных болотах северных степей. Путникам следовало остерегаться их тайного жара. Нога неосторожного человека могла провалиться в пылающую преисподнюю. Но земля здесь, как подозревал Эррил, была еще опаснее. Под дымящимся пеплом таилась мрачная магия.

«Фея Ветра» держалась на расстоянии от покрытых руинами долин. Внизу, во все еще зеленых лесах, войска огров собирались, чтобы разбить ночной лагерь для краткого отдыха. Армия силура также устраивалась на ночлег, некоторые оставались в облике крылатых созданий, другие принимали более удобную для себя форму: медведей, волков, лесных котов или какой-то смеси форм.

Луна над долиной висела тяжелая и яркая Стояла первая ночь полнолуния середины лета – времени, когда мир повиснет на волоске и все будет зависеть от их успеха или провала.

Загрохотал гром, подобный барабанам войны. С далекого берега надвигалась буря. Как сказал Мерик, первые капли дождя упадут поздно ночью; к утру они окажутся в пасти бури. Не слишком твердая почва, чтобы начинать атаку, но буря станет помехой и для их врага. И, возможно, под прикрытием грома и дождя им удастся даже ближе подобраться к яме, прежде чем встревожатся армии Темного Лорда, какими бы они ни были.

Эррил нахмурился. Это было то, что беспокоило его больше всего по дороге сюда и сейчас. Нигде не было видно никаких следов врага.

Он не был столь наивным, чтобы думать, что враг не осведомлен об их приближении. Так почему же нет никакой суеты, никаких попыток помешать им? Неужели враг так уверен в своей мощи? Это заставляло Эррила нервничать больше, чем если бы им приходилось сражаться за каждый шаг.

Яма казалась частицей пустоты на безжизненном ландшафте, ее края заволакивали дым и темный туман. Но в ее центре пылал адский огонь, поднимаясь и опадая, словно там работали какие-то чудовищные кузнечные меха. От этого зрелища можно было онеметь, и один взгляд на него лишал силы духа.

Остальные постепенно уходили на нижние палубы. План на утро был согласован, стражи и часовые были выставлены на случай, если ночью нападет враг, и после долгого пути все искали того утешения, которое могли получить в эту последнюю ночь. Некоторые молились, иные искали общества друзей и возлюбленных, другие медитировали, собираясь с силами. На рассвете прозвучат рога и начнется последняя битва за Врата Плотины.

Эррил не отходил от Елены. Джоах стоял у другого ее плеча. Судьба, постигшая их родную долину, потрясла его не меньше. Хотя смерть Грешюма и сделала его моложе, сейчас он опирался на свой посох, обремененный тяжестью на сердце.

По всему небу звезды медленно исчезали, их заволакивали облака – кромка приближающейся бури. В тучах танцевали

вспышки молний. Вскоре луна сядет, и ночь заявит свои права на долину, скрыв ужасное зрелище. Эррил смотрел, как Елена погружается в бездну отчаяния столь же глубокую, как та яма, что была вырыта в ее родной земле, и желал, чтобы буря поторопилась, чтобы она скрыла этот ужас от глаз его возлюбленной.

Джоах переступил с ноги на ногу и плотнее натянул плащ на плечи:

– Холодает. Возможно, нам следует спуститься.

Он бросил взгляд на Эррила поверх головы Елены, прося помочь, и кивнул ему, затем отвел Елену прочь от ограждения.

Она двигалась словно деревянная.

Налетел порыв ветра, и Эррил почувствовал, как первые капли дождя упали на его щеку, холодные и неприятные. Он взял Елену за другую руку.

– Нам надо отдохнуть, пока можно, – пробормотал он.

Вдвоем Джоах и Эррил повели Елену к люку на передней палубе.

Пройдя вперед, Джоах открыл дверь и знаком показал им проходить. Когда они шли мимо, он тихо сказал Эррилу:

– Позаботься о моей сестре.

– Сделаю все, что смогу, – ответил Эррил, не в силах дышать от волнения.

Джоах остался у двери.

– Прежде чем лечь, я отправлюсь с Толчуком – убедиться, что кланы огров собрались.

Эррил кивнул и повел Елену в ее каюту. Она не сказала ни слова. Она, казалось, снова стала той маленькой девочкой, которую он однажды спас в этих самых землях – столь же онемевшая, столь же измученная.

В каюте ярко горели угли в маленьком очаге, и тепло растопило холод почти мгновенно. Эррил отвел Елену к кровати, затем нагнулся, чтобы помочь ей снять сапоги.

– Я могу сама, – наконец сказала она и стряхнула упрямый сапог с ноги. Ее голос был не таким потерянным, как ожидал Эррил. Она справилась со вторым сапогом, и он со стуком упал на пол. За этим звуком последовал долгий вздох.

– Ты в порядке? – спросил Эррил, стоя на одном колене.

Елена медленно кивнула, но ее нижняя губа дрожала.

Он поднялся и скинул свои сапоги.

– Нам следует вздремнуть, пока можно, – сказал он мягко.

Елена стянула свою куртку из кожи теленка, а он скинул свой плащ. Постепенно они оба избавились от одежды и стояли теперь в одном нижнем белье. Елена развязала пояс на талии, теперь ее льняная сорочка свободными складками укрывала ее от плеч до середины бедра.

Эррил отодвинул меха и тяжелое шерстяное одеяло. Он повернулся, чтобы предложить ей лечь в постель первой, но увидел, что она смотрит на него. Прежде чем было произнесено хоть слово, она мягко толкнула его на кровать. Ее руки скользнули под его рубашку, ее ладони были теплыми на его все еще холодной коже. Елена коснулась пальцами его груди и начала стягивать его рубашку.

Он поймал ее руки:

– Елена...

Они не спали обнаженными вместе с той ночи, когда она замерзала на поляне силура.

Она уверенно высвободила руки и продолжила снимать его рубашку, стянула ее и отбросила прочь.

Он смотрел в ее глаза и видел, что ей нужно. Она развязала завязки на своей сорочке. Льняная рубашка упала, соскользнув с ее плеч и грудой ткани упав к ее ногам. Елена переступила через нее, обнаженная, женщина потрясающей красоты. Сияние огня омывало ее кожу, словно поток жидкого света, окрашивая ее в теплые тона, от изгиба шеи до ложбинки между ее грудями, до округлости ее бедер.

Она пришла к нему во всей своей женственности, и он не мог ни дышать, ни произнести хоть слово. Он издал звук, который был чем-то средним между попыткой утопающего вдохнуть и стоном желания.

Стоя перед ним, она коснулась его снова: его щеки, его шеи, ниже – его руки. Взяв его руку, она положила ладонь на свой живот.

Он наконец смог заговорить:

– Елена, мы не должны... не так... не сейчас...

За стеной прогрохотал гром, напоминая о неумолимо надвигающейся войне. Весь корабль содрогнулся.

Елена скользнула на кровать рядом с ним.

– Почему? – прошептала она, не обращая внимания на его слова.

– На рассвете начнется битва. Мы должны...

Она укутала их обоих мехами и потянула его в гнездо из подушек и одеял. Прикосновение ее кожи сделало причину ничего не значащей.

– Почему? – повторила она у его уха.

– Война...

– Нет, – перебила она снова, ее губы коснулись нежной кожи под его ухом. – Причина в твоем сердце.

Эррил закрыл глаза, чувствуя, как дрожь желания пронзает его от кончиков пальцев до самой его сути. Он старался говорить без стона:

– Я не знаю, о чем ты.

Она передвинулась так, чтобы заглянуть в его глаза. Там пылали золотые искры.

– Ты знаешь, – проговорила она хрипло. – Я знаю. Это было между нами, невысказанное, слишком долго.

Он мог думать лишь о ее груди в его руке, но он знал.

– Я... я стар... слишком стар, – это прозвучало поспешно, словно слова приносили ему облегчение. – Я живу свыше пяти веков.

Елена вздохнула:

– А я слишком юна.

Он открыл глаза и обнаружил, что может вновь говорить.

– Несмотря на твое женственное тело, ты все еще лишь девочка пятнадцати зим, – он не мог скрыть стыда в своем голосе.

Она печально смотрела на него:

– Пятнадцать зим? Возможно. Но в эти последние зимы не только магия превратила меня в женщину. На этом пути я убивала и врагов, и тех, кого я любила. Я вела армии к победе и поражению. Я вошла в сердце тьмы и пережила самую смерть. И на этом пути я научилась....– слезы наполнили ее глаза, – я научилась любить... тебя.

– Елена... – он обнял ее, прижав крепко к себе.

– Что значит количество зим? – прошептала она. – Моя душа намного старше, чем те немногие зимы, на которые меня состарило заклинание, – она судорожно всхлипнула. – И ты... твой дух закалился в трудностях, на которые обрек тебя мир, когда ты был едва ли старше, чем я сейчас. Твое бессмертие не просто остановило твой возраст... оно остановило твое сердце.

Эррил лежал рядом с ней и не мог ничего возразить на ее слова. Даже когда Кровавый Дневник был выкован в Винтерфелле, он шел по миру на шаг в стороне от остальных. Спустя столетия, он прошел тысячи дорог и сражался в бессчетных битвах на безымянных полях, но лишь то краткое время, которое он провел с Вирани, заставило растаять лед бессмертия, сковавший его сердце. Но после этого он позволил своему сердцу ожесточиться снова.

Эррил взял лицо Елены в свои ладони. Он пристально смотрел на женщину, лежащую в его объятиях. Действительно ли они столь далеки по возрасту? В ее глазах он наконец увидел истину. Глубину печали, подлинный возраст женщины, которая смотрела на него...

– Эррил...

– Т-с-с...

Он приподнялся, и она оказалась под ним. Теперь он смотрел сверху вниз на женщину, которую любил, – на женщину, которую хотел любить. Впервые за то время, что он спал с ней в одной кровати, он позволил своему желанию прорваться наружу. Этот огонь пылал в его сердце и во всем его теле. Он выдохнул, удивившись силе собственных чувств.

Он наклонился и поцеловал ее, чувствуя, что перестает себя контролировать. Теперь был ее черед потрясенно выдохнуть – ее губы раскрылись, и их дыхание смешалось. Их руки обнимали друг друга, словно стальные, а их пальцы удерживали друг друга еще крепче.

Гром прогремел где-то далеко вверху, и шквал дождя обрушился на деревянную обшивку судна – по звуку это напоминало ливень из стрел. Корабль задрожал и накренился, захваченный врасплох внезапно налетевшим штормовым ветром.

Но никто из них не заметил этого в кольце рук, в сердце друг друга.

Эррил наконец прервал поцелуй, и его губы спустились на ее шею, на ее грудь. Она выгнулась ему навстречу, вскрикнув.

– Елена... – простонал он вместе с ней. Он поднял глаза на мгновение, чтобы встретиться с ней взглядом. Он словно поднялся на гребне волны и вот-вот должен был упасть в бездну. Он в последний раз искал в ее глазах предупреждение, отказ – знак, чтобы отстраниться. Но все, что он видел там, – та же страсть, что пылала и в нем самом, огонь, расплавивший границы между ними.

Слова были не нужны в это мгновение, но Елена все равно сказала их:

– Не спасай меня... просто люби.

– Всегда... – ответил он, погружаясь в нее. – Всегда и навеки.

В лиге оттуда на выступе скалы Грешюм наблюдал за швыряемым бурей кораблем, сидя верхом на своем чалом мерине. Он изучал свою цель.

Стальной киль «Феи Ветра» был ярким огнем в ночи. Молния на краткий миг освещала убранные паруса и залитые дождем мачты. Корабль крутился и прыгал на ветру, словно пробка, подхваченная бурей. Грешюм едва мог видеть светящуюся лазурным светом фигуру на кормовой палубе – капитана, боровшегося со штормом, как он предполагал. Остальные, должно быть, находились внизу, пережидая ненастье и ожидая рассвета.

Грешюм улыбнулся, когда порыв ветра задел ветви дуба, под которым он стоял, и окатил его водой. Он перехватил поудобнее посох и высушил свою одежду и тело при помощи легкого заклинания, затем создал магический щит, чтобы защитить себя от холода и дождя.

Приятно было снова распоряжаться своей силой. Он взглянул на чудовище, скорчившееся под прикрытием его лошади. Дождь стекал по серой коже коротышки-гоблина, его заостре-

ные уши трепетали на ветру. Рукх дрожал. Ребра отощавшего гоблина торчали наружу, и он прихрамывал. Чудовищу пришлось несладко, когда он торопился через лес, чтобы встретить своего хозяина там, где было приказано.

Освобожденный Джоахом, Грешюм направился на запад, чтобы оказаться за пределами действия чар книги – потребовалось проехать почти пять лиг. Он понял, когда освободился от привязи Чо. Словно что-то вспыхнуло в нем, и он ощутил, что свободен, а его магия снова подвластна ему.

Освободившись окончательно, было нетрудно найти Рукха и встретить гоблина. Он с облегчением увидел, что зверюга по-прежнему несет его посох. Пока что это была лишь пустая кость, но он бы потратил драгоценное время, изготавливая новый. Он с благодарностью взял посох и наполнил его простой энергией – дровосек и его семья оказались на удивление прекрасным источником силы. При помощи Рукха он переместил кровь из их сердец в костный мозг посоха. Самый маленький из детей, паренек всего трех зим отроду даже имел искорку стихийного огня. Оживленный этой на удивление питательной энергией, посох был наполнен магией. После этого Рукх смог обглодать мясо с костей дровосека – для гоблина это стал первый нормальный обед за долгое время.

Восстановив силы, они оба вновь направились на запад вслед за Тенью Осоки, мечом ведьмы. Грешюм использовал магию, чтобы копыта его коня летели через леса. Он промчался над перевалом, чтобы приблизиться к марширующим армиям и следовать за ними, при этом оставаясь невидимым. К наступлению ночи он увидел корабль.

Как он и ожидал, его магия осталась с ним. Однажды разрушенные, иссушающие чары Чо не могли восстановиться сами собой. Потребовались бы новые чары, чтобы еще раз связать его с книгой, а этого он не допустит.

– У меня будет мой меч, – пообещал он ночи.

Его план был несложен. Во время суматохи завтрашней битвы он просто использует черный портал, чтобы проникнуть на корабль, схватит меч и будет таков, прежде чем кто-нибудь что-нибудь заметит. Он не решился рискнуть этой ночью. Накану-

не битвы все должны быть очень настороженны. Нет, он будет терпелив. Он не упустит этот единственный шанс заполучить Тень Осоки. Если у него будет такой клинок, никто не посмеет встать у него на пути – ни Шоркан, ни даже сам Темный Лорд.

Грешюм облизнул губы. Меч способен разрушать любое заклинание, и потому никто не сможет прикоснуться к нему. Спустя пять веков он наконец-то будет свободен!

Вспышка молнии расколола небесную высь до самого горизонта. Мир явился из темноты, сияющий серебром, застывший во времени.

«Фея Ветра» казалась горящим светильником в ночи.

Глаза Грешюма сузились. Чувствительный ко всему магическому, он ощутил, как что-то очень сильно изменилось в мире. Грешюм задержал дыхание, ошеломленный.

Затем молния погасла, забрав с собой мир, оставив лишь бесконечный рокот грома. Лес вокруг него показался темнее, чем за секунду до этого.

Несмотря на свои защитные чары, Грешюм дрожал. Что-то изменилось в мире в этот момент... но что?

Он повернул коня и помчался в глубь леса.

Нет, эта ночь не подходила для осуществления задуманного. Завтра наступит скоро.

Перед рассветом Елена лежала в гнезде из мехов и одеял, прислушиваясь к завыванию ветра и грохоту грома. Огонь в очаге прогорел и угли потухли, оставив комнату в темноте. Эррил спал, свернувшись рядом с ней.

Она не могла спать. Она лежала рядом с мужчиной, которого любила. Его кожа все еще хранила ее тепло, и биение его сердца все еще раздавалось в ее ушах, словно эхо. Ей бы хотелось, чтобы это мгновение длилось вечно, хотя она знала, что мир призовет их обоих снова.

Она смотрела в темноту, прислушиваясь к теплой боли внизу живота, вспоминая, пытаясь понять, что произошло.

Когда они соединились этой грозовой ночью, Эррил двигался медленно, несмотря на свою всепоглощающую страсть. Ее девственная кровь пролилась с короткой острой болью, ее крики

заглушили губы Эррила. Затем он начал двигаться в ритме, которому она постепенно подчинилась – сначала неохотно, затем с все возрастающей страстью. Этот миг тянулся бесконечно, он не имел времени, и волна проходила сквозь нее, превращаясь в крик свободы и радости, невозможную смесь боли и удовольствия. Эррил ответил на ее крик своим собственным, и он громом прозвучал в ее ушах.

Именно в этот момент мир осветила вспышка молнии. Слепящий свет прорвался через маленькое окно, словно сверкающее копье, и обратил все в серебро. Глаза Елены были закрыты, но каким-то образом она увидела все во вспышке света: Эррила, застывшего над ней, его лицо, превратившееся в серебряную маску, его рот, открытый в изумлении и радости, и приподнятые брови.

И в этот сверкающий миг мир вокруг нее разлетелся на кусочки. Она затерялась в серебристой паутине всего живого. Ее тело обмякло, она задыхалась в руках Эррила. Она слышала тысячи голосов, чувствовала все чувства, что существовали в мире, видела миллионы лиц – слишком много, чтобы осмыслить, но каждое она видела ясно, словно в гранях кристалла. И в центре бесконечной паутины она ощущала присутствие чего-то огромного, медленно повернувшегося в ее сторону. Чо некогда предупреждала ее остерегаться этой беспредельности. Но сейчас, на волнах страсти, Елена покинула свое тело и тотчас же была втянута обратно.

Не было пути к спасению.

Затем молния еще раз прочертила небо, и когда она потухла, раздался такой удар грома, что киль корабля затрясся. Елена вновь оказалась в своем теле, снова в своей постели, снова в объятьях Эррила.

И Эррил, тоже освобожденный, упал на нее, поцелуем возвращая ее к реальности, но Елена была слишком потрясена, чтобы говорить. Слезы стекали по ее щекам. Она была на волоске от того, чтобы потеряться, быть уничтоженной в момент наивысшей силы их разделенной любви.

Эррил не понял причины ее слез, целуя ее, как любой другой любовник.

– Я люблю тебя, – прошептал он ей на ухо.

Но тысячи голосов из паутины продолжали эхом звучать в ее голове, заглушая его слова. Она притянула его к себе.

– Обними меня, – прошептала она. – Не покидай меня.

Он сделал то, что она просила, обвив ее руками, обхватив своими сильными ногами. Она лежала рядом с ним, вдыхая мускусный запах его прохладной кожи, чувствуя его дыхание, когда они проваливались в мягкую дремоту.

Теперь, оставшись наедине со своими мыслями и тревогами, ощущая вздрагивающий корабль под собой, она закрыла глаза, не желая видеть приближающееся утро. Давным-давно о ее путешествии возвестила ее первая месячная кровь. Теперь, когда пролилась ее девственная кровь, она чувствовала, что конец войны близится.

– Круг завершается. От первого кровотечения к первой крови...

Елена лежала в объятиях Эррила. Их руки и ноги переплелись, и тепло их тел размывало границы, где заканчивается один и начинается другой. Однако Елена никогда не чувствовала себя более одинокой. Близился конец всего, и, по словам Сизакофы, ей придется встретить его в одиночестве. Но какова будет окончательная судьба мира?

От крови до крови... где же все закончится?

Книга шестая

Самая долгая ночь

Глава 23

Каст ждал, пока Сайвин поднимут из ее камеры внизу. Стоя на палубе «Сердца Дракона», он видел, как на востоке забрезжил серый рассвет. Вокруг было странное море из льда и пламени, туманы плыли над водой, а небо оставалось затянутым темными тучами, смесью бури и дыма. Было почти невозможно отличить день от ночи.

Но, несмотря на темноту, над ними разгорался день.

В отдалении прозвучали рога, призывая к оружию. Паруса хлопали над головой. Объединенный флот полным ходом направлялся в Блэкхолл: эльфы по воздуху, Дреренди по морю, мираи под водой. Последняя великая битва вот-вот должна была разразиться.

За его спиной послышались звуки потасовки. Распахнулась крышка люка. Он обернулся и увидел Сайвин между двумя Кровавыми всадниками, со связанными запястьями и лодыжками. Она вырывалась, плевалась и выкрикивала проклятья. Ее притащили к нему, совершенно сумасшедшую. Пока надвигалась война, у него была своя битва.

– Мы сожрем ваши сердца! – крикнула она стражам. Но когда ее глаза встретились с глазами Каста, она затихла. На ее губах медленно расцвела улыбка, холодная и омерзительная.

– Сайвин, – проговорил он, не обращая внимания на зло, представшее перед ним. – Пришло время пробудить Рагнарка.

Она смотрела на него горящими безумием глазами. С приближением тени Блэкхолла ее неистовство усилилось. Она расцарапала собственное лицо, теперь кровоточащие раны покрылись коркой. Ее губы были искусаны в кровь.

– Сайвин...

Его сердце болело, когда он смотрел на нее. Каст кивнул мужчинам.

Они развязали ее запястья, и один из стражей с силой прижал ее руку к щеке Каста. Ее пальцы на драконьей татуировке были холодными, и ногти вонзились в его кожу.

– Ее больше нет! –послышалось завывание из ее горла.– Она моя!

Каст не обратил внимания на эту ложь. Он бы знал, если бы Сайвин действительно погибла. Два сердца было в его груди: дракона и человека, оба были связаны с женщиной мираи. Он смотрел в горящие безумием глаза:

– Сайвин, вернись ко мне.

Смех разнесся над палубой.

– Вернись ко мне... в последний раз.

С приближением Блэкхолла щупальца сималтра укоренились глубже в ее черепе, но Касту было нужно, чтобы Сайвин высвободилась на одно мгновение и пожелала его трансформации.

Он закрыл глаза и поднял руку. Он отвел в сторону пальцы стражника, заменив руку мужчины своей собственной. Он прижал свою щеку к ее ладони, сплетя свои пальцы с ее.

– Сайвин, любовь моя, сердце мое... – он не стыдился показывать такую привязанность перед стражами. Он не мог сейчас позволить себе обычную бесстрастность Дреренди. – Один последний раз...

Скрюченные пальцы на его руке внезапно расслабились. Он почувствовал, как нежное тепло наполняет ее ладонь.

– Отойдите, – предупредил он стражей.

Внезапно освободившись, Сайвин упала в его объятия. Ее голос был голосом новорожденного котенка – слабым мяуканьем.

– Каст...

Он открыл глаза и увидел женщину, которую любил. Он наклонился, чтобы поцеловать ее, но между ними вспыхнуло пламя магии, разделив их, когда большее сердце одержало верх и поглотило Каста. Он упал в темноту, и его чувства растворились в чувствах дракона.

Но он сохранил в своем сердце секрет, слова, которые сказала ему Шишон: «Дракон должен умереть». Это было лишь его бремя. Он знал, что это действительно последний полет Сайвин. Каст знал, что будет делать, когда она вернется на «Сердце Дракона» и освободит его. Не было способа убить Рагнарка – точнее, был только один способ.

Он был уверен, что в предстоящей осаде лучше будет пролить свою кровь на южных берегах острова. Он использует свое тело и жизнь, чтобы проложить дорогу в вулканическое логово Темного Лорда. Только благородно погибнув в битве, он сможет честно убить Рагнарка. Если он умрет, то умрет и дракон внутри него.

Единственное, о чем он жалел, – что вместе с драконом умрет и та магия, которая может освободить Сайвин из ее темной тюрьмы. Но в глубине души он знал, что она уже близка к тому, чтобы погибнуть: монстр в ее черепе становился все сильнее. Как он не мог избежать судьбы Рагнарка, так и она не могла спастись от собственного черепа.

Он тонул в темноте, которой был дракон, уверенный в своем решении: «В этот день я умру».

Сайвин прильнула к своему дракону. Ее плечи вздрагивали в безмолвных рыданиях. «Свободна!» – пело ее сердце, но глубоко в душе она была в отчаянии из-за Каста. Короткий миг она касалась его, ощущая его щеку под своей ладонью, видела, как он склонился, чтобы поцеловать ее, и затем исчез в вихре чешуи и ветра, похищенный древними чарами. Она не могла найти равновесия между отчаянием из-за потери и радостью освобождения. В ее душе разразилась буря, и ее тело сотрясали рыдания.

«Связанная, – мягко сказала ей Рагнарк, – он не потерян для тебя. Он здесь, с нами».

Сайвин погладила своего огромного скакуна. Они разделяли ощущения, но дракон не мог проникнуть в глубины ее сердца и понять естественную для женщины необходимость коснуться любимого. Ласка значила больше, чем тысячи слов, и поцелуй был песней без конца.

Но все это было отнято у нее. Боль от этого была едва ли не хуже, чем заключение в собственном черепе.

Она подняла лицо навстречу темному утру. Туманы нависли над морем, скрывая корабли поблизости. Над водой разносился голос рога. Она глубоко вдохнула. Она знала свои обязанности в этот день: лететь на грязные песчаные берега Блэкхолла и разузнать об их защите. Она выполнит свой долг, затем вернется в свою тюрьму, ожидая, когда ее призовут снова.

Ее позвали. Она обернулась и увидела мастера Эдилла, быстро идущего к ней, опираясь на трость. За ним следовали двое детей: Шишон и Родрико.

– Сайвин! – пропыхтел мастер Эдилл, от его рта поднялось облачко пара – утро было ледяным. – Просьба!

Она улыбнулась старцу, который был для нее и воспитателем, и дедушкой.

Когда он подошел, его брови сошлись вместе:

– Дитя, ты в порядке?

Она вытерла последние слезы:

– Тебе следует быть внизу. Мы направляемся в темные моря.

Он нахмурился:

– В этот страшный день нет безопасного места. И у меня просьба, пока ты еще здесь с драконом.

Шишон подошла к нему справа, Родрико – слева. Мастер Эдилл погладил Шишон по голове:

– Дети слышали о твоем полете и умоляли, даже, скорее, ужасно изводили меня, чтобы я взял их к тебе.

Сайвин подняла бровь:

– Чего они хотят?

– Может быть, они скажут сами.

Мастер Эдилл подтолкнул Шишон вперед и положил руки на ее маленькие плечики:

– Давай. Скажи ей.

Глаза Шишон расширились, став большими, словно блюдца, когда дракон нагнул голову, чтобы рассмотреть троицу.

«Это дитя ездило с нами прежде», – послал Рагнарк мысль Сайвин. Он с шумом выдохнул воздух, и Шишон взвизгнула. Родрико попятился, спрятавшись глубже в плаще мастера Эдилла.

– Не бойся, маленькая, – сказала Сайвин. – Он не причинит тебе вреда. Что ты хотела сказать мне?

Шишон не сводила глаз с огромного дракона.

– Я... мы.... Родди и я... мы хотим, чтобы ты взяла кое-что в то место, где вулкан.

Сайвин нахмурилась:

– Я не уверена, что смогу.

Мастер Эдилл перебил ее.

– Выслушай сначала ребенка, – настаивал он. Он высвободил Родрико из складок своего плаща и подтолкнул паренька вперед. Родрико сжимал маленькими пальчиками веточку с единственным цветком на ней. Сайвин слышала историю мальчика: этот тоненький стебелек связывал его с деревом на острове.

Когда Родрико встал рядом с ней, Шишон выпрямилась, явно стараясь перед мальчиком выглядеть смелой:

– Мы хотим, чтобы ты взяла цветок Родди к вулкану.

Непохоже было, чтобы Родрико одобрял ее план. Он прижал ветку крепче к груди.

Глаза Сайвин сузились, и она перевела взгляд с детей на мастера Эдилла:

– Но Родрико нужна магия цветка. Она поддерживает в нем жизнь.

Ответ пришел не от старца, а от Шишон:

– Родди теперь не нужен цветок! – сказала она, всплеснув руками, явно расстроенная. – Он уже уколол палец. Ему не будет плохо.

– Успокойся, – сказал девочке мастер Эдилл.

Шишон сделала глубокий вдох, затем вздохнула:

– Цветок должен попасть в дым. Так сказал папа.

– Я не дам мой цветок, – пробормотал Родрико.

Шишон повернулась к мальчику:

– Тебе придется. Нам придется помочь Ханту.

Родрико нахмурился, но его нижняя губа задрожала от подступающих слез.

– Я все равно не хочу отдавать ей мой цветок. Он мой, не твой и не ее. Он только мой.

Сайвин смотрела на ссорившихся детей:

– Мастер Эдилл, мне действительно нужно отправляться.

Он кивнул, разнимая детей.

– Я знаю. Но я думаю, нам следует послушать девочку. Шишон сильна в морской магии и может предвидеть грядущее. Ее сны велели ей привести Родрико сюда, и это как-то поможет Ханту.

– Я не понимаю как...

– Я тоже. Но дитя связано с сыном Верховного Килевого. Ее способности связаны с его судьбой. И поскольку ты все равно направляешься на остров... – Он пожал плечами. – Риск невелик.

Несмотря на сомнения, Сайвин позволила затеплиться в своем сердце искорке надежды. Если был способ помочь Ханту, может ли он помочь и ей тоже? Она медленно кивнула:

– Что я должна сделать с цветком?

Губы Шишон сложились в серьезную линию.

– Тебе придется взмахнуть цветком над вонючим дымом, выходящим из земли. Вот так! – она помахала рукой в воздухе.

Сайвин бросила взгляд на север, где тусклое свечение отмечало вершину вулкана.

– Это все?

– Это то, что сказал мне мой папа.

Сайвин повернулась, нахмурившись:

– Твой папа?

Мастер Эдилл кивнул:

– Ее сны.

Он опустился на колени рядом с Родрико и заговорил с мальчиком:

– Ты позволишь Сайвин взять твой цветок на остров?

Родрико надул губы:

– Это мой цветок.

Мастер Эдилл похлопал мальчика по щеке:

– Конечно. Она очень скоро принесет его обратно. Я обещаю.

Шишон ударила мальчика кулаком по руке:

– Отдай его, Родди. Прекрати вести себя как младенец!

Он возмутился:

– Я не младенец! – Затем он протянул ветку старейшине мираи. Мастер Эдилл взял ее из его дрожащих пальцев.

– Смотри! – крикнул Родрико Шишон. – Я не младенец!

Они пристально смотрели друга на друга.

Мастер Эдилл осторожно обошел край сложенного крыла дракона, чтобы подойти к Сайвин, и протянул ей цветущий стебелек:

– Будь осторожна.

Рагнарк смотрел, как она взяла отломанную ветвь и осмотрела тяжелый цветок. Пурпурные лепестки окаймляли пламенеющие сердца. Сайвин не чувствовала в них магии. Ее глаза встретили взгляд мастера Эдилла. Он должен был прочитать в них сомнение.

Он пожал плечами:

– Я знаю. Выглядит глупо. Они всего лишь дети. Это может быть просто фантазия Шишон. Однако...

Он оглянулся на детей.

– Что?

Мастер Эдилл вновь посмотрел на нее:

– Этим утром Шишон знала, что ты собираешься на остров. Сколько человек знали о твоем задании?

– Может быть, она услышала, как кто-то обмолвился.

Мастер Эдилл приподнял бровь:

– На корабле Кровавых Всадников? – он вздохнул.– Я не знаю. Возможно, ты права. Но, кажется, стоит рискнуть.

Она кивнула:

– Да, – она засунула стебель за пояс своих брюк. – Если есть хоть какой-то шанс помочь Ханту... тогда стоит попробовать.

Мастер Эдилл отошел назад:

– Будь осторожна.

Сайвин сделала глубокий вдох:

– Буду. – Она погладила шею своего дракона. – И ведь я не одна.

Старец отвел детей с дороги дракона.

«Мы можем идти?» – спросил Рагнарк раздраженно, вдыхая порывистый ветер. Сайвин чувствовала в его душе стремление лететь свободно после столь долгого заключения внутри Каста.

«Лети, душа моя, лети».

Ноги дракона распрямилась, перебрасывая их через палубное ограждение, и радость дракона пронзила Сайвин. Крылья широко раскрылись и поймали утренний ветер.

Рагнарк взмыл в небо. Море внизу было смесью клубящегося пара и плавучих льдин, окруженных холодным туманом. Рагнарк обогнул один из кипящих омутов, чтобы поймать теплый восходящий воздушный поток. Они взмыли ввысь по крутой спирали.

Со спины дракона Сайвин видела сотни парусов, плывущих на север, скользя сквозь утренние туманы, подобно стае бледных акул. Над ее головой рдели пылающие кили эльфийского флота, словно маленькие солнца в тумане. Капитан ближайшего корабля заметил ее и помахал рукой.

Она узнала его и отсалютовала в ответ. Затем они ушли вперед, тоже направляясь на север. Рагнарк взлетел над полосой тумана. Серое утро стало немного светлее, но пелена облаков по-прежнему заволакивала солнце, едва пропуская его свет.

«Плохая гора», – мысленно прорычал Рагнарк.

Сайвин посмотрела вперед. Над полосой тумана ей открылся широкий вид во всех направлениях, но на севере мир заканчивался чудовищным черным пиком. Он вздымался из туманов, устремляясь к пелене облаков и выбрасывая дым из жерла. Дым уходил извивающимся столбом в небо. Из трещин на склоне также поднимался черный дым – словно по краям выползали с шипением маленькие змеи. На черных склонах пылали алые огни. Некоторые – из природных веществ и лавы, выходившей на поверхность из расплавленного сердца мерзкой горы. Другие были отсветами факелов, расположенных в туннелях: огни в окнах, на балконах, у постов караула.

Говорили, что внутри пустотелой горы количество помещений исчисляется тысячами.

Несмотря на его зловещую, наполненную ужасами историю, нельзя было отрицать величие пика, его затянутых дымом склонов. Даже края жерла вулкана были превращены в башни и зубчатые стены. Глядя на их изломанные формы, трудно было сказать, что здесь было построено обычным способом, а что вырезано темной магией и когтями чудовищ.

Сайвин посмотрела на север, в пылающий внутренний жар пика. Это было не чистое тепло солнца Архипелага, а болезненный зной лихорадки. Сам воздух источал зловоние – но не просто серы, а чего-то намного более отравительного – мяса, оставленного гнить. Желудок Сайвин сжался. Покрывало из туманов и льда внизу начало расходиться. Снова стало видно море: темные воды, гладкие и спокойные. Их полет продолжался, и вскоре они оставили флот далеко позади.

«Держи высоту», – предупредила она своего скакуна: ведь теперь они были одни на территории врага. Рагнарк взмыл вверх в наполненном паром воздухе, скользя, просто изменив угол наклона крыльев – он старался свести к минимуму свои движения, чтобы привлекать меньше внимания. Но море внизу оставалось пустынным, не было видно ни единого корабля.

Где же войска Темного Лорда?

Они неслись вперед и увидели кольцо отмелей, окружавших остров. Высокий неровный хребет из рифов назывался Короной Блэкхолла. Рифы окружали пик, на целую лигу протянувшись от черных песчаных берегов – непреодолимая созданная морем стена, столь же высокая, как стены замка на Алоа Глен. Иззубренные бастионы прерывались лишь в одном месте – там, где в скалистых отмелях была узкая брешь. За хребтом лежала гигантская лагуна, окружающая остров.

Был только один способ узнать, что лежит внутри, и это была цель Сайвин. Эльфийским кораблям недоставало скорости для столь близкого наблюдения. Только ей и Рагнарку была по силам подобная разведка

Они пронеслись над Короной и оказались над лагуной. Сайвин нахмурилась. Лагуна была так же пуста, как и море до этого.

Искусно выстроенная гавань спускалась к воде с южных склонов – сотни пирсов и причалов; потребовалось бы постоянное движение кораблей с провизией, чтобы прокормить и обеспечить город такого размера. Но гавань была пуста. Ни единого корабля, даже ни единой лодки не было привязано у пирсов. Ни единой живой души.

Несмотря на жар пика, по коже Сайвин прошел холодок.

За гаванью к подножию пика прилепился маленький поселок, где жили рабочие и моряки. Хотя ведение дел здесь было прибыльно для многих, огромное число людей страшилось ступать на землю Блэкхолла. Так что гостиницы, магазины, публичные дома и прочие развлечения ютились на каменистом берегу между гаванью и Южными Вратами. Но даже здесь путаница улиц и переулков была пустынна.

Где же все?

Поскольку союзные войска перерезали линии снабжения острова, как только вошли в эти воды, здесь должно было оказаться в ловушке множество кораблей. А поселок должен быть полон людей.

За на скорую руку отстроенным поселением над гаванью разверзлись Южные Врата – расщелина в горе в четверть ее высоты. Ни свет из отверстий в горе, ни потоки лавы, ни окна не могли осветить мрак у врат. Ни решетка, ни какое-то другое заграждение не закрывали проход в сердце Блэкхолла. Он был открыт и поджидал их.

«Ты можешь подобраться ближе?» – попросила она дракона. – «Связанная, я бы лучше улетел отсюда». – «Как и я, мой гигант. Но мы должны узнать, нет ли западни, поджидающей флот». У Сайвин не было сомнений, что ловушка здесь есть. Блэкхолл был подобен женщине, что лежит, широко разведя ноги. Но чем она больна? Где кроется опасность?

«Я постараюсь подлететь ближе», – сказал Рагнарк, его обычная напускная храбрость пропала бесследно. Она чувствовала его напряженность.

Дракон лег на крыло и камнем упал к гавани и открытым воротам за ней. Ветер завывал в ушах Сайвин. Рагнарк явно хотел быстро пролететь мимо, не более того.

Они промчались над корявыми прибрежными постройками и понеслись к Южным Вратам. Темная расщелина, ведущая в сердце Блэкхолла, возвышалась над ними. Она должна была быть не меньше четверти лиги в ширину у основания и в четыре раза больше в высоту.

Когда они подлетели к входу, сквозь завывания ветра до них донеслось низкое гудение, отзываясь глубоко в груди. Оно пришло из-за арки входа и набегало дрожащими волнами.

Рагнарк начал поворачивать, испуганный звуком.

«Нет, – послала она ему мысль. – Немного ближе».

Он послушался, и они влетели в зубы гудения. Оно сбивало с ног, словно сильный ветер. Голова Сайвин разболелась, а другие звуки зазвучали приглушено.

Но глубоко внутри ее черепа что-то зашевелилось. Появились странные ощущения. На мгновение она почувствовала аромат цветущих водорослей; затем перед ее глазами вспыхнули разные цвета; потом она услышала пение, старую колыбельную, что пела ее мать; даже легкое прикосновение к груди – прикосновение Каста.

Она выдохнула, потрясенная множеством ощущений, прошедших сквозь нее. Она знала, в чем источник этой внутренней бури; она пришла от притаившейся в ее черепе твари, взбудораженной гудением.

«Моя связанная?..» – полет дракона стал неровным.

«Осторожно», – послала она мысль своему скакуну. Она не позволит сималтра отвлечь ее от цели. Она напряглась, стараясь увидеть, что лежит за мраком врат, но темнота была непроницаемой. Она знала, что не осмелится подойти ближе. Но как только она начала отдавать Рагнарку приказ уходить, темнота подернулась рябью. Сначала она думала, что это обман зрения, но не была в этом уверена. Она сосредоточилась, пытаясь пронзить взглядом темную пелену. Если бы она могла увидеть, что там...

«Связанная! Берегись!» – зрение дракона наложилось на ее собственное, заостряя его и делая кристально четким.

Тогда она тоже увидела это, и ужас сжал ее сердце.

«Уходим!» – крикнула она своему скакуну.

Дракона не нужно было упрашивать. Рагнарк взмыл по крутой спирали. Когда он начал подниматься, на ее плечи упало огромное давление. Сайвин оглянулась на вход, глядя по-новому открытыми глазами. То, что таилось за вратами, не крылось внутри темноты – оно было самой темнотой. Она вновь увидела черную рябь. Лоснящееся, оно заполняло чудовищные врата от основания до вершины – масляная пленка, заполняющая дыру от края до края.

Они спасались бегством, и Сайвин чувствовала, что существо смотрит на нее, древнее, зловещее, хранящее бдительность.

– Торопись, – выдохнула она в ветер.

Затем они миновали расщелину и взлетели над черным вулканическим камнем. Сайвин обхватила дракона за шею. Она удивлялась спокойствию своего скакуна после того, как они увидели, что заполняло врата внизу. Флот нужно было предупредить.

«Назад на корабль!»

Рагнарк лег на крыло и устремился вниз к юго-восточным склонам пика, держась подальше от южного входа и караульной башни над ним. Сайвин наконец вновь смогла дышать. Она крепко обняла своего дракона, и он заскользил над дымящими трещинами и светящимися расщелинами.

Только тут она вспомнила про свое обещание. Она выпрямилась и вытащила цветок Родрико из-за пояса. Она обещала, что взмахнет цветком в дыму, выходящем из пика. Сайвин думала, что ей уже не удастся сделать это, но тут она заметила нагромождение валунов у основания склона, откуда спиралью выходил дым. Это было как раз по пути.

«Рагнарк, к дыму впереди!» – передала она ему свое желание.

Он заревел в ответ, показывая, что следует ее безмолвным приказам. Он ушел в сторону, и ее ноги плотнее обхватили его шею. Он скользил под углом, намереваясь пройти рядом с темным столбом. Сайвин вытянула руку так далеко, как могла: они не осмеливались сами коснуться тошнотворного дыма. Не только потому, что он мог содержать горящий пепел, но и потому, что никто не мог сказать, какая жуткая магия крылась в этом темном потоке.

Сайвин провела цветком рядом с клубящимся дымом. Ветер взметнул ее волосы. Она ощутила жар, но удержала руку вытянутой. Только легкое касание, пообещала она себе; затем они уйдут отсюда.

Ее мысль была услышана драконом. Проявляя несравненное искусство полета, Рагнарк оказался рядом с дымом – достаточно близко, чтобы Сайвин коснулась его пальцами, но достаточно далеко от самого столба.

Она держала цветок, когда они пролетали мимо. Ее рука скрылась в дыму. И тут же руку охватил жар – словно она сунула кулак в ревущее пламя очага. Но, что было хуже всего, ожог распространился внутри ее головы, отчего ее зрение помутилось.

Ослепленная, она почувствовала, как дракон споткнулся в полете. Они закувыркались в воздухе. Задыхаясь, она прижала к себе раненую руку.

Затем они сильно ударились о землю.

От удара Сайвин не удержалась на драконе и пролетела по воздуху, пока не ударилась плечом обо что-то шероховатое, но при этом мягкое. Она перекувыркнулась и упала на землю. Зрение медленно вернулось к ней. Она встала на колени. Песок... черный песок...

Она подняла голову, и ее скрутила тошнота. Она схватилась за живот, который сводили сильные судороги. Желчь хлынула через ее рот и нос. Она стояла, согнувшись, невероятно долго, как будто все ее тело стало сжатым кулаком. Из нее вытекал поток крови. Он чувствовала кровь на языке, но тело не двигалось. Она качалась на волнах моря тьмы.

Затем ее, наконец, отпустило. Как тетива лука, натянутая слишком сильно и отпущенная, она упала на песок, задыхаясь, ловя ртом воздух. Ей потребовалось несколько вдохов, чтобы восстановить способность видеть. Сначала ей показалось, что она смотрит через линзы бинокля с другой стороны. Мир сжался до узкого туннеля. Все, что она видела, – темная полоска песка, лужицы воды, ползущие крабы. Приподнявшись на локте, Сайвин моргнула, и постепенно ее зрение расширилось.

Она заметила Рагнарка, лежащего невдалеке, распростертого наполовину на берегу, наполовину в воде на отмели лагуны.

– Рагнарк! – хрипло, с присвистом позвала она.

Он лежал безвольно в зеленых водах, не двигаясь, не дыша.

«Мертв», – возвестило ее сердце. Словно чувствуя ее горе, земля затряслась под ногами со зловещим рокотом.

Сайвин заставила себя встать на колени.

– Рагнарк! – ее крик эхом пронесся над пустынным берегом и взлетел выше, к неумолимым склонам Блэкхолла.

Она осталась одна.

Когда первые лучи солнца озарили небо, Тайрус стоял со своими людьми и генералом дварфов на вершине гранитного утеса. Внизу Каменный Лес обрывался, падая в море, словно хотел утопиться в серо-зеленых водах. Но с этого берега протянулась одним изогнутым пролетом вулканическая дамба, соединяющая остров с лесом. Это была их цель, дорога, ведущая к Северным Вратам.

Тайрус изучал вулканический пик, глядя в бинокль. Когда они только вошли в Каменный Лес, гора казалась безмолвным гигантом, светящимся в ночи огнями и потоками расплавленного камня. Теперь они оказались перед челюстями этого гиганта, открытыми и поджидающими их.

Северные Врата были чудовищным входом в пещеру, зияющей раной на склоне горы, темнее, чем черный камень, обрамлявший ее. Каменная дамба – Черная Дорога, как она называлась, – высовывалась оттуда к ним, словно омерзительный язык.

Тайрус опустил бинокль, нахмурив брови. Почему дорога и врата не охраняются? Что за ловушка поджидает их?

Тайрус оглянулся на армию дварфов, три тысячи сильных бойцов. Покрытые пеплом с головы до ног, колонны и шеренги дварфов все еще казались каменными. Но едва заметные движения разрушали впечатление, что это камень: перемещение щита, пальцы, сжимающие рукоять меча, блеск прищуренных глаз.

Внимание Тайруса привлек голос.

– Невозможно напасть на Блэкхолл неожиданно, – сказал Веннар. – Если они еще не знают, что мы здесь, они узнают это, как только мы выйдем на Черную Дорогу.

Блит почесал бритую голову:

– Нас будет отлично видно, а путь к острову не близок.

– У нас нет выбора, – пробормотал Тайрус. – Ксин прислал сообщение: флот даже сейчас движется к северным причалам. Мы должны отвлечь внимание Блэкхолла. Это наша единственная надежда.

Веннар заворчал, соглашаясь.

– Подготовь свои войска, – приказал Тайрус. – Сделаем так, как планировали.

Веннар кивнул, но Тайрус заметил страх в его глазах.

– Я молюсь, чтобы дара, который ты получил, оказалось достаточно, – сказал дварф.

«Придется ему быть достаточным», – подумал Тайрус про себя. Он оглядел воинов-дварфов. Все знали свой долг, знали, что встретятся со смертью, знали, что скоро их жизни будут в его руках. Он смотрел на свои пальцы в перчатках. Он молился, чтобы им хватило сил выдержать так много. Насколько проще быть пиратом, когда твои люди знают, что умрут кроваво и скоро. Сегодня так много жизней, жизней хороших людей, которых ждут семьи и будущее, зависели от него. Мог ли он быть тем принцем, который им нужен?

Веннар подул в свой рог, и они выступили. Пепел поднимался под тысячами сапог. Армия дварфов обтекала утес, словно река каменную глыбу, и спускалась со склонов по направлению к Черной Дороге. Махнув на прощание, Веннар спустился в этот поток, присоединившись к своим командирам, выкрикивая последние приказы.

Хурл подошел к Тайрусу, не отводя взгляда от потока вооруженных дварфов.

– Волхву следовало бы гордиться, – пробормотал северянин.

– Просто молись, чтобы гранит оказался достаточно крепок, чтобы выдержать то, что падет на наши головы сегодня.

Тайрус повернулся к остальным. Флетч уже сидел на своей низкорослой лошадке, бурой кобыле – под стать его загорелой коже. За его спиной виднелись два колчана со стрелами.

Блит привел еще двух лошадей, крепких, но невысоких. Лошади холмов, как назвал их Хурл. Он купил их у настороженного фермера, прежде чем они вошли в Каменный Лес.

Тайрус взобрался в седло, как и Блит с Хурлом. Только Стикс остался пешим. Лошади холмов были хоть и выносливыми, но слишком маленькими, чтобы нести такого гиганта; если он садился на них верхом, его ноги касались земли. Поэтому он старался двигаться на своих двоих так быстро, как мог.

С вершины утеса Тайрус смотрел на своих приятелей-пиратов, оценивая их. Они были крепкими парнями, выжившими во многих морских сражениях.

– В зубы тьмы идем мы ныне, – сказал он им. – Я думаю, ни один из вас не трус и не повернет обратно.

Они смотрели на него. Наконец Блит расхохотался. Хурл закатил глаза и хлопнул Флетча по колену. Флетч сверкнул ухмылкой – такое не часто можно было увидеть. Затем они все вместе повернули лошадей к Блэкхоллу.

Стикс последовал за ними.

Блит держался рядом с Тайрусом.

– Капитан, мы пираты. Мы идем по темной дорожке с тех пор, как еще были молокососами, – он махнул рукой на Блэкхолл: – Мы бы не упустили возможность присоединиться к этой битве за все золото Порт Роула.

Тайрус обнаружил, что сам мрачно ухмыляется. Возможно, он был не прав. Может быть, это день пиратов, а не принцев.

И он не имел ничего против.

Они впятером спускались с холма в центре отряда дварфов. Авангард армии уже достиг края Черной Дороги. Они остановились, ожидая последней команды. Остальные дварфы сомкнули ряды за ними.

Из толпы появился Веннар:

– По твоему слову, лорд Тайрус.

Стоя в стременах, Тайрус смотрел на черную полосу дамбы, ведущей к пику. На таком близком расстоянии казалось, что

мир заканчивается в стене вулканического камня. Струйки дыма змеились из трещин и расщелин, присоединяясь к чудовищному столбу дыма, выходившему из жерла и заволакивающему небо.

Тайрус глубоко вдохнул, чтобы успокоиться:

– Давайте начнем.

Веннар рядом с ним поднял рог и протрубил одну резкую ноту.

Почти сразу же армия дварфов поднялась на дорогу. Ширины аркообразной дамбы едва хватало, чтобы прошли два фургона. Вода внизу щерилась острыми скалами и обломками подводных камней. Смерть поджидала любого, сделавшего неосторожный шаг по этому узкому пролету.

По четверо в ряду дварфы шли вперед, двигаясь быстро, колонна за колонной. Отдельно от остальных шел отряд, наблюдавший за водой, за небом и за пиком на случай какой-либо реакции на их приближение. Они держали рога на своих закованных в броню плечах, готовые протрубить тревогу.

Веннар стоял на краю дороги, кивая своим солдатам, по-доброму поддразнивая их, похлопывая кого-то по плечу. И колонны воинов все еще продолжали спускаться из Каменного Леса. Ни один солдат не нарушил строя, ни один не дрогнул. Бывшие рабами на протяжении столетий, они были полны решимости принести боль и страдания на порог своего бывшего хозяина.

И они маршировали по четверо в ряд, поток брони.

Тайрус переместился в седле, чувствуя, как волоски на его шее встают дыбом. Время шло, и солнце, укрытое серыми облаками, поднялось в небе. Солдат за солдатом проходили, полные решимости. Авангард армии был близок к середине арки, когда резкая, ломкая нота поколебала поступь армии.

Рог... затем другой рог... и еще один.

Тайрус повернулся, выдыхая воздух, который задерживал в легких все утро. Бледный туман поднялся из тысяч окошек и отверстий на пике. Тайрус выхватил бинокль и быстро навел его на угрозу.

Через бинокль он увидел, как в воздух поднимаются бледные крылатые твари. Их было легче различить на фоне черного

камня – костяные крылья с когтистыми отростками. Даже на таком расстоянии они обещали яд и смерть.

Тайрус опустил бинокль и прикинул численность бледной армии, летящей вниз, чтобы защитить Черную Дорогу: сотни, если не тысячи.

– Скальтум, – проговорил Веннар.

Тайрус знал, что, когда солнце скрыто за тяжелыми тучами, твари защищены своей темной магией и неуязвимы для обычного оружия. Однако его это не устраивало. Оружие дварфов было смочено отравленной кровью скальтум, собранной после Войны Островов. Это позволит их оружию пронзать защиту темных тварей.

Одно только не было ни известно, ни полностью проверено.

Он оглядел мужчин, окружавших его. И получил кивки, которые ему были нужны.

Тайрус рванулся вперед, прорвавшись в колонну дварфов. Армия застыла на месте при звуке первого рога. По всей вулканической дамбе дварфы на дороге заняли предписанные им позиции.

Из четверых в каждом ряду двое крайних дварфов смотрели в пустой воздух, они стояли плечом к плечу со своими соседом, подняв копья вверх и в стороны, закрывая щитами головы и спины, и щиты смыкались друг с другом. Под аркой из поднятых щитов внутренняя пара дварфов стояла, согнувшись, готовая действовать.

Тайрус соскользнул со своей лошади, зубами срывая перчатки с рук. Он бросил их на землю, затем подошел к ближайшему дварфу, который возглавлял колонну щитоносцев по правую сторону дороги. Тайрус видел страх в глазах дварфа, совсем молодого паренька, лишь недавно облачившегося в доспехи.

Не дрогнув, Тайрус встретил его взгляд, пытаясь внушить ему свою веру, но юноша все равно трепетал, и его поднятое копье дрожало.

Тайрус поднял правую руку и поднес ее к обнаженному запястью дварфа. По их прошлым проверкам было установлено, что контакт кожи с кожей работает лучше всего, хотя это и не было необходимо.

Веннар проговорил у его плеча:

– Скальтум подходят!

Тайрус взглянул в небо, где стая чудовищ снижалась к Черной Дороге и ждущей армии. Резкие крики эхом разносились над водой, обещая кровь и смерть.

Вздохнув и набравшись решительности, Тайрус сжал запястье молодого дварфа. Он закрыл глаза и коснулся гранита внутри себя, призывая магию, дарованную ему Волхвом. Это легко было сделать, труднее контролировать и почти невозможно отменить.

И сейчас он призовет эти чары.

Магия окаменения хлынула наружу и в запястье дварфа. Он смотрел, как запястье обращается в темный гранит, затем действие чар переходит на остальное тело, превращая плоть, броню и оружие в камень. Магия не прекратилась на этом, а распространилась на его соседа, с которым они стояли плечом к плечу, и продолжила свое действие дальше по строю дварфов, обращая весь строй в камень – единую стену гранита. Тайрус вкладывал все больше и больше магии в строй, наполняя его энергией окаменения.

Когда ей больше некуда было идти, магия по поднятым щитам перешла на другую сторону, обращая в камень колонну дварфов с левой стороны.

– Поторопись! – предупредил Веннар.

Тайрус вложил последнюю частицу энергии, молясь, чтобы этого было достаточно, и разорвал контакт. Он упал, задыхаясь, его ноги подкашивались. Перед ним лежал длинный туннель из гранита, коридор, составленный из живых статуй. Внутри туннеля сгорбились остальные дварфы.

– Они идут! – крикнул Веннар.

Оглянувшись, Тайрус увидел, как скальтум атаковали дорогу, издавая жуткие крики. Но то, по чему они ударили, было всего лишь камнем. Многие налетели на гранитные копья, закричали и забились в агонии. Более осторожным путь преградили каменные воины, и чудовища не смогли добраться до тех, кто прятался под щитами внутри коридора. Скребли когти, и эхом разносились крики, но туннель устоял.

Изнутри выпрыгнули притаившиеся там дварфы и атаковали скальтум копьями, укрываясь за плечами своих каменных собратьев. Крики, полные жажды крови, обратились в вопли удивления и боли. Старательно прицеливаясь, лучники выпускали стрелы в щели между щитами, поражая цель с хладнокровием и точностью, сбивая скальтум, паривших в небе, словно стаю ворон.

Появился Стикс с лошадью Тайруса:

– Нам следует поторопиться; трюк не удержит их долго! – Гигант предложил Тайрусу руку.

Он почти коснулся руки друга, затем увидел черную краску на своих пальцах.

– Нет! – проговорил он хрипло – он еще не мог позволить, чтобы к нему прикоснулись. В нем все еще держалась магия окаменения. Сжав губы, он сосредоточился и отозвал свою магию назад. Камень медленно – очень медленно – обернулся в плоть. Потребовалась вся его воля и остатки энергии, чтобы удержать магию в узде; это было скорее проклятье, чем благо.

Обуздав магию, он сел в седло.

Веннар поднял рог, и пронзительный звук разорвал утро, возвещая начало следующего этапа наступления. Он посмотрел на Тайруса и его людей:

– Да защитит вас Мать!

Услышав звук тревоги, дварфы внутри коридора прекратили атаковать скальтум и устремились к Блэкхоллу. Они бежали под щитами своих собратьев и двигались с удивительной скоростью.

Тайрус пришпорил лошадь, ведя своих людей по живому туннелю.

– Пригните головы и прижмите руки к себе! – скомандовал он, когда они вошли в каменный коридор. – Я пошлю еще магию окаменения в туннель, и вы не будете знать, когда. Так что не дайте вашим кобылам задеть стену из щитов.

– Есть риск снова стать статуей? – спросил Блит. – Вряд ли. Есть только одна часть моего тела, которая, я бы хотел, чтобы превратилась в твердый камень, но только когда я вернусь в бордели Порт Роул.

Шутка вызвала грубый хохот у Стикса, который бежал за лошадьми, пригнув голову. Веннар вел оставшуюся армию дварфов через коридор за ними.

Вдалеке впереди снова прозвучал рог. Тайрус вздохнул с облегчением. Это был сигнал, которого он ждал.

Он вытянул руку и коснулся стены справа, посылая новую порцию энергии в гранит. Его чувства устремились вслед за его магией до конца туннеля. Там, как возвестил сигнал рога, новые стражи присоединились к своим братьям, принимая их пост, плечо к плечу. Магия прошла по ним и обратила в камень подошедших, продлив туннель к ужасающей горе.

Тайрус также почувствовал болезненное прикосновение несчастливых скальтум, которые случайно опустились на зачарованный коридор либо коснулись его. Они тоже были обращены в гранит и стали частью туннеля, гротескными статуями. Другие, расправив превратившиеся в камень крылья, упали и разбились о скалы внизу.

Тайрус разорвал контакт, и на его губах появилась жесткая улыбка. Время сжалось в ослепительное мгновение настоящего, и он мчался вперед, стараясь не касаться руками своей лошади.

Он услышал крики – чудовищ и дварфов. Когти пытались добраться до него через трещины в туннеле. Но он выхватил меч и вонзал его в тварей, которые оказывались слишком близко. В какой-то момент его стальной клинок обратился в каменный, но он не мог сказать когда. Отравленная кровь, зеленая и ядовитая, стекала по всей длине.

Они продолжали мчаться по туннелю, преследуемые криками. Лошадь Тайруса вспотела и ржала от страха. Она держалась подальше от тел солдат, отравленных ядовитыми когтями монстров, и бежала вперед. Пути к отступлению не было.

Затем вдалеке прозвучал другой рог, и Тайрус вновь призвал свои чары. Черные пальцы касались камня. Энергия окаменения выходила из них. Кусок за куском живой туннель змеился по Черной Дороге, не останавливаясь.

Однако Тайрус не был обманут их успехом, не переоценивал свои возможности. Они мчались прямо к возвышающейся впереди горе страшного зла – Блэкхоллу.

Часть его души знала, что там они встретят свою судьбу, но он не мог удержаться от улыбки. В конце концов, он был пиратом.

Сайвин шла, спотыкаясь, по песку к лежащему дракону. Слезы текли по ее лицу.

– Рагнарк! – звала она тщетно, зная, что дракон погиб – и вместе с ним мужчина, которого она любила. Ее босые ноги резали острые, словно битое стекло, камни. Она не обращала внимания на боль, едва чувствуя, как соль обжигает раны, когда она с плеском пробиралась по мелководью.

– Рагнарк! – крикнула она снова. Ее сердце разрывалось.

Затем произошло чудо: в ответ на ее зов пошевелился один коготь. Затем его голова шевельнулась на отмели, словно он пытался поднять ее...

Ее сердце затрепетало. Все еще жив!

Сайвин пошла, спотыкаясь, к нему, с плеском входя в более глубокую воду. Холодная вода помогла ей прийти в себя. Она остановилась с рукой, протянутой к дракону, и ужасное осознание снизошло на нее. Она не касалась его... однако он оставался драконом!

Она боролась с нарастающей паникой. Затем она вспомнила, когда подобные странные обстоятельства случались прежде. Вскоре после Войны Островов Рагнарка ударило молнией во время лютого шторма, и он был очень серьезно ранен. Пока не выздоровел, он оставался в облике дракона, даже когда она не касалась его.

Конечно, похожее случилось и сейчас.

Рагнарк поднял голову на длинной шее. Темные глаза смотрели на нее.

«Сайвин?..»

Имя прозвучало в ее голове – знакомое чувство, но это был не Рагнарк.

– Каст! – она кинулась к дракону. – Что случилось?

Когда ее рука коснулась горячих чешуй, мир превратился в вихрь крыльев и дыма. Спустя несколько мгновений перед ней на отмели стоял Каст, и ее ладонь лежала на его татуировке.

Он стоял обнаженный, глядя на нее сверху вниз, и на его лице было изумление.

– Сайвин, что?...

Вздрогнув, она опустила ладонь. Едва ее пальцы покинули его кожу, магия вновь пришла в действие. Отброшенная ею, Сайвин упала в воду, и дракон снова появился, свернувшись рядом с ней, его грудь вздымалась, а крылья были широко раскинуты.

Сайвин нахмурилась. Что произошло?

Голова дракона нагнулась к ней.

– Каст? – настороженно спросила Сайвин.

«Да, это я» – пришел к ней ответ.

Она потянулась к его носу, из которого выходили облачка пара.

– Где Рагнарк? Он получил повреждения при падении?

Дракон очень по-человечески покачал головой.

«Нет. Я не чувствую его внутри меня совсем».

– Ты уверен? Может быть, он просто слишком утомлен.

«Сайвин, – в голосе Каста звучала обычная суровая твердость. – Я жил с драконом внутри меня свыше двух зим. Он не здесь. Его больше нет».

Сайвин прикрыла рот рукой:

– Как?

«Коснись меня», – велел он, вытягивая шею.

Она проглотила свой страх и протянула руку к переливчатым черным чешуям. Она закрыла глаза, но все равно почувствовала поток магии, пронзивший ее от макушки до кончиков пальцев на ногах.

– Сайвин?

Она открыла глаза. Перед ней снова стоял Каст, а ее ладонь лежала на его щеке. Он схватил ее руку, прежде чем она убрала ее.

– Держи крепко, – предупредил он. – Я думаю, чары мираи каким-то образом изменились на противоположные. Теперь твое прикосновение призывает меня из дракона, а не посылает меня внутрь, как прежде. Не отпускай меня.

Она прильнула к нему. С этим последним приказом не было трудностей. Она никогда не хотела отпускать его.

– Что произошло? – спросил он.

В его объятиях она рассказала ему историю их полета, пустой гавани и тьмы, притаившейся во вратах.

– Мы были на пути назад к кораблю.

– Это все?

Сайвин покачала головой:

– Нет.... Цветок Шишон...

Она бросила взгляд на берег. Пурпурно-алый цветок лежал на черном песке там, где она упала.

– Цветок Родрико. Шишон приснился сон о том, что его нужно поместить в дым, исходящий из горы.

– Зачем? – Каст нахмурился.

– Я не знаю. Это должно как-то помочь Ханту. Мастер Эдиял верил, что это важно, может быть, это пророчество. И поскольку мы и так направлялись сюда... – Она закрыла лицо руками. – Не следовало нам пытаться сделать это.

Она рассказала о последнем полете дракона, об ожоге от дыма, о падении с неба. Каст вывел ее с отмели, рука в руке – словно двое влюбленных, гуляющих по побережью. Он подобрал цветок с черного песка.

Сайвин ожидала, что цветок сильно поврежден, но лепестки распустились, открыв пламенеющую сердцевину. Цветок теперь пылал, словно уголь в жарком огне.

– Он цветет, – сказала она, удивленная.

Каст выглядел не менее потрясенным. Его глаза встретились с ее глазами, и он наморщил лоб.

– Что не так? – спросила она.

– Ты... Ты не одержима.

До нее не сразу дошел смысл его слов. В своей панике из-за Рагнарка она не заметила, что ее одержимость сималтра прекратилась. Сайвин с удивлением коснулась своего лба. Она все еще была собой. Она пыталась найти внутри своего разума зловещее присутствии твари с щупальцами. Там, где прежде перед ее глазами вставала непроницаемая, холодная, как лед, тьма, теперь она не чувствовала ничего. «Как такое может быть?». Она взглянула в подозрительные глаза своего возлюбленного.

– Оно ушло. Я не чувствую это внутри себя.

Ее слова не уменьшили сомнения во взгляде Каста.

– Я помню боль от дыма. Мы оба упали. Я ударилась и почувствовала ужасную тошноту.

Сайвин подошла к грязному участку песка, потянув Каста за собой. Среди крови и желчи лежала лоснящаяся кожа, словно сброшенная змеей. Каст подцепил ее концом ветви, похлопал по ней и потрогал щупальца.

Это была сималтра... или то, что он нее осталось.

– Я действительно свободна! – закричала Сайвин. Ее сердце захлестнула радость. Свободна! Она смотрела на Каста, который поднялся на ноги. Ее облегчение и счастье были ясны, слишком ярки, чтобы сомневаться дальше.

Он обнял ее так, что она едва могла дышать.

– Ты снова моя, – пробормотал он в ее волосы. Его тело охватила дрожь, когда он наконец поверил.

Спустя мгновение Сайвин отодвинулась достаточно, чтобы проговорить:

– Но что с Рагнарком?

Каст посмотрел на столб дыма.

– Я не уверен, но Шишон предупреждала меня кое о чем: она сказала, что мне придется убить Рагнарка, потому что в конце концов он будет представлять опасность для мира.

Сайвин вздрогнула при этих словах, почти вырвавшись из его рук.

– Почему она так сказала?

– Я не знаю. Как и она, – Каст смотрел на след дыма в небе. – Магия из сердца горы, должно быть, забрала чужеродную сущность из тела. Она забрала из тебя сималтра, оставив лишь кожу, которая позже вышла из тебя. И она вытащила из меня Рагнарка, оставив лишь шкуру дракона. Но чары, вытатуированные на моей плоти, как-то поддержали в этой коже жизнь, и трансформация смогла продолжиться.

– Но без дракона внутри...

– Это просто пустая шкура, – закончил Каст, бросив песок на склизкие щупальца.

– Не пустая, – возразила она, касаясь его щеки. – У нее по-прежнему есть душа... твоя душа.

Он вздохнул и посмотрел на поднимающиеся клубы дыма.

– Рагнарк поднялся из каменного сердца Алоа Глен в дымном облаке. Не дым забрал его – возможно, это сделала сама душа Блэкхолла.

Она услышала беспокойство в его голосе.

– Ты боишься, что он был обманут здешней магией?

– Рагнарк – дух чистой стихийной магии, это та глина, из которой Темный Лорд ваяет своих гибельных стражей. Я боюсь, что этот демон мог сделать что-то с энергией дракона. – Он вновь обвил Сайвин руками. – На Алоа Глен яйца из черного камня были доставлены с целью поймать Рагнарка. А теперь мы доставили его прямо к порогу Темного Лорда.

Сайвин пробормотала, уткнувшись ему в грудь:

– Тогда мы выменяли мою свободу на жизнь дракона.

Каст сжал ее крепче:

– Не говори так. Это благословение Матери, что ты свободна. Здесь не было обмена.

Сайвин прильнула к Касту, радость в ее душе померкла.

– В любом случае, – наконец пробормотала она, – мы должны вернуться на «Сердце Дракона», чтобы дать им знать о ловушке и о том, что случилось с нами здесь – и вернуть цветок Родрико, прежде чем ему станет плохо.

Он кивнул и сделал шаг назад:

– Тогда я должен лететь с тобой назад.

Сайвин покачала головой, ловя его руку:

– Нет. Я не могу лететь с тобой.

Брови Каста приподнялись.

– Ты забыл, что мое прикосновение делает тебя человеком, – объяснила она. – Тебе придется идти без меня.

– И оставить тебя здесь?

– Я спрячусь, – пообещала она. – Вести, которые ты принесешь, слишком важны. И Родрико нужен цветок. Я останусь здесь, пока ты не вернешься.

Каст огляделся, явно ища другой способ. Но ничего не нашел. Его глаза встретились с ее глазами, в них была неуверенность.

– Ты должен, – просто сказала она, вкладывая в слова всю свою храбрость.

– Но я по-прежнему буду драконом, когда достигну корабля.

– Ты найдешь способ передать сообщение. Вырежи его на доске когтем, раз ты должен сделать это.

– Я только получил тебя назад, – прошептал он.

Она поднесла его руку к губам и поцеловала ее.

– Доставь предупреждение. Пусть флот подготовится к битве с чудовищем у врат. Пока они делают это, вернись с Хантом сюда, и мы освободим его. Я буду в безопасности. Я никогда не попаду в рабство снова.

Глаза Каста сузились от тревоги, но он кивнул.

– Тебе лучше поторопиться.

Она начала отталкивать его, но он привлек ее к себе в стальном объятии.

– Я не упущу этот шанс, – прошептал он, затем наклонился и поцеловал ее.

Сайвин выдохнула меж его губ. Слишком долго. Она таяла под его теплыми губами, пробуя на вкус соль и его дыхание. Ее сердце сжималось в этот момент, и она не могла скрыть свой страх. Она черпала силу в его поцелуе, в силе его стальных рук, в твердости его губ, в шероховатой щетине на его шее. Она черпала в нем все, что могла.

Но это не могло длиться вечно. Со слезами в глазах она разорвала их объятие, оттолкнула его прочь.

– Иди...

«Пока я еще могу отпустить тебя», – прошептало ее сердце.

Он отступил назад, вытянув руки – только их пальцы касались друг друга. Его лицо покраснело: он разрывался между долгом и любовью.

– Иди, – повторила она.

– Будь осторожна, – велел он.

Она кивнула, не доверяя больше своему голосу.

И пальцы разомкнулись. Вспыхнула магия, вызвав небольшой вихрь песка. Спустя мгновение на берегу появился дракон, его серебряные когти глубоко вонзились в черный песок. Сайвин подошла и достала цветок Родрико. Она положила его перед драконом.

– Лети быстро, – прошептала она.

Каст смотрел на нее глазами дракона и видел, как по ее лицу текут слезы. Затем он осторожно поднял цветок зубами и раскрыл крылья.

«Я скоро вернусь», – безмолвное обещание наполнило ее душу и разум. Затем упругим прыжком Каст поднялся в воздух. Его полет не был таким ровным, как у Рагнарка, но Каст, видимо, перенял у него какой-то навык за те две зимы, что они были соединены. После нескольких слегка неуклюжих взмахов крыльев он улетел, перенесся через иззубренную Корону и умчался в море за отмелями.

Она смотрела на него, прижав кулак к сердцу.

Под ее ногами землю вновь тряхнуло, на этот раз более сильно. Спокойные воды лагуны подернулись рябью. Сайвин отвернулась от неба, чтобы посмотреть на пик позади. Сгустки дыма исторгались из расщелин, и огонь вырывался со страшным ревом из далекого жерла.

Сайвин никогда не чувствовала себя более одинокой. Она смотрела на удаляющегося дракона, наблюдая, как он исчезает, затем опустилась на колени в черный песок.

Она думала, что свободна, но сейчас все в ней сжималось перед гигантским черным жерлом и огненной лавой. Она смотрела на туманный горизонт.

«Сдержи свое обещание, моя любовь. Вернись ко мне скорее».

Глава 24

Штормовой ветер трепал «Фею Ветра», и Елена вцепилась в ограждение. Палуба приподнималась под ней, открывая более широкий обзор внизу. Колонны огров пробирались через грязь и валежник в сожженных фруктовых садах, двигаясь единым фронтом к яме. Над тлеющим в глубине развалин огнем и углями поднимался дым. Ни яростная буря прошедшей ночи, ни утренний непрекращающийся ливень так и не смогли погасить это напоминание о свирепом уничтожении фруктового сада.

– Они хорошо продвигаются, – сказал Эррил рядом с ней.

– Так далеко, – согласилась Елена. – Но день только начался.

Она закуталась в свой плащ из кожи угря, и дождь стекал по нему. Одна ее рука покоилась на украшенной розами рукояти ее меча крови, ища поддержки в его стихийной стали. После битвы у Призрачных Врат она носила меч на поясе – тупая боль, постоянное напоминание о ее ответственности.

Птицы всех видов носились сквозь дождь внизу, придерживаясь скорости гигантов на земле. Лишь несколько разведчиков армии силура подобрались ближе к яме.

Елена изучала их цель.

Котлован оставался странно тихим в течение всей ночи. Постоянный столб дыма был погашен или залит дождем. Лишь густой туман висел над ямой, словно пар над кружкой горячего кофе. Он лежал, плотный, застилающий все, двигающийся в медленном водовороте. Зрелище было еще более зловещим, чем яростный дым вчера.

Корабль вновь приподнялся, заставив ее посмотреть на небо. Облака оставались низкими, тяжелыми от влаги. Стоял день, но трудно было сказать точно, когда на самом деле кончилась ночь. Мир превратился в бесконечные сумерки.

– Нам бы лучше оставаться на нижних палубах, – убеждал ее Эррил. – У нас есть дозорные в вороньем гнезде. При первых же признаках угрозы прозвучат рога.

«Тогда им бы следовало уже прозвучать, – подумала она. – Сам воздух пахнет опасностью». Но она позволила отвести себя к палубному люку.

Когда он открылся, она обнаружила за дверью Джоаха. Она вздрогнула, но через секунду узнала его. Он махнул им посохом, призывая укрыться от дождя.

– Мы уладили все с приспособлениями в кормовом хранилище, – сказал он. – Тюки с дополнительными веревками, приспособления для того, чтобы взбираться, факелы, горшки с маслом. Каждый проверил свое оружие и все, что может понадобиться. Мы готовы спускаться в яму.

Эррил кивнул, отряхивая плащ.

– Я бы хотел проверить сам, – он повернулся к Елене: – Почему бы тебе и твоему брату не погреться на камбузе? Я скоро присоединюсь к вам.

Джоах посторонился, давая Эррилу пройти, затем странно посмотрел на Елену:

– Ель... ты и Эррил...

Елена повернулась спиной к брату, и румянец окрасил ее щеки. Он узнал о прошедшей ночи? Неужели это столь очевидно? Это написано у нее на лице? Она и Эррил вновь любили друг друга прямо перед рассветом, в последние мгновения, когда они еще могли прикоснуться друг к другу и исцелить все раны, что остались между ними.

Джоах продолжил:

– Ты любишь его, не так ли, Ель?

Она по-прежнему стояла спиной к брату:

– Конечно, люблю.

Он коснулся ее плеча.

– Тогда ты можешь понять, что я чувствую... что я чувствовал... к Кесле.

Он громко вздохнул. Елена повернулась к брату, поняв, что его вопрос касался не того, о чем она подумала. Она постаралась справиться с румянцем:

– Я знаю, как сильно ты любил ее.

Он нахмурился, услышав ее слова.

– Есть кое-что, о чем бы я хотел поговорить с тобой.

Он смотрел на носки своих сапог, словно мальчишка, – это казалось странным для мужчины средних лет.

Елена потянулась к его руке.

– Что это?

Она была рада, что Джоах наконец решил поговорить о боли в своем сердце. Возможно, его вновь обретенная со смертью Грешюма молодость исцелила не только его состарившееся тело.

Однако Джоах колебался.

– Может, мы лучше поговорим об этом в моей каюте? Там нас никто не услышит.

Он кивнул, явно с облегчением.

Елена повела его по пересекающимся коридорам в свою комнату. Оказавшись у двери, она стянула перчатку и нажала пальцем на полоску дерева. Завиток ведьминого огня вошел в замок и расплавил замерзший металл. Эррил предложил эту дополнительную предосторожность, чтобы защитить артефакт, запертый внутри: Кровавый Дневник. Елена широко распахнула дверь для Джоаха.

Войдя, она оглядела комнату. Меха и одеяла лежали ровно. Не было никаких следов того, что произошло тут прошлой ночью, но Елена чувствовала пьянящий мускусный запах их страсти. Она оглянулась на Джоаха, но он, казалось, был не здесь.

Ее брат подошел к маленькому очагу и раздул угли ярче. Когда пламя согрело комнату, Елена выскользнула из мокрого

плаща и повесила его на деревянный гвоздь. Затем она потянулась к масляной лампе, висевшей на балке, и повернула фитиль, сделав пламя ярче.

Она повернулась и увидела, что ее брат стоит перед маленьким дубовым столом, на котором лежит Кровавый Дневник; его золотая роза едва заметно мерцала, возвещая приход середины лета.

Джоах смотрел на книгу, и на его лбу лежали глубокие морщины.

– Как говорит эльфийский капитан, луна взойдет рано. Она будет на небе даже прежде, чем солнце полностью сядет.

Не было нужды говорить об этом Елене. Магия, что крылась в ней, была настроена на постоянно изменяющуюся луну. Она знала ее передвижение так же хорошо, как биение собственного сердца.

– Луна и солнце вместе, – пробормотал Джоах. – Ты помнишь, как отец называл это?

Елена улыбнулась:

– Луна дурака, – она вздохнула. – Луна слишком глупая, чтобы знать, что солнце еще не село.

Джоах отвернулся от стола и облокотился на посох.

– И посмотри, куда мы направляемся под восходящей луной дурака. – Тень усталой усмешки появилась на его губах. – Кто же настоящие дураки?

Елена сняла свой меч с пояса и села на кровать. Она положила клинок в ножнах на колени. Джоах взял небольшую табуретку и сел, положив на колени посох. Она смотрела на него, вспоминая их прошлое. Как они оказались в этой комнате, каждый отягощенный грузом магии?

Воцарилась тишина, и единственным звуком был шум дождя на палубе над их головами. Наконец Елена заговорила:

– Ты упоминал Кеслу.

Глаза Джоаха метнулись к Кровавому Дневнику. Он кивнул:

– Я думаю, я нашел способ вернуть ее.

Елена не могла скрыть потрясение в голосе:

– Вернуть из мертвых?

Джоах сглотнул.

– Она была сном, облеченным в плоть. Могло ли такое существо в самом деле умереть? – он поднял на нее глаза. – Мои способности усилились. Я думаю, я могу изваять ее вновь в этом мире. Но...

– Но следует ли? – мягко спросила Елена. – Вернуть дух в тело – это пахнет самой темной магией. Вспомни Рокингхема, даже Вирани. Мертвым нужно позволить быть мертвыми. Это последний дар Матери.

– А что скажешь о Нилан? Она умерла и вернулась.

Елена покачала головой:

– Она нимфаи. Она не умерла по-настоящему, только ее телесная оболочка погибла. Ее дух остался здесь, защищенный магией ее древесной песни.

– Но разве Кесла отличается от нее? Она родилась из магии Земли. Кто сказал, что ее дух ушел к Матери?

Елена нахмурилась. Джоах мог быть прав, но в душе Елена страшилась столь темного пути.

– О чем ты просишь... – пробормотала она, качая головой.

В его голосе появилось пламя.

– Я не говорил, что я чего-то прошу.

Елена встретила его взгляд. Его боль разожгла что-то более горькое: его пальцы сжались на посохе.

– Джоах...

– Что если бы это был Эррил? – выпалил он гневно.

Елена открыла рот. Ее первым порывом было отрицать, что она бы последовала по его пути. Но, сидя здесь, на кровати, где совсем недавно они познали друг друга – сердце, душу и тело, она не могла сказать с уверенностью, каким было бы ее решение.

– Как... почему ты думаешь, что можешь справиться?

Джоах сложил руки.

– Я уже сделал это. Я показывал тебе, как я могу создать убедительную иллюзию своей отсутствующей руки, но она была мертвым, ничего не чувствующим творением. – Он сжал кулак. – Но посмотри! Теперь она живая. Это на самом деле часть меня, снова.

– Ты сказал, что рука вернулась к тебе вместе с молодостью... после смерти Грешюма.

Он отмахнулся от ее вопроса своей новой рукой:

– Это было бы труднее объяснить. Неважно, что это случилось после смерти Грешюма; теперь я могу делать то, чего не мог прежде.

Елена чувствовала скрытый смысл в словах брата.

– Рука – это не человек, – сказал она просто. – Рука не обладает уникальной душой.

– Это может быть сделано, – настаивал Джоах. – У меня есть знания, способности. Мне... мне нужна лишь одна вещь.

– Что же?

Его глаза вновь нашли книгу на столе.

– Больше живительной энергии. Чары, способные даровать жизнь изваянному из сна творению, требуют больше энергии, чем есть у меня сейчас.

– Насколько больше? – спросила она, вставая. Оставив меч на кровати, она подошла к столу, начиная понимать.

– На целую жизнь, – пробормотал Джоах. Он кивнул на Кровавый Дневник: – Под его обложкой заперто бессмертие, бесконечная энергия Пустоты.

– Я тоже хорошо знаю все это.

Елена взяла книгу. Сначала она даровала бессмертие Эррилу как ее хранителю и стражу. Затем эта сила перешла к ней. Книга не останавливала смерть, но, как источник энергии, она замедляла уход зим и быстрее исцеляла раны.

– Понадобится лишь малая толика этой энергии, чтобы напитать чары, способные вернуть Кеслу. Пожалуйста, Елена... Кесла отдала свою жизнь, чтобы разрушить Врата Василиска, которые угрожали нашим землям. Мы ее должники, мы должны попытаться вернуть ее.

Елена чувствовала, что склоняется на сторону Джоаха. Осмелится ли она поверить сердцу брата? Может ли она запретить ему эту попытку? Однако она бросила взгляд на новую руку Джоаха, на лицо, одновременно знакомое и чужое, и сомнения легли на ее сердце.

Наконец она вздохнула, отбрасывая эти раздумья на потом.

– Мы не рискнем попробовать какие-либо чары, которые могут ослабить книгу накануне грядущей битвы. Я не могу рис-

ковать судьбой мира ради возможности воскресить одну женщину.

Джоах кивнул, благодарный. Он явно воспринял ее слова как согласие, а не просто отсрочку.

– Конечно. Я не имел в виду, что мы должны попробовать сейчас. Я должен беречь свою магию для грядущей битвы.

Елена хотела было вывести Джоаха из заблуждения, но подумала, что лучше оставить обсуждения на потом. Это к тому же даст ей время обдумать просьбу брата.

Джоах встал:

– Спасибо, Ель... я знал, что ты поймешь.

Она просто кивнула, отведя глаза.

Джоах вернулся к двери:

– Я должен пойти посмотреть на последние приготовления. Арлекин Квэйл хотел обсудить что-то насчет использования иллюзий, чтобы привести в замешательство наших врагов.

– Если кто-то и может прошмыгнуть мимо стражи Темного Лорда, то это Арлекин, – согласилась Елена, открывая ему дверь.

Джоах отвернулся от нее и проскользнул в коридор:

– Еще раз спасибо, Ель.

Она улыбнулась ему, на мгновение вновь увидев простого, честного парнишку, которого она оставила во фруктовом саду. Но под этим обликом крылось что-то более темное. Он сильнее сжал свой отвратительный посох, когда уходил прочь.

Елена закрыла дверь и прислонилась к ней, прижимая Кровавый Дневник к груди. Золотая роза на переплете сияла все ярче, по мере того как росла сила лунной магии.

Отойдя от двери, она распахнула книгу. Пустые страницы смотрели на нее. Она приложила руку к пергаменту, гладкому и чистому. Не было ни следа врат, что должны были распахнуться вновь с восходом луны. Она хотела бы, чтобы тетушка Фила была с ней сейчас здесь. Джоах пробудил старые семейные воспоминания. Елена закрыла книгу и вернулась к кровати. Она разгладила одеяло. Даже больше, чем тетушку Филу, она бы хотела увидеть свою мать. Хотя бы на несколько мгновений...

– Мама, что же мне делать? – прошептала она в пустой комнате.

Вместо ответа раздался пронзительный звук рога, эхом пронесшийся по всему кораблю. Елена обернулась. Дозорные в вороньем гнезде! В отдалении первому рогу ответил другой, более приглушенно – на этот раз с земли, из выжженного фруктового сада.

Начиналось!

Елена подбежала к двери и распахнула ее. Она вздрогнула, увидев Джоаха, преградившего ей путь. Он, должно быть, вернулся к ней, когда поднялась тревога.

– Джоах! Мы должны...

Она не договорила: он с силой ударил ее в грудь. Она отшатнулась, потеряв равновесие, и упала на кровать, а Джоах вошел в комнату вслед за ней.

– Джоах, что ты....

Он закрыл за собой дверь, и иллюзия спала с него. Рыжие волосы превратились в каштановые, черты лица переплавились из любимых знакомых черт ее брата в другие знакомые черты, но отнюдь не любимые.

Елена не могла вдохнуть от потрясения. Это было невозможно. Она видела, как это тело разрубили на части и сожгли. Его имя комом встало в ее горле:

– Грешюм!

Она схватилась было за свой кинжал ведьмы, но прежде чем ее пальцы смогли коснуться рукояти, темный маг ударил ее своей магией. Елена отлетела к стене, и ее прижало к ней, распятую между покрытыми тонкой резьбой деревянными панелями. Она не могла двигаться.

Грешюм подошел к ней, отбрасывая по пути ворох меха и одеял.

– Бесполезно бороться.

Несмотря на его слова, она продолжала бороться с невидимыми путами. Ее руки наполнились энергией, пылая магией – одна холодным огнем, другая ведьминым огнем. Но не было клинка, чтобы высвободить магию крови, и потому ее судьба зависела от милости этой твари.

Грешюм склонился к ней:

– Где меч крови?

С первым звуком рога Эррил бросился к одному из нижних люков «Феи Ветра», в то время как остальные в трюме кинулись к различным иллюминаторам и люкам. Эррил опустился на пол возле мотка веревки, присоединенной к блочному механизму наверху – обычно это приспособление использовалось для того, чтобы поднимать припасы. Он наклонился, чтобы посмотреть на местность внизу.

Дождь налетал волнами, ухудшая видимость, но явно что-то случилось там, где были огры. Еще один рог прозвучал со стороны фруктового сада.

Эррил не видел угрозу. Все, что он мог различить, – это колонны огров, спускающиеся вниз, словно шеренги каменных глыб. Их командиры выкрикивали приказы, но они не достигали такой высоты.

Что происходит? Ему нужна была более удачная позиция. Но когда он начал подниматься, что-то большое, хлопая крыльями, прорвалось в люк вместе с порывом мокрого воздуха. Эррил отскочил прочь, выхватив меч как только оказался на ногах.

Но защищаться не было нужды. Существо, все еще в полете, повернулось и приземлилось в настороженной позе. Существо имело и птичьи, и человеческие черты: корону из перьев, обнаженные ноги, руки заканчивались длинными перьями, а лицо было сужено, словно клюв. Янтарные глаза пылали в сумрачном трюме.

Рядом с Эррилом появились Фердайл и Торн.

– Это один из наших разведчиков!

Эррил убрал меч в ножны:

– Что происходит?

Силура осмотрел помещение, пытаясь отдышаться.

– Атака внизу. Из земли. Ждали – в засаде. – Человек-птица остановил глаза на Торн: – Старейшина посылает весть.

Он глядел на Торн довольно долго в полной тишине, и его глаза горели. Она кивнула, и Фердайл сжал ее локоть. Он явно тоже услышал безмолвное послание.

Выполнив свой долг, разведчик вновь нырнул в люк. Эррил увидел отблеск перьев, выросших на его руках, когда изменяющий форму выпал из люка, снова превратившись в сокола.

– Что он сказал тебе? – спросил Эррил у Торн.

Она повернулась к нему, бледнее, чем мгновение назад.

– Мой отец и его армия намереваются прямо сейчас присоединиться к битве внизу.

Эррил сжал кулак:

– Я должен увидеть, с чем они столкнулись.

Он бросился по лестнице к открытому люку в потолке. Плечом открыв дверь, он почувствовал, что буря усилилась; потоки дождя хлестали вздымающуюся палубу. Эррил натянул капюшон плаща на голову и сгорбился. Толчук и Магнам уже стояли у ограждения, наклонившись, чтобы увидеть то, что происходило внизу.

Эррил поторопился к ним, и в этот момент еще один люк открылся, и от ветра дверца широко распахнулась. Эррил повернулся, ожидая увидеть Елену, но это были Мерик и Нилан.

– Что случилось? – крикнул Мерик, пытаясь перекричать бурю.

Эррил покачал головой. Толчук посмотрел на них, когда все собрались у палубного ограждения. Его брови были насуплены.

Эррил смотрел вниз, его пальцы искали бинокль.

Через завесу дождя он разглядел кровавое побоище со странными чудовищами, появившимися из сухих ветвей и грязных листьев.

Сняв бинокль с пояса, Эррил навел его вниз, на центр битвы. Он увидел, как черная тварь выбралась из спутанных корней и перевернутого дерева. Она вся состояла из членистых ног, нечто среднее между богомолом и муравьем, но по росту не меньше человека. Монстр прыгнул на огра, обхватив свою жертву ногами. Острые жала разорвали шею и лицо, и оба противника покатились по земле, упав в грязь.

Повсюду из подземных нор выползали огромные слизняки размером с бревна. Их маслянистая покрытая ядом кожа шипела, когда на нее попадал дождь. Они вытягивали похожие на червей придатки, при прикосновении сжигающие плоть до

костей. Эррил смотрел, как одно из чудовищ переползло через раненого огра, проложив себе путь прямо через плоть на ногах несчастного.

Снизу донесся рев, и над горизонтом прогрохотал гром. Это была резня. Эррил опустил бинокль. Ему было тошно от представшей его глазам картины и одновременно от собственного бессилия.

Несмотря на непредвиденные сложности, огры продолжали пробираться вперед через ловушку, платя кровью за каждый шаг. Эррил в отчаянии сжимал ограждение, желая отдать им свою собственную силу.

– Им никогда не сделать этого в одиночку, – сказал Толчук рядом с ним.

Эррил понимал его. Край ямы был еще в целой лиге от них.

– Они не одни, – свирепо сказал Фердайл. Он указал в небеса.

На фоне туч темной стаей летела армия силура. Повернув как один, крылатая армия спикировала к побоищу. Они упали на врага со всей силой своей скорости, пустив в ход когти и клювы.

Эррил вновь поднял бинокль, сердце грохотало в его ушах. Один из золотых орлов упал на огра, все еще борющегося с черной тварью, похожей на насекомое. Птица напала на такой скорости, что Эррил едва заметил момент удара. Только когда хитиновая голова выпала из когтей орла, Эррил понял, что произошло. Огр с окровавленным лицом, рыча, стряхнул с себя обезглавленного монстра.

Смерть дождем падала с неба на притаившихся тварей. Постепенно ход битвы изменился. Огры хлынули вперед, дубинами прокладывая себе путь. Объединив усилия, две армии продвигались к поджидающей их яме.

Эррил опустил бинокль и посмотрел на дыру, изуродовавшую нагорья. Он знал, что это был лишь первый небольшой бой. Что бы ни лежало впереди, оно оставалось скрыто клубящимся дымным туманом.

Он оглянулся на палубное ограждение. Толчук стоял рядом с Магнамом. Мерик – с Нилан. Фердайл – с Торн. У всех на лицах было одно и то же выражение усталости и ужаса.

Из люка появились Джоах и Арлекин, затем Джастон с болотным ребенком. Джоах махнул Эррилу:

– Мы можем разработать план...

Эррил перебил его:

– Где твоя сестра?

Он оставил Елену с братом и думал, что Джоах по-прежнему с ней.

Джоах оглядел мокрую от дождя палубу:

– Я... я думал, она уже здесь. Когда я в последний раз ее видел, она была в своей каюте.

Сердце Эррила стукнуло где-то в горле. Звук рогов должен был заставить ее подняться. Проклиная себя за невнимание, он прошел мимо Джоаха и остальных.

Джоах сказал:

– Она, похоже, хотела побыть одна...

Эррил остался глух к его словам. Он ворвался в передний люк и бросился вниз по ступеням.

Джоах побежал за ним:

– Что случилось?

Эррил не ответил. Он бежал в брюхо корабля. Он слишком доверился открытому воздуху вокруг них, их изолированности. Он глупо позволил себе потерять бдительность, на время доверив Джоаху приглядывать за сестрой. Но за это время он мог потерять все.

Эррил промчался с топотом по кораблю, молясь, чтобы он не пришел слишком поздно. Затем он увидел дверь их каюты. Казалось, что все в порядке.

Джоах крикнул, пытаясь поспеть за ним:

– Что ты?..

И в этот момент дверь впереди сорвало с петель взрывом и выкинуло в коридор. Эррила отбросило назад, и он налетел на Джоаха. Вылетевшая дверь ударила их с силой молота, Эррила задело по виску, затем дверь пролетела, кувыркаясь, дальше. Все стихло, сознание Эррила помутилось, и время превратилось в застывшее мгновение.

Затем Эррил начал пробираться между осколками дерева и

снова ударился головой. Он боролся с подступающим беспамятством, но мир исчез... и он остался в темноте.

Елена сморгнула слезы, выступившие после магической вспышки. Она по-прежнему была распята на стене, беспомощная. Голова болела; сердце глухо стучало где-то в горле. Ее руки превратились в два солнца, наполненных жгучей энергией.

Грешюм стоял перед ней, его плащ развевался, отброшенный назад потоком энергии, а посох он вытянул перед собой, словно королевский скипетр. Он растерял все хладнокровие, гнев и разочарование заставили его прийти в неистовство.

– Где меч крови? Скажи мне, или я разорву корабль на части и найду его сам в обломках!

У темного мага была сила, чтобы претворить в жизнь свою угрозу, – Елена знала это, потому что видела, как он только что высадил дверь. Но она молчала. С тех пор как он поймал ее, он изматывал ее волю ужасающей ложью, шептал обещания, но не осмеливался причинить ей физический вред. Если бы он окропил кровью ее руки, она бы вновь получила власть над своей магией.

Это был тупик.

Елена старательно отводила глаза от мехов у ног темного мага. Его первая атака сбросила покрывала ворохом на пол. Меч ведьмы лежал под этой грудой. Грешюм явно был уверен, что меч должен быть искусно спрятан, а не лежать на виду.

Ее глаза остановились на Грешюме.

Спокойствие темного мага истощилось. Он, должно быть, знал, что времени у него мало.

Голос заставил вздрогнуть их обоих:

– Грешюм!

Темный маг крутанулся вокруг своей оси. В разбитом дверном проеме стоял Джоах с поднятым посохом.

– Джоах! Назад!

Ее брат не обратил внимание на предупреждение.

– Ты поклялся, что не вернешься!

Грешюм пожал плечами, держа посох поднятым.

– Я только забираю последнее, что мне нужно. Затем уйду.

– Тень Осоки, – сказал Джоах, сузив глаза.

– Меч в любом случае уничтожит твою сестру. Я найду ему лучшее применение.

Елена обвисла на стене. Она была потрясена, несмотря на весь ужас происходящего. Джоах явно не удивился появлению Грешюма. Судя по словам ее брата, между ними был некий уговор. Но почему? Чтобы получить назад часть своей жизни? Елена смотрела на восстановленную руку Джоаха. Нет, здесь было нечто более важное, чем его собственная жизнь. Кесла.

Она закрыла глаза, не в силах перенести этот кошмар. Она не понимала всех глубин отчаяния брата.

Грешюм заговорил:

– И должен сказать, мой мальчик, ты выбрал не лучшее время, чтобы появиться здесь.

Елена открыла глаза, чувствуя, как в комнате появляется источник силы.

– У меня не было способа заставить твою сестру выдать секрет, – Грешюм взмахнул посохом быстрее, чем бросается атакующая змея. – Но теперь ты здесь...

Водоворот маслянистой тьмы появился перед ее братом.

– Джоах! – крикнула Елена.

Прежде, чем ее крик стих, жуткое чудовище выпрыгнуло из тьмы и напало на ее брата. Чудовище было с серой кожей, звериным рылом и заостренными ушами, а его руки заканчивались острыми когтями. Руки, способные раздробить кость, схватили Джоаха, разорвали одежду, и ужасные когти вонзились в плоть. Его посох упал на пол, оказавшись вне досягаемости.

Зверь наклонил свою морду к горлу Джоаха, его губы раздвинулись в оскале, блеснули острые зубы. Явно голодный, он втянул воздух, свиные глазки светились жаждой крови.

– Ты нравишься Рукху, – сказал Грешюм, глядя на пытающегося бороться брата Елены. – Я думаю, он еще помнит вкус твоей старой руки. – Джоах стал сопротивляться более ожесточенно, а темный маг повернулся к Елене: – Теперь, возможно, мы сможем сторговаться: Тень Осоки за жизнь твоего брата.

Елена смотрела на истекающее слюной чудовище.

– Нас больше никто не побеспокоит, – добавил темный маг. – Я запечатал конец коридора.

Взгляд Елены опустились к полу, к беспорядочно лежащим одеялам и мехам. У нее не было выбора.

– Меч...

И тут ее глаза уловили какое-то движение. Посох Джоаха поднялся с пола позади Грешюма, отбрасывая тень. Брови Елены приподнялись.

Грешюм слишком поздно почувствовал опасность. Он повернулся, но посох стремительно переместился, оказавшись над его головой, а тень приподнялась. Темный маг был пойман за шею, схвачен за горло каменным посохом. Его собственный костяной посох упал на пол, когда Грешюм схватился за горло. Позади темного мага тень продолжала обретать форму, словно выходя из другого пространства.

Это был Джоах!

Рот Грешюма открылся в страхе, но брат Елены продолжил сдавливать горло мага.

– Я предупреждал тебя, чтобы ты не возвращался.

Джоах поставил ногу в сапоге на упавший посох, ломая кость. Из него на деревянный настил хлынула дымящаяся кровь. Послышался вой, и Грешюм взвыл следом.

Джоах бросил взгляд на чудовище, удерживающее его копию. Он взмахнул рукой, и образ превратился в песок, а затем исчез даже песок.

Гоблин вздрогнул и с бегающими глазками попятился к стене.

– Освободи мою сестру, – прошипел Джоах.

Грешюм поднял было руку, и тут за дверным проемом послышался скрип дерева. Все взгляды обратились туда.

Эррил стоял, опираясь на разбитую дверную раму, в его руке был меч. Кровь стекала с его лба.

– Елена...

На одно мгновение все отвлеклись. Грешюм ударил Джоаха локтем в грудь. В этот же момент чудовище, повинуясь безмолвной команде, прыгнуло на Эррила.

Елена сражалась со своими путами, но она не могла пошевелить и пальцем.

Перед ней Джоах закашлялся, воздух был выбит из его груди. Он споткнулся и освободил темного мага. Грешюм отпрыгнул в сторону и склонился над остатками своего сломанного посоха. Он раскрыл ладонь над окровавленными ошметками, и осколки кости собрались снова в вспышке магии. Маг взял в руки свой посох.

Джоах поднял свой, но темный маг оказался быстрее. Вспыхнула магия. Брат Елены перелетел через каюту и ударился о каменный очаг, оказавшись распят на стене точно так же, как и Елена.

У дверного проема Эррил был вихрем из стали. Он пронзал тварь темного мага снова и снова. Затем, в последний раз повернувшись, он перерезал мечом горло чудовища. Кровь брызнула на потолок, и тварь замертво упала на пол.

Эррил пробрался через комнату, его плащ спереди был залит кровью.

Грешюм заговорил, пригнувшись к полу в углу возле Джоаха, направив свой костяной посох на стендайца:

– Ты не растерял свои навыки даже спустя пять веков. А теперь брось свой меч и ногой пододвинь его сюда.

– Нет! – крикнул Джоах в волнении.

Грешюм протянул обрубок своего запястья к Джоаху, и тело того изогнулось в конвульсии, а спина выгнулась у стены несмотря на магические путы. Он закричал, и на его губах выступила кровь.

– Джоах! – вскрикнула Елена.

– Делай, как я сказал, – прошипел Грешюм Эррилу, – или я заставлю и девчонку страдать.

После напряженной паузы Эррил бросил оружие и оттолкнул его от себя.

Грешюм опустил обрубок. Джоах, обмякнув, упал со стены, с его губ стекала кровь.

– Джоах?.. – простонала Елена.

– Он жив, с ним не случилось ничего хуже, чем боль в животе, – сказал Грешюм. – Но это можно изменить. Все зависит от тебя, – он кивнул на Эррила. – И, похоже, еще одна жизнь

оказалась на кону. С тобой трудно торговаться, моя дорогая. Теперь я вынужден предложить две жизни за древний меч.

– Не делай этого, – выпалил Эррил.

Грешюм не обратил на него внимания. Его глаза остановились на Елене, а посох оставался направленным на Эррила.

– Ты когда-нибудь видела, как с тела одним рывком снимают кожу? Это довольно сложно, но у меня была практика. Выбери одного: Эррил или Джоах. Муж или брат, – Грешюм повел посохом назад и вперед. – Мне все равно кто.

Елена знала, что они проиграли. Она кивнула на одеяла:

– Меч вон там, прямо под мехами.

Глаза Грешюма расширились и он посмотрел себе под ноги.

– Он был там все это время? – он взглянул на Эррила и покачал головой: – Я могу понять, если она совершает ошибку, но ты? Тебе следовало подумать лучше. У вас есть артефакт достаточной силы, чтобы одержать верх над Черным Сердцем, и вы бросаете его на пол, словно кухонный нож? – Он подошел к покрывалам и ударил ногой по ним. Он был удовлетворен, услышав звон. – Я ожидал встретить сложные преграды, которые только Елена может открыть.

Эррил смерил темного мага яростным взглядом.

Грешюм осторожно взял свой посох под мышку и пошарил под мехами. Когда он выпрямился, в его руке была рукоять, украшенная розами. Он стряхнул ножны, высвобождая льдистое лезвие из стихийной стали.

– Тень Осоки... – проговорил Грешюм благоговейно, затем с облегчением рассмеялся: – Наконец моя!

Он бросил свой костяной посох и ногой отпихнул его в сторону. Это простое действие ясно сказало Елене, каким ужасным оружием может быть клинок.

Она встретила взгляд Эррила. Он смотрел на ее руки. И явно понимал, что ее сила сейчас недоступна ей. Его глаза снова встретились с ее глазами.

– Вспомни купальню твоей семьи, – прошептал он. – Когда ты спалила ее...

Елена нахмурилась. Она рассказывала эту историю Эррилу

давным-давно. Она едва расцвела для своей Розы, сразу после своей первой месячной крови. Лежа в холодной кадке, она пожелала, чтобы вода согрелась, но не умея контролировать свою магию, она едва не сварила себя живьем. Но как это могло помочь сейчас? Она не могла распоряжаться своей силой. Она была бескровна...

Затем ее глаза расширились. Тогда тоже ее руки не были окровавлены. Что нынешняя ситуация может иметь общего с ее первой месячной кровью? Поток крови из сердца ее женственности должен был открыть поток магии в ванной.

Она посмотрела на Эррила. «От первого кровотечения до первой крови...»

Он знал, что она все еще кровоточит после их первой ночи, проведенной вместе. Снова кровь – из сердца ее женственности. Может ли это быть способ?..

Она слушала магию, ярящуюся внутри нее, чистую энергию, обновленную Пустотой. Она пожелала, чтобы магия хлынула в ее рубиновые руки, в ее сердце. И когда она сделала так, сияние ее пальцев потускнело.

Грешюм повернулся к ним, держа меч перед собой:

– Как и было сказано в условиях сделки, я сохраню жизни тем, кого ты любишь, но есть еще кое-кто здесь, кому я задолжал.

Эррил встал между магом и Еленой:

– Я не позволю тебе причинить ей вред.

Грешюм рассмеялся:

– Рыцарь, как всегда, Эррил, – темный маг повернулся к столу: – Я не собираюсь причинять вред твоей женщине. Я предпочту, чтобы она впустую потратила свою жизнь, напав на Черное Сердце. В этом отношении у нас одна цель. – Он указал мечом на Кровавый Дневник: – Это Чо. Я собираюсь заставить ее заплатить за то, что она заставила меня танцевать, словно я ее маленькая марионетка. – Он оглянулся через плечо: – Теперь вам следует понять силу меча – разрушать чары, разрушать оковы.

Джоах понял его намерение в тот же момент, что и Елена.

– Нет! – выдохнул он, выплюнув кровь.

Грешюм посмотрел на него, слегка опустив меч:

– Некоторым снам лучше оставаться мертвыми.

Джоах боролся, его глаза были дикими.

– Я заставлю тебя заплатить!

Серый каменный посох задребезжал на полу, но Джоах смог сдвинуть его не больше, чем на ладонь. Грешюм смотрел на его усилия, приподняв бровь:

– Ты силен, мой мальчик. Что я мог бы сделать из тебя, будь у меня время...

Он печально покачал головой и опять повернулся к Кровавому Дневнику.

Елена не теряла времени, пока ее брат отвлек мага. Она потянулась к сердцу своей сущности и прикоснулась к хору магии в ней. Когда темный маг подошел к столу, она послала удар своей магии. Дикая энергия раскаленным копьем вышла из сердца ее женственности.

Грешюм почувствовал освобождение силы, которую невозможно остановить, и рванулся вперед. Магия ударила по доскам возле его пяток на волосок от него.

Дерево разлетелось. Первозданная магия крушила корабль, оставляя после себя дыру, через которую можно было увидеть землю внизу. Эта сила разрушила путы Елены. Она безвольно упала со стены.

Эррил немедленно оказался рядом с ней.

Возле пробитой дыры стоял, шатаясь, темный маг. Весь его плащ был опален сзади. Он сумел выпрямиться и повернулся, держа меч перед собой.

– Умная девочка, – прорычал он. – Но у тебя не будет второго шанса. Меч защитит меня даже от твоей магии.

Елена знала, что он прав. Она сама держала этот меч в руках. Он защищал своего владельца.

– Тогда уходи с мечом, – сказала она, вставая. – Но я не позволю тебе повредить Кровавый Дневник!

Грешюм нахмурился, глядя на книгу на столе; дымящаяся дыра была как раз между ним и Дневником.

– Это еще не все, девочка. Я тебе это обещаю!

Он подошел к дыре, готовый прыгнуть в нее и уйти со своим трофеем. Елена чувствовала танец магии в воздухе.

Ее внимание привлекло едва заметное движение. Эррил пригнулся рядом с ней, прыгнул и приподнялся. Перекувыркнувшись, он вытащил кинжал из сапога и швырнул его с точностью опытного фокусника. Клинок воткнулся в запястье мага и пронзил его.

Руку Грешюма с мечом отбросило назад. Тень Осоки выпала из его ослабевших пальцев и в целости и сохранности упала, лязгнув, возле очага.

Темный маг не был столь удачлив. Потеряв равновесие, он начал медленно падать в дыру. Не веря в свою участь, он взвыл так, что резануло уши. Бросив посох и потеряв меч, он лишился магии, способной остановить его падение.

Крича, он падал вниз.

Эррил опустился на колени возле края дыры. Елена присоединилась к нему.

Тело темного мага падало, переворачиваясь в воздухе, он молотил руками и ногами. Далеко внизу он ударился об одно из лишенных ветвей деревьев фруктового сада. Острая изломанная вершина пронзила его грудь. Под тяжестью собственного тела он сполз до середины дерева и там остался висеть, неподвижный.

Когда смерть мага развеяла сковывающие чары, Джоах сполз по стене вниз.

Елена вспомнила, что тетушка Мишель предостерегала ее давным-давно от того, чтобы полагаться на одну только магию. Вот и доказательство. Тень Осоки, один из наиболее могущественных артефактов, когда-либо созданных, чтобы противостоять магии, ничего не смогла сделать против такой простой вещи, как обычный стендайский кинжал.

Эррил коснулся плеча Елены, возвращая ее в реальность, но Джоах подошел к ней с другой стороны. Его грудь вздымалась, а лицо было белым от ярости. В руках он держал костяной посох Грешюма.

– Еще нет, – проговорил он, и это было похоже на стон. Его губы продолжили двигаться, но больше не слышно было слов.

Елена чувствовала, как от ее брата веет холодом.

– Джоах.... Нет! Все кончено.

Он не обратил на нее внимания. Его губы были синими от

холода, исходящего от него. Он поднял посох и указал им вниз. С последним безмолвным шепотом он толкнул его к окровавленному дереву внизу.

Струя сильного черного пламени вышла из конца посоха. Она разорвала темное утро, наполнив его тенями, и пламя ударило в окровавленное дерево. Вспыхнули кора и древесина. Пламя охватило пронзенное тело и взорвалось вспышкой черного огня. Бесконечно долгое мгновение из огня слышались крики проклятых, затем они затихли, оставив после себя лишь дымящиеся останки, и язычки пламени танцевали на поверхности дымящегося пня.

– На этот раз он и правда мертв, – пробормотал Джоах. Костяной посох обратился в пепел в его руках и высыпался в дыру. Джоах повернулся спиной к дыре и деревянным шагом прошел к двери. Ни сказав больше ни слова, он ушел.

Елена поняла, что не может двинуться с места. Она была рада, что Грешюм умер – монстр, который убил ее родителей и мучил ее брата. Но к радости примешивалось странное чувство поражения. Она перевела взгляд с дымящегося пня на дверной проем. Кто же на самом деле победил здесь?

Эррил поднял одеяло с пола. Он прикрыл изорванную одежду Елены. Через дыру до них доносились звуки рога, напоминая им о другой битве, что была в самом разгаре внизу.

Эррил поднял Елену и прижал к себе, обнимая, пока она не прекратила дрожать.

Она не сразу смогла заговорить.

– Если бы ты не вспомнил о крови... – начала она, взглянув на него.

– Т-с-с, – прошептал он. – Ты думаешь, я смогу скоро забыть о том, что забрал твою девственность?

Она смотрела в его глаза и видела в них вину, смешанную с болезненным чувством ответственности. Она коснулась его щеки.

– Если бы ты не сделал этого... мы могли бы с легкостью потерять все этим утром.

Он просто обнял ее крепче. Но рога продолжили звучать внизу; мир не мог ждать вечность. Наконец Эррил подошел к углу, где лежала Тень Осоки, и, подняв ее, вложил в ножны.

Он встретил ее взгляд.

– Появление Грешюма имело какое-то отношение к Джоаху, разве нет?

Елена кивнула:

– Он сделал это ради Кеслы – ради какого-то способа воскресить ее, магии или заклинания, который Грешюм обменял на свою свободу.

Эррил оглянулся на дверной проем:

– Как только кто-то ступает на темный путь... Можем ли мы доверять ему?

Елена смотрела на пустой дверной проем, задаваясь тем же вопросом, боясь даже того, что она начала сомневаться. Она ответила шепотом:

– Я не знаю.

Уже было за полдень, а Джоах все еще чувствовал горечь напитка из крови дракона на языке. Эликсир исцелил боль в животе от нападения Грешюма, но он мало что мог сделать с его сердцем.

Джоах стоял на носу «Феи Ветра». Дождь намочил его волосы и стекал ручейками по шее и спине. Джоаха не тревожило то, что он продрог. Внутри он был холоднее ливня. Он поднял лицо к темному небу. Был полдень, но казалось, что все еще тянутся сумерки.

Неужели мрак никогда не кончится?

Сжав свой посох, он посмотрел вниз. В надвигающейся битве он должен показать себя так хорошо, как возможно. Он не должен подвести.

Но, несмотря на решительность, он не мог забыть глаза Елены. После битвы на нижней палубе она держалась так, как будто все в порядке, и сказала, что она понимает его, что она прощает его, что он по-прежнему остается ее братом. Но он увидел что-то другое в ее глазах. Больше он не был столь близок ее сердцу, как раньше. И он знал, что эту рану даже драконьей крови не исцелить никогда.

Он попытался сосредоточиться на другом разочаровании. Грешюм умер. Джоах был уверен в этом: он ударил тогда в сле-

пой ярости, и черный огонь сжег тело темного мага дотла. Но это принесло Джоаху мало удовлетворения... пожалуй, даже наоборот. Несомненно, он ненавидел Грешюма всей душой. Темный маг украл у него все: родителей, молодость, женщину, которую он любил... даже глубокую связь с сестрой. Но он понимал, что важный ключ к его собственой личности был утрачен навсегда этим утром.

«Что я мог бы сделать из тебя...»

Ему не давали покоя эти последние слова Грешюма. Со смертью темного мага погибла и всякая надежда на понимание глубины и широты своей собственной магии. Джоах покачал головой. Пока его сердце кровоточило, в тлеющих янтарных углях разгорался гнев.

Возможно, Елена действовала слишком поспешно. Если бы она только подождала...

– Ты готов? – нарушил ход его мыслей Арлекин.

Джоах вернулся в реальность.

Внизу две армии – огры и силура – ждали сигнала к началу последней атаки на яму. Они прокладывали себе дорогу вперед этим долгим утром, словно камень, выброшенный из кратера. Теперь армии остановились, чтобы передохнуть, залечить раны и подготовиться к последнему прорыву.

Местность внизу была зловеще тиха. Лишь гром рокотал над выжженной долиной. Весь мир, казалось, затаил дыхание.

– Джоах? – спросил снова Арлекин.

Обернувшись, Джоах оглядел палубу. Все собрались, сумки на месте, оружие в ножнах или в чехлах. Он встретил взгляд Елены. Она ободряюще кивнула ему. Она была в черных сапогах и темном плаще, под стать рыцарю рядом с ней. Джоах уловил блеск рукояти, украшенной розой, на ее бедре. Под плащом Елена держала Кровавый Дневник, готовая встретить восход луны.

В ее взгляде Джоах различил тень сомнений за ободрением. Он не подведет.

– Труби сигнал атаки, – сказал он шпиону.

Арлекин Квэйл махнул Толчуку. Огр, стоя у ограждений правого борта, поднял изогнутый бараний рог к губам.

– Пусть это начнется, – прошептал Джоах сам себе.

Рог огласил долину, и снизу ему ответил рев.

Армия огров устремилась стеной дубин и мускулов к зияющей яме. Позади них темным облаком поднялись крылья – силура взлетели в небо.

– Началось, – проговорил Арлекин то, что все и так знали. План принадлежал коротышке, но воплотить его должен был Джоах.

Джоах напитал свой посох кровью. Серое дерево побледнело. Зеленые кристаллы вспыхнули по всей его длине. Джоах поднял посох и ударил им по настилу палубы.

Он услышал, как где-то далеко Арлекин крикнул что-то капитану «Феи Ветра». Корабль под его ногами скользнул вперед. Среди собравшихся поднялись возгласы удивления. Он не обернулся: он знал, что они увидели.

Эльфийский корабль устремился вперед, а на его месте остался его близнец. Для того, кто смотрел снизу, «Фея Ветра» не меняла своего положения в небе. Корабль летел вперед, и его движение скрывало облако и иллюзия. Это были те же чары, которые Джоах использовал ранее, чтобы застать Грешюма врасплох, – трюк, обман зрения. Джоах молился, чтобы на этот раз результат был более успешным.

Корабль летел вперед, паря над двумя армиями. Затем впереди, из туманов, появился легион монстров, выпрыгнув и вылетев, чтобы встретить нападение. Ветер наполнился криками битвы. Завывания и повергающие в дрожь безумные звуки поднялись, словно пар над водой.

Но корабль летел дальше, не замечаемым никем и не видимый никому.

В один миг битва под килем исчезла, забрав с собой окружающий мир. Пейзаж внизу превратился в море туманов, крутящихся в водовороте. Капитан направил корабль к центру. Корабль проплыл над ямой и устремился вниз, словно пойманный водоворотом.

– Все вниз! – крикнул Эррил. – К веревкам и блокам!

Джоах смотрел вниз еще мгновенье. Хотя он знал, что корабль скрыт иллюзией, он чувствовал, как что-то огромное

смотрит на них – бездна тьмы, из которой нет спасения. Она как будто звала его. Он обнаружил, что склонился над ограждением, завороженный колеблющимися туманами.

– Джоах! – проговорил Арлекин рядом с ним, касаясь его локтя. – Время.

Его прикосновение заставило Джоаха оторвать взгляд от бездны, но он не мог с такой же легкостью отделаться от чувства нависшего рока. Он поежился и плотнее запахнулся в плащ.

– Ты в порядке? – спросил коротышка, увешанный колокольчиками.

Джоах кивнул:

– Я в порядке.

Что значит еще одна ложь на этом отвратительном бесконечном пути?

Глава 25

Каст приготовился взлететь с «Сердца Дракона», и в этот момент рядом с ним разгорелся спор. Хант стоял на палубе и тянул за собой к дракону маленькую Шишон.

– Я не пойду без Родди! – кричала она.

Хант опустился на одно колено:

– Мы должны. Опасно брать с собой даже тебя.

Позади них, положив могучие руки на маленькие плечики Родрико, стоял Верховный Килевой, отец Ханта. За ним виднелся Ксин вместе с дородным шаманом Билатусом.

Потребовалось целое утро, чтобы оценить опасность, которую представляла собой лоснящаяся тварь, притаившаяся у Южных Врат. Пришлось заново обдумать стратегию. Вороны сновали между кораблями в море и в воздухе, словно стрелы.

Каст был в центре всей этой суматохи. Потеря дракона стала серьезным ударом, поскольку хоть Каст по-прежнему мог летать по воздуху в этом виде, он не был одаренным летуном. Ему потребовалась огромная концентрация, чтобы добраться до корабля, и приземлился он неуклюже, почти упав на палубу. Несмотря на то что он выглядел как Рагнарк, он не был Рагнарком.

После того как его сообщение наконец было передано, благодаря могучему дару Ксина читать тайны в сердцах других, планы быстро изменили. Эскадра эльфийских Грозовых Облаков теперь должна была идти перед морским флотом. Они атакуют тварь магическими ударами-молниями своих килей и попытаются вытащить ее на открытое пространство. Корабли Дреренди нападут с моря, используя катапульты. Под их прикрытием мираи и их драконы преодолеют волнолом, форсируют иззубренную Корону Блэкхолла и попадут в лагуну по ту сторону. Если тварь попытается сбежать по воде, драконы будут поджидать ее, чтобы дать чудовищу бой. И, как только монстр будет окружен, его атакуют со всех сторон, пока не будет одержана победа.

Утро огласил звук трубы.

Каст поднял голову. Шесть Грозовых Облаков уже поднимали паруса, чтобы плыть вперед. Он не смог сдержать драконий рев. Его сердце болело от беспокойства о Сайвин, которая осталась одна на черных берегах. Серебряные когти вонзились в палубный настил. Он уже слишком задержался здесь. Каждый удар гигантского сердца – еще одно мгновение, которое Сайвин провела в опасности.

Детский крик вернул его к окружающей действительности.

– Шишон, прекрати бороться со мной, – лицо Ханта было красным, как и его алая рубашка. Каст заметил, каким измотанным выглядел сын Верховного Килевого. Его черный плащ висел тряпкой на его покатых плечах. Его скулы стали выступать заметнее. Пока он был одержим, тварь внутри Ханта искала способ причинить ему вред: заставляла его отказываться от еды, вызывала рвоту, заставляла царапать себе лицо и рвать волосы. Но, держа за руку Шишон, Хант становился собой снова – высокий, гордый, волосы заплетены в воинский узел.

Однако Каст, чьи чувства заострились в облике дракона, ощущал запах страха Ханта. Мужчину пугало знание того, кем он станет без ребенка. Поэтому сейчас он сжимал руку Шишон. Ребенку придется отправиться с ними на остров. Чтобы Хант освободился с помощью дыма вулкана, ему придется полететь с Кастом, и Шишон придется составить им компанию.

Между тем битва продолжалась.

– Родди должен идти! – закричала Шишон в хмурый день. Ребенок отказывался идти куда-либо без своего друга, даже на дьявольский остров.

Родрико не разделял ее чувства. Он притаился в тени Верховного Килевого, его глаза расширились от страха. Он прижимал цветущий стебель к груди. Цветок рдел под подбородком мальчика, сердцевина его пурпурных лепестков яростно пылала.

Касту уже осточертело это промедление. Он помнил страх Сайвин. Это было словно кинжал в сердце. Довольно! Пламя гнева в его груди вырвалось таким ревом, который едва не свалил с ног всех, кто стоял рядом.

Лицо Шишон лишилось красок. Хант прикрыл ее собой, словно боялся, что Каст нападет на нее. Родрико бросился к ногам верховного килевого и спрятался под его плащом.

Только на Ксина эта вспышка не произвела впечатления – на его лице была широкая улыбка.

– Дракон потерял терпение. Он ревет из-за страха за свою любимую женщину. Это огнем написано в его сердце.

Вновь Каст оценил талант человека из племени зулов.

Шаман Билатус вытер лоб. Он обратился к Ханту:

– Ты не можешь сражаться с ребенком весь путь до острова. Каст сможет безопасно доставить туда вас обоих. Если Шишон будет спокойнее с Родрико, тогда пусть будет так.

Каст зарычал, выражая согласие, кивая головой.

– Мы подвергаем мальчика ненужному риску, – возразил Верховный Килевой, распрямляя плечи, словно приготовившись защитить мальчика.

Билатус указал на Блэкхолл:

– Мы все находимся в тени этого проклятого пика. Мальчик уже подвергается риску.

Верховный Килевой сузил глаза, не слишком убежденный. Билатус подошел ближе к своему владыке.

– Шишон дала нам ключ, чтобы разомкнуть темницу твоего сына. Если бы она не настаивала, чтобы цветок мальчика окунули в дым...

Верховный Килевой отмахнулся от его слов:

– Я в долгу перед девочкой.

– И ты в долгу перед семью богами морей. Ребенок благословлен даром рэйджор мага. Она слышит шепот за горизонтом. Они говорят через нее.

Губы Верховного Килевого сложились в тонкую линию.

– Нам следует слушать ее сейчас, – твердо сказал Билатус.

Верховный Килевой выдохнул.

– Тогда пусть будет так.

Он высвободил мальчика из своего морского плаща, затем похлопал его по плечу:

– Иди с Шишон и Хантом.

Родрико не сдвинулся с места – статуя с большими круглыми глазами.

Верховный Килевой опустился на колено:

– Ты Дреренди, ведь так? Кровавый Всадник.

Мальчик медленно кивнул.

– Тогда ты должен сделать свое сердце таким же стойким, как скала в шторм. Таков наш путь. Ты можешь сделать это для своего Верховного Килевого?

В глазах Родрико стояли слезы, но он издал невнятный звук, похожий на согласие.

– Вот хороший мальчик.

Верховный килевой повернул Родрико кругом и подвел его к Ханту. Он сурово посмотрел на сына:

– Береги детей.

– Даже ценой моей жизни, – пообещал Хант. Он подхватил Родрико одной рукой.

Шишон последовала охотно, ее боевой пыл сменился воодушевлением.

– Мы поедем на драконе! – она выдохнула всей грудью. – Конечно, я ездила на одном раньше.

Они сели на спину Каста. Он поднял чешуи рядом с лодыжками Ханта, чтобы тому было проще удержаться на месте. Высокий мужчина, в свою очередь, усадил детей перед собой, удерживая их ногами и обвив руками.

– Доброго пути! – крикнул Билатус.

Каст расправил крылья и приготовился прыжком подняться в небо. Но рядом распахнулась дверь.

– Подождите! – из люка выбрался мастер Эдилл с сумкой в руках. – Подождите... Возьмите это с собой.

– Что это? – спросил Хант, когда старейшина прихрамывающей походкой подошел к ним.

Мастер Эдилл задыхался, на его лице была боль.

– Для Сайвин.

Верховный Килевой нахмурился, когда Хант взял сумку, но мастер Эдилл был столь же нетерпелив, как и Каст.

– Ступайте! – крикнул старец. – Ступайте!

Каст оттолкнулся ногами. Хант сгорбился, прижимая к себе детей. С толчком ног и взмахом крыльев они поднялись с корабля в воздух.

Каст раскрыл крылья, доверяя инстинктам дракона. Крылья поймали ветра, дующие прочь от корабля. Он чувствовал тяжесть всадников на спине и старался быть осторожным, чтобы они сохраняли равновесие, когда он поймал теплый восходящий поток над кипящим участком моря. Хотя его сердце рвалось к черным берегам и Сайвин, он держал ровный темп.

Шишон кричала от восторга, а Родрико скорее тревожно стонал.

– Открой глаза! – вопила Шишон, перекрикивая ветер.

– Нет! – отвечал Родрико.

Черная гора закрывала горизонт перед ними и медленно – слишком медленно – вырастала, прибдижаясь. Им надо было добраться до берега и доставить Ханта к одному из столбов дыма. Как только Хант будет, как они надеялись, исцелен, он останется с детьми и Сайвин в укрытии. Каст будет нести стражу в воздухе и наблюдать за нападением на чудовище во вратах.

Пока войска мираи будут проходить через разрыв в скалистой Короне, за Сайвин, Хантом и детьми будет выслан спасательный отряд. После этого Каст включится в битву.

Как сообщил Ксин, Тайрус с армией дварфов уже достигли Северных Врат. Их целью было соединить два войска внутри

горы. Точка пересечения была определена исходя их карт, предоставленных Арлекином Квэйлом.

После того как Сайвин и остальные будут в безопасности, Каст попробует пробраться в врата-пещеру. Если можно будет выгнать оттуда притаившегося внутри монстра, он промчится через врата, чтобы разведать, что ждет их войска впереди.

Таков был план. Но Каст участвовал в сотнях военных кампаний и морских битв, когда плавал по Проклятым Отмелям с Дреренди. Он знал, что очень редко планы воплощались в жизнь без срывов. Поэтому на сердце у него было тревожно.

Над головой проносилась эскадра Грозовых Облаков, их стальные кили ярко пылали во мраке дня. Молнии уже вспыхивали, пробегая по корабельной оснастке, когда капитаны кораблей посылали энергию в выкованную магией сталь, готовясь к атаке. Шесть кораблей летели тесной группой – стрела, нацеленная на врата.

Каст вылетел из их тени, слегка сместившись на запад, туда, где он оставил Сайвин. Он постепенно набирали скорость, и вскоре они промчались над отмелями и заскользили низко над лагуной. Впереди протянулся пустынный пляж черного песка.

Сердце грохотало в его ушах. Где же Сайвин? Пока он яростно осматривал скалы и песок, он молился, чтобы оказалось, что он прилетел не на тот участок берега, и одновременно страшился этого. Конечно, она бы заметила их приближение и вышла из укрытия.

Добравшись до берега, Каст сложил крылья и вытянул ноги, чтобы приземлиться, и, пробежав, остановился в рыхлом песке. Но он едва заметил, как удачно приземлился. Из его горла вырвался рев разочарования.

Затем сквозь биение молота его сердца до него донеслись слова Ханта:

– Она там!

Каст развернулся, взметнув когтями фонтан песка. Вдалеке на берегу он заметил стройную фигуру, спрыгнувшую со скал. Сайвин! Сквозь него пронеслась волна облегчения. Он, должно быть, промахнулся мимо цели. Он проклял остров за его одно-

образную береговую линию, но чувство облегчения заставило его опьянеть от радости.

По берегу Сайвин мчалась к ним, и ее ноги разбрасывали песок. На бегу она перешла в поисках более твердой почвы на мокрый песок там, где вода набегала на берег.

Только после этого Каст заметил ее преследователей.

Они выглядели как четыре валуна, перекатывающихся позади нее – массивные и корявые. Они мчались за ней на огромных задних ногах, прыгая, словно злобные жабы. Тот, что бежал первым, завывал, разевая пасть, которая разрезала его голову от уха до уха. Рот обрамляли клыки, больше похожие на кинжалы.

Каст сбросил всадников с плеч. Хант, уже наполовину спешившийся, упал на песок на колени, продолжая прижимать к себе детей обеими руками.

Свободный от бремени, Каст прыгнул вперед, преодолев расстояние до Сайвин одним скачком, и ревом возвестил о своей ярости чудовищам.

Твари осторожно замедлили скорость, дав Сайвин подбежать к Касту.

«Иди к Ханту!» – заревел он ей.

Не возразив ни слова, она побежала под одним из его крыльев, низко пригнувшись, чтобы ее прикосновение не превратило его вновь в человека.

«Будь осторожен, любовь моя», – послала она ему мысль, уходя.

Осторожность – это не то, о чем он сейчас думал. Им правили поднявшиеся на поверхность инстинкты дракона. Его кровь кипела от гнева. Его зрение заострилось, когда он сосредоточился на своей жертве.

Словно заметив его внимание, первое из чудовищ прыгнуло к длинной шее дракона, раскрыв пасть и сверкая зубами. Эти твари, судя по всему, никогда не имели дела с драконами. Каст схватил похожее на жабу чудовище еще в воздухе, сольно сжал, глубоко вонзая клыки. Кости треснули. Каст встряхнул тварь, с удовлетворением услышав еще один хруст, затем швырнул безвольное тело в лагуну.

Еще два напали одновременно. Один метил в его горло, другой – в живот.

Первого Каст отбросил ударом крыла. Другой был раздавлен серебряными когтями и скрылся под песком, когда Каст перенес вес всей своей массы на одну ногу. Чудовище, которое было отброшено назад, упрямо прыгнуло снова, но только для того, чтобы встретиться с челюстями Каста. Он перекусил шею твари и бросил лишенное головы тело. Оно слепо скребло лапами по песку, потом задрожало в агонии.

– Каст! – закричала Сайвин позади.

Он обернулся и обнаружил, что четвертая и последняя тварь проскользнула мимо него во время боя и теперь с плеском пробиралась по отмели, чтобы добраться до более легкой добычи.

Хант стоял дальше на берегу, прикрывая собой двоих детей и Сайвин. В одной руке он держал меч, в другой – маленькую ладошку Шишон. Они не решались разорвать контакт.

Чудовище прыгнуло к ним. Хант попытался увернуться, но его ноги зацепились за ноги Шишон, и оба упали.

Родрико остался стоять в шаге перед ними, застыв от ужаса. Сайвин, сама упавшая на колени, потянулась к нему, чтобы убрать мальчика с пути чудовища, но монстр уже был в воздухе, прыгнув к смертельно бледному ребенку.

Пронзительно вскрикнув, паренек вытянул навстречу монстру свое единственное оружие – пламенеющий цветок.

– Родди! – вскрикнула Шишон в ужасе.

Каст помчался по берегу к ним, но знал, что не успеет.

Массивное чудовище приземлилось на мальчика.

– Родди!

Но вместо того, чтобы быть раздавленным, мальчик остался стоять между лап чудовища, которое теперь было не более чем изваянной из дыма копией самого себя. Затем даже она превратилась в бесформенное облако.

Внутри облака дыма яростным огнем сиял цветок Родрико, его лепестки распустились. Затем дым, казалось, втянулся в пылающий цветок, его высосала сердцевина цветка, а Родрико стоял, живой и здоровый, на песке, сжимая цветок.

Сайвин притянула его к себе:

– Родрико, ты в порядке?

Каст подошел к ним, когда Хант и Шишон уже поднялись на ноги. Он посмотрел, нет ли где других нападающих.

– Магия цветка спасла его, – проговорила Сайвин.

Каст издал низкий грудной рык: «Или, возможно, это был сам мальчик. В нем течет кровь его матери, Мрачного духа».

Сайвин кивнула:

– Магия гиблого дыма на этом острове, должно быть, усилила жуткую часть его сущности; она вытягивает саму суть из живых существ.

«Как дым вытянул Рагнарка из меня».

– И сималтра из меня.

Каст обвел взглядом пляж в поисках затаившихся чудовищ, настороженный магией, что сочилась здесь отовсюду, как пот через кожу при лихорадке.

Неожиданно тишину расколол рокот далекого грома. Землю встряхнуло под их ногами, затем снова прозвучал гром.

Каст повернулся на восток. Яркие вспышки прорезали небо над склонами горы.

– Что происходит? – спросила Сайвин.

«Эльфийские корабли атакуют чудовище в воротах. Битва начинается».

Гром продолжал грохотать, и Хант объяснил их план, пока Каст продолжал внимательно наблюдать за происходящим.

– Если они атакуют, – сказала Сайвин, – нам бы лучше отвести Ханта к одной из дымящихся трещин. Они пронзают землю выше по берегу. Я узнала это, пока осматривала береговую линию.

«Предполагалось, что ты останешься в укрытии», – проворчал Каст, теперь понимая, как те твари нашли ее.

Сайвин нахмурилась, затем повела их прочь.

Он зарычал, тяжело вздохнув. Сайвин была не из тех, кто следует наставлениям. Но он не мог жаловаться: если бы она не ослушалась собственную мать, они никогда бы не встретились.

Сайвин шагала по вышедшей на поверхность земли породе туда, где из маленькой трещины поднимался тоненький столб пепла и дыма.

Пока Каст стоял на страже, Хант сунул руку в дым. Эффект последовал незамедлительно. Он начал задыхаться, дрожь прошла по всему его телу. Шишон, все еще державшую его за руку, отбросило назад.

Хант упал на руки и колени, застонав. Затем одной бесконечной судорогой его вырвало на песок. На его губах остался след крови. И он еще долго стоял, согнувшись, тяжело дыша, покрывшись потом и дрожа, а дети вцепились в Сайвин.

Наконец Хант сел на пятки, рукой вытирая лицо и лоб.

– Хант? – напряженно спросила Сайвин.

Он просто кивнул. Шишон вырвалась из рук Сайвин и кинулась к Ханту:

– Червяки ушли!

«Ты уверена?» – безмолвно спросил Сайвин Каст. «Я думаю, мы должны верить Шишон. Она знает. – Сайвин повернула к нему лицо, в ее глазах светилась теплота. – Как ты знал обо мне».

Каст смотрел в ее глаза. Как он мечтал о ее прикосновении, которое превратит его снова в мужчину, и он сможет обнять ее. То же желание сияло и в глазах Сайвин. Но слишком велика была опасность. Дракон был нужен как страж. Они не будут рисковать.

Наконец Хант поднялся; его шатало, но он быстро обрел равновесие.

Отдаленный грохот грома теперь был практически нескончаемым. Сейчас, когда остальные были в безопасности, в Касте росло желание выяснить, что происходит: дрожь земли и рокот в небесах над головой толкали его к этому.

«Драконы скоро будут здесь, чтобы забрать вас всех в безопасное место», – сказал Каст своим спутникам.

– Ханта и детей – возможно, – ответила Сайвин, стоя к нему спиной. Затем она повернулась, держа сумку, присланную мастером Эдиллом. Она вытащила длинное мерцающее одеяние. – Это костюм из кожи акулы, – объяснила она. – Используется моим народом для погружения на глубоководье. С перчатками и капюшоном он закрывает все тело. – В дополнение к костюму она вытащила длинный пояс, украшенный множеством ма-

леньких существ, похожих на морские звезды. Он узнал в них крошечное парализующее оружие, используемое мираи.

Каст наблюдал, как Сайвин быстро скользнула в облегающий кожаный костюм.

Она натянула одну из перчаток.

– Мастер Эдилл знал, что я не захочу покидать тебя. – Она коснулась его носа затянутым в кожу перчатки пальцем.

Он вздрогнул, ожидая вспышки магии, но ничего не произошло. Он остался драконом.

– В этом костюме я могу ехать верхом на тебе.

«В этом нет нужды, – возразил он. – Я могу оставаться драконом без тебя».

Она нахмурилась.

– Я иду. – Она натянула вторую перчатку. – Дракон ты или нет, я бы не хотела, чтобы ты меня оставил.

Хотя часть его собиралась спорить дальше, глубоко внутри он испытал облегчение. После того как они провели в разлуке полдня, он очень не хотел разлучаться с ней снова.

Прежде чем кто-либо успел сказать еще что-нибудь, Хант указал на лагуну:

– Драконы!

Над отмелями появилась пара нефритовых драконов, поднявшись с шумными выдохами. Их всадники выплюнули дыхательные трубки.

– Торопитесь! – крикнул один. – Путь через Корону становится все опаснее с каждым мигом!

– Что происходит? – крикнул Хант, с плеском пробираясь вперед.

Всадник покачал головой:

– Нет времени. Мы должны идти.

Обостренные чувства Каста уловили их страх. Глаза по-прежнему смотрели на восток. Их опасения хлынули в него потоком.

Хант подхватил Шишон и Родрико и направился к одному из драконов. Однако Шишон вырвалась.

– Нет, подожди!

Она упала на мелководье, затем потянулась к Родрико. Девочка схватила его цветущую ветвь, явно забыв, что мгновенье

назад маленькая вещица убила чудовище в сотню раз больше нее.

Она подняла ветку, рассматривая ее, затем подняла лепесток, чтобы открыть маленький бутон, укрытый под большим цветком. Она осторожно потрогала его. Не больше пальца, его пурпурные листья были тесно прижаты друг к другу.

Каст внутренне нахмурился. До этого бутона не было; Каст был в этом уверен. Он сам нес ветку. Должно быть, бутон появился по время действия магии. Он испугался за девочку и издал предупреждающий рык.

На него не обратили внимания. Шишон зажала бутон между пальцев и просто оторвала его.

– Эй! – закричал на нее Родрико. – Это мое!

Шишон усмехнулась:

– Тебе не нужны два цветка, Родди! Ты просто жадная свинья!

– Я не жадная свинья!

Шишон подошла к Сайвин:

– Сюда. – Она положила закрытый бутон в затянутые перчатками руки Сайвин.

– Что ты хочешь чтобы я сделала с этим? – спросила Сайвин.

Шишон пожала плечами:

– Это твое. Родди надо научиться делиться. Так говорит Мадер Гиль.

– Нет! – взорвался Родрико позади нее. – Ты жадная свинья!

Хант снова подобрал своих подопечных, пока эта парочка продолжала спорить. Он передал Родрико одному из всадников и сел позади другого вместе с Шишон. Всадники показали им, как использовать воздушные баллоны. Хант поднял руку, прощаясь, затем драконы вернулись в более глубокую воду и исчезли.

Сайвин положила нераспустившийся бутон в карман и подошла к Касту:

– Пора и нам уходить.

Снова он помечтал о том, как обнимет ее, но до них по-прежнему доносилось эхо грома, и появились новые звуки: стук

камней и голос боевого рога. На борту кораблей Дреренди были катапульты, но с чем им пришлось столкнуться?

Сайвин залезла на Каста, устроившись у основания его шеи. Он чувствовал тепло ее кожи через тонкий костюм, несмотря на свою толстую чешую.

– Ты готов? – прошептала она.

Из его груди поднялся рев.

– Тогда лети, мой дракон, лети.

Он поджал ноги и повиновался, взлетев вверх взрывом мускулов и скорости. Через их связь – связь дракона и всадника – он чувствовал ее веселье. Она наклонилась ближе, ее тепло сплавило их сердца, и ее чувства смешались с его собственными.

Их тела стали единым целым. «То же было и с Рагнарком?» Не удивительно, что дракон так любил ее.

Каст поймал теплый поток воздуха и по спирали взлетел над берегом. Мир раскинулся перед ними.

На востоке он заметил пять Грозовых Облаков. Пока он смотрел, вспышка молнии сорвалась с киля одного из кораблей, чтобы нанести удар внизу, но Каст был еще недостаточно высоко, чтобы увидеть цель. Склон горы по-прежнему закрывал от него гавань.

Дальше к югу за скалистой Короной расположился флот Дреренди. Боевые орудия с резким звуком перебрасывали камни и пылающие бочки со смолой через отмели к лежащим в тени берегам. Другие корабли, поменьше, проходили через брешь в разорванной Короне, чтобы занять свои позиции в лагуне с помощью ведущих их драконов.

«С чем они сражаются?» – спросила Сайвин, и ее вопрос был эхом его собственных мыслей.

Он поднялся выше, скользя над горой. И осажденный южный порт предстал его взору.

Притаившееся во вратах чудовище в самом деле было выгнано из убежища на открытое место. Сайвин выдохнула.

Маслянистая тьма струилась по обветшалому городку, текла по улицам, словно живое озеро черноты. Она растекалась тысячей потоков, наползала на гавань и причалы, подергивалась рябью в темных водах лагуны.

И по-прежнему выползала наружу и ползла по берегам.

– Что это? – спросила Сайвин.

Ответ пришел достаточно скоро. Черная масса конвульсивно дернулась, затем из этой тьмы появилась целая армия: люди и чудовища. Они выпадали из тьмы, выступали из нее, рождались из чрева лоснящегося чудовища. Оставались лишь тонкая привязь, прикрепляющая каждого солдата к его хозяину.

В лагуне из водных глубин неожиданно поднялись сотни кораблей, опутанных черными змеями. Мертвецы поднимались с покрытых водорослями палуб, за ними также тянулся след черноты – они были рабами своего хозяина.

– Армия мертвых, – пробормотала Сайвин в ужасе.

Затем они увидели самое худшее: в центре укрытого саваном городка из влажной могилы поднялся еще один корабль – с разбитым корпусом, с изломанным килем. Каст узнал пропавшее Грозовое Облако. Теперь оно поднималось, но не при помощи стихийного сияния своего киля, а на извивающемся столбе маслянистой тьмы. На его палубе медленно вставали моряки – эльфы, за которыми тянулся след черных привязей, теперь – рабы.

– Как мы можем сразить легион, который уже мертв?

На берегу поток тварей хлынул из черного чрева лоснящейся твари, все из Блэкхолла, рабы тьмы: одна армия, одна цель.

И все новые потоки этого проклятия устремлялись вперед из врат.

Сайвин произнесла то, что было на сердце у Каста:

– Мы обречены.

– Поторопитесь, парни! – обернувшись, закричал Тайрус, мчавщийся на своей кобыле по последнему отрезку Черной Дороги.

Туннель из статуй дварфов тянулся по вулканической арке. Флетч, Хурл и Блит скакали за Тайрусом на покрытых пеной скакунах с дикими глазами, а за ними следовал Стикс на своих двоих. Позади гиганта-пирата держали ровный темп остатки дварфских легионов. Несмотря на изматывающий бег и побоище, воины не утратили твердость поступи. Глядя на них в этот

день, Тайрус понял, почему армии дварфов были столь важными в завоевании Темным Лордом земель Аласии. Они были словно волна из мускулов, стали и решительности, которую невозможно повернуть вспять.

Проехав мимо последних каменных дварфов, Тайрус вырвался из гранитного коридора и галопом преодолел последний отрезок открытой дороги, что лежал перед Северными Вратами. Выкованные целиком из железа врата перекрывали путь в гору. Чуть раньше они опустились, чтобы выпустить скрывавшихся привратников, когда стало очевидно, что армия дварфов намерена пройти по Черной Дороге.

Пока Тайрус ехал к железным воротам, скальтум кричали, чувствуя, что их добыча уходит, но их удерживали на расстоянии дварфы-стрелки, притаившиеся с арбалетами в тени врат.

Оказавшись вне туннеля, Флетч присоединил свои стрелы к арбалетным болтам, сбивая скальтум над головами. Они, кувыркаясь, падали на скалы внизу.

Скача галопом под смертоносным градом стрел, Тайрус достиг массивных железных дверей и соскользнул с седла. Он мог не обращать внимания на усталость, но его тело не могло. Он упал на колени, затем на руки. Пот стекал по его лицу.

Его лошадь с холмов ржала и бегала кругами неподалеку.

Мир плыл вокруг Тайруса какое-то время. Затем его схватили чьи-то руки и подняли. Он посмотрел направо и налево: Стикс и Блит.

– Я в порядке, – пробормотал он. – Просто ноги болят от езды верхом.

– Само собой, – лицемерно согласился Блит. – Хотя твои руки и черные, как камень, но лицо бледное, как моя голая задница.

Тайрус кисло улыбнулся:

– Благодарю за сравнение. Как будто день и без того не ужасен.

Стикс сказал, возвышаясь над ним:

– Сейчас мы в безопасности. Отдохни и соберись с силами.

Тайрус бросил взгляд за спину гиганта. Хурл и Флетч присоединились к стрелкам, удерживающим оставшихся скальтум

над заливом. Все больше и больше дварфов появлялось из туннеля, чтобы помочь обороняться у врат.

Веннар тяжелой походкой подошел к ним. Старый предводитель дварфов почти не запыхался. Но в его глазах стоял ужас перехода, и его блестящие доспехи покрылись ожогами от упавших капель крови скальтум.

– Что дальше? – спросил он, глядя на стену из железа. – Мы выиграли битву здесь, но что ждет в конце? Эти ворота толще, чем длина моей руки.

Тайрус кивнул:

– Нам придется прорваться. Другая половина армии Аласии уже развязала битву у Южных Врат.

Веннар в расстройстве ударил кулаком в железной перчатке по дверям. Звон отозвался эхом.

Блит покачал головой:

– Почему я не подумал об этом? Мы просто постучимся и вежливо попросим впустить нас внутрь. Я уверен, они сделают одолжение.

Веннар нахмурился, глядя на первого помощника Тайруса. Позади них пронзительно визжали и завывали чудовища.

– Мы не сможем удерживаться здесь вечно.

Тайрус тупо смотрел на железную стену, слишком усталый, чтобы найти с ответ.

Стикс кивнул на врата:

– Капитан, ты можешь превратить железо в гранит так же легко, как ты сделал это с плотью?

– Я... я не знаю, – ответил Тайрус, и это была правда. – Но даже если бы мог, у меня не хватило бы сил на что-то таких размеров.

Его слова не расстроили гиганта. Стикс повернулся к Веннар:

– Дварфы лучшие рудокопы в мире.

Дварфский генерал расправил плечи:

– Я брошу вызов любому, кто скажет иначе.

– И у вас есть здесь молоты? И опорные стержни?

Веннар кивнул.

– Приведи к нам тех, кто владеет ими.

Веннар посмотрел на Тайруса, нахмурившись.

Тайрус постепенно начинал понимать. Он кивнул предводителю дварфов:

– Делай, как он говорит.

Веннар повернулся, выкрикивая приказы на языке дварфов.

Вздохнув, Тайрус повернулся к двери.

– Я действительно не знаю, хватит ли мне сил.

– Ты можешь забрать назад часть магии из дварфов, которые уже превратились в камень? – спросил Стикс.

– Не после того как они показали себя достаточно храбрыми, чтобы встретиться с магией окаменения второй раз. Сейчас им безопаснее быть камнем. Если мы выживем, я верну их.

Стикс заворчал. Не получив другого ответа, Тайрус поднял руки, по-прежнему черные от воздействия чар. Он положил свои темные ладони на серое железо. Закрыв глаза, он послал свою энергию в железо. Отрешившись от мира, он пожелал, чтобы металл стал камнем.

Звуки приглушились; биение его сердца, казалось, замедлилось. Но он чувствовал, как обращающая в камень сила выходит из него с каждым трепещущим ударом. Вскоре он понял, что, если он отдаст еще больше, его сердце медленно остановится, в свою очередь став камнем.

Странно, но он почувствовал, что его это не волнует. Часть его дрожала от страха из-за этого отсутствия беспокойства, но он не мог разобраться с отсутствием интереса к истинному граниту. Или, может быть, безразличие просто было изначально в его душе, и бесконечные сомнения лежали на ней каменной тяжестью. Слишком много всего. Он не может сделать это. Он не сын своего отца.

Затем он внезапно вырвался из этой каменной апатии. Мир рывком вернулся к нему криками, воплями, звоном стали – и болью. Его руки были сильно обожжены. Он застонал, словно перепуганная птица.

Оторвавшись от железных врат, Тайрус перевел взгляд на Стикса.

– Хватит, капитан! – кричал гигант.

Тайрус едва мог произнести:

– Я... сделал это?..

– Посмотри сам, – сказал Блит, выходя из-за его спины.

В сером железе появился участок черного камня – его ширины и высоты хватило бы, чтобы прошла лошадь. Дварфы Веннара уже приступили к работе, начав пробивать в камне проход.

Тайрус смотрел на железную стену. Они могут войти в Блэкхолл. Он сделал это.

– Твои руки, капитан.

Тайрус увидел, что от локтей и ниже его руки превратились в цельный гранит, черный и необработанный. Но он ощущал болезненное покалывание крови, вновь входившей в онемевшие конечности – его собственная кровь вытесняла чары. Постепенно камень снова превратился в плоть.

Блит стоял теперь рядом с ним, дав дварфам пространство, чтобы они могли размахнуться молотами.

– Ты окаменел до плеч – даже шею затронуло.

– Мы боялись, что можем потерять тебя, – добавил Стикс.

Тайрус вспомнил, как замедлялись удары его сердца, как ему не хватало воли, чтобы сражаться с безразличием истинного камня. Он понял, как близок был к тому, чтобы потерять самого себя. Но пробормотал:

– Ничего.

Позади него лязганье стали сменилось взрывом расколотого камня. Он обернулся. В толще железа было пробито каменное окно. Работая быстро, дварфы убрали мусор, и последние упрямые куски гранита откололись от железной рамы под искусными ударами молотов.

Веннар протрубил в рог, подавая своим командирам знак быть готовыми выступить. Тайрус и его люди снова сели верхом на лошадей. Тайрус послал коня вперед. Если впереди их ждала ловушка, пусть он встретиться с ней, вооруженный своей магией.

Он слегка пригнулся, чтобы пройти через дыру в воратах. Он задержал дыхание, не зная, чего ожидать, сжимая в одной руке меч, в другой – поводья.

Он не был готов к тому, что увидел.

Пройдя через врата, он выпрямился. Остальные последовали за ним, открыв от удивления рты, медленно въезжая под цокот копыт в главный зал логова Темного Лорда.

Блит выразил свои чувства словами:

– Это... это красиво!

Выражение первого помощника плохо описывало чудеса, явившиеся перед ними. Зал был высок, как и сами врата, и простирался вперед бесконечно, но не совершенно прямо. Вдали он маняще изгибался.

Согласно картам Арлекина Квэйла, этот зал тянулся, словно огромный туннель, по длине всей горы, соединял двое врат и расширялся в середине в пещеру, которая описывалась словами «очень, очень большая».

Тайрус оглядывался с раскрытым ртом. Он не мог представить себе что-нибудь более внушительное. Они словно оказались внутри некоего выдутого из стекла произведения искусства. Здесь не было ни одного простого угла или острого края. Все состояло из изогнутых линий полированного черного стекла. Спиралевидные колонны изгибались от пола до потолка. На стенах располагались ярусы и балконы, украшенные цветами из хрупкого стекла и витыми гирляндами. И по всему залу пылали факелы, переливаясь цветами, не поддающимися описанию, и превращая цветы из черного стекла в сияющие букеты. Чуть дальше по залу из пола вырастали парные стеклянные скульптуры. Одна фигура сияла тысячей оттенков лазури, в то время как ее близнец отражал лишь багровые и алые оттенки, словно огонь напротив льда. Повсюду были подобные чудеса, изваянные из света и стекла.

Тайрус все оглядывался и оглядывался, не смея даже моргнуть, чтобы не пропустить что-либо.

Стикс наконец заговорил, разрушая чары зала:

– Ни души.

Тайрус заметил то же самое. Их шаги были единственным звуком, который отзывался эхом в сверкающем зале. И эта странность напомнила ему о долге.

Он повернулся. Через дыру во вратах в зал маршем входила армия дварфов. Веннар, всегда практичный, выставил стражу и

приказал остальным найти механизм, управляющий вратами, и вывести его из строя – с закрытыми вратами будет проще защищать маленькое окно и охранять их тыл.

Дав еще некоторые последние наставления, они снова отправились в путь. Тайрус вел их отряд.

– Где все? – спросил Блит, подъезжая к Тайрусу.

– Я не знаю.

Красота этого места постепенно меркла в его глазах. Он узнал лавки, которые мог увидеть в любой деревне: угольщики, пекари, портные. И хотя их витрины были полны товаров, сами магазины были пусты – ни владельцев, ни посетителей.

Это было прекрасное кладбище.

Напряжение нарастало с каждым цокающим шагом его лошади. Его глаза напряженно всматривались, пытаясь заметить ловушку. Цвета стали ослеплять. Постоянные отражения утомляли и сбивали с толку. Но не было ни следа живой души.

Тайрус раздумывал над этой загадкой. Гора казалась пустой, как пустая скорлупка яйца. Сравнение заставило вздрогнуть: еще одно каменное яйцо. Но что крылось внутри него?

Как сказал Ксин, два их войска должны встретиться в большой пещере в середине этого туннеля. Как только они объединятся, они начнут наступление вниз, в святая святых обители Темного Лорда.

Тайрус пытался связаться с Ксином при помощи своей серебряной монеты, но магия этого проклятого места свела на нет его попытки. Они останутся сами по себе до тех пор, пока их войска не воссоединяться.

Они ехали, а извилистый зал-коридор все тянулся впереди. Они проезжали по стеклянным мостам над расщелинами, и на стеклянной поверхности отражался жидкий огонь внизу. Они проезжали сады со скульптурами – своего рода парки внутри горы. Лига осталась позади копыт их лошадей, затем другая. Коридор казался размытым пятном света и стекла. Где же центральная пещера?

Немногочисленные голоса, переговаривавшиеся или пытавшиеся затянуть тихую песню, давно стихли. Они устало продвигались вперед.

Но когда они наконец достигли заветной пещеры, они не сразу поняли, что вошли в нее. Стены по обеим сторонам медленно раздвинулись, словно открывшиеся объятия. Потолок выгнулся выше, и они больше не были в коридоре. Стены и потолок исчезли; они ехали по равнине, лишенной света луны, не знающей света звезд.

Зажженные факелы были установлены на полу – пылающий лес, тянущийся во всех направлениях

Тайрус приказал сделать привал, чтобы основная масса армии дварфов могла присоединиться к ним в пещере. Легион, который они вели за собой, исчислялся сотнями, но они смогли покрыть лишь совсем небольшой участок всего пола пещеры.

– Там, – сказал Хурл, сидя в седле и указывая рукой.

Тайрус повернул голову в указанном направлении. Там лес факелов пылал ярче. Он снял бинокль с луки седла. Через стекло пламя стало больше, отчетливее. Это была огромная огненная яма, возможно, в самом центре пещеры.

Он опустил бинокль и нахмурился.

– Давайте-ка поедем к этому пламени, – сказал он, повиснув в седле, обессиленный.

Они снова двинулись по бескрайней пещере, больше не ограниченной стенами, двигаясь как один. Расстояния были обманчивы. Они ехали и ехали, но огненная яма, казалось, нисколько не приблизилась.

– Словно плывешь к покрытому горами побережью, – сказал Блит. – Дальше, чем кажется на первый взгляд.

Однако Тайрус отказывался сдаваться, и его упорство постепенно принесло плоды. Скопление огня превратилось в пылающее великолепие. Языки пламени выходили из дыры в полу. Она казалась достаточно большой, чтобы в нее мог упасть маленький замок, но, по крайней мере, языки пламени четко отмечали их местонахождение.

Удовлетворенный, Тайрус призвал всех сделать привал. Он слез с лошади и запустил руку в карман, чтобы достать серебряную монету. Надо попытаться связаться с Ксином...

Рядом с ним появился Флетч.

– Огонь дымит, – сказал уроженец степей с сильным акцентом.

Тайрус услышал беспокойство в его голосе и взглянул наверх:

– Огонь дымит. Как и большинство огней.

– Этот другой, – сказал Флетч. – Сейчас другой.

Нахмурившись, Тайрус обошел свою лошадь, чтобы лучше видеть. Огненная яма выпускала огромные клубы черных испарений, которые поднимались с пляшущих языков пламени.

– Предупреди остальных, – приказал он Флетчу.

Когда была поднята тревога, Тайрус снова посмотрел наверх, на дым, клубящийся над огнем. Над ямой не было расщелины, и дым не мог покинуть гору. Облако дыма становилось гуще, превращаясь в грозовое облако, нависающее над ними.

Вокруг начали раздаваться полные тревоги голоса.

Постепенно облако обрело широкие дымные крылья и змеящуюся, словно сотканную из тумана, шею.

Голоса перешли в крики. Тайрус молчал, продолжая наблюдать. Хотя форма была неясной – скорее тень, чем материя, – он знал, что перед ним. Он уже слышал рассказ Ксина.

Имя слетело с его губ, когда багровые глаза, полные ярости, открылись в облаке:

– Рагнарк.

Судорожно выдохнув, Сайвин, сидевшая верхом на драконе, вздрогнула, словно ее разорвали изнутри и что-то прошло через разрыв. Это было похоже на прикосновение сималтра, темное и елейное, но что-то было знакомым в этом прикосновении – что-то, затронувшее ее сердце.

«Сайвин, – обратился к ней Каст, – ты в порядке?»

Ветер бил в лицо, отбрасывая ее капюшон и развевая мокрые волосы. До нее доносились крики битвы внизу, но она не замечала их, погрузившись в себя, прикасаясь к ждущей тьме, открывая связь, которая, как она думала, потеряна. «Рагнарк?» – «Что-то о нем?» – спросил Каст, читая ее мысли. Он ушел от поля битвы, чувствуя ее состояние. «Ты разве не чувствуешь

его? – спросила она. – Он пробудился». – «Я не чувствую ничего, но он был связан с тобой, не со мной».

– Я чувствую его ярость, запах дыма, – сказала она.

«Где он?»

– Блэкхолл... – она знала это точно. Прикрыв веки, она направила свои чувства по новому пути. Появились мерцающие образы. Она увидела пещеру, огни и фигуры в темноте.

Вперед выступил мужчина с мечом в руке. Другая рука была поднята в явной угрозе, пальцы почернели и выглядели неестественно. Когда он повернулся к дракону, Сайвин узнала его светло-рыжие волосы, его усы, его морской плащ, сейчас запачканный и изорванный.

– Тайрус, – пробормотала она.

«Принц пиратов?» – спросил Каст, вмешиваясь.

– Он и дварфы столкнулись с тенью Рагнарка.

«Что с драконом?»

Связь между ней и Рагнарком усилилась. Она заглянула в сердце дракона и пришла в отчаяние. В нем клубились темные желания и яростное безумие. Невозможно было отрицать реальность.

– Он на стороне врага, – прошептала она, и ветер унес ее слова. – Он гибельный страж Темного Лорда.

Когда она поняла это, ее сердце разбилось. «О, мой милый гигант...»

Ее боль почувствовали, и ответ пришел издалека: «Связанная... приди ко мне... присоединись ко мне». Мысли пришли от Рагнарка, но они были скорее похожи на сималтра. Мрачные, елейные, полные обещания боли. Здесь не было любви, лишь древние узы крови и смерти. «Приди, почувствуй вкус сырого мяса, оторванного от кости, слушай стоны, когда мои клыки вырывают внутренности из мягких животов... Приди, присоединись ко мне, моя связанная».

Она рванулась прочь, но не смогла оборвать связь. Пробудившись, дракон был связан с ней.

Рагнарк почувствовал ее попытку уйти. Драконий смех донесся до нее: «Мы всегда будем едины».

Сайвин открыла глаза. По ее щекам бежали слезы. Даже ветер не мог высушить их.

«Савин?» – это снова был Каст. Его послание было теплым и растопило лед в ее жилах, но, дрожа, она поняла, что Рагнарк был прав: она снова была прикована к демону.

– Нам придется остановить его, – простонала она.

«Рагнарка? Как?»

Она едва могла думать, ее сердце разрывалось на части. Древние узы между драконом и всадником, однажды возникшие, не разрывались до смерти обоих. Потеря дракона часто повергала всадника в отчаяние, которому не было конца. Потерять своего связанного – все равно что потерять себя. Но Сайвин знала, что у нее нет выбора.

– Рагнарка нужно убить, – сказала она вслух, чтобы услышать эти слова.

Она натянула выше свой капюшон из шкуры акулы, решив сделать то, чего не делал ни один всадник за всю историю мираи. Она убьет своего связанного.

Каст лег на крыло, возвращаясь к битве внизу.

Мир повернулся на кончике крыла, и битва явилась перед ними во всем своем кровавом великолепии. Армия мертвецов, направляемых черным чудовищем, атаковала силы мираи, Дреренди и эльфов. Это была битва, которую они не могли выиграть. Как только корабль, дракон или воин были убиты, монстр добирался до новых мертвецов, превращая их в своих рабов. С каждой смертью войско Темного Лорда увеличивалось.

Их единственной защитой был огонь.

Как только началась битва, стало ясно, что пламя может пережечь маслянистые привязи, соединяющие мертвецов с их хозяином; после этого марионетки падали безвольными и безжизненными на землю. Теперь сквозь мрак взвивались тучи пылающих стрел, а бочки горящей смолы взлетали с катапульт, чертили в небе огненные арки и взрывались посредине растекшейся твари.

Однако монстр оставался морем тьмы, которому не видно было конца. На месте сожженной части возникала новая.

Это была битва между живыми и мертвыми, которую нельзя было выиграть. Но она не могла длиться вечно. В конце концов бочки со смолой иссякнут, запасы стрел кончатся – и черное чудовище поглотит все и всех.

– Мы не можем ждать, пока прорвутся остальные, – сказала Сайвин. – Рагнарк даже сейчас надвигается на Тайруса и дварфов.

«Что ты хочешь, чтобы мы сделали?»

– Флот выгнал того монстра из врат. Путь открыт, и я думаю, у нас есть шанс пролететь через врата.

«Одним?»

– Мы должны попытаться. От нас нет пользы в бою, но мы можем помочь, защитив Тайруса и остальных.

Каст не ответил, но Сайвин знала, что он согласен. В сердце он был воином, Кровавым Всадником.

«Мы должны лететь быстро», – наконец сказал он.

– Как ветер, – эхом отозвалась она.

Приготовившись, Каст поймал восходящий поток теплого воздуха, чтобы набрать высоту. Вскоре они оказались высоко над сражением, под низкими облаками. Склоны черного камня выпускали дым от внутренних огней.

«Ты готова?» – спросил Каст Сайвин.

– Вперед, – прошептала она, прильнув к его шее. – Только вперед.

Развернувшись, Каст сложил крылья. Дракон и всадник превратились в черную стрелу, нацеленную в сердце Блэкхолла. Они падали камнем к полю битвы, набирая скорость. Ветер завывал в ее закрытых капюшоном ушах. Она едва почувствовала, как теснее прижались чешуи к ее ногам, чтобы удержать ее.

Мир внизу приближался. Гавань превратилась в пылающие руины. По поселку бежали потоки черной плоти. Повсюду удары стали отделяли живое от мертвого. Ветер пах сожженной плотью, и это запах мешался с вонью разложения, источаемой самим чудовищем, и серной вонью вулканической горы. Сайвин задержала дыхание в молитве.

Затем, когда они пролетали над тушей мертвого чудовища, Сайвин снова почувствовала гудение в черепе, эхо сималтра,

которое угрожало заполнить пустое место, оставшееся после твари с щупальцами из яйца. Сайивн была замком, который здешнее зло пыталось взломать.

«Сайвин?»

Через их связь она чувствовала, что Каст не ощущал ничего подобного. Так почему она, а не он? Затем пришла мысль... ответ, который она осознавала с растущей уверенностью в душе. Ее кровь похолодела. Она вновь посмотрела на чудовище, рассматривая его змеящиеся привязи-отростки – то, что позволяло хозяину управлять марионетками. Она теперь понимала, что она видит. Она знала, почему Темный Лорд столь безнадежно пытался поработить Рагнарка.

– Нет... – простонала она, пока они быстро и отвесно падали навстречу чудовищу.

«Сайвин?» Полет Каста стал неровным: он слишком беспокоился за нее.

– Не останавливайся! Лети к воротам! – с жаром проговорила она.

Каст повиновался. Его крылья распахнулись, задержав их падение. Затем он развернулся, чтобы на крутом вираже мчаться к открытым вратам, пролетев над подернутой рябью тьмой внизу. Монстр заметил их, и по нему заходили волны.

Голова Сайвин болела, она видела только зияющие перед ними врата. По ту сторону пылал яркий огонь. Возможно, факелы?

Каст пролетел прямо под аркой. Тело Сайвин прижалось к дракону. Внизу тело маслянистой плоти вздымалось и вихрилось водоворотами. Впереди тянулась путаница щупалец, пытавшихся помешать им пройти.

Сайвин знала, что, коснись они черной плоти, – и они будут порабощены. «Лети! – побуждала она своего любимого. – Лети, как истинный дракон в моем сердце!».

Каст вложил всю свою любовь в полет. Когда они пролетали над щупальцами, он повернулся на кончике крыла, затем лег на другое крыло и прошел между пытающимися его схватить щупальцами. Он уклонялся и уворачивался от угрозы, летя по спирали.

Чудовище могло чувствовать Сайвин, но оно было слепо к дракону и не в силах соперничать с его быстрым и маневренным полетом. С триумфом они пролетели над чудовищем и прорвались через врата.

Зал по ту сторону врат был огромен и, как и сами врата, напоминал пещеру. Его гладкие стены представляли собой расплавленное стекло, озаренное тысячью факелов. Но по ту сторону врат зал был пуст. Сайвин чувствовала, что Темный Лорд опустошил целый остров, чтобы наполнить людьми монстра у врат и получить энергию для своих темных дел. Ничего живого не осталось здесь больше. Все было принесено в жертву последней цели Черного Сердца.

Но что же будет в конце? Что Темный Лорд собирается совершить во время первой полной луны середины лета?

Каст летел дальше по залу, огибая мосты и карнизы изящными и точными движениями.

«У врат, – послал Каст ей мысль, – Ты знала что-то, что испугало тебя слишком сильно, чтобы говорить».

– Существо... Я знаю, что это.

«Что?»

– Огромная сималтра. Чудовищная версия тех более маленьких, которые завладели Хантом и мной. Я узнала ее по ее прикосновению, по тому способу, которым она пыталась поглотить мою волю. Я думаю, что это одна из причин, почему Темный Лорд хотел убрать Рагнарка с пути. Рев дракона, его магия могли причинить вред монстру, как они сделали это с более маленькими в подземелье.

«Теперь он захвачен, – добавил Каст, – магия дракона может быть использована и против нас тоже».

– Как это было сделано сейчас. Рагнарк противостоит лорду Тайрусу и остальным. Я не думаю, что принц и другие обладают магией, необходимой, чтобы сражаться с демоническим драконом, созданным из дыма.

«Что мы можем сделать?» – спросил Каст.

Она промолчала, и они полетели дальше по темному коридору, словно по горлу Левиафана, который хотел поглотить весь мир.

– У нас, может, и нет магии, – наконец сказала Сайвин, – но у нас есть что-то более могущественное.

«Что это?»

Ее глаза сузились.

– У нас есть мы – и узы, что связывают нас троих воедино.

«Смогут ли эти узы противостоять магии Темного Лорда?»

Сайвин смотрела в бесконечный коридор, не зная, что ответить. Ее голос был слабым:

– Молись, чтобы смогли, моя любовь. Молись, чтобы смогли.

Глава 26

Эррил спускался по веревке сквозь туман. Мир вокруг исчез. Края ямы были на расстоянии в пол-лиги, и их невозможно было разглядеть в клубящемся тумане. В пределах видимости был только их отряд, друг за другом спускавшийся по веревкам, опущенным из трюма «Феи Ветра».

Елена была рядом с Эррилом, завернутая в плащ, – достаточно близко, чтобы протянуть руку и коснуться ее. Они спускались бесконечно долго; было ли у этой ямы где-нибудь дно?

Даже звуки не достигали их. Когда они начали спускаться с корабля, шум битвы – крики, рев, рычание – растаял вместе с миром. Туман, казалось, уничтожал все.

Эррил посмотрел на остальных, они висели перед ним, словно множество спелых плодов на виноградной лозе. Никто не говорил. Туман был странно теплым, от него кожа и одежда намокала и начинала маслянисто блестеть. Туман пах серой и паленой кровью.

Эррил посмотрел вверх. Корабль исчез, затерянный в проклятом тумане. До этого «Фея Ветра» опустилась к полосе тумана. Они начали спускаться, никем не видимые: Джоах использовал магию иллюзий.

Брат Елены двигался рядом, сжимая свой посох. Серое окаменевшее дерево сияло бледным светом, словно свежий снег, и по нему бежали прожилки алого – кровь Джоаха.

Остальные вокруг вглядывались в туман, готовые к нападению. Оружие поблескивало во мраке. У Толчука был молот, как и у Магнама. Арлекин Квэйл вертел в руках кинжал и выглядел почти заскучавшим. Джастон, Фердайл и Торн были вооружены короткими мечами. Мерик и Нилан, спускавшиеся плечом к плечу, оставались безоружными, неся с собой лишь свою внутреннюю магию.

– Луна поднимается, – прошептала Елена. Хотя ее слова были сказаны очень тихо, все услышали. В этом неестественном тумане звуки странным образом усиливались.

Эррил повернулся к ней. Она открыла свой плащ, чтобы было видно спрятанный под ним Кровавый Дневник. Край позолоченной розы выглядывал из кармана, пылая ярко, словно звезда.

Нахмурившись, Эррил снова посмотрел вверх.

– Но по-прежнему светит солнце, – пробормотал он.

Она кивнула, запахивая плащ:

– Луна дурака.

Она обняла себя за плечи:

– Я не осмелюсь открыть книгу, пока мы не будем твердо стоять на ногах.

Он кивнул. Если в тумане внизу кто-то скрывается, высвобожденная магия Чо может предупредить об их приближении. Лучше подождать, пока они будут в большей безопасности, и тогда посоветоваться с духом книги,. Подвешенные на веревках, они чувствовали себя как на ладони, несмотря на густой туман, скрывавший их.

Джастон заговорил, вложив меч в ножны:

– Касса возвращается.

Чуть левее появилась маленькая крылатая фигура, по спирали поднимающаяся снизу. Она захлопала крыльями и скользнула к Джастону, упав в объятия жителя болот. Она была явно обессилена, ее крошечное личико побледнело, а крылья трепетали.

– Касса? – прошептал Джастон, вытирая влагу с лица ребенка.

– Моя связь становится тонкой, – проговорил ребенок голосом старше, чем его маленькое тело. – Я не знаю, как долго еще я смогу оставаться в этом сосуде.

– Что ты видела? – спросил Эррил.

Глаза ребенка повернулись к нему.

– Туман кончается через сорок пядей или где-то около того, и начинается чистый воздух. Я не рискнула задерживаться.

– Что ты видела? – спросила Елена. Все глаза смотрели на Джастона и ребенка, но Эррил не забывал оглядываться вокруг.

– Туман завихряется вокруг башни замка, который возвышается над дном ямы. Внизу лежат скалы, пустая порода, но они выглядят естественными, на них нет следа инструментов. Я заметила сталагмиты и выход породы, которые выглядят так, словно были там веками.

Эррил заговорил:

– Они, должно быть, копали все глубже и проломились в систему пещер под древней школой магов Чайрика.

– Где живут скальные гоблины, – пробормотала Елена.

– Я не видела гоблинов, – слабо проговорила Касса. – Там, внизу, ничто не двигалось.

– Ничто? – переспросил Эррил. Он сильно нахмурился. Могло ли все это быть впустую – всего лишь трюк, чтобы заманить Елену далеко от настоящей битвы у Блэкхолла? Глаза Эррила с подозрением остановились на Арлекине Квэйле, но тот выглядел таким же озабоченным, как и сам Эррил.

Дитя болот снова заговорило:

– Яма пуста, но я следила за туннелем дальше. Он ярко светится очень странным светом.

Эррил изогнул бровь. Значит, что-то там все же было.

– Мы будем продвигаться осторожно.

Все ответили согласием, но Арлекин усмехнулся:

– И мы планируем продолжать вслепую.

Эррил не обратил на него внимания. Пока они продолжали спускаться сквозь туман, даже сумрачный свет наверху растаял. Они продвигались сквозь бесконечную темноту, пока постепенно туман под ними не осветило серебристое сияние.

– Приготовьтесь, – прошептал Эррил остальным, когда освежающий бриз коснулся его влажной кожи.

Затем они оказались на открытом воздухе. Внизу расстилался пол пещеры, усеянный расколотыми столбами камня, валу-

нами и иззубренными сталагмитами. Прямо за ними Эррил заметил самую нижнюю ступень раскопок. Они достигли дна.

И, как Касса Дар и описывала, пол оставался пустым. Но Эррил не позволил себе расслабиться: здесь было множество мест, где могли спрятаться любые твари. А прямо впереди находился туннель, отбрасывающий такое яркое серебристое сияние, что на него больно было смотреть. Это был постоянный, материальный свет, который вызывал четкие тени на полу пещеры.

Эррил указал на груду камней:

– Нам следует...

Его крепление на веревке вздрогнуло, почти сбросив его. Он схватился за веревку свободной рукой. Остальные просто закачались; Елена раскачивалась напротив него. Он схватил ее, но она оттолкнула его.

– Что происходит? – спросил Джастон. Его болотное дитя, испуганное раскачиванием, в панике летало вокруг него кругами.

– Кто-то что-то делает с нашими веревками! – ответил Магнам.

И, словно в подтверждение его слов, все они стремительно полетели на каменный пол, не так быстро, как если бы веревки были перерезаны, но намного быстрее, чем спускались мгновение назад. И с каждым вдохом они падали быстрее и быстрее.

– Осторожно, скалы! – закричал Эррил, когда пол начал приближаться к ним. Словно множество падающих булыжников, они ударились об пол. Послышались крики. Эррил принял основной удар на ноги, затем перекатился на плечо, чтобы замедлить движение. В следующий миг он уже был на ногах. В нескольких шагах он заметил Елену. Кровь стекала с ее волос на лоб. Эррил бросился к ней:

– Ты в порядке?

Она кивнула:

– Просто царапина. Я в порядке. – Она вытерла кровь и оглядела усыпанный камнем пол. – Остальные...

Мерик с Нилан подбежали к ним. Оба выглядели целыми и невредимыми.

– Все назад! – крикнул эльф, его полные ярости глаза пронзали туман вверху. Веревки продолжали змеиться с неба, спуска-

ясь с шипением вниз. – Веревки не были перерезаны! Корабль «Фея Ветра» падает!

Эррил с изумлением взглянул вверх, когда до него дошли слова Мерика. Затем он схватил Елену за руку.

– Скорее! – крикнул он. – К стене!

Они все бросились через лес каменных колонн и разбитого камня. Сверху донесся зловещий звук ломающегося дерева и хлопающих, словно в шторм, парусов. Звуки усиливались, пока не заполнили яму.

Они продолжали бежать. Торн и Фердайл, перейдя в полуволчью форму, скачками неслись прочь. Эррил заметил Джоаха, помогающего Джастону: житель болот ковылял на одной ноге, его лицо позеленело. Мимо них пронеслись Толчук и Магнам.

Звуки крушения отдавались эхом, и источник звука был прямо над головой.

– Ищите прикрытие! – крикнул Эррил.

Он толкнул Елену за большой камень и упал на колени, заслоняя ее собой. Прикрыв голову, он увидел мельком, как из тумана на них падает изломанная масса корабля, и его паруса бьются на ветру, словно руки падающего человека.

Эррил пригнулся, когда корабль рухнул в яму и дерево разбилось, столкнувшись с камнем. Обломки разлетелись, ударяясь о стены и превращаясь в щепки. Мимо их укрытия, подпрыгивая, прокатилось огромное деревянное колесо подъемного механизма. Оно разбилось о стену, превратившись в деревянные обломки.

Когда эхо крушения стихло, Эррил рывком поднялся на ноги и выглянул из-за камня. В центре ямы останки гордого корабля лежали, наполовину скрытые облаком из осадочных пород и каменной пыли. Язычки пламени уже лизали с жадностью изломанное дерево – они зажглись от разбившихся бочек с маслом. Стальной киль был изогнутой рукой, высунувшейся с поля крушения.

Остальные поднимались из укрытий, бледные и потрясенные. Постепенно они собирались вместе, пробираясь через завалы мусора, – дрожащие и покрытые синяками. Мерик выглядел самым протрясенным из всех.

– Если кто-то из нас переживет это, – пробормотал Эррил, подходя к нему, – мы похороним экипаж с почестями.

– Если там есть тела, – проговорил Толчук. Огр вышел вперед, таща за собой верхнюю часть туловища монстра. Одно крыло все еще висело на его плече. Лысая голова чудовища, заостренные уши и клыкастая морда были хорошо знакомы всем.

– Скальтум, – проговорила Елена.

Джоах побледнел.

– Должно быть, моя иллюзия подвела нас.

Елена покачала головой:

– Она продержалась достаточно долго, чтобы мы могли добраться сюда.

– Или попасть в ловушку, – сказал Арлекин Квэйл. Он смотрел на руины. – Мы не можем сказать точно, что о нашем появлении не узнали.

Подтверждая это, сквозь туман сверху до них донеслись крики.

Эррил шагнул вперед.

– К туннелю! Скорее!

Он повел их прочь.

Пока они быстро уходили, Джастон указал наверх:

– Касса Дар ушла, чтобы разведать туннель впереди, посмотреть, что в его конце.

Эррил заметил маленького крылатого ребенка, скользящего к входу.

Когда Джастон хромающей походкой отошел в сторону, Елена пробормотала:

– Мы уже знаем, что в конце, разве нет?

Эррил увидел то же понимание на лице Мерика, Фердайла и Толчука. Этот туннель нельзя было забыть.

– Мы сделали полный круг, – тихо сказал Мерик. – Все мы снова здесь, на этот раз не хватает только горца.

Эррил кивнул. Из того, первого отряда отсутствовал только Крал, а его боевой жеребец остался в лагере огров. Эррил посмотрел вперед. Давным-давно в конце туннеля их отряд обнаружил хрустальную статую Денала, мальчика-мага, который был одним из трех, кто отдал свою жизнь, чтобы создать

Кровавый Дневник. Статуя погибла, ее чайрикская сущность была отдана, чтобы разжечь пламя магии книги. Сейчас Эррил чувствовал ледяную уверенность в том, что в конце туннеля находится новая статуя – не из хрусталя, но из черного камня с ветвящимися прожилками серебра.

Статуя из черного камня... последние Врата Плотины.

– Полный круг, – повторил Эррил, когда они достигли входа в туннель, и их озарил серебристый свет. Рука Елены нашла его руку. Они однажды прошли вместе по этому пути, маленькая девочка и ее рыцарь. Теперь им предстоит снова встретиться с этим вместе, и на этот раз их соединяет нечто большее, чем клятвы и пророчества.

Пальцы Елены сжали его руку. Он почувствовал любовь в этом пожатии.

Крылатая фигура исчезла в сиянии туннеля.

Эррил двинулся следом:

– Пришло время покончить с этим.

Когда они начали путь по коридору, Могвид сидел в своей темной тюрьме, глядя наружу из Фердайла. Отвлекшись на спуск в яму и падение воздушного корабля, никто не заметил, как странно изменились обстоятельства.

Фердайл шагал рядом с Торн, все их чувства были направлены вовне. Они держали свои тела в подвижном состоянии, готовые в случае необходимости мгновенно изменить форму. И поскольку внимание Фердайла было приковано к туннелю, даже он не заметил изменений.

Могвид мрачно ухмыльнулся. Теперь его не ограничивали стены. Он мог управлять телом, которое они разделяли. Чтобы убедиться в этом, он осторожно переместил ногу Фердайла на рыхлый участок земли. Его брат, как всегда проворный, удержал равновесие и продолжил идти, не насторожившись.

«Я свободен!» – осознал Могвид, едва сдерживая свое ликование.

В этот странный день, когда полная луна и солнце делили одно небо на двоих, стены между братьями рухнули. Солнце и луна вдвоем правили небесами, и оба брата управляли одним телом.

Но только один брат знал об этой перемене. А, как Могвид узнал давным-давно, в секретах крылось самое большое могущество.

Он устроился поудобнее в своей клетке. Он будет ждать сколько нужно и увидит миг, когда последнее предательство сможет дать ему настоящую свободу.

«Я все же буду свободен от тебя, братец».

Касса Дар лежала в своей постели в замке Драк – тень прежней себя. Поддержание связи со своим созданием далеко на севере истощило ее тело и дух. Ее кожа обвисла и побледнела, и даже ее дыхание стало хриплым скрежетом. Но что было самым худшим – она ощущала, как ее связь с собственными землями истончается. Источник ее стихийной силы иссякал.

Днем и ночью дети приходили в ее покои, кормили ее, приносили воду и вино. Но не было такого бальзама, который смог бы восстановить нехватку ее духовной энергии. Она истончалась, протянувшись на полмира.

Касса Дар закрыла глаза и оказалась между болотной сыростью башни своего замка и парящим теплом укрытой завесой тумана ямы. Она знала, что рискует жизнью, но теперь весь мир оказался на краю гибели. Она не могла просто ждать конца в своем уединенном замке. Она провела века, прячась в своих болотах, думая, что живет полнокровной жизнью среди существ, населявших ее земли. И лишь после того, как она нашла Джастона, она вспомнила о мире за границами ее топей и трясин. И, однажды очнувшись, она знала, что не сможет больше прятаться. Темный Лорд поработил ее народ и сослал ее в эту одинокую башню. Если это была последняя битва с врагом, тогда – рискованно это или нет – она примет в ней участие, вложив в нее всю свою волю и самую свою сущность.

В своих покоях в замке она лежала поверх одеял, слабая, как младенец. Но далеко на севере она ощущала ветер в крыльях, воздушные потоки, развевающие волосы, силу юных мышц и уверенность крепких костей. Она посмотрела вниз на туннель, мерцающий серебряным светом.

Она знала, что это за свет. Она купалась в нем, и впервые после того, как они оказались в туманной яме, ее связь с болотным ребенком стала сильнее. Этот свет был сиянием чистой, неотравленной стихийной энергии. Дитя болот летело в этом свете, словно рыба в ярком потоке.

Через ее связь с ребенком энергия потекла в Кассу Дар. Она вздохнула в своих покоях, когда источник внутри нее постепенно наполнился. Она никогда не ощущала такой чистоты. Слезы стекали по ее щекам. Она знала, куда она направлялась; она читала об этом в своих книгах. Впереди лежала точка пересечения стихийных потоков, смешение каналов, текущих с Северного и Южного Клыков. Это не могло быть ничто другое.

Ее тянуло к свету, как мотылька к пламени. Ее сущность уходила через связь, чтобы соединиться с болотным ребенком более полно. Без колебаний она влетела в коридор и в огромную пещеру за ним. Крыша изгибалась высокой аркой над головой, а пол был глубокой чашей. Это была сферическая пещера в гранитном сердце нагорья. Внизу в чаше вились водовороты серебра, и два сверкающих оттенка завихрялись к центру, четко видимые на фоне черного гранита. Это напомнило ей водоворот тумана над ямой, медленный водоворот, спиралью уходящий вниз.

Она полетела над сияющим резервуаром, который насчитывал в длину четверть лиги. На противоположной стороне она увидела темные отверстия – другие туннели и коридоры. Она также заметила, что края серебряного бассейна окаймляли выбеленные кости, словно множество плавника на морском берегу. Они были нагромождены высокими грудами, а самые большие лежали возле входа в туннель.

Но ее внимание отвлеклось от этой мерзости и снова сконцентрировалось на бассейне. Он был пуст, если не считать темной фигуры точно в центре, – черный колодец, который вбирал в себя водоворот серебра.

Касса Дар обогнула ее, чувствуя опасность. Даже на расстоянии она могла видеть широко распахнутые черные крылья и голову, угрожающе поднятую. Несомненно, это были Врата Виверны – последняя из отвратительных скульптур. Касса Дар

повернула обратно к туннелю, чтобы сообщить о своих открытиях, и в этот момент ее внимание привлекло движение.

Она повернулась, паря на крыльях. Рядом со статуей был кто-то. Он искал что-то с обыденным безразличием, преклонив колени и нагнувшись. Судя по тому, как он двигался, он не замечал ее. Она прищурила глаза, фокусируя взгляд.

Должно быть, чистый источник силы заставил ее утратить осторожность – она решилась подлететь немного ближе к резервуару, чтобы лучше видеть.

Это была ошибка.

Она увидела ловушку в тот момент, когда было уже слишком поздно, и была поймана, словно мотылек в паучью сеть. Сосредоточив внимание на водоворотах серебра и на опасности в центре, она не заметила такой же водоворот, только из тьмы, который завихрялся под потолком, – темное отражение того, что был внизу.

Из темного водоворота взметнулись щупальца энергии, схватив ее в воздухе. Чем больше она боролась, тем сильнее ее сжимали путы. Ее потащили к потолку, она была поймана так же надежно, как муравей, угодивший в молассы. Она смотрела на темный водоворот перед ней. В центре, прямо над Вратами Виверны, в потолке была темная дыра, и куда она вела, Касса Дар не знала.

Затем она заметила, как из дыры понемногу вытекает вода и падает к Вратам Плотины внизу. Дыра, должно быть, тянулась до самой поверхности земли. Но зачем? С какой целью? И может ли она убежать через нее?

Она смотрела вниз, чувствуя, как ее поднимают все выше в постоянно сжимающемся кольце. Теперь, с более близкого расстояния, она увидела бугрившееся шрамами лицо мужчины. Черная щетина волос поднималась над изуродованной плотью. Он улыбнулся ей; его глаза были двумя горящими впадинами. У него был посох из чистого черного камня. Касса Дар слышала, что Шоркан сгорел, когда убегал из Перехватывающего Кольца. Без сомнений, перед ней стоял тот, кто создал ловушку, в которую попала она; ловушку, которая создана, чтобы поймать всех, кто придет следом за ней.

Словно в подтверждение ее мыслей, он поднял посох и взмахнул им в воздухе. Она стала подниматься к зловещему центру водоворота быстрее – туда, где, без сомнения, находился центр зла.

Касса Дар знала, что ей следует разорвать свою связь с ребенком, оборвать ее прежде, чем она тоже будет поймана. Но если она разорвет эту тонкую ниточку, она не сможет предупредить Джастона и остальных о поджидающей их ловушке.

Таков был выбор.

Поэтому она сделала единственное, что могла. Она вложила больше себя в свое творение. Шоркан думал, что поймал маленького ребенка, не отличавшегося особыми талантами. Она намеревалась увидеть, как он справится с настоящей ведьмой.

Лежа на кровати, она послала свою сущность туда, оставив лишь тончайшую ниточку, чтобы вернуться обратно. За один удар сердца она вошла в свое творение, наполнив его своей ядовитой магией. Темные щупальца, что удерживали ее, сжались и отдернулись, чтобы избежать прикосновения яда, сочившегося из нее.

Улыбка на лице темного мага внизу померкла, превратившись в настороженное замешательство. Он указал на нее своим посохом, и щупальца тьмы взметнулись, чтобы возобновить нападение.

Касса Дар не обратила внимания на них и продолжила наполнять собой свой сосуд. Дитя вырастало среди обвивавших его черных змей, за несколько вздохов превращаясь из ребенка в женщину. Детское выражение исчезло с лица, заменившись ее собственным.

«Мама», – позвал ее ребенок, растворяясь. Касса коснулась его сути: «Я люблю тебя, моя сладкая. Спи». Затем ребенок исчез.

Шоркан внизу зашипел, и слова легко долетали до нее:

– Ведьма! Тебе никогда не сбежать при помощи одних только стихийных штучек!

Касса Дар смотрела вниз, находясь всего в пяди от центра водоворота. Она спокойно улыбнулась: она больше не будет убегать, она больше не станет прятаться.

– Кто сказал, что я убегала, маг?

Она открыла рот и исторгла яд из своего желудка. Не только ее детская фигура повзрослела, но и существо внутри нее. Дитя болот, теперь женщина, было не более чем оболочкой. Рептилия внутри была настоящей связью.

Касса Дар выпала из тисков ловушки. Сбросив кожу, она обрела свою истинную форму. Королевская гадюка, выросшая до своей истинной длины, опустилась клубком на землю возле темного мага.

Шоркан закричал, когда она тесными кольцами обвилась вокруг него, дотягиваясь до испуганного лица. Раздвоенный язык с шипением вышел между ее губ. Она разомкнула челюсти, открывая клыки длинные, словно у дракона. Яд потек с ядовитых желез у основания черепа змеи – и из сердца ее сущности.

Она знала, что не может равняться с темным магом, но она могла напасть и причинить вред. Она зашипела, выплевывая яд ему в лицо, затем напала, когда он попытался увернуться от брызг. Ее клыки глубоко погрузились в его шею, вводя в него столько яда, сколько могли успеть, прежде чем он скинет ее с себя.

Обвивая демона, она почувствовала, как яд заставил его опуститься на колени, но то, что убило бы обычного человека менее чем за удар сердца, не убило этого. Она услышала, как заклинание слетело с его губ.

Ее тело внезапно охватил иссушающий огонь. Темные языки пламени вспыхнули на маге. Она знала, что ее смерть рядом. Но она продолжала наполнять его своим ядом. Она слышала, как он задыхается, как он упал на руки.

Когда тело змеи обратилось в пепел, она улыбнулась ядовитой усмешкой и сбежала – но не по нити, что вела к ее телу в замке Дракк. Она знала, что не может сделать этого. Мост был сожжен за ней. Вместо этого она бежала в единственное место, которое ее сердце знало хорошо.

В сердце, которое билось в одном ритме с ее собственным.

Джастон упал на колени. Он почувствовал момент, когда она ушла за грань.

– Касса...

Остальные бросились к нему, но он не видел их, не слышал их. Ее суть наполняла все его чувства. Запах лунного цвета распространялся вокруг него. Вкус ее губ появился на его языке, и он почувствовал прикосновение ее руки к своей щеке.

– Касса, что ты сделала?

«То, что пришлось...» Он купался во всем, чем была она, и был ближе к ней, чем когда-либо в жизни. «Но не страшись. Держи меня в своем сердце; помни о нашем времени. Я всегда буду не дальше, чем на расстоянии вдоха от тебя».

– Нет, – простонал он.

«Теперь иди. Вы все должны торопиться». Образы наполнили его разум: обнаруженная ловушка, раненый демон, ослабленный всего на мгновение. «Сражайся за мир, любовь моя. Он слишком прекрасен, чтобы сгинуть во тьме».

– Касса, подожди...

Ее дыхание было поцелуем на его щеке. «Я люблю тебя. И всегда буду».

Затем, словно порыв ветра, она исчезла. Он прижал кулак к груди, рыдая, не зная, сможет ли его сердце продолжать биться. Но оно билось...

Он поднял голову и посмотрел на остальных:

– Она ушла.

Эррил стоял на коленях возле Джастона, пока раненый объяснял, что он узнал.

– Если Касса Дар в самом деле ослабила Шоркана, мы должны поторопиться, – сказал он. – Возможно, сейчас наш единственный шанс. Мы не можем позволить ее жертве пропасть впустую.

Стоявший позади остальных Арлекин заговорил:

– Я бы сказал, у нас нет выбора.

Он повернулся туда, откуда они пришли. Со стороны ямы до них долетали крики, но сейчас слышался и скрежет когтей по камню. Если легион скальтум идет по туннелю, единственный путь – вперед.

– Скорей! – приказал Эррил.

Нилан и Мерик подошли к Джастону.

– Идите вперед. Мы задержим монстров.

– Втроем? – спросила Елена.

Две стихии сияли в серебристом свете, их лица светились. Нилан бросила взгляд на Мерика, который хитро улыбался.

– Нас будет достаточно. Идите. Встретьтесь с Вратами Виверны и их защитником.

Эррил кивнул и пошел дальше по туннелю:

– Толчук, иди вперед с Магнамом и Арлекином, но не покидайте туннель, пока мы все не соберемся.

Толчук зарычал в знак согласия и прибавил шагу.

Эррил повернулся к Елене:

– Кровавый Дневник... Возможно, нам следует держать его закрытым, пока мы не уничтожим Врата Виверны.

На ее лице он увидел понимание. Чо в последнее время становилась все более неистовой, особенно приблизившись к своему потерянному брату, Чи. Если впереди находились Врата Виверны, значит, там был и Чи. По суженным глазам Елены было ясно, что она вспомнила, что произошло, когда они столкнулись с Вратами Мантикоры. Чо завладела Еленой и едва не убила ее при этом.

Эррил не мог допустить повторения. Пока последние Врата не будут уничтожены, а Чи не обретет свободу, он не станет доверять духу книги. Чо ставила свои собственные желания выше всего, даже выше безопасности Елены. И если разразится битва, он не собирался бороться еще и с Чо.

Елена похлопала по своему плащу:

– Я открою его, только когда последние врата будут уничтожены.

Другая ее рука легла на украшенную розой рукоять меча крови. У нее в распоряжении и так было достаточно магии.

Эррил обернулся. Изменяющие форму стояли по обе стороны от Джоаха. Брат Елены сжимал свой посох, который уже стал белым от прикосновения его неприкрытых пальцев.

Эррил нахмурился. Брат и сестра... оба с оружием крови. Он молился, чтобы им хватило силы совладать с такими артефактами.

Джоах встретил его взгляд не дрогнув, но его щеки окрасил едва заметный румянец стыда. Эти двое почти не разговаривали после второй смерти Грешюма, и доверие между ними пошатнулось.

Внимание Эррила привлекло шипение. Толчук сделал им знак двигаться вперед; остальные уже достигли выхода из туннеля. Магнам и Арлекин шли по остаткам каменной кладки, светящейся в серебряном свете.

Эррил поторопился присоединиться к ним. За проходом их взгляду предстала невероятно огромная пещера. Пол был широким резервуаром, полным серебра, а под потолком вихрился похожий водоворот, черный словно чернила, – тень того, что внизу.

– Врата Виверны, – проговорил Толчук, указывая мощной рукой на центр серебряного бассейна.

Хотя она была далеко, но фигуру птицы из черного камня ни с чем нельзя было спутать. У ног статуи лицом в пол лежала укрытая плащом фигура, четко видимая на фоне серебра.

– Шоркан.

Эррил вошел в пещеру. Чтобы достичь сверкающего озера, ему пришлось пересечь полосу гранита, усеянную пожелтевшими костями.

– Елена, держись за нами. Я не знаю, притворяется Шоркан или в самом деле ранен.

Он не услышал ответа, поэтому обернулся. Елена стояла, застыв, у выхода из туннеля. Ее пристальный взгляд был прикован не к Вратам Виверны, не к лежащему на полу темному магу, а к костям под ногами.

– Елена, – позвал он снова.

Ее единственной реакцией были расширившиеся глаза.

– Кости... это кости гоблинов.

Эррил наконец обратил внимание на сваленные грудами черепа и кости. Судя по форме морды и клыков, по маленькому размеру черепов, Елена была явно права.

– Скальные гоблины.

– Те, кого я убила.

Он подошел, взял ее за руку и повел ее через это кладбище костей.

– Мы должны идти дальше, – сказал он, уводя ее прочь от этих болезненных воспоминаний.

Как только они прошли кладбище костей, Елена вздрогнула, стряхивая с себя потрясение. Они стояли на краю сверкающего озера.

– Стихийное серебро, – проговорил Джоах, – как река между Южной Стеной и Пустошами. Энергия здесь громадная.

Эррил подошел к этому серебру с осторожностью.

– Прихвостни Темного Лорда, должно быть, прорыли гранит, чтобы открыть этот источник. Отсюда они собираются добраться до сердца мира и исказить его.

– Если только мы не сможем остановить их, – сказала Елена, к которой вернулись силы.

Эррил кивнул:

– Всем оставаться настороже. Мы не знаем, насколько эффективно действие яда Кассы Дар на мага.

Фердайл и Торн изменили форму, став смесью волка и человека.

– Мы побежим вперед. Если монстр разыгрывает свою слабость, пусть один из нас откроет это. Мы можем двигаться быстрее всех, и у нас есть шанс спастись от скрытой ловушки.

Эррил жестом выразил согласие. Прежде чем он опустил руку, двое изменяющих форму сорвались с места. Они бежали по серебряному озеру с короткими мечами в руках, готовые быстро превратиться в зверей, если потребуется.

– Идем! – сказал Эррил и быстрым шагом последовал за ними. Он был уверен, что Елена останется позади, под защитой их оружия.

Арлекин последовал за Эррилом и встал по другую сторону от Елены, держа в руке пару кинжалов. Глаза коротышки, суженные в тревоге, смотрели на потолок.

Эррил смотрел наверх, когда они пересекали серебряное озеро, проходя под его темным отражением. Хотя сам он не обладал магией, но ощущал враждебность пульсирующей тьмы.

– Если врата уже здесь, – сказал Елена, – почему они до сих пор не отравили место слияния потоков? Чего они ждут?

– Луны, – ответил Арлекин, указывая на потолок. – Там дыра вверху, прямо над статуей. Можно даже увидеть свет.

Эррил нахмурился. Теперь, присмотревшись, он в самом деле увидел слабое свечение в центре темного водоворота. Буря наверху, должно быть, прекратилась, и тучи разошлись.

Елена заговорила, и ее голос был полон беспокойства:

– Они ждут полной луны, которая осветит Врата Плотины, но зачем?

– Дело в могуществе лунного света... могуществе, идущем из Пустоты, – проговорил Арлекин. – Помнишь наше путешествие из замка в Западные Пределы? Им нужна эта сила, чтобы получить энергию для воплощения своих планов.

Джоах оглянулся на них:

– Фердайл добрался до Шоркана, – он указал посохом.

– Подожди секунду, – предупредил Эррил. Их отряд был на полпути между берегом и статуей. Фердайл оказался ближе к распростертому магу, а Торн прыжками осторожно описывала круг вокруг Шоркана и статуи. Врата Виверны довлели над всем – мрачный страж черного крыла, клюва и когтя.

– Посмотрим, что они обнаружили.

Могвид дрожал в своей клетке, проклиная храбрость брата. У него не было желания в одиночку сталкиваться с демоном. Фердайл подошел ближе к распростертой фигуре и низко зарычал – получеловек, полуволк – готовый бежать прочь в любой момент. Длинный черный посох лежал поверх покрытой шрамами руки монстра; его лицо было повернуто в другую сторону.

Фердайл шагнул ближе, а Торн бежала по кругу. Они подходили к магу с противоположных сторон.

Могвид сжался в темноте. Он знал, что может взять на себя контроль над телом, когда бы ни захотел. Если Фердайл отвлечен, это будет просто. Но что он будет делать после? Отсюда некуда бежать.

Он боролся с нарастающей паникой. «Думай! – крикнул он себе. – Должен быть способ сбежать!»

Но было слишком поздно. Черный посох скользнул в руку мага, лежащего на серебряном полу. Темный маг вскочил на ноги с воем ярости.

Ловушка!

Фердайл отпрянул.

– Беги! – крикнул он Торн, повернувшись, чтобы сделать то же самое.

Но прежде чем он успел даже закончить разворот, темный маг вытянул посох. Сверху рванулись щупальца тьмы, целясь в обоих волков. Фердайл был сбит с ног и закувыркался в воздухе. Могвид почувствовал, что близится их неизбежный конец.

На серебряном озере остальные запаниковали, когда щупальца начали искать и их тоже.

Шоркан держал посох направленным к потолку. Капюшон упал ему на плечи, открыв множество бугристых шрамов и горящие провалы глаз. Его губы задвигались, он стоял, шатаясь. Его посох дрожал. Казалось, его падение все же не было полностью разыгранным.

Пока темный маг собирался с силами, щупальца тьмы конвульсивно дернулись. Текучий, словно нагретое масло, Фердайл выскользнул из своего плаща и сумки и освободился от хватки щупалец.

«Торн! – послал он мысль своей избраннице. – Делай как я!»

Могвид задержал дыхание, когда Фердайл перетек на пол и принял облик волка – словно воск, отлитый в форму. Тело, которое они использовали вдвоем, закричало протестующе, будучи столь жестоко использованным. В их способности к изменению существовали пределы; после такого преображения плоти нужен был отдых.

За спиной Шоркана Торн явно приходилось несладко. Она избежала щупалец тьмы, но с трудом пыталась превратить свое желеобразное тело в снежного волка. Она тоже была явно обессилена.

Шоркан повернулся к ней, опустив посох.

«Нет!» – крикнул Фердайл, прыгая вперед. Он бросился на мага, и тот упал на колени; Фердайл поднялся, чтобы защитить свою избранницу.

Шерсть на плече Фердайла обожгло прикосновение к зловещему демону. Могвид почувствовал ожог. Он вскрикнул в своей тихой тюрьме.

Фердайл припал к земле перед темным магом – задние ноги выпрямлены, зубы обнажены.

«Торн! Беги к остальным!»

Атака дала его избраннице время закончить перевоплощение. Она поднялась – снежный волк на замерзшем серебряном озере. Затем, словно молния из меха, она метнулась прочь.

«Торопись, Фердайл!» – бросила она ему.

Могвид желал того же самого, однако его братец отказывался рисковать своей девушкой снова. Он остался стоять где стоял, давая ей время убежать.

Маг поднялся на ноги и взмахнул посохом.

«Фердайл! Беги!» – закричал Могвид. Он должен взять управление телом на себя. Если его брат не желает бежать, то он побежит!

Он прыгнул из своей клетки, и в этот момент испепеляющий залп темного огня ударил из-за спины над его плечом. Фердайл пригнулся, и языки темного пламени попали в грудь мага и отбросили его к статуе из черного камня. Шоркан повернул посох и разбил копье темного огня.

В сотне шагов стоял Джоах, держа посох направленным на мага. Шоркан поднялся на ноги, и хотя все его внимание теперь было сосредоточено на брате Елены, щупальца змеились хаотично, словно в замешательстве. Плащи и сумки изменяющих форму свалились с потолка на пол.

Оставшийся отряд окружил Джоаха. Только Елена держалась позади, под защитой. Торн добралась до остальных и повернулась, готовая возобновить атаку.

– Тебе никогда не выиграть, Шоркан! – крикнул Эррил. – У нас есть нечто большее, чем магия, чтобы противостоять тебе!

Шоркан засмеялся:

– Увидим, братец! Но в любом случае ты пришел слишком поздно. Луна поднялась. Твое время здесь подошло к концу.

Он ударил посохом по серебряному полу. Повсюду у края озера задребезжали кости.

– Пришло время заплатить кровью за ваши злодеяния! – выкрикнул Шоркан и высоко поднял посох. – Вспомнить про ваши собственные проступки!

Из груды костей поднялись скелеты. Они поднялись так, словно просто спали, раскинувшись на берегу, словно грелись на солнце. Сейчас они встали и побежали по поверхности озера. Часть из них были маленькие и быстрые, точно крабы. Другие были в два раза выше ростом, чем огр, и состояли из толстых костей. Они держали дубины, увенчанные черепами. Остальные бежали на всех четырех, словно собаки, но рты у них были усеяны крошечными осколками костей.

Этот легион ринулся на отряд. Эррил выкрикивал приказы, глядя на приближающихся монстров.

Шоркан снова засмеялся. Он повернул посох к потолку, готовый напасть и сверху тоже. На отряд могли напасть с любой стороны.

Фердайл собрался. Про волка явно забыли либо же сочли не представляющим угрозы. А Фердайл намеревался доказать противоположное. Могвид не мог допустить этого. Это была верная смерть.

Как только Фердайл прыгнул, то же сделал и Могвид – из своей клетки и в тело. Его брат не ожидал подобного и упал в пустую клетку. Могвид рассчитывал, что Фердайл решит, что это естественная перемена при переходе изо дня в ночь; солнце в любом случае было близко к закату. Ему потребуется несколько мгновений, чтобы обнаружить отсутствие стен в клетке. К этому времени Могвид надеялся убежать.

Но перемена не была ни гладкой, ни незамеченной. Фердайл уже успел прыгнуть. Его ноги, находившиеся в середине прыжка, подвели его, прежде чем Могвид смог взять контроль на себя. Его неистовое движение привлекло внимание.

Шоркан повернулся к нему. Могвид отпрыгнул назад, но запутался в своих собственных сброшенных плаще и сумке. Бледные губы мага обнажили оскал:

– Пришло время хозяину побить пса.

Весь мир состоял из костей. Елена съежилась, когда чудовищные костяные создания начали неуклюже ковылять либо легко скользить вокруг них. Толчук ударил своим молотом чудовище, разбив его плечо, но сломанные кости перестроились и вновь заняли прежнее положение.

Джоах атаковал залпами магического огня, испепеляя все на своем пути. Но из пепла вновь возникали кости и превращались в чудовищного монстра.

Их же отряд справлялся не так хорошо. Плечо Магнама истекало кровью, пронзенное острым осколком кости. Арлекин Квэйл прихрамывал не левую ногу. Торн носилась среди возвышающихся чудовищ, выхватывала отдельные кости, мешая им и заставляя падать на землю. Одно ее ухо было разорвано и кровоточило.

Эррил оказался рядом с Еленой:

– Одной силой нам не победить здесь. Нужна твоя магия.

Они по-прежнему держали ее в резерве. Теперь она расправила плечи, ее ладони были окровавлены и пылали холодным огнем и огнем ведьмы. Она видела результат огненных атак Джоаха, поэтому она держала правый кулак сжатым, а левый – открытым. С искусством, отточенным годами кровопролития, она стала посылать в битву клубки холодного огня, стараясь не задеть своих спутников.

– Пригнитесь! – крикнул Эррил остальным.

Они повиновались, упав на ладони и колени, кто-то даже упал на живот.

Елена вызвала волну холодного огня, которая пронеслась над ними, и проморозила до мозга костей тварей вокруг. Влажный воздух вокруг заледенел, все покрылось инеем. Ковыляющие монстры замедлили свое движение и прекратили нападение.

– Неплохо сделано, Елена, – сказал Эррил.

Арлекин Квэйл поднял голову и огляделся:

– Да, очень неплохо. Мы построили себе темницу из льда и костей.

Елена увидела, что они и в самом деле заперты в костяном загоне.

– Мы можем пробить себе путь к вратам, – сказал Эррил и сделал знак Толчуку подойти с молотом.

Елена поддерживала свою магию, сковывавшую костяную армию; она не хотела, чтобы они пробудились. Но, связанная с этими чудовищными тварями, она чувствовала мысли, которые через эту связь входили в ее сердце. Нахмурившись, она погрузилась в себя.

Слова сформировались в ее голове, шепот на древнем языке, но сердцем она понимала его: «Несущая свет, крадущая души».

Она знала, кто это говорит.

– Мать небесная... только не опять...

Шепот продолжал входить в ее мысли. Несколько голосов превратились в сотни – души скальных гоблинов, убитых ее рукой. Притянутые ее магией, они были сожжены заживо. Их души все еще были здесь! Они не уходили за грань.

Все это время она думала, что ее преступление против этого простого народца забыто как трагедия прошлого. И теперь она с изумлением смотрела на эту армию. Это никогда не кончится! Они были пойманы в ловушку и мучились, и темный маг мерзко использовал их, снова загнав их души в их собственные кости.

Сказанные прежде слова Шоркана эхом звучали в ее сердце: «Пришло время заплатить кровью за ваши собственные злодеяния... Вспомнить про ваши собственные проступки».

Удар молота раздался слева от нее. Внутренним слухом она услышала стон боли. Не один голос – много. Даже пронзительный крик малышей, жалобные крики о помощи.

– Они чувствуют это, – простонала она, падая на колени.

Эррил услышал ее, увидел, как она упала.

Следующий удар молота вызвал новые крики. Они наполняли болезненную пустоту в ее собственном сердце.

Эррил сжал Елену в объятиях:

– Что не так?

– Мы убиваем их всех еще раз.

Она смотрела в его лицо:

– Останови Толчука. Это надо остановить!

– Почему?

– Сделай это! – закричала она в ярости, слезы хлынули из ее глаз. – Если любишь меня, останови его прямо сейчас!

Эррил смотрел на нее еще один миг с беспокойством, затем рванулся прочь.

Елена прекратила действие своей магии и обхватила себя руками; ее трясло.

– Нет... Не надо больше... – пробормотала она.

Вокруг них все еще оставалась костяная темница, но замороженные кости начали издавать скрежещущие и хлопающие звуки, борясь с ее исчезающей магией.

– Что ты хочешь, чтобы мы сделали? – спросил Эррил, когда костяная армия начала пробуждаться.

Елена покачала головой:

– Я не знаю.

Шоркан подошел к Могвиду ближе.

– Ты будешь первым из твоих спутников, кто узнает страдания.

Могвид пытался подняться, но его ноги оставались запутанными в плаще, а сумка лежала под коленом. Он пытался превратить свою утомленную плоть из волка в человека, но тело сопротивлялось. Он усилил попытки. Его единственной надеждой оставалось освободить язык. Ему придется сказать демону, что они служат одному господину, но его усталая плоть подчинялась медленно.

Посох опустился к нему.

Он почувствовал, как Фердайл кричит ему: «Сражайся!»

Но Могвид не был воином. Его мозг работал, пытаясь найти другой способ сладить с магом. Наполовину изменив руки и ноги, он схватил свою сумку и рывком открыл ее. Его грубая рука шарила в ее содержимом, закапываясь все глубже, чтобы отыскать маленькое черное яйцо, данное ему Темным Лордом. Оно предназначалось для Грешюма, ныне дважды мертвого.

Несомненно, яйцо содержало какую-то темную магию, было инструментом, способным помочь темному магу сбежать. Могвид поднял свой трофей, стараясь заговорить.

На обезображенном шрамами лице Шоркана отобразился ужас.

Могвид сражался со своей неподатливой плотью. Он пробулькал слова:

– Для тебя! – и протянул яйцо магу.

Результат был не тем, который он ожидал. Шоркан взвыл, попятился, его посох вспыхнул черным пламенем.

– Нет!

Но предыдущая атака ослабила демона. Теперь был его черед споткнуться.

Яйцо подкатилось к его ногам. Коснувшись Шоркана, яйцо взорвалось, словно внутри каменной скорлупки был заперт гром. Серебряное озеро раскололось, точно лед под ногами темного мага. Трещины разбегались под его ногами. Земля затряслась.

Могвид съежился, когда на него снизошло понимание: яйцо не было благом, оно было роком.

Из яйца повалил дым, заволакивая демона. Когда они соприкоснулись, плоть и одежда обратилась в темный хрусталь. Маг еще отступал, спотыкаясь, но его ноги уже затвердели. Он с грохотом упал, а дым все равно продолжал преследовать его.

Огонь на посохе из черного камня потух, когда покрытые шрамами пальцы превратились в темный хрусталь. Демон издал вопль, перешедший в звенящий крик. Затем и он стих.

Могвид поднялся на ноги – все еще наполовину человек, наполовину волк. Перед ним, распростертая на серебряной поверхности озера, лежала статуя, сделанная из темного хрусталя. Хотя он не мог прочитать мысли Фердайла, он чувствовал его замешательство, потрясение и тихий вопрос: «Что ты сделал, брат?»

Могвид покачал головой. У него не было ответа. Он смотрел на возвышающиеся над ним Врата Плотины и медленно пятился. Внутри себя он ощущал безмолвную подозрительность брата: «Ты предал нас или спас?»

Эррил поднял меч, когда костяная армия освободилась от своей замороженной тюрьмы и снова неуклюже двинулась на них. Остальные попятились ближе к нему. Несмотря на протесты Елены, он намеревался сражаться. Он не позволит ей погибнуть.

Огромное костяное чудовище пробиралось среди своих покрытых инеем собратьев. Оно было в два раза выше, чем Эррил, и держало по серповидной кости в каждой когтистой лапе. Оно подкрадывалось все ближе.

Елена тронула Эррила за край плаща:

– Они не демоны, всего лишь жертвы темного мага.

Он не стал отвечать. Он знал, что Шоркан наверняка расставил эту ловушку, понимая, что это ослабит дух Елены тогда, когда ей больше всего потребуется быть сильной. Но он не мог позволить Шоркану выиграть. Столетиями Эррил носил в себе чувство вины. Из-за Елены он будет нести его еще дольше. Эррил выступил вперед, чтобы встретиться с гигантом.

– Нет... – простонала Елена.

Словно услышав ее, монстр замер. По его телу прошла дрожь. Затем, словно карточный домик, он с грохотом рассыпался. Кости запрыгали на серебряном полу. Два серпа ударились об пол и разбились.

Повсюду вокруг костяная армия распадалась на части, падая грудами костей.

Эррил стоял посреди этого хаоса.

– Что произошло? – спросил Толчук.

Елена поднялась на ноги:

– Чары, что связывали их... они рассеялись!

Эррил оглядел костяное кладбище. Что это за новый трюк? Он искал глазами своего брата. Под пристальным взглядом Врат Виверны он увидел Фердайла, упавшего на колени. Перед ним, неподвижный, лежал на поверхности серебряного озера темный маг.

– Что-то произошло, – проговорил Магнам.

Прищурив глаза, Эррил сделал знак всем подойти. Они пробрались среди наваленных грудами костей; затем Эррил повел

их через озеро, держа в руке меч. Елена шла следом, ее глаза оставались испуганными.

Когда они подошли к Вратам Виверны, судьба его брата стала ясна. Тело темного мага обратилось в чистый хрусталь, черный, как грех, и твердый, как лед. Эррил почувствовал, как его собственное тело онемело, но он заставил ноги двигаться. Он смотрел вниз, в лицо врага, в лицо некогда любимого брата. Он увидел следы мучений на его опустошенном лице. Эррил подозревал, что боль из-за обращения в хрусталь не была единственной их причиной. На этом лице он прочитал страдания истинной души своего брата.

– Шоркан, – прошептал он.

– Он превратился в хрусталь, – проговорила Елена. – Как Денал.

– Его можно растопить? – зловеще спросил Магнам, потрогав свой молот. – Как костяных монстров?

– Никогда, – хрипло ответил Эррил, вздрогнув от этой мысли. «Никогда больше». Он взглянул на дварфа: – Дай мне свое оружие.

Магнам поколебался, затем отдал молот.

Эррил размахнулся и опустил его на хрустальное тело своего брата. Он вспомнил все ужасы, которые тот творил.

– Если ты как Денал, – проговорил он холодно, – дух, сотворенный из хрусталя, тогда ты слышишь меня. Я не отрицаю, что часть тебя некогда была моим братом. Но часть – это не то же самое, что целое. Денал был светом, а ты – тьма и искажение. И давным-давно я пообещал, что твое искажение уйдет из этого мира.

Прежде чем печаль смогла ослабить его, он взмахнул молотом, держа его обеими руками. Хрусталь разлетелся на миллион осколков, которые запрыгали и заскользили во всех направлениях.

– И я держу свои обещания.

После этого Эррил бросил молот и отвернулся. Слезы набегали на его глаза. Он грубо вытер их. Почему он должен проливать слезы из-за этого демона?

Елена ответила ему, словно читая в его сердце:

– Хотя он и был злом, он по-прежнему оставался единственным твоим братом в этом мире. Ты имеешь право оплакать его.

Эррил покачал головой, затем прокашлялся. Он позволил стендайской стали, что была в нем, укрепить свою волю.

– Я оплачу моего брата, когда все будет кончено, – он повернулся к изменяющему форму: – Расскажи мне, что произошло.

Могвид смотрел на стендайца. Как же ему хотелось убежать, сбежать от своего позора, но он не мог. Эти серые, словно небо в шторм, глаза смотрели на него, приковывая к месту. Но он был слишком потрясен, чтобы отвечать, чтобы придумать разумную ложь.

«Скажи им», – Фердайл словно взвыл внутри него.

Толчук подошел к нему и хлопнул по плечу:

– Фердайл, как ты спас нас?

Могвид вздрогнул от вопроса, его глаза расширились. Фердайл? Он сдержал смех. Конечно, они все думают, что перед ними все еще его брат. Это осознание стряхнуло с него оцепенение.

– Я... Фердайл... Я не делал ничего, – ложь снова легко лилась потоком с его оттаявшего языка. – Должно быть, это серебряное озеро. Оно покрылось трещинами под магом, и он... он изменился.

Могвид старался не смотреть на Торн. Она бы поняла, что он лжет. Внутри он чувствовал, как его брат пришел в негодование. Могвид не знал, как долго его увертки помогут ему продержаться, но надеялся, что достаточно долго, чтобы он мог сбежать, прежде чем они узнают правду о его измене.

Арлекин Квэйл указал на потолок:

– Удача ли, судьба ли – время бежит быстро. Луна поднялась уже достаточно, чтобы достигнуть дыры.

Могвид поднял голову. Через небольшое отверстие в каменном потолке светилось бледно-фиолетовое небо. Луна показалась из-за одного края.

– Возможно, магия, на которую рассчитывал Шоркан, сыграла против него, – проговорил Магнам, перевязывая свое раненое плечо.

Елена вытащила меч из ножен:

– Я не поверю в это, пока Врата Плотины не будут уничтожены.

Могвид продолжал смотреть на дыру вверху. Судя по цвету неба, солнце было близко к тому, чтобы опуститься. Как только оно опустится, Фердайл будет заперт до утра. У него будет время все обдумать и, возможно, сбежать. Он наклонился, чтобы подобрать плащ, и в этот момент почувствовал, как его рука дернулась и начала двигаться сама по себе.

Нет! Не сама по себе! Его рука поднялась и сжалась в кулак, но он сделал это не по своей воле. Фердайл понял! Как и он сам, брат открыл новообретенную свободу.

Могвид заскрежетал зубами. «Я не сдамся, братец!» Согнувшись, чтобы скрыть свою борьбу от остальных, он смог разжать пальцы. «Закат так близко... Я просто должен продержаться еще чуть-чуть».

Могвид пытался выпрямиться, но его тело не слушалось. Он не мог двигаться. Две воли сражались за контроль над телом, и ни одна не могла одержать верх. «Я не отдам тело!».

– Фердайл, что случилось? – спросила Елена, стоя позади него.

Она, должно быть, заметила, как он дрожит, но он не решился прекратить борьбу, даже для того чтобы ответить. Солнце могло сесть в любой момент. Он почти чувствовал, как оно опускается.

– Фердайл?

Он услышал, как кто-то подходит ближе, но он не мог позволить себе отвлечься даже на миг, и...

Неожиданно тело Могвида вздрогнуло и распрямилось свободно. Внезапное освобождение заставило его покатиться вперед и назад с криком на губах, криком радости: «Свободен!».

Затем он почувствовал, как его пронзило огненное копье. Только после этого он услышал предупреждающий выкрик:

– Фердайл, нет!

Он опустил взгляд. Из его груди торчало лезвие меча, невероятно яркое. Крови было много. Он упал на колени.

– Он прыгнул назад, – проговорила ошеломленная Елена. – Я не успела убрать клинок с его пути!

Могвид закашлялся, словно пытался этим убрать тяжесть из груди. Скрытая от глаз часть стали, казалось, обвилась вокруг его ребер, сжимая их.

Неожиданно перед ним появилась Торн:

– Фердайл, нет...

Могвид сумел покачать головой. Он встретил взгляд избранницы своего брата.

«Это не Фердайл. Солнце село».

Теперь он знал, почему он так внезапно освободился и потерял равновесие.

– О, Могвид.... – проговорила Торн, оглядываясь на остальных. – Это снова Могвид. – Она повернулась к нему и взяла его за руку. Слезы наполнили ее глаза: она знала, что оба брата могут умереть, если один из них будет пронзен мечом.

Он уже чувствовал, как ускользает.

Торн, должно быть, тоже заметила это. Ее слова стали торопливыми:

– Скажи ему, скажи ему...

Ее янтарные глаза закрылись.

Он мог отвернуться, но не стал делать этого. Фердайл все еще был внутри него. Разве это важно теперь? Пусть он услышит последние слова любви от своей избранницы. Он не стал отводить взгляда от Торн, слушая все, что она передавала, и его дыхание становилось все более неровным. Кто-то схватил его за плечи и помог ему сесть.

Через их соединенные взгляды Могвид забрал всю любовь, что была между этими двумя. Вспышки образов, запахов, воспоминания, тихий шепот прощения. Это был слишком яркий свет, чтобы смотреть на него. Но даже такое сияние начало меркнуть, когда в глазах у него потемнело, а его тело стало холодеть.

Черта между братьями снова стала менее четкой. Но на этот раз борьбы не было. Могвид встретился с Фердайлом – близнецы, ничем не прикрытые друг перед другом.

«Мне жаль, брат». Было трудно произнести эти слова.

Затем тьма опустилась на них обоих... и они покинули этот мир.

Рыдая, Елена опустилась на колени на поверхности серебряного озера, закрыв лицо руками.

– Как? После всего, через что они прошли...

Эррил помог опустить тело Могвида на землю. Меч по-прежнему был в его груди. Вокруг тела набежала широкая лужа крови. Эррил повернулся к Елене и обнял ее.

– Почему? – простонала она.

– Я не знаю, – ответил он. – Но я не верю, что все это вышло случайно. Клинок – это меч крови. Подобное оружие известно тем, что причиняет вред очень легко и очень часто. Его отравленная сталь всегда ищет кровь и смерть.

Слова Эррила не слишком утешили Елену. Это ее рука держала меч. На ничтожный миг она отвлеклась... и тут Могвид рванулся назад, словно хотел сам напороться на меч.

Торн стояла на коленях по другую сторону распростертого на земле тела и плакала.

В нескольких шагах от них заговорил Арлекин:

– Луна почти полностью поднялась. Если мы намереваемся разрушить врата, нам бы лучше поторопиться.

Эррил помог Елене подняться:

– Я возьму твой меч.

Елена вырвалась, вытирая слезы:

– Нет, я сделаю это сама.

Она судорожно сглотнула и подошла к телу. Украшенная розой рукоять была красна от крови изменяющего форму. Торн отвернулась, не в силах смотреть. Елена сомкнула руки на рукояти, и меч освободился с той же легкостью, с какой он убивал ее врагов. Когда было вытащено острие, тело словно растаяло, как будто клинок был единственным, что удерживало его. Фигура растворилась в рыжеватом потоке. Он распространился по серебряному полу, разделившись вокруг колен Торн. Она попятилась в ужасе. Два потока потекли сами по себе, затем собрались массивными горами, из которых сформировались

две фигуры, свернувшиеся на полу. Очертания были более четкими и знакомыми: один – темный волк, другой – человек.

– Могвид и Фердайл, – проговорил Эррил. – Теперь они наконец свободны.

Толчук печально покачал головой.

Торн упала рядом со своим суженым, потянувшись рукой к его лицу. Когда она коснулась его, волк неожиданно глубоко вдохнул, затем вздрогнул, словно разбуженный во время сна. Все отшатнулись, даже Торн.

Волк поднялся на ноги, слегка дрожа.

– Ф-фердайл? – неуверенно спросила Торн.

Волк поднял голову. Янтарные глаза засветились, когда он увидел женщину силура. Глаза Торн тоже расширились. Она всхлипнула от радости и обхватила волка за шею.

– Я думаю, это означает «да», – прокомментировал Арлекин.

Рядом с ним поднялся Могвид, протирая глаза.

– Ч-что произошло? – спросил он.

– Ты жив! – сказал Толчук, помогая ему встать.

Могвид смотрел вниз на свои ноги, явно удивленный, как и все остальные. Он потрогал свою обнаженную грудь:

– Я исцелился. Как?

Эррил указал на меч в оцепеневших пальцах Елены:

– Тень Осоки была создана, чтобы разрушать чары. Держу пари, пронзив тебя, она развеяла то, что удерживало вас вместе.

– Корень Духа сказал, чтобы мы должны взять меч и искать вас, – вспомнила Торн.

Могвид посмотрел на своего брата:

– Так это из-за меча? Мы могли освободиться в любой момент?

Елена оглядела пещеру. Она вспомнила о заключенных здесь душах гоблинов

– Я подозреваю, что чудо могло произойти только здесь. Вам пришлось умереть, но ваши души не смогли уйти за грань. Пересечение стихийных потоков удерживало вас здесь в безопасности, пока узы не разрушились.

Могвид посмотрел на брата:

– Как бы там ни было, мы снова волк и человек, – он поднял руку, и на ней показался мех, – но действительно больше не связанные друг с другом.

Фердайл из волка перевоплотился в получеловека, чтобы обнять Торн. Затем он повернулся к брату:

– Могвид...

Могвид тяжело вздохнул, затем опустил голову и пробормотал:

– Я знаю...

Фердайл подошел к нему и заключил в объятия:

– Ты освободил нас.

Елена заметила потрясенное выражение на лице второго брата.

Фердайл выпрямился, но его рука оставалась на плече Могвида.

– Спасибо, брат.

Потрясение на лице Могвида не проходило. Елена улыбнулась. Она подозревала, что он заслужил немного похвал в своей жизни, будучи всегда в тени брата.

– Луна, – напомнил им Арлекин.

Елена повернулась к Вратам Виверны. Черная птица сидела, нахохлившись, на когтистых лапах из черного камня, рубиновые глаза смотрели из-под хохолка перьев, крылья раскрыты, словно она готова сорваться с места.

Это было их последнее препятствие.

Эррил положил руку на ее плечо:

– Если меч смог разрушить связь близнецов, давай надеяться, что он сможет разрушить врата.

Елена кивнула. Если они преуспеют, Чи окажется на свободе, а Темный Лорд будет отрезан от своего источника темной магии. Она разрешила себе миг надежды – странное чувство после месяцев отчаяния.

– Давай сделаем это, – сказала она. Даже если она потеряет клинок, она не проронит ни слезинки. Она вспомнила, как легко меч прошел сквозь спину Могвида. После этой ночи с мечом крови будет покончено.

Вместе они осторожно подошли к статуе, но она оставалась каменной. Елена опустила одну руку, затем другую к острому лезвию меча. Кровь хлынула из разреза.

Елена оглянулась на остальных; затем, сжав губы, она повернулась. Над статуей полная луна почти целиком появилась в дыре. У них не было больше времени. Подойдя ближе, Елена схватила рукоять обеими окровавленными ладонями. И тут же почувствовала связь со сталью, затем в нее хлынуло уверенное, четкое понимание магии.

– Когда ты будешь готова, – сказал Эррил.

Елена улыбнулась и вонзила клинок в грудь птицы.

Она ожидала, что клинок соскользнет с камня или разобьется об него, но клинок погрузился в черный камень так легко, словно это был просто дым. Эффект был незамедлительный. Каменная птица с криком пробудилась, ее шея изогнулась вверх, а крылья захлопали, широко раскрываясь.

– Елена, – предупреждающе сказал Эррил.

Она все равно вонзила меч по самую рукоять.

Связанная с мечом, она почувствовала Плотину за вратами, затем безграничное безумие. Она не ослабила хватку. Через свою связь с мечом она чувствовала, как стихийная суть клинка уходит в Плотину, его магия вытягивается бездонным колодцем.

Тень Осоки ушла, но Елена продолжала удерживать ее рукоять, давя на грудь каменной птицы. Этот меч был не просто сталью; он также был и ее собственной кровью, потоком, наполненным магией, но не стихийной. Плотине не нужна была ее энергия. Ее магия шла от Чо, магия Плотины – от Чи. Два близнеца, но противоположная магия, которая боролась друг с другом, готовясь взорваться.

Елена держала крепко. Стихийная сталь пронзала камень, позволяя ее крови получить доступ к Плотине по ту сторону. Она чувствовала сопротивление противоположной силы внутри груди птицы. Это был яростный бой, который причинял мучения каменной Виверне. Птица продолжала кричать. Она била крыльями, но не могла подняться в воздух. Ей нужно было дождаться луны, оставаясь связанной с пересечением

серебряных потоков. Однако птица пыталась стряхнуть Елену, поднять ее в воздух.

– Елена! – закричал Эррил. Боковым зрением Елена увидела, как он был отброшен в сторону каменным крылом и упал на серебряный пол.

Однако она продолжала сжимать обеими руками украшенную розой рукоять, почти повиснув на ней. Она справится. Она посылала все больше и больше собственной крови через рукоять в Плотину. Птица забилась в агонии. Елена смотрела вверх, в ее рубиновые глаза, которые теперь пылали огнем. Клюв птицы начал опускаться, готовясь разорвать девушку.

Но Толчук подоспел на помощь. Обеими руками он с лязгом опустил свой огромный молот на голову птицы. Невероятно твердый черный камень остался неповрежденным, но клюв виверны был отброшен прочь

–Торопись, Елена! – выкрикнул Арлекин. – Луна близится!

Под защитой остальных Елена действовала быстро и продолжала перекачивать магию и кровь в монстра. Внутри птицы безумное напряжение сил достигло невероятных размеров. Елена приказывала пальцам не разжиматься. Но она начала слабеть от потери крови. Ее руки также побледнели, из рубиново-красных они стали бледно-розовыми. Она не могла больше держаться.

Виверна начала сопротивляться сильнее. Теперь уже Толчук был отброшен, словно муха конским хвостом. Незащищенная, Елена поняла, что у нее есть лишь один выбор.

Она вложила остатки своей магии, отдавая всю себя, в последний удар, направленный в сердце камня. Птица издала скорбный крик, ее шея вытянулась к потолку. Там Елена заметила полный лунный лик, глядящий на нее. Неужели она опоздала? Серебристый свет струился вниз, заливая все.

Ее пальцы начали слабеть. Елена вложила последнюю порцию крови в монстра, прежде чем упасть. Но когда разжались пальцы, она почувствовала, что пульсирующая сила внутри птицы подошла к некоему рубежу. Две противоположные силы –Чо и Чи – не могут больше находиться в одном сосуде.

– Назад! – крикнула Елена хрипло.

Сильный порыв ветра отбросил ее прочь. Остальных тоже ударило, разметав во всех направлениях. Елена почувствовала, как острый осколок камня ударил ее, словно ледяная крупа во время снежной бури.

Елена упала на костяном кладбище, среди старых останков. Затем ветер стих.

Она поднялась, опираясь на руки, онемевшие и кровоточащие. Они были бледными, белыми, а магия покинула Елену. Ей придется восполнить ее в потоке лунного света, заливавшего пещеру.

Но, прежде чем она успела подняться, в пещеру из туннеля вошли, спотыкаясь, Мерик и Нилан. Руки Мерика были подняты. Вокруг него завывали ветра, поднимая маленькие кости у их ног. Затем из туннеля, цепляясь за камень когтями, появились скальтум, словно множество отвратительных насекомых.

Нилан наконец повернулась лицом к пещере. Ее глаза расширились в ужасе.

Елена проследила за ее взглядом, повернув голову. Их спутники поднимались на ноги, все в крови от осколков, разлетевшихся по кругу из-за взрыва, произошедшего в центре пересечения магических потоков. Все, что осталось от Виверны, – облако черной пыли, мерцающей в лунном свете. Даже серебряный пол пострадал от этого взрыва.

Последние Врата Плотины были разрушены!

Затем кости гоблинов, лежащие вокруг Елены, начали двигаться, вздрагивая и дребезжа, скользить и соединяться друг с другом. Елена торопливо поднялась на ноги и, спотыкаясь, покинула костяное кладбище; Мерик и Нилан бежали между дрожащими костями к ней.

– Их тут слишком много, – выдохнула Нилан. – Джастон... – Она покачала головой, всхлипнув. – Он отдал свою жизнь, чтобы у нас было время спастись.

Сердце Елены сжалось от боли, но ее внимание было приковано к происходящему. Костяная армия вновь пробуждалась. Скальтум продолжали атаковать. Почему?.. Врата Плотины уничтожены...

К ней подбежал Эррил, из глубокой раны у него на лбу текла кровь.

– Нам придется уйти. С той стороны есть туннели. По крайней мере, мы сможем укрыться.

Скальтум позади них начали кричать. Облако пыли впереди мешало видеть, но Елена помнила входы в туннели у дальней стены.

– Я должна восполнить свою магию, – сказала она, указывая на озеро лунного света в центре комнаты.

Но когда она пошла к нему, что-то изменилось в оседающем облаке каменной пыли. Закричали скальтум, и задребезжали позади нее кости, а она замерла, глядя перед собой. Эррил заметил это и повернулся к пострадавшей от взрыва части пола.

Что-то двигалось в пыли, залитой лунным светом, – чья-то фигура поднималась из каменного мусора. Поднимались, вытягиваясь, руки, разгибались ноги. Из сердца Врат Плотины рождалось некое существо.

Остальные собрались рядом. Скальтум отступили. В центре пещеры стояла огромная черная фигура. Купаясь в ярком лунном свете, фигура была явно сделана из черного камня.

Но ее глаза были двумя полными ярости провалами.

Елена поняла, что за существо это было. Через заболоченные земли за ней гнался черный страж – дух, закованный в броню из расплавленного черного камня. Но у этого были знакомые черты – мрачное отражение Толчука.

Никто не произнес ни слова. Все знали, кто стоит перед ними: Личук, Клятвопреступник, Черный Зверь Гульготы.

Его слов заставили пещеру задрожать:

– Я возрожден.

Глава 27

Тайрус собирал своих людей, надеясь, что его услышат за ревом дракона, криками умирающих и треском пламени, поднимающегося над огненной ямой.

Рев снова привлек внимание принца к изогнутому потолку темной вулканической пещеры. Дракон поднялся выше, в пасти он держал одну из их лошадей. Мотнув головой, дракон бросил окровавленный труп в дварфов-стрелков. Они попытались ранить дракона, но арбалетные болты проходили через него, не причиняя ему вреда. Как же можно убить дракона, сотканного из дыма?

От его обращающей в камень магии не было толку, он уже пытался. Все, чем закончилась эта попытка, – глубокая рана от одного из когтей. Это было невозможно понять. Хотя дракон был всего лишь дымом, его когти и клыки обладали достаточной материальностью, чтобы резать и рвать.

Тайрус кружил на коне среди своих людей. Флетч сидел на лошади Хурла; житель степей едва не присоединился к своей лошади в зубах дракона. Только то, что в последнюю минуту он скатился с седла, спасло ему жизнь.

– Что дальше? – спросил Блит.

– Снова, – пробормотал Стикс по другую руку от Тайруса. Он указал одной из своих палиц.

Черный дракон взмыл вверх, растворившись во мраке под потолком. Это была его обычная уловка – использовать тени, чтобы спрятаться, затем внезапно появиться из тьмы, чтобы калечить и убивать.

– Следите за его глазами! – закричал Веннар неподалеку.

Это был единственный способ узнать об атаке. В темноте глаза драконы пылали багровым огнем. Это было последнее, что видело множество дварфов, встретивших кровавую смерть. У всадников дела пока что продвигались лучше: они могли двигаться достаточно быстро, чтобы ускользнуть от Рагнарка.

– Единственное, что мы можем сделать, – это отступить, – продолжал Блит. – Нам не выиграть здесь.

Тайрус промолчал. Их целью не было выиграть битву; им нужно было ослабить Темного Лорда и его войска. Их кровь будет платой за выигранное время.

– Веди Стикса и остальных назад к Черной Дороге.

– А что с дварфами?

Веннар закричал:

– Спиной к огню! Используйте его свет!

– Я думаю, он намерен остаться.

– А ты? – спросил Хурл из-за спины Флетча.

Тайрус положил меч на колени.

– Оставаться здесь – самоубийство, капитан, – убеждал Блит.

Тайрус вздохнул:

– Мы все когда-нибудь умрем.

Его первый помощник нахмурился:

– Сказано истинным пиратом, сир. Но даже пират знает, когда обстоятельства против него и лучше уйти в более тихие воды.

Тайрус взглянул на своего друга. Он открыл было рот, чтобы возразить, но тут глаза Блита расширились. Отраженный в полных ужаса глазах его друга, пылал алый огонь.

Тайрус соскочил с седла в тот же миг, что и Блит.

– Вниз! – закричал он. Он ударился о каменный пол и свернулся у ног своей лошади. Между ее копытами он заметил ноги Стикса. Неожиданно сапоги гиганта исчезли вверху, а рев гнева стих.

Выбравшись из-под лошади, Тайрус подобрал свой меч. Он увидел Стикса, который пытался бороться в воздухе, его плечо было зажато в когтистой лапе дракона. Рагнарк ликующе ревел, поднимаясь все выше. Дракон летал кругами с жертвой в когтях.

Стикс бил своего захватчика одной из оставшихся палиц, но окованное железом дерево просто проходило сквозь дым. Дракону нельзя было причинить вред.

По всему полу пещеры стрелки опустились на колени, приготовив стрелы, но не один не осмелился выстрелить, чтобы не попасть в человека.

Рагнарк понес свой сопротивляющийся трофей к огненной яме, продолжая реветь. Затем когти выпустили гиганта. Он упал в пламя, размахивая руками и крича.

Тайрус мог только наблюдать в ужасе. Затем рядом с его ухом прозвенела спущенная тетива. Он быстро обернулся и увидел, как Флетч достает другую стрелу. Он повернулся назад. Как и всегда в случае Флетча, во второй стреле надобности не было. Первая вошла Стиксу в глаз, убив его мгновенно. Гигант был безжизнен, когда его тело упало в жгучее пламя.

Тайрус сжал кулак, его пальцы почернели.

– По коням, – приказал он своим людям. – Я хочу, чтобы вы все ушли. Прямо сейчас!

Блит вскарабкался в седло, но просто сидел на своей лошади.

– Мы пираты, капитан. Когда это мы слушались приказов?

Хурл наклонился и втащил в седло Флетча:

– Правда, сир. Мы были бы никудышными пиратами, если бы мы слушались всех приказов нашего капитана.

Тайрус обвел их взглядом:

– Как вы сказали, это верная смерть – оставаться здесь.

Блит пожал плечами:

– Жизнь слишком коротка, только если ты не прожил ее.

Покачав головой, Тайрус сел верхом.

– А мы жили, – пробормотал он.

– Да, капитан.

– Ну тогда поохотимся на дракона!

Сайвин держалась за Каста – не только пальцами, но всей своей сущностью. Она сосредоточилась на мужчине, которого любила, когда они летели по стеклянному коридору. Как только ее концентрация слабела, чувства и желания Рагнарка крепли.

Она наблюдала за несколькими из первых убийств дракона. Вкус крови наполнял ее рот, дикий восторг пробегал по ее жилам, и крики умирающих эхом звучали в ее душе. Эти мысли и чувства грозили затопить ее, но присутствие Каста было якорем в бурю.

«Подожди, – убеждал он ее теперь. – Осталось совсем немного».

Она закрыла глаза, погружаясь в более простые, более чистые чувства дракона, на котором летела. Шепот ветра, упругость крыльев, мягкая боль в мышцах, ровное биение огромного сердца. Это было ее убежище.

Но как гром из-за горизонта, до нее долетали крики и вопли от другого дракона. Она хотела закрыть уши, оттородиться от этих ужасов, но ей нужны были руки, чтобы удержаться на спине Каста, пока он несся над пролетами мостов, вокруг колонн, над садами, полными статуй.

Она съежилась, когда крики усилились. Только спустя несколько мгновений она поняла, что это были не призрачные ощущения Рагнарка, а то, что она слышала собственными ушами.

«Мы близко от центральной пещеры», – сказал Каст. Сайвин сделала глубокий вдох. «Ты знаешь, что делать?» – спросила она. «Я буду готов. А как ты?» Она услышала его беспокойство, и сделала глубокий, дрожащий вдох. Ее часть дела была не легче, чем у Каста. Она выпрямилась и открыла себя Рагнарку. «Связанный, – послала она ему мысль, – Я пришла присоединиться к тебе». Связь между драконом и всадником вспыхнула

ярче, когда она сосредоточилась на ней. «Моя связанная!» – ответил ей Рагнарк. Ее заполнили первобытные чувства другого дракона.

Пальцы Сайвин сжались. Она совладала со своим ужасом. Если бы она не была когда-то одержима сималтра, столь низкие мысли ошеломили бы ее. Но она встречалась с тьмой прежде. Она не позволит ей снова править собой.

«Приди, присоединись ко мне в потоке крови!»

Сайвин увидела конец туннеля; они почти добрались до пещеры. Она попыталась пробиться сквозь безумие, и сказала Рагнарку: «Я уже с тобой».

Его ликование наполнило ее разум, как она и рассчитывала. Несмотря на изменения, произошедшие с ним, Рагнарк был связан с ней узами более древними, чем любая магия. Он не мог отказаться от воссоединения с ней.

Каст влетел в огромное помещение. Лес факелов возвышался над полом по всей бескрайней пещере. С высоты она видела то, как были расположены факелы – это был водоворот с центром в гигантской огненной яме.

– Здесь, – прошептала она Касту. – Лети к центральному огню. Там я в последний раз видела Тайруса.

«И принц все еще жив?»

– Да. Рагнарк, похоже, сосредоточен на нем. Он, должно быть, ощущает запах магии, исходящий от него.

«Тогда мы должны торопиться. – Каст несся высоко над лесом факелов. – Где Рагнарк?»

Сайвин нахмурилась, не уверенная. Она знала, что он здесь, но его присутствие как будто заполняло собой всю пещеру. Трудно было сказать точно, где он, и во мраке невозможно было различить дым, из которого состояло его тело.

Поискав взглядом, она заметила остатки армии дварфов рядом с ямой. Мужчины на лошадях кружили вокруг дварфов – Тайрус и остальные.

Ей не нужно было указывать на них Касту; его зрение было острее, чем ее.

– Ищи Рагнарка.

Затем словно облако прошло под ними, мешая им видеть

дварфов. Поднялись крики, и дварфы бросились врассыпную под облаком.

«Рагнарк», – проговорил Каст.

– Лети к нему, – прошептала Сайвин. По ее спине прошел холодок. Дальше они должны были рискнуть всем.

Связь с Рагнарком усилилась.

«Подарок, – послал он ей мысль, – кровавое мясо на кости!»

Он снова напал, показывая свою удаль. Это была черта Рагнарка, которого она знала, – гордость, любовь прихвастнуть. Но его нужно было остановить: она не знала, сможет ли пережить резню, когда Рагнарк так близко.

Каст почувствовал ее желание. Он сложил крылья и нацелился на туманное облако. Сайвин прильнула к своему любимому. После такого долгого полета его тело испускало пар, словно жаркий очаг.

Они нырнули вниз вместе, упав, словно булыжник, сброшенный с очень высокой крыши. Дымное облако увеличилось в размерах перед ними. Она почувствовала, как вздрогнул Рагнарк. Полностью сосредоточившись на своем убийстве, он не успел заметить их приближение.

Затем они пронеслись сквозь облако. Сайвин заметила, как замерцала ее кожа.

«Связанный! – послала она ему мысль. – Присоединись к нам!»

Они вылетели из дымной завесы на чистый воздух.

Дварфы бежали при приближении Каста. Они даже выпустили в него несколько стрел. Но Сайвин услышала знакомый рев:

– Стрелки – вниз! – это был Веннар.

Они пролетели мимо дварфов и оказались рядом с огненной ямой. Языки пламени высоко поднимались над ее краем. Из-за жара им пришлось отлететь в сторону. Каст лег на крыло и полетел по дуге.

Сайвин заметила, что туманное облако плывет за ними. Не было ничего, что нравилось бы дракону больше, чем погоня, и, гибельный страж или нет, Рагнарк оставался драконом. Она чувствовала, как в его сердце поднимается веселье.

Но была одна вещь, которая дракону нравилась еще больше, чем охота. «Связанная!» – застонал Рагнарк. Она поняла его желание. Будучи связанным, дракон не был цельным без всадника на спине. «Докажи чистоту своей крови, мой связанный, – послала она ему в ответ мысль. – Поймай нас... присоединись к нам. Дай мне лететь на тебе снова!»

Новый Рагнарк был существом, порабощенным своими желаниями. Он не мог отказаться от погони, не мог сопротивляться желанию присоединиться к ней, если его связанная снова могла ехать на нем.

«Он идет», – сказал Каст.

– Будь готов, – прошептала она. – Держись ближе к полу. – Она рискнула оглянуться назад. Сотканное из дыма отражение дракона следовало за ними, словно чудовищная живая тень с горящими глазами. У нее кровь застыла в жилах при виде такого зрелища.

«Я иду к тебе», – пообещал Рагнарк.

Она оглядывалась по сторонам, пригнувшись к Касту.

– Сейчас, – прошептала она в его чешую. – Пусть это будет сейчас.

Каст безмолвно выразил свое согласие, замедлив движение и опустившись ниже. Он скользил над факелами, задувая их пламя ветром своих крыльев, оставляя позади себя след тьмы.

Затем тьма сомкнулась вокруг них и проникла внутрь. Все трое – Каст, Сайвин и Рагнарк – были едины с самого начала, связанные магией, любовью и древними узами. Когда тень Рагнарка накрыла их, они снова стали едины.

Сайвин боролась с прикосновением извращенного существа. Касту было не легче. Разделяя его чувства, она ощутила, как Рагнарк заполнил тело, некогда принадлежавшее ему, снова смешавшись с Кастом.

После этого Каст повернул назад к огням и воинам. Через бурю безумия сердца Сайвин коснулась одна мысль: «Сейчас».

Она не колебалась, иначе Рагнарк заподозрил бы их в обмане. Сайвин стянула зубами перчатку, когда Каст пролетал над ямой, крылья взмахивают в воздухе, замедляясь, когти выпу-

щены по направлению к земле. Люди, лошади и дварфы разбегались при их приближении.

Ногти царапнули по камню, когда Сайвин схватила чешуи дракона, на котором она летела. После прикосновения ее незащищенных пальцев мир исчез в вихре клыков, когтей, чешуи и крыльев.

Ее бросило на каменный пол, и она оказалась в объятиях любимого. Они упали, и она увидела, что Каст лежит на ней и смотрит на нее. Они оба были покрыты синяками и ссадинами, но он наклонился и поцеловал ее долгим поцелуем.

Сайвин тонула в его тепле и его губах, чувствуя огромное облегчение. Тишина в ее разуме после безумия Рагнарка была бальзамом для ее сердца.

– Каст... – прошептала она, не отрывая губ. – Ты снова мой.

Он ответил на ее слова своей страстью, прижав ее к себе крепче. Он коснулся ее обнаженной руки, переплел свои пальцы с ее и сжал их сильнее, и еще сильнее – пока страсть не превратилась в боль. Его рот закрыл ее судорожный выдох. Затем его зубы нашли ее язык, кусая до крови.

– Каст! – крикнула она.

Он отстранился, на его губах была его кровь. Его глаза открылись, и багровое пламя смотрело из них на нее.

– Связанная, – прошипел он. – Ты моя!

Тайрус мчался по пещере, подхлестывая свою лошадь поводьями. Она лавировала между головнями факелов, поворачивая то вправо, то влево. Только что он видел, как два дракона – из плоти и из дыма – соединились. Затем произошла вспышка превращения.

Тайрус мгновенно понял, что пыталась сделать женщина мираи: загнать дух дракона назад в его тело, затем своей магией запереть его внутри Каста.

Сайвин кричала, и эхо разносилось по пещере.

Что-то явно пошло не так.

Каст прижимал сопротивляющуюся женщину к каменному полу, но она смогла высвободить руку и поцарапала ему лицо. Он только засмеялся.

Тайрус пришпорил лошадь, сокращая расстояние, отделявшее его от Каста и Сайвин.

Но не только он двигался в этом направлении. От края огненной ямы мчался Блит, копыта его лошади грохотали, словно гром. Он оказался ближе. Он подскакал к борющейся паре и свесился с седла. Одной рукой Блит схватил воинскую косу Кровавого Всадника.

– Слезь с нее, тупица! – взревел его первый помощник, проезжая мимо.

Каста сорвало с места и оттащило в сторону.

– Нет! – закричала Сайвин, пытаясь удержать руку своего любимого. Но тут взорвалась темная вспышка. Сайвин отбросило назад; даже Блит слетел с седла, когда мужчина снова превратился в дракона. Чудовище в черной чешуе припало к каменному полу, его силуэт четко обрисовался в отблесках пламени. Серебряные когти впились в гладкий пол. Дракон вытянул шею к потолку и заревел, возвестив о своем гневе.

Блит съежился рядом с Сайвин. Они оба лежали в тени монстра. Лошадь ускакала.

Рагнарк опустил к ним морду. Его глаза не уступали пламени позади него – такие же яркие и голодные.

Блит выхватил меч, поднимаясь на ноги, отталкивая Сайвин за спину, готовый стать ее щитом.

«Чертов дурак!» – выругался Тайрус. Его первый помощник выбрал не лучшее время для проявления галантности. Тайрус снова хлестнул лошадь, но он все еще был слишком далеко.

Тут слева появился отряд дварфов во главе с Веннаром. Они одновременно упали на одно колено, держа луки в руках. Стрелы взлетели по смертоносной дуге, нацеленные на дракона. Большинство отскочило от жестких чешуй, но некоторые попали глубже, и их оперение заколыхалось.

Рагнарк встряхнулся, расправляя крылья, и снова заревел в гневе.

Дварфы приготовили новые стрелы. Веннар закричал:

– Еще!

Снова последовал залп, но на это раз дракон был готов. Стрелы были отброшены подставленным крылом и посыпались на пол.

Рагнарк повернул шею, снова наклоняя морду к Блиту и Сайвин. Дракон заревел, обнажая длинные клыки. Блит напрягся.

Тайрус почти добрался до них, он заходил с левой, раненой стороны дракона.

– Эй! – закричал он, чтобы привлечь к себе внимание.

Взмах крыла чуть не сбил его с седла. Тайрус пригнулся, затем прыгнул, пролетев по воздуху над широким крылом, раскинув руки. Он призвал остатки своей магии в пальцы. Они мгновенно почернели.

Из-за туши дракона поднялся крик.

Затем Тайрус приземлился на Рагнарка. Он загнал пальцы под толстые чешуи, в нежную плоть под ними, и освободил свою магию. Он почувствовал, как чешуя затвердела, поймав его пальцы в ловушку. Это помогло Тайрусу: плоть начала превращаться в камень. Дракон попытался сбросить Тайруса, но принц пиратов вплавился в чудовище. Бросившись на Рагнарка, Тайрус использовал свою магию со свирепой скоростью, опустошая свое сердце. И снова он почувствовал тупое отсутствие интереса к собственной смертности.

Чувства схлынули. Он слышал рев тревоги, и где-то далеко он чувствовал, как дракон постепенно перестает сопротивляться, становясь безразличным, как и он сам. Гранит растекался по крыльям, по длинной шее, по когтистым ногам. Затем, с последним посылом магии, все было обращено в камень.

Оба, дракон и всадник, были пойманы в ловушку на веки вечные.

Тайрус прислушался к своему сердцу: оно превратилось в трепещущий мешок с извивающимися змеями. Он позволил себе упасть во тьму. Все кончено.

Он соскользнул с холодного камня к чему-то более теплому. Затем вокруг стало светлее, он купался в этом свете, свет обвивал его. Он почувствовал какое-то прикосновение к своим губам. Ему потребовалось время, чтобы понять, что это поцелуй.

Он знал, кто обнимает его. Лишь однажды он ощущал вкус этих губ, но этого было достаточно. Камень в его сердце растопился радостью. С его губ слетело имя: «Мишель...» Ему не ответили. Он все еще был слишком далеко, он чувствовал это.

«Мишель, я иду к тебе». Теплый свет сопротивлялся ему, удерживая его на расстоянии: «Нет, моя любовь, ты должен оставаться». Его сердце разбилось. «Не для чего. Ты всегда была моим светом». – «И всегда буду... Но сейчас не твое время». – «Я хочу этого», – сказал он так твердо, как мог.

Ее голос стал суровее: «Ты хочешь умереть как пират... но то, о чем я прошу тебя, намного труднее. – Последовала долгая пауза. – Ты должен не умереть как пират, а жить как принц. В тебе нуждаются. Ради меня, живи как принц».

Тайрус искал слова, чтобы возразить, но глубоко внутри себя он понимал, что она права. Он обнимал ее еще мгновение, купаясь в ее свете, вбирая его своим сердцем. Затем он отпустил ее. «Обещай мне...» – прошептал он. «Ты знаешь, что я уже сделала это».

И больше ничего. Он был один.

Частица тепла и света, что осталась у него, растопила камень вокруг сердца. Кулак из мышц в его груди слабо забился... один раз, второй, и снова, сильнее, отсчитывая время до тех пор, когда они смогут воссоединиться снова.

Камень оттаял, превратившись в плоть. Он почувствовал, как соскользнул со стены гранитного дракона, но внизу его уже ждали руки, чтобы подхватить. Зрение вернулось к нему, но мир потемнел с тех пор как он в последний раз его видел. Он посмотрел направо и налево. Флетч и Хурл удерживали его на ногах. Над ямой позади них языки пламени потухли.

– Огонь погас, как только умер дракон, – объяснил Хурл, верно истолковав его озадаченное выражение лица.

Тайрус несколько раз глубоко вдохнул, выгоняя камень из уголков своей сущности.

Дракон заполнял собой мир с одной стороны – гранитная скульптура совершенной формы. Он сидел на задних ногах, голова на изогнутой шее опущена к полу. Тайрус был достаточно близко, чтобы почувствовать жар его тела. Как будто он стоял рядом с огромным углем, только что вытащенным из камина.

– Блит, – начал Хурл, привлекая его внимание. – Он...

Северянин покачал головой.

Тайрус вспомнил: дракон, его первый помощник и Сайвин. От страха его ноги подогнулись. Он взглянул на Флетча, но житель степей отвел взгляд.

– Отведите меня к нему, – приказал Тайрус.

Они обогнули группу дварфов, с изумлением разглядывающих каменного дракона, и подошли туда, где Веннар стоял на коленях рядом с Блитом. Кровь лужицей собралась рядом с ними. Сайвин сидела на коленях у ее кромки, спрятав лицо в ладонях и рыдая.

Тайрус поторопился, уверенный, что Блит уже умер. Но тот был жив. Веннар подложил ему под голову толстый валик из свернутой одежды. Тайрус не сразу заметил, что левая рука Блита оторвана прямо от плеча.

Когда Тайрус опустился на колени, Веннар сказал:

– Дракон начисто откусил ему руку.

Блит пытался заговорить, но закашлялся. Показалась кровь.

Тайрус взял его за руку.

– Мне следовало быть быстрее, – пробормотал он. – Мне жаль.

Блит покачал головой:

– Жизнь пирата коротка. Короче, чем у принца.

Тайрус нахмурился:

– Я не принц...

– Не повторяй этого снова, – свирепо выпалил Блит и снова закашлялся. Он ловил ртом воздух и кашлял с каждым вдохом. – Я знаю, ты всегда был принцем. Самое время и тебе увидеть это.

Тайрус не знал, что ответить.

– Не оплакивай меня, – пальцы первого помощника конвульсивно сжались, когда боль прошла через его тело. Он поморщился. – Я отправился в бой с принцем... и звал его другом, – несмотря на боль, его голос был полон гордости.

Тайрус грустно улыбнулся:

– Кто сказал, что ты был моим другом?

Блит вернул ему улыбку – улыбку пирата, но это была и улыбка мужчины. Он сжал пальцы Тайруса в последний раз. Затем свет погас в его глазах, улыбка померкла, и он отошел.

Спустя некоторое время Тайрус вздохнул и поднялся.

– Покойся с миром, друг мой.

Слова Мишель вернулись к нему: «Ради меня, живи как принц». Он пообещал. Ради нее, ради Блита он сделает все, что может.

Сайвин продолжала сидеть на земле, и кровь пирата подбиралась к ее коленям. Она видела, как Рагнарк рванулся и подхватил Блита, подняв его с пола, затем швырнул его вниз.

Но, что было хуже всего, дикий восторг дракона передался ей, и она ощущала его как свой собственный. Ее сердце ожесточилось, наполненное низменными желаниями, когда истекающий кровью мужчина был брошен к ее ногам. Подарок.

Она закрыла лицо, рыдая. Затем она увидела, как дракон был превращен в гранит. Связанная с Рагнарком, она чувствовала, как он исчезает, словно падая в бездонный колодец и утаскивая Каста с собой в каменную могилу.

Она дрожала, не в силах принять эту трагедию. Она потеряла все.

Затем ее тронул за плечо лорд Тайрус.

– Мне жаль, Сайвин, – проговорил он. – Каст спас нас всех. Дракон был поглощен полностью.

Она кивнула:

– Я знаю.

Она смотрела на дракона, не зная, проклинать ей Рагнарка или оплакивать. Его огромная морда почти лежала на полу, как если бы он просто ложился, чтобы вздремнуть. Его глаза смотрели на нее, теперь лишенные огня – простой гранит. Она знала, что гигантский зверь был жестоко использован, но она еще не нашла в себе сил простить его. Ее горе было слишком свежо.

Веннар, стоявший в нескольких шагах в стороне, у края дыры, спросил:

– Как вы объясните это? Огненная яма остыла. Камень даже не теплый.

Тайрус поднялся:

– Я думаю, пламя и демонический дракон были связаны, это была какая-то вулканическая магия, – он кивнул на каменного

гиганта и вытянул руку. – Потрогайте – он еще горячий, словно уголь. Должно быть, пламя ушло в него. Жар огня ушел, забрав в себя холод гранита.

Веннар взглянул на дракона, затем махнул остальным:

– Подойдите посмотреть на это.

Тайрус подошел к Сайвин, чтобы помочь ей подняться, но она покачала головой. Она с трудом удержалась от того, чтобы не ударить его, но он повернул ее лицом к себе.

– Ты жива! – проговорил он с яростью. – Каст и Рагнарк отдали свои жизни, чтобы ты могла жить, чтобы мы все могли жить. Ты должна продолжать двигаться.

Она всхлипнула:

– Как? Как все это может быть?

– Этого не может быть. Такое горе – больше, чем можно вынести. Но сейчас просто выживи. Передвигай одну ногу, затем другую.

Она начала протестовать, но Тайрус взял ее за плечи и повел к яме. Ее ноги были словно свинцовыми от горя. Она сама чувствовала себя так, словно стала камнем.

Веннар посмотрел на нее с беспокойством. Она вырвалась из объятий Тайруса. Она будет стоять сама.

– Что ты хочешь чтобы мы увидели? – спросил Тайрус.

Веннар кивнул на яму:

– Если пламя и дракон были едины, тогда они оба должны быть помещены здесь с какой-то целью – сторожевой пес у врат, так сказать.

Сайвин посмотрела в дыру. Далеко внизу отсвечивал красноватым расплавленный камень.

– Видите эти ступени? – спросил Веннар, указывая топором на одну из стен ямы.

Сайивн посмотрела, и ее глаза расширились. Внутри ямы по спирали уходила в глубину лестница.

– Если демон, столь лютый, как этот дракон, был поставлен охранять путь, тогда он может быть важен, – сказал Веннар.

Тайрус кивнул:

– Он должен вести в сердце самой горы.

– Возможно, в логово Темного Лорда.

Веннар сжал топор массивными кулаками.

Горе Сайвин вспыхнуло гневом. Ее рука опустилась к поясу, где был ряд парализующего оружия. Если уж ей придется жить, то у нее будет причина для этого: месть.

– Мы должны идти вниз, – сказала она. Она посмотрела на Тайруса и Веннара. Их лица были суровы, а взгляды жестки.

– Как же иначе? – спросил Тайрус. – Пришлось заплатить столько крови, чтобы открыть эти врата! Мы не позволим этим смертям пропасть напрасно.

Веннар быстро собрал свои войска, оставив некоторых присматривать за ранеными. Сайвин вернулась к дракону. Он стоял, припав к земле, и от него во влажном воздухе шел пар.

Тайрус держался рядом с ней. Она ощущала его чувство вины.

– Может быть, когда все закончится, – проговорил он тихо, – я смогу попробовать освободить дракона.

Сайвин долго не отвечала. Как бы ей хотелось надеяться на это! Но она видела пламя в этих глазах. Рагнарк был слишком силен. И даже если они смогут вернуть его в плоть, Рагнарк был гибельным стражем. Почти невозможно обратить вспять эту перемену. И как много смертей потребуется ради такой попытки?

– Нет, – сказала она, и ее голос сломался. – Рагнарк восстал из камня; пусть он вернется в каменный сон. Это то, чему он принадлежит.

– Но Каст... он не принадлежит камню.

Сайвин подошла к морде гигантского дракона. Она протянула руку. Был ли ее любимый все еще там? Чувствует ли он ее? Жар гранита стремительно остывал. Сайвин коснулась чешуйчатой щеки дракона. Она оставалась теплой, как если бы он все еще был жив. Когда она убирала руку, ее пальцы неожиданно опалил ожог. Она отдернула руку, вздрогнув.

– Что-то не так? – спросил Тайрус.

Сайвин нагнулась ближе, рассматривая дракона. Из двух широких ноздрей выходили тоненькие потоки пара, которые трудно было заметить на фоне черного гранита. Она случайно обожгла о него пальцы.. Она покачала головой и выпрямилась:

– Просто остатки вулканического жара, выходящего наружу.

Тайрус кивнул:

– Нам следует подготовиться к спуску.

Сайвин повернулась, чтобы идти, сжимая обожженные пальцы. Она обожгла эту же руку, когда поместила цветок Родрико в дым над трещиной в склоне вулкана. Одно простое действие привело к этой трагедии, но оно также открыло врата сюда. Сайвин оглянулась на дракона. Все из-за предсказания ребенка: сон Шишон привел их всех сюда.

Она представила лицо маленькой девочки, полное надежды. Даже ее простая любовь к мальчику Родрико было обещанием будущего, обещанием жизни. Сайвин коснулась кармана своего костюма из кожи акулы, где она все еще хранила бутон с цветка мальчика. Она достала цветок. Его пурпурные лепестки все еще были плотно закрыты. Сайвин захотелось знать, распустится ли он когда-нибудь; цветок Родрико вобрал в себя вулканический дым из расщелины...

«Он вобрал в себя дым!» – Сайвин резко повернулась кругом.

Тайрус заметил ее неожиданное движение:

– Сайвин?..

Она вспомнила слова принца: «Каст... он не принадлежит камню». Она зашагала назад к дракону. Не опоздала ли она?

– Что ты делаешь? – спросил Тайрус.

– Доверяю подарку ребенка, – ответила она. Она поместила бутон в дымный поток пара, выходящего из ноздрей дракона. Сайвин не замечала обжигающего жара. Когда дым коснулся лепестков, Сайвин почувствовала, как дрожь энергии прошла сквозь нее. Она судорожно вдохнула воздух.

В ее пальцах бутон начал распускаться, его лепестки раскрывались, открывая пылающую сердцевину.

Тайрус стоял позади нее:

– Что ты пытаешься сделать?

Сайвин дрожала, неожиданно потеряв уверенность. Она медленно вынула цветок из потока пара и сделала шаг назад. Пока она отступала, дым, казалось, следовал за ней, притягиваемый

цветком. Сайвин продолжала отступать. Дым обвился вокруг цветка поверх ее пальцев, приняв облик призрачной руки.

Слезы бежали по ее щекам. Страшась заговорить, она отступала дальше. С каждым ее шагом из дыма все яснее появлялась фигура. Сайвин шла медленно, давая время фигуре принять форму. Но поток пара из ноздрей дракона стремительно уменьшался. Сайвин почувствовала, что, если она не освободит фигуру, прежде чем дым исчезнет, все будет кончено. Полная страха и надежды, она споткнулась.

Хрупкая фигура слегка рассеялась из-за дрожи ее руки.

– Осторожно! – проговорил Тайрус позади Сайвин; теперь он поддерживал ее плечо.

Сайвин постаралась держать цветок ровно, и фигура вновь обрела четкие очертания. Тайрус шел сзади, поддерживая ее. Перед ними обретала четкую форму фигура мужчины. Сайвин не могла бы спутать эту фигуру ни с чем.

– Каст, – простонала она.

– Еще чуть-чуть, – проговорил Тайрус. – Торопись. Дракон холодеет.

Сайвин сделалаеще один шаг, и неожиданно фигура стала совершенно четкой – скульптура Каста, изваянная из дыма. Они вместе сжимали бутон, держа его перед собой. Сайвин не могла совладать с ногами, которые начали дрожать. Слезы затуманили взгляд.

– Моя любовь...

Он остался безмолвной тенью.

Она знала, что ей нужно сделать. Свободной рукой она дотронулась до его сотканной из дыма щеки.

– Ты нужен мне, – она вложила всю свою любовь в эти несколько слов.

Магия вспыхнула между ними, но, вместо того чтобы призвать дракона, она превратила дым в плоть под рукой Сайвин. Изменение распространилось из-под ее пальцев, принося в ничто материальность и жизнь. Каст оказался перед ней – бледный, но живой.

– Сайвин, – пробормотал он, почти не веря.

Она опустила пальцы, едва заметив, что его драконья татуировка снова стала простым морским соколом. Рагнарк ушел. Она обняла мужчину, которому принадлежало ее сердце:

– Никогда не покидай меня.

– Больше никогда.

Ее прикосновение окончательно убедило его в том, что все происходит на самом деле. Он обнял ее и поднял высоко. Они поцеловались, становясь единым целым. Их теперь было только двое, но этого было достаточно для каждого из них.

Каст шел следом за Тайрусом по извилистой лестнице. Сайвин крепко сжимала его руку. Ступени были достаточно широки, чтобы могли пройти четверо в ряд, но жар и брызги лавы, долетавшие снизу, заставляли их идти парами, прижимаясь к стенам ямы.

Тайрус впереди тихо переговаривался с Веннаром. Позади них шли двое пиратов, один светловолосый, другой темный – один с северного побережья, другой из степей. Они снабдили Каста грубо подогнанным доспехом и длинным мечом. «Принадлежал моему отцу, – сказал Хурл, подмигнув. – Или чьему-то отцу, по крайней мере».

За ними протянулась длинная линия солдат-дварфов, спускавшихся с дальнего края ямы.

Подняв голову, Каст мог видеть каменного Рагнарка. За долгое время, что он провел с драконом, граница между ними была сожжена. Он мог вспомнить неистовство монстра как свое собственное. Однако Каст чувствовал и настоящую душу дракона. В краткие мгновенья он видел ее, ярко сверкающую, в осаде – в муках и борьбе. А теперь Рагнарк стал камнем, застыл навеки.

Он отвернулся со вздохом. И вспомнил слова Сайвин, сказанные со слезами на глазах, когда она начала спускаться по ступеням: «Мы нашли Рагнарка спящим в камне. Возможно, это его судьба – вернуться».

Каст глубоко вздохнул, молясь, чтобы дракон обрел покой.

Тайрус отвлек его от этих мыслей.

– Туннель, – крикнул он, указывая вниз.

Каст подошел ближе к краю ступени. Жар обжег его кожу, пока он искал глазами место, на которое указывал Тайрус. Внизу, после трех поворотов лестницы, ступеньки, кажется, кончались у входа в туннель. Каст отошел от края, на его лбу выступил пот. Так, значит, у этой лестницы в самом деле есть конец. Они боялись, что она просто спустится к потоку лавы.

Увидев цель, они пошли быстрее. Теперь с каждым шагом жар становился сильнее. Воздух обжигал легкие, а запах серы забивал глотку. Все они задыхались и вспотели, пока делали последний поворот. Их спуск превратился в бегство к туннелю: хотелось скорее спастись от колышущихся глубин ямы.

Каст одной рукой поддерживал Сайвин. Мираи, существо холодного моря, она усыхала, словно водоросль, выброшенная на берег. Он хотел, чтобы она скорее попала в убежище туннеля, и поторапливал Тайруса и Вннара. К тому времени, как они достигли входа в туннель, он нес Сайвин, и пальцы ее ног тащились по каменному полу.

Они ввалились в темные глубины коридора, вслепую двигаясь вперед, чтобы дать остальным место войти вслед за ними. Каст смутно различал Веннара, который пытался вытащить из своей сумки промасленный факел. Тайрус уже ударял кресалом, высекая во мраке искры.

Они по-прежнему двигались в темноте, восхитительно прохладной после сильного жара. Сайвин ловила ртом воздух и наконец сумела встать на ноги, хотя они и дрожали еще.

Каст поддерживал ее.

Наконец искра попала на факел, и вспыхнул свет. Веннар высоко поднял факел и пошел вперед, так что весь легион дварфов смог войти в прохладу.

Каст смотрел вперед. Туннель, казалось, тянулся бесконечно и слегка изгибался.

– Труба для потока лавы, – проговорил Веннар. – Я видел такое прежде.

Они шли, черпая силу в прохладе. Даже воздух здесь меньше пах серой и ядовитыми испарениями, он был почти освежающим, хотя туннель спускался по все более тугой спирали глуб-

же в гору. Сейчас они должны были быть ниже уровня моря. Эта мысль не приносила утешения.

Потом Каст увидел отблеск впереди. Тайрус тоже заметил это.

– Что-то ярко сверкнуло.

Они осторожно пошли вперед. Факел освещал маленькие пещерки размером со спелую тыкву, вырытые в стенах. Внутри этих пещерок стояли каменные раковины, и в каждой лежала небольшая сфера красного хрусталя.

– Камень сердца, – изумленно проговорила Сайвин. Пока они смотрели, с потолка пещерки упала капля и с тихим звоном ударилась о камень перед ними.

– Кровь, – в ужасе сказал Каст.

Сайвин наклонилась ближе, затем покачала головой:

– Нет, не кровь. По крайней мере, не кровь, которую мы знаем. Это жидкий камень сердца.

Она потянулась к камню.

– Сайвин... нет!

Она коснулась похожей на кровь сферы, затем продемонстрировала палец:

– Эти сферы – куски камня сердца, сформировавшиеся из капель крови самой Земли.

Тайрус проговорил, стоя в нескольких шагах от нее:

– Нет, это не сферы, – и он указал на нишу перед собой.

Каст присоединился к нему. В этой пещерке сфера была достаточно большой, чтобы увидеть ее форму ясно: овальная, более заостренная с той стороны, где на нее падали капли, и более широкая у основания, принявшая шарообразную форму раковины. Эту форму ни с чем нельзя было спутать.

– Яйца, – сказала Сайвин и прикрыла рот рукой.

Каст кивнул. Арлекин Квэйл рассказывал, что он видел целый зал, полный подобных яиц. Здесь, они, должно быть, создавались и ждали, когда Темный Лорд прикоснется к ним, чтобы наполнить их искажением и превратить камень сердца в черный камень.

– Но почему они прятали этот туннель столь тщательно, поставив дракона охранять его? – спросил Тайрус.

Каст оглядел туннель и сотни ниш. Он повернулся к Веннару:

– Мне нужно, чтобы твои люди собрали все свое оружие... все... молоты, мечи, топоры, даже наконечники стрел.

– Зачем? – спросил дварфский генерал.

Издалека из туннеля бегом вернулся один из дварфов-разведчиков:

– Там свет впереди! Туннель заканчивается через половину лиги!

Веннар повернулся к Касту, его глаза спрашивали, что делать.

Каст сказал ему. И спустя некоторое время, потраченное на споры, Веннар, ворча из-за ненужного промедления, приказал своим людям повиноваться, растянувшись по всей длине коридора, расположившись рядом с каждой нишей.

– Зачем вы делаете это? – спросила Сайвин.

– Потому что это касается камня сердца.

Как только они закончили, Каст повел их вниз по коридору, который становился все теснее и теснее. Ниши исчезли, и стены снова покрывал простой камень. Вскоре впереди показался яркий свет, сияющий серебром.

Каст велел всем держаться позади него и один пошел вперед. Что же там? Он глубоко вдохнул, подготавливаясь, затем сделал последний шаг.

Стоя в ярком свете с мечом в руке, он смотрел в пещеру за туннелем. Его глаза расширились, и он судорожно вдохнул. Милосердная Мать!

Глава 28

Елена стояла в центре бури, а вокруг нее разгоралась жестокая битва. Костяная армия снова поднялась из праха, и отпор им дали Толчук и Магнам, а также Джоах, вращающий посохом и посылающий магический огонь.

– Торопись, Елена, – сказал Эррил. Он припал к земле позади нее, держа меч наготове. Арлекин защищал ее с другой стороны, кинжалы поблескивали в его руках.

Боковым зрением Елена заметила Торн в облике волка, которую схватили темные щупальца, змеящиеся с потолка. Но подоспел Фердайл, он прыгнул с мечом в руке и освободил ее. Они упали на серебряный пол, и там Могвид помог им подняться, настороженно оглядываясь по сторонам.

Позади Елена чувствовала дуновение ветра Мерика. Эльф давал отпор скальтум, которые пытались подняться в воздух, вновь отбрасывая их к стене. Нилан тут же опутывала их ноги и крылья корнями, не давая им двигаться. Здесь, посреди озера чистой стихийной энергии, они были сильны.

Но, несмотря на все усилия, их отряд был близок к поражению. Они не могли обороняться долго. В центре комнаты возвышалась фигура Личука в облике черного стража, и у них не

было надежды победить Темного Лорда. Они не были готовы к такой битве. Он не должен был быть здесь. Предполагалось, что он за полмира отсюда, у вулканической горы Блэкхолла.

Разум Елены был скован ужасом. Их единственной надеждой было отступить в туннели, но, чтобы сделать хотя бы это, им нужна была ее магия. А Темный Лорд стоял там, куда падал единственный луч лунного света.

Нужен был другой путь.

Ее бледные руки дрожали, когда она вытаскивала Кровавый Дневник из-под плаща, а затем положила том на сияющий пол. Его позолоченная роза ослепительно сияла, отражая яркую полную луну середины лета.

– У нас мало времени, – напомнил ей Эррил.

Сделав глубокий вдох, она распахнула книгу. Страницы внутри исчезли, открыв окно в ночное небо, полное скоплений звезд и мерцающих туманностей, – Пустоту. Из этого потустороннего мира к Елене текла сверкающая река. Она обрела форму, паря в воздухе перед Еленой.

Эррил помог Елене встать на ноги.

Лунный камень обрел форму женщины в вихрях света. Она была столь же яркой, сколь черным был Темный Лорд. Ее глаза смотрели на Елену, пылая звездным светом Пустоты.

– Чо, – проговорила Елена.

Фигура едва заметила ее, повернувшись, чтобы обвести взглядом пещеру. Все затихло под ее взглядом. Костяная армия замерла на месте; щупальца на потолке прекратили извиваться; крики скальтум смолкли.

Когда воцарилась тишина, прозвенело единственное слово: «Чи».

Часть костяной армии, что стояла между Чо и центром пещеры, со стуком осыпалась на пол. Мрачная фигура из черного камня ждала, глядя на создание из лунного камня.

– Ты! – закричала Чо, делая шаг вперед. – Ты держишь в плену Чи!

Елена жестом велела Эррилу взять Дневник. Она последовала за духом.

Темный Лорд ответил, дразняще и мрачно:

– Чи мой, все это время.

Елена с беспокойством взглянула на Эррила. Чи все еще был в ловушке; они слишком поздно разрушили Врата Виверны. С ужасом она осознала, что Темный Лорд был не просто черным стражем, он еще и сам был Вратами Плотины. Как они могли справиться с таким врагом?

Под ногой монстра серебряное озеро окрасилось черным. Изменение пересечения стихийных потоков уже началось. Пока они сражались, чтобы выжить, Черный Зверь начал свое нападение на сердце мира.

– Я не допущу этого! – крикнула Чо, страдая. – Освободи Чи!

– У тебя нет власти надо мной, – ответил мрачно Темный Лорд. – Сражайся со мной и увидишь, что я могу сделать!

Его глаза вспыхнули.

Чо неожиданно закричала:

– Нет! – Она метнулась назад к Елене и Эррилу, закрывая лицо руками. – Останови это!

Она опустилась на колени на серебряном полу.

– Что случилось? – спросила Елена.

– Чи кричит... Тьма мучает его...

– Пытки, – прошептал Эррил. – Он мучает Чи.

Фигура из черного камня вспыхнула и померкла снова.

– Вы опоздали в любом случае, – он не смотрел на рыдающую фигуру. – Вы все опоздали.

Он пошел вперед. Там, куда он ступал серебряное озеро становилось черным. Тьма, змеясь, выползала из каждого следа ноги.

– Я свершу мое правосудие над Землей!

Эррил выступил вперед:

– Исказив ее?

Черный Зверь посмотрел на Эррила:

– Нет, уничтожив ее. Я вырву живое сердце из груди мира и разобью его моим каменным кулаком.

Елена увидела, как Эррил подает ей сигнал. Он двигался к Чо, показывая Елене, чтобы она восполнила запасы своей матии. Елена пригнулась за спиной духа.

– Мне нужна твоя сила, – прошептала Елена, протягивая руки к Чо.

Дух посмотрел на ее бледные руки и покачал головой:

– Нет.

Брови Елены сдвинулись. Она протянула руки внутрь призрачной фигуры, призывая магию хлынуть в нее, но ничего не произошло. Ее пальцы оставались бледными.

Следующие слова духа звучали теплее:

– Только Чо может дать тебе свою силу.

Елена взглянула на духа. Глаза, что смотрели на нее, были простыми, свободными от Пустоты.

– Тетушка Фила.

Короткий кивок.

– Чо отказывается. Она видит поток силы здесь лучше, чем ты. Черный камень и водоворот энергии удерживают ее брата в плену. Нет надежды освободить его, и любая попытка сражаться означает муки для Чи. Я слышала его крики, они эхом донеслись от Чо ко мне. – Ее лицо стало мрачным. – Невозможно представить боль, которую он чувствует. Чо не может позволить этому повториться. И я не могу обвинять ее.

Елена сжала оба кулака перед туманной фигурой:

– Но если мы не остановим его, чудовище уничтожит мир. Я должна получить ее силу.

Тетушка Фила посмотрела мимо нее, в сторону:

– Будущее никогда не бывает предопределенным. Иногда открываются такие пути, которые никто не может предсказать.

Елена посмотрела вокруг. Она увидела, как Толчук пробирается мимо Эррила. Огр смотрел на своего темного близнеца.

– Почему? – спросил он просто.

– Наблюдай, – прошептала тетушка Фила рядом с Еленой. – Иногда судьбу можно изменить одним словом.

Толчук смотрел в лицо своего предка-огра.

– Почему? – повторил он. – Почему ты делаешь это?

Он изучал свою темную копию, даже поднял руку, чтобы коснуться собственного лица. Сходство было очевидным, но при более близком рассмотрении были заметны и некоторые отли-

чия. Фигура из черного камня была несколько ниже ростом, но шире в плечах. Руки и ноги были толще, как у настоящего огра. Но, как и Толчук, его двойник из черного камня стоял прямо, не сгибаясь.

Пылающие глаза сосредоточились на нем.

– Мой последний потомок, – проговорил он, зарычав от гнева.

Толчук наморщил лоб. Его смешанная кровь – огра и силура – сделала отцовство невозможным для него. Прямая линия, идущая от Личука, оборвется после смерти Толчука.

Двое смотрели друг на друга, разделенные двадцатью шагами и пропастью веков – огр во плоти и огр из черного камня. Несмотря на опасность, Толчук хотел узнать больше. Здесь стоял родоначальник его проклятого рода. Он не мог не задаваться вопросом, сколько в нем самом от этого монстра. Ограничивалось ли их сходство чертами лица? Ему необходимо было знать, поэтому он начал с истоков:

– Почему ты нарушил свою клятву Земле?

Личук сплюнул, его глаза вспыхнули:

– Земля не заслуживает клятв. – В этих пламенных глазах Толчук увидел лишь презрение. – Я понимаю, что ты хочешь узнать. Мы с тобой похожи больше, чем тебе кажется, Тот-кто-ходит-как-человек, – эти последние слова были произнесены с насмешкой.

– Как так?

– Не можешь предположить?

Толчук нахмурился, но ответ пришел из-за его спины. Магнам, скрытый в его тени, сказал:

– Каждый из вас лишь наполовину огр.

Вздрогнув, Толчук неожиданно понял, что Магнам сказал правду: прямой позвоночник и другие едва заметные отличия.

– Ты наполовину силура, как я?

– Нет, – проговорил Магнам, подходя ближе. – Он наполовину дварф.

Глаза Толчука расширились.

– Со стороны отца, – ответила холодно каменная фигура, – торговца-дварфа. Он надругался над женщиной-огром из клана

Токтала и бросил ее с растущим животом. Как и ты, я родился полукровкой среди кланов, где чистота крови была всем. Только мои стихийные таланты дали мне почет и уважение – моя способность узнавать, развивать и доводить до совершенства таланты других.

– Дар, данный тебе Землей, – напомнил Магнам. – Землей, которую ты хочешь уничтожить.

Глаза Личука вспыхнули алым.

– Земля не дает даров, – сказал он с яростью. – За все приходится платить.

Толчук услышал застарелую боль в его голосе.

– Почему ты говоришь так?

Личук бросил взгляд на остальных. За это время никто не сдвинулся с места, все внимательно слушали. Личук вновь посмотрел на Толчука:

– Как и ты, я был бесплоден – еще одно проклятье из-за распутства моего отца.

Толчук нахмурился. Личук не мог быть бесплоден, иначе сам Толчук не смог бы родиться как его потомок. Его темный предок прочитал замешательство на его лице.

– Да, я нашел способ справиться с этим проклятьем. Я отыскал целительницу, обладавшую стихийным искусством, и использовал свои таланты, чтобы усилить ее собственные. Она смогла исцелить мои чресла, дать жизнь моему семени. Но и за это пришлось заплатить высокую цену. Способности целительницы были еще слишком неразвиты. Она сожгла себя этой попыткой, уничтожила в себе дар Земли и повредилась в рассудке.

– Так ты забрал ее дар силой, – проговорил Толчук. – Для того чтобы ты мог иметь детей.

– Каков отец, таков и сын, – сказал Магнам вполголоса.

Темный Лорд повернулся к дварфу, сжав кулак. Магнама подняла с пола невидимая сила, сжав его горло.

– Я ни в чем не похож на своего отца, – прорычал Личук. – Это был несчастный случай!

– Отпусти его! – крикнул Толчук, по тону не отличаясь в этот момент от своего предка.

Личук смерил его взглядом, затем отбросил Магнама прочь. Дварф упал на край костяного кладбища. Фердайл и Торн бросились ему на помощь.

Как только стало ясно, что его друг-дварф жив, Толчук обернулся к Личуку:

– И что произошло после этого?

– Ничего. Я жил счастливо и не знал тревог среди клана Токтала целую зиму. Я стал отцом ребенка. Но в утро, когда он родился, я отправился к Призрачным Вратам, чтобы молиться за моего ребенка, чтобы подготовить себя к клятвам Земле. Но...

Он замолчал, сжимая кулак. Запятнанный пол под его ногой стал темнее, трещины расползлись от его пяток и пальцев ног. Его следующие слова были мрачны, как камень, из которого была изваяна его фигура: – Но Земля знала.

Он замолчал на миг.

– Земля – жестокий хозяин, намного более жестокий, чем был я когда-либо. – Черная рука указала на Нилан и Мерика. – Вы знаете. Вы оба почувствовали ее гнев. Болезнь, что поразила твои деревья и твой народ была деянием Земли, разве не так?

Мерик ответил:

– Нимфаи пытали изменить естественный порядок вещей, распространив свои деревья по всем землям. Земля действовала, чтобы защитить саму себя.

– Уничтожив все и безжалостно исказив суть самих нимфаи. Это благоразумный ответ? Сколько еще других пострадали от рук Мрачных духов с тех пор? – его голос стал более гневным. – Это привело к наказанию невинных, к мукам и без того страдающих.

Личук сурово смотрел на Нилан. В темных провалах его глаз вспыхивали маленькие язычки пламени. Нилан опустила голову.

– Она знает, что я говорю правду, – он освобождающе махнул рукой: – Земля наделяет своей магией, но это не дар. Это тирания. Осмельсь сделать шаг за границы, установленные Землей, – и ты будешь наказан, наказан не один раз, но навсегда. С тех пор как существует Земля, мы не можем управлять своими

жизнями, – он тяжело вздохнул. – Я намереваюсь положить конец этой тирании, освободить мир, разбив Призрачный Камень и уничтожив его стихийное сердце.

Послышались потрясенные вздохи, но Толчук остался безмолвен.

Личук продолжил, не слушая их, потерянный в своем гневе:

– Вы можете осудить мои действия, посчитав их злом, но они – невеликая цена за великую победу. Многие умерли, чтобы у всех было будущее. После этой ночи оставшаяся часть истории не будет знать оков. Народы мира освободятся от магического ярма Земли.

Наконец Толчук подал голос:

– Но что Земля сделала тебе?

Личук едва не задохнулся, он был на краю безумия:

– Что Земля сделала мне? Как и у Мрачных, Земля забрала мой талант и мерзко извратила его. Она забрала мое искусство, заставив изменять стихийный дар. Я узнал, что то, к чему я прикасаюсь, будет извращено тьмой. То, что Земля сделала со мной, я был обречен делать с другими. Я изменял всех стихий, которых касался.

– Превращая их в гибельных стражей, – проговорил Толчук.

Лицо Личука стало сердитым: он, должно быть, услышал обвинение в его голосе.

– А почему нет? Я стал первым гибельным стражем, созданным самой Землей. И все зло, что исходит от меня, началось тогда.

Толчук начал осознавать все глубины его помешательства. Века гнева, унижений, мучений и, возможно, под всем этим – вина. Но его предок отрицал свою виновность. Личук облачал свою месть и жестокость в броню благородства.

– Я дал битву Земле в тот день. Я пытался напасть на стихийное сердце, обратить его черную магию против него самого. Но я был слишком слаб. Я был побит, разорван, но я прошел через Призрачные Врата. И там Земля оказалась лицом к лицу со своей ошибкой, – последовал горький смех. – Я истекал кровью внутри Врат. Кровь гибельного стража! Моя кровь отравляла все, чего касалась.

Толчук понимал. Он видел, что произошло с Сердцем его народа, когда кровь Вирани омыла камень.

– Вокруг моего изломанного тела кровь Земли изменялась, затвердевала, превращаясь в черный камень, заключая меня в себе, замуровывая меня. Я стал черной опухолью внутри тела Земли. Прежде чем мое изменение смогло распространиться дальше, Земле пришлось изгнать меня из своего тела, и так я оказался где-то далеко, перенесенный Призрачными Вратами.

– В Гульготе.

Кивок:

– Я вернулся на родину своего отца, на родину дварфов. Оказавшись там, я потянулся разумом прочь из своей могилы и отыскал рудокопов-дварфов со стихийными способностями. Я призвал их к себе, связал их с собой, и они выкопали меня. Затем я начал собирать армию, чтобы поработить народ моего отца. Я создал легион гибельных стражей, чтобы обратить дар Земли против нее самой. Я создал сосуды, наделенные большой силой, – четыре статуи из камня своей могилы. Мантикора, Виверна, Василиск и Грифон. И когда я собирался вернуться в Аласию, издалека, как благословение, пришел дух безграничной силы.

– Чи, – пробормотал Толчук.

– Духа заинтересовала Гульгота. Он подошел слишком близко и был пойман Вратами, порабощен столь же надежно, как и любой гибельный страж. Эта Плотина силы открывала любые возможности для использования ужасающей магии. Не было никаких ограничений. Моим первым действием после получения этого дара стало проникновение в Землю, и я проделал дыру в ее коре, создав Блэкхолл из расплавленного камня. Это было мое возвращение на эти земли. Я снова искал способы добраться оттуда до сердца Земли, чтобы уничтожить Призрачный Камень. Но земля стала осторожнее с возрастом. Она знала, как использовать своих стихийных марионеток, чтобы противостоять мне. Поэтому столетиями я изучал слабости своих врагов и те места, где стихийные потоки, исходящие от Призрачного Камня, поднимаются близко к поверхности. Я искал способ извратить Землю, как она извратила меня.

– И теперь это последняя атака, – проговорил Толчук.

– Вы оказали мне услугу, уничтожив остальные Врата Плотины. Это сосредоточило Чи внутри одной статуи. Ситуация стала нестабильной, и в этой нестабильности открылись возможности. Я увидел, как можно использовать полную луну, чтобы перенести меня сюда из Блэкхолла. Как использовать энергию Пустоты, чтобы связать одно с другим, чтобы частично наложить их друг на друга. – Он указал на Елену: – Ведьма использовала тот же трюк, чтобы перенестись к Лунному озеру в Западных Пределах.

Толчук кивнул, неожиданно поняв. Не удивительно...

– И как только ты попал сюда?.. – спросил он громко.

– Я соединился с Чи в последних Вратах Плотины, объединив нас обоих.

– И теперь ты намерен использовать силы обоих, чтобы напасть на Призрачный Камень через стихийное озеро здесь.

– Наконец-то я смогу победить.

Толчук встретился взглядом с измученным существом, стоявшим перед ним. Он понял в этот момент, что хоть у них и одно лицо, их души различны, как день и ночь.

– Я не допущу этого.

Последовал ледяной смех.

– У тебя нет выбора. Никто не может причинить мне вред, – в голосе появилась мрачная угроза. – И, что гораздо важнее, никто не осмелится причинить мне вред. Есть и худшая судьба, чем мир, которым правит Темный Лорд.

Толчук отступил назад и поднял руку, подавая знак двоим, что прокрались в комнату за плечом Темного Лорда. Толчук отвлек Темного Лорда и тем самым дал им возможность подготовиться и остаться незамеченными.

– Я одержу победу, – с усмешкой проговорил Личук.

Его слова были прерваны звоном тетивы. Затем из его груди показалась стрела, пронзив его со спины и целиком пройдя через каменную фигуру.

Толчук и Личук оба смотрели на наконечник стрелы. Он был отделан камнем сердца.

Личук поднял пылающий взгляд на Толчука:

– Нет!

Вокруг края раны черный камень превратился в камень сердца. Как и в случае с Сердцем огров до этого, прикосновение камня сердца очистило черный камень.

– Сейчас! – крикнул Каст с другой стороны пещеры. Отряд дварфов ворвался в нее.

Темный лорд вырвал стрелу. Камень Сердца снова превратился в черный камень.

– Меня не победить так легко. Я – живой черный камень, не просто кусок скалы.

Толчук поспешно отступил назад.

– Я возвещу новую эпоху Аласии, – проревел Личук, – пролив вашу кровь!

Неожиданно приостановленная битва возобновилась. Поднялись костяные войска, заизвивались черные щупальца, и закричали яростно скальтум.

Высокая костяная тварь напала на Толчука, оставив болезненный разрез на его груди. Он взмахнул молотом, и повалил существо на землю. Из этих останков поднялась новая тварь, поменьше, но более быстрая, с когтями из острых осколков. Толчук ударял ее молотом снова и снова, а другие монстры подбирались ближе.

Он оглянулся по сторонам; вокруг царил хаос. Армия дварфов присоединилась к ним, атакуя при помощи оружия, мерцающего камнем сердца.

Позади Толчука в бешенстве кричал Личук:

– У вас нет надежды!

Каст жестом приказал последним дварфам покинуть коридор. В пещере армия разделилась на две части. Веннар уже вел одну группу вдоль южной стены, чтобы помочь отряду Елены. Каст шел в хвосте другой группы с Сайвин, Тайрусом, Флетчем и Хурлом.

Его колонна двинулась вдоль другой стены пещеры. Стрелки с обеих сторон засыпали стрелами каменную фигуру в центре помещения. Каст понял, что это должен быть Черный Зверь из Гульготы. Монстр отбросил множество стрел ударами руки и

залпами испепеляющего магического огня, но многие поразили цель, как и первая стрела, пущенная Флетчем. Даже сейчас, несмотря на дополнительный вес из-за наконечников, обработанных камнем сердца, пират попадал в цель безупречно.

И, хотя они не смогли повергнуть демона, им удалось вывести его из равновесия и заставить обратить свою магию против них. Каст был рад, что потратил время на то, чтобы подставить их клинки, наконечники стрел и топоры под капающий камень сердца в нишах и покрыть поверхность оружия сияющим кристаллом.

Сайвин заметила это:

– Откуда ты узнал?

Каст покачал головой:

– Просто знал. Темный Лорд защитил этот коридор, поставив над ним дракона; у него должна была быть причина бояться за спрятанное здесь сокровище.

Но Каст сказал не всю правду. Пока он смотрел на капли в нишах, он почувствовал знакомое покалывание... присутствие Рагнарка. Было ли это некое знание, которое он разделил с демоническим близнецом Рагнарка, или последнее предсказание, пришедшее от спящего дракона, но Каст почувствовал, что нужно покрыть оружие камнем сердца.

Пока он бежал, он молился, чтобы знания дракона в нем были достаточно сильны, чтобы сказать ему, что делать дальше. Каст изучал своего врага. Он мог только гадать, что за сила рядом с ним. Возможно, Темный Лорд не привык еще к своему новому состоянию и черного стража, и Врат Плотины одновременно. Если так, то они не должны дать ему шанс обрести полную силу.

Каст пытался понять, сколько магии потребовалось, чтобы соединить Блэкхолл с этой пещерой в Зимнем Эйри. Могло ли это быть одной из причин, по которой они еще не сожжены заживо?

Или дело в другом?

Под монстром серебряный пол был запятнан черным, и тьма распространялась дальше. Каст с изумлением смотрел на это изменение. Интересно, их усилия вообще тревожат это чудо-

вище? Или они всего лишь досадная помеха, как мухи для лошади?

Но, как бы там ни было, даже мухи могут жалить.

Каст сильнее сжал меч. Он вспомнил все зло, причиненное ему и тем, кого он любил, и все жизни хороших людей, что были отданы, чтобы привести их сюда. Он не поддастся отчаянию, даже в момент своего последнего вдоха.

На той стороне пещеры Черный Зверь взвыл:

– Вы чувствуете? Земля погибает!

Среди ломающихся со всех сторон костей Мерик поднял обе руки над головой, посылая порыв ветра навстречу пикирующему скальтум. Чудовище попыталось увернуться, но Мерик был быстрее. Ветер ударил скальтум в грудь и отбросил к потолку.

Рядом Нилан старалась, как могла, – отчаянно, но твердо. Она взмахнула рукой, и корни выползли из-под высокой скалы и опутали демона.

– Еще один, – предупредила она, указывая влево.

Потянувшись, Мерик призвал ветер бурной ночи, все еще влажный, и направил его на врага. Скальтум забился, но тут ветер неожиданно стих, словно погашенная свеча.

Нилан выдохнула:

– Песнь деревьев... она смолкла!

Корни на стенах и потолке неожиданно безвольно повисли. Скальтум выпали из своих деревянных клеток, разъяренные.

До них донесся мрачный смех:

– Земля почти моя!

Мерик понял, что произошло:

– Он перекрыл поток стихийной магии!

Отчаяние пронзило его сердце, он почувствовал, что их конец близок. Он пришел в эти леса, чтобы вернуть короля своему народу. И теперь все потеряно: обе королевские семьи разъединены, его народ разбросан, словно листья по ветру, либо умирает в этой последней великой битве. И ради такого конца?..

Он протянул руку. Пальцы переплелись с его пальцами. Он обрел в этом утешение. Чем бы ни кончилась эта ночь, он не хотел встречаться с этим в одиночку.

Вверху собиралась стая скальтум, готовая обрушиться на их отряд.

У остальных дела шли не лучше.

Джоах вращал посохом, посылая залпы магического огня, превращая кость в пепел. Но его темная магия притягивала извивающихся темных змей. Он создавал иллюзии самого себя, чтобы обмануть хватающие щупальца, но неожиданно его изваянные из сна двойники исчезли вместе с его стихийной магией. Лишь частица ее осталась, та, что хранилась в его посохе, но он оставлял ее про запас.

Иллюзии исчезли, и он стоял один, открытый, как на ладони.

Перед ним прыгала костяная собака, и из-за его замешательства у нее было преимущество. Она бросилась к его горлу, но демоническую тварь опередил ее собственный союзник.

Толстая лента из тьмы обернулась вокруг шеи Джоаха, и вздернула его вверх. Костяная собака подпрыгнула, чтобы вцепиться ему в ноги, но была разбита вдребезги молотом Магнама.

Задыхаясь, Джоах поднял посох вверх и послал поток магического огня в сжимающую его петлю тьмы, но черная энергия, казалось, только усилила хватку. Его зрение сузилось до маленького окошка. Он не мог даже дышать.

Его тело развернуло как раз вовремя, чтобы он увидел топор, летящий ему в лицо. Если бы он мог, он бы закричал. Топор ударил прямо над его головой, едва не срезав его волосы, и неожиданно Джоах начал падать. Он сильно ударился об пол и откатился в сторону, прежде чем костяной бегемот растоптал его.

Магнам вложил меч в его свободную руку:

– Здесь простая сталь послужит тебе лучше.

Джоах кивнул, принимая оружие:

– Спасибо.

Магнам усмехнулся и повернулся, и в этот момент костяной серп пронзил его грудь. Раненый дварф был высоко поднят, и его кровь стекала по белой кости лезвия.

Джоах в ужасе смотрел, как безжизненного Магнама бросили, и он пролетел по воздуху. Джоах поднял меч, потому что окровавленное существо теперь атаковало его.

Сколько же еще умрет?

Могвид спрятался за грудой булыжников у стены. Он не был бойцом. Он съежился с кинжалом в одной руке и с коротким мечом в другой. Ничто не могло достать его здесь. Чтобы попасть в это узкое пространство, ему пришлось сделать свою плоть жидкой и протиснуться сквозь дыру слишком маленькую, чтобы позволить пройти любой реальной угрозе. Он наблюдал за битвой из своего убежища.

Торн промчалась мимо в своем волчьем облике, за ней гналась пара костяных тварей. Могвида это не слишком тревожило. Он несколько раз наблюдал за подобной ее уловкой. Когда она бежала мимо определенного булыжника, выпрыгивал Фердайл с двумя короткими мечами в руках и отрубал ноги монстров. Лишенные ног монстры разбивались о камень и разлетались на кусочки. Затем ловушка расставлялась снова.

Но в этот раз Фердайл не ждал в засаде. Торн приземлилась после прыжка и повернулась кругом, ища своего партнера. Этот момент решил все. Два костяных чудовища настигли ее. Острые когти оставили глубокие раны. Она упала, и они набросились на нее.

Прежде чем Могвид понял, что делает, он уже бежал, перепрыгивая через булыжники. Он сжимал свои кинжал и меч и превратился в полуволка, чтобы быть быстрее. Он схватил булыжник и ударил им обоих чудовищ, сбрасывая их с Торн. Затем он набросился на них, рубя и кромсая.

Ужас превратил его в безумца. Кости разлетались перед ним. Вскоре он уже сражался с воздухом. Задыхаясь, он упал рядом с Торн. Она лежала на том же месте, все еще в облике волка, кровь лужицей собиралась под ней. Ее дыхание было неровным.

Могвид поднял голову, ища, кого бы позвать на помощь. Его внимание привлекло движение наверху. К нему пикировал скальтум, сложив крылья и вытянув когти, с обнаженными в беззвучном оскале зубами. Могвид застыл от ужаса, не в силах двинуться с места.

Но за миг до удара огромная темная тень прыгнула через Могвида и напала на скальтум, покатившись вместе с ним. Могвид закричал, вскочив на ноги, готовый бежать.

Скальтум и его противник ударились о груду камней. Завязался бой, полный скрежета зубов и рычания. Между бьющимися крыльями иногда мелькал темный мех. Фердайл!

С клинками в руке Могвид прыгнул к ним. Но не успел он сделать второй шаг, как скальтум пронзили стрелы. Дварфы наконец добрались до них.

Скальтум закричал и захлопал крыльями, пытаясь спастись, но метко брошенный топор, сияющий рубиновым, разбил его череп, демон покатился кубарем и разбился о скалу.

Могвид не заметил этого и подбежал к брату.

– Фердайл! – он упал на колени. На плече его брата остались кровоточащие следы от когтей. Яд покрывал раны.

Как и он сам, Фердайл был в полуволчьей форме.

– Торн?.. – его голос был хриплым от боли, которая не имела ничего общего с глубокой раной.

Могвид просто покачал головой.

– Я... за мной гнался другой скальтум. Я не смог прийти вовремя, – Фердайл сжал его руку. – Я видел, что ты делал... что ты пытался...

Могвид затрясся на месте, едва сдерживая слезы.

– Почему? – прохрипел он.

Фердайл встретил его взгляд, его янтарные глаза засветились. «Потому что ты мой брат». Его безмолвные слова не имели смысла для Могвида. Фердайл принес себя в жертву, чтобы спасти его. Его сердце сжалось слишком сильно. «Почему?» – повторил он. Фердайл по-волчьи вздохнул. Его мысли стали слабее: «Нравится тебе это или нет, но мы едины. Видишь ты это или нет, мы близнецы».

Могвид покачал головой. Вокруг них битва становилась все яростнее, дварфы крушили монстров рубиновым оружием.

«В тебе так много того, что ты еще не знаешь».

– Фердайл...

«Позаботься о моем сыне... твоем сыне...»

– Он не мой сын, – голос Могвида сломался. Что, Фердайл думает, он может дать ребенку?

Брат сжал его пальцы: «Обещай мне».

– Я... Я не... Я не могу...

Фердайл смотрел в его глаза, уже слишком слабый, чтобы говорить, даже мысленно. Но в его глазах Могвид видел все.... Может быть, все, чем он мог быть.

Со слезами на глазах он кивнул.

Пальцы брата соскользнули с его руки. Фердайл отошел.

Могвид откатился от него и подполз назад к Торн, ожидая, что она уже испустила дух. Но, когда он оказался рядом с ней, он увидел, что ее грудь слабо шевелится.

Она, должно быть, почувствовала его присутствие. С ее губ слетел полный надежды стон. Он робко приблизился, чтобы она могла его увидеть. Ее глаза засветились: «Фердайл...» Могвид начал возражать, но понял, что его полуволчья форма действительно принадлежала его брату-близнецу. «Ты жив», – он чувствовал ее облегчение через слабеющую связь. Он смотрел в ее глаза. «Наш сын...» Могвид сделал глубокий вдох:

– Я позабочусь о нем. Он проживет долгую и счастливую жизнь. Я обещаю это.

Она вздохнула, удовлетворенная. Он наклонился к ней и прижал свою щеку к ее щеке – один волк сказал «прощай» другому.

Раздался звук шаркающих ног, и подбежал Толчук. Он оглядел их, и его глаза неожиданно прищурились: он не был уверен, кого именно видит.

Могвид встал. Большую часть своей жизни он был мастером лжи. В то время как другие искусно владели магией или клинком, его единственным талантом был изворотливый язык. И теперь в последний раз он скажет великолепную ложь. Он встретил взгляд огра:

– Могвид мертв.

Толчук закрыл лицо руками:

– Фердайл, мне так жаль, – он отвернулся. – Но мы должны торопиться. Конец еще далеко.

Могвид кивнул и снова посмотрел на два тела. Мгновение назад он спрашивал себя, что может дать сыну Фердайла. Но теперь у него был ответ. Он может дать ему отца.

Елена потерпела поражение. Чо не захотела помочь в битве против Темного Лорда; она спряталась где-то, оставив здесь тетушку Филу, которая могла помочь лишь советом.

Вокруг них шла яростная битва. Казалось, не было конца этому бою, не было способа одержать победу. Костяная армия просто перестраивалась заново. Щупальца сверху восстанавливались, если их разрубить. И скальтум продолжали просачиваться в пещеру из туннеля, ведущего к яме.

Правда, они получили подкрепление в виде армии дварфов, но это была лишь дополнительная пища для монстров.

Елена оглядела своих спутников. Их осталось намного меньше, чем когда они только вошли в яму.

Эррил встретил ее взгляд:

– Ты готова попытаться?

Она кивнула и поднялась. Он протянул к ней руку, но она отпрянула. Его глаза расширились: он понял. Она рассматривала свои пальцы и ладони. Они больше не были бледны – теперь они были темно-красными, кровавыми. Это не была ее Роза. Чо по-прежнему отказывалась позволить ей обновить магию, даже в лунном свете.

Это была просто кровь, но Темный Лорд не знал этого. Она вспомнила, что Мишель однажды сказала ей: «Иногда самая сильная магия – чье-то сердце». Елена почерпнула храбрость в этих словах и посмотрела на фигуру из черного камня.

– Пойдем.

Воины-дварфы с топорами проложили путь к центру пещеры. Пол внизу из серебряного становился черным, пока они приближались к своей цели. Рядом шел Толчук, за ним, отста-

вая на несколько шагов, – тетушка Фила, окутанная лунным светом.

– Настолько близко, насколько возможно, – сказал Эррил.

Елена кивнула. Воины расступались перед ней.

Она смотрела на Личука, их разделяло десять шагов. Каменная фигура выглядела почти не утомленной: ее панцирь из черного камня восстанавливался так же быстро, как повреждался. И теперь появилась новая напасть: любое оружие, неважно, из камня сердца или нет, расплавлялось, прежде чем достигало поверхности черного камня. Темного Лорда невозможно стало ранить. Он даже не обращал больше внимания на битву, бушевавшую вокруг.

Вместо этого он смотрел вниз. Там, где он стоял, пол был темнее, чем черный, – это был цвет, который можно было назвать полным отсутствием света. Казалось, Темный Лорд парит в пустом воздухе. Елена заподозрила, что, когда изменение будет полным, тьма откроет портал к сердцу мира.

Этого не должно произойти.

Она и Толчук стояли у края темного пола. Вокруг бушевала битва, и армия дварфов защищала их.

Личук нахмурился, глядя на них:

– Переговоры, да? Хотите перемирия?

Елена подняла обе руки, показывая свои рубиновые пальцы и ладони. И храбро проговорила:

– Я предлагаю тебе последний шанс оставиться!

Личук нахмурился сильнее, помрачнев, затем рассмеялся.

– Тебе стоит послушать ее, – заметил Толчук.

Личук начал отворачиваться от них, явно не считая нужным обращать внимания на какую-то мелкую рыбешку.

– Я покажу тебе, что я могу сделать! – сказала Елена.

Он оглянулся, его черная бровь приподнялась.

Она взмахнула перед собой руками и пропела что-то вполголоса. Тетушка Фила вошла в нее и, пройдя сквозь ее тело, поднялась над ее руками, паря над кончиками ее пальцев. Она танцевала на них, завывая словно сама смерть.

Когда внимание Личука отвлеклось на тетушку Елены, Арле-

кин пролетел по воздуху, подброшенный двумя пиратами Тайруса. Он перекувыркнулся, со звоном колокольчиков пролетая через духа. Два кинжала с рубиновыми клинками взлетели с его пальцев и вонзились в испуганные огненные глаза каменной фигуры.

Личук закричал, схватившись за голову.

Веннар из-за его спины метнул топор двумя руками. Он пролетел, вращаясь, и вонзился в спину фигуры. Отвлеченный нападением спереди, Личук ослабил свое внимание настолько, что мощное лезвие пробило его защиту.

Когда топор был отброшен в сторону, Сайвин уже была там, быстро пробегая мимо спины каменной фигуры. Что-то крошечное взлетело с ее пальцев, вращаясь в воздухе. Оно вонзилось в рану от топора, прежде чем черный камень смог восстановиться. Она называла это оружие «парализатор». Крошечные, похожие на морских звезд ракообразные имели жало, которое могло парализовать даже гигантскую скальную акулу.

Ноги Личука задрожали, и, издав ужасающий крик, он упал на колени.

– Сейчас! – крикнул Эррил.

Лучники по всей пещере послали в воздух множество стрел с рубиновыми наконечниками. Звук, издаваемый летящими стрелами, напоминал звон хрустальных колокольчиков. Оперение стрел украсило голову, конечности и торс фигуры.

Прежде чем Личук смог справиться с таким количеством различных атак, все его тело обратилось в сверкающий камень сердца.

Толчук отпрыгнул от Елены, когда зазвенела первая тетива. Он помчался к фигуре с высоко поднятым молотом. Черный камень мог сопротивляться обычному оружию, но камень сердца, как любой другой драгоценный камень, легко разбивался обычным молотом или разрезался резцом.

Толчук замахнулся своим молотом на фигуру из камня сердца.

Тут Елена почувствовала движение наверху. Тетушка Фила спустилась вниз, ее глаза сверкали звездами и пустотой.

– Нет! – взвыла Чо.

Молот ударил, раздался звон разбивающегося хрусталя.

Звук превратился в волну, распространившуюся вокруг, вбирающую в себя весь свет и звук. Елена почувствовала рывок; затем странно знакомое обжигающее чувство распространилось по всему ее телу.

Она моргнула; затем зрение вернулось к ней. Она стояла одна на полу пещеры. Все и вся были отброшены к стенам, даже к потолку. Она повернулась и увидела дварфов, людей, монстров, кости – всех прижатых к камню, невероятным образом удерживаемых на месте. Что же держало их?

По ее телу прошла дрожь. Она посмотрела вниз, на саму себя. Она была обнажена. Ее тело, руки и ноги... все пылало рубиновым красным, с более темными завитками кровавого оттенка. Чо снова соединилась с ней, как было уже один раз, когда она вошла в Плотину.

Глаза Елены расширились от ужаса. Она ощущала знакомое давление в ушах. Она была в Плотине опять, внутри источника духовной энергии Чи. Она не знала, радоваться ей или тревожиться.

Она смотрела туда, где прежде стоял Темный Лорд.

Среди россыпи рубиновых осколков лежала бледная обнаженная фигура, больше всего похожая на скелет. Личук – или то, что от него осталось. Затем ее наполнил тихий ужас. Она повернулась кругом. Серебряный пол – все пересечение магических потоков – стал черным.

Она задохнулась; кровь пульсировала в ее ушах. До нее донеслись со всех сторон крики: люди начали падать на пол. Кости дождем посыпались вниз. Она съежилась, наполовину прикрыв свою наготу, по-прежнему рубиновая с головы до пят.

Люди начали подниматься, сбитые с толку, начали искать свое оружие. Но в оружии не было нужды.

Костяная армия, расколотая о стены, когда Чи вырвался из своего разбитого сосуда, оставалась лишь разбросанными по полу черепами и осколками. Магия ушла из них, как и из темного водоворота под потолком. Скальтум поднялись в воздух и улетели к туннелям.

Рядом с Еленой появился Эррил. Он держал в руках плащ, но, судя по всему, не знал, безопасно ли приближаться к ней.

Елена коснулась своих волос, с облегчением поняв, что они все еще на месте. Обожженные, они стали короче, но они были.

Внезапно сквозь нее прошло ощущение чего-то холодного, заставив ее задрожать и покрыться гусиной кожей. Туман отделился от ее тела и снова принял облик лазурной фигуры Чо. Елена опять посмотрела на себя, когда Эррил бросился вперед. Ее кожа вновь стала бледной, даже руки. Она запахнулась в плащ.

– Пол стал черным, – проговорил Джоах; на его лице была тревога. Он смотрел на бледное существо в центре пещеры. – Мы опоздали?

Чо повернулась к ним:

– Это Чи.

– Он свободен, разве нет? – спросила Елена.

Чо кивнула, но ее обычная бесстрастность сменилась страхом:

– Он отправился уничтожать твой мир.

Глава 29

Когда остальные начали собираться, Эррил обнимал Елену.

– Что ты имеешь в виду, говоря, что Чи отправился уничтожать мир? – спросил он у призрачной фигуры Чо.

Елена потянулась к нему рукой. Он сжал ее белоснежные пальцы. Странно было видеть ее без Розы. Она казалась хрупкой, словно фарфоровой.

Чо оглядела комнату. Ее взгляд остановился на бледной скелетоподобной фигуре, свернувшейся на черном полу. Одна рука слабо скребла по полу – кость, обтянутая кожей.

– Чи ушел, чтобы претворить в жизнь темную волю этого существа.

Эррил вытащил меч:

– Так Темный Лорд все еще управляет им!

Он отошел от Елены, намереваясь положить этому конец.

– Нет, – предостерегла Чо. – Он свободен от оков этого существа, теперь им правит безумие. Он идет вслепую, бросаясь на все, словно дикий зверь. – Чо взлетела с пола. – Я должна идти к нему и вернуть его.

Елена подошла к ней:

– Ты можешь остановить его?

Чо смотрела на нее мгновение. Затем тихо повторила свои слова:

– Я должна идти к нему.

Дух взлетел высоко в столбе лунного света, затем, словно серебряная стрела, устремился к полу и прошел сквозь его темную поверхность, исчезнув.

Эррил вернулся к Елене.

– У тебя все еще при себе Кровавый Дневник? – спросила она.

Вместо ответа он похлопал по плащу. Она кивнула и прильнула к нему.

Теперь Джоах и остальные присоединились к ним. Все они слышали слова духа. Их лица помрачнели. Толчук подошел к своему предку, лежащему неподалеку. В руках у него по-прежнему был топор.

Тайрус, сжимая в руке серебряную монету, заговорил:

– Она связывала меня с Ксином. Черный монстр, охранявший Блэкхолл, умер. Крепость пала, – он повернула к Сайвин, стоявшей рядом с Кастом, и Нилан с Мериком: – Хант и дети возвращаются на «Сердце Дракона». С ними все в порядке.

На лицах Сайвин и Нилан появилось одинаковое выражение облегчения.

Тайрус повернулся к Эррилу:

– И я послал отряд разведчиков к яме, чтобы выяснить, закончилось ли сражение и там тоже.

Кивнув, Эррил оглядел темную пещеру. Единственным источником света был лунный луч, проникавший через дыру в потолке, и даже он мерк по сравнению с полной луной, опускавшейся к горизонту. Факелы вспыхивали по всей пещере. О раненых и умирающих заботились. Эррил заметил Фердайла в его волчьей форме, оплакивающего смерть Торн и своего брата.

– Мы выиграли? – тихо спросил Джоах, опираясь на посох.

Никто не ответил.

Подошел Веннар, его броня была в грязи и крови. Он снял шлем и коснулся своей лысины.

– Туннель, ведущий в Блэкхолл, исчез.

Он махнул рукой в сторону дальней стены. Некоторые из остальных туннелей остались, но там, где вошла армия дварфов, теперь была сплошная гранитная стена.

– Темная магия, связывающая пещеры, теперь прекратила свое действие, – пробормотал Эррил. – Неизвестно, из-за садящейся луны или из-за поражения Темного Лорда, но все кончено.

Мерик, стоявший рядом с Нилан, проговорил:

– Наша магия тоже. По крайней мере на этом черном озере наши силы не действуют.

Эррил нахмурился:

– Может быть, нам следует...

Задрожала земля, и он замолчал. Толчки стряхнули каменную пыль с потолка.

– Может быть, нам следует уйти, – предложил Арлекин, разглядывая камень наверху.

Дрожь земли стихла, но на всех лицах осталось обеспокоенное выражение.

Эррил кивнул:

– Я думаю, Арлекин прав.

Коротышка приподнял одну бровь:

– Это не каждый день услышишь: стендаец согласился со мной. Может быть, именно это и есть конец света.

Эррил вздохнул, поняв, что он задолжал мастеру шпионажа много извинений. Но большая часть может подождать.

– Сейчас нам следует помочь раненым и уйти так быстро, как это возможно.

Ему ответили кивки. Каст, Веннар и Тайрус отправились осмотреть получивших повреждения и собрать остатки своих войск.

Эррил повернулся к Елене.

– Я не могу уйти, – сказала она тихо, глядя на черный пол. – Не раньше, чем Чо вернется.

Новая едва заметная дрожь прошлась по пещере. Эррил притянул Елену к себе и почувствовал эту же дрожь и в ней.

– Чо справится со своим братом, – уверил он ее.

– А если нет? – прошептала Елена.

Эррил вздохнул:

– Что бы ни случилось, мы встретимся с этим вместе.

Он думал, что его слова утешат ее, но вместо этого она отстранилась. Его сердце пронзила боль.

– Елена, что не так? – прошептал он.

Она просто смотрела на черный пол, безмолвная и одинокая.

Земля дрожала, а Толчук стоял над бледным худым существом, не зная точно, зачем он пришел. Эта тварь, безусловно, не заслуживала ни жалости, ни милосердия, ни доброты. Глядя на то, что лежало здесь, трудно было предположить, что некогда это было огром. Его позвоночник был искривлен, а ноги напоминали тоненькие веточки. Кости черепа просвечивали через прозрачную кожу.

Однако Толчук опустился на колени и отложил в сторону молот. Глаза, казавшиеся огромными на истощенном лице, следили за ним.

Они смотрели друг на друга – начало и конец рода.

Снова Толчук спросил себя, зачем он здесь. Он был доволен, что, несмотря на общую кровь, сердце у него было другим. Он пристально смотрел на своего предка. Гнев потух в глазах Личука с приближением смерти. Даже самое сильное искажение ничего не смогло бы взять у почти погасшей жизни.

Когтистая рука шевельнулась в направлении Толчука, но она была слишком слаба, чтобы коснуться его.

Хотя в глазах Личука не было мольбы, Толчук взял его руку в свою. Снова... почему? Простое слово. Что он делает здесь?

Но пальцы сжались на его пальцах, плоть коснулась плоти, признавая жизнь в ее последний миг.

Толчук придвинулся ближе. Он не смог утешить своего отца в его смерти, отца, убитого в одной из бессмысленных войн огров. Он вспомнил, как он, ребенок, смотрел на распростертое тело с пронзенной копьем грудью, которое проносили мимо. Но в жизни они были не ближе, чем в смерти. Его отец, ожесточенный потерей своей избранницы и обремененный сыном-полукровкой, бросил Толчука задолго до того, как его пронесли, окровавленного, мимо их очага.

Толчук вздохнул. Теперь он понимал, что привело его сюда. Ему нужно было последнее прощание – не для того чтобы облегчить Личуку уход, но чтобы освободить свое собственное сердце.

Пальцы снова сжали его руку. Должно быть, слабое существо почувствовало боль в его сердце. Шепот слетели с губ. Толчук не знал, что у Личука остались силы, чтобы говорить.

– Я... я никогда не видел своего сына... – слабо выдохнул он.

Толчук вспомнил историю, рассказанную прежде огром. Личук стал отцом, но в день, когда сын должен был родиться, Земля наказала его.

Пальцы сжались со всей оставшейся силой немощного тела:

– Ты должен увидеть своего...

Какой-то толчок прошел по пальцам Толчука, передавшись от пальцев другого огра, поднялся дальше по его руке и устремился к центру его сущности. Ощущение было одновременно ледяным и обжигающим. Оно остановилось внизу его живота, затем растворилось теплом, которое распространилось по его чреслам.

Толчук почувствовал, как что-то исцеляется глубоко внутри него.

Он опустил взгляд на Личука, теперь уже неподвижного, с остекленевшими в смерти глазами. Он удерживал его руку в своей еще немного, зная точно, что все кончено. Последний дар. Личук ушел, передав магию, которая исцелила его, Толчуку.

«Ты должен увидеть своего...»

Толчук понял его поступок. Этот последний дар был попыткой Личука не продлить свой род, а дать Толчуку шанс основать новый – род, начавшийся с акта доброты и прощения. Он опустил тонкую руку на грудь Личука.

– Покойся с миром.

Елена смотрела на черный пол. Когда задрожала земля, она поняла, что еще не все кончено. Она снова вспомнила предупреждение Сизакофы: «Ты предстанешь перед выбором, поворотным моментом пророчества. Твой выбор либо обречет все на гибель, либо спасет все».

– Что не так? – снова спросил Эррил.

Она покачала головой: она поклялась хранить тайну. Ее судьба – только ее судьба.

– Скажи мне, пожалуйста.

Она повернулась к нему, отозвавшись на боль в его голосе. За бурей в этих серых глазах она видела его любовь, его готовность принести в жертву все, что угодно, но спасти ее. Могла ли она сделать меньшее?

– Пожалуйста... – его голос превратился в сдавленный шепот. Он подошел к ней ближе. Рука поднялась, чтобы прижаться к ее щеке.

Она закрыла глаза, но это не помогло. Его прикосновение обжигало. Она слышала его дыхание, тяжелое от страха. Ее сердце болело. Где-то глубоко внутри нее что-то сломалось. Что за нужда в тайнах теперь? Она открыла глаза и позволила своему страху засветиться в них ярче.

– Эррил...

Ее слова оборвал сильный толчок. Треснула часть потолка. Они оба отпрыгнули, когда каменная плита рухнула на пол. Люди и дварфы разбежались. К счастью, никто не пострадал.

– Что происходит? – спросил Джоах, держа посох наготове.

На этот раз земля не успокоилась. Она продолжала трястись – последовали новые конвульсивные толчки. Новые трещины разбежались по своду потолка и по полу.

– Нам придется уйти, – сказал Эррил, хватая Елену за руку. – Сейчас!

Прозвучал рог, и к ним подбежал Каст. Он кричал, перекрывая грохот:

– Веннар приказывает собираться! Мы готовы идти!

Эррил махнул ему:

– Тогда идите! Выведите всех отсюда! Мы пойдем следом!

И, когда Каст умчался, Эррил повернулся к Елене. Он явно почувствовал ее нерешительность и сжал ее пальцы:

– Чо может найти нас на поверхности так же легко, как и здесь.

Джоах стоял поблизости, переминаясь с ноги на ногу:

– Он прав, Ель.

Она перевела взгляд с одного на другого, затем кивнула.

Но прежде чем они успели сделать хоть один шаг, земля вздыбилась под ними, бросив их на ладони и колени. Вокруг раскалывался камень. Неужели они опоздали?

Затем из земли возник серебряный вихрь, словно его вытолкнул очередной толчок. Елена села на пятки, глядя на фигуру, принимающую знакомый облик:

– Чо?

– Нет... это Фила.

Фигура сгорбилась. Ее лицо покрывали морщинки беспокойства, а в глазах металась тень страха. Земля под ними успокоилась, но из глубины продолжал доноситься рокот, словно гром бушевал в самых глубинах мира.

– Чо все еще пытается повлиять на своего брата.

– Что происходит? – спросил Эррил.

Тетушка Фила покачала головой:

– Все обречено. Чи узнает сестру, но он безумен. Я коснулась его разума – это хаос и умопомешательство.

– Почему? – спросил Джоах. – Что произошло с ним?

Губы из лунного камня сурово сжались:

– Эти духи не похожи на нас. Они бродят в Пустоте меж звезд. Но Чи провел свыше пяти веков, пойманный этими проклятыми вратами и измененный. То, что осталось, – это даже не животное, это глубокий гнев, цель которого – испепелить все.

– Что мы можем сделать, чтобы остановить его? – спросила Елена, широко распахнув глаза.

Тетушка Фила встретила ее взгляд:

– Есть один способ.

Елена почувствовала, что в ее груди появился ледяной комок.

– Какой? – спросил Эррил.

– Чо может слиться с Чи.

Джоах подался ближе:

– Она сможет контролировать его?

Двое мужчин смотрели с надеждой, но тетушка Фила не отводила взгляда от Елены. Та ответила на вопрос брата:

– Чо намерена уничтожить брата... и себя.

Елена вспомнила время, когда ее еще неразвитая магия коснулась чистой энергии Чайрика. Результатом был мгновенный взрыв.

Тетушка Фила пояснила:

– Их энергии противоположны во всем. Они не могут существовать в одном пространстве. Слияние создаст магический взрыв, который поглотит их обоих.

– Должен быть другой способ, – пробормотала Елена.

Ее тетушка вздохнула и понизила голос:

– Боль Чи находится за пределами понимания, и его агонию теперь разделяет и Чо. Она понимает, что нет способа облегчить его страдания или изменить то, что было сделано. Она пыталась. Чи не просто изменен... он сломан во всех смыслах. Он уничтожит наш мир, превратит наш сад в пустыню, затем двинется к остальным. Чо знает лишь один способ подарить своему брату покой.

– Тогда пусть она сделает это, – сказал Эррил, – пока еще не слишком поздно.

Ответом на его слова стал еще один сильный толчок и падающие камни.

Каст крикнул через пещеру:

– Эррил!

Кровавый Всадник стоял возле туннеля, ведущего к яме, по обе стороны от него – Толчук и Веннар. Почти все уже ушли. Дварфы убегали, многие несли между собой щиты с ранеными.

– Ступайте! – приказал Эррил. – Идите к яме!

Каст явно колебался, но затем кивнул и жестом предложил Веннару пройти вперед.

Все это время тетушка Фила не сводила глаз с Елены.

– Я хочу поговорить минутку с Еленой.

Эррил насупился, готовый отказать, но Елена коснулась его руки:

– Иди. Чем дольше мы спорим, тем меньше остается времени.

Эррил сурово посмотрел на нее, линия его подбородка казалась стальной. Но она была тверда. «Иди! – кричало ее сердце. – Иди, пока у меня еще есть сила».

Он наконец рванулся прочь, попятился на несколько шагов и развернулся, его плащ взметнулся. Джоах пошел с ним.

С трудом сглотнув, Елена повернулась к своей тетушке.

– Скажи мне, – прошептала девушка, готовая к самому худшему. Но то, что сказала тетушка, потрясло ее до глубины души.

– Призрачный Камень уже уничтожен.

Елена побледнела:

– Что?

– Это произошло так быстро, – сказала Фила, и ее глаза внезапно стали потерянными. – Свет, что лился из хрустального сердца мира, погас, словно свеча, задутая штормовым ветром.

– Значит, мир обречен.

– Не обречен. Живое сердце перекачивало стихийную энергию через все земли. Как и в теле, сердце которого прекратило биться, кровь осталась. Стихийные энергии пока еще сохраняются, но их сила будет убывать в течение нескольких последующих десятилетий, возможно даже столетий, пока в конечном итоге вся магия не исчезнет.

Елене трудно было дышать.

– Так, значит, Темный Лорд победил?

– Не думай так. Если бы он победил, он бы создал мир по своему извращенному пониманию. Он бы сделал с землей то же, что он сделал с Чи. – Призрак вздрогнул. – Я бы предпочла, чтобы мир был уничтожен.

Елена боролась с отчаянием.

– Тогда что мы можем сделать? Что случится, когда Чо и Чи соединятся?

Снова тетушка Фила вздохнула:

– Магический взрыв станет катастрофой. Он будет силой в тысячу раз большей, чем каждый дух в отдельности. Что-то нужно будет сделать с этой магией.

– Что? – голос Елены был писком.

– Вспомни, что ты связана с Чо кровью. И когда магия взорвется, энергия хлынет по этому мосту назад к тебе, Елена. На краткий миг ты будешь контролировать этот бездонный источник силы.

Елена застыла:

– Нет...

– Да. И ты встанешь перед выбором.

Не сознавая, что делает, она начала качать головой. Пророчество Сизакофы исполнялось.

Тетушка Фила продолжала:

– Энергии понадобится сосуд. Один из вариантов выбора – сохранить магию для себя.

Елена вспомнила, как трудно ей было совладать с собственной дикой магией, уравновесить ведьму внутри себя. «Ведьма в тысячу раз сильнее...»

– Я не смогу... Я не могу....

Тетушка Фила кивнула.

– Это трудный путь. Он сожжет твое тело. Ты станешь, как Чи или Чо, живой духовной энергией.

Елена не могла представить подобное существование.

– Другой вариант лежит под твоими ногами. Пустой Призрачный Камень.

Вспыхнула надежда.

– Я смогу оживить Землю этой магией?

– Да, но это слишком малая чаша. Такое количество энергии переполнит Призрачный Камень, едва окажется в нем. Это как человек, пораженный молнией. Подобный толчок изменит форму мира. Нашему миру придет конец. Родится новый мир – живой, как и этот, но совершенно другой.

– Значит, я либо стану духом, либо дам нашему миру новое рождение.

Елена посмотрела на Эррила. Он сурово глядел на нее через разделяющее их пространство. Неважно, что она выберет: любой путь отнимет у нее этого человека, который владел ее сердцем и обращался с ним так бережно. Как она могла выбирать?

И еще было пророчество Сизакофы, пришедшее через века: «Я пришла сказать тебе, что твой выбор – в любом случае – обречет все».

Тетушка Фила сказала:

– Но может быть и еще один путь, способ избежать всего этого.

Елена отвернулась от Эррила, чтобы посмотреть на духа из лунного камня. Ее глаза умоляли рассказать о способе избежать этой судьбы.

– Кровавый Дневник, – сказала ее тетушка. – Это связь Чо с тобой, с этим миром. Без него она существует только в Пустоте.

– Я не понимаю.

– Книга необходима, чтобы удержать Чо здесь и чтобы она могла соединиться с Чи, но как только это будет сделано, ты можешь оборвать связь. Тогда энергия высвободится в Пустоту, а не в тебя.

– Так мне не придется делать выбор!

– Именно. Если ты уничтожишь Кровавый Дневник в тот самый момент, когда Чо и Чи соединятся, у энергии не будет связи с этим миром, и она рассеется в безграничной пустоте за гранью.

Сердце Елены дрогнуло. Сизакофа сказала, что другой путь будет! И он был! Ее голос прозвучал резче:

– Что я должна делать?

– Я помогу тебе. Я дам тебе знать, когда уничтожить Кровавый Дневник, но ты не должна колебаться. Это должно быть сделано безошибочно.

Она кивнула:

– Как я могу уничтожить книгу?

– Это легко. У тебя всегда была сила сделать это. – Тетушка Фила жестом велела Елена поднять руки. Она взяла правую руку Елены в свои призрачные ладони. – В этой руке – ведьмин огонь. – Ее правая рука была рубиновой – свежая Роза, воспламененная духовной энергией. – А в этой руке – холодный огонь, – проговорила тетушка, указывая на левую.

Затем тетушка Фила сложила свои ладони из лунного камня вместе, раскрыв их, словно книгу, перед ладонями Елены.

– И между ними лежит огонь бури, – закончила Елена. – Я могу уничтожить книгу, высвободив обе энергии одновременно.

Удовлетворенный кивок.

– Ты должна быть окровавлена, готова и стоять в центре пересечения магических потоков. И действовать немедленно по моему сигналу. Можешь ты сделать это?

Елена подумала о другом пути.

– Я справлюсь.

Тетушка Фила улыбнулась и вздохнула:

– Тогда приготовься. Чо уже зовет Чи к себе.

Ее фигура растворилась в черном полу, оставив после себя шепот, полный любви: «Твоя мать могла бы гордиться». Затем она ушла.

Эррил и Джоах мгновенно оказались рядом с ней. Эррил смотрел на ее рубиновые кисти:

– Что произошло?

Слишком много пришлось бы объяснять за такое короткое время. Она протянула алую ладонь и торопливо проговорила:

– Мне нужен Кровавый Дневник.

Он почувствовал ее нетерпение и распахнул плащ, вытаскивая том из кармана. Позолоченная роза ярко сияла, хотя и поблекла немного, когда луна начала садиться. Эррил протянул ей книгу.

– Что ты собираешься делать с ней? – спросил Джоах.

Елена достала свой кинжал ведьмы и глубоко надрезала ладони. Она не хотела рисковать, если крови вдруг не хватит.

– Книга должна быть уничтожена, – сказала она им.

Джоах открыл рот. Елена встретила его взгляд. Он покачал головой и закрыл рот, сделав шаг назад. Но его глаза остались ранеными.

Она знала, как много надежд он связывал с этой книгой. Когда все закончится, она найдет способ помочь ему. Она взяла книгу.

– Отведите всех подальше, – предупредила она. Она не хотела, чтобы кто-нибудь попал под магический удар, когда она высвободит огонь бури. В пещере оставалась лишь горстка людей. Она заметила Мерика и Нилан, Каста и Сайвин, Толчука и Тайруса.

Эррил сделал им знак уходить, но сам задержался:

– Елена?

Она встретила его взгляд:

– Я должна сделать это одна.

Она прошла к центру пещеры. Земля снова затряслась, и вибрация передалась ее ногам.

– Я люблю тебя, – прошептал он.

– И я тебя.

Было очень тяжело видеть его. Ее сердце разрывалось, а ей нужно было быть очень сильной. Он, видно, почувствовал это и сделал шаг назад, уходя вместе с Джоахом.

Сейчас она не видела в нем рыцаря, или стража, или вассала – просто мужчину, который любил ее и боялся за нее. Его глаза смотрели на Елену, желая спасти ее. Но он знал, что не может последовать этим путем вместе с ней.

Слезы набежали на глаза, и она отвернулась. Елена торопливо прошла к месту пересечения магических потоков и вступила в столб лунного света. Она сжала книгу крепче и задержала дыхание. Землю опять тряхнуло, и с потолка посыпалась каменная пыль.

– Я готова, – прошептала она.

Словно услышав ее, пол под ногами внезапно стал темнее. Потемнение началось в центре и распространилось дальше. Послышались испуганные вздохи.

Елена смотрела на пол между своими носками. Под ней открылся блестящий колодец тьмы, пронизанной прожилками кровавого. Она видела такое прежде через Призрачные Врата. Это был центр мира. Но кристаллическое сердце больше не сияло. Освещенный двумя яркими облаками света, которые вращались вокруг него, сам камень оставался темным, в нем не было ничего, что бы оживляло его.

Из глубин колодца до нее долетели слова: «Елена... время близится...»

Она подняла Дневник, призывая свою магию, зажигая ее ярко на руках. Она почувствовала, как соединяются огонь и лед.

Внизу танец светящихся облаков стал диким. Они крутились и вихрились, и смешение их света превратилось в облако, сияющее такой чистотой, которая говорила о внеземной жизни.

Елена почти не дышала. Слезы стекали по ее щекам.

Подобная красота не могла существовать. Она не принадлежала этой реальности.

Затем все уничтожила сверкающая вспышка, осветившая весь колодец. Плащ Елены и ее волосы взметнулись, когда что-то прошло через нее снизу.

«Сейчас!» – прозвенело одно-единственное слово.

Судорожно вдохнув, Елена высвободила всю свою магию в книгу, зажатую в ладонях. Ведьмин огонь и холодный огонь соединились с неистовством столь же ярким, как и то, что внизу. Магия разорвала переплет, древние чары, страницы. Но, связанная со своей магией, Елена поняла, что произошла ошибка.

Она с ужасом смотрела на свои руки. Из ее ладоней высыпался песок. «Песок...» Это был не Кровавый Дневник, а всего лишь иллюзия.

Она подняла глаза и повернулась:

– Джоах!

Ее брат неподалеку упал на колени. Их глаза встретились на долю секунды; затем волна магии ударила ее, отбрасывая прочь.

Эррил кинулся на крик Елены. Но перед ним разверзлась бездна ослепительного света, охватившего всю пещеру. Со светом пришла сила. Его подняло в воздух и швырнуло о стену, пришпилив к ней. В этот миг пересечение магических потоков перед ним снова стало серебряным, ослепляюще ярким. Затем обрушилось огромное давление. Оно угрожало вырвать душу из тела. Он чувствовал, как все его тело растягивается и напрягается.

Такую силу ничто не могло вместить, даже эта огромная пещера.

Он почувствовал, как что-то сдается – не в нем самом, а в мире.

Давление нарастало, и он соскользнул вниз по стене, съежившись на каменном полу, как и остальные. Лица повсюду были масками страха.

Толчук первый поднялся на ноги. Он изумленно посмотрел вверх. Остальные проследили за его взглядом. Потолка пещеры больше не существовало: он не обрушился, просто пропал, исчез. Высоко вверху сияло ночное звездное небо. Серебряный лик полной луны наполовину скрылся.

В потрясенной тишине заговорил Мерик. Его слова звучали приглушенно, словно сквозь толщу воды:

– Где Елена?

Эррил не ответил. Пол снова стал черным. Елена исчезла, растворилась точно так же, как и потолок над головой. Он набросился на Джоаха:

– Что ты сделал?

Он хотел, чтобы его слова прозвучали жестко, но получился вопль ярости:

– Что ты сделал?!

На Джоаха обрушился гнев стендайца. У брата Елены не было выбора – он не мог заставить свои ноги двигаться. Склонив голову, он встал на колени там, где упал. Джоах едва видел остальных. Перед его мысленным взором стояло лицо Елены, когда она повернулась к нему. Затем... затем она исчезла. Он увидел, как взрыв магии, вырвавшись снизу, поглотил ее, поглотил за один удар сердца.

Он закрыл лицо руками. Он убил ее. Его горе было слишком сильно, чтобы плакать.

– Что ты сделал? – Эррил схватил его за плечи и поставил на ноги. Джоах был отброшен к стене снова, но на этот раз не магическими силами, а простой яростью.

Джоах порылся в складках своего плаща и вытащил Кровавый Дневник:

– Я не мог... – слова умерли на его языке.

Эррил схватил книгу. Джоах свалился на землю.

– Ради этого? – закричал Эррил. – Ты пожертвовал своей сестрой ради этого?

Джоах не поднимал головы. Слишком тяжело. Сердце было булыжником в его груди, мешало ему дышать, камнем притягивая его к земле.

– Посмотри на это! – Эррил рывком открыл переплет и помахал книгой перед лицом Джоаха. – Ты убил ее безо всякой причины!

Джоах сначала не понял. Затем он увидел страницы внутри. Их покрывали чернильные строки, написанные корявым почерком. Пустота ушла.

– Это дневник моего брата, он вернулся, – эти последние слова прозвучали как всхлип. Эррил упал на колени рядом с Джо-

ахом. Ярость погасла в нем, осталось только горе. Он отбросил книгу прочь: – Магия ушла. Что бы ты ни искал, оно ушло.

Оба они знали, что это означает. Елена в самом деле погибла.

Эррил смотрел на него влажными от слез глазами:

– Почему?

Джоах покачал головой. У него не было ответа на вопрос стендайца. Он не мог объяснить это и самому себе. Что-то темное притаилось в его сердце. Это началось как любовь, но горе, и боль, и могущество, и гордость омрачили ее, очернили. В результате он предал тех, кто по-настоящему любил его, в то время как он гонялся за призраками.

Он смотрел на Эррила, но больше не видел его. Он видел Елену. За страданием и отчаянием в ее глазах в тот последний момент он увидел что-то, от чего ему стало еще больнее: понимание и любовь.

Джоах закрыл глаза... и свое сердце.

Его сестры больше нет.

Каскады света вздымались, словно штормовое море, пробегая волнами через бескрайнее ничто... Звезды кружились в танце, отрицая время и отрицаемые временем...

Она поднялась среди хаоса и гармонии. Она была слишком огромна, слишком бесконечна. Никто не мог видеть ее.

... искорки молний проносились в яростных облаках вокруг крошечного сердца... Изначальные силы играли внутри ядра, размытые там, где кончается энергия и начинается материя... Одна мельчайшая частица связана с другой, и еще с одной, и все вместе они образуют кусочек гранита...

Она плыла посреди простоты и сложности. Она была пылинкой в материи жизни. Никто не знал, что она там, даже она сама.

Когда она протянулась между безбрежным и незначительным, остался маленький уголок сознания.

«Я есть», – подумала она.

Сила плыла сквозь нее, расширяя ее дальше вовне и еще больше вовнутрь. Могла ли она остановить свое течение? Не-

ужели не было конца существованию? Когда она уменьшалась, форма обращалась в энергию. Когда она увеличивалась, энергия обретала форму. Она дала имя этому бескрайнему ничто: «Пустота». Она наполнила эту Пустоту, насытила ее энергией, что серебрилась и сверкала сквозь нее.

Из ничего она родилась и теперь возвращалась.

Все вокруг было лишь Материей.

Пока она думала над этим, до нее донесся голос: «Елена!»

Она назвала по имени этого другого, зная его так же, как она знала саму себя. «Чо!»

Вихрь лунного света ответил ей: «Время рядом, Елена. Я близка к концу, я уже кончилась. Ты должна выбрать мир или себя».

Личностное начало заполнило уголки ее сознания. И с пим пришла память.

«Я не должна, – ответила она. – Я не должна выбирать».

Другой постепенно исчезал. «Тогда выбор будет сделан без тебя. Ты продолжишь расширяться через Пустоту, становясь гармонией, имя которой ничто. Ты должна выбрать».

Елена почувствовала страх, промелькнувший в этих словах. Древнее предупреждение звучало в ее ушах. И предостерегающий ответ:

Загляни в свое сердце.
Посмотри на друзей, которых ты любишь.
Найди свой собственный путь из тьмы –
Путь, который не увидит никто, кроме тебя.

Эти мысли эхом прошли сквозь нее, и ее желание стало реальностью. Елена стояла в пещере, но под открытым небом. Остальные собрались поблизости. Никто не видел ее. Ее окутывали неистовые вспышки призрачного огня, пылающие вокруг ее тела. Она парила над черным полом.

Она смотрела, как двое мужчин дерутся, затем оба упали на колени.

«Загляни в свое сердце».

Елена назвала по имени этих мужчин, поскольку оба они были в ее сердце: «Джоах... и Эррил».

«Посмотри на друзей, которых ты любишь».

Она повернулась к остальным. Она знала и их тоже. Она знала их на всех уровнях существования, от чистой материи до ничто. Но между этими двумя состояниями они существовали как серебристая энергия – то была их жизненная сила. Некоторые сверкали ярче – в их энергии было больше от стихий. Другие сверкали меньше. Однако каждый из них и все вместе они сияли удивительной красотой.

Но один из них привлек ее внимание больше других.

«Эррил».

Он заполнил ее сердце. Он спас ее однажды, вернув своим прикосновением и любовью. Но сейчас сила была слишком велика. Он не мог спасти ее на этот раз.

«Найди свой собственный путь из тьмы».

Здесь она в самом деле должна была остаться одна. Она посмотрела на всех снова, застыв в месте без времени. Она видела узоры жизненной силы, вьющиеся между ними и уходящие в стороны. Она потянулась к нити своей собственной энергии и коснулась этой вибрирующей нити.

Затем она оказалась не здесь и повсюду одновременно. То, что было сознанием, распространилось во всех направлениях серебристой паутиной энергии. Прежде, будучи еще в своем теле, она была слишком слаба и ограничена. Она едва касалась безграничности, что лежала за пределами ее тела. Но этому пришел конец. Как и в Пустоте, она расширилась от этой одной нити в паутину, которая составляла жизнь. Она расширилась, став мириадами образом и форм, их чувствами и своеобразием. Голоса наполнили ее разум. Жизни встречали своей конец и рождались снова, и новые бутоны жизненной силы вырастали на паутине, поднимаясь над ней. Она мчалась по всей этой сложной структуре, восхищаясь ее простотой. Она смотрела вниз, на ее сияющую безграничность, и вверх – глазами муравья.

Она знала, что она ищет, – нечто противоположное Пустоте, но то же самое. Безграничность не использована. Она теперь знала ответ. Она знала путь.

Она выплыла из паутины, из пространства, из мира. Но все равно она оставила нить своей собственной энергии, сияющую нить призрачного огня, которая вела назад к живой паутине.

С места неподалеку от луны Елена воспарила. Энергия продолжала струиться в нее. Не было способа спастись от нее – только освободить ее. Елена была источником неисчерпаемой магии. Выбор был таким: удержать ее в себе и перейти в безграничность Пустоты или послать ее вниз, в пустое сердце мира, отдав энергию в то, что было Материей, и дать начало новому миру.

Но она видела и третий вариант. «Путь, который увидишь только ты».

Она вобрала в себя всю энергию от взрыва двух соединившихся духов, связав ее в небесах над миром, пока еще оставалась связь с живой паутиной внизу. Затем она потратила неизвестное количество времени на то, чтобы связать вместе Пустоту и Материю, уравновесив накатывающие, словно волны, силы, составить пары течений и водоворотов.

Она действовала инстинктивно. Но какая-то часть ее понимала, что она делает.

Энергия, связанная здесь, будет равномерно изливать свою магию на паутину. Как только медленное умирание Земли подойдет к концу, не будет стихий среди людей. Не будет магов, ведьм и Темных Лордов. Вместо нескольких, во всем превосходящих большинство, всем и каждому живому существу будет дана своя собственная магия, свой уникальный талант. Возможно, каждый дар не будет таким сильным, как прежде, он распределится по всей жизни и постепенно будет сходить на нет, но, может быть, как и мечтал Личук, пришло время покончить с властью магии над их миром и судьбами. Может быть, пришло время им всем создать собственный путь.

Елена закончила свою работу, затем спустилась вниз по серебристой нити. Она растратила все свои силы и падала, опустошенная. Без яростной магии внутри ее индивидуальность стала резче. Она смотрела на источник магии над ней, озаряющий небеса, посылающий непрерывный поток магии на па-

утину жизни внизу. Она была восхищена своей работой, но ее знание об этом создании уже уходило. Ее сознание сейчас было слишком мало, чтобы вместить в себя безграничное знание, необходимое для создания этой новой звезды.

Она падала назад в мир, назад в паутину, назад в лишенную потолка пещеру. Она продолжала смотреть на мерцающую звезду. Пока она сияет, пока источник энергии существует, магия земли будет уравновешена во всем и сделает всех равными. Хотя их таланты и будут менее значительными – такими, как дар ваять скульптуры из глины, или талант пекаря, или способность понимать души других, – каждой жизни будет дан ее собственный уникальный дар, который можно либо разглядеть и развить, либо просто не заметить.

Начиная с этой ночи, все будут равны.

Елена смотрела в пещеру. Будет только одно исключение. Как только она коснулась пола, магия, которую она приготовила, вспыхнула. Не зная больше сознательно, как это сделать, она отделила себя от потока энергии. Она вышла из ничто и вернулась в мир, больше не богиня, даже не ведьма – просто женщина.

Ощущение мира ошеломило ее: тепло ее кожи, запах серы и дождя, изумленные голоса, вихрь цвета и света. Мир был слишком ярким. Она задохнулась и едва не потеряла сознание, изумленная силой ощущений.

И он был там, обнимал ее, наполняя собой все ее чувства.

– Эррил... – прошептала она. Она смотрела на него: серые, как грозовые облака, глаза, черты его лица, слеза, стекающая по покрытой щетиной щеке. Он заполнил ее собою.

– Елена! – он всхлипнул, прижав ее крепко к себе.

Она закрыла глаза и утонула в нем. Она обняла его, укрывая своими руками. Она была словно раковина, полная колышущейся и волнующейся воды. Ей нужно было время, чтобы ее дух успокоился и занял свое место в теле.

Эррил обнимал ее.

Почувствовав, что готова встретиться с новым миром, она отстранилась и открыла глаза. Остальные собрались вокруг: Толчук и Арлекин, Мерик и Нилан, Каст и Сайвин, Тайрус и Веннар, даже Фердайл в своем волчьем обличье.

Мир по-прежнему был слишком ярок. Первые лучи солнечного света озарили пещеру.

– Звезда?.. – спросил Мерик, опускаясь на одно колено. – Это ты сделала?

Елена кивнула. «Так это не было сном». Она смотрела в небеса, но наступил рассвет, и звезды погасли. Однако она чувствовала сияние звезды за горизонтом. Она знала, что звезда будет сиять ночью снова. Новая звезда.

– Звезда Ведьмы, – проговорил Мерик. Это имя словно эхо повторили остальные – некоторые с изумлением, некоторые с благоговейным страхом.

– Что это значит? – спросила Нилан.

Елена вздохнула, еще не готовая говорить об этом. Кроме того, у нее оставался последний долг. Она поцеловала Эррила – легкое касание, обещающее продолжение длиною в жизнь, – и поднялась. Она подошла к одинокой фигуре в тени у стены. Елена стояла в солнечном свете, а Джоах прятался во тьме. Он не мог заставить себя посмотреть на нее.

– Джоах, – прошептала она. – Все в порядке.

В глубине сердца она прикоснулась к магии, которая все еще была заперта там. Звезда Ведьмы в конце концов уравновесит и выровняет магию в мире и сделает всех равными. Но будет одно исключение. Елена открыла свое сердце и передала этот дар своему брату. Она чувствовала, что он нужен ему – возможно, не для того, чтобы использовать его так, как он намеревался изначально, но тем не менее необходимость была.

Она передала ему дар бессмертия. Его тело вздрогнуло от прикосновения. Он поднял лицо, одновременно с удивлением и ужасом. Она привязала эту магию к его серебристой жизненной силе. И, когда связь была создана, две их энергии смешались, распространяясь по паутине дальше. На какой-то ослепительный миг они были связаны со всеми в пещере. История каждого, его мысли, чувства хлынули в них.

Джоах задохнулся, попятившись, закрывая лицо.

Затем все было кончено. Дар был передан.

Джоах опустил руки и посмотрел на нее из своего темного угла.

– Ч-что ты сделала?

«То, что было нужно...» – подумала она, затем тихо прошептала:

– Проклятье или благословение, делай с ним что хочешь. Но когда череда лет станет слишком тяжкой, расскажи мою историю – расскажи мою историю правдиво – и ты встретишь свой конец.

Он смотрел на нее с ужасом и недоверием. Болезненный смех слетел с его губ. Он отвернулся.

Елена смотрела на него. Как же ей хотелось дотронуться до него! Но вместо этого она сделала более трудную вещь: она шагнула назад. Только что ее заставили искать собственный путь из тьмы, путь, который никто, кроме нее не мог увидеть. Теперь пришел черед Джоаха. Никто не сможет пройти по его пути, кроме него.

Она повернулась и оказалась лицом к лицу с новым миром. Она подняла свои бледные руки к солнечному свету. Они остались чистыми и белыми, руками женщины.

Эррил пристально смотрел на нее. Елена улыбнулась ему.

Здесь было достаточно магии для каждого.

Итак, история заканчивается...

С этого момента все изменилось. Мы все покинули вершины Зимнего Эйри и вошли в новый мир, выкованный рубиновым кулаком. Но что стало со всеми нами? Я не знаю точно. Я могу рассказать только свою собственную историю.

Стыд гнал меня на запад, мимо гор, мимо Западных Пределов, за границы земель, где садится солнце. На этом пути я узнал, что последний дар Елены – ее бессмертие – и вправду стал моим. Я не старел. Я прожил бессчетные жизни, но только первая имеет значение для меня. И, хотя у меня было достаточно жизненной энергии, чтобы воскресить Кеслу, я обнаружил, что больше не хочу этого. Я даже не пытался. Я не стоил ее любви. Лучше ей быть там, где она спит сейчас, где бы это ни было – в песках ее родной пустыни или в нежных руках Матери.

Однако по прошествии времени даже этого выбора не осталось у меня. Мои способности к магии сна истаивали, как и вся

сильная магия в этом мире. За это время сменилось несколько поколений, и постепенно мир стал более простым и, возможно, более скучным местом. Под светом Звезды Ведьмы огры отступили в горы, мираи – в свои моря, а эльфийские кланы рассеялись по миру, и никто не знал, где они.

Возможно, однажды, когда Звезда Ведьмы погаснет, магия вернется, хлынув в горы и долины, но сейчас – эпоха человечества во всем ее блеске и нищете. Я видел золотой век и темные времена, что проходили мимо меня, и я по-прежнему странствую по дорогам, ища ответы, которые всегда были внутри меня.

Сейчас, вспоминая слова, которые я написал в начале этой долгой истории, я вижу гнев в моем сердце. Елена не проклинала меня, только дала мне возможность идти по тому темному пути, на который я сам ступил. Это слишком долгий путь, чтобы пройти его за одну жизнь. Нужны многие жизни, чтобы выжить, несмотря на чувство вины, горечь и даже безумие.

Я и выжил, в конце концов придя на острова Келла, что у западного побережья. Это было настолько близко к Аласии, насколько я мог позволить себе. Мне не хватило смелости ступить на ее земли снова, но и далеко от нее я не мог быть. Поэтому я прожил эти последние века на Келле, среди островов, безымянным: так никто не мог заметить, что я не старею.

Я смотрю сейчас на мои морщинистые руки, передвигающие перо, – слабое царапанье по пергаменту, на седые волосы, которые падают, словно снег поздней зимы, на высыхающие чернила. Последнее обещание Елены, данное мне, выполнено. В тот миг единения с ней, когда я прикоснулся к серебряной паутине, истории всех остальных хлынули в меня. Я убрал их в сундуки и шкафы. Я не хотел вспоминать их.

Только спустя все эти века я осмелился открыть тайники в своем сердце и встретиться с этими воспоминаниями, со всеми этими жизнями. Я понимаю теперь, почему Елена поставила такую задачу передо мной: написав все эти страницы, изложив эти истории, я нашел самого себя. Я увидел свой путь не только через горечь моего сердца, но и глазами многих других. И сейчас, заканчивая эту историю, я наконец могу сделать то, что ускользало от меня в течение стольких столетий.

Я могу простить себя.

Узнав все эти истории, я наконец понял, что был не лучше и не хуже, чем мои спутники. У всех у нас были тайны, мгновения позора и чести, трусости и храбрости – даже у Елены.

И это знание разрушило чары бессмертия. Елена привязала магию к чувству вины в моей душе. И, как только я освободился от него, чары спали.

Наконец-то я могу уйти к Матери, как и все хорошие люди.

Даже сейчас я ощущаю присутствие рядом. Не Матери, но кого-то более близкого. Хотя и нет здесь вихря призраков или танца лунного камня, я знаю того, кто стоит рядом со мной. Я почти ощущаю ее дыхание на своей щеке.

– Елена, – шепчу я в пустую комнату.

И хотя в ответ я не слышу ни слова, я все равно ощущаю ее признательность, теплоту в моем сердце. В начале этой истории я рассказал, как описал ведьму бесчисленным количеством способов: как шута, как пророка, как деревенщину, как спасительницу, как героя и как злодея. Но за все эти столетия я ни разу не описал ее так, как мое сердце знало ее лучше всего, – как мою сестру.

– Что стало с тобой и с Эррилом? – спрашиваю я... потому что никогда не спрашивал прежде. – Жили ли вы долго и счастливо?

И сквозь века до меня доносится едва различимый шепот, грустный и веселый одновременно: «Мы жили... Это все, что можно сказать».

Я больше не могу вынести это. Я плачу. Слезы падают на пергамент. Мое сердце разбивается и становится чем-то новым – незапятнанным и полным любви.

И хотя ни одна тень не двигается, я чувствую, как ко мне протягивается рука. Я не могу ждать дольше. Это конец всего – моей жизни, моей истории, моего пребывания в мире и прежней Аласии.

Так позвольте мне отложить перо. Есть рука, которую я должен взять.

ПОСЛЕДНИЙ ВОПРОС ОБУЧЕНИЯ:

Почему Келвийские Свитки запрещены?

– Письменно ответьте на этот вопрос ниже и поставьте отпечаток пальца.

– Не вскрывайте печать на последующих страницах, пока не предъявите ответ назначенному вам надзирателю.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Джир'роб Сордун, доктор наук, магистр, руководитель университетских исследований

Приветствую вас, новые ученики Державы!

С превеликим удовольствием я поздравляю тех, кто читает сейчас эти строки. Вы прошли последнее испытание, и вам будет вручена малиновая лента выпускника. Как вы хорошо понимаете, не все ваши друзья из числа учащихся присутствуют среди вас. Многие прошли долгий путь только для того, чтобы оступиться в самом конце. Они не смогли правильно ответить на последний вопрос.

Почему же тексты были запрещены?

Конечно, судя по лентам, которые вы носите, вы знаете правду из своих собственных ответов, но не менее важно знать, что написали остальные. Это последний урок, который еще предстоит выучить на примере тех, кто был послан на виселицы Золотого Древа.

Посмотрите, самое распространенное заблуждение среди ваших не выдержавших испытание собратьев – то, что они слишком доверились автору Свитков, который являлся братом Елены Моринсталь. Они отвечали на последний вопрос, полагая, что слова, написанные им в конце, правдивы, что магия вернется в мир, когда погаснет Звезда Ведьмы. Это просто абсурд, верный признак неспособного к обучению разума. Они позволили себя одурачить и попали под влияние коварной отравы, которую автор вложит в свои тексты.

Нет, конечно же, ответ не таков. Истинная опасность текста заключается в описании последнего мнимого деяния Елены:

якобы она собрала всю магию и распределила ее в виде особых даров по всем землям и всем народам. Как она говорит, «делая всех равными».

В этом заключается последнее и притягательное вероломство автора.

Понятно, что жестоко вкладывать подобные иллюзии в душу простолюдина, работающего на полях или копающего землю, заставлять его думать, что он равен олигархии Державы. А что уж говорить о рабах с земель Ивэна? Можете вы представить, что они будут полагать себя равными своим хозяевам? Подобные мысли должны быть перемолоты, раздавлены каблуком образованности. Подобные семена зла приведут к волнениям, конфликтам и беспорядкам.

Этого не должно случиться. Держава – это путеводная звезда для всех народов на всех землях. Любой ценой необходимо сохранять нашу кастовую систему и иерархию нашей знати. Ничто не должно нарушать красоту и гармонию нашей Олигархии.

Закон и порядок должны процветать.

Поэтому вам, новым стражам Державы, изучившим древнюю историю и закон, отведена особенно важная роль в грядущие десятилетия. Празднуйте этим вечером; затем сложите и уберите свои ленты. Многое предстоит сделать. Вы рождены во время более темное, чем мое собственное. Вы несете более тяжкое бремя ответственности за процветание Державы.

Есть причина, по которой ваши друзья из числа учеников повешены за свои ложные и необдуманные ответы. Дело в той крупице знания, которую наши ученые, изучающие эфирологию, получили при помощи множества своих линз и наблюдательных приборов, – открытие, которое держалось в тайне в течение двух поколений. Я напишу о нем здесь, и это станет окончанием вашего обучения и последним предупреждением. Глубоко обдумайте его, и вы поймете важность полученного вами образования и проявите усердие в грядущие мрачные дни.

Вот то, что вы должны знать и хранить в тайне: даже когда вы читаете эти слова... Звезда Ведьмы тускнеет.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ БУКВА

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. (495) 727-16-15
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр-т, д. 132, т. (495) 172-18-97
- м. «Медведково», ТЦ «XL Мытищи», Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, т. (495) 641-22-89
- м. «Новослободская», д. 26, т. (495) 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (495) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, т. (495) 268-14-55
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, корп. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, т. (495) 229-97-40
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Коломенская», ТЦ, пр-т Андропова, вл. 25, т. (499) 612-60-31
- м. «Китай-город», ул. Маросейка, д. 4/2, стр. 1, т. (495) 624-37-33 (30-34)
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О. г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ буква

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, пр. Хмельницкого, д. 132а, т. (4722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ТРЦ «Столица», ул. Автозаводская, д. 3а, т. (3412) 90-38-31
- Калининград, пл. Калинина, д. 17/21, т. (4012) 65-60-95
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, ул. Почтовая, д. 62, т. (4912) 28-99-39
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-1960
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Пенза, ул. Московская, д. 63, т. (8412) 55-12-75
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, т. (3412) 90-38-31
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 44, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Клеменс Джеймс

Звезда ведьмы

Фантастический роман

Редактор *Е. Шалимова*
Художественный редактор *О. Адаскина*
Компьютерная верстка: *Н. Круглов*
Корректор *М. Миронова*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

«Каждый новый роман этой увлекательной фэнтези-саги —
подарок даже для самого искушенного ценителя жанра».
Терри Брукс

«За приключениями героини этой книги следишь с замиранием сердца!»
Р. А. Сальваторе

«Фэнтези-сериал в лучших традициях Роберта Джордана,
одновременно классицистичный и оригинальный».
«Locus»

Таинственная Книга, созданная последними магами Света
в грозный час, когда королевство Аласия рушилось
под натиском Тьмы, нашла свою истинную хозяйку.
Повелительница Книги, юная Елена, и ее соратники
сумели не только нанести приверженцам Зла мощный удар,
но и отыскать и уничтожить загадочные Врата, которые наделяют
отворившего их огромной магической властью.
Однако Зло далеко еще не повержено.
Темный Лорд, затаившийся в своей грозной твердыне,
собирает силы, готовясь вновь обрушиться на защитников Света.
И, как утверждает странный шут, пробравшийся из
твердыни Тьмы к Елене, у повелителя Мрака
есть в запасе новое страшное оружие, справиться с которым
Повелительнице Книги будет очень и очень непросто...
Елена готова действовать.
Но может ли она доверять словам перебежчика?..

Ведьмин огонь
Буря ведьмы
Война ведьмы
Врата ведьмы
Звезда ведьмы

Век Дракона

2'000281'542785